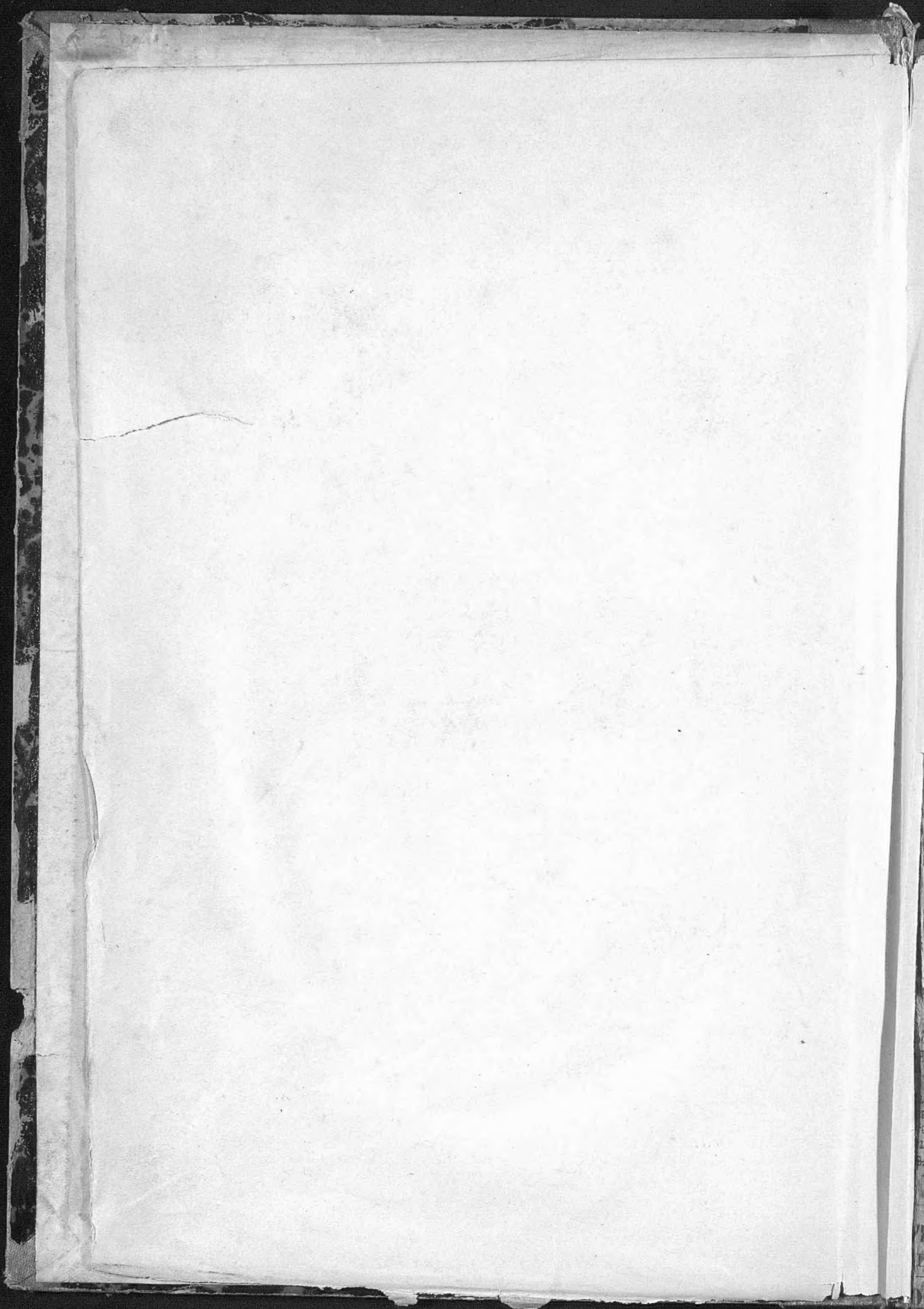


302

Исторія 45го драгунскаго Сѣверскаго Его Величества Короля Датскаго полка.

Составилъ того же полка подполковникъ Каргановъ.

1884.

ИСТОРІЯ

45-ГО ДРАГУНСКАГО СѢВЕРСКАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ ДАТСКАГО ПОЛКА.

СОСТАВИЛЪ
того-же полка подполковникъ А. С. Коргановъ.

Подъ редакціею артилеріи генералъ-маіора Чернявскаго.

ТИФЛИСЪ, 1884.
Типографія А. А. Михельсона. Голов. пр., д. № 12.

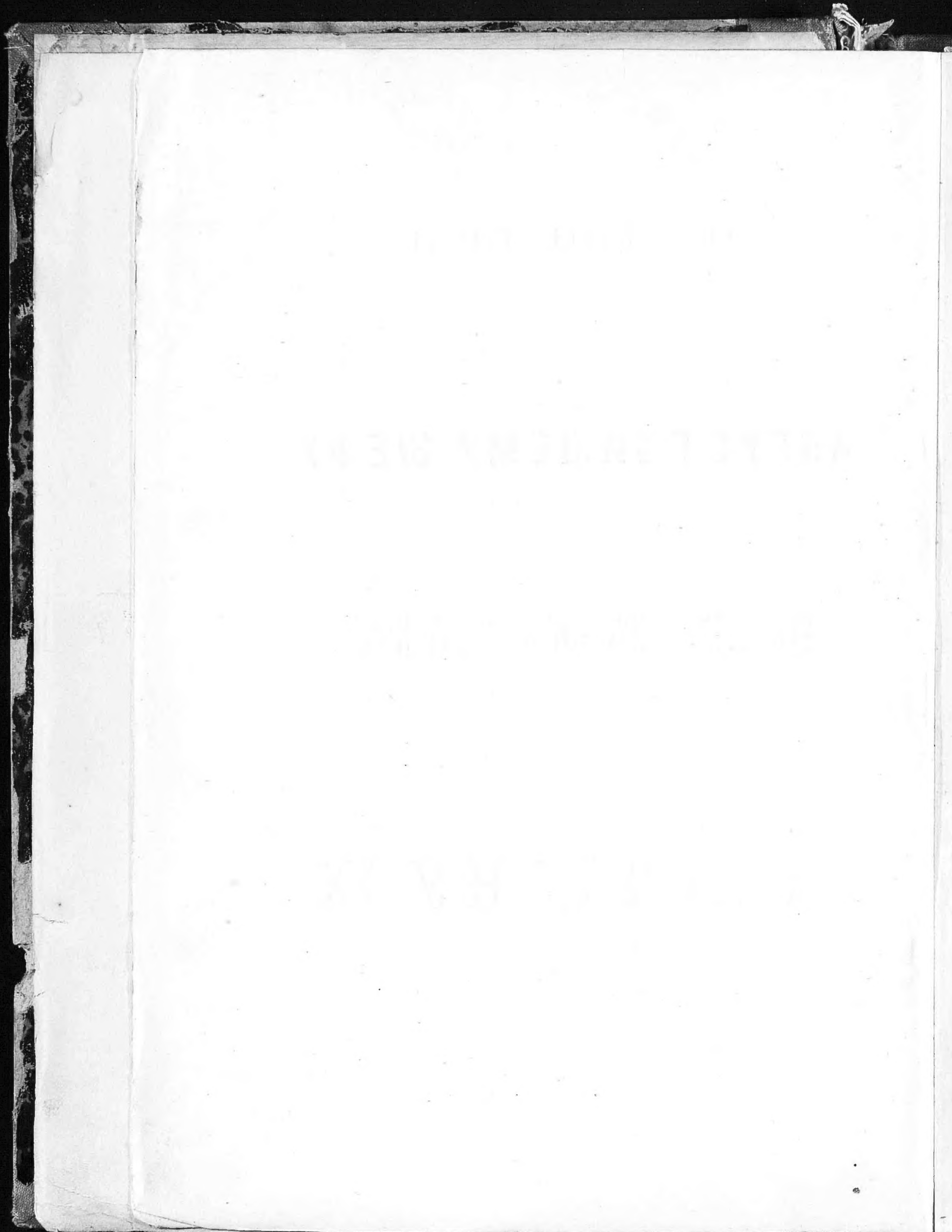
Напечатано по распоряженію Его Сіятельства Командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

АВГУСТѢЙШЕМУ ШЕФУ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ КОРОЛЮ ДАТСКОМУ

ХРИСТІАНУ IX.



КОРОЛЬ ДАТСКІЙ
ХРИСТІАНЪ IX.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Начало исторіи сѣверцевъ. Условія послужившія основаніемъ ихъ быта, дѣятельности и направленія. Выдающіяся событія въ жизни тѣхъ эскадроновъ нижегородскаго драгунскаго полка, которые вошли въ составъ Сѣверскаго полка.	1
II.	Высочайшее повелѣніе о сформированіи Сѣверскаго драгунскаго полка. Назначеніе командиромъ полка полковника Голембіовскаго. Назначеніе шефомъ полка Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича. Порядокъ и способъ формированія, указанные военнымъ министромъ. Порученіе генералъ-маіору гр. Нироду 2-му. Соображенія его о сформированіи полка. Высочайшее утвержденіе этихъ соображеній. Вопросъ о штабъ-квартирахъ. Фактическое существованіе полка съ 8-го августа 1856-го года. Число офицеровъ, нижнихъ чиновъ и лошадей, поступившихъ на сформированіе полка. Составленіе и нумерація эскадроновъ. Денежныя суммы и усиленіе ихъ. Дѣятельность графа Нирода по формированію полка. Выдѣленіе дивизіоновъ принца Виртембергскаго полка. День полковаго праздника. Старшинство полка. Наградные знаки. Удержаніе двухъ георгіевскихъ штандартовъ въ полку. Перемѣна нумера полка. Послѣдовательное выступленіе обоихъ полковъ въ Чиръ-Юртъ.	29
III.	Прибытіе Сѣверскаго полка въ укрѣпленіе Чиръ-Юртъ и размѣщеніе его. Отношенія общества офицеровъ Сѣверскаго полка къ нижегородцамъ и къ своему прежнему командиру генералъ-маіору князю Дондукову-Корсакову. Характеристика генералъ-маіора Голембіовскаго. Возвращеніе полку его прежняго названія. Взглядъ на положеніе нашихъ дѣлъ на Кавказѣ къ 1857-му году. Участіе 1-го и 2-го дивизіоновъ Сѣверскаго полка въ военныхъ дѣйствіяхъ при занятіи въ 1857-мъ году Салатавіи и знаменитая атака 1-го августа у новаго Буртуная. Перемѣна воззрѣній генералъ-маіора Голембіов-	

скаго. Причины, вызвавшія сѣверцевъ въ 1858-мъ году году на поля Чечни. Еще двѣ громкія атаки при рѣкѣ Ачхоѣ и аулѣ Измаилѣ. Служба сѣверцевъ въ 1859-мъ году въ чеченскомъ и дагестанскомъ отрядахъ. Подвигъ унтеръ-офицеровъ Михаила Чумачкова и Филиппа Бѣлокурова. Прибытіе къ Гунибу. Взятіе его и сопровожденіе плѣннаго Шамиля 44

IV. Положеніе дѣлъ на западномъ Кавказѣ съ 1857—1860-й годъ. Программа нашихъ дѣйствій. Назначеніе на правое крыло Сѣверскаго драгунскаго полка. Выступленіе, движеніе и прибытіе на мѣсто. Начало лѣтней экспедиціи 1860-го года и боевой дѣятельности сѣверцевъ на западномъ Кавказѣ. Столкновеніе съ непріятелемъ 28-го апрѣля. Волненіе среди натухайцевъ. Движеніе въ землю шапсуговъ. Смерть командира полка князя Багратіона. Атака сѣверцевъ 3-го іюля. Движеніе на р. Абинъ. Прибытіе новаго командира полка полковника Петрова и состояніе полка. Дѣло сѣверцевъ при атакѣ и взятіи 7-го августа аула Мерчанъ. Вступленіе генералъ-адъютанта графа Евдокимова въ командованіе войсками и планы его. Участіе сѣверцевъ въ дѣйствіяхъ войскъ съ января по 27-е апрѣля 1861-го года. Распоряженіе по кавалеріи. Движеніе въ землю шапсуговъ и военныя дѣйствія съ 6-го мая по 11-е сентября. Путешествіе Государя Императора. Наша дѣятельность до 1862-го года 82

V. Постоянное положеніе сѣверцевъ въ составѣ дѣйствующихъ войскъ Кубанской области. Боевая дѣятельность двухъ эскадроновъ въ шапсугскомъ отрядѣ съ 21-го февраля по 19-е марта 1862-го года. Перемѣна образа дѣйствій закубанскихъ горцевъ. Боевыя схватки сѣверцевъ съ непріятелемъ 8-го и 23-го іюня, 4-го и 19-го іюля. Попытка горцевъ къ нападенію 31-го іюля. Атака сѣверцевъ 20-го августа на ур. Карапашъ. Извѣстіе о переформированіи въ четырехъ-эскадронный составъ. Гибель Георгіевскаго поста. Нападеніе 3-го октября на Нижне-Баканскую станицу и жестокое пораженіе непріятеля преимущественно сѣверцами. Переформированіе въ четырехъ-эскадронный составъ. Дальнѣйшее участіе сѣверцевъ въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ адагумскаго отряда до конца 1862-го года. Поиски. Назначеніе и. д. намѣстника и командующимъ арміею Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Михаила Николаевича. 119

VI. Результаты нашихъ военныхъ предпріятій во второй половинѣ 1862-го года. Наступательное движеніе по рѣкамъ Илю и Убину. Вступленіе въ командованіе арміею Государя Великаго Князя Михаила Николаевича и при-

бытіе Его Императорскаго Высочества въ Кубанскую область. Перестрѣлки 26-го и 27-го февраля и жаркая схватка съ горцами сѣверскихъ драгунъ 28-го февраля (псекупское дѣло). Новый георгіевскій штандартъ. Перемѣщеніе штабъ-квартиры Сѣверскаго полка въ станицу Хабльскую. Новая программа дѣйствій адагумскаго отряда. Поискъ полковника Петрова въ верховья Азипса. Нападеніе 20-го мая на команду драгунъ. Взятіе въ плѣнъ прапорщика барона Фитингофа-Шель. Молодецкая схватка съ горцами 22-го мая полуэскадрона сѣверцевъ, подъ командою поручика Гоппе 1-го. Постройка Сѣверскаго поста. Предварительное распоряженіе о переформированіи Сѣверскаго полка. Новый періодъ дѣйствій адагумскаго отряда. Участіе сѣверцевъ въ войнѣ за Кубанью съ 27-го августа 1863-го года распадается подивизіонно на два отряда—адагумскій и джубгскій. Дѣятельность каждаго изъ этихъ отрядовъ. Выбытіе сѣверцевъ изъ дѣйствующихъ отрядовъ. Переформированіе полка въ шести-эскадронный составъ. Выступленіе изъ Кубанской области и прибытіе въ г. Пятигорскъ. Общій взглядъ на результаты нашихъ дѣйствій въ Кубанской области и оцѣнка ихъ нынѣ въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ, Великимъ Княземъ главнокомандующимъ и ближайшимъ виновникомъ славы нашихъ войскъ, генералъ-адъютантомъ графомъ Евдокимовымъ 146

VII. Мирная дѣятельность Сѣверскаго полка съ 1864-го по 1876-й годъ включительно. Перемѣна нумера полка и расположеніе вблизи Пятигорска. Секта „Зикръ“ и ея послѣдователи. Абрекъ Вара и смерть его. Лагерь 2-го дивизіона на драгунской полянѣ. Прибытіе во Владикавказъ. Смотръ командующаго войсками. Лагерная стоянка близъ Моздока. Пожаръ въ лагерѣ. Переформированіе полка. Назначеніе командующимъ дивизіею генералъ-маіора графа де-Тулузъ-Лотрекъ. Кончина Августѣйшаго шефа. Телеграмма главнокомандующаго. Лагерь на р. Терекѣ въ 1865-мъ году. Прибытіе на Кавказъ командующаго дивизіею. Назначеніе шефомъ полка Его Величества Короля Датскаго Христіана IX. Депутація къ шефу. Рескриптъ Его Величества. Высочайшее пожалованіе полку еще одной награды. Назначеніе командиромъ полка полковника Лорисъ-Меликова. Смотры командующаго дивизіею и главнокомандующаго. Новая штабъ-квартира въ г. Моздокѣ. Упраздненіе инвалидной роты. Два новыхъ распоряженія. Извѣстіе о перемѣнѣ штабъ-квартиры. Новый георгіевскій штандартъ, прибивка его и освященіе. Выступленіе на Царскіе-Колодцы и двухлѣтнее пребываніе. Посѣщенія сѣверцевъ

Его Императорскимъ Высочествомъ главнокомандующимъ арміею. Общій лагерный сборъ подъ Тифлисомъ. Штабъ-квартира въ укр. Нальчикѣ. Смотръ Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора кавалеріи и результаты его. Лагерные сборы въ 1870-мъ году. Смотръ главнокомандующаго подъ Владикавказомъ. Прибытіе въ новую штабъ-квартиру—г. Пятигорскъ. Встрѣча нижегородцевъ. Совмѣстная жизнь двухъ полковъ. Общій лагерный сборъ въ 1871-мъ году подъ Владикавказомъ. Смотръ Государя Императора и неожиданная милость Его Величества. Зачисленіе въ полкъ Великаго Князя главнокомандующаго. Возвращеніе полка въ Пятигорскъ. Приказъ генералъ-инспектора кавалеріи 12-го февраля 1872-го года № 2. Поднесеніе депутаціею отъ полка альбома Его Императорскому Величеству. Производство полковника Лорисъ-Меликова въ генералъ-маіоры. Назначеніе командиромъ Сѣверскаго полка полковника Батіевскаго. Пріемъ полка. Періодъ командованія полковника Батіевскаго. Нормальный приказъ о распредѣленіи лагерныхъ занятій и программа отчета о нихъ. Смотръ Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Выступленіе въ Александрополь. Смотръ въ Тифлисѣ главнокомандующаго. Прибытіе въ Александрополь и встрѣча тверскимъ драгунскимъ полкомъ. Смотръ командующаго дѣйствующимъ корпусомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова. . . 175

VIII. Расположеніе на зимнихъ квартирахъ въ окрестностяхъ Александрополя. Высочайшее повелѣніе о мобилизаціи. Образованіе сводныхъ кавалерійскихъ дивизій. Смотръ 4-го декабря. Занятія. Выступленіе на лорійскую долину. Устройство обоза. Движеніе въ Александрополь. Смотръ на баяндурскомъ полѣ и пребываніе въ лагерѣ. Распоряженіе о движеніи къ Александрополю. Составъ Сѣверскаго полка. Объявленіе войны. Приказъ по округу за № 79. Переходъ границы. Овладѣніе непріятельскими постами. Приказъ по корпусу объ отношеніяхъ нашихъ къ населенію. Фланговое движеніе къ Карсу. Первая стычка съ частью турецкихъ войскъ. Поиски кавалеріи, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Чавчавадзе, съ 16-го по 19-е апрѣля и первая тяжелая ночь. Кавалерійскій лагерь у Визинкея. Послѣдствія упомянутыхъ движеній. Обезпеченіе кавалеріи фуражемъ. Выступленіе особой колонны къ Ардагану и присоединеніе кавалеріи къ войскамъ заимскаго лагеря. Пожалованіе первыхъ знаковъ отличія военнаго ордена. Жизнь въ заимскомъ лагерѣ. Рекогносцировки 4-го и 8-го мая. Свѣдѣніе о взятіи Ардагана 212

IX. Положеніе дѣлъ противной стороны. Наша задача. Обходное движеніе вокругъ Карса. Бой кавалеріи у Ма-

гараджика 13-го мая. Кавалерійское дѣло у Бегли-Ахмета 18-го мая. Раздѣленіе войскъ, входившихъ въ составъ главныхъ силъ, на двѣ колонны—правую и лѣвую, и первый моментъ блокады Карса. Два лагеря правой колонны у Араважтана и у Когалы. Окончательная блокада крѣпости. Пріѣздъ главнокомандующаго. Тревоги. Преднамѣреніе о закладкѣ батарей и бомбардированіи Карса въ ночь съ 31-го мая на 1-е іюня и съ 2-го на 3-е іюня. Аравартанское дѣло 3-го іюня и знаменитая атака сѣверскихъ драгунъ. Уничтоженіе сел. Чифтликъ. Начало бомбардированія Карса. Движеніе на Соганлугъ колонны генерала Геймана. Зивинскій бой. Отступленіе отъ Зивина. Смотръ главнокомандующаго. Снятіе осады Карса. Отступленіе отъ Карса и прибытіе въ Енгикей. Выбытіе изъ Сѣверскаго полка полковника Воробьева и подполковника Шахаліева 232

X. Рекогносцировка 2-го іюля генералъ-маіора кн. Чавчавадзе къ развалинамъ г. Ани. Отступленіе нашихъ войскъ къ Паргету и Кюрюкъ-Дара. Занятіе турками позиціи на аладжинскихъ высотахъ. Занятіе нами 6-го іюля авангардной позиціи у Башъ-Кадыкляра. Аванпостное кавалерійское дѣло у Суботана. Рекогносцировка 14-го іюля. Усиленная рекогносцировка 16-го іюля. Стратегическій обзоръ аладжинской позиціи. Однообразіе нашей стоянки. Рекогносцировка 27-го іюля. Расположеніе и численный составъ турецкихъ и нашихъ войскъ къ 30-му іюля. Начало нашихъ наступательныхъ дѣйствій и сраженіе 6-го августа. Кизилъ-тапинская катастрофа 13-го августа. Прибытіе 16-го августа главнокомандующаго изъ Александрополя и вступленіе въ командованіе войсками. Занятіе нами и приведеніе въ оборонительное положеніе горы Караялъ. Перемѣщеніе Сѣверскаго полка 29-го августа изъ Кюрюкъ-Дара въ Байрахтаръ. Составъ и расположеніе нашихъ войскъ къ 30-му августа. Положеніе дѣлъ противной стороны. Рекогносцировка генералъ-маіора Лорисъ-Меликова 1-го сентября. Перевооруженіе сѣверцевъ ружьями Бердана. Прибытіе къ намъ подкрѣпленія изъ Россіи. Мухтаръ-паша пускается на выдумки. Полковой праздникъ сѣверцевъ. Совѣтъ турецкихъ пашей и телеграмма въ Стамбулъ. Переломъ совершился. Числительность нашихъ и непріятельскихъ силъ къ 20-му сентября. Бой 20-го сентября. Участіе сѣверцевъ въ дѣлѣ 21-го сентября. Расположеніе нашихъ войскъ къ 24-му сентября. Результаты трехдневнаго боя (20-го, 21-го, 22-го сентября). Отступленіе турокъ съ 26-го на 27-е сентября на верхніе отроги Аладжи. Занятіе нами Кизилъ-Тапы. Образованіе отрядовъ паргетскаго и порцухлинскаго.

Раздѣленіе всей кавалеріи дѣйствующаго корпуса на четыре сводныя дивизіи. Вступленіе сѣверцевъ въ составъ отряда генералъ-маіора Кузьминскаго. Примѣрное отступленіе 1-го дивизіона сѣверцевъ 30-го сентября. Ночь на 1-е октября. Состояніе турецкой арміи. Попытка къ овладѣнію нами высотою Инахъ-Тепеси. Движеніе 2-го октября Сѣверскаго полка къ г. Ани на поддержку отряда полковника Толстого. Силы обѣихъ сторонъ наканунѣ 3-го октября. Диспозиція на 3-е октября. Краткій обзоръ позиціи турокъ на ихъ правомъ флангѣ. Бой на нашемъ лѣвомъ крылѣ 3-го октября и дѣйствія Сѣверскаго полка. Прибытіе къ генералъ-лейтенанту кн. Чавчавадзе турецкихъ пашей Омера и Гасана и сдача непріятельскихъ войскъ. Любезная встрѣча военачальниковъ двухъ непріязненныхъ сторонъ. Капитуляція. Телеграмма къ Государю Императору объ общемъ ходѣ дѣлъ 2-го и 3-го октября. Наши трофеи и непріятельскія потери. Результаты погрома турецкой арміи на аладжинскихъ высотахъ. Приказъ Государя Великаго Князя главнокомандующаго. 269

XI. Затрудненія, при которыхъ мы не могли надлежащимъ образомъ воспользоваться результатами аладжинскаго погрома. Раздѣленіе нашихъ войскъ на три отряда и Сѣверскаго полка на два сборные дивизіона. Выступленіе отряда генералъ-лейтенанта Геймана, съ первымъ сборнымъ дивизіономъ сѣверцевъ, за Соганлугъ. Преслѣдованіе нашимъ кавалерійскимъ отрядомъ отступавшихъ войскъ Мухтаръ-паши. Дѣло у сел. Зивина. Взятіе крѣпости Гасанъ-Кала. Стоянка у сел. Куруджуха. Состояніе турецкой арміи и нашего отряда. Стремленія и соображенія генерала Геймана. Турецкая позиція у Деве-Бойну. Диспозиція нашихъ войскъ. Сраженіе при Деве-Бойну. Высочайшая телеграмма. Возвращеніе сборнаго дивизіона сѣверцевъ изъ за Соганлуга. Участіе втораго сборнаго дивизіона сѣверцевъ въ дѣйствіяхъ подъ Карсомъ. Переговоры. Тѣсная блокада крѣпости. Отбитіе третьимъ эскадрономъ турецкаго скота. Начало бомбардированія карсскихъ укрѣпленій. Штурмъ Карса съ 5-го на 6-е ноября. Бѣгство турецкаго гарнизона, преслѣдованіе его и взятіе въ плѣнъ, при непосредственномъ участіи сѣверцевъ. Образованіе отряда для дѣйствій за Соганлугомъ. Выступленіе его. Новая невзгода для сѣверцевъ. Прибытіе полка въ гор. Ольты. Блокада Эрзерума. Размѣщеніе сѣверцевъ по деревнямъ вокругъ города Ольты. Положеніе турокъ. Рекогносцировка 1-го эскадрона. Перемиріе. Занятіе Эрзерума нашими войсками. Прибытіе Сѣверскаго полка въ Эрзерумъ. Состояніе полка. Инспекторскій смотръ. Выступленіе въ ла-

геръ. Обратное движеніе за Арпачай. Штабъ-квартира въ Джелалъ-оглы 320

XII. Новая эпоха въ быту Сѣверскаго полка. Вступленіе въ командованіе полкомъ полковника Медвѣдовскаго. Встрѣча съ нижегородцами. Высочайшая награда. Телеграммы. Поѣздка депутаціи отъ полка въ Копенгагенъ. Освѣженіе полка. Преобразованія въ кавказской арміи. Смотръ корпуснаго командира. Награды шефа полка. Горестный случай въ полку. Кончина Государыни Императрицы. Лагерный сборъ подъ г. Ахалкалаки. Торжество навѣшиванія георгіевскихъ лентъ. Смотръ главнокомандующаго. Пріемъ приглашенія на чай отъ общества офицеровъ двухъ драгунскихъ полковъ. Отъѣздъ Великаго Князя. Выступленіе полка обратно въ штабъ-квартиру. Походъ на персидскую границу. Роковой ударъ 1-го марта 1881-го года. Присяга на подданство Государю Императору Александру III. Депутація отъ полка ко дню похоронъ въ Бозѣ почившаго Императора. Полученіе въ полку мундира въ Бозѣ почившаго Императора. Лагерный сборъ подъ городомъ Ахалкалаки. Конецъ двадцатипятилѣтія Сѣверскаго драгунскаго полка. Выступленіе изъ лагеря обратно въ Джелалъ-оглы. Походное движеніе въ новую штабъ-квартиру. Обѣдъ, данный генераломъ Батіевскимъ въ честь полка. Поднесеніе шашки генералу Батіевскому. Прибытіе въ Моздокъ. Назначеніе 1-го января 1882 г. командующимъ войсками кавказскаго военнаго округа князя Дондукова-Корсакова. Отчисленіе полковника Медвѣдовскаго отъ командованія полкомъ. Новая штабъ-квартира во Владикавказѣ. Перемѣна нумера полка. Предстоящее переформированіе въ 6-ти-эскадронный составъ. Встрѣча командующаго войсками князя Дондукова-Корсакова. Назначеніе и прибытіе новаго командира полка полковника Ситникова. Жизнь во Владикавказѣ. Преобразованія. Лагерь 1883-го года. День священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Посѣщеніе лагеря корпуснымъ командиромъ. Полковой праздникъ. Пріѣздъ и смотръ Государя Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Инспекторскій смотръ. Зима. Совершеннолѣтіе, 6-го мая 1884-го года, Государя Наслѣдника Цесаревича. Приводъ къ присягѣ молодыхъ солдатъ. Эскадронные праздники. Годовщина араватанской битвы 356

Приложенія.

	Стр.
Къ главѣ первой	1
Къ главѣ шестой	4
Къ главѣ седьмой	7
Къ главамъ восьмой, девятой, десятой и одиннадцатой	10
Къ главѣ двѣнадцатой	22
Особыя приложенія	23

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ
ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО
НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

I.

Начало исторіи сѣверцевъ. Условія послужившія основаніемъ ихъ быта, дѣятельности и направленія. Выдающіяся событія въ жизни тѣхъ эскадроновъ нижегородскаго драгунскаго полка, которые вошли въ составъ Сѣверскаго полка.

17-й драгунскій Сѣверскій, нынѣ 45-й Его Величества Короля Датскаго полкъ, кромѣ случайнаго названія, не имѣетъ ничего общаго съ бывшимъ Сѣверскимъ конно-егерскимъ полкомъ, расформированнымъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, при образованіи драгунскихъ дивизій по новому штату. Нынѣшній Сѣверскій полкъ почти всецѣло выдѣлился изъ состава нижегородскаго драгунскаго полка, заслуги и боевая слава котораго, пріобрѣтенныя на Кавказѣ въ теченіе пятидесяти слишкомъ лѣтъ, уже давно облетѣли всѣ углы нашего отечества. Будучи столь долгое время единственнымъ кавалерійскимъ регулярнымъ полкомъ на Кавказѣ, нижегородскій полкъ составлялъ семью тѣсную, дружную, замкнутую въ себѣ, связанную какъ-бы взаимною круговою порукою на жизнь и на смерть. Въ такомъ быту поневолѣ долженъ быть выработаться особый своеобразный духъ, самостоятельность и твердый характеръ всей части и отдѣльныхъ членовъ ея; постоянныя же боевыя столкновенія съ непріятелемъ, поддерживая непрерывно понятіе о долгѣ, довели направленіе полка до той высшей точки сознанія своего достоинства, при которой лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ каждаго живаго существа является честь и доброе имя. Естественно, что такой духъ и такое направленіе всецѣло были перенесены на почву существованія новаго полка. Поэтому, при описаніи дѣятельности сѣверцевъ, нельзя прежде всего хотя бы вскользь не кос-

нуться тѣхъ послѣднихъ событій, которыя имѣли вліяніе на состояніе нижегородскаго полка, тѣмъ болѣе, что лица, такъ много содѣйствовавшія славѣ его, были въ то же время образователями и устроителями новой колыбели, наставниками и руководителями быстро смѣняющаго ихъ поколѣнія. Начало этой послѣдней эпохи слѣдуетъ отнести къ 1846-му году, когда нижегородскій полкъ былъ переформированъ въ десяти-эскадронный составъ и укомплектованъ четырмя новыми эскадронами—7-мъ, 8-мъ, 9-мъ и 10-мъ изъ переформированнаго покойнымъ Императоромъ Николаемъ I, на смотру въ Чугуевѣ, драгунскаго корпуса. Новые и старые нижегородцы встрѣтились въ городѣ Екатериноградѣ (нынѣ станица на р. Малкѣ) на пути къ тому мѣсту, гдѣ имъ была назначена штабъ-квартира, и гдѣ они тогда положили основаніе Чиръ-Юрту. Насколько окрѣпъ въ то время уже духъ кавказскихъ нижегородцевъ видно изъ того, что товарищи-драгуны, прибывшіе изъ Россіи, при всемъ настойчивомъ стремленіи установить въ средѣ нижегородцевъ свое первенство, должны были уступить имъ, и, послѣ нѣкоторой семейной борьбы, слились съ ними въ одно тѣло. Такъ длилось десять лѣтъ, и въ эти годы окончательно округлилось въ средѣ нижегородцевъ ядро теперешняго Сѣверскаго полка. 1846-й годъ должно принять за начало описываемой эпохи еще и вслѣдствіе политическихъ и военныхъ въ то время событій на Кавказѣ: предшествовавшіе годы (1842-й, 1843-й, 1845-й) были для насъ весьма неудачны, и только съ 1846-го года произошелъ въ нашихъ военныхъ дѣлахъ на Кавказѣ поворотъ на другую, болѣе счастливую дорогу. Моментомъ этого поворота было такъ называемое кутешинское дѣло, въ которомъ драгунамъ выпала первенствующая, самая главная роль.

6-го октября 1846-го года командующій войсками въ сѣверномъ Дагестанѣ генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ получилъ свѣдѣніе о намѣреніи Шамиля вторгнуться въ даргинскій округъ. 9-го числа Шамиль успѣлъ занять и частью раззорить селенія Ходжалъ-Махи и Цудахаръ. Волненіе въ народѣ начало быстро распространяться. Тѣмъ временемъ, непріятельскій авангардъ сосредоточился у сел. Аймяки и къ 13-му октября усилился до трехъ тысячъ чело-

вѣкъ пѣшихъ и конныхъ. Князь Бебутовъ, имѣя въ составѣ своего отряда 1-й и 4-й дивизіоны нижегородцевъ (полковника Обухова и подполковника Докукина), въ которыхъ эскадронами командовали 1-мъ штабсъ-капитанъ Джемарджидзе, 2-мъ штабсъ-капитанъ Мачабели, 7-мъ капитанъ Золотухинъ и 8-мъ штабсъ-капитанъ Хомяковскій, оставилъ 4-й дивизіонъ въ с. Кулецмѣ, а съ 1-мъ, въ числѣ прочихъ войскъ, выступилъ того же числа противъ этого скопища, разбилъ и разсѣялъ его. Шамиль отступилъ и занялъ Кутеши, все продолжая усиливаться. Объ этомъ обстоятельствѣ сообщили князю Бебутову лазутчики, въ числѣ которыхъ была одна женщина изъ Ушцукуля. Не по днямъ, а по часамъ росли скопища Шамиля и, наконецъ, достигли двадцати тысячъ человѣкъ. Имѣя достаточныя причины не сомнѣваться въ сообщеніи лазутчиковъ, князь Бебутовъ поручилъ генералъ-маіору князю Кудашеву атаковать аулъ. Князь Кудашевъ двинулся на Кутеши форсированнымъ маршемъ и для выигрыша времени приказалъ обоимъ дивизіонамъ драгунъ слѣдовать впередъ—гдѣ возможно, на рысяхъ. Драгуны понеслись. При приближеніи къ Кутеши ихъ встрѣтила сильная непріятельская конная партія. Опрокинувъ ее, 2-й, 7-й и 8-й эскадроны, во главѣ съ начальникомъ кавалеріи полковникомъ княземъ Орбеліани 1-мъ, бросились прямо въ аулъ, а 1-й эскадронъ былъ направленъ вправо для занятія укрѣпленнаго кургана, защищаемаго толпою горцевъ, часть которыхъ, между прочимъ, была скрыта въ находившемся тамъ строеніи и за заваломъ. Штабсъ-капитанъ Джемарджидзе, подскакавъ къ кургану, смялъ и разогналъ защитниковъ его, а потомъ, спѣшивъ эскадронъ, штыками выбилъ непріятеля изъ завала и строенія. Вся эта молодецкая атака была произведена въ нѣсколько минутъ. Оставивъ затѣмъ очищенный курганъ на охраненіе пѣхоты, бѣгомъ слѣдовавшей за драгунами на протяженіи цѣлой версты, штабсъ-капитанъ Джемарджидзе поскакалъ на присоединеніе къ остальнымъ эскадронамъ, которые, погнавъ передъ собою горцевъ, на плечахъ ихъ ворвались въ аулъ съ лѣвой стороны, тотчасъ же спѣшились и ударили въ штыки. Мюриды, видѣвъ наступленіе кавалеріи и приготовившись встрѣтить ее огнемъ изъ имѣвшагося у нихъ орудія, были до того озадачены внезапнымъ

исчезновенiемъ ея и превращенiемъ въ пѣхоту, что нѣсколько мгновенiй не могли прiйти въ себя—не говоря о томъ, что вовсе забыли открыть орудiйный огонь. Спѣшиванiе драгунъ было новостью еще для нихъ. Пока драгуны на штыкахъ пробивались впередъ—подоспѣла штурмовая колонна и, въ свою очередь, ворвалась въ аулъ.

Такiя двѣ быстрыя и совокупныя атаки привели непрiятеля въ окончательное изумленiе, и онъ началъ собираться толпами внутри аула. Драгуны и пѣхота постепенно брали домъ за домомъ, кварталъ за кварталомъ, подъ сильнымъ огнемъ горцевъ изъ сакль, построенныхъ въ нѣсколько ярусовъ по отвѣсной скалѣ. Два часа продолжался такой бой. Вдругъ, въ тылу у насъ показались новыя огромныя массы непрiятеля, ожидавшаго насъ въ сс. Уллу-Айя и Кака-Махи. Это былъ Хаджи-Муратъ, атаковавшiй нашъ аррiергардъ. Минута была критическая. Аррiергардъ отбивался стойко, но держался пока оборонительнаго положенiя. Тотчасъ на подкрѣпленiе его были направлены 7-й и 8-й эскадроны драгунъ, 1-й баталiонъ апшеронскаго полка и два горныхъ орудiя. Усиливишись такимъ образомъ, аррiергардъ немедленно перешелъ въ наступленiе —и Хаджи-Муратъ бѣжалъ. Трофеемъ нашей побѣды было между прочимъ и непрiятельское орудiе. Кромѣ того, драгунамъ достались: часть имущества Шамиля, именная его печать и нѣкоторыя бумаги.

Въ донесенiи объ этомъ дѣлѣ главнокомандующему князь Бебутовъ выразился слѣдующимъ образомъ: „Драгуны начали и довершили блистательное пораженiе непрiятеля при Кутеши; преслѣдуя опрокинутыхъ штыками пѣхоты мюридовъ, они рубили шашками отставшихъ и покрыли трупами дорогу къ ходжалъ-махинскому ущелью“.

По поводу этого дѣла послѣдовалъ кромѣ того весьма замѣчательный и восторженный приказъ князя Бебутова по войскамъ дѣйствующаго дагестанскаго отряда *), въ которомъ между прочимъ сказано: „Въ продолженiе трехъ дней успѣли мы совершить славный подвигъ: разсѣяли толпы горцевъ, привели къ покорности

*) 20-го октября 1846-го года № 1-й.

взволнованный край, отняли у непріятеля одну пушку, 21-нъ зарядный ящикъ, множество значковъ, взяли триста человѣкъ въ плѣнъ и положили болѣе восьмисотъ татарскихъ головъ. Слава вамъ ребята, слава! Заслужили вы грудью Царское спасибо. Долго послѣ кутешинской битвы горцы будутъ помнить ударъ пѣхотнаго штыка, взмахъ драгунской шашки и мѣткость выстрѣловъ нашихъ артилеристовъ".

Въ послѣдующіе три года нижегородцы не оставались праздными: они принимали участіе и въ дагестанскихъ экспедиціяхъ князя Воронцова при осадѣ и взятіи главнѣйшихъ укрѣпленныхъ непріятельскихъ позицій въ краѣ (Салты, Гергебиль), гдѣ впрочемъ дѣятельность ихъ, вслѣдствіе условій горной войны, ограничивалась довольно скромными размѣрами, и въ чеченскихъ походахъ, гдѣ въ 1848-мъ году, при занятіи 3-го августа аула Урусъ-Мартана, особенно отличился 1-й дивизіонъ. Съ 1850-го же года служба драгунъ переносится въ большую Чечню, а вслѣдъ затѣмъ на поля Анатоліи. Съ этой минуты, одинъ за другимъ, быстро вплетаются новые свѣжіе лавры уже въ зрѣлый вѣнокъ полка и вносятся новыя золотыя страницы въ его исторію, въ особенности въ исторію тѣхъ эскадроновъ, которые выдѣлились потомъ въ составъ Сѣверскаго полка.

Сдѣлавъ въ 1850-мъ году приступъ къ овладѣнію равниною большой Чечни, князь Воронцовъ рѣшилъ настойчиво продолжать это предпріятіе зимою 1851-го года. Сущность его состояла въ томъ, чтобы овладѣть такъ называемыми шалинскими окопами, проложить просѣку съ одной стороны къ Герменчуку, а съ другой, если возможно, подойти къ с. Автуры и вообще повести дѣло такъ, чтобы стать намъ полными хозяевами на шалинской полянѣ—этой главной житницѣ большой Чечни и части нагорнаго Дагестана.

Для исполненія этого предпріятія, къ 2-му января 1851-го года былъ собранъ отрядъ въ кр. Грозной, куда къ означенному числу прибыли изъ Чиръ-Юрта и два дивизіона драгунъ. Одинъ изъ нихъ былъ сводный, подъ начальствомъ маіора Барковскаго, въ составѣ 2-го и 9-го (нынѣ 3-го Сѣверскаго) эскадроновъ, подъ командою капитана Петрова и штабсъ-капитана Макарова, а другой дивизіонъ былъ 4-й, подъ начальствомъ подполковника Шульца, въ составѣ

7-го и 8-го эскадроновъ (нынѣ 1-го и 2-го Сѣверскаго полка), подъ командою штабсъ-капитана князя Чавчавадзе и капитана Калмыкова. 3-го числа отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Козловскаго, выступилъ въ кр. Воздвиженскую; 6-го числа предположено было атаковать шалинскіе окопы, но, къ счастью, эта атака была пріостановлена по случаю праздника въ кабардинскомъ полку— именно къ счастью, потому что она должна была, по всѣмъ соображеніямъ, обойтись намъ очень дорого, а между тѣмъ мы достигли цѣли и безъ потерь, такъ какъ лазутчики, явившіеся въ день праздника, объяснили, что непріятельскія укрѣпленія можно обойти. Руководясь этими свѣдѣніями, войска на другой день сдѣлали просѣку къ окопамъ на два ружейныхъ выстрѣла въ ширину и на двѣсти сажень въ длину, а 8-го января, съ разсвѣтомъ, двинулись по этой дорогѣ, правѣе раззоренныхъ ауловъ Белгатоя и Центороя, въ обходъ шалинскаго окопа. Непріятель оставилъ окопъ, профиль котораго имѣла громадный размѣръ. Пока его разрушали и дѣлали проходы на флангахъ и посрединѣ, артилерія открыла огонь по значительнымъ коннымъ партіямъ горцевъ, которыя, подъ начальствомъ Хаджи-Мурата, постепенно выдвинулись изъ лѣсовъ на правый берегъ Шавдона—съ цѣлью, конечно, помѣшать нашимъ работамъ. Но такая попытка имъ не удалась, и съ этого дня мы стали хозяевами шалинской поляны. Затѣмъ, началась рубка лѣса и проложеніе просѣкъ, продолжавшіяся въ теченіе послѣдующихъ двухъ недѣль безъ важныхъ столкновеній съ непріятелемъ. 22-го же января, въ колоннѣ, подъ начальствомъ полковника барона Вревскаго, 2-й эскадронъ нижегородцевъ, поддержанный 9-мъ эскадрономъ, имѣлъ лихую кавалерійскую схватку съ горцами, изъ которой, по существовавшему тогда кавказскому обычаю, вынесъ четыре непріятельскія головы. Черезъ пять дней, уже всѣмъ драгунамъ пришлось принять горячее участіе въ томъ славномъ бою, который доставилъ четвертому дивизіону давно желанный имъ георгіевскій штандартъ.

27-го января, для дальнѣйшей рубки лѣса выступила колонна подъ начальствомъ полковника князя Барятинскаго. Въ составъ ея входили оба дивизіона драгунъ. При приближеніи къ р. Шавдонъ, разграничивавшей уже знакомую намъ полосу отъ вполнѣ враждебной

и въ то время мало доступной, князь Барятинскій, оставивъ пѣхоту рубить лѣсъ, съ частью кавалеріи, въ которую входили 7-й и 9-й эскадроны, выдвинулся впередъ для рекогносцировки. Подойдя къ рѣчкѣ Джалкѣ и увидѣвъ за нею впереди непріятельскую партію, начальникъ отряда возвратился назадъ. Подхвативъ свѣжіе эскадроны—2-й и 8-й, и усиливъ ихъ казачьими сотнями, онъ направился опять къ Джалкѣ и двинулъ кавалерію въ атаку. 7-й и 9-й эскадроны остались въ резервѣ, прикрывая, между прочимъ, конныя орудія, слѣдовавшія за атакующими частями. Крутые берега и топкое дно Шавдона значительно замедлили переправу орудій, и въ то время, когда 9-й эскадронъ былъ уже на противуположномъ берегу, а 2-й и 8-й исчезли изъ вида, 7-й, вмѣстѣ съ артилеріею, едва только перешелъ рѣку. Пройдя еще немного, этотъ эскадронъ, прикрывая орудія, остановился съ ними не въ далекомъ разстояніи отъ Джалки, составивъ резервъ атакующихъ частей.

Тѣмъ временемъ эти послѣднія дружно ударили на конную партію Хаджи-Мурата, выдвинувшуюся на опушку лѣса, и молодецки отбросили ее въ чащу. Она скрылась; но остались пѣшіе горцы, которые вступили съ 2-мъ и 8-мъ эскадронами, а также и съ казаками, въ оживленную перестрѣлку. Тогда эскадроны спѣшились и одинъ за другимъ, сперва 2-й (капитана Петрова), а потомъ 8-й (штабсъ-капитана Калмыкова), на штыкахъ ворвались въ лѣсъ. Горцы защищались отчаянно, но мужество драгунъ сломило ихъ героизмъ, и они, наконецъ, отказавшись отъ дальнѣйшаго боя, спѣшили укрыться. Однако драгуны ихъ преслѣдовали по пятамъ, били и кололи до тѣхъ поръ, пока не исчезъ съ глазъ послѣдній горецъ и не затихъ послѣдній выстрѣлъ съ противной стороны.

Пока все это происходило впереди, въ лѣсу, другая партія горцевъ, подъ предводительствомъ наиба Баты, незадолго передъ тѣмъ служившаго у насъ переводчикомъ при штабѣ войскъ лѣваго фланга и потомъ передавшагося Шамилю, показалась у насъ на правомъ флангѣ. Маневръ ея тотчасъ же сталъ вполнѣ понятенъ: она готовилась ударить въ тылъ атакующимъ частямъ и отрѣзать ихъ отъ резерва. Въ случаѣ, если бы это ей удалось, то пораженіе 2-го и 8-го эскадроновъ, а съ ними вмѣстѣ и казаковъ, было бы неизбѣжное.

Командиръ 7-го эскадрона князь Чавчавадзе 2-й, быстро сообразивъ все это, рѣшился на себя исключительно принять ударъ отважнаго наиба и тѣмъ спасти отъ крайней опасности оба эскадрона, не предугадывавшіе готовившейся для нихъ катастрофы. Повернувъ свой эскадронъ направо, онъ оставилъ орудія и понесся на партію Баты. Горцы, не смотря на превосходство своихъ силъ, сочли за благо не принять этой удачной атаки и, отступивъ въ лѣсъ, изъ котораго выдвинулись, разсѣялись въ немъ и со всѣхъ сторонъ открыли пальбу. Драгуны были завлечены этимъ отступленіемъ непріятеля и съ своей стороны углубились въ чащу. Но вдругъ, впереди ихъ, на прогалинѣ, показалась новая сомкнутая партія наиба Лабазана—и 7-й эскадронъ очутился между двухъ огней. Тутъ оставалось одно средство—продолжать наступленіе, иначе эскадрону пришлось бы быть окруженнымъ со всѣхъ сторонъ и, по меньшей мѣрѣ вынести изъ боя только свои остатки. Князь Чавчавадзе такъ и поступилъ: онъ кинулся на Лабазана, оставивъ безъ вниманія всѣ послѣдствія этой новой атаки. Отвага увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: Лабазанъ тотчасъ уступилъ свою позицію и, подобно Батѣ, разсыпалъ свою партію во всѣ стороны. Послѣ такого удачнаго исхода двухъ атакъ, драгунамъ необходимо было тотчасъ же отступить, чтобы не дать времени соединиться обѣимъ партіямъ и не быть ими, въ свою очередь, атакованными. Но отступать обратно чрезъ пройденный лѣсъ значило добровольно вести себя какъ бы сквозь строй; поэтому князь Чавчавадзе, не измѣняя направленія, проѣхалъ съ эскадрономъ еще нѣкоторое разстояніе, добрался до задней его опушки, тамъ повернулъ лѣвымъ плечомъ и, объѣзжая лѣсъ снизу, отъ Джалки, посредствомъ этого круговаго движенія сталъ выбираться туда, гдѣ оставилъ орудія.

Въ это время 2-й, 8-й и 9-й эскадроны вернулись уже на свое мѣсто. Къ нимъ подъѣхалъ князь Барятинскій благодаря ихъ за молодецкое дѣло. Въ этотъ моментъ онъ увидѣлъ, что 7-го эскадрона нѣтъ—и сталъ въ недоумѣніи. Къ счастью, ротмистръ Лорисъ-Меликовъ, видѣвшій исчезновеніе князя Чавчавадзе, указалъ направленіе принятое эскадрономъ. Князь Барятинскій, подхвативъ 2-й, 8-й и 9-й эскадроны, помчался по указанію и встрѣтилъ веселый

и торжествующій 7-й эскадронъ на половинѣ разстоянія между лѣсомъ и оставленными имъ орудіями. Сперва въ самыхъ пылкихъ выраженіяхъ онъ обрушилъ на князя Чавчавадзе все свое неудовольствіе, но потомъ, когда узналъ причину вызвавшую съ его стороны рискованный поступокъ, и опасность, которую онъ отвратилъ отъ атакующихъ частей, то нетолько тотчасъ же успокоился, но и весьма обрадовался. Поблагодаривъ князя Чавчавадзе, у котораго потери, между прочимъ, не было, начальникъ отряда, за отличіе въ этомъ дѣлѣ 7-го, 8-го и 9-го эскадроновъ, а въ особенности перваго изъ нихъ, исходатайствовалъ имъ георгіевскій штандартъ.

Всестороннее и безповоротное осуществленіе задачи, которая легла въ основаніе зимней экспедиціи 1850—51 гг., послѣдовало въ 1852-мъ году, въ бытность князя Барятинскаго завѣдывающимъ лѣвымъ флангомъ кавказской линіи. Однимъ изъ выдающихся его пособниковъ является въ это время тотъ самый наибъ Бата, о которомъ сказано выше. Разсорившись съ Шамилемъ въ концѣ 1851-го года, онъ опять перешелъ на нашу сторону.

1852-й годъ можно по всей справедливости назвать началомъ покоренія восточнаго Кавказа. Въ этотъ годъ большая и малая Чечня были разгромлены до основанія, и произошло первое замѣтное и крупное выселеніе къ намъ непокорныхъ горцевъ. Въ знаменитой зимней экспедиціи этого года участвовали второй и третій дивизіоны нижегородскаго полка, подъ начальствомъ своего командира полковника князя Чавчавадзе. Автуры, этотъ богатѣйшій и многолюдный аулъ, вмѣщавшій въ себѣ до 900 дворовъ, который уже третій годъ составлялъ предметъ нашихъ стремленій, первый палъ подъ ударами нашихъ штыковъ, а взятый въ тотъ-же день, шестаго января, аулъ Гельдыгенъ—истребленіемъ своимъ обязанъ исключительно лихой атакѣ драгунъ и частью казаковъ, такъ какъ до прибытія пѣхоты они птицею налетѣли на него, охватили въ кольцо, не давъ времени опомниться горцамъ, и держали его въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не подоспѣлъ съ передовою колонною полковникъ баронъ Николаи. Изъ послѣдующихъ въ эту экспедицію выдающихся дѣлъ, гдѣ драгунамъ принадлежитъ не въ меньшей мѣрѣ, какъ и прочимъ родамъ оружія, честь побѣды, и

гдѣ вновь они своею атакою открыли бой, представляется дѣло 18-го января на р. Гойтѣ, въ дебри и трущобы которой впервые шагнула наша нога. Здѣсь опять взятіе съ налета ауловъ Чонгуроя, Зумсоя и Шаухала принадлежитъ одной только кавалеріи, въ томъ числѣ и драгунамъ, атака которыхъ по справедливости названа однимъ изъ кавказскихъ исторіографовъ „бѣшеною скачкою". Въ этотъ день убитъ бывшій командиръ драгунъ, тогда уже атаманъ линейнаго казачьяго войска, всѣми любимый и уважаемый, генералъ-маіоръ Круковскій. Пораженный, въ числѣ шести изъ окружавшихъ его лицъ, выстрѣлами изъ мечети въ то время, когда его дежурная команда послана была собрать казаковъ, разсѣявшихся въ кутанахъ, Круковскій палъ на мѣстѣ. Выскочившіе тотчасъ изъ своей засады горцы изрубили тѣла и завладѣли оружіемъ убитыхъ; но, увидя приближеніе спѣшенныхъ драгунъ, поспѣшно скрылись въ чащѣ лѣса.

Боевую свою дѣятельность въ эту экспедицію въ Чечнѣ драгуны заключили блистательнымъ дѣломъ, 18-го февраля, на Мичикѣ, гдѣ всею кавалеріею отряда начальствовалъ ихъ командиръ князь Чавчавадзе. Въ этотъ день князь Барятинскій первый и впервые прорѣзалъ всю большую Чечню насквозь, и перейдя рѣчку Гонсаулъ, соединился съ вышедшимъ къ нему навстрѣчу изъ укр. Куринскаго полковникомъ Баклановымъ, а затѣмъ, чрезъ качкалыковскій хребетъ и самъ вступилъ въ это укрѣпленіе. Пока Барятинскій въ теченіе пяти часовъ переправлялся чрезъ Гонсаулъ, Баклановъ, находясь на противуположной сторонѣ, выдерживалъ до изнеможенія натискъ громадныхъ непріятельскихъ скопищъ. Но въ критическую минуту спасли драгуны съ княземъ Чавчавадзе. Барятинскій, приблизясь къ мѣсту битвы и увидѣвъ все опасное положеніе Бакланова, замѣтилъ между прочимъ, что Шамиль открылъ наступавшему его отряду свой лѣвый флангъ. Онъ приказалъ князю Чавчавадзе стремительно атаковать этотъ флангъ, и хотя атака съ этой стороны была неудобна, но ни драгуны, ни храбрый ихъ командиръ не считали нужнымъ надъ этимъ задумываться: они прежде всѣхъ другихъ подходившихъ войскъ ударили на горцевъ, полковникъ же Веревкинъ обходилъ ихъ въ это

время съ тыла. Баклановъ, усмотрѣвъ такую сильную поддержку со стороны драгунъ, немедля перешелъ въ наступленіе и кинулся на непріятеля съ фронта приказавъ заранѣе линейнымъ казакамъ, для отличія отъ горцевъ, снять папахи, а донцамъ—поражать только тѣхъ, у кого бритыя или закрытыя головы. Вслѣдъ затѣмъ подоспѣлъ и Веревкинъ, и пораженіе Шамиля было бы совершенное, если бы прыткіе его воины не заблагоразсудили разсыпаться кто куда попало.

И не на боевомъ только полѣ, но и у себя дома, вблизи и вокругъ своей штабъ-квартиры, драгуны не упускали случая при первой возможности упрочить и усилить свою давнюю славу. Изъ числа этихъ случаевъ особенно выдаются два, происшедшіе въ 1853-мъ году, гдѣ 4-й дивизіонъ, и въ особенности 7-й эскадронъ, довелъ свою отвагу и молодечество до высшей степени.

Съ 11-го на 12-е января въ укрѣпленіи Чиръ-Юртѣ былъ танцовальный вечеръ, который давали нижегородцы своему командиру князю Ясону Чавчавадзе у него-же въ домѣ, такъ какъ другаго удобнаго помѣщенія для этого не нашлось.

Въ третьемъ часу, послѣ веселаго ужина и въ разгаръ самой оживленной мазурки, явился неожиданно татаринъ, бѣжавшій недавно въ горы изъ мирнаго аула Султанъ-Янги-Юртъ и теперь желавшій чѣмъ нибудь отличиться, чтобы получить право на безнаказанное возвращеніе къ своему очагу. Бывъ допущенъ къ командиру полка въ особую комнату, онъ сообщилъ ему, что салатавскій наибъ Каиръ-бекъ, по наущенію нѣкоего татарина Агало, служившаго прежде нукеромъ у командира полка, задумалъ наутро отбить драгунскихъ лошадей въ то время, когда ихъ, по обыкновенію, безъ всякихъ предосторожностей, поведутъ въ Сулакъ на водопой. Для достиженія своей цѣли Каиръ-бекъ, по словамъ лазутчика, рѣшилъ занять двухсотенною партіею отважныхъ хищниковъ ямы, находившіяся по пути и образовавшіяся отъ выемки земли для дѣланія кирпичей.

Князь Чавчавадзе хотя и не придавалъ серьезнаго значенія этому свѣдѣнію, потому что предпріятіе казалось весьма дерзкимъ, однако не считалъ возможнымъ и вовсе пренебречь имъ. Поэтому

онъ призвалъ къ себѣ дежурнаго по полку штабсъ-капитана Авалдова 1-го, командира дежурнаго 7-го эскадрона капитана князя Чавчавадзе и начальника охотничьей команды поручика графа Менгдена и, сообщивъ имъ интересную новость, приказалъ графу Менгдену залечь, съ охотниками, въ ямы и провѣрить показаніе лазутчика, штабсъ-капитану Авалдову поставить часовыхъ ко всѣмъ воротамъ укрѣпленія, чтобы никого не выпускать съ лошадьми на водопой до особаго приказанія, и капитану князю Чавчавадзе съ эскадрономъ объѣхать штабъ-квартиру.

Князь Чавчавадзе отправился къ эскадрону, изготовилъ его безъ малѣйшаго шума и чрезъ нѣсколько минутъ выѣхалъ съ нимъ за ворота. Часовые уже стояли на своихъ мѣстахъ.

Тѣмъ временемъ, графъ Менгденъ, поднявъ на ноги свою команду и взявъ съ собою лазутчика, которому заранѣе было объявлено, что ручательствомъ въ истинѣ его заявленія послужитъ его собственная голова, тихо направился къ ямамъ и занялъ крайнія изъ нихъ, ближайшія по пути его движенія. Среди невозмутимаго безмолвія не было ни одного признака, доказывавшаго присутствіе хищниковъ—и лазутчикъ приходилъ въ рѣшительное отчаяніе. Но, къ счастью его, незадолго до разсвѣта, вблизи начали появляться какіе-то силуэты и, одинъ за другимъ, исчезали въ ямахъ. Менгденъ притаился и выжидалъ.

Чуть забрезжило. Капитанъ князь Чавчавадзе вывелъ свой эскадронъ на водопойную дорогу тѣмъ порядкомъ, какъ водили всегда лошадей къ рѣкѣ, т. е. „по три“ и двинулся по направленію къ Сулаку. Когда онъ сталъ подходить къ ямамъ, графъ Менгденъ предупредилъ его знакомъ, что партія налицо. Наибъ же Каиръ-бекъ, увидѣвъ въ это самое время не безоружныхъ всадниковъ на попонкахъ съ заводными лошадьми, а вполнѣ готовыхъ къ бою драгунъ, и догадавшись, что его намѣреніе открыто, быстро поднялся изъ засады и еще быстрѣе направился къ рѣкѣ. Но 7-й эскадронъ опередилъ его и перерѣзалъ ему дорогу. Тогда Каиръ-бекъ повернулъ вправо и пустился по берегу рѣки въ степь. Князь Чавчавадзе понесся за нимъ. Наибъ, видя, что путь отступленія для него потерянъ и гибель неизбѣжна, мгновенно и круто повернулъ влѣво къ Сулаку и тамъ, гдѣ

вода подходила къ обрывистому берегу, образуя родъ затишнаго лимана, бросился внизъ съ трехсаженной высоты. Эскадронъ сидѣлъ у него на плечахъ, и когда князь Чавчавадзе увидѣлъ, что отчаянный скачокъ горцевъ можетъ лишить его случая наказать ихъ, онъ, ничуть не задумываясь, далъ волю своему лихому коню и ринулся вслѣдъ за Каиръ-бекомъ. Конечно, примѣръ отважнаго командира увлекъ за собою и весь эскадронъ. И вотъ, въ водѣ по брюхо лошадямъ, завязался бой: драгуны настигали и рубили ошеломленныхъ горцевъ, хищники же, отбиваясь по мѣрѣ силъ, стремились къ противуположному берегу. Наконецъ, Каиръ-бекъ впереди, а за нимъ и вся партія, выбрались изъ воды, проскакали часть сухаго ложа рѣки и стали взбираться на крутизну лѣваго ея берега, уже заранѣе торжествуя свой удачный побѣгъ, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, налетѣлъ во флангъ имъ, по обнаженному руслу, 8-й эскадронъ Калмыкова и преградилъ имъ дальнѣйшее движеніе. Пораженіе партіи началось съ двухъ сторонъ, и если только оно обошлось ей сравнительно незначительною потерею двадцати пяти тѣлъ, оставленныхъ на мѣстѣ, то этимъ она обязана только своей зимней одеждѣ, а въ особенности буркамъ, которыя защитили ее отъ многихъ ударовъ драгунскихъ шашекъ.

Въ самомъ разгарѣ схватки одинъ изъ горцевъ, весьма преклонныхъ лѣтъ, бросился къ стремени князя Чавчавадзе, и, ища спасенія, обнялъ его колѣна. Драгуны же, вообразивъ, что онъ силится стащить его съ коня, бросились на выручку своего командира и со всѣхъ сторонъ начали поражать старика. Хотя недоразумѣніе объяснилось тотчасъ же, но почтенному горцу спину исполосовали-таки порядочно, и если изъ него не вышла котлета, то только потому, что его защитила все та же зимняя одежда. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ, вылеченъ въ лазаретѣ и впослѣдствіи обмѣненъ на одного изъ нашихъ плѣнныхъ.

Послѣ такого урока Каиръ-бекъ долго не покушался на домашнее спокойствіе нижегородцевъ, и только спустя восемь мѣсяцевъ осмѣлился произвести новое нападеніе, но, конечно, подальше отъ Чиръ-Юрта. Съ 30-го на 31-е августа, соединившись съ ауховскимъ наибомъ и составивъ такимъ образомъ весьма солидную силу, чело-

вѣкъ въ пятьсотъ, онъ неожиданно напалъ наразсвѣтѣ на мирные аулы Кази-Юртъ и Костекъ, отбилъ у жителей болѣе трехъ тысячъ головъ рогатаго скота и погналъ ихъ по лѣвому берегу р. Сулака. Пока Каиръ-бекъ подвигался съ своею добычею, одинъ изъ жителей Костека, а затѣмъ и драгунскіе пикеты, дали знать въ Чиръ-Юртъ о происшедшемъ нападеніи и о направленіи хищниковъ. Въ это время партія Каиръ-бека уже показалась на противуположномъ берегу. Протрубили тревогу—и черезъ три минуты вынесся 7-й эскадронъ, который и на этотъ разъ былъ дежурнымъ. Капитанъ князь Чавчавадзе, увидѣвъ партію уже противъ укрѣпленія, сообразилъ, что единственное средство настигнуть ее—это идти въ бродъ, и доложивъ о томъ подполковнику Шульцу, командовавшему въ то время полкомъ, поскакалъ на переправу. По слѣдамъ его Шульцъ послалъ 1-й эскадронъ капитана Макарова, а еще двумъ эскадронамъ—3-му капитана Позняка и 8-му капитана Калмыкова, велѣлъ слѣдовать кружнымъ путемъ черезъ мостъ.

7-й эскадронъ, подскочивъ къ Сулаку, сразу попалъ на переправу и по старой памяти съ отвагою бросился въ рѣку. Но съ первыхъ же шаговъ онъ окунулся въ водѣ по поясъ сѣдокамъ. Началась прежде всего борьба съ стихіею: однихъ опрокидывало, другихъ уносило теченіемъ, третьихъ отбивало назадъ къ берегу, и казалось, что попытка выйдетъ очень неудачною. Однако, рѣшимость и мужество превозмогли всѣ затрудненія: на противуположный берегъ первымъ выскочилъ унтеръ-офицеръ Семенниковъ, за нимъ командиръ эскадрона, потомъ прапорщикъ князь Амилахвари, четыре юнкера, старшій вахмистръ Шепелевъ, восемь унтеръ-офицеровъ и двадцать одинъ рядовой,—всего тридцать семь человѣкъ. Капитанъ князь Чавчавадзе, видя еще ранѣе несоразмѣрность своихъ силъ съ партіею Каиръ-бека, рѣшилъ отказаться отъ атаки ея и, переправивъ эскадронъ, слѣдовать впередъ, чтобы опередить путь наибу, занять проходъ черезъ хребетъ и тамъ задержать его въ ожиданіи остальныхъ эскадроновъ. Но Каиръ-бекъ, въ свою очередь, какъ бы проникнулъ его намѣреніе, и пока драгуны боролись съ стремительною рѣкою, онъ бросилъ добычу и пустился бѣжать по направленію къ качкалыковскому хребту, на балку Чипчакъ, гдѣ теперь проходитъ поч-

товая дорога изъ Хасавъ-Юрта на Чиръ-Юртъ. Князь Чавчавадзе, переправивъ эскадронъ и увидѣвъ, что наибъ опередилъ его, и что никакой надобности въ преслѣдованіи не предстояло, такъ какъ вся награбленная добыча была налицо, остановился на лѣвомъ берегу рѣки. Вслѣдствіе ли этого, или по иной причинѣ, пріостановился также и Каиръ-бекъ. Тутъ онъ увидѣлъ у себя на плечахъ далеко не грозную силу. Предположивъ, что безъ труда можетъ ее истоптать, онъ повернулъ назадъ и всею партіею бросился на своихъ преслѣдователей. Хотя моментъ былъ вполнѣ критическій, но командиръ эскадрона не потерялся: зная хорошо, что горцы всегда нерѣшительны въ своихъ атакахъ, когда часть, хотя бы и слабая, встрѣчаетъ ихъ стройно и стойко, онъ во мгновеніе ока выстроилъ людей въ шеренгу и ждалъ удара. Подскакавъ къ драгунамъ почти въ упоръ, горцы дѣйствительно остановились и не рѣшились врубиться въ живую стѣнку: ихъ поразила и парализовала эта холодная стойкость, служившая полнымъ выраженіемъ самой отчаянной рѣшимости. Нѣсколько секундъ обѣ стороны стояли другъ отъ друга въ шести-семи шагахъ неподвижно. Наконецъ, непріятель опомнился: раздался выстрѣлъ, за нимъ другой—и затрещала у Каиръ-бека оживленная перестрѣлка. Первою жертвою у драгунъ былъ вѣстовой эскадроннаго командира рядовой Мазуровъ; за нимъ былъ раненъ поручикъ князь Амилахвари, потомъ вырвало изъ ряда еще нѣсколько человѣкъ, и, въ заключеніе, былъ раненъ пулею въ шею и самъ капитанъ князь Чавчавадзе. Этотъ храбрый офицеръ, сообразивъ, что горцы, даже и не трогаясь съ мѣста, вполнѣ безнаказанно могутъ истребить одними только пулями всѣхъ его героевъ, рискнулъ единолично атаковать непріятельскую массу, увѣренный, что сотоварищи его поддержатъ, и если всѣ падутъ на мѣстѣ, то по крайней мѣрѣ съ честью и не безъ кроваваго для самихъ горцевъ результата. Давъ сильный толчекъ и полную волю своему лихому коню, князь Чавчавадзе въ одинъ прыжокъ очутился среди непріятеля. Отовсюду посыпались на него удары. Но не успѣли горскія шашки подняться для новаго пораженія, какъ вахмистръ Шепелевъ, увидѣвъ отчаянное положеніе любимаго всѣми командира, съ словами: ,,братцы, выручимъ“! бросился въ толпу. Князь

Чавчавадзе не ошибся: горсть храбрецовъ не отстала ни отъ него, ни отъ Шепелева и, какъ глазомъ мигнуть, врѣзалась въ толпу, въ двадцать слишкомъ разъ ея сильнѣйшую. Дружный ударъ большихъ и сытыхъ лошадей и широкій размахъ драгунской шашки въ привычныхъ рукахъ оказались всерѣшающими—тѣмъ болѣе, что къ этому времени успѣли уже подскочить нѣкоторые изъ 3-го эскадрона. Передніе ряды непріятеля были смяты и стали насѣдать на остальныхъ. Пользуясь этимъ и увлекшись неожиданнымъ успѣхомъ, 7-й эскадронъ усилилъ напоръ. Толпа разомъ отхлынула, но драгуны, не давая ей опомниться, сомкнуться и оправиться, чтобы произвести новый ударъ, продолжали насѣдать. Но три-четыре минуты—и, пожалуй, драгунамъ пришлось бы плохо; какъ вдругъ подскакалъ весь 8-й эскадронъ; за нимъ летѣлъ 3-й и вдали виднѣлась рота дагестанскаго полка (2-я мушкетерская), высланная изъ Чиръ-Юрта. Непріятель, увидя передъ собою ураганъ, который неизбѣжно долженъ былъ разнести его, проворно повернулъ своихъ коней и исчезъ съ легкостью зайца. Вся награбленная имъ добыча была возвращена по принадлежности.

Въ этотъ памятный для нижегородцевъ день не посчастливилось только 1-му эскадрону. Онъ, по слѣдамъ 7-го эскадрона, хотя и кинулся въ Сулакъ, но на переправу не попалъ и съ перваго же момента вступилъ въ жестокую борьбу съ бурнымъ теченіемъ рѣки, въ жертву которой отдалъ навсегда одного унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ; капитана Макарова также свернуло и несло по рѣкѣ болѣе версты. Только часть людей, за которыми подоспѣлъ и Макаровъ, благополучно переправилась на ту сторону и примкнула къ 7-му эскадрону въ самомъ разгарѣ схватки. Князь Чавчавадзе былъ раненъ шашкою въ кисть правой руки и долго не могъ владѣть ею, такъ что даже и въ дѣлѣ подъ Башъ-Кадыкляромъ онъ ходилъ въ атаку съ рукою на перевязи.

Такъ проводили всѣ нижегородцы вообще, и среди нихъ въ частности будущіе сѣверцы, свою жизнь и время до той поры, когда слово Царское призвало ихъ къ другимъ подвигамъ и побѣдамъ на театрѣ войны болѣе важномъ и болѣе обширномъ, чѣмъ тотъ, на которомъ они дѣйствовали доселѣ. И эту новую задачу драгуны

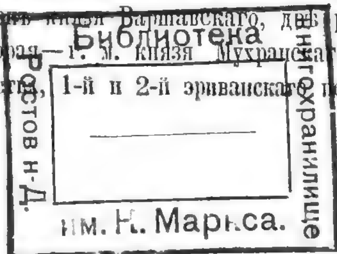
разрѣшили съ тою же честью и славою, какъ и всѣ предыдущія, встрѣчавшіяся въ теченіе пятидесяти слишкомъ лѣтъ на пути ихъ вѣчно боеваго, всегда полнаго тревогъ и трудовъ существованія.

18-го ноября 1853-го года начальникъ александропольскаго отряда, генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ, получивъ свѣдѣніе, что турецкій 36-ти-тысячный корпусъ, подъ начальствомъ Рейсъ-Ахмета-паши, сосредоточился въ окрестностяхъ Суботапа и сталъ лагеремъ около Орта-Кадыкляра и Башъ-Кадыкляра, до разсвѣта, 19-го ноября, двинулся на непріятеля отъ Башъ-Шурагеля. Въ авангардѣ, бывшемъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Багговута, послѣ трехъ сотенъ линейныхъ казаковъ, шелъ драгунскій наслѣднаго принца Виртембергскаго полкъ (нижегородскій) съ донскою конно-казачьею № 7-го батареею.

Въ виду непріятеля нашъ отрядъ построился въ двѣ боевыя линіи *). Для охраненія нашего праваго фланга отъ непріятельской регулярной кавалеріи и массы куртинъ были направлены, подъ командою генералъ-маіора князя Чавчавадзе, 1-й, 2-й и 5-й (пикинерный) дивизіоны драгунъ, дивизіонъ донской № 7-го батареи, 2-й дивизіонъ своднаго линейнаго казачьяго полка и сотня сборной конной милиціи—къ верховьямъ оврага, находившагося вправо отъ нашихъ боевыхъ линій; на лѣвомъ нашемъ флангѣ, по направленію къ сел. Гамза-Кирякъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Багговута, были выдвинуты 3-й и 4-й дивизіоны драгунъ, 2-й дивизіонъ донской № 7-го батареи, 4 сотни своднаго линейнаго казачьяго полка и 3 сотни кавказскаго линейнаго казачьяго войска полковника Камкова.

Сначала непріятель былъ построенъ въ двѣ боевыя линіи съ резервомъ, но при приближеніи нашихъ войскъ перестроился въ одну линію по рѣчкѣ Маврякъ-чай, между селеніями Гамза-Кирякъ и Огузлы, а резервъ изъ 8-ми баталіоновъ, при 8-ми орудіяхъ, съ однимъ кавалерійскимъ полкомъ, направленъ былъ для занятія мѣстности противъ нашего праваго фланга между с. Огузлы и горою Ка-

*) Первая—г. м. Кишинскаго (первые баталіоны князя Варшавскаго и князя Воронцова полковъ, 2-й баталіонъ князя Варшавскаго, двѣ роты саперъ, двѣ роты стрѣлковъ, 16 орудій), вторая—г. м. князя Мухранскаго (1-й и 4-й баталіоны гренадерскаго Его Высочества, 1-й и 2-й эриванскаго полковъ).



раялъ. Вообще же, расположеніе непріятеля было слѣдующее: не говоря о курдахъ и башибузукахъ, на правомъ непріятельскомъ флангѣ былъ полкъ регулярной кавалеріи; лѣвѣе его—батарея изъ 30-ти орудій подъ прикрытіемъ 6-ти баталіоновъ, размѣщенныхъ за батареею; бывшая вторая линія спустилась къ р. Маврякъ-чай и, перейдя ее, заняла обрывистый лѣвый берегъ, расположивъ три баталіона правѣе кладбища, а другіе три между кладбищемъ и Огузлы; внизу же за рѣкою скрывался кавалерійскій полкъ. Лѣвѣе непріятельскаго резерва, къ горѣ Караялъ, расположенъ былъ еще полкъ регулярной кавалеріи, съ двумя орудіями, и часть курдовъ и башибузуковъ.

Князь Бебутовъ имѣлъ въ виду атаковать непріятельскую позицію съ праваго ея фланга и для этого, подвинувъ 1-ю линію впередъ къ с. Огузлы, открылъ огонь изъ 16-ти орудій по непріятельской батареѣ; вторую же линію (кн. Мухранскаго), назначенную для штурма непріятельской позиціи, онъ подвинулъ влѣво. На наши 16-ть орудій турки отвѣчали огнемъ изъ 30-ти орудій.

Князь Мухранскій, обойдя нашъ лѣвый флангъ, съ 1-мъ и 2-мъ баталіонами эриванскаго полка, спустился въ оврагъ, потомъ поднялся на высоту и послѣ ужаснаго боя внесъ знамя на непріятельскую батарею; два баталіона гренадеръ, подъ командою г. м. кн. Орбеліани 3-го, наступавшіе правѣе карабинеръ, послѣ упорнаго боя, получивъ подкрѣпленіе, взошли также на батарею и примкнули къ эриванцамъ. Такимъ образомъ, вся батарея была въ нашихъ рукахъ.

Генералъ Багговутъ, занявъ четырмя орудіями донской № 7-го батареи возвышенность надъ сел. Гамза-Кирякъ, откуда представлялась возможность дѣйствовать по регулярному кавалерійскому полку, расположенному на правомъ флангѣ позиціи турокъ, ввѣрилъ ихъ прикрытію двухъ дивизіоновъ драгунъ, построенныхъ каждый въ колоннѣ къ атакѣ; четыре сотни своднаго казачьяго линейнаго полка съ подполковникомъ Евсѣевымъ были посланы влѣво, а три сотни Камкова оставлены въ резервѣ. На этомъ пунктѣ бой открыли курды перестрѣлкою съ казаками. Пока она происходила, регулярный турецкій кавалерійскій полкъ, стоявшій среди деревни, переправившись черезъ рѣчку, пошелъ въ атаку. Его отбросилъ нашъ арти-

лерійскій огонь, казаки же, высланные изъ резерва, вытѣснили конницу изъ с. Гамза-Кирякъ и заняли его. Но подполковникъ Евсѣевъ не могъ самъ управиться съ курдами. Поэтому на помощь ему были посланы еще два орудія и 4-й дивизіонъ драгунъ. Послѣдній въ нѣсколько минутъ разсѣялъ дружнымъ ударомъ назойливыя толпы и хотя послѣ того курды и продолжали свои попытки до конца сраженія, но большею частью ограничивались джигитовкою.

Управившись, такимъ образомъ, съ непріятелемъ на этомъ пунктѣ, генералъ Багговутъ выждалъ дѣйствія въ центрѣ нашей штурмовой колонны, и въ то время, когда эти баталіоны пошли на приступъ, онъ двинулъ драгунъ, съ артилеріею, во флангъ непріятельской линіи, а казаковъ послалъ влѣво—обскакать Гамза-Кирякъ, сбить кавалерійскій полкъ и ударить въ тылъ на пѣхоту. Крутой каменистый оврагъ не остановилъ быстроты наступленія, и драгуны въ карьеръ вынеслись на противуположный берегъ. Командиръ 3-го взвода 7-й конно-казачьей донской батареи, сотникъ Кульгачевъ *), подскакавъ на пятьдесятъ сажень къ фланговому непріятельскому баталіону, осыпалъ его картечью; слѣдовавшій за нимъ 3-й дивизіонъ нижегородцевъ, подъ командою маіора Петрова, тотчасъ ударилъ въ шашки. Не смотря на быстроту и стремительность атаки, турецкій баталіонъ быстро успѣлъ перестроиться въ каре, съ орудіями по угламъ, и встрѣтилъ драгунъ картечью и бѣглымъ огнемъ. Но это не остановило нижегородцевъ, и подъ ударомъ ихъ передніе ряды замялись; остальные же, съ ожесточеніемъ отбиваясь штыками и стрѣляя въ упоръ, положили на мѣстѣ болѣе 80-ти нижегородцевъ и подняли на штыки лошадь маіора Петрова, котораго и опрокинули въ каре. Конечно, драгуны вырвали изъ рукъ непріятеля своего дивизіонера. Замѣнивъ лошадь другою, маіоръ Петровъ не только не уступилъ ни одного шага, но еще съ большею энергіею усилилъ атаку, смялъ уголъ баталіона и захватилъ одно орудіе. Въ эту минуту подскакалъ 4-й дивизіонъ, подъ командою подполковника Шульца. Впереди, какъ туча, несся 7-й эскадронъ, все съ тѣмъ же капитаномъ княземъ Чавчавадзе, врѣзался въ не-

---

*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ.

пріятельское каре, вырвалъ у турокъ еще другое орудіе и довершилъ пораженіе флангового баталіона. Одновременно съ этимъ, казаки полковника Камкова, заскакавъ въ тылъ непріятельскому правому флангу, опрокинули регулярный кавалерійскій полкъ и отбили его знамя. Турки дрогнули и побѣжали. Только противъ генерала Кишинскаго они упорствовали еще нѣкоторое время, засѣвъ въ с. Огузлы, но скоро были выбиты оттуда и затѣмъ вся линія Кишинскаго, преслѣдуя ихъ, перешла оврагъ и построилась на высотахъ противуположнаго берега Маврякъ-чай, примкнувъ къ правому флангу гренадерской бригады, стоявшей уже на мѣстѣ взятыхъ непріятельскихъ батарей.

Когда турецкая пѣхота бѣжала, остались одни артилеристы безъ всякаго прикрытія и защищались до послѣдней крайности—кто чѣмъ попало; но, несмотря на эту геройскую стойкость, всѣ до единаго пали подъ шашками драгунъ и штыками пѣхоты. Только по окончаніи сраженія можно было судить о картинѣ происходившаго боя, о результатахъ его и о геройской защитѣ непріятеля: когда дивизіонъ маіора Петрова ворвался въ баталіонное каре, то онъ до того перемѣшался съ турками, что послѣдніе, разстрѣливая его справа и слѣва, въ то же время поражали этими пулями другъ друга. Такое заключеніе явилось вслѣдствіе осмотра турецкихъ труповъ, изъ которыхъ многіе были убиты пулями, тогда какъ это не должно было быть, потому что драгуны вовсе не стрѣляли.

Въ продолженіе всего времени, когда войска наши были заняты атакою фронта и праваго фланга и взятіемъ шестнадцати орудій, генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе, съ тремя дивизіонами драгунъ и частью другой кавалеріи, выдерживалъ натискъ несоразмѣрно превосходнѣйшихъ турецкихъ силъ, намѣревавшихся обойти насъ. Сознавая всю опасность замысловъ непріятеля, князь Чавчавадзе выстроилъ 1-й и 5-й дивизіоны драгунъ въ развернутомъ фронтѣ, имѣя между ними 4 орудія, а два оставилъ въ резервѣ, въ колоннѣ къ атакѣ; второму же дивизіону сборнаго линейнаго казачьяго полка и сборной сотнѣ милиціи приказалъ расположиться вправо отъ драгунъ и удерживать курдовъ. Завязалась сильная перестрѣлка между казаками и курдами.

Регулярный кавалерійскій полкъ турокъ, расположенный лѣвѣе пѣхоты въ эскадронныхъ колоннахъ въ одну линію, разсыпавъ фланкеровъ, двигался впередъ по направленію къ драгунамъ, а четыре баталіона непріятельской пѣхоты, съ шестью орудіями, занявъ позицію правѣе кавалеріи, открыли по войскамъ нашимъ сильный огонь. Въ это время позади первой линіи турокъ показались еще четыре баталіона; курды же приняли влѣво и заняли скатъ ближайшей горы Караялъ. Оставивъ казаковъ противъ курдовъ и выдвинувъ впередъ 1-й дивизіонъ драгунъ и взводъ артилеріи, князь Чавчавадзе приказалъ 2-му дивизіону слѣдовать позади, пикинерному же, съ остальными двумя орудіями—наблюдать за турецкою пѣхотою.

Взводъ артилеріи *), подскакавъ къ непріятельской кавалеріи на ближній выстрѣлъ, далъ картечный залпъ, а 1-й дивизіонъ драгунъ (маіора Барковскаго) въ тотъ же моментъ понесся въ атаку. Но его дружный ударъ въ шашки могъ только пріостановить непріятеля. Въ минуту этой пріостановки налетѣлъ второй дивизіонъ, и турецкая кавалерія въ совершенномъ безпорядкѣ была опрокинута на свою пѣхоту. Турецкіе баталіоны собирались принять драгунъ во флангъ, но ихъ мгновенно атаковалъ 5-й пикинерный дивизіонъ полковника Тихоцкаго и отбросилъ назадъ. Тогда дивизіоны были остановлены, и первая попытка непріятеля перейти къ намъ черезъ оврагъ осталась безъ успѣха.

Но едва дивизіоны успѣли остановиться, какъ турки снова перешли въ наступленіе. Баталіоны ихъ выстроились въ одну линію, съ орудіями въ интервалахъ, а кавалерія выдвинулась впередъ.

Князь Чавчавадзе, чтобы не допустить непріятеля охватить наши фланги, развернулъ всѣ три дивизіона въ одну линію, съ орудіями въ интервалахъ, и тотчасъ повторилъ атаку. На этотъ разъ непріятельская кавалерія не выдержала и въ безпорядкѣ бѣжала назадъ, за свою пѣхоту. Пользуясь этимъ, драгуны атаковали пѣхоту, опрокинули ее, разстроили нѣсколько баталіоновъ и отбили два орудія.

Въ этой атакѣ подъ орудіемъ сотника Еспова была убита

*) Есаула Попова.

лошадь. Турки бросились на остановившееся орудіе и уже готовы были его выхватить у насъ, но князь Чавчавадзе кинулся къ нему съ горстью находившихся лично при немъ драгунъ и пикинеровъ и съ такою отвагою ударилъ на баталіонъ, что онъ, оставивъ кучу тѣлъ на мѣстѣ, обратился въ бѣгство.

Несмотря на громадность своей потери, турки имѣли еще достаточно войскъ, чтобы съ рѣшимостью противодѣйствовать драгунамъ. Еще два раза они пытались перейти въ наступленіе, но всякій разъ князь Чавчавадзе, пользуясь тою минутою, когда выдвигавшаяся непріятельская кавалерія закрывала свою артилерію, водилъ драгунъ въ атаку и успѣвалъ опрокидывать направившія на него массы. Послѣднее же усиліе, оказанное непріятелемъ въ третьемъ часу пополудни, окончилось бѣгствомъ его. Начальникъ отряда, донося главнокомандующему о событіи дня, выразился такъ:

„Бой этотъ вполнѣ выказалъ всю блистательную храбрость нашихъ драгунъ. Въ продолженіе 2½ часовъ они, можно сказать, безпрестанно повторяли атаки на непріятеля несоразмѣрно превосходившаго ихъ числомъ—каждый разъ съ полнымъ успѣхомъ“.

Среди происходившаго боя, особенное вниманіе обратилъ на себя рядовой 7-го эскадрона Озеровъ. Лихой скакунъ-донецъ вынесъ его во время атаки изъ фронта и влетѣлъ съ нимъ прямо въ ряды непріятеля. Озеровъ не потерялъ присутствія духа, и сообразивъ, что „смѣлость города беретъ“, и что изъ его положенія выхода нѣтъ, пошелъ работать шашкою направо и налѣво. Турки, оторопѣвъ отъ такой отваги, настоящей причины которой они не подозрѣвали, видимо сторонились отъ ударовъ Озерова, который хотя и получилъ тридцать шесть сабельныхъ ранъ, но каждая изъ нихъ въ отдѣльности была не опасна, и храбрый драгунъ остался жить еще на долгое время—конечно, изрядно помятый. О подвигѣ Озерова было доведено до свѣдѣнія Государя Императора, и Его Величество изволилъ пожаловать ему нѣсколько наградъ: знакъ отличія военнаго ордена, унтеръ-офицерское званіе, триста рублей единовременно, увольненіе въ отставку и ежегодную пожизненную пенсію въ сто рублей. Озеровъ и до сихъ поръ проживаетъ на Кавказѣ, въ городѣ Ставрополѣ, гордый своимъ подвигомъ и счастливый

своими наградами, выше и важнѣе которыхъ для солдата быть не могло.

Послѣ сраженія подъ Баяндуромъ и пораженія подъ Башъ-Кадыкляромъ, турки убѣдились, что война съ русскими невозможна при тѣхъ силахъ и той организаціи ихъ войскъ, которыя они намъ противупоставили, и въ теченіе зимы 1853-го и весны 1854-го года приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы до крайнихъ предѣловъ увеличить свои боевыя средства и затѣмъ удивить свѣтъ пораженіемъ ихъ противника. Къ іюлю мѣсяцу 1854-го года у нихъ стояло подъ ружьемъ на нашихъ границахъ въ окрестностяхъ Карса около 50 т. и въ Ардаганѣ 6 т. Главноначальствованіе надъ всѣми этими войсками ввѣрено было эрзерумскому вали Зарифи-Мустафа-пашѣ.

Въ половинѣ мая, изъ войскъ, собранныхъ у Карса, до 25 т. человѣкъ заняли позицію у сел. Хаджи-Вали и стали укрѣпляться.

Турецкій главнокомандующій, убѣдившись, что мы далѣе наступать не намѣрены, придвинулъ къ себѣ войска изъ Ардагана, Баязета и резервы изъ Эрзерума, которые составили массу въ шестьдесятъ слишкомъ тысячъ человѣкъ. 23-го іюля князь Бебутовъ, узнавъ, что турки оставляютъ свою крѣпкую позицію, ночью поднялъ войска, выступилъ по направленію къ сел. Мешко и совершенно неожиданно для турокъ встрѣтилъ ихъ авангардъ невдали отъ горы Караялъ. Вся же масса непріятеля занимала пространство между этою горою, селеніемъ Хаджи-Вали и послѣднимъ скатомъ горы малые Ягны. При наступательномъ движеніи наша регулярная кавалерія, въ составѣ шести эскадроновъ нижегородцевъ и двухъ остальныхъ драгунскихъ полковъ, съ конною артилеріею, слѣдовала позади пѣхоты *).

По осмотрѣ непріятельскаго расположенія очевидно было, что главный ударъ приготовлялся на нашъ лѣвый флангъ, чтобы отрѣзать насъ отъ Александрополя, а въ то же время атаковать насъ съ фронта и праваго фланга. Въ виду этого командующій корпу-

*) Послѣдующее описаніе кюрюкъ-даринскаго сраженія заимствовано изъ статей: „нижегородскаго драгуна", напечатанной въ I т. „Кавказскаго Сборника", и „драгунскаго офицера", помѣщенной въ „В. Сб." 1860-го года т. XI, провѣренныхъ по офиціальнымъ источникамъ.

сомъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе, соображаясь съ расположеніемъ турецкихъ войскъ, о перемѣнѣ фронта паралельно непріятельскому, и войска, зайдя правымъ плечомъ, стройно двинулись на назначенныя имъ мѣста. По произведенному, такимъ образомъ, новому построенію, часть нашихъ войскъ должна была дать туркамъ отпоръ у Караяла, другая прорвать центръ, а остальныя войска праваго нашего фланга и резервъ—ударить потомъ на лѣвый флангъ турокъ. При растянутости нашего расположенія, интервалы у насъ образовались весьма значительные, такъ что послѣдовавшее затѣмъ сраженіе представляло собою какъ бы три отдѣльныя битвы. На лѣвый нашъ флангъ, бывшій подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Бѣлявскаго, въ послѣдовательномъ порядкѣ двинулись: три сборныя казачьи сотни полковника Скобелева, 3-й, 4-й и 5-й дивизіоны нижегородцевъ *), донская № 7-го конная батарея, драгунскій Великаго Князя Николая Николаевича полкъ въ полномъ составѣ и донской № 20-го полкъ съ ракетными командами. Позади ихъ бѣглымъ шагомъ слѣдовала пѣхота. Когда кавалерія поровнялась съ непріятельскимъ центромъ, тогда раздались оттуда первые выстрѣлы. Но это было далеко, и огонь турокъ пока не причинялъ намъ вреда.

Хотя передвиженіе и построеніе пѣхоты происходило на бѣгу, но такъ какъ ей предстояло пройти до назначеннаго мѣста болѣе двухъ верстъ, то, конечно, быстро совершиться не могло, и она отъ кавалеріи отстала. Когда же послѣдняя стала подходить къ Караялу—ее встрѣтилъ мѣткій ружейный огонь штуцернаго турецкаго баталіона и гранаты двухъ горныхъ орудій, удачно разрывавшіяся среди нижегородцевъ, шедшихъ въ колоннахъ къ атакѣ подивизіонно: впереди 5-й (полковника Тихоцкаго), за нимъ 4-й (полковника Шульца) и наконецъ 3-й (маіора Петрова) дивизіоны. Въ это время подоспѣла и пѣхота. Ей приказано было не штурмовать горы, а оставить ее позади себя и податься противъ праваго непріятельскаго фланга. Нижегородцы, подивизіонно, заѣхавъ лѣвымъ плечомъ, выстроились правѣе и позади пѣхоты, лицомъ къ непріятелю.

*) 1-й и 2-й дивизіоны нижегородцевъ были отправлены изъ отряда на лезгинскую кордонную линію.

Пока это происходило на самой оконечности нашего лѣваго фланга, драгунскій Великаго Князя Николая Николаевича полкъ, шедшій позади и правѣе нижегородцевъ, поровнявшись съ непріятельскою линіею и встрѣченный сильнымъ артилерійскимъ огнемъ, получилъ приказаніе сбить непріятеля съ занимаемой имъ позиціи. Атака 1-го, 2-го и 5-го его дивизіоновъ, подъ начальствомъ командира сводной драгунской бригады генералъ-маіора гр. Нирода, стяжавшаго въ этотъ день единодушное уваженіе всего отряда, была вполнѣ блестящая. Хотя драгуны и овладѣли четырмя непріятельскими орудіями, но, уступая превосходству силъ противника, должны были отступить, и пройдя у подошвы Караяла лѣвѣе нижегородцевъ, пристроились позади боевой линіи къ остальнымъ дивизіонамъ своего полка. Съ отступленіемъ драгунъ Великаго Князя Николая Николаевича полка, непріятельскія колонны двинулись впередъ; отборные три баталіона штуцерниковъ шли въ первой линіи. Наши бѣлевцы, подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ пѣхоты и артилеріи, отодвинулись, и непріятельскіе стрѣлки показались на возвышенности. Нижегородцы, передвинувшись къ этому времени нѣсколько впередъ, находились на равнинѣ и, не будучи въ состояніи вредить непріятелю, закрытому отъ нихъ гребнемъ возвышенности, сами, между тѣмъ, уже несли потери. Одною изъ первыхъ пуль былъ среди нихъ раненъ въ високъ командиръ 4-го дивизіона полковникъ Шульцъ. Онъ отъѣхалъ за фронтъ, наскоро перевязалъ рану и опять явился на своемъ мѣстѣ; но скоро потеря крови и сильная боль произвели у него обморокъ, и онъ былъ увезенъ на перевязочный пунктъ, уступивъ командованіе дивизіономъ командиру 7-го эскадрона маіору князю Чавчавадзе. Минута становилась критическою: черезъ нѣкоторое время турки должны были обойти насъ съ фланга, отбросить насъ къ нашему центру и, быть можетъ, рѣшить этимъ все сраженіе, тѣмъ болѣе, что ихъ баталіоны, стоявшіе на Караялѣ, только и ждали этого случая, чтобы ринуться на насъ всею массою. Въ это время прискакалъ дивизіонъ донской № 7-го батареи, подъ командою есаула Кульгачева, отдѣленный сюда отъ своей части, дѣйствовавшей правѣе. Неустрашимый Кульгачевъ, всегдашній сподвижникъ на Кавказѣ нижегородцевъ, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣ-

ловъ гранатами, повторилъ свой башъ-кадыклярскій подвигъ: онъ быстро вынесся впередъ, снялся съ передковъ въ шестидесяти шагахъ отъ непріятеля и ударилъ картечью. Съ этой минуты начался на нашемъ лѣвомъ флангѣ разгаръ кровавой драмы, столь трагически заключившейся для непріятеля.

Въ одно мгновеніе убійственный штуцерный огонь вырвалъ изъ дивизіона Кульгачева тридцать четыре человѣка, и средній взводъ лишился прислуги; почти вся упряжь была перебита. Видя невозможность вывезти свои два орудія, Кульгачевъ по необходимости оставилъ ихъ на мѣстѣ, и, оттащивъ лишь передки, ускакалъ съ ними и съ остальными двумя орудіями за фронтъ драгунъ. Три раненые артилериста, лежа подъ лафетомъ одного изъ брошенныхъ орудій, въ послѣдній разъ зарядили его, выстрѣлили и навсегда покончили съ своею честною молодецкою службою. Словно одинокіе надгробные памятники, остались на мѣстѣ обезличенныя наши орудія.

Но нижегородцы не допустили ихъ быть трофеями врага. Одновременно съ Кульгачевымъ летѣлъ и 5-й дивизіонъ полковника Тихоцкаго. Когда турецкіе баталіоны остановились подъ ударомъ нашихъ артилерійскихъ снарядовъ, и вслѣдъ затѣмъ, составивъ каре, моментально уничтожили прислугу двухъ орудій, полковникъ Тихоцкій, съ беззавѣтною отвагою, врѣзался въ ряды непріятеля. Какъ ни силенъ былъ молодецкій налетъ, но стальную стѣнку каре онъ сломить не могъ. Тихоцкій отступилъ, и въ пятидесяти шагахъ отъ орудій, не сводя съ нихъ глазъ, сталъ устроивать дивизіонъ подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ. Воспользовавшись этою минутою, непріятель бросился на осиротѣлыя орудія и завладѣлъ ими. Турецкій офицеръ, прикрывъ одно изъ нихъ и зловѣще размахивая своею саблею уже распоряжался окончательнымъ увозомъ столь заманчивыхъ трофеевъ. Въ это время изъ среды артилеристовъ раздался возгласъ:

— Нижегородцы, смотрите, какъ берутъ ваши пушки!

Эти слова произвели магическое дѣйствіе. Забывая несоразмѣрность силъ, шесть эскадроновъ драгунъ ринулись на цѣлую пѣхотную линію: слѣва—дивизіонъ Тихоцкаго, а справа 3-й и 4-й диви-

зіоны, подъ начальствомъ полковника князя Дондукова-Корсакова. Впереди всѣхъ летѣлъ командиръ 3-го дивизіона маіоръ Петровъ, съ пятымъ и шестымъ эскадронами. Непріятель былъ мгновенно отброшенъ отъ орудій, но тутъ же остановился. Передняя шеренга его баталіона приникла на колѣна и выставила впередъ грозный и сплошной рядъ штыковъ, а задняя почти въ упоръ драгунамъ открыла бѣглый огонь; справа же другой турецкій баталіонъ билъ навыборъ. Но не обращая ни малѣйшаго вниманія на этотъ адскій огонь и на острую стальную рѣшетку, нижегородцы бросились на баталіонъ. Однако, и эта атака не удалась: дивизіоны отступили. Тѣмъ временемъ, въ рядахъ слышались возгласы: „умремъ, но орудій не дадимъ!“ Третій дивизіонъ снова бросился на непріятеля, строй котораго уже значительно порѣдѣлъ. Остатки турецкаго баталіона, не двигаясь съ мѣста, встрѣтили его точно также, какъ и въ предыдущій разъ: полковникъ князь Дондуковъ-Корсаковъ тяжело раненъ, подъ маіоромъ Петровымъ ранена лошадь и онъ самъ сильно контуженъ, капитаны Рязановъ и Батіевскій остались на штыкахъ, штабсъ-капитанъ Кузьминъ-Короваевъ, поручики Петровъ 2-й, Мамуловъ, прапорщикъ Драгилевъ—сильно ранены; въ четвертомъ дивизіонѣ штабсъ-капитанъ Григоровичъ смертельно пораженъ пулею,—и нижегородцы вновь должны были отойти къ безмолвнымъ орудіямъ, мѣдный матеріалъ которыхъ уже стоилъ цѣлыхъ ручьевъ драгоцѣнной человѣческой крови. Болѣе двухсотъ труповъ нашихъ лошадей валялось на пространствѣ ста пятидесяти шаговъ; болѣе половины атакующихъ драгунъ выбыло изъ строя, изъ сорока одного офицера двадцать два были убиты, ранены и контужены. Но предметъ взаимныхъ кровавыхъ стремленій—два мѣдныхъ орудія, оставался пока на томъ же пунктѣ, и горсть нашихъ храбрецовъ берегла его, какъ зѣницу ока.

Въ этотъ моментъ энергія и находчивость полковника Тихоцкаго окончательно рѣшаютъ дѣло въ нашу пользу: онъ выводитъ изъ бездѣйствія нашу пѣхоту (бѣлевцевъ), которая, по его зову, съ барабаннымъ боемъ и крикомъ „ура“ бросается на непріятеля влѣво отъ дивизіона. Турки, разстроенные потерями, начинаютъ отступать. Тихоцкій ударяетъ въ пики и вырываетъ у нихъ шесть ору-

дій, громившихъ драгунъ съ фронта. Опять 3-й, а за нимъ и 4-й дивизіоны нижегородцевъ бросаются въ шашки, потомъ летятъ драгуны Великаго Князя Николая Николаевича полка. Непріятель смятъ, отступленіе его обращается въ рѣшительное бѣгство; драгуны рубятъ и колятъ бѣгущихъ; орудія спасены. Правый флангъ непріятельской арміи кончилъ свое существованіе; войска наши ударяютъ на центръ—и побѣда русскихъ становится несомнѣнною. Это былъ девятый часъ утра...

Кюрюкъ-даринская побѣда доставила князю Бебутову орденъ св. Андрея Первозваннаго. Возлагая его на себя 22-го августа, въ присутствіи войскъ, собравшихся у походной церкви для молебствія по случаю дня священнаго коронованія Государя Императора, князь обратился къ стоявшему на правомъ флангѣ парада нижегородскому полку и тронутымъ голосомъ сказалъ:

— Друзья нижегородцы! съ вами мнѣ всегда счастье: съ вами я заслужилъ подъ Кутешами Георгія на шею; съ вами я получилъ за Башъ-Кадыкляръ Георгія 2-й степени; съ вами теперь я удостоился св. Андрея Первозваннаго за Кюрюкъ-Дара. Съ вами жить и умереть хорошо!

Достаточно описанія этихъ немногихъ событій, чтобы получить опредѣленное понятіе о духѣ и направленіи семьи, выдѣлившей изъ себя нынѣшній Сѣверскій полкъ.

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО

МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ
ВИКТОРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ПЕТРОВЪ.

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
ЯКОВЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ
БАТІЕВСКІЙ.

II.

Высочайшее повелѣніе о сформированіи Сѣверскаго драгунскаго полка. Назначеніе командиромъ полка полковника Голембіовскаго. Назначеніе шефомъ полка Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича. Порядокъ и способъ формированія, указанные военнымъ министромъ. Порученіе генералъ-маіору гр. Нироду 2-му. Соображенія его о сформированіи полка. Высочайшее утвержденіе этихъ соображеній. Вопросъ о штабъ-квартирахъ. Фактическое существованіе полка съ 8-го августа 1856-го года. Число офицеровъ, нижнихъ чиновъ и лошадей, поступившихъ на сформированіе полка. Составленіе и нумерація эскадроновъ. Денежныя суммы и усиленіе ихъ. Дѣятельность графа Нирода по формированію полка. Выдѣленіе дивизіоновъ принца Виртембергскаго полка. День полковаго праздника. Старшинство полка. Наградные знаки. Удержаніе двухъ георгіевскихъ штандартовъ въ полку. Перемѣна нумера полка. Послѣдовательное выступленіе обоихъ полковъ въ Чиръ-Юртъ.

Формированіе нынѣшняго 45-го драгунскаго Сѣверскаго Его Величества Короля Датскаго полка произошло слѣдующимъ образомъ.

Приказомъ военнаго министра отъ 3-го апрѣля 1856-го года (№ 60) объявлено, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: „для войскъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса сформировать два новыхъ драгунскихъ полка, именуя оные Сѣверскимъ и переяславскимъ драгунскими полками“. Въ тотъ же день Высочайшимъ приказомъ назначенъ командиромъ Сѣверскаго полка лейбъ-гвардіи уланскаго полка полковникъ Голембіовскій.

Казиміръ Лукьяновичъ Голембіовскій, изъ дворянъ бывшаго царства польскаго, воспитывался въ частномъ учебномъ заведеніи, вступилъ въ службу унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ 5-го февраля 1826-го года и произведенъ въ первый офицерскій чинъ 21-го іюля 1829-го года, имѣя отъ роду 21-нъ годъ. Во время польскаго мятежа Казиміръ Лукьяновичъ былъ взятъ инсургентами въ плѣнъ и находился тамъ съ 17-го ноября 1830-го по 10-е октября 1831-го года; затѣмъ онъ былъ возвращенъ въ полкъ, участвовалъ въ венгерской кампаніи 1849-го года, и находясь все время до 1856-го года въ одномъ и томъ же полку, послѣдовательно командовалъ въ немъ эскадрономъ и дивизіономъ. За военныя заслуги и

за отличіе по службѣ получилъ ордена: св. Владиміра 4-й степени, св. Анны 2-й и 3-й степеней, св. Станислава 3-й степени и знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ.

Высочайшимъ приказомъ 17-го апрѣля того же 1856-го года назначенъ былъ шефомъ Сѣверскаго полка Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. Это назначеніе полкъ всегда считалъ выраженіемъ особаго благоволенія къ нему въ Бозѣ почившаго Императора за всѣ тѣ заслуги, которыя стяжали до того времени эскадроны, вступившіе при формированіи въ составъ полка.

Съ назначеніемъ шефа названіе „Сѣверскаго" у полка отнято— какъ поступлено и съ прочими драгунскими полками—и повелѣно ему именоваться „драгунскимъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкомъ".

Въ дополненіе къ основному Высочайшему повелѣнію военный министръ, въ томъ-же приказѣ № 60 и въ особомъ отзывѣ къ главнокомандующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ *), пояснилъ слѣдующее: 1) Въ войскахъ кавказскаго корпуса слѣдуетъ имѣть четыре драгунскихъ полка въ 6-ти-эскадронномъ составѣ, по пятнадцати конныхъ рядовъ во взводахъ, съ резервными для сихъ полковъ эскадронами; изъ числа этихъ четырехъ полковъ—два вышеупомянутые и два доселѣ при корпусѣ состоявшіе (Великаго Князя Николая Николаевича—тверской и наслѣднаго принца Виртембергскаго—нижегородскій). 2) Сѣверскій полкъ считать вторымъ въ составѣ драгунскихъ полковъ кавказскаго корпуса и присвоить ему № 9-й. 3) Сѣверскій полкъ составить изъ эскадроновъ драгунскаго принца Виртембергскаго полка, съ обмундированіемъ по образцу сего полка, съ бѣлымъ приборомъ. Всѣмъ офицерамъ имѣть на полукафтанахъ петлицы изъ галуна по цвѣту пуговицъ. 4) Для четырехъ кавказскихъ драгунскихъ полковъ дивизіонныхъ и бригадныхъ управленій не имѣть, а подчинить ихъ во всѣхъ отношеніяхъ начальникамъ тѣхъ (пѣхотныхъ) дивизій, при коихъ должны были состоять. Сѣверскій полкъ назначить для 20-й пѣхотной дивизіи, рас-

*) 3-го апрѣля № 4307.

положенной въ предѣлахъ лѣваго крыла кавказской линіи. 5) Въ четырехъ полкахъ кавказскаго корпуса дозволить имѣть лошадей разной шерсти, по примѣру драгунскаго принца Виртембергскаго полка, по дивизіонамъ или по эскадронамъ, но съ тѣмъ, чтобы не было сѣрыхъ и отмастковъ. 6) Въ резервномъ эскадронѣ имѣть чиновъ па 15-ть рядовъ во взводахъ; строевыхъ лошадей не полагать, а имѣть только для рекрутъ 46-ть лошадей изъ числа выранжированныхъ, но годныхъ къ службѣ. 7) Для четырехъ резервныхъ эскадроновъ кавказскаго корпуса взять изъ новороссійскаго драгунскаго полка потребное число нижнихъ чиновъ (строевыхъ 652 и нестроевыхъ 32) съ тѣмъ, чтобы для этого назначены были люди самыхъ младшихъ сроковъ и неподлежащіе увольненію въ отставку и безсрочный отпускъ. 8) На освѣженіе лошадей драгунскихъ полковъ кавказскаго корпуса употребить таковыхъ изъ новороссійскаго драгунскаго полка, а остальныхъ выранжировать и продать съ аукціоннаго торга. 9) Если бы и засимъ въ новороссійскомъ полку остались свободныя къ службѣ лошади, то всѣхъ ихъ, съ конскимъ приборомъ, распредѣлить по равной части въ резервные эскадроны драгунскихъ полковъ кавказскаго корпуса. 10) Наконецъ, новороссійскій полкъ привести изъ десяти-эскадроннаго въ восьми-эскадронный кадровый составъ и отправить въ Россію пѣшкомъ.

Таковы были главныя основанія для сформированія двухъ новыхъ драгунскихъ полковъ вообще и Сѣверскаго въ частности.

Исполнительныя распоряженія, заключавшіяся въ подробностяхъ, вызываемыхъ Высочайшимъ повелѣніемъ, предоставлялись главнокомандующему, который за отсутствіемъ своимъ, все дѣло ввѣрилъ генералъ-лейтенанту князю Бебутову; а составленіе соображеній о сформированіи полковъ, согласно Высочайшему разрѣшенію, возложилъ на находившагося еще въ то время на Кавказѣ командира сводной драгунской бригады генералъ-маіора графа Нирода 2-го. Соображенія эти были изготовлены и представлены главнокомандующему къ 1-му числу іюня 1856-го года; они состояли въ именныхъ спискахъ офицеровъ всѣхъ четырехъ драгунскихъ полковъ и въ предполагаемомъ ихъ размѣщеніи по полкамъ, въ расчетахъ о нижнихъ чинахъ, лошадяхъ, обозѣ и о прочемъ имуществѣ полка.

Главнѣйшее мѣсто въ этихъ расчетахъ, конечно, принадлежало личному составу полка: офицерамъ, нижнимъ чинамъ и лошадямъ. Изъ числа первыхъ, графъ Нироdъ предназначилъ для драгунскаго Наслѣдника Цесаревича полка: четырехъ штабъ-офицеровъ и тридцать три оберъ-офицера изъ драгунскаго принца Виртембергскаго (нижегородскаго) полка и восемь оберъ-офицеровъ изъ полка Великаго Князя Владимира Александровича (новороссійскаго). Въ число нижнихъ чиновъ для формируемаго полка были назначены изъ принца Виртембергскаго полка: три юнкера, 123 унтеръ-офицера (изъ нихъ 15-ть человѣкъ для резервнаго эскадрона), 12-ть музыкантовъ (изъ нихъ 8 трубачей и 4-ре барабанщика) и 989 рядовыхъ; изъ драгунскаго же Великаго Князя Владимира Александровича полка было предназначено къ переводу въ новый полкъ 5-ть унтеръ-офицеровъ, 16-ть музыкантовъ (7 трубачей и 9-ть барабанщиковъ) и 129-ть рядовыхъ (40 строевыхъ и 89-ть нестроевыхъ). Наконецъ, лошадей предназначалось изъ драгунскаго принца Виртембергскаго полка: строевыхъ 572 и подъемныхъ 42, а изъ полка Великаго Князя Владимира Александровича строевыхъ 297-мь и подъемныхъ 32. Всѣ эти расчеты были сдѣланы по наличному числу людей и лошадей, находившихся въ полкахъ по 31-е мая. Часть строевыхъ нижнихъ чиновъ изъ драгунскаго принца Виртембергскаго полка должна была поступить безъ оружія, такъ какъ въ полку его не доставало на все наличное число. Весь указанный выше расчетъ былъ произведенъ такимъ образомъ, чтобы драгунскій принца Виртембергскаго полкъ, будучи переформировываемъ, согласно Высочайшему повелѣнію, въ шести-эскадронный составъ, выдѣлилъ изъ себя для новаго полка въ полномъ составѣ четыре эскадрона; остальное же число лишнихъ людей, по расчету 15-ти-ряднаго коннаго состава во взводахъ, выдѣлявшееся изъ того же полка, должно было войти въ составъ двухъ другихъ дѣйствующихъ эскадроновъ вновь формируемаго полка. Впрочемъ насколько соображеніе о выдѣленіи всецѣло четырехъ эскадроновъ было рѣшительное и окончательное (хотя №№ эскадроновъ еще заранѣе не были намѣчены), настолько распоряженіе о сформированіи остальныхъ двухъ дѣйствующихъ эскадроновъ

отложено было до прибытія полковника Голембіовскаго, въ ожиданіи котораго главнокомандующій корпусомъ, тѣмъ временемъ, представилъ соображеніе графа Нирода, чрезъ военнаго министра, на Высочайшее соизволеніе *).

По пріѣздѣ 29-го іюня полковника Голембіовскаго въ Тифлисъ, генералъ-адъютантъ Муравьевъ, не ожидая Высочайшаго утвержденія, сообщилъ генералъ-маіору графу Нироду, что представленіе его одобряетъ, причемъ поручилъ ему тотчасъ же приступить къ распоряженіямъ о передачѣ изъ драгунскаго Великаго Князя Владиміра Александровича полка, находившагося вблизи Александрополя, офицеровъ, нижнихъ чиновъ, лошадей, обоза и всего прочаго полковнику Голембіовскому; сему же послѣднему приказалъ отправиться для этого въ Александрополь и явиться тамъ графу Нироду, а потомъ оттуда, вмѣстѣ съ графомъ, оправиться на Царскіе-Колодцы и тамъ принять все слѣдуемое отъ драгунскаго принца Виртембергскаго полка **).

28-го іюля послѣдовало Высочайшее утвержденіе ***) всѣхъ выработанныхъ генералъ-маіоромъ графомъ Нdouglas Ниродомъ соображеній.

Сообщая объ этомъ, военный министръ увѣдомилъ главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, чтобы оба полка — принца Виртембергскаго и Наслѣдника Цесаревича, расположить въ штабъ-квартирѣ перваго изъ нихъ — въ Чиръ-Юртѣ, гдѣ новый полкъ могъ удобнѣе устроиться, потому что виртембергцы имѣли тамъ свои склады и хозяйственныя заведенія на двѣнадцать эскадроновъ. Въ отзывѣ по этому поводу военнаго министра было сказано, что хотя драгунскій полкъ, причисленный къ 20-й пѣхотной дивизіи, при расположеніи въ Чиръ-Юртѣ, будетъ удаленъ на нѣсколько переходовъ отъ крѣпости Грозной, но такъ какъ болѣе частые прорывы горцевъ бываютъ преимущественно на кумыкскую плоскость или близъ оной, то, находясь въ Чиръ-Юртѣ, онъ всегда

*) Донесеніе 16-го іюня № 2222.

**) Предписаніе генералъ-маіору гр. Нироду 5-го іюля № 2510.

***) Отзывъ военнаго министра къ генералъ-адъютанту Муравьеву 30-го іюля № 9142.

можетъ способствовать къ охраненію нижней части Терека и кумыкской плоскости, если только командиру полка будетъ вмѣнено въ обязанность исполнять требованія командующаго войсками въ кумыкскихъ владѣніяхъ. Въ заключеніе предоставлялось главнокомандующему, если признаетъ нужнымъ, отыскать для наслѣднаго принца Виртембергскаго полка новую штабъ-квартиру въ раіонѣ 21-й пѣхотной дивизіи. Но спустя нѣкоторое время, въ дополненіе къ этому распоряженію, военный министръ сообщилъ *), что такъ какъ наслѣднаго принца Виртембергскаго полку было бы неудобно оставлять свою давнюю штабъ-квартиру, гдѣ онъ имѣетъ свои склады, запасы и заведенія, то Государь Императоръ повелѣлъ: драгунскіе полки, причисленные къ 20-й и 21-й дивизіямъ, замѣнить одинъ другимъ, съ перемѣною и нумеровъ.

И въ силу такой Высочайшей воли драгунскій Наслѣдника Цесаревича полкъ съ этой минуты былъ причисленъ къ 21-й пѣхотной дивизіи и принялъ вмѣсто № 9-го—№ 10-й. Такая перемѣна причисленія къ дивизіямъ и перестановка нумеровъ повлекли за собою еще одно распоряженіе, а именно, что новый полкъ долженъ былъ оставаться въ Чиръ-Юртѣ только до окончательнаго сформированія, а затѣмъ перейти въ другую штабъ-квартиру, въ раіонъ 21-й пѣхотной дивизіи, въ тотъ пунктъ, гдѣ будетъ удобнѣе по соображеніи пользы службы, свойства климата и выгодъ квартированія.

Несмотря на обширность задачи по сформированію Наслѣдника Цесаревича полка, графъ Нироდъ подготовилъ къ пріѣзду полковника Голембіовскаго все дѣло такъ основательно и подробно, что послѣдній началъ пріемъ людей, лошадей и обоза отъ бывшаго новороссійскаго полка 13-го іюля и окончилъ 20-го числа того же мѣсяца, а отъ принца Виртембергскаго полка началъ 21-го іюля и окончилъ 8-го августа **). Оба эти пріема, произведенные безъ

---

*) 9-го августа 1856-го года № 9748 и приказъ по отдѣльному кавказскому корпусу № 539.

**) Всеподданнѣйшее донесеніе полковника Голембіовскаго отъ 25-го августа № 44.

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ЕВСТАФЬЕВИЧЪ
НИРОДЪ 2-Й.

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ
ДОНДУКОВЪ-КОРСАКОВЪ.

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
КАЗИМИРЪ ЛУКЬЯНОВИЧЪ
ГОЛЕМБІОВСКІЙ.

перерыва во времени, доказываютъ, что они состоялись въ Царскихъ-Колодцахъ, куда, конечно, къ назначенному времени прибыли люди, лошади, и имущество, подлежавшіе къ сдачѣ отъ драгунскаго Великаго Князя Владиміра Александровича полка.

Опираясь на указанное донесеніе полковника Голембіовскаго, *фактическое существованіе* нынѣшняго Сѣверскаго Его Величества Короля Датскаго полка *слѣдуетъ считать съ 8-го августа 1856-го года.*

На сформированіе драгунскаго Наслѣдника Цесаревича полка поступило изъ драгунскаго наслѣднаго принца Виртембергскаго полка: 3 штабъ-офицера, 35 оберъ-офицеровъ, 127 унтеръ-офицеровъ, 13 трубачей, 989 рядовыхъ, 1 нестроевой унтеръ-офицеръ, 30 нестроевыхъ разнаго званія нижнихъ чиновъ, 563 строевыхъ и 42 подъемныя лошади; отъ Великаго Князя Владиміра Александровича полка: 8 оберъ-офицеровъ, 5 унтеръ-офицеровъ, 16 трубачей, 209 рядовыхъ, 47 нестроевыхъ нижнихъ чиновъ, 295 строевыхъ и 37 подъемныхъ лошадей. Въ показанномъ числѣ строевыхъ нижнихъ чиновъ и лошадей поступилъ на сформированіе Наслѣдника Цесаревича полка 1-й дивизіонъ Великаго Князя Владиміра Александровича полка въ полномъ составѣ, а отъ принца Виртембергскаго полка четыре эскадрона также въ полномъ составѣ именно: 9-й, 4-й, 7-й и 8-й, которые въ новомъ полку получили слѣдующіе нумера: 9-й—№ 3-й, 4-й остался съ тѣмъ же нумеромъ 4-мъ, 7-й—№ 5-й и 8-й—№ 6-й и образовали собою—первые два 2-й, а послѣдніе два—3-й дивизіоны Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка; сверхъ штатнаго числа людей въ 4-хъ эскадронахъ, изъ наслѣднаго принца Виртембергскаго полка поступило 460 человѣкъ. Резервный эскадронъ, по штату 6-ти офицеровъ и 167 строевыхъ нижнихъ чиновъ, сформированъ *исключительно* изъ драгунскаго Великаго Князя Владиміра Александровича полка, а 1-й и 2-й эскадроны—изъ нижнихъ чиновъ драгунскаго принца Виртембергскаго полка *), не вошедшихъ въ составъ упомянутыхъ выше

*) Отзывъ и. д. начальника главнаго штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства отъ 24-го марта 1857 года № 1344.

четырехъ другихъ эскадроновъ (съ прибавленіемъ весьма незначительнаго числа, всего 14—20 человѣкъ, отъ Великаго Князя Владимира Александровича полка); инвалидная и нестроевая роты составлены частью изъ людей одного полка, а частью другаго. Всѣ шесть дѣйствующихъ эскадроновъ имѣли полное штатное число нижнихъ чиновъ и строевыхъ лошадей (108 унтеръ-офицеровъ, 25 музыкантовъ и 864 рядовыхъ; лошадей строевыхъ 823); подъемныхъ же лошадей было всего 75 и до штата недоставало 31-й. Въ резервномъ эскадронѣ—также полное штатное число нижнихъ чиновъ (18 унтеръ-офицеровъ, 4 музыканта и 144 рядовыхъ); строевыхъ лошадей по штату было положено 26, а недоставало 11-ти; 4 штатныя подъемныя были налицо. Въ нестроевой ротѣ—также все штатное число (3 унтеръ-офицера и 96 рядовыхъ); въ инвалидной же ротѣ по штату полагалось 283 человѣка и недоставало 130; деньщиковъ по штату полагалось 56 и недоставало 23. Недостатокъ противъ первоначальнаго расчета нижнихъ чиновъ въ инвалидной ротѣ и строевыхъ лошадей въ резервномъ эскадронѣ произошелъ потому, что со времени окончательныхъ распоряженій графа Нирода (съ 31 мая) въ численномъ составѣ людей и лошадей принца Виртембергскаго и Великаго Князя Владимира Александровича полковъ произошли нѣкоторыя перемѣны. Но такъ какъ резервный эскадронъ сформировался изъ людей, поступившихъ на службу въ 1853-мъ и 1854-мъ годахъ, а слѣдовательно уже обученныхъ, то въ пополненіи эскадрона строевыми лошадьми пока надобности не представлялось *).

Экономической и образной суммы среднимъ числомъ на каждаго человѣка изъ полка Великаго Князя Владимира Александровича поступило по 4 р. 10 к. (1111 руб. 10 коп.) и собственной артельной солдатской суммы 966 руб. 75½ коп.; изъ драгунскаго принца Виртембергскаго полка—артельной солдатской 5246 р. 34 к., собственныхъ солдатскихъ денегъ 330 р. 93¾ к., артельныхъ, принадлежавшихъ разнымъ нижнимъ чинамъ—80 р. 49½ к., артельныхъ послѣ умершихъ 514 р. 59¾ к., съѣстной харчевой сум-

*) Рапортъ гр. Нирода 6-го августа 1856-го года № 152.

мы 910 р. $66^{3}/_{4}$ к., образной 64 р. $63^{1}/_{4}$ к., экономической, пріобрѣтенной хозяйственными средствами, 430 р. $57^{1}/_{2}$ к., а всего 7578 руб. $84^{1}/_{4}$ коп.

Еще въ періодъ переформированія старыхъ и сформированія новыхъ полковъ, графъ نиродъ обратилъ вниманіе на то, что въ эскадронахъ принца Виртембергскаго полка имѣется достаточно артельной суммы, а въ эскадронахъ Великаго Князя Владиміра Александровича она была почти истощена. Въ виду этого, главнокомандующій назначилъ въ каждый эскадронъ и нестроевую роту вновь сформированнаго полка по 150 руб. въ единовременное пособіе харчевымъ суммамъ. Интендантскимъ вѣдомствомъ было отпущено на этотъ предметъ всего 1050 руб. *). Полковникъ Голембіовскій, имѣя въ виду достатокъ суммъ въ эскадронахъ принца Виртембергскаго полка, поступившихъ всецѣло въ составъ Наслѣдника Цесаревича полка съ своимъ артельнымъ хозяйствомъ, и недостаточность ихъ въ сборномъ 1-мъ дивизіонѣ, поступившемъ безъ артельнаго хозяйства, а также въ 7-мъ резервномъ эскадронѣ, въ инвалидной и нестроевой ротахъ—распредѣлилъ означенную сумму такимъ образомъ, что на бывшіе эскадроны принца Виртембергскаго полка досталось въ пособіе по 75 руб., а въ остальные два эскадрона и прочія упомянутыя части по 150 рублей.

Всѣмъ своимъ тогдашнимъ и дальнѣйшимъ хорошимъ положеніемъ новый Наслѣдника Цесаревича полкъ обязанъ исключительно заботливости и предусмотрительности генералъ-маіора графа Нирода, благодаря которому съ перваго же дня получилъ возможность явиться въ образцовой во всѣхъ отношеніяхъ исправности. Графъ, дѣйствуя со всею строгою справедливостью и безпристрастіемъ, особенно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы новый полкъ не былъ обиженъ ни имуществомъ, ни деньгами, ни людьми, ни лошадьми. Всѣ подобныя обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, оставили на долгое время въ новомъ Наслѣдника Цесаревича полку самое отрадное воспоминаніе о благодѣтельномъ для него имени генералъ-маіора графа Нирода 2-го.

*) Отзывъ начальника штаба отд. кавк. корпуса къ командиру Наслѣдника Цесаревича полка отъ 29-го ноября 1856-го года № 4028.

Несмотря на всю важность такого событія, какъ выдѣленіе одного полка изъ другаго, и на все желаніе разъединявшагося общества нижегородцевъ придать ему разнообразный, оживленный и по возможности веселый оттѣнокъ, все вышло какъ-то печально, такъ что старые нижегородцы-Сѣверцы даже и теперь не могутъ равнодушно вспомнить объ этомъ достопамятномъ для нихъ днѣ. И не мудрено, что обѣимъ сторонамъ было о чемъ пожалѣть: одна лишалась половины своего существа, другая оставляла ту колыбель, за честь и славу которой пролила столько крови. Выдѣленіе одного полка изъ другаго было во всемъ похоже на разлуку двухъ любящихъ братьевъ-близнецовъ, и это лучше всего выразилось на послѣднемъ прощальномъ вечерѣ въ рощѣ „Лѣтникахъ“, разведенной нижегородцами еще въ сороковыхъ годахъ, во время командованія ими полковника Безобразова. На этомъ вечерѣ сошлись, во главѣ съ графомъ Нироdомъ, не только всѣ офицеры обоихъ полковъ и ихъ семейства, но даже и нижніе чины. Часы были проведены не столько въ веселой пирушкѣ—потому что радоваться было нечему—сколько въ задушевномъ обмѣнѣ самыхъ искреннихъ чувствъ, среди которыхъ первое мѣсто принадлежало завѣту—остаться навсегда друзьями и братьями. Послѣднее названіе въ свое время употреблялось весьма часто, даже перешло въ полковыя пѣсни; но въ особенности оно стало дорого для обоихъ полковъ съ той минуты, когда въ Бозѣ почившій Императоръ, во время пребыванія въ сентябрѣ 1861-го года въ кубанской области, примѣнилъ и послѣ примѣнялъ его къ обоимъ полкамъ.

Единственнымъ утѣшеніемъ для раздѣлившихся „братьевъ“ служило то обстоятельство, что имъ предстояло неопредѣленное время жить въ одномъ и томъ же пунктѣ, который десять лѣтъ назадъ они устроили общими усиліями.

Полковой праздникъ вновь сформированному полку былъ назначенъ въ одинъ день съ нижегородскимъ—27-го ноября.

Старшинство новому полку было дано, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 25-го марта 1860-го года, со дня сформированія нижегородскаго драгунскаго полка, именно—съ 1701-го года.

Новый Наслѣдника Цесаревича полкъ, въ минуту своего сфор-

мированія, удержалъ за собою только два наградныхъ знака: серебряныя петлицы на полукафтанахъ офицеровъ, оставленныя ему приказомъ 3-го апрѣля 1856-го года, и георгіевскій штандартъ 4-го дивизіона принца Виртембергскаго полка, Высочайше пожалованный ему 30-го августа 1856-го года „за отличные подвиги въ Чечнѣ въ 1851-мъ году и въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24-го іюля 1854-го года", который 7-й и 8-й эскадроны внесли съ собою, при выдѣленіи, въ новый полкъ.

Относительно же знака отличія на папахахъ, который имѣли всѣ эскадроны принца Виртембергскаго полка, георгіевскихъ серебряныхъ трубъ 4-го дивизіона, георгіевскаго штандарта и серебряныхъ трубъ 5-го дивизіона, выдѣлившаго изъ себя 9-й эскадронъ, а также знака отличія на каскахъ, георгіевскаго штандарта и серебряныхъ трубъ 1-го дивизіона Великаго Князя Владимира Александровича полка,—сперва графъ Ниродъ *), а потомъ, по сформированіи новаго полка, и полковникъ Голембіовскій **) вошли съ особыми представленіями. Что касается упомянутыхъ выше наградныхъ знаковъ 1-го дивизіона Великаго Князя Владиміра Александровича полка, то въ нихъ вновь сформированному Наслѣдника Цесаревича полку было отказано рѣшительно и категорически на томъ основаніи, что первый изъ этихъ полковъ (Великаго Князя Владиміра Александровича) оставшись въ кадровомъ составѣ, долженъ удержать у себя штандарты и прочія отличія, а что касается наградныхъ знаковъ принца Виртембергскаго полка, которые поименовали графъ Ниродъ и полковникъ Голембіовскій, то о нихъ были затребованы необходимыя свѣдѣнія, послужившія началомъ продолжительной переписки. Но пока происходила эта переписка, 1-му и 2-му дивизіонамъ были даны простые штандарты безъ надписей ***): 1-му одинъ, съ установленною 25-го іюня 1838-го года скобою,

---

*) Отзывъ къ начальнику штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса 13-го августа 1856-го года № 154-й.

**) Рапортъ начальнику 21-й пѣхотной дивизіи отъ 31-го января 1857-го года № 142-й.

***) Оба эти штандарта были золотые.

изъ числа двухъ, принадлежавшихъ нижегородскому драгунскому полку до пожалованія въ 1828-мъ году георгіевскихъ штандартовъ, принятый имъ 11-го февраля 1859-го года изъ хасавъ-юртовскаго крѣпостнаго артиллерійскаго склада; 2-му съ такою же скобою, принадлежавшій бывшему 4-му дивизіону нижегородскаго полка до пожалованія ему въ 1851-мъ году георгіевскаго штандарта, полученный имъ 20-го марта 1859-го года изъ московскаго арсенала.

Прежде всѣхъ другихъ разрѣшился въ пользу новаго полка вопросъ о георгіевскихъ серебряныхъ трубахъ для 3-го дивизіона, которыя, въ числѣ пяти, были высланы, въ дополненіе къ георгіевскому штандарту этого дивизіона, изъ нижегородскаго полка 21-го января 1860-го года. 1-й же дивизіонъ оставался все съ однимъ и тѣмъ же штандартомъ до переформированія полка, согласно Высочайшему повелѣнію 31-го іюля 1862-го года, въ четырехъ-эскадронный составъ, и затѣмъ сдалъ его 15-го апрѣля 1864-го года въ георгіевскій арсеналъ.

Когда же 17-го августа 1861-го года былъ Высочайше утвержденъ новый рисунокъ штандартовъ образца армейской кавалеріи, то взамѣнъ георгіевскаго штандарта 3-го дивизіона Наслѣдника Цесаревича полка изъ нижегородскаго драгунскаго полка былъ высланъ ему 20-го октября 1862-го года составленный по означенному выше рисунку другой георгіевскій штандартъ, а прежній сданъ въ георгіевскій арсеналъ также 15-го апрѣля 1864-го года.

Наконецъ, въ 1863-мъ году окончательно разрѣшился вопросъ и касательно наградныхъ знаковъ 2-го дивизіона. Дежурный генералъ кавказской арміи увѣдомилъ *) командующаго войсками въ кубанской области, гдѣ въ то время находился полкъ, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ (7-го октября 1863-го года): георгіевскій штандартъ и георгіевскія серебряныя трубы, пожалованные 21-го января 1854-го года и 30-го августа 1856-го года бывшему 5-му дивизіону нижегородскаго полка, передать во 2-й дивизіонъ Сѣверскаго Наслѣдника Цесаревича полка, во вниманіе того, что на сформированіе сего послѣдняго дивизіона въ

*) Рапортъ отъ 18-го декабря 1863-го года № 2774.

1856-мъ году поступилъ 9-й эскадронъ нижегородскаго полка. Одновременно съ тѣмъ было повелѣно удержать полку и знаки отличія на папахахъ.

Высылка георгіевскаго штандарта для 2-го дивизіона нѣсколько замедлилась потому, что за расформированіемъ въ свое время 5-го дивизіона нижегородскаго полка онъ не былъ изготовленъ и приступлено было къ его изготовленію только по воспослѣдованіи Высочайшаго повелѣнія о пожалованіи. Штандартъ этотъ былъ полученъ 22-го іюля 1865-го года изъ главнаго интендантскаго склада *), а прежній сданъ въ георгіевскій арсеналъ 8-го сентября 1866-го года. Что же касается георгіевскихъ трубъ, то четыре таковыхъ, находившіяся все время въ нижегородскомъ полку, были высланы изъ этого полка въ Сѣверскій полкъ только въ 1870-мъ году **). Такъ какъ съ прежними пятью образовалось девять трубъ, то одна лишняя тотчасъ была возвращена обратно въ нижегородскій полкъ ***).

Такимъ образомъ, полкъ постепенно возвратилъ себѣ наградные знаки, съ честью имъ заслуженные, а по окончаніи кавказской войны былъ Высочайше пожалованъ георгіевскими петлицами на полукафтаны нижнихъ чиновъ (о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ) и къ началу минувшей кампаніи 1877—1878 годовъ имѣлъ слѣдующія награды:

1) Серебряныя петлицы на полукафтанахъ офицеровъ.

2) Знаки на шапкахъ съ надписью „за отличіе“, пожалованные 22-го сентября 1830-го года.

3) Петлицы изъ георгіевскаго басона на воротникахъ и обшлагахъ мундира у нижнихъ чиновъ, пожалованныя Высочайшимъ приказомъ 20-го іюля 1865-го года.

---

*) При отзывѣ штаба кавказской кавалерійской дивизіи отъ 1-го іюля 1865-го года № 1315.

**) Отзывъ командира нижегородскаго полка отъ 23-го мая 1870-го года № 467.

***) Отзывъ командира Сѣверскаго полка 11-го іюля 1870-го года № 1579.

4) Георгіевскіе штандарты съ александровскими лентами и надписями по краямъ: въ 1-мъ дивизіонѣ (золотой)—*За отличные подвиги въ Чечнѣ въ 1851-мъ году и въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24-го іюля 1854-го года*, пожалованный 30-го августа 1856-го года; а во второмъ дивизіонѣ (серебряный) — *За отличіе, оказанное въ персидскую войну 1826, 1827 и 1828 годовъ и за отличные подвиги въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24-го іюля 1854-го года.*

Надписи на скобахъ:

Въ первомъ дивизіонѣ— *1701. Драгунскіе Морелія и князя Ивана Львова полки* и

1846. 4-й и 5-й дивизіоны драгунскаго Его Королевскаго Высочества наслѣднаго принца Виртембергскаго полка.

1856. За отличные подвиги въ Чечнѣ въ 1851-мъ году и въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24-го іюля 1854-го года.

1865. 17-го драгунскаго Сѣверскаго Его Величества Короля Датскаго полка 1-го дивизіона.

Во 2-мъ дивизіонѣ— *1701. Драгунскіе Морелія и князя Ивана Львова полки* и

1846. 4-й и 5-й дивизіоны драгунскаго Его Королевскаго Высочества наслѣднаго принца Виртембергскаго полка.

1828 и 1856. За отличіе, оказанное въ персидскую войну 1826, 1827 и 1828 годовъ и за отличные подвиги въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24-го іюля 1854-го года.

1865. 17-го драгунскаго Сѣверскаго Его Величества Короля Датскаго полка 2-го дивизіона.

[illegible] Георгіевскія трубы съ надписью: *За отличные подвиги при п[illegible] 36,000 турецкаго корпуса на башъ-кадыклярскихъ высотахъ 19-го ноября 1853 года*, пожалованныя 4-му и 5-му дивизіонамъ нижегородскаго драгунскаго Его Королевскаго Высочества наслѣднаго принца Виртембергскаго полка 21-го января 1854-го года

и переданныя 1-му дивизіону въ 1856-мъ году, а 2-му вмѣстѣ со штандартомъ въ 1863-мъ году.

Что же касается до александровскихъ лентъ, жалуемыхъ полкамъ, кои со времени своего первоначальнаго учрежденія хотя и измѣняли названія, но ни разу не были расформированы и существуютъ болѣе ста лѣтъ, то въ Сѣверскомъ полку имѣется одна изъ таковыхъ на оба дивизіона (1-й и 2-й). На одномъ концѣ одной стороны ея изображена слѣдующая надпись:

1701 г. Драгунскіе Морелія и князя Ивана Львова полки. 1846-й годъ. 4-й и 5-й дивизіоны драгунскаго Его Королевскаго Высочества наслѣднаго принца Виртембергскаго полка. На другомъ концѣ этой же ленты: *16-го драгунскаго нижегородскаго Его Величества Короля Виртембергскаго полка.* На другой сторонѣ по всей лентѣ: *1828-й годъ. За отличіе, оказанное въ персидскую войну 1826—1828 годовъ. 1856-й годъ. За отличные подвиги въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара 24-го іюля 1854-го года.* На бантѣ означенъ годъ пожалованія: *1870-го года.*

Въ промежутокъ времени между сформированіемъ полка и Высочайшимъ повелѣніемъ объ удержаніи георгіевскаго штандарта и серебряныхъ трубъ 2-мъ дивизіономъ, была объявлена въ приказѣ военнаго министра *) Высочайшая воля о томъ, чтобы въ полкахъ гвардейской и армейской кавалеріи оставить по одному штандарту, а прочіе передать въ полковыя церкви или арсеналы и допустить исключеніе только для тѣхъ полковъ, которые имѣютъ оба штандарта георгіевскіе съ различными надписями за особыя военныя отличія; въ семъ послѣднемъ случаѣ должны были быть оставлены въ полку оба штандарта.

На этомъ основаніи Сѣверскій полкъ сохранилъ у себя оба георгіевскіе штандарта.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1856-го года, вслѣдствіе сформированія при первыхъ семи легкихъ кавалерійскихъ дивизіяхъ семи новыхъ драгунскихъ полковъ, всѣ драгунскіе полки получили новую нуме-

*) 30-го октября 1857-го года № 358.

рацію и въ томъ числѣ Наслѣдника Цесаревича полкъ получилъ № 17-й *).

Въ Царскихъ-Колодцахъ оба полка проводили время до 10-го сентября. Тутъ имъ пришлось разстаться, и нижегородцы первые выступили въ Чиръ-Юртъ. Урочище съ его временною штабъ-квартирою затихло, и еще тяжеле стало на душѣ у сѣверцевъ до той минуты, пока и для нихъ не наступила очередь двинуться за своими собратами.

Выступленіе сѣверцевъ послѣдовало 9-го октября. Они оживились, повеселѣли только тогда, когда во главѣ каждаго эскадрона раздалась пѣсня, сложенная по поводу раздѣленія полковъ, которую и до сихъ поръ поютъ въ обоихъ полкахъ.

III.

Прибытіе Сѣверскаго полка въ укрѣпленіе Чиръ-Юртъ и размѣщеніе его. Отношенія общества офицеровъ Сѣверскаго полка къ нижегородцамъ и къ своему прежнему командиру генералъ-маіору князю Дондукову-Корсакову. Характеристика генералъ-маіора Голембіовскаго. Возвращеніе полку его прежняго названія. Взглядъ на положеніе нашихъ дѣлъ на Кавказѣ къ 1857-му году. Участіе 1-го и 2-го дивизіоновъ Сѣверскаго полка въ военныхъ дѣйствіяхъ при занятіи въ 1857-мъ году Салатавіи и знаменитая атака 1-го августа у новаго Буртуная. Перемѣна воззрѣній генералъ-маіора Голембіовскаго. Причины, вызвавшія сѣверцевъ въ 1858-мъ году на поля Чечни. Еще двѣ громкія атаки при р. Ачхоѣ и аулѣ Измаилѣ. Служба сѣверцевъ въ 1859-мъ году въ чеченскомъ и дагестанскомъ отрядахъ. Подвигъ унтеръ-офицеровъ Михаила Чумачкова и Филиппа Бѣлокурова. Прибытіе къ Гунибу. Взятіе его и сопровожденіе плѣннаго Шамиля.

Наконецъ, полкъ, послѣ благополучнаго, безъ всякихъ затрудненій и приключеній, похода, черезъ Шемаху, Кубу и Шуру прибылъ въ Чиръ-Юртъ. Укрѣпленіе уже не было той пустошью, какъ десять лѣтъ назадъ, когда въ любительскій театръ, по указанію командира полка Круковскаго, пришлось обратить конюшню. Тутъ

*) Высочайшій приказъ 18-го сентября 1856-го года.

уже высились и удобныя казармы, и всевозможныя хозяйственныя заведенія, казенные офицерскіе и многіе частные дома, предоставлявшіе полную возможность размѣститься даже и обоимъ обществамъ—нижегородскому и сѣверскому. Выдѣлившіеся эскадроны заняли свои прежнія мѣста, а для остальныхъ двухъ нижегородцы, немного потѣснившись, уступили часть своихъ казармъ и конюшенъ. Командиръ нижегородцевъ генералъ-маіоръ князь Дондуковъ-Корсаковъ, всегда преданный своему полку и сослуживцамъ, встрѣтилъ сѣверцевъ со всею своею семьею вполнѣ подружески, и съ этой минуты до времени будущей окончательной разлуки въ 1860-мъ году сѣверцы нерѣдко забывали, что они болѣе не нижегородцы—такъ все шло дружно, общно, и такъ невольно и сильно тяготѣлъ новый полкъ и къ своему прежнему командиру, и къ товарищамъ. Смотря на ту тѣсную и какъ-бы единую семью, можно было подумать, что часть ея никогда не выдѣлялась, и что у обоихъ полковъ все одинъ и тотъ же командиръ князь Дондуковъ-Корсаковъ, въ домѣ котораго, какъ всегда и прежде, всѣ безъ различія находили постоянно гостепріимство и привѣтъ.

Хотя при этихъ условіяхъ невольное, можетъ быть, нѣкоторое отчужденіе сѣверцевъ отъ своего командира полка Голембіовскаго, въ сущности незлобиваго и спокойнаго, было замѣтное, но послѣдній понималъ, что этимъ ему огорчаться нельзя, потому что не только для сѣверцевъ онъ былъ офицеръ словно чужой, какъ и они для него, но даже для самаго Кавказа онъ былъ человѣкъ новый, незнакомый ни съ его жизнью, ни съ его завѣтными преданіями, явившійся—какъ доказалъ не разъ въ отношеніяхъ своихъ къ полку и его обществу—съ предубѣжденіями противъ Кавказа, его дѣятелей и противъ существовавшаго порядка вещей въ краѣ. Имѣя за собою многія достоинства и будучи ѣздокомъ и мастеромъ кавалерійскаго дѣла въ тогдашнемъ смыслѣ и значеніи этого слова, онъ не могъ не сознавать за княземъ Дондуковымъ тѣ преимущества, которыя послѣдній пріобрѣлъ долгою жизнью и службою на Кавказѣ, поэтому и не стремился опередить его въ этихъ случаяхъ—что, впрочемъ, составляло еще одну достойную черту его характера.

1856-й годъ заключился довольно важнымъ распоряженіемъ о

перевооруженіи драгунскихъ полковъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса нарѣзными ружьями образца стрѣлковъ Императорской Фамиліи *). Это составило своего рода новую эпоху въ военно-образовательной жизни, между прочимъ, и Наслѣдника Цесаревича полка, которому вскорѣ затѣмъ представился рядъ случаевъ съ успѣхомъ воспользоваться новымъ вооруженіемъ въ войнѣ съ кавказскими горцами.

Начало 1857-го года ничѣмъ особеннымъ для сѣверцевъ не ознаменовалось—вплоть до весны. 19-го же апрѣля, къ общей ихъ радости, послѣдовалъ приказъ по корпусу за № 211-мъ слѣдующаго содержанія:

„Государь Императоръ, для увѣковѣченія памяти военныхъ подвиговъ, оказанныхъ полками съ первоначальными ихъ наименованіями, Высочайше повелѣть соизволилъ: тѣмъ изъ нихъ, кои нынѣ носятъ имена своихъ шефовъ, возвратить и прежнія коренныя названія, сохраняя таковыя впредь при назначеніи шефовъ. На этомъ основаніи называть драгунскій Наслѣдника Цесаревича полкъ—„Сѣверскимъ драгунскимъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкомъ“.

И вправду, было отъ чего порадоваться: Башъ-Кадыклиръ и Кюрюкъ-Дара, вмѣстѣ съ именами нижегородцевъ и сѣверцевъ, перейдутъ въ потомство. И не будь связаны вновь всѣ эти названія вмѣстѣ, то, почемъ знать, въ дальнѣйшемъ будущемъ и упустили бы многіе изъ вида, что полкъ Наслѣдника Цесаревича есть Сѣверскій полкъ временъ 1853-го и 1854-го годовъ. И не это только обстоятельство радовало сѣверцевъ: была полная надежда на новые подвиги и новую славу. Главная причина этихъ упованій лежала во вступленіи, 3-го ноября 1856-го года, князя Барятинскаго въ командованіе отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ. Прошлая дѣятельность новаго корпуснаго командира, выразившаяся въ особенности во время завѣдыванія имъ лѣвымъ флангомъ кавказской линіи, вполнѣ служила ручательствомъ въ томъ, что за умиротвореніемъ на материкѣ Европы, все наше вниманіе будетъ сосредоточено на окончательномъ разрѣшеніи многолѣтней кровавой кавказской драмы.

---

*) Приказъ по корпусу отъ 22-го октября 1856-го года № 633.

Такъ оно и случилось.

Между прочимъ, однимъ изъ предвѣстниковъ новой эпохи на Кавказѣ служило и новое административное дѣленіе края, объявленное еще въ сентябрѣ 1856-го года и вступившее въ полную силу только съ пріѣздомъ князя Барятинскаго. Даже и недальновиднымъ людямъ оно ясно указывало, что съ этой минуты наши военныя дѣйствія въ краѣ должны будутъ получить общую связь и одинъ складъ. И дѣйствительно, съ первыхъ же дней прибытія въ край, князь Барятинскій ввелъ въ дѣло свои предначертанія, взлелѣянныя имъ еще за пять лѣтъ назадъ и теперь, въ главныхъ чертахъ, Высочайше одобренныя. Преподавъ ихъ командующимъ войсками лѣваго и праваго крыльевъ кавказской линіи, съ которыми они и открыли свои военныя зимнія дѣйствія на плоскости, князь Барятинскій въ этихъ двухъ главныхъ раіонахъ въ нѣсколько мѣсяцевъ достигъ неожиданныхъ результатовъ. Къ веснѣ 1857-го года положеніе нашихъ дѣлъ на этихъ окраинахъ лучше всего усматривается изъ слѣдующихъ двухъ приказовъ по корпусу *):

„Утромъ 23-го апрѣля изъ Шали въ Куринское я проѣхалъ въ коляскѣ. Всю большую Чечню прошли мы въ шесть часовъ времени и имѣли только девять человѣкъ раненыхъ“.

„Оставшись весьма довольнымъ успѣшнымъ ходомъ военныхъ предпріятій на правомъ крылѣ кавказской линіи, съ удовольствіемъ изъявляю признательность мою генералъ-лейтенанту Козловскому, въ особенности за распоряженія его по устройству мало-лабинской линіи и по занятію Адагума“.

На послѣднемъ словѣ этого приказа должно остановиться вниманіе каждаго сѣверца, такъ какъ съ именемъ Адагума связана доблестная боевая дѣятельность полка въ теченіе четырехъ лѣтъ въ кубанской области, гдѣ сѣверцы безвыходно находились въ составѣ адагумскаго отряда. Но прежде чѣмъ сѣверцы явились туда, и пока понемногу устроивалась адагумская линія, они успѣли сорвать еще нѣсколько лавровъ и на восточномъ Кавказѣ.

Въ прикаспійскомъ краѣ предназначалось расширить наши

*) Приказы отъ 24-го апрѣля 1857-го года № 223 и 24-го мая № 277.

владѣнія занятіемъ Салатавіи и оттѣснить горцевъ въ глубину ихъ трущобъ посредствомъ устройства въ этой части Дагестана передоваго пункта для штабъ-квартиры дагестанскаго пѣхотнаго полка.

Съ этою цѣлью, къ 15-му іюня 1857-го года въ укр. Евгеніевскомъ былъ сосредоточенъ отрядъ изъ десяти баталіоновъ и одной роты пѣхоты, десяти орудій, 1-го и 2-го дивизіоновъ Сѣверскаго полка и четырнадцати сотенъ кавалеріи. Дивизіонами командовали: первымъ подполковникъ Петровъ, вторымъ полковникъ Никорица; эскадронами: первымъ—штабсъ-капитанъ Батіевскій, вторымъ—капитанъ Ковако, третьимъ—капитанъ Загряжскій и четвертымъ—штабсъ-капитанъ Лозицкій. Обоими дивизіонами завѣдывалъ полковникъ Никорица.

Шамиль зналъ о нашихъ намѣреніяхъ и усилилъ въ Салатавіи толпы горцевъ партіями четырехъ наибовъ изъ Гумбета и Ауха. Салатавцы дали ему обѣщаніе противодѣйствовать намъ всѣми своими средствами.

Салатавія почти вся раздѣляется надвое такъ называемымъ теренгульскимъ оврагомъ, укрѣпленнымъ въ то время завалами, взятіе которыхъ съ боя и переходъ на ту сторону, при малѣйшемъ сопротивленіи горцевъ, стоили бы намъ значительныхъ потерь. Но случилось такъ, что этимъ оврагомъ мы овладѣли 16-го іюня безъ выстрѣла, благодаря безпечности горцевъ, не выставившихъ у себя пикетовъ по случаю отчаянной непогоды, а еще болѣе вслѣдствіе того, что никакъ не ожидали нашего быстраго движенія.

Съ этой минуты одною ногою мы стояли въ Салатавіи прочно и неотразимо.

17-го іюня первый дивизіонъ драгунъ, прибывшій въ отрядъ нѣсколько ранѣе 2-го дивизіона, въ составѣ части прочей кавалеріи, находился на рекогносцировкѣ, имѣвшей цѣлью выборъ пункта для штабъ-квартиры дагестанскаго полка. Оказалось, что лучшій пунктъ—это возвышенная покатость, прилегающая къ старому Буртунаю, и на ней остановились всѣ помыслы и соображенія командующаго войсками отряда генералъ-лейтенанта князя Орбеліани.

Войска тотчасъ занялись разработкою дороги черезъ теренгульскій оврагъ, рубкою лѣса, проложеніемъ просѣки и заготовленіемъ матеріаловъ для постройки укрѣпленія.

Черезъ три дня, 20-го числа, была произведена другая рекогносцировка около новаго Буртуная, съ участіемъ обоихъ дивизіоновъ сѣверцевъ. Непріятель сосредоточилъ свои силы на высотахъ, отдѣляющихъ Салатавію отъ Гумбета. Драгуны сбили его оттуда и оттѣснили къ алмакскимъ лѣсамъ.

Къ 22-му іюня численность непріятельскихъ силъ достигла до шести тысячъ человѣкъ. Къ этому полчищу прибылъ самъ Шамиль, привезъ съ собою четыре орудія и поселился въ новомъ Буртунаѣ.

27-го іюня Шамиль началъ обстрѣливать изъ этихъ орудій авангардный лагерь генералъ-маіора Волкова, расположенный по ту сторону теренгульскаго оврага, въ которомъ находились пока оба дивизіона. Подъ покровительствомъ этихъ выстрѣловъ, лучшая непріятельская конница бросилась на сотню дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, бывшую на аванпостахъ. Пока дагестанцы стойко отбивались отъ горцевъ, изъ лагеря, по тревогѣ, вынесся первый дивизіонъ сѣверцевъ, подъ командою подполковника Петрова, и ударилъ на непріятеля. Это была первая атака вновь сформированнаго полка. Горцы бѣжали. Шамиль продолжалъ безвредный огонь изъ орудій. Въ этомъ дѣлѣ контуженъ ружейною пулею возлѣ глаза поручикъ Григоровичъ. На долю этого офицера выпало быть первою, хотя и не тяжелою, жертвою своихъ служебныхъ обязанностей въ кругу остальныхъ сослуживцевъ.

7-го іюля, оставивъ на Теренгулѣ часть войскъ, генералъ-лейтенантъ князь Орбеліани, съ остальными силами отряда, въ томъ числѣ и съ обоими дивизіонами драгунъ, перешелъ на позицію около стараго Буртуная. Тутъ необходимо было занять высоты, лежавшія на полторы версты впереди, по дорогѣ къ новому Буртунаю. Онѣ командовали всею мѣстностью, и если бы ихъ оставить за непріятелемъ, который уже между прочимъ расположилъ тамъ большую часть своей конницы, то онъ могъ бы тревожить отрядъ нашъ огнемъ изъ орудій и замедлять работы. Для занятія этихъ высотъ была направлена въ обходъ праваго фланга непріятеля вся наша кавалерія, съ обоими дивизіонами драгунъ, подъ начальствомъ командира Сѣверскаго полка генералъ-маіора Голембіовскаго. Сбивъ непріятельскіе аванпосты, кавалерія, съ первымъ дивизіономъ дра-

гунъ во главѣ, начала насѣдать на горцевъ. Предвидя неизбѣжную атаку въ то время, какъ дивизіонъ взойдетъ на гору, непріятель сталъ поспѣшно уходить, избѣгая кавалерійской схватки съ драгунами. Въ погоню за убѣгавшимъ непріятелемъ пустились сотни конно-иррегулярнаго полка. Все это дало возможность занять гору тремъ нашимъ баталіонамъ, наступавшимъ съ фронта, которые, не теряя времени, тотчасъ приступили къ постройкѣ на ней земляного укрѣпленія на два баталіона и на четыре орудія. Оно предназначалось для прикрытія общаго расположенія войскъ. По распространившейся тревогѣ, другія свѣжія толпы горцевъ изъ окрестныхъ мѣстъ быстро собрались на высотахъ между новымъ Буртунаемъ и Алмакомъ, открывъ огонь по нашей кавалеріи изъ четырехъ орудій; въ то же время до двухъ тысячъ конницы стало спускаться въ оврагъ, чтобы отхватить тѣ сотни конно-иррегулярнаго полка, которыя преслѣдовали бѣгущихъ. Ободренные явившеюся поддержкою, бѣжавшіе горцы пріостановились, повернулись вновь противъ разсыпавшихся сотенъ, и вступивъ съ ними въ схватку, нанесли имъ достаточный вредъ.

Видя все это, командиръ конно-иррегулярнаго полка князь Багратіонъ приказалъ сотнямъ быстро стянуться назадъ, собралъ ихъ насколько могъ и выжидалъ приближенія горцевъ. Для поддержанія же князя Багратіона начальникъ отряда направилъ 3-й баталіонъ дагестанскаго пѣхотнаго полка. Драгуны въ это время не могли оказать содѣйствія сотнямъ дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, потому что въ сущности не было вопервыхъ, никакого смысла вести атаку на разбросаннаго въ разныхъ мѣстахъ въ одиночку непріятеля, а вовторыхъ, въ это время и самая мѣстность не позволяла дѣйствовать сомкнутымъ строемъ. Когда же непріятель, полагаясь на свою численность, быстро приблизился и открылъ себя вполнѣ, тогда 1-й эскадронъ, съ штабсъ-капитаномъ Батіевскимъ, и одновременно съ нимъ и сотни конно-иррегулярнаго полка, кинулись на него, опрокинули, смяли и погнали. Трофеемъ штабсъ-капитана Батіевскаго были двѣ головы; 2-му же эскадрону, по условіямъ мѣстности, не пришлось вступить въ бой. Съ высотъ былъ открытъ непріятелемъ по драгунамъ усиленный артилерійскій

огонь; но они, не обращая вниманія на ядра, ложившіяся въ ихъ ряды, продолжали гнать горцевъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе получили полную возможность частью уйти опять на высоты между Буртунаемъ и Алмакомъ, а частью разсѣяться въ ущельяхъ. По пути преслѣдованія непріятель оставилъ пятнадцать тѣлъ.

По поводу этого дѣла произошелъ случай, доказавшій, съ одной стороны, холодныя отношенія командира Сѣверскаго полка къ своимъ офицерамъ и обратно, а съ другой—еще болѣе усилившій эту холодность. Когда послѣ дѣла подполковникъ Петровъ явился къ начальнику отряда, то засталъ у него генералъ-маіора Голембіовскаго. Князь Орбеліани повелъ рѣчь о неудачной для нашихъ дагестанскихъ всадниковъ схваткѣ. Голембіовскій, между прочимъ, заявилъ, что „тутъ виноваты драгуны“. Конечно, обвиненіе касалось прежде всего дивизіонера, и это крайне поразило подполковника Петрова, который свыкся съ командирами, оберегавшими достоинство полка, и никакъ не ожидалъ, чтобы генералъ-маіоръ Голембіовскій могъ явиться обвинителемъ своихъ подчиненныхъ, никоимъ образомъ, по его мнѣнію, такого обвиненія не заслуживших. Съ надлежащею сдержанностью подполковникъ Петровъ замѣтилъ, что драгуны сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, и болѣе сдѣлать не могли. Но если полковой командиръ усматривалъ ошибку, то легко могъ ее предотвратить или исправить, такъ какъ былъ на мѣстѣ боя и руководилъ всею кавалеріею.

Къ чести генерала Голембіовскаго нужно однако замѣтить, что это пререканіе не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, хотя и не разубѣдило его въ утвердившемся у него мнѣніи, что всѣ эти такъ называемые подвиги драгунъ—въ сущности пустяки, а обычай доставленія непріятельскихъ головъ—и болѣе того.

Къ вечеру 7-го іюля войска заняли слѣдующія мѣста: въ редутѣ возлѣ новаго Буртуная, по обѣимъ сторонамъ терешгульскаго оврага и на горѣ Ибрагимъ-Дада—въ послѣднемъ пунктѣ собственно для охраненія нашихъ сообщеній съ укр. Евгеніевскимъ. Второй дивизіонъ сѣверцевъ былъ поставленъ въ лагерѣ у стараго Буртуная, а первый расположенъ на Ибрагимъ-Дада. 12-го іюля незначительная партія горцевъ вздумала завязать перестрѣлку на этой

горѣ съ нашимъ пикетомъ, но увидѣвъ передъ собою вынесшійся по тревогѣ изъ лагеря первый дивизіонъ драгунъ поспѣшила отступить; однако перестрѣлка не прекратилась и это доставило драгунамъ возможность принести въ лагерь еще двѣ новыя головы.

Старый Буртунай былъ окончательно въ нашихъ рукахъ. 14-го іюля, по отслуженіи молебствія, было приступлено къ закладкѣ фундамента штабъ-квартиры дагестанскаго пѣхотнаго полка, а 31-го іюля послѣдовалъ приказъ главнокомандующаго *), въ которомъ онъ „отъ всего сердца благодарилъ храбрый отрядъ“ за его успѣшныя дѣйствія.

Но этимъ далеко еще не ограничились наши военныя операціи въ Салатавіи, хотя сѣверцамъ пришлось участвовать въ нихъ недолго.

24-го іюля второй дивизіонъ сѣверцевъ имѣлъ схватку съ горцами по случаю нападенія ихъ на сотню шамхальской милиціи, высланную въ разъѣздъ. Въ предварительной перестрѣлкѣ непріятель потерялъ одинадцать человѣкъ, но не оставлялъ поля битвы до тѣхъ поръ, пока драгуны не ударили ему въ оба фланга. Опасаясь быть охваченнымъ и лишиться возможности отступленія, онъ быстро изчезъ.

Боевая дѣятельность драгунъ въ Салатавіи завершилась блестящимъ дѣломъ, происшедшимъ 1-го августа. Въ этотъ день была произведена фуражировка къ сторонѣ Буртуная. Въ прикрытіе ей были назначены, подъ командою полковника Ракуссы, 21-й стрѣлковый баталіонъ, 3-й баталіонъ дагестанскаго пѣхотнаго полка и двѣ сотни дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка.

Въ послѣднее время горцы, не рискуя тревожить нашъ лагерь, работы и сообщенія, постоянно и настойчиво преслѣдовали нашихъ фуражировъ, насѣдая на нихъ даже у самаго лагеря. Этотъ родъ маневровъ, конечно, надоѣлъ начальнику отряда, и онъ рѣшилъ сразу отучить отъ нихъ горцевъ. Съ этою цѣлью, отправляя Ракуссу по назначенію, онъ, для пріема фуражировъ, выдвинулъ изъ передняго редута двѣ роты пѣхоты и спряталъ за ними два орудія, а

---

*) № 396.

на пути отступленія фуражировъ, пользуясь волнистою мѣстностью, поставилъ скрытно отъ непріятеля, за горою, первый дивизіонъ сѣверцевъ и двѣ сотни милиціи, вытребованныя съ горы Ибрагимъ-Дада. Полковнику Ракуссѣ приказано было по окончаніи фуражировки быстро отступить на подготовленныя къ атакѣ войска, а генералу Волкову, командовавшему этими войсками поручено было воспользоваться первою удобною минутою и пустить ихъ въ дѣло—какъ найдетъ наиболѣе лучшимъ.

Едва косцы приступили къ работѣ, какъ горцы по обыкновенію открыли огонь изъ четырехъ орудій; вмѣстѣ съ тѣмъ, огромное скопище, преимущественно пѣшихъ, разсыпалось за буграми и завязало съ прикрытіемъ оживленную ружейную перестрѣлку.

Такъ все длилось до окончанія фуражировки.

Окончивъ работу, фуражиры начали отступать. Непріятель, проворно перебѣгая изъ одной балки въ другую, сильно насѣдалъ на прикрытіе, которое, по предписанному ему заранѣе наставленію, отстрѣливалось кое какъ и поспѣшно уходило къ лагерю. Горцамъ вообразилось, что это по виду нестройное отступленіе есть не болѣе, какъ доказательство нашей малочисленности и, пожалуй, даже трусости, и они еще болѣе усилили свою назойливость, а затѣмъ, перейдя весьма глубокую балку, всею массою сгруппировались на очень выгодномъ для себя возвышеніи, откуда обыкновенно они продолжали свое преслѣдованіе до самаго лагеря.

Когда прикрытіе наше, закрывая собою при движеніи двѣ поджидавшія его роты, наконецъ прошло за нихъ, а непріятель сбился въ громадную толпу на возвышеніи, вдругъ роты разступились и изъ за нихъ шарахнуло двумя картечными выстрѣлами. Въ это мгновеніе подполковникъ Петровъ сказалъ своимъ эскадроннымъ командирамъ: „теперь наше дѣло“, и прежде чѣмъ изумленные отъ орудійныхъ выстрѣловъ горцы успѣли сообразить, откуда эта напасть—раздалась громкая команда: „маршъ-маршъ“! Словно изъ подъ земли вынесся дивизіонъ, послышался еще разъ знакомый драгунамъ зычный голосъ: „руби на отмашъ“! и первая татарская голова, плотно повязанная чалмою, свернулась подъ шашкою подполковника Петрова. Рядомъ съ нимъ вторилъ ему Ковако, а за нимъ

и Батіевскій. Началась въ буквальномъ смыслѣ слова бойня. Непріятель метался во всѣ стороны, но вездѣ встрѣчалъ ударъ тяжелой шашки въ крѣпкой рукѣ драгунъ; часть его попробовала броситься въ близлежащія балки, но тамъ настигла ее картечь нашихъ двухъ орудій; еще одна часть кинулась назадъ въ оврагъ, который недавно перешла съ такими надеждами на свою удачу, но и здѣсь не оставили ее наши ружейныя пули одной изъ ротъ, успѣвшей примкнуть къ кавалеріи и вовремя составившей ей подспорье.

Ровно пятнадцать минутъ горцы находились въ положеніи мыши, влетѣвшей неожиданно въ западню. Въ теченіе этихъ минутъ не раздалось ни одного человѣческаго голоса, и въ воздухѣ изрѣдка гремѣли только выстрѣлы, да звучали драгунскія шашки, скрещиваясь съ непріятельскимъ оружіемъ. Словомъ, наша колонна какъ нельзя лучше выполнила заранѣе составленное предположеніе. Черезъ четверть часа уцѣлѣвшіе отъ избіенія горцы кое-какъ очистили возвышенность, оставивъ въ рукахъ нашей кавалеріи двѣнадцать плѣнныхъ, которые не съумѣли ускользнуть. Поле битвы вскрылось; на немъ валялись груды всякаго оружія и до ста непріятельскихъ труповъ, пораженные преимущественно одними только шашками.

У драгунъ въ этомъ дѣлѣ контуженъ вахмистръ 1-го эскадрона прикладомъ въ правое ухо и квартермистръ (каптенармусъ) 2-го эскадрона раненъ пулею въ лѣвую ногу. Но эти два пострадавшія лица въ офиціальномъ донесеніи не показаны, такъ какъ въ тѣ годы такія контузіи поврежденіемъ не считались, а рану квартермистра находили незначительною. Главная убыль состояла десяткахъ въ двухъ лошадей, изъ которыхъ многія были зарѣзаны кинжалами въ то время, когда ихъ всадники рубили оборонявшихся.

Послѣ этого дѣла генералъ-маіоръ Голембіовскій отказался отъ прежнихъ своихъ воззрѣній на боевые подвиги кавказцевъ вообще и ввѣреннаго ему полка въ частности, и гласно высказалъ наконецъ убѣжденіе о дѣйствительномъ мужествѣ и отвагѣ сѣверцевъ.

Непредвидѣнная и нечаянная встрѣча, происшедшая 1-го августа у горцевъ съ драгунами, внушила первымъ изъ нихъ крайнее нерасположеніе, даже отвращеніе къ своимъ противникамъ, такъ

что 10-го августа, когда по тревогѣ на Ибрагимъ-Дада оба дивизіона, подъ командою полковника Никорицы, вылетѣли изъ лагеря противъ партіи горцевъ, напавшей на нашъ пикетъ, и партія эта увидѣла, что опять ей прійдется имѣть дѣло съ ненавистными драгунами, то, повернувъ съ негодованіемъ своихъ лошадей, быстро ускакала. На этомъ и закончилась боевая дѣятельность сѣверцевъ въ Салатавіи.

Видя наши успѣхи и сознавая безплодность своихъ усилій, направленныхъ для удержанія за собою Салатавіи, Шамиль въ концѣ августа удалился въ Дарго, оставивъ вмѣсто себя для защиты салатавцевъ гумбетовскаго наиба Абакаръ-Дибира, съ незначительными однако силами, которыя были исключительно направлены на наши сообщенія. Причину быстраго удаленія Шамиля, между прочимъ, относили тогда и къ появившейся въ Салатавіи холерѣ, которая въ особенности усилилась въ половинѣ августа и закралась въ нашъ отрядъ. Но уѣхалъ ли Шамиль отъ нечего дѣлать, или отъ холеры—во всякомъ случаѣ отъѣздъ его имѣлъ для насъ благопріятные результаты: непосредственно за симъ, къ намъ выселилось сорокъ салатавскихъ семействъ съ бывшимъ черкеевскимъ старшиною Джемаломъ, однимъ изъ извѣстныхъ руководителей возстанія въ Дагестанѣ въ 1843-мъ году: семейства эти благоразумно рѣшили, что худой миръ лучше доброй ссоры.

22-го августа оба дивизіона сѣверцевъ были расположены по квартирамъ въ сел. большое Казанище.

Насталъ сентябрь. Проливные дожди быстро смѣнились глубокимъ снѣгомъ, съ порывистымъ вѣтромъ, при морозѣ, доходившемъ до 5° R. Для сбереженія лошадей второй дивизіонъ сѣверцевъ былъ отправленъ въ штабъ-квартиру, а первый, вмѣстѣ съ прочею кавалеріею, былъ спущенъ на шамхальскую равнину, гдѣ и оставался до перваго октября почти въ бездѣйствіи. Затѣмъ и этотъ дивизіонъ отправленъ въ свой штабъ.

Въ концѣ ноября укрѣпленіе на Буртунаѣ было окончено, Салатавія раззорена и сожжена, просѣка къ Дылыму сдѣлана, цѣль экспедиціи достигнута—и послѣдовала благодарность главнокомандующаго всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ

военныхъ дѣйствіяхъ похода, рѣшившаго судьбу Салатавіи. Вслѣдъ затѣмъ по Высочайшему повелѣнію отдѣльный кавказскій корпусъ переименованъ въ кавказскую армію, и князь Барятинскій назначенъ главнокомандующимъ этою арміею *).

Возвратившись въ Чиръ-Юртъ, сѣверцы отпраздновали 27-го ноября свой первый полковой праздникъ во имя Знаменія Божіей Матери.

За храбрость и мужество, оказанныя сѣверцами въ салатавскую экспедицію, послѣдовали награды въ началѣ 1859-го года **).

Перезимовавъ въ штабъ-квартирѣ, оправившись и отдохнувъ, сѣверцы, хотя и не всѣ, весною 1858-го года были призваны къ боевой дѣятельности на поляхъ Чечни. Тутъ они принимали участіе въ кавалерійскихъ атакахъ, громкихъ даже и доселѣ, вполнѣ выдающихся въ кавказской войнѣ.

Но прежде чѣмъ коснуться славныхъ двухъ дѣлъ, необходимо вкратцѣ упомянуть объ обстоятельствахъ, которыя заставили вызвать драгунъ въ лѣтнюю чеченскую экспедицію 1858-го года.

Въ началѣ этого года Шамиль былъ окончательно сраженъ отнятіемъ нами у него аргунскаго ущелья, допускавшаго насъ во внутрь невѣдомыхъ еще обществъ и дававшаго возможность разрѣзать надвое нѣкоторыя земли, оставивъ часть изъ нихъ у насъ за плечами, а другую подъ рукою. Раздѣливъ пополамъ въ этомъ мѣстѣ кавказскій хребетъ, мы сближали для себя Чечню, въ особенности нагорную, съ Дагестаномъ, куда и могли проникнуть во всякое время. Старый имамъ все это видѣлъ, зналъ—и было отчего ему печалиться.

Стремясь поправить свои дѣла путемъ нанесенія намъ возможно большаго вреда, и между прочимъ не отчаяваясь ужъ вполнѣ безповоротно въ блескѣ и счастьи своей путеводной звѣзды—хотя свѣтила она далеко не попрежнему—владыка правовѣрныхъ рѣшилъ поднять противъ насъ все населеніе Чечни, въ особенности покор-

---

*) Приказы по отдѣльному кавказскому корпусу 28-го ноября № 572 и 20-го декабря 1857-го года № 605.

**) Приказъ по кавказской арміи 31-го января 1859-го года № 38.

ное намъ, и въ то самое время, когда мы дѣйствовали въ глубинѣ аргунскаго ущелья—оборвать и обкарнать насъ на плоскости. Онъ началъ съ назрановцевъ, которымъ обѣщалъ въ подмогу и силы Дагестана, и даже турецкую рать, а затѣмъ—освобожденіе отъ гяуровъ. Назрановцы возмутились, отложились, присягнули ему на газаватѣ и сильно повліяли этимъ на галашевцевъ и на другія общества, смежныя съ ними. Когда увидѣлъ Шамиль, что обольстительныя рѣчи его и обѣщанія произвели желаемое вліяніе, онъ дѣйствительно сталъ собирать войска со всѣхъ концовъ Дагестана—и тысяча за тысячью стекалась подъ его знамя. Эти обстоятельства заставили генералъ-лейтенанта Евдокимова также усилить свой отрядъ войсками изъ Закавказья и прикаспійскаго края, откуда сперва прибыли къ нему два дивизіона нижегородцевъ, а потомъ нѣкоторыя части гренадерской дивизіи. 11-го мая и сѣверцы получили приказаніе отъ командующаго войсками въ прикаспійскомъ краѣ, чтобы приготовить въ походъ два дивизіона—одинъ съ вьючнымъ, а другой съ колеснымъ обозомъ, и о выступленіи ожидать приказанія, а кромѣ того одинъ эскадронъ выслать немедленно на міатлинскую переправу. Согласно этому распоряженію, къ походу были приготовлены 2-й и 3-й дивизіоны, а на переправу посланъ 1-й эскадронъ. Вскорѣ 2-й дивизіонъ двинулся и въ концѣ мая прибылъ на лѣвое крыло. Въ началѣ же іюня, когда волненіе въ Чечнѣ разрослось до широкихъ размѣровъ, одинъ изъ дивизіоновъ нижегородскаго полка былъ замѣненъ 2-мъ дивизіономъ Сѣверскаго, подъ командою полковника Никорицы; эскадронами командовали капитаны: 3-мъ Воробьевъ и 4-мъ Петровъ.

Генералъ Евдокимовъ, получивъ достовѣрныя свѣдѣнія, что скопища Шамиля совсѣмъ готовы къ выступленію въ малую Чечню, на помощь къ возмущеннымъ имъ противъ насъ обществамъ, сформировалъ пять отдѣльныхъ небольшихъ отрядовъ, и одинъ изъ нихъ, въ составѣ двухъ съ четвертью баталіоновъ, шести орудій, двухъ дивизіоновъ драгунъ (2-й Сѣверскаго и 2-й нижегородскаго полковъ) и двухъ сотенъ казаковъ ввѣрилъ полковнику Алтухову. Онъ приказалъ ему стать у станицы Ассинской, а затѣмъ, если получитъ несомнѣнныя извѣстія о направленіи скопищъ Шамиля—пе-

рейти къ Ачхою. Сформированными пятью отрядами малая Чечня была прикрыта вполнѣ, и населеніе ея находилось у насъ подъ ежечаснымъ контролемъ.

Шамиль, съ своими толпами, перейдя Аргунъ въ чаберлоевскомъ обществѣ, прежде всего явился на р. Гойтѣ; но тамъ жители не выразили ему сочувствія. Огорченный имамъ повернулъ обратно и пошелъ у подножія черныхъ горъ, по направленію къ галашевскому обществу.

Получивъ свѣдѣнія объ этомъ движеніи, полковникъ Алтуховъ 8-го іюня перешелъ на р. Нетхой. 9-го, около двухъ часовъ пополудни, онъ замѣтилъ густыя массы конницы выходившей изъ лѣса у подножія горъ и направлявшіяся по плоскости къ ауламъ Ачхой и Гази-юртъ. Тотчасъ снявъ свой отрядъ съ позиціи и сдѣлавъ два сигнальныхъ выстрѣла, чтобы предупредить другіе отряды, полковникъ Алтуховъ двинулся почти паралельно горцамъ, въ разстояніи отъ нихъ около двухъ съ половиною верстъ. Старшина аула Гази-юртъ, по имени Алико, находившійся при отрядѣ, просилъ Алтухова предупредить непріятеля поспѣшнымъ занятіемъ Ачхоя и Гази-юрта, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, жители этихъ ауловъ примкнутъ къ Шамилю, а послѣдній, открывъ себѣ путь въ назрановское общество, составитъ намъ массу затрудненій. Раздѣляя заявленіе старшины, полковникъ Алтуховъ двинулъ впередъ къ Ачхою, подъ начальствомъ Сѣверскаго полка полковника Никорицы, сотню казаковъ, 2-й дивизіонъ нижегородцевъ, взводъ конно-казачьей артиллеріи и 2-й дивизіонъ сѣверцевъ *). Части эти, въ указанномъ выше порядкѣ, пошли на рысяхъ справа по три и въ одно орудіе. По мѣрѣ ихъ приближенія къ аулу, разстояніе отдѣлявшее ихъ отъ горцевъ, постепенно сокращалось, и наконецъ у ачхоевскаго кладбища, находившагося въ трехстахъ саженяхъ отъ переднихъ сакль, уменьшилось до половины пушечнаго выстрѣла. Шамиль, увидѣвъ здѣсь малочисленность нашей кавалеріи, рѣшился раздавить ее

*) Сотнею моздокскаго казачьяго полка командовалъ есаулъ Усачевъ, 3-мъ эскадрономъ нижегородцевъ — штабсъ-капитанъ князь Амилахвари, 4-мъ — штабсъ-капитанъ Гребскій, взводомъ орудій — хорунжій Золотаревъ, 3-мъ эскадрономъ сѣверцевъ — капитанъ Воробьевъ и 4-мъ — капитанъ Петровъ.

прежде, чѣмъ прибудетъ пѣхота. Еще послѣдніе ряды 4-го эскадрона сѣверцевъ не успѣли пройти черту ачхоевскаго аула, какъ горцы, съ разноцвѣтными значками впереди, съ пронзительнымъ гикомъ, самоувѣренно кинулись на колонну двумя толпами—съ фронта и во флангъ: 3-й эскадронъ нижегородцевъ, находившійся въ головѣ колонны, съ частью 4-го эскадрона, примкнувшею къ нему съ прапорщикомъ княземъ Чавчавадзе, быстро выстроивъ фронтъ, встрѣтилъ непріятеля лицомъ къ лицу и врѣзался въ густую толпу. Остальная часть 4-го эскадрона нижегородцевъ стала нѣсколько позади 3-го, уступомъ. Есаулъ Усачевъ, спѣшивъ сотню, сперва обстрѣлялъ нападавшихъ ружейнымъ огнемъ, а потомъ, посадивъ казаковъ на конь, также бросился въ шашки; хорунжій же Золотаревъ, оставивъ одно орудіе на курганѣ, съ другимъ вынесся впередъ и открылъ огонь картечью. Тогда часть скопища, повидимому, думала захватить оставленное орудіе; но 3-й эскадронъ сѣверцевъ, построивъ фронтъ и сдѣлавъ заѣздъ налѣво, бросился на эти толпы и, поддержанный 4-мъ эскадрономъ, буквально сцѣпился съ ними на шашкахъ. Получивъ отпоръ, горцы однако не унялись и повторяли атаки до тѣхъ поръ, пока 4-й эскадронъ сѣверцевъ, незамѣтно обскакавъ лѣсокъ передъ лѣвымъ флангомъ 3-го эскадрона, молодецки ударилъ имъ во флангъ и погналъ къ большому лѣсу. Въ третьихъ эскадронахъ нижегородцевъ и сѣверцевъ осталось по одному непріятельскому значку.

Рукопашный бой длился болѣе получаса; непріятель былъ разстроенъ, но не разбитъ, тѣмъ болѣе, что, при его почти четырехтысячной силѣ, у него еще были толпы вполнѣ свѣжія, нетронутыя, тогда какъ руки драгунъ устали и стойкость ихъ могла же, наконецъ, ослабѣть.

Но въ эту минуту показался полковникъ Алтуховъ съ пѣхотою и четырмя полевыми орудіями. Еще издали, съ громкимъ „ура", солдаты бѣгомъ пустились на непріятеля. Отброшенный уже драгунами къ лѣсу, онъ быстро сталъ скрываться въ опушкѣ. Тогда стрѣлки разсыпались вправо и влѣво, орудія заняли фланги, а роты бросились впередъ къ опушкѣ. Горцы встрѣтили ихъ градомъ выстрѣловъ; но это не помогло: пѣхота, не стѣсняясь тысячами сы-

павшихся пуль, прорвала опушку и сѣла на шеѣ у непріятеля; артилерія громила гдѣ могла.

Черезъ пять минутъ дѣло было кончено: горцы въ безпорядкѣ бѣжали въ глубину лѣса и скрылись въ трущобахъ черныхъ горъ. Выстрѣлы стихли; на мѣстѣ атаки валялось до пятидесяти непріятельскихъ труповъ; число раненыхъ и мертвыхъ тѣлъ, унесенныхъ съ поля, превышало это количество, какъ оказалось впослѣдствіи, почти вдвое. Въ этомъ молодецкомъ дѣлѣ у сѣверцевъ раненъ прапорщикъ Маркозовъ; убитъ одинъ рядовой 3-го эскадрона и ранено пять нижнихъ чиновъ, изъ нихъ три тяжело; лошадей убито девять, ранено тринадцать, а всего въ кавалеріи убито 3, ранено 2 офицера (прапорщикъ нижегородскаго полка Вахваховъ) и 28-мь нижнихъ чиновъ.

Ачхоевское дѣло, въ которомъ двѣ кавалерійскія стороны сошлись грудь съ грудью въ открытомъ бою, слѣдуетъ, безспорно, отнести къ одному изъ рѣдкихъ въ этомъ родѣ дѣлъ. Результатъ его былъ весьма существенный и состоялъ въ томъ, что оно предотвратило, быть можетъ, поголовное возстаніе малой Чечни и въ самомъ корнѣ обрѣзало всѣ враждебныя покушенія назрановцевъ.

Послѣ ачхоевской побѣды Шамиль занялъ аулы Алкунъ и Мужичъ. Генералъ Евдокимовъ, сообразуясь съ обстоятельствами, нѣсколько видоизмѣнилъ составъ и расположеніе колоннъ и въ то же время начальникомъ всего военно-осетинскаго округа назначилъ генералъ-маіора Мищенко, подчинивъ ему и Алтухова съ его колонною. Спустя нѣсколько дней по прибытіи Шамиля въ Мужичъ, генералъ Мищенко выступилъ изъ Владикавказа на Сунжу и занялъ позицію выше Назрана верстъ на пятнадцать, по направленію къ аки-юртовскому ущелью. Шамиль не трогался и ожидалъ новыхъ скопищъ, которыя ежедневно прибывали къ нему, и къ 27-му числу составили массу до девяти тысячъ человѣкъ; лазутчики же и впослѣдствіи плѣнные утверждали, что численность непріятельскаго войска доходила до тринадцати тысячъ человѣкъ. Такъ какъ противникъ былъ по крайней мѣрѣ въ шесть-семь разъ сильнѣе отряда генерала Мищенко, состоявшаго изъ семи ротъ пѣхоты, шести сотенъ казаковъ и четырехъ орудій, то онъ присоединилъ къ себѣ

три роты, два орудія, двѣ сотни казаковъ и два дивизіона драгунъ изъ колонны полковника Алтухова. Послѣдній прибылъ къ нему съ этими частями 29-го іюля, а Шамиль, со всѣми своими силами, выступилъ изъ Мужича 30-го іюля, въ полдень, съ намѣреніемъ уничтожить отрядъ генерала Мищенко.

Въ три часа пополудни передовые непріятельскіе наѣздники показались у выхода изъ ущелья къ аулу Аки-юртъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе съ аванпостовъ, генералъ Мищенко приказалъ всей кавалеріи и шести коннымъ орудіямъ быть готовыми къ движенію, но выступленіемъ не торопиться, чтобы дать время скопищамъ имама выдвинуться на равнину сполна. Около пяти часовъ вечера было получено послѣднее извѣстіе, что непріятель вышелъ на плоскость и строится въ колонны, а авангардъ его разбиваетъ палатки. Тогда генералъ Мищенко поднялся съ позиціи и двинулся двумя колоннами: первая, подъ начальствомъ подполковника Козлова, направилась къ аулу Измаилу, съ тѣмъ, чтобы, не торопясь пока переправою через Сунжу, завязать съ горцами перестрѣлку и привлечь на себя все ихъ вниманіе; вторая, подъ командою полковника Алтухова, при которой находился и самъ Мищенко, въ составѣ 2-го дивизіона сѣверцевъ, пяти сотенъ казаковъ и четырехъ конныхъ орудій, принявъ направленіе также къ Измаилу, должна была тутъ переправиться черезъ Сунжу и повернуть налѣво, къ горѣ, чтобы скрыть свое движеніе, а затѣмъ, ставъ такимъ образомъ во флангъ непріятелю, принять его въ перекрестный артиллерійскій огонь.

Подполковникъ Козловъ подоспѣлъ и завязалъ перестрѣлку. Дѣйствительно, этимъ онъ привлекъ на себя все вниманіе Шамиля, который тѣмъ временемъ строилъ свои войска въ правильныя массы къ атакѣ. Пока все это происходило, генералъ Мищенко незамѣтно подвинулся къ непріятелю на дистанцію орудійнаго выстрѣла—и вдругъ загремѣлъ изъ четырехъ орудій. Это было сигналомъ для Козлова, который и съ своей стороны открылъ огонь изъ орудій. Непріятель, стройно и не спѣша, отступилъ изъ подъ выстрѣловъ и убралъ свои палатки. Тогда обѣ колонны двинулись впередъ. Козловъ первый переправился черезъ Сунжу, быстро выстроилъ войска въ боевой порядокъ и сталъ наступать сообразно движенію

генерала Мищенко. Что же касается до сего послѣдняго, то онъ нѣсколько замедлилъ, потому что ему пришлось переходить четыре оврага, хотя и неглубокіе, гдѣ дорога была сильно испорчена проливными дождями. Горцы небольшими партіями подскакивали къ колоннамъ, стрѣляли и вразсыпную возвращались назадъ. Видно было, что они спѣшили уходить.

Въ семь часовъ вечера генералъ Мищенко перешелъ всѣ овраги и вытянулся на одну линію съ подполковникомъ Козловымъ. Шамиль быстро удалялся. Не желая дать ему возможность безнаказанно отступить, генералъ Мищенко, по его словамъ: „*положась на помощь Божію и на непобѣдимость нашихъ войскъ*", присоединивъ къ сѣверцамъ два орудія изъ колонны Козлова, пустилъ всю кавалерію въ атаку; тоже самое сдѣлалъ Козловъ съ правой стороны.

Земля буквально застонала подъ ударомъ нѣсколькихъ тысячъ копытъ, такъ какъ одновременно съ нашею атакою и Шамиль пустился уходить безъ оглядки. Всѣ рвались опередить другъ друга, не щадили ни себя, ни своихъ лошадей и наконецъ нагнали-таки непріятельскія толпы и стали рубить ихъ безпощадно. Охваченный съ трехъ сторонъ, непріятель вскакалъ въ ущелье, самъ себя давилъ, тѣснилъ и гибнулъ безотвѣтно. Были уже глубокіе сумерки, когда генералъ Мищенко остановилъ рѣзню; эти сумерки и непосредственно засимъ наступившая темная ночь спасли непріятеля отъ окончательнаго истребленія. Тѣмъ не менѣе, всетаки 370 непріятельскихъ тѣлъ устлали собою путь нашей кавалерійской атаки. Трофеями же этой новой побѣды были два значка, 12-ть плѣнныхъ, 84 лошади, 424 ружья, 280 шашекъ, 443 пистолета и кинжала, походная кузница и 14-ть палатокъ, въ одной изъ которыхъ была найдена постель Шамиля и его кухонная посуда *).

Послѣ этого новаго и полнѣйшаго пораженія Шамиль бѣжалъ черезъ Алкунъ въ Мереджи, а уцѣлѣвшія отъ побоища толпы его въ ту же ночь разсѣялись въ разныя стороны.

---

*) Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ 16-ть убитыхъ и 24 раненыхъ и контуженыхъ.

Колонна Алтухова, въ томъ числѣ и 2-й дивизіонъ сѣверцевъ, возвратились на прежнее мѣсто.

Этимъ ограничилась боевая дѣятельность 2-го дивизіона въ Чечнѣ. Что же касается военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ, то въ 1858-мъ году ничего выдающагося тамъ не происходило, и 1-й эскадронъ, занявшій міатлинскую переправу, большею частью проводилъ время безъ тревогъ. Только 10-го октября, когда непріятельская партія атаковала милиціонный обходъ на Сулакѣ, противъ старыхъ Міатлы, на выстрѣлы поспѣшили охотники Сѣверскаго и нижегородскаго полковъ, отбили горцевъ и выручили милиціонеровъ.

Послѣ этого и до конца года сѣверцамъ не пришлось болѣе схватываться съ горцами ни въ Чечнѣ, ни въ Дагестанѣ—вопервыхъ потому, что послѣ пораженій при Ачхоѣ и Измаилѣ Шамиль показываться уже не смѣлъ, и возстаніе было подавлено, вовторыхъ потому, что въ продолженіе остальнаго полугодія война въ Чечнѣ происходила въ горахъ, въ глубинѣ аргунскаго ущелья, гдѣ дѣйствія регулярной кавалеріи были ненужны и немыслимы, и наконецъ главнѣе всего потому, что на нихъ возложена была обязанность сопровождать Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича во время объѣзда Ихъ Императорскими Высочествами нѣкоторыхъ раіоновъ восточнаго Кавказа. Одному дивизіону досталась честь конвоировать царственныхъ гостей 27-го сентября отъ Шуры до Евгеніевскаго, а другому—отъ Евгеніевскаго до Буртуная. 1-го октября дивизіоны (2-й и 3-й) вернулись въ Чиръ-Юртъ.

Описываемый годъ завершился Высочайшимъ распоряженіемъ, относящимся къ военно-образовательной сторонѣ драгунъ вообще, а Сѣверскаго полка въ частности. Повелѣно было нижнихъ чиновъ обучать артилерійскому дѣлу, и для этого ежегодно командировать въ артилерійскія батареи, съ октября и по апрѣль мѣсяцъ, одного офицера отъ полка, по одному унтеръ-офицеру отъ дивизіона, и отъ каждаго эскадрона столько рядовыхъ, чтобы общее число ихъ составляло полную прислугу на одно конно-батарейное орудіе *).

---

*) Приказъ по кавказской арміи 30-го декабря 1858-го года № 495.

Начало 1859-го года ознаменовалось въ быту Сѣверскаго полка слѣдующею перемѣною: Высочайшимъ приказомъ 18-го января генералъ-маіоръ Голембіовскій отчисленъ по армейской кавалеріи и въ запасныя войска, и на его мѣсто 1-го марта назначенъ командующимъ полкомъ командиръ дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка полковникъ князь Иванъ Романовичъ Багратіонъ, принявшій окончательно Сѣверскій полкъ 8-го марта *). Иванъ Романовичъ, племянникъ извѣстнаго въ отечественную войну полководца, былъ изъ грузинскихъ князей тифлисской губерніи, и велъ свое происхожденіе отъ бывшихъ грузинскихъ царей. Онъ воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и произведенъ въ прапорщики 8-го августа 1842-го года въ лейбъ-гвардіи кирасирскій Его Величества полкъ. Въ слѣдующемъ году, 20-го ноября, онъ по домашнимъ обстоятельствамъ вышелъ въ отставку и вновь вступилъ на службу 28-го іюля 1848-го года въ эриванскій карабинерный полкъ; оттуда онъ переведенъ 11-го ноября 1849-го года въ апшеронскій пѣхотный полкъ и 28-го апрѣля 1854-го года назначенъ командиромъ дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка. Въ походахъ и дѣлахъ съ горцами былъ въ 1850-мъ году и разновременно награжденъ орденами св. Анны 3-й ст. съ бантомъ, св. Анны 4-й ст. и золотымъ оружіемъ.

Въ описываемый годъ, когда неожиданно для всѣхъ рухнулъ восточный Кавказъ, боевая дѣятельность сѣверцевъ въ войнѣ съ горцами со стороны прикаспійскаго края началась во время наступательныхъ дѣйствій генерала Евдокимова противъ Веденя.

Чтобы отвлечь часть непріятельскихъ силъ, а также и вниманіе самого Шамиля отъ прикаспійскаго края, командующій войсками генералъ-адъютантъ баронъ Врангель сосредоточилъ 1-го марта въ Кишень-Аухѣ отрядъ изъ пяти баталіоновъ пѣхоты, шести орудій, шести сотенъ милиціи и 3-го дивизіона Сѣверскаго драгунскаго полка. Эскадронами командовали: 5-мъ—капитанъ Манштейнъ, а 6-мъ—капитанъ Конце. Третьяго марта баронъ Врангель двинулъ отрядъ къ непріятельскому редуту Зандакъ-Капа, выстроенному выше селе-

*) Донесеніе шефу полка 12-го марта.

нія Зандака. Послѣ незначительнаго сопротивленія редутъ былъ взятъ. Отрядъ, преслѣдуя горцевъ, вступилъ въ лѣсъ, быстро прошелъ его и очутился на краю котловины, образовавшейся въ верховьяхъ одного изъ притоковъ Ярыкъ-су, на днѣ котораго въ живописномъ безпорядкѣ, какъ гнѣзда, была разбросаны хутора Молла-Хаджи-юртъ. Сверху было отчетливо видно, какъ жители, въ особенности женщины, бѣжали изъ своихъ сакль въ лѣсъ, стараясь захватить по пути все, что было возможно. Чтобы не допустить ихъ воспользоваться имуществомъ, а въ особенности множествомъ всякаго скота, командующій войсками приказалъ начальнику кавалеріи атаковать аулъ, сжечь его и угнать скотъ. Дивизіонъ сѣверцевъ повелъ эту атаку съ праваго фланга, а дагестанскій конно-иррегулярный полкъ, подъ командою своего новаго командира подполковника князя Захарія Чавчавадзе—съ лѣваго. Въ нѣсколько минутъ хутора были охвачены со всѣхъ сторонъ и запылали одновременно въ разныхъ мѣстахъ. Скотъ и имущество, уцѣлѣвшіе отъ пламени, достались на долю кавалеріи.

По возвращеніи въ лагерь сѣверцы застали тамъ свой первый дивизіонъ, который прибылъ въ ихъ отсутствіе подъ командою подполковника Бѣлюстина.

Черезъ день, 5-го марта, дивизіонъ этотъ, въ составѣ отдѣльной колонны, выступилъ къ аулу Гассанъ-Бекъ-кенту, жители котораго выразили желаніе переселиться въ наши предѣлы, но не рѣшались это исполнить безъ нашего содѣйствія, потому что были сдерживаемы салатавскимъ наибомъ Раджабомъ, прибывшимъ къ нимъ съ партіею по приказанію Шамиля и готовымъ всегда наказать ихъ за измѣну имаму.

Аулъ былъ расположенъ въ восьми верстахъ отъ Зандака, на правомъ берегу Ярыкъ-су, на трехъ довольно крутыхъ террасахъ, частью покрытыхъ лѣсомъ. Доступъ къ жилищамъ возможенъ былъ только отъ рѣки; со всѣхъ другихъ сторонъ были глубокіе овраги.

Колонна подошла отъ рѣки и была встрѣчена бѣглымъ огнемъ партіи Раджаба. Опередивъ наступленіе пѣхоты, дагестанскій конно-иррегулярный полкъ понесся въ атаку и ворвался въ аулъ. Горцы встрѣтили его мужественно, и схватка завязалась серьезная, при-

чемъ лошадь подъ командиромъ полка княземъ Чавчавадзе была ранена. На подмогу дагестанцамъ былъ посланъ дивизіонъ драгунъ. Онъ спѣшился и открылъ огонь по обороняющимся. Тогда только горцы быстро очистили аулъ, и кавалерія завладѣла имъ. Въ 1-мъ дивизіонѣ раненъ одинъ рядовой.

Между тѣмъ, генералъ Евдокимовъ, среди своихъ постоянныхъ сношеній и соглашеній съ барономъ Врангелемъ, просилъ его открыть военныя дѣйствія по направленію къ Ичкеріи, чтобы развлечь вниманіе Шамиля и заставить его растянуть свои силы— что естественно повело бы къ ослабленію разныхъ промежуточныхъ между отрядами пунктовъ и облегчило, если бы встрѣтилась надобность, занятіе ихъ. Баронъ Врангель, вслѣдствіе этой просьбы, оставивъ на горѣ у Зандака два баталіона при двухъ горныхъ орудіяхъ, передвинулъ главныя силы къ укр. Кишень и оттуда, пройдя восьмого марта черезъ разрушенное селеніе Баланъ-су, десятаго марта прибылъ къ аулу Баши-юрту и расположился лагеремъ. Сюда вскорѣ явился и 3-й эскадронъ, выступившій въ походъ 11-го марта.

Еще во время движенія баронъ Врангель получилъ извѣстіе о готовности жителей нѣкоторыхъ хуторовъ, окружавшихъ Баши-юртъ, и семействъ чужихъ обществъ, выселенныхъ сюда по приказанію Шамиля, изъявить намъ покорность. Въ виду этого, разбивъ въ Баши-юртѣ лагерь и оставивъ здѣсь часть войскъ, въ томъ числѣ одинъ дивизіонъ сѣверцевъ, баронъ Врангель съ другою частью двинулся сейчасъ въ ближайшій лѣсъ, по направленію къ хуторамъ.

Лишь только войска приблизились къ лѣсу, изъ опушки его раздался неумолкаемый ружейный огонь скопища мюридовъ, которымъ было ввѣрено охраненіе хуторовъ и находившихся здѣсь семействъ изъ постороннихъ ауловъ. Штурмовая пѣхотная колонна, подъ начальствомъ полковника Тергукасова, перебѣжавъ Яманъ-су, ворвалась въ лѣсъ и стала тѣснить непріятеля. Дивизіонъ драгунъ, имѣя впереди всадниковъ конно-иррегулярнаго полка и милицію, слѣдовалъ сперва непосредственно за пѣхотою. Когда же она достигла послѣдняго высокаго кряжа, гдѣ оканчивался рядъ хуторовъ,

и откуда было видно, какъ мюриды на значительномъ разстояніи угоняли скотъ и уводили часть семействъ въ балки и овраги по ту сторону горы, вся кавалерія бросилась въ оврагъ, находившійся съ сѣверной стороны, ударила мюридамъ во флангъ и разрѣзала непріятеля надвое. Подоспѣли апшеронцы. Началась рѣзня вокругъ арбъ, уходившихъ подъ прикрытіемъ мюридовъ. Но она продолжалась недолго: мюриды, въ числѣ болѣе ста человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, легли на мѣстѣ; остальные бѣжали. Въ нашихъ рукахъ осталось до восьмисотъ семействъ.

Пока въ лѣсу кипѣлъ этотъ бой, около двухъ сотенъ непріятельской кавалеріи показалось на высотахъ, господствовавшихъ надъ нашимъ лагеремъ со стороны Аксая. Навстрѣчу имъ выскакалъ другой дивизіонъ, оставленный въ лагерѣ. Лишь только партія замѣтила несшихся на нее драгунъ, какъ тотчасъ скрылась по ту сторону горы.

14-го марта вновь снаряжена была особая колонна, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника князя Мирскаго, и отправлена на р. Аксай—занять хутора, разбросанные по лѣсному побережью, противъ бывшаго селенія Аллероя, и содѣйствовать переселенію семействъ, приславшихъ о томъ просьбу къ командующему войсками. Въ составъ этой колонны вошли оба дивизіона сѣверцевъ. Переселеніе совершилось благополучно; горцы атаковали при отступленіи только нашъ арріергардъ, но были отбиты.

Въ тотъ же день отрядъ поднялся вверхъ по Аксаю; и спустившись влѣво на Ямапъ-су, занялъ оставленный жителями аулъ новый Ирзау. Такимъ образомъ, мало по малу, баронъ Врангель утвердился въ глубинѣ Ичкеріи между Ямапъ-су и Аксаемъ, среди разбросанныхъ вокругъ селеній.

19-го марта колонна, въ составѣ между прочимъ и дивизіона сѣверцевъ, углубилась въ непроходимый лѣсъ на правомъ берегу Аксая, заняла и вырубила все пространство его между Аллероемъ и Шаухалъ-Берды, бывшимъ послѣднею нашею кровавою станціею при отступленіи изъ Дарго въ 1845-мъ году. Рубка лѣса продолжалась до 29-го марта. По просьбѣ ичкеринцевъ, обѣщавшихъ сдаться намъ добровольно тотчасъ послѣ взятія Веденя, бывшаго

въ то время уже въ осадѣ, генералъ Врангель пріостановился уничтоженіемъ ихъ жилищъ, вслѣдствіе чего и не имѣлъ со стороны ихъ никакого сопротивленія.

Хотя 1-го апрѣля въ отрядѣ барона Врангеля и была слышна орудійная канонада, доносившаяся отъ Веденя, но о взятіи этой столицы Шамиля онъ получилъ первыя частныя свѣдѣнія только 6-го апрѣля, почему до этого времени не прекращалъ своихъ наступательныхъ дѣйствій. Изъ числа ичкеринскихъ селеній только одно Шаухалъ-Берды не прислало досеėлѣ къ нему депутаціи, хотя шаухальцамъ и дѣлались приглашенія въ мирномъ тонѣ. За это баронъ Врангель рѣшилъ наказать жителей аула. Выждавъ, когда просѣка къ Аллерою и Саясану была окончена, командующій войсками отправился пятаго апрѣля къ Шаухалъ-Берды. Въ авангардѣ, тотчасъ за головною частью, шелъ одинъ дивизіонъ сѣверцевъ, въ головѣ арріергарда—другой.

Жители селенія повидимому насъ ожидали, такъ какъ, достигнувъ цѣли движенія, командующій войсками нашелъ Шаухалъ-Берды пустымъ и голымъ. Семейства ушли подальше въ лѣса, а все ихъ имущество было спрятано въ Девлетъ-Бей и Нонои. Узнавъ о послѣднемъ обстоятельствѣ, начальникъ отряда направилъ въ эти аулы всю кавалерію и въ поддержку ей—три баталіона пѣхоты. Драгуны пошли на рысяхъ. При приближеніи къ ауламъ они были встрѣчены ружейнымъ огнемъ, вслѣдствіе чего тотчасъ спѣшились, замѣнивъ собою пѣхоту, и вступили въ бой. Оттѣснивъ непріятеля послѣ непродолжительной, но жаркой перестрѣлки, они, вмѣстѣ съ всадниками конно-иррегулярнаго полка, бросились въ аулы. Защитники не устояли и обратились въ бѣгство, оставивъ при этомъ въ нашихъ рукахъ нѣсколько лошадей и очень много рогатаго скота. Тутъ подоспѣла пѣхота, и начались розыски. Оказался огромный запасъ всякаго рода посуды, множество денегъ, столоваго серебра, оружія, артилерійскихъ снарядовъ, панцырей, налокотниковъ и вдоволь разныхъ домашнихъ, въ томъ числѣ цѣнныхъ и изящныхъ, вещей, награбленныхъ у насъ разновременно и преимущественно въ 1854-мъ году, во время нашествія Шамиля на Кахетію. При отступленіи нашемъ оба аула, и кромѣ нихъ еще Отаръ, Дербинъ-

Макхи и Даванъ-Берды (два послѣдніе на правомъ берегу Аксая) были сожжены.

Затѣмъ барону Врангелю, выполнившему, по соглашенію съ генераломъ Евдокимовымъ, свою задачу, болѣе нечего было дѣлать. Пріютивъ въ лагерѣ войска, онъ ожидалъ извѣстій съ главнаго театра военныхъ дѣйствій, изъ Веденя. Извѣстія эти были получены офиціально 8-го апрѣля. Усмотрѣвъ изъ нихъ, что Ведень палъ, командующій войсками 9-го апрѣля снялся съ Ямапъ-су и отступилъ къ гойтемировскимъ воротамъ. Тамъ онъ передневалъ и съ этого пункта распустилъ войска по домамъ.

Такъ окончился первый періодъ экспедиціи 1859-го года. За нимъ слѣдовалъ второй періодъ той же экспедиціи и въ то же время—послѣдній на восточномъ Кавказѣ. Онъ славенъ не знаменитыми и кровопролитными боями, но результатами всѣхъ нашихъ шестидесятилѣтнихъ дѣяній и особенными трудностями собственно походныхъ движеній, которыя преимущественно пали на всѣхъ безъ исключенія чиновъ регулярной кавалеріи, принимавшихъ участіе въ послѣдней борьбѣ за погибель непокорнаго восточнаго Кавказа.

Главный планъ лѣтней экспедиціи 1859-го года состоялъ въ томъ, чтобы концентрически двинуться тремя отрядами—чеченскимъ, дагестанскимъ и лезгинскимъ въ долину андійскаго Койсу. Для этого войска лѣваго крыла должны были идти двумя отрядами—изъ Чаберлоя въ Технуцалъ и изъ Веденя въ Анди; войска прикаспійскаго края—изъ Салатавіи въ Гумбетъ, а лезгинскій отрядъ—спуститься двумя колоннами изъ Тушетіи и Дидо къ сліянію тушинской Алазани съ Ори-цхали, т. е. къ истоку андійскаго Койсу, въ Ункратль.

24-го мая 1-й дивизіонъ сѣверцевъ, съ вьючнымъ обозомъ, прибылъ въ составъ салатавскаго (дагестанскаго) отряда, собраннаго у Дылыма и заключавшаго въ себѣ семь съ половиною баталіоновъ пѣхоты, шесть горныхъ орудій и семь сотенъ конной милиціи. Тридцатаго мая эти войска были передвинуты къ Алмаку, вслѣдствіе желанія части салатавцевъ выселиться въ наши предѣлы.

Спустя немного времени, баронъ Врангель, оставивъ при входѣ въ мичикальское ущелье, для охраненія продолжавшагося пере-

селенія, одинъ баталіонъ пѣхоты и пять сотенъ конницы, остальныя войска отряда снялъ съ алмакской позиціи и передвинулъ на разные пункты Салатавіи отъ Чиръ-Юрта, Міатлы и Евгеніевскаго до Буртуная.

Наконецъ, 14-го іюня начались рѣшительныя дѣйствія и открылась лѣтняя экспедиція. Къ этому времени прибылъ въ составъ отряда и 2-й дивизіонъ сѣверцевъ, выступившій изъ штабъ-квартиры 7-го іюня.

Войска были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: часть на Мичикалѣ, въ вагенбургѣ, часть для прикрытія сообщеній вагенбурга черезъ мичикальское ущелье съ Буртунаемъ—и здѣсь находился первый дивизіонъ сѣверцевъ; часть же, въ составѣ которой былъ второй дивизіонъ, отправилась съ командующимъ войсками по западной сторонѣ горы Анчимееръ на Аргуани.

6-го іюля выступилъ чрезъ хубарскія высоты въ составъ дагестанскаго отряда и 3-й дивизіонъ Сѣверскаго полка.

16-го іюля войска дагестанскаго отряда совершили знаменитую въ лѣтописяхъ русской исторіи переправу черезъ андійское Койсу у Сагрытло, овладѣли правымъ берегомъ рѣки и открыли себѣ путь въ глубину Аваріи. Въ числѣ немногихъ охотниковъ, увѣковѣчившихъ свое имя подвигомъ при переправѣ, были два унтеръ-офицера Сѣверскаго драгунскаго полка: Михаилъ Чумачковъ и Филиппъ Бѣлокуровъ. Обстоятельства, при которыхъ совершилось дѣло, произошли слѣдующимъ образомъ.

Барону Врангелю возможно было перевести войска на ту сторону андійскаго Койсу только въ двухъ пунктахъ—возлѣ Чирката и возлѣ Сагрытло. Но онъ отказался отъ первой переправы, потому что обходъ туда и наведеніе моста въ виду непріятельскихъ скопищъ были весьма рискованы. Со стороны же Сагрытло горцы насъ почти не ожидали, почему этой послѣдней переправѣ и было отдано предпочтеніе.

Передовая колонна генералъ-маіора Ракуссы, въ которой, вмѣстѣ съ командующимъ войсками, находился и эскадронъ сѣверцевъ, отдохнувъ въ Аргуани, двинулась къ сагрытлохской переправѣ, неся на плечахъ и на рукахъ деревянный мостъ на трехсажен-

ную ширину рѣки. Мѣсто, гдѣ былъ у горцевъ свой мостъ, ими тогда разрушенный, оказалось вполнѣ недоступнымъ; въ полуверстѣ же ниже его нашелся пунктъ, наиболѣе удобный для наведенія моста, хотя ширина рѣки и доходила здѣсь до пятнадцати саженей. На противуположной сторонѣ былъ только одинъ наблюдательный непріятельскій постъ, который содержали двадцать отчаянныхъ мюридовъ, скрываясь въ пещерѣ. Нужно было спѣшить, чтобы Шамиль и на этомъ мѣстѣ не предупредилъ бы насъ съ своими скопищами. Всю ночь съ 15-го на 16-е іюля войска не смыкали глазъ и устроивали у берега ложементы, за которыми могли бы прикрыть себя отъ выстрѣловъ мюридовъ, зорко слѣдившихъ за каждою русскою головою. Къ утру работы были кончены, и мы имѣли возможность держать противуположный берегъ подъ нашимъ перекрестнымъ огнемъ. Подъ прикрытіемъ послѣдняго, при невѣроятныхъ усиліяхъ, переплыли на ту сторону рѣки, съ веревкою въ рукѣ, два героя—рядовой Кочетковъ и юнкеръ Шпейеръ. Когда они укрѣпили веревку, то сдѣлана была передвижная люлька и вызваны охотники для переѣзда въ ней на противуположный берегъ, занятія его и истребленія мюридовъ. Всѣхъ охотниковъ набралось изъ отряда до шестидесяти человѣкъ, въ томъ числѣ Чумачковъ и Бѣлокуровъ. Воздушное путешествіе, совершенное ими поодиночкѣ, подъ выстрѣлами изъ пещеры, въ ненадежномъ веревочномъ мѣшкѣ, раскачивавшемся во всѣ стороны надъ бѣшеною рѣкою, при взглядѣ на которую сверху положительно захватывало дыханіе, было большимъ самоотверженіемъ, вполнѣ достойнымъ и возможнымъ только для закаленнаго въ бояхъ и опасностяхъ кавказскаго солдата.

Весь отрядъ провожалъ каждаго изъ охотниковъ напутственною молитвою, и командующій войсками, съ тревогою въ сердцѣ, слѣдилъ за героями, которые должны были ему доставить обладаніе противуположнымъ берегомъ рѣки. Наконецъ, наши храбрецы мало по малу сгруппировались на той сторонѣ рѣки. Тогда оставалось только овладѣть пещерою, гдѣ спрятались мюриды. Но овладѣть ею было не легко, потому что горцы устроили передъ нею каменный барьеръ, изъ за котораго безнаказанно могли поражать каждаго, кто осмѣлился бы приблизиться къ нимъ. Послѣ нѣкото-

раго раздумья со стороны нашихъ охотниковъ, одинъ изъ нихъ, поручикъ дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка Кайтуко Тутушевъ, предложилъ употребить слѣдующую хитрость: добраться ползкомъ къ самому барьеру, надѣть папахи на ружья и съ крикомъ „ура" поднять ихъ вверхъ, а когда мюриды—что весьма вѣроятно—дадутъ по нимъ залпъ, то въ ту же минуту броситься на нихъ. Предложеніе это было принято единодушно и немедленно было приведено въ исполненіе. Уловка вполнѣ удалась, и лишь только горцы разрядили свои винтовки по папахамъ охотниковъ—послѣдніе насѣли на нихъ. Началась безпощадная свалка. Мюриды, обнаживъ кинжалы, шагъ за шагомъ отступали въ глубину, отбиваясь отъ штыковъ и шашекъ. Одинъ за однимъ падали они на землю, обагряя ее своею кровью. Девятнадцать изъ нихъ уже валялись у ногъ нашихъ героевъ, пронзенные насквозь, и только послѣдній бросилъ оружіе и сдался *).

17-го числа произошла переправа восьми ротъ дагестанскаго и ширванскаго полковъ по плетеному веревочному мосту, устроенному подъ руководствомъ и по указанію дежурнаго штабъ-офицера подполковника Девеля. Фуражные и коновязные арканы драгунъ здѣсь всѣ пошли въ дѣло. 18-го числа, когда появившійся уже на противуположныхъ высотахъ непріятель былъ сбитъ и разсѣянъ, приступлено было къ устройству деревяннаго моста у самаго Сагрытло, тамъ, гдѣ рѣка съуживается на двѣ сажени между нависшими другъ къ другу скалами. Эта незабвенная переправа, какъ извѣстно, имѣла для насъ чрезвычайные результаты: Аварія, Койсубу, Гумбетъ, Андія и прочія общества смирились и покорились, дагестанскій и чеченскій отряды вошли въ связь и въ сообщеніе между собою; Шамиль бѣжалъ сперва въ Карату, а потомъ на Гунибъ.

---

*) По засвидѣтельствованію бывшаго съ охотниками прапорщика 21-го стрѣлковаго баталіона Туркистанова о выдающейся передъ прочими отвагѣ драгунъ Чумачкова и Бѣлокурова, первый изъ нихъ (вскорѣ вслѣдъ за симъ вахмистръ 1-го эскадрона) награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 3-й ст. подъ № 30, а второй—4-й ст. подъ № 4750 (приказъ по кавказской арміи 29-го ноября 1860-го года № 531). Кайтуко Тутушевъ также получилъ георгіевскій крестъ.

Переведя войска черезъ Койсу, генералъ баронъ Врангель занялъ гору Ахкентъ-дагъ и 22-го іюля выдвинулъ на урочище Арактау передовую летучую колонну безъ тяжестей, въ составѣ которой находились и сѣверцы.

Съ этой минуты начались для драгунъ всѣ тягости походныхъ движеній по скалистымъ горамъ, безъ дорогъ; ихъ могла вынести только та кавалерія, которая уже прошла подобную школу—что сѣверцы и на этотъ разъ доказали на дѣлѣ.

Въ Аваріи и Койсубу, бывшихъ въ нашихъ рукахъ, оставались только немногія селенія, которыя не прислали еще намъ своихъ депутацій.

Въ числѣ наиболѣе важныхъ пунктовъ, нами еще незанятыхъ, находилась и крѣпость Уллу-кала, овладѣніе которою съ боя было для насъ дѣломъ труднымъ. Тѣмъ не менѣе, такое овладѣніе было необходимо. Обязанность эта легла на помощника командующаго войсками въ Дагестанѣ, генералъ-маіора Манюкина, передовая колонна котораго, съ первымъ дивизіономъ сѣверцевъ, 2-го іюля стояла лагеремъ у сел. Зыряны. Лишь только жители знаменитаго въ лѣтописяхъ кавказской войны селенія Гергебиля, а также аула Кикуны, узнали о прибытіи Манюкина, какъ тотчасъ выслали къ нему своихъ старшинъ съ изъявленіемъ преданности и съ предложеніемъ сдать намъ Уллу-кала. Манюкинъ немедленно отрядилъ къ этому послѣднему пункту полковника Лазарева, съ двумя ротами пѣхоты, дивизіономъ сѣверцевъ и тремя сотнями конной даргинской милиціи. Въ тотъ же день, въ шесть часовъ вечера, колонна эта подоспѣла къ Уллу-кала и у самой крѣпости была встрѣчена привѣтствіемъ жителей, собравшихся сюда и изъ окрестныхъ мѣстъ, а также салютаціоннымъ залпомъ всѣхъ орудій, находившихся на крѣпостныхъ веркахъ. Сдѣлавъ этотъ залпъ, горскіе артиллеристы сложили принадлежность и сошли со стѣнъ. Такимъ образомъ здѣсь сѣверцамъ пришлось участвовать въ одномъ изъ важныхъ эпизодовъ окончательнаго покоренія восточнаго Кавказа. Сдача Уллу-кала повлекла за собою покорность Араканы, Кодуха, Дороды, Мурады и всѣхъ селеній, лежавшихъ между аварскимъ и Кара-койсу, которыхъ эта крѣпость защищала и обезпечивала. Даже Гумбетъ, думавшій такъ

недавно защищаться до послѣдней крайности и доставлявшій нам столько хлопотъ, примкнулъ ко всѣмъ этимъ селеніямъ и смирился окончательно. Послѣ этого, сообщеніе съ чеченскимъ отрядомъ, составлявшее главную заботу командующаго войсками, было вполнѣ возможно. Обо всѣхъ успѣхахъ нашихъ войскъ баронъ Врангель донесъ главнокомандующему, и, чтобы открыть связь съ войсками чеченскаго отряда, отправилъ въ Тандо, въ главную квартиру, дагестанскій конно-иррегулярный полкъ, подъ командою полковника князя Чавчавадзе. Князь Чавчавадзе прибылъ въ Тандо 27-го іюля —и съ этой минуты два главныхъ отряда подали другъ другу руки. Удовольствію князя Барятинскаго не было границъ. Въ этотъ же день онъ отдалъ по арміи слѣдующій незабвенный приказъ:

„Сегодня доношу Государю Императору о покореніи Его державѣ Аваріи, Койсубу, Гумбета, Салатавіи, Андіи, Технуцала, Чаберлоя и другихъ верхнихъ обществъ. Благодарю войска дагестанскаго и чеченскаго отрядовъ, всѣхъ отъ генерала до солдата, за столь радостную вѣсть для сердца возлюбленнаго Монарха.

„Особенную мою признательность объявляю генералъ-адъютанту барону Врангелю и генералъ-лейтенанту графу Евдокимову".

При этомъ главнокомандующій вызвалъ къ себѣ барона Врангеля.

Послѣдній, ввѣривъ себя охраненію 3-го дивизіона сѣверцевъ, немедля отправился по вызову. Это тягостное путешествіе сказалось весьма неблагопріятно преимущественно на драгунскихъ лошадяхъ: слѣдуя съ возможною поспѣшностью за командующимъ войсками по кремнистымъ утесамъ голаго Дагестана, лошади теряли подковы, портили копыта, и нѣкоторыя такъ сильно подбились, что ихъ пришлось вести въ заводу. 30-го іюля баронъ Врангель пріѣхалъ въ Тандо—и всѣхъ удивилъ своимъ быстрымъ появленіемъ, а въ особенности прибытіемъ съ нимъ регулярной кавалеріи въ такомъ значительномъ числѣ. Оправивъ кое-какъ въ два дня своихъ измученныхъ лошадей, сѣверцы 2-го августа послѣдовали вмѣстѣ съ командующимъ войсками обратно, и въ продолженіе этого новаго похода еще болѣе доканали несчастныхъ животныхъ. Неудобство было велико само по себѣ, а усложнялось еще тѣмъ, что въ под-

КАРТА
ЧАСТИ ВОСТОЧНАГО КАВКАЗА
Масштабъ
въ Англiйскомъ дюймѣ 20 вер.
0 5 10 15 20 40
КИЗЛЯРЪ
Р. Терекъ
МОЗДОКЪ
Екатериноградская
Павлодольская
Стодеревская
Галюгаевская
Ищорская
Наурская
Мекенская
Савельевская
Калиновская
Николаевская
Червленная
Щедринская
Горячеводская
Грозная
ЛЪВОЕ КРЫЛО
ОКР. КУМЫКСКIЙ
ОКР. ЧЕЧЕНСКIЙ
НАЗРАНОВЦЫ
КАРАБУЛАХЪ
МАЛ. ЧЕЧНЯ
БОЛ. ЧЕЧНЯ
ВЛАДИКАВКАЗЪ
ОКР. ВОЕННО-ОСЕТИНСКIЙ
ОКР. ИЧКЕРИНСКIЙ
ОКР. АРГУНСКIЙ
ОКР. ГОРСКIЙ
ТУШЕТIЯ
ВЕДЕНЬ
ВОЗДВИЖЕНСКОЕ
ПЕТРОВСКЪ
ВЛАД. ТАРКОВСКОЕ
Темиръ-ханъ-шура
ВЛ. МЕХТУЛИНСКОЕ
АВАРIЯ
ХУНЗАХЪ
ОКР. ДАРГИНСКIЙ
Кумухское
КАЙТАХЪ
ДЕРБЕНТСКIЙ
ДЕРБЕНТЪ
Г. Казбекъ
Хасавъ-юртовское
Евгеневское
Буйнаки
Гунибъ

ковахъ оказался большой недостатокъ. Это обстоятельство, въ связи съ ожиданіемъ въ дагестанскій отрядъ князя Барятинскаго, побудило дать 3-му дивизіону возможный отдыхъ, и въ то время, когда 1-й и 2-й дивизіоны по возвращеніи барона Врангеля были немедленно, въ числѣ прочихъ войскъ, направлены къ Гунибу, 3-й дивизіонъ остался пока на мѣстѣ. Весь дагестанскій отрядъ, въ томъ числѣ и означенные два дивизіона, прибылъ на кегерскія высоты 9-го августа и на другой же день взялъ Гунибъ въ тѣсную блокаду. Оба дивизіона, съ пятью баталіонами пѣхоты, ротою саперъ, четырнадцатью горными орудіями и пятью сотнями туземной конницы, были сосредоточены противъ Гуниба близъ раззореннаго аула Кегеръ; остальныя блокадныя колонны были расположены вокругъ Гуниба.

Десятаго августа князь Барятинскій, сопровождаемый между прочимъ и дивизіономъ нижегородцевъ, выѣхалъ изъ чеченскаго отряда по ущелью андійскаго Койсу и 11-го прибылъ въ сел. Игали. Здѣсь встрѣтилъ его начальникъ штаба прикаспійскаго отряда съ вторымъ баталіономъ ширванцевъ, первымъ дивизіономъ сѣверцевъ и двумя горными орудіями. Отдохнувъ немного, князь Барятинскій приказалъ пѣхотѣ и орудіямъ слѣдовать позади себя съ вьюками, а самъ, съ кавалеріею, поѣхалъ далѣе. Главнокомандующій никогда не ѣздилъ тихо ни въ экипажѣ, ни верхомъ—и это было причиною тому, что когда онъ пріѣхалъ на ночлегъ въ селеніе Ашильту, то о вьюкахъ, гдѣ была его лагерная ставка, и о сопровождавшемъ ихъ прикрытіи не было еще и помина. Зная хорошо, что они прибудутъ не прежде разсвѣта слѣдующаго дня, онъ велѣлъ сдѣлать здѣсь дневку. Сѣверцы быстро устроили главнокомандующему шалашъ изъ своихъ коновязныхъ кольевъ, а сами пустили лошадей на пастьбу на ближайшіе скаты горы. Главнокомандующій, выйдя вскорѣ изъ своего импровизованнаго шатра и увидѣвъ вокругъ по крутизнамъ массу лошадей, видимо залюбовался этою картиною и проговорилъ: „вотъ, люблю такую кавалерію“! Но тутъ же онъ не могъ не замѣтить, что „кавалерія“ эта подбилась окончательно; вслѣдствіе чего, тринадцатаго числа, послѣ дневки, прибывъ въ Гимры, онъ отправилъ нижегородцевъ черезъ карапаевскія высоты на Те-

мiръ-Ханъ-Шуру въ Чиръ-Юртъ, первый дивизiонъ сѣверцевъ оставилъ при тяжестяхъ, а самъ, въ сопровожденiи только однихъ аварцевъ и койсубулинцевъ, поднялся на бетлинскiя высоты къ аулу Ахкентъ и тамъ остановился на ночлегъ. Первый дивизiонъ присоединился къ своимъ двумъ остальнымъ у развалинъ Кегера только 18-го августа, нѣсколько часовъ спустя послѣ прибытiя на Кегеръ главнокомандующаго.

Гунибъ, стоящiй отдѣльно на правомъ берегу аварскаго Койсу, на высотѣ 7,680 фут. надъ уровнемъ моря, охватывался нашими войсками на пространствѣ пятидесяти верстъ въ окружности. Стоянка вокругъ Гуниба была непродолжительная, всего лишь, какъ извѣстно, до 25-го августа включительно: но, несмотря на это, съ первыхъ же дней и въ теченiе всего времени недостатокъ продовольственныхъ припасовъ и сухаго фуража былъ довольно ощутителенъ. Въ первомъ случаѣ выручилъ быстрый результатъ блокады, во второмъ удобное для подножнаго корма въ этихъ мѣстахъ время года. Вслѣдствiе послѣдняго обстоятельства лошади ежедневно были выпускаемы на пастьбу, и такъ какъ тягостей службы для кавалерiи не было, то, за неимѣнiемъ лучшаго, лошади удовлетворялись и тѣмъ, что нашлось подъ рукою. Для драгунъ пребыванiе у Гуниба ничѣмъ особеннымъ не отличалось отъ обыкновенной лагерной стоянки: тѣ же условiя быта, тѣ же товарищескiя сходки, тѣ же ежедневные обѣды у командира полка, которые издавна заведены были у прежнихъ нижегородцевъ.

Конечно, угощенiе уже было не то, да и нельзя было этого желать при тогдашней обстановкѣ; мало того, офицеры, по предложенiю командира полка князя Багратiона, являлись къ нему на обѣдъ и ужинъ съ своимъ хлѣбомъ, а на чай—съ своимъ сахаромъ, и это не только никого не стѣсняло, но возбуждало въ семьѣ сѣверцевъ веселые разговоры и остроты на счетъ положенiя дѣлъ въ продовольственномъ и вообще въ хозяйственномъ отношенiи. Впрочемъ, князь Багратiонъ недолго оставался у Гуниба. Онъ выѣхалъ въ Петербургъ для присутствованiя при церемонiалѣ, происходившемъ по случаю совершеннолѣтiя Августѣйшаго шефа полка, и имѣлъ честь находиться во время обряда передъ аналоемъ, съ об-

наженною шашкою въ рукѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ удостоенъ особаго пріема и милостиваго благоволенія Его Высочества, которое выразилось, между прочимъ, врученіемъ ему въ даръ роскошно отдѣланной въ серебро полковой форменной шашки, съ надписью *„отъ шефа полка“*, и золотой папиросницы. Кромѣ того Наслѣдникъ Цесаревичъ обѣщалъ выслать Своему полку икону.

Князь Багратіонъ ходатайствовалъ о перенесеніи полковаго праздника на 8-е сентября, въ день рожденія Его Императорскаго Высочества, и на это ходатайство 17-го сентября будущаго года въ полку получено по командѣ соизволеніе Государя Императора. При послѣдующемъ же командирѣ полка была получена и икона. Она сдѣлалась полковымъ образомъ и съ благоговѣніемъ хранится въ сѣверской семьѣ, какъ залогъ благоволенія къ полку въ Бозѣ почившаго Наслѣдника Цесаревича и какъ драгоцѣнная память о незабвенномъ первомъ шефѣ. Она представляетъ собою складень, на средней доскѣ котораго изображено Рождество Пресвятой Богородицы и на створцахъ—св. Александръ Невскій и св. Николай Чудотворецъ—всѣ три въ серебряныхъ вызолоченыхъ ризахъ. Складень сдѣланъ изъ чернаго дерева, съ богатыми серебряными украшеніями. На серебряной доскѣ написано: *17-му драгунскому Сѣверскому Имени Моего полку. 8-го сентября 1859-го года.*

Тѣмъ временемъ, дѣла подъ Гунибомъ шли своимъ чередомъ: съ перваго дня нашей блокады и до пятнадцатаго августа Шамиль ежедневно посылалъ въ наши лагери нѣсколько ядеръ, но они не причиняли намъ вреда; затѣмъ, до двадцать третьяго числа онъ пріумолкъ и велъ съ нами письменные и словесные переговоры, выгадывая для себя наивозможно лучшія условія. Но по мѣрѣ того, какъ имамъ въ то же время упрямился, онъ все болѣе терялъ поводъ и право на снисходительность князя Барятинскаго, который наконецъ рѣшилъ приступить къ овладѣнію Гунибомъ открытою силою. Понятно, что здѣсь главная задача легла на обязанность пѣхоты—и она ее съ честью и славою выполнила 25-го числа, увѣковѣчивъ въ средѣ своей имена охотниковъ, которымъ мы обязаны всѣмъ дѣломъ почти исключительно, и въ числѣ которыхъ навсегда остались въ исторіи фамиліи офицеровъ: капитана Скворцова,

подпоручика Теріева, прапорщика Кушнарова и нѣкоторыхъ другихъ.

Когда взошло солнце, и на Гунибѣ разыгрался первый кровавый актъ драмы, главнокомандующій сѣлъ на коня и въ сопровожденіи перваго дивизіона сѣверцевъ двинулся наверхъ, къ быстро стягивавшимся тамъ со всѣхъ фасовъ войскамъ. Тутъ только можно было составить себѣ окончательное понятіе о неприступности послѣдняго убѣжища Шамиля. Хотя князь Барятинскій взбирался по одной изъ наиболѣе удобныхъ тропинокъ, но все же пришлось по необходимости карабкаться наверхъ спѣшенными, держась въ то же время за хвосты своихъ лошадей. Наконецъ, главнокомандующій выѣхалъ на гунибское плато—и всѣ горы затряслись отъ боевыхъ кликовъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, тѣсно охватывавшихъ аулъ, изъ котораго Шамиль выходить еще не торопился. Князь Барятинскій съ своимъ прикрытіемъ остановился въ полуверстѣ отъ аула Гунибъ и сѣлъ на камнѣ. Отсюда отчетливо было видно, какъ суетилась тамъ горсть вооруженныхъ людей, шныряя изъ одной сакли въ другую.

Но даже и въ этотъ послѣдній моментъ Шамиль вздумалъ, черезъ посредство своего парламентера Юнуса-черкеевскаго, выгадывать для себя различныя условія сдачи. Ему было объявлено наотрѣзъ, что условій—никакихъ, а лишь безусловная явка съ повинною. Еще послѣ нѣкотораго колебанія изъ аула начала выходить небольшая толпа народа, но вдругъ остановилась и повернула назадъ. Тогда Даніэль-бекъ и Измаилъ-чохскій закричали ей, чтобы выходила скорѣе—иначе всѣ пропадутъ до единаго. Толпа появилась вновь медленно, нерѣшительно; затѣмъ, окончательно выступила изъ аула и съежившись опять пріостановилась. Впереди на бѣлой лошади красовался Шамиль. Еще разъ послѣднее „ура“ покатилось далеко по горамъ.

Послѣ минутнаго колебанія имамъ, наконецъ, двинулся по направленію, гдѣ на камнѣ сидѣлъ князь Барятинскій. Около сорока или пятидесяти отчаянныхъ старыхъ мюридовъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, окружали своего бывшаго военачальника. Нѣтъ сомнѣнія, что среди нихъ многіе пожертвовали бы и на этотъ разъ

жизнью, чтобы отплатить главнокомандующему за постыдное, по ихъ понятію, для Шамиля положеніе. Зная духъ и наклонности въ этомъ случаѣ мюридовъ, князь Барятинскій приказалъ маіору Зиссерману передать барону Врангелю, чтобы возможно деликатнѣе и осторожнѣе оттереть отъ имама его прикрытіе. Вслѣдствіе этого спѣшеннымъ драгунамъ велѣно было незамѣтно пробраться впередъ и съ обѣихъ сторонъ оттѣснить мюридовъ, составивъ между ними и Шамилемъ живую стѣну. Такъ они и сдѣлали. Увидѣвъ себя разобщенными съ имамомъ, мюриды задумали пробраться впередъ, но это имъ неудалось, потому что драгуны получили уже приказаніе не пропускать ни одного изъ нихъ.

На другой день, 26-го августа, послѣ церковнаго парада, князь Барятинскій послалъ черезъ симферопольскую станцію Государю Императору слѣдующую телеграмму: „Гунибъ взятъ. Шамиль въ плѣну и отправленъ въ Петербургъ“.

И такъ, война на восточномъ Кавказѣ окончилась. Сѣверцамъ между прочимъ принадлежитъ и ближайшее участіе въ эпилогѣ нашей долговременной борьбы съ непокорными горцами.

25-го августа, когда Шамиль убѣдился, что вѣшать или разстрѣливать его не будутъ, а затѣмъ и успокоился окончательно послѣ любезности князя Барятинскаго, подарившаго ему свою медвѣжью шубу, онъ попросилъ позволенія вызвать съ Гуниба свое семейство. Оно явилось къ нему на другой день, незадолго до отправленія его изъ отряда, въ полномъ составѣ.

Путь Шамиля въ Петербургъ, который князь Барятинскій ему опредѣлилъ въ телеграммѣ къ Государю Императору, лежалъ на Шуру и оттуда по старой терской линіи. Въ прикрытіе плѣнника, его семейства и имущества, состоявшаго изъ тридцати вьюковъ, былъ назначенъ второй дивизіонъ сѣверцевъ, подъ командою полковника Бѣлюстина, баталіонъ пѣхоты и двѣ сотни дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, подъ общимъ начальствомъ полковника Тромповскаго. Въ числѣ имущества, оставшагося у Шамиля за двукратнымъ разграбленіемъ его горцами во время перевозки на Гунибъ, находился между прочимъ и мѣшокъ съ золотомъ и серебромъ на сумму до 7000 рублей.

Поѣздъ двинулся. Жены Шамиля были ввѣрены наблюденію и заботливости Сѣверскаго полка поручика Теръ-Асатурова, который любезностью и угодливостью быстро снискалъ ихъ довѣріе. Это довѣріе вскорѣ перешло въ видимое расположеніе, когда жены увидѣли, что молодой человѣкъ заботится не только объ ихъ нуждахъ, но даже и о развлеченіяхъ въ пути, приказывая хору музыки, находившемуся въ колоннѣ, увеселять женщинъ на привалахъ и на ночлегахъ. А когда случилось, что одна изъ женъ была обязана Теръ-Асатурову розысканіемъ часовъ и мѣшка съ золотомъ, похищенныхъ у нея въ дорогѣ, то послѣ этого поручикъ Теръ-Асатуровъ сдѣлался въ ихъ глазахъ человѣкомъ даже близкимъ для нихъ. Хлопотъ съ этими барынями-дикарками было вообще достаточно; они доходили даже до такихъ мелочей, что поручику Теръ-Асатурову приходилось въ присутствіи женщинъ предварительно пробовать самому ту пищу, которая была для нихъ изготовляема, чтобы убѣдить ихъ, что она не отравлена. Вниманіе, оказываемое Теръ-Асатуровымъ дамамъ, столько же радовало начальствующихъ въ колоннѣ лицъ, потому что освобождало ихъ отъ лишнихъ заботъ, сколько было пріятно и самому Шамилю. Заботы же, преимущественно Тромповскаго, съ перваго дня выступленія въ походъ были немаловажныя. Прежде всего, на первомъ же ночлегѣ, получены были свѣдѣнія, что пятитысячная партія горцевъ намѣрена отбить Шамиля. Хотя эти слухи не имѣли прочной опоры и оправдаться такъ скоро послѣ совершившихся событій не могли, тѣмъ не менѣе пришлось принять возможныя предосторожности, и на другой же день, временно разлучивъ Шамиля съ его женами, направиться съ нимъ иною дорогою, въ обходъ угрожавшихъ колоннѣ пунктовъ. Это разъединеніе было сдѣлано съ тою цѣлью, что если ужъ дѣйствительно суждено было потерять плѣнниковъ, то потерять не всѣхъ вмѣстѣ, а кого либо одного—или Шамиля, или его семейство. При подобнаго рода несчастіи былъ вѣрный расчетъ на то, что имамъ и его жены будутъ какъ бы взаимными другъ за друга поручителями. Но, благодаря Бога, никакихъ боевыхъ столкновеній и хищническихъ нападеній не случилось. Потомъ Шамилю вздумалось заболѣть. Приближенные стали ему нашептывать, что онъ ко-

печно отравленъ—и вновь началась возня съ имамомъ. Такъ все длилось до Темиръ-Ханъ-Шуры, куда всѣ слѣдовали верхомъ и прибыли наконецъ 29-го августа вполнѣ благополучно. Тутъ у всѣхъ, не исключая и самаго Шамиля, какъ бы цѣлый жерновъ слетѣлъ съ плечъ: конечно, обѣ стороны были довольны по разнымъ причинамъ. Особенное же удовольствіе плѣнникъ выразилъ относительно поручика Теръ-Асатурова, прося у командующаго войсками, при отправленіи его 3-го октября въ дальнѣйшій путь, не удалять молодаго офицера отъ его семейства, остававшагося до времени въ Шурѣ, такъ какъ онъ пріобрѣлъ безусловное довѣріе и расположеніе его женъ. Кромѣ того, Шамиль подарилъ Теръ-Асатурову свой кинжалъ и бѣлаго арабскаго жеребца, на которомъ выѣхалъ изъ Гуниба. Въ полку этотъ жеребецъ получилъ названіе отъ имени своего бывшаго хозяина, котораго вполнѣ былъ достоинъ носить на себѣ, потому что дѣйствительно былъ во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненъ. До самой смерти онъ былъ общимъ баловнемъ и даже составилъ предметъ зависти одного изъ начальствующихъ лицъ, во время пребыванія сѣверцевъ въ 1860—1864-мъ годахъ въ кубанской области, которое хотѣло непремѣнно его пріобрѣсти, но не достигло этого и—хотя весьма страшно—оставалось все время въ претензіи не только на Теръ-Асатурова, но и на командира полка и даже на цѣлый полкъ.

Лошадь пала въ 1870-мъ году въ Пятигорскѣ, двадцати пяти лѣтъ отъ роду. Съ потерею предмета, напоминавшаго постоянно своего грознаго владыку—Шамиля и лучшіе боевые дни сѣверцевъ,—стали угасать и сказанія объ этихъ дняхъ, и воспоминаніе о виновникѣ ихъ.

IV.

Положеніе дѣлъ на западномъ Кавказѣ съ 1857—1860-й годъ. Программа нашихъ дѣйствій. Назначеніе на правое крыло Сѣверскаго драгунскаго полка. Выступленіе, движеніе и прибытіе на мѣсто. Начало лѣтней экспедиціи 1860-го года и боевой дѣятельности сѣверцевъ на западномъ Кавказѣ. Столкновеніе съ непріятелемъ 28-го апрѣля. Волненіе среди натухайцевъ. Движеніе въ землю шапсуговъ. Смерть командира полка князя Багратіона. Атака сѣверцевъ 3-го іюля. Движеніе на р. Абинъ. Прибытіе новаго командира полка полковника Петрова и состояніе полка. Дѣло сѣверцевъ при атакѣ и взятіи 7-го августа аула Мерчанъ. Вступленіе генералъ-адъютанта графа Евдокимова въ командованіе войсками и планы его. Участіе сѣверцевъ въ дѣйствіяхъ войскъ съ января по 27-е апрѣля 1861-го года. Распоряженіе по кавалеріи. Движеніе въ землю шапсуговъ и военныя дѣйствія съ 6-го мая по 11-е сентября. Путешествіе Государя Императора. Наша дѣятельность до 1862-го года.

Едва затихъ громъ нашихъ выстрѣловъ на восточномъ Кавказѣ, какъ боевая служба сѣверцевъ понадобилась на противуположной окраинѣ.

Князь Барятинскій, вступивъ въ командованіе отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, тотчасъ же удѣлилъ надлежащее вниманіе западному Кавказу, положеніе и судьба котораго съ этой минуты стали быстро измѣняться.

До 1859-го года самыя главныя и воинственныя племена западнаго Кавказа за Кубанью, въ особенности за Лабою и по окраинѣ восточнаго берега Чернаго моря, стояли противъ насъ въ грозномъ всеоружіи. Громадная ихъ территорія была отъ насъ вполнѣ независима, а многіе углы ея и невѣдомы. Работы предстояло намъ много.

А въ 1857-мъ году, когда новый главнокомандующій принялъ въ свои руки Кавказъ, нѣтъ сомнѣнія, затрудненій было еще гораздо болѣе, и борьба въ то время предвидѣлась значительно обширнѣе той, которая потомъ оказалась на дѣлѣ. Тогда-то, т. е. тотчасъ по прибытіи въ край князя Барятинскаго, были выработаны программа и проэктъ дѣйствій по покоренію и устройству западнаго Кавказа на всѣ годы, съ 1858-го по 1865-й. Сущность нашей дѣятельности, согласно проэкту, должна была выразиться въ довер-

шеніи лабинской линіи, устройствѣ и заселеніи линій бѣлорѣченской, адагумской, сѣверовосточнаго берега Чернаго моря, передовой линіи по Пшишу и окончательномъ возведеніи двухъ штабъ-квартиръ для пѣхотныхъ полковъ за Кубанью. Всего этого мы должны были достигнуть для того, чтобы стѣснить непокорныхъ горцевъ водвореніемъ нашего казачьяго населенія (предположено было устроить до шестидесяти станицъ) на мѣстахъ, отнимаемыхъ у непріятеля, и такимъ образомъ лишить его всѣхъ средствъ къ существованію, заставивъ безусловно изъявить покорность. На это опирались всѣ ежегодныя предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ въ кубанской области, и отъ таковой системы мы не отступили ни шага до окончанія войны.

1859-й годъ, а съ нимъ вмѣстѣ покореніе восточнаго Кавказа и взятіе въ плѣнъ Шамиля, въ связи съ новымъ порядкомъ дѣйствій, имѣли сильное вліяніе на умы закубанскихъ горцевъ. Направленіе этихъ умовъ еще болѣе измѣнилось вслѣдствіе мѣстныхъ обстоятельствъ, а именно: раззоренія нами въ 1858-мъ году натухайскаго общества, въ которомъ истреблено до 7-ми тысячъ дворовъ, передачи на нашу сторону Магометъ-Амина, сдѣлавшагося неожиданно нашимъ пріятелемъ и пособникомъ, смерти Сеферъ-бея (въ декабрѣ 1859-го года), наконецъ, принесенія покорности, хотя и мнимой, абадзехами, потомъ натухайцами и нѣкоторыми мелкими обществами. Изъ числа ближайшихъ къ нашимъ границамъ сильныхъ племенъ одни только шапсуги оставались относительно насъ все въ прежнемъ положеніи, руководимые пока сыномъ Сеферъ-бея Кара-Батыремъ и подстрекаемые заграничными эмиссарами и частью флибустьерами, и противъ нихъ прежде всего предстояло намъ направить наши боевыя дѣйствія.

Таково было положеніе нашихъ дѣлъ на западномъ Кавказѣ къ 1860-му году.

Главнѣйшая задача 1860-го года состояла въ томъ, чтобы на урочищѣ Хамкеты воздвигнуть укрѣпленіе, которое бы служило нашимъ надежнымъ опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій и въ то же время, при надобности, прикрытіемъ для укрѣпленнаго тутъ же лагеря. На это мѣсто предположено было собрать для лѣт-

ней экспедиціи сильный отрядъ съ значительнымъ числомъ кавалеріи. Командующій войсками праваго крыла просилъ объ усиленіи его войскъ еще въ началѣ 1859-го года, но военныя дѣйствія на восточномъ Кавказѣ не допустили удовлетворить его требованіе. Когда же разыгралась гунибская драма, онъ получилъ извѣщеніе *), что для лѣтнихъ дѣйствій къ нему прибудутъ на правое крыло три драгунскихъ полка (нижегородскій, Сѣверскій и переяславскій), девятнадцать стрѣлковыхъ баталіоновъ, три резервныхъ баталіона и восемь орудій. При этомъ, генералъ-лейтенанту Филипсону вмѣнялось въ обязанность заранѣе избрать для этихъ частей войскъ временныя штабъ-квартиры. Въ распоряженіи о драгунскихъ полкахъ **) было велѣно выступить *въ полномъ составѣ, за исключеніемъ седьмыхъ резервныхъ эскадроновъ, инвалидныхъ ротъ* и нѣкотораго числа нестроевыхъ чиновъ. Полки по прибытіи на мѣсто должны были составить, вмѣстѣ съ находившимся тамъ тверскимъ драгунскимъ полкомъ, *кавказскую сводную драгунскую дивизію*, подъ командою генералъ-маіора Тихоцкаго. Съ образованіемъ сей послѣдней, всѣ полки *отчислялись отъ пѣхотныхъ дивизій*, при коихъ состояли.

Сообразно всѣмъ этимъ распоряженіямъ, командующій войсками праваго крыла составилъ распредѣленіе войскъ для лѣтнихъ военныхъ дѣйствій 1860-го года, съ указаніемъ отрядовъ и ихъ назначенія. Опредѣлено было образовать девять отрядовъ и главнѣйшимъ изъ нихъ, въ которомъ до самаго конца пришлось участвовать сѣверцамъ, былъ адагумскій. Каждый годъ въ числѣ, составѣ и названіи отрядовъ, смотря по мѣстности и роду ихъ дѣйствій, происходили перемѣны, но адагумскій отрядъ до покоренія западнаго Кавказа не измѣнилъ ни своего названія, ни своей важности и самостоятельности.

Выступленіе сѣверцевъ изъ Чиръ-Юрта было назначено перво-

*) Письмо начальника главнаго штаба кавказской арміи отъ 12-го сентября 1859-го года № 1473.

**) Приказаніе по войскамъ кавказской арміи 16-го декабря 1859-го года № 236.

начально на 10-е марта 1860-го года, но, по особымъ военнымъ обстоятельствамъ на правомъ крылѣ, послѣдовало цѣлымъ мѣсяцемъ ранѣе, именно—8-го февраля. Хотя время года весьма неблагопріятствовало походному движенію, но все же полкъ былъ счастливѣе тѣхъ частей войскъ, которымъ пришлось совершить походъ по военно-грузинской дорогѣ, гдѣ тогда были жестокіе холода и большіе завалы.

Сѣверцы двигались по старой терской линіи и прибыли въ Георгіевскъ 27-го февраля. Такъ какъ имъ предстояло явиться въ кубанскую область за нѣкоторое время до открытія лѣтнихъ военныхъ дѣйствій, то приказано было остановиться предварительно на мѣстахъ, назначенныхъ для штабъ-квартиръ, и ждать особаго распоряженія для движенія на сборный пунктъ отряда *). Это имѣло своего рода благодѣтельныя послѣдствія для состоянія полка, потому что онъ получилъ возможность оправиться послѣ продолжительнаго и труднаго похода и выступить на боевое поле въ отличномъ видѣ и въ полной исправности. Послѣ дневки въ Георгіевскѣ, полкъ направленъ былъ на Ставрополь, гдѣ онъ нагналъ нижегородцевъ, слѣдовавшихъ непосредственно впереди его. Зима въ этомъ году была страшно холодная; снѣга были частые и большіе, и въ Ставрополѣ, по случаю сильной мятели, Сѣверцамъ была дана лишняя дневка. Оттуда они выступили на станицы Рождественскую, Новотроицкую и такъ далѣе до Ирклієвской. Сперва мѣстами стоянки штаба и дивизіоновъ были назначены станицы Крыловская, Павловская и Леушковская, но на пути маршрутъ былъ измѣненъ, и полкъ расположился 22-го и 23-го марта слѣдующимъ образомъ: штабъ и первый дивизіонъ въ ст. Медвѣдовской, 2-й дивизіонъ въ Новокорсунской и 3-й—въ Тимашевской. Тотчасъ по прибытіи сѣверцевъ на правое крыло полученъ былъ приказъ по кавказской арміи отъ 17-го марта за № 120-мъ объ образованіи временно при арміи „кавказской сводной драгунской дивизіи“ изъ четырехъ драгунскихъ полковъ, собранныхъ на правомъ крылѣ, и о назначеніи генералъ-

*) Рапортъ начальника штаба войскъ праваго крыла кавказской линіи 12-го января 1860-го года № 100.

маіора Тихоцкаго командующимъ этою дивизіею на общемъ основаніи, съ полнымъ подчиненіемъ командующему войсками праваго крыла. Къ дивизіи были причислены двѣ батареи конно-артиллерійской бригады кавказскаго линейнаго казачьяго войска.

Пока сѣверцы подвигались по назначенію, адагумскій отрядъ, въ который они были предназначены на лѣто, покоривъ натухайцевъ, уже окончательно смирившихся, заканчивалъ зимнюю экспедицію 1859—60 гг. на границѣ земли шапсуговъ, гдѣ оставалось только упрочиться посредствомъ солиднаго укрѣпленія. Пока же, отрядъ 26-го февраля былъ распущенъ для отдыха. Съ прекращеніемъ нашихъ военныхъ дѣйствій, волненія среди шапсуговъ, тлѣвшія до сихъ поръ исподоволь, сильно разгорѣлись. Виновниками ихъ были заѣзжіе люди изъ земли джигетовъ и убыховъ, сѣявшіе нелѣпыя извѣстія о готовящемся прибытіи послѣ курбанъ-байрама англійскихъ и турецкихъ войскъ для изгнанія насъ съ Кавказа. Кромѣ шапсуговъ, въ особенности волновались абадзехи, стремясь всѣми силами склонить на свою сторону и натухайцевъ *). Но дѣло съ послѣднимъ племенемъ какъ то у нихъ не ладилось, и мало того, даже сами шапсуги въ средѣ своей перессорились другъ съ другомъ и передрались—къ сожалѣнію только палками, но не оружіемъ. Хотя первая попытка къ возстанію на томъ пока и остановилась, но все же она была задаткомъ послѣдующаго тревожнаго состоянія закубанскихъ горцевъ, сѣменемъ, которое при каждомъ удобномъ случаѣ давало ростъ и плоды. Кромѣ того, волненія у горцевъ заставили насъ поторопиться открытіемъ лѣтней экспедиціи 1860-го года.

Войска двинулись тремя отрядами: адагумскимъ, лабинскимъ и шапсугскимъ. Послѣдній переправился на лѣвый берегъ Кубани, лабинскій занялъ урочище Хамкеты и приступилъ къ постройкѣ укрѣпленія, а адагумскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бабича, 15-го апрѣля сосредоточился у Суровской переправы; 20-го апрѣля онъ прибылъ къ укр. Крымскому и 22-го передвинулся въ тѣснины Неберджая (близь устья р. Богаге), гдѣ предназначено

*) Донесеніе генералъ-лейтенанта Филипсона отъ 18-го мая 1860-го года № 201.

было устройство укрѣпленія того же имени. Непріятель не противодѣйствовалъ, и 26-го апрѣля было приступлено къ работамъ.

Но на занятой позиціи и на значительное вокругъ нея пространство оказался крайній недостатокъ подножнаго корма; о сухомъ фуражѣ и говорить было нечего. Это обстоятельство побудило командующаго войсками уменьшить въ адагумскомъ отрядѣ число кавалеріи. Въ то время, когда мы убѣдились, что прочно заняли тѣснину Неберджая, и что въ дѣйствіяхъ кавалеріи пока крайней надобности не предстоитъ, генералъ Филипсонъ 26-го апрѣля отправилъ назадъ два дивизіона драгунъ—одинъ поэскадронно въ укрѣпленія Крымское и Адагумское, другой—на Кубань для прикрытія работъ по возведенію постовъ новой кордонной линіи; у Неберджая же остался *одинъ дивизіонъ* *).

Первое столкновеніе этого дивизіона и вмѣстѣ съ тѣмъ сѣверцевъ съ непріятелемъ на правомъ крылѣ произошло 28-го апрѣля, близъ поста Георгіевскаго. Въ этотъ день конная партія горцевъ сдѣлала нападеніе на войска, расположенныя въ прикрытіе работъ, и какъ-разъ нарвалась на резервъ сѣверцевъ и донскаго № 19-го полка. Встрѣча для горцевъ оказалась неблагопріятная; они были отбиты съ урономъ. У насъ потери не было.

Эти первыя дѣйствія сѣверцевъ совпали между прочимъ съ весьма важнымъ преобразованіемъ въ кавказскомъ краѣ: приказомъ по арміи отъ 3-го мая 1860-го года № 185, объявлено, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: правое крыло кавказской линіи именовать Кубанскою областью, а лѣвое—Терскою областью.

Между тѣмъ работы въ неберджайской тѣснинѣ день за днемъ быстро, и за немногими исключеніями, безпрепятственно подвигались впередъ. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ; наступила пора заготовленія сѣна. Въ виду этой потребности, изъ адагумскаго отряда, 29-го мая, отправленъ въ Крымское и послѣдній дивизіонъ сѣверцевъ, въ общей колоннѣ трехъ съ половиною баталіоновъ пѣхо-

---

*) Донесеніе главнокомандующему $\frac{6}{20}$ мая № 2683.

ты, сотни казаковъ, горной батареи и двѣнадцати ракетныхъ станковъ. Колонна эта была ввѣрена полковнику князю Шаликову.

Послѣ первой стычки съ горцами у поста Георгіевскаго и благодаря угрозамъ, направленнымъ командующимъ войсками противъ натухайцевъ, которые вздумали было волноваться, сѣверцы, подобно другимъ частямъ войскъ адагумскаго отряда, пользовались спокойствіемъ довольно долгое время. Спокойствіе это было бы совсѣмъ полное, еслибы его не нарушилъ несчастный случай, происшедшій съ командиромъ полка полковникомъ княземъ Багратіономъ.

7-го іюня, утромъ, князь приказалъ заложить въ свою коляску четверикъ лошадей и въ сопровожденіи семи человѣкъ конвойныхъ драгунъ, посаженныхъ на троечную повозку, въ девятомъ часу утра выѣхалъ изъ укр. Адагумскаго въ укр. Крымское—для осмотра частей полка, бывшихъ на покосѣ. Легко можетъ быть, что онъ намѣренъ былъ проѣхать оттуда и въ Ставрополь, куда въ то время прибывали ремонтныя лошади. Предположеніе это основывается на томъ, что князь взялъ съ собою до восьми тысячъ ремонтныхъ денегъ и независимо отъ фурштата Якова Михальчука, правившаго лошадьми, еще и вольнонаемнаго слугу, достаточное количество вещей и бѣлья.

На заставѣ сперва пріостановили экипажъ, потому что не видѣли при немъ никакого конвоя, но когда вслѣдъ затѣмъ подъѣхала телѣга съ семью вооруженными драгунами, и князь объявилъ, что они составляютъ его прикрытіе, то шлагбаумъ тотчасъ подняли. Вмѣстѣ съ командиромъ полка выѣхалъ верхомъ на покосъ и полковой квартермистръ прапорщикъ Леонтовичъ. Версты полторы за укрѣпленіемъ Леонтовичъ свернулъ вправо, а коляска покатила по прямой дорогѣ. Князь ѣхалъ довольно шибко, не обративъ вниманія на то, что телѣга не поспѣвала за нимъ и понемногу все отставала.

Разстояніе отъ Адагумскаго до Крымскаго считалось въ двѣнадцать верстъ. Уже проѣхали около половины пути. Вокругъ было тихо, и ничто не рождало ни малѣйшаго подозрѣнія о какой бы то ни было опасности. Вдругъ, въ ту минуту, когда экипажъ поровнялся съ лѣсомъ, неожиданно раздался оттуда ружейный залпъ, и партія горцевъ въ числѣ до ста человѣкъ моментально выскочила

на дорогу и окружила коляску, которая, къ несчастью, поневолѣ должна была остановиться, потому что одна изъ лошадей была убита наповалъ. Горцы съ ожесточеніемъ накинулись на князя и двухъ его спутниковъ. Началась борьба, но она оказалась далеко неравною: первыми жертвами пали тотчасъ же Яковъ Михальчукъ и слуга князя; самъ же онъ былъ тяжело раненъ. Справившись такъ скоро и легко съ сѣдоками, горцы бросились выпрягать лошадей и грабить экипажъ. Конвойные драгуны, находившіеся почти въ полутора верстахъ позади, услышавъ залпъ, бросили свою усталую тройку, и снявъ мундиры побѣжали на выручку командира полка. Но въ это время часть горцевъ, человѣкъ около тридцати, отдѣлилась отъ партіи, загородила имъ дорогу и открыла пальбу, задерживая такимъ образомъ ихъ приближеніе. Прапорщикъ Леонтовичъ, не имѣвшій надобности особенно торопиться къ пункту своей поѣздки, былъ въ такомъ разстояніи отъ мѣста катастрофы, что ружейная пальба донеслась до него отчетливо. Догадываясь, что произошло нѣчто серьезное, онъ быстро повернулъ коня и поскакалъ по направленію выстрѣловъ. Подъѣхавъ настолько, что могъ ясно видѣть все происходившее, и сообразивъ безполезность въ данномъ случаѣ своего пособія, онъ, не теряя времени, понесся обратно въ укрѣпленіе Адагумское и доложилъ о случившемся воинскому начальнику маіору Маняти, который тотчасъ выслалъ до сорока человѣкъ анапскаго горскаго полуэскадрона. Такъ какъ роковая вѣсть молніею облетѣла весь гарнизонъ, то вслѣдъ за всадниками выбѣжали на помощь къ своему командиру находившіеся въ укрѣпленіи въ незначительномъ числѣ пѣшіе драгуны; впереди ихъ понесся Сѣверскаго полка поручикъ графъ Граббе. По распространившейся тревогѣ изъ укр. Крымскаго также выступили двѣ роты, но, къ сожалѣнію, было поздно, и дѣло оказалось безповоротнымъ. Когда всадники и графъ Граббе примчались къ мѣсту происшествія, а вслѣдъ за ними прибѣжали и роты—все уже было кончено: на мѣстѣ оставались только два окровавленныхъ трупа, убитая лошадь и исковерканный и разграбленный экипажъ; вокругъ на далекое пространство господствовала прежняя тишина. По расчету времени и сообразно схваченному налету разсказу конвойныхъ драгунъ оказалось, что всякое

преслѣдованіе горцевъ было бы напраснымъ; оставалось только одно —по возможности выяснить направленіе, которое они приняли, чтобы этимъ способомъ опредѣлить по крайней мѣрѣ хоть слѣдъ партіи, которая, по всѣмъ соображеніямъ, увлекла злополучнаго князя въ плѣнъ. Такую обязанность принялъ на себя поручикъ графъ Граббе. Подхвативъ шесть человѣкъ конныхъ, онъ пустился съ ними по направленію горцевъ и дѣйствительно, насколько позволяли обстоятельства, достигъ цѣли: проѣхавъ нѣкоторое разстояніе, онъ сталъ послѣдовательно находить то одну, то другую вещь, принадлежавшую князю Багратіону, который видимо бросалъ ихъ съ намѣреніемъ, расчитывая на близкую помощь и на свое спасеніе. Такимъ образомъ Граббе поднялъ три куска перчатки, нѣсколько пуговицъ, обрывки платья. Всего этого было достаточно, чтобы убѣдиться и успокоиться, что князь увезенъ живымъ, и что слѣдовательно есть надежда на его избавленіе. Убѣжденіе это было тѣмъ основательнѣе, что явившіеся ночью въ укрѣпленіе Крымское лазутчики сообщили, что князь дѣйствительно живъ и находится въ десяти верстахъ отъ укр. Крымскаго. Тотчасъ снаряжена была особая колонна и отправлена на розыски. Послѣдніе, къ сожалѣнію, не улучшили дѣла: по прошествіи сутокъ князь былъ найденъ въ водѣ, недалеко отъ впаденія Адагума въ Пшецъ, ограбленный, раздѣтый, съ прострѣленнымъ колѣномъ и грудью, и съ разбитой головой. Изъ этого можно было заключить, что смерть командира Сѣверскаго полка опередила собою тѣ свѣдѣнія, которыя могли быть получены лазутчиками не иначе, какъ вскорѣ послѣ схватки. Это подтверждалось всѣми послѣдующими извѣстіями, которыя постепенно доходили до сѣверцевъ, старавшихся по возможности раскрыть виновниковъ катастрофы и весьма справедливо интересовавшихся подробностями печальнаго для нихъ событія. Отрывочныя и разновременныя извѣстія сводились въ одинъ общій разсказъ такого рода: князь дѣйствительно былъ взятъ въ плѣнъ живой, хотя и тяжело раненый въ колѣно, съ раздробленіемъ кости. Услышавъ по линіи тревогу, горцы какъ можно быстрѣе принялись очищать экипажъ. Опорожнивъ его совершенно въ двѣ-три минуты, они подхватили раненаго князя,

посадили его на лошадь сзади одного изъ всадниковъ и помчались въ свои трущобы. Пожалуй, сначала они и въ самомъ дѣлѣ сберегали свою добычу для богатаго выкупа. Но, къ несчастью, этому не суждено было осуществиться: по мѣрѣ того, какъ скачка горцевъ усиливалась, рана мучила князя все болѣе и болѣе. Онъ упрашивалъ везти его тише, но на это не обратили никакого вниманія. Тогда, доведенный до крайности и въ то же время ожесточенный, князь собралъ послѣднія силы, схватилъ обѣими руками своего вожака за горло, и, свалившись вмѣстѣ съ нимъ на землю, тутъ же задушилъ его. Горцы, видя, что добыча ихъ хотя и интересна, но весьма хлопотлива, тотчасъ порѣшили свою жертву пулею прямо въ сердце, и, судя по головной ранѣ, раздробили ему черепъ. Все это должно было случиться на томъ мѣстѣ, гдѣ нашли трупъ, такъ какъ не было смысла везти его на нѣкоторомъ разстояніи только для того, чтобы бросить въ воду. Тѣло князя Багратіона было отвезено въ укрѣпленіе Крымское и тамъ предано землѣ. Надъ могилой поставленъ чугунный крестъ съ такою же рѣшеткою.

Негодованіе сѣверцевъ противъ виновниковъ несчастья князя становится весьма понятнымъ; огорченіе было также искреннее, всеобщее, такъ какъ сѣверская семья его любила—главнѣе всего за храбрость, которую дѣйствительно онъ не разъ выказалъ, будучи командиромъ конно-иррегулярнаго, а потомъ Сѣверскаго полковъ. Кромѣ того, всѣ подчиненные были явно расположены къ нему за его доброе сердце, а офицеры, кромѣ того, были всегда ему признательны за радушіе и гостепріимство. Независимо этихъ достоинствъ, князь привлекалъ къ себѣ свѣтскою ловкостью, тактомъ и былъ человѣкъ вполнѣ благовоспитанный. Кратковременное его командованіе прошло безъ всякихъ недоразумѣній какъ въ средѣ сѣверскаго общества, котораго онъ былъ представителемъ, такъ и по отношенію этого общества къ нему самому. Вообще, Иванъ Романовичъ, не успѣвъ (можетъ быть, и по краткости командованія) сдѣлать для полка что либо особенное, тѣмъ не менѣе оставилъ по себѣ добрую память и общее сожалѣніе. Подъ первымъ и живымъ впечатлѣніемъ общаго къ нему сочувствія, сѣверцы готовы были обвинять Леонтовича и конвойныхъ драгунъ за то, что они не сло-

жили своихъ головъ за голову князя; но съ теченіемъ времени, когда чувства немного улеглись, успокоились, всѣ ясно сознавали, что обвинять некого и не въ чемъ, и что такова ужъ была злосчастная доля ихъ любимаго командира.

По поводу самаго происшествія и въ связи его съ пропажею казенныхъ денегъ, находившихся во время катастрофы при князѣ, была назначена особая коммисія, съ участіемъ, въ качествѣ депутата, одного офицера отъ Сѣверскаго полка. Коммисія эта привела въ извѣстность состояніе полка, выяснила дѣйствительность ограбленія у князя казенной суммы, кое-какіе недочеты и недостатки и даже привлекла къ нѣкоторой отвѣтственности по хозяйственнымъ вопросамъ трехъ должностныхъ офицеровъ полка; но въ результатѣ дѣло кончилось ничѣмъ, потому что недостающая сумма была пополнена частью хозяйственными оборотами полка, а частью принята насчетъ казны; дѣлать же виновными тѣхъ лицъ, которыя попали въ неудобное положеніе вслѣдствіе своей подчиненности и исполненія ими приказаній командира полка—не представилось возможнымъ. При этомъ и общество сѣверцевъ выразило единодушное желаніе, въ случаѣ необходимости, отвѣтствовать за всѣ матеріальные убытки въ полку—о чемъ письменно заявлено было начальству.

Іюнь мѣсяцъ приближался къ концу; укрѣпленіе Небердҗайское было окончено. По утвержденному главнокомандующимъ плану военныхъ дѣйствій въ кубанской области, адагумскій отрядъ долженъ былъ теперь обратиться противъ шапсуговъ, богатый край которыхъ, заключавшій въ себѣ до полутораста тысячъ населенія, находился между рр. Шахе и Пшадою на южной и между рр. Супъ и Адагумъ на сѣверной сторонѣ главнаго хребта. Пространство между Пшадою и Геленджикомъ считалось принадлежащимъ натухайцамъ, но они жили тамъ слитно съ шапсугами, имѣвшими надъ ними перевѣсъ. Мѣстомъ для новаго сбора отряда назначена была р. Бугундырь *).

*) Донесеніе отъ 15-го іюля № 3653.

26-го іюня войска отряда, оставивъ въ Неберджаѣ гарнизонъ, были переведены къ укр. Крымскому, и въ тотъ же день приступили къ проложенію просѣки на сообщеніи этого укрѣпленія съ Бугундыремъ.

Колонна, бывшая на покосѣ, въ томъ числѣ и сѣверцы, пока еще не вошла въ составъ отряда: она оканчивала свою работу и припасла къ этому времени для войскъ до двухсотъ тысячъ пудовъ сѣна.

Между тѣмъ, 1-го іюля адагумскій отрядъ отъ укр. Крымскаго перешелъ на р. Шибсъ и здѣсь расположился лагеремъ.

Только 3-го іюля возвратились въ лагерь на р. Шибсъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Граббе, остальныя войска адагумскаго отряда, и съ этой минуты составъ его былъ слѣдующій: десять баталіоновъ пѣхоты, шесть эскадроновъ сѣверскихъ драгунъ, четыре сотни казаковъ, четырнадцать орудій и шестнадцать ракетныхъ станковъ. На другой день отрядъ перешелъ на правую сторону р. Шебикъ.

Въ тотъ же день начальникъ отряда генералъ-маіоръ Бабичъ, взявъ съ собою охотниковъ отъ всѣхъ баталіоновъ пѣхоты, въ числѣ 321-го человѣка, шесть стрѣлковыхъ ротъ, пластуновъ, 3-й дивизіонъ драгунъ, анапскихъ всадниковъ, двѣ сотни линейныхъ казаковъ, восемь ракетныхъ станковъ и четыре орудія, произвелъ рекогносцировку пространства между рр. Шебикомъ и Абиномъ. Дивизіономъ драгунъ командовалъ капитанъ князь Назаровъ, а эскадронами—5-мъ штабсъ-капитанъ Шахаліевъ и 6-мъ поручикъ графъ Граббе (убитый во время польскаго мятежа въ 1863-мъ году). Нѣсколько непріятельскихъ всадниковъ слѣдили за движеніемъ колонны отъ р. Коафо, но ничего не предпринимали. Въ началѣ движенія, пока позволяла мѣстность, дивизіонъ шелъ въ колоннѣ изъ середины, но когда дорога постепенно становилась все хуже и начала входить въ лѣсъ, то въ этомъ построеніи слѣдовать уже было невозможно. При этомъ послѣднемъ условіи 5-му эскадрону естественно приходилось быть впереди и первому встрѣтиться съ непріятелемъ, а 6-й могъ вовсе и не попасть въ дѣло. Сообразивъ это, графъ Граббе, чрезъ посредство кп. Назарова, устроилъ такъ, что

генералъ Бабичъ приказалъ дивизіону идти изъ средины по шести, потомъ по три и наконецъ по одному. Но во все время наступленія непріятель уклонялся отъ всякой схватки. При обратномъ же слѣдованіи, не доходя версты до р. Коафо, передовая часть отряда встрѣчена была залпомъ горцевъ, засѣвшихъ въ оврагѣ, находившемся шагахъ въ полутораста влѣво отъ дороги, какъ разъ со стороны 5-го эскадрона. Генералъ Бабичъ пустилъ его въ атаку. Къ эскадрону присоединился и князь Назаровъ. Шахаліевъ понесся въ лѣсъ, и хотя горцы, уклоняясь отъ удара драгунъ, спѣшили разсѣяться въ трущобѣ, но все же восемь тѣлъ осталось въ рукахъ 5-го эскадрона, вынесшаго эти трупы на дорогу. Послѣ этой молодецкой схватки, разъѣзжавшіе поблизости конные шапсуги не посмѣли безпокоить наши войска, которыя спокойно возвратились въ лагерь, потерявъ ранеными одного драгуна и одного охотника.

Донося объ этомъ дѣлѣ главнокомандующему *), генералъ Филипсонъ называетъ, въ числѣ трехъ офицеровъ, особенно отличившихся, и капитана князя Назарова **).

6-го числа, послѣ обѣда, отрядъ раздѣлился надвое: авангардъ, въ составѣ двухъ стрѣлковыхъ ротъ, двухъ эскадроновъ, двухъ сотенъ линейцевъ, двухъ орудій и шестнадцати ракетныхъ станковъ, а также войска, назначенныя, подъ начальствомъ полковника гр. Граббе, для рубки лѣса по обѣимъ сторонамъ р. Коафо, въ составѣ 3¾ баталіоновъ, двухъ эскадроновъ и четырехъ орудій, перешли на Коафо, а остальныя войска, подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Сумарокова-Эльстона, остались на прежней позиціи. Но на другой же день, 7-го числа, какъ авангардъ, такъ и войска бывшія на р. Шебикъ, перешли на р. Абинъ и расположились лагеремъ на лѣвомъ берегу ея, въ верстѣ ниже бывшаго Абинскаго укрѣпленія.

Восьмого числа дивизіонъ драгунъ участвовалъ въ рекогносцировкѣ по рѣкѣ Бугундырю и въ уничтоженіи всѣхъ ауловъ, кото-

---

*) $\frac{22}{28}$ іюля 1860-го года № 3772.

**) За это дѣло кн. Назаровъ произведенъ въ маіоры (прик. по кавк. арміи 1861-го года № 372).

рыми усѣяна долина ея. Хотя шапсуги нѣсколько разъ порывались вступать съ нашею колонною въ перестрѣлку, но были немедленно останавливаемы огнемъ нашихъ орудій и стрѣлковъ. Цѣль этой рекогносцировки состояла въ томъ, чтобы избрать мѣсто лагеря на Бугундырѣ, но такъ какъ явились многія къ тому неудобства, то и рѣшено было оставаться на р. Абинѣ, удаленной отъ Бугундыря верстъ на шесть.

Вслѣдствіе этого рѣшенія и желая удалить горцевъ отъ близлежащихъ мѣстъ, начальникъ отряда, 9-го числа, предпринялъ движеніе вверхъ по Абину двумя колоннами. Въ составъ каждой изъ нихъ входило по одному дивизіону сѣверцевъ. При возвращеніи того же числа обѣихъ колоннъ въ лагерь, горцы вступили съ ними въ сильную перестрѣлку, но были отброшены въ лѣсъ. Вообще же, въ теченіе 7-го и 9-го іюля адагумскимъ отрядомъ было уничтожено до сорока непріятельскихъ ауловъ *).

Десятаго іюля войска перешли на новую позицію, немного ниже укрѣпленія Абинскаго, и на слѣдующій день приступили сперва къ устройству засѣки, а потомъ и укрѣпленнаго лагеря. Черезъ пять дней произведена была рекогносцировка по дорогѣ на ур. Перу, въ которой участвовали два дивизіона сѣверцевъ, при отступленіи имѣвшіе перестрѣлку съ непріятелемъ. Рекогносцировка эта показала, что на всемъ пройденномъ пространствѣ находится большая и хорошая трава, обезпечивавшая продовольствіе отряда мѣсяца на четыре. Обстоятельство это, въ связи съ другими условіями стоянки на Абинѣ, приводило къ необходимости держать отрядъ все на томъ же мѣстѣ болѣе или менѣе продолжительное время и не представляло пока надобности въ дальнихъ движеніяхъ и наступленіяхъ. При этомъ послѣднемъ условіи не встрѣчалось уже нужды въ томъ значительномъ числѣ кавалеріи, которая состояла въ отрядѣ, почему 2-й дивизіонъ сѣверцевъ тотчасъ былъ отправленъ въ укр. Крымское. Перемѣщеніе это было какъ нельзя болѣе кстати, потому что въ отрядѣ, вслѣдствіе сильныхъ жаровъ, быстро и неожиданно развилась сильнѣйшая лихорадка.

---

*) Донесеніе отъ $\frac{22}{28}$ іюля № 3772.

Во второй половинѣ іюня сѣверцы съ удовольствіемъ узнали о назначеніи къ нимъ новаго командира полка *) въ лицѣ ихъ стараго сослуживца и однополчанина полковника Виктора Александровича Петрова **). Всѣмъ было давно извѣстно, что Викторъ Александровичъ—кавалеристъ по духу съ юныхъ лѣтъ, старый нижегородецъ, и одинъ изъ основателей полка, а слѣдовательно всѣ имѣли полное основаніе возлагать на него наилучшія надежды.

Викторъ Александровичъ, родомъ изъ дворянъ херсонской губерніи, воспитывался въ ришельевскомъ лицеѣ по юридическому факультету. Въ службу вступилъ 1-го мая 1837-го года вольноопредѣляющимся въ елисаветградскій уланскій полкъ и 7-го іюня 1838-го года, имѣя 19-ть лѣтъ отъ роду, произведенъ въ корнеты. Въ 1845-мъ году онъ былъ командированъ на Кавказъ для участія въ экспедиціи. 13-го февраля 1846-го года онъ, по распоряженію начальства, переведенъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, гдѣ командовалъ 2-мъ эскадрономъ, а потомъ 5-мъ и 3-мъ дивизіонами. Съ августа 1855-го и по апрѣль 1856-го года Викторъ Александровичъ командовалъ линейнымъ казачьимъ № 2-го полкомъ, переведенъ въ Сѣверскій полкъ при сформированіи его, командовалъ тамъ 1-мъ дивизіономъ и наконецъ, 6-го сентября 1858 года назначенъ командиромъ гребенскаго полка и 10-й бригады кавказскаго линейнаго казачьяго войска. Съ минуты своего перевода на Кавказъ и до 1863-го года включительно, Викторъ Александровичъ почти постоянно (кромѣ 1849-го, 1850-го, 1852-го и 1856-го годовъ) участвовалъ въ походахъ и дѣлахъ съ непріятелемъ, былъ сильно ушибленъ прикладомъ въ грудь 24-го іюня 1854-го года въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара и контуженъ ядромъ въ правую ногу. Пройдя такую боевую школу и свыкнувшись съ родомъ своего оружія и съ солдатомъ, преимущественно кавказскимъ, съ юныхъ лѣтъ, Викторъ Александровичъ, по убѣжденію всѣхъ сѣверцевъ,

---

*) Приказъ командовавшаго кавказскою арміею отъ 26-го іюня 1860-го года № 279.

**) Назначенъ въ маѣ 1882-го года командиромъ 8-го армейскаго корпуса.

ожидавшихъ его прибытія къ полку, вполнѣ отвѣчалъ тому назначенію, которое выпало на его долю. Онъ не заставилъ себя долго ждать: увѣдомивъ изъ ст. Червленной полковника Гоппе, остававшагося въ Чиръ-Юртѣ завѣдывающимъ штабъ-квартирою полка, о своемъ пріѣздѣ, Викторъ Александровичъ прибылъ туда 8-го іюля, осмотрѣлъ 7-й резервный эскадронъ и инвалидную роту, и немедля ни одного дня, выѣхалъ въ Кубанскую область и прибылъ къ полку въ половинѣ іюля. Въ томъ же году, 8-го сентября, въ день полковаго праздника, Викторъ Александровичъ Высочайшимъ приказомъ утвержденъ въ должности командира Сѣверскаго полка.

По прибытіи къ полку полковника Петрова, тяжелое впечатлѣніе кроваваго эпизода было еще вполнѣ свѣжее. Оказалось, между прочимъ, что виновниками его были жители весьма населеннаго аула Мерчанъ, находившагося на правой сторонѣ р. Абина, верстахъ въ десяти ниже лагеря. Полковникъ Петровъ, раздѣляя убѣжденіе полка въ томъ, что сѣверцы не должны оставаться въ долгу у горцевъ, представилъ генералъ-маіору Бабичу всѣ доводы о необходимости жестоко наказать мерчанцевъ. Это заявленіе совершенно согласовалось съ соображеніями начальника отряда, такъ какъ жители Мерчана не только безпокоили насъ своими разбоями, но и принимали два-три дня тому назадъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ противъ насъ на фуражировкахъ *). Нужно было во всякомъ случаѣ избавиться отъ этого близкаго и невыгоднаго сосѣдства—и генералъ Бабичъ рѣшилъ истребить аулъ.

Въ ночь съ 6-го на 7-е августа, по дорогѣ къ Мерчану были двинуты три колонны: одна подъ начальствомъ полковника Петрова, другая—полковника Головинскаго и третья—подполковника Виберга. Въ составъ этихъ колоннъ входило семнадцать стрѣлковыхъ ротъ, три эскадрона сѣверцевъ (изъ нихъ два—5-й и 6-й, князя Назарова и Манштейна, въ колоннѣ полковника Петрова), двѣ съ половиною сотни, шесть орудій, десять ракетныхъ станковъ и 280-ть человѣкъ охотниковъ-пластуновъ. Колоннамъ предстояло слѣдовать паралельно и потомъ окружить аулъ съ трехъ сторонъ.

---

*) 1-го и 4-го августа.

Въ одиннадцать часовъ ночи войска перешли черезъ р. Абинъ, и передъ разсвѣтомъ всѣ три колонны были уже въ виду аула, но колонна полковника Петрова оказалась впереди другихъ. Тутъ на ея долю достался первый залпъ непріятельскаго секрета, разнесшій тревогу въ аулѣ и въ окрестности. Въ одно мгновеніе толпы горцевъ собрались на защиту своего аула. Сообразивъ, что медлить нельзя, такъ какъ это доставило бы непріятелю возможность или укрыться отъ насъ, или встрѣтить насъ еще съ большими силами и вполнѣ сосредоточенно, полковникъ Петровъ, не дожидаясь разсвѣта и остальныхъ колоннъ, немедленно разсыпалъ охотниковъ и во главѣ своихъ драгунъ понесся на горцевъ. За нимъ слѣдовала пѣхота и артилерія.

Непріятель, послѣ перваго удара, поспѣшилъ подъ прикрытіе своихъ жилищъ. Но драгунъ остановить было трудно, потому что всѣ они уже знали, съ кѣмъ и за что имѣютъ дѣло. Стрѣлою кинулись они на отступавшихъ мерчанцевъ, не дали имъ даже и опомниться, изрубили 22 человѣка и четырнадцать человѣкъ взяли въ плѣнъ, не считая многихъ женщинъ и дѣтей.

Тѣмъ не менѣе главныя толпы непріятеля уже успѣли скрыться въ аулѣ и изъ всѣхъ угловъ его открыли оживленную перестрѣлку.

Остальныя двѣ колонны, сдѣлавъ форсированнымъ маршемъ обходное движеніе, черезъ полчаса послѣ залпа горцевъ заняли сѣверо-восточный и сѣверо-западный фасы аула. Непріятель, усмотрѣвъ это движеніе, бѣжалъ. Тогда въ одно мгновеніе отъ рукъ усердныхъ драгунъ аулъ запылалъ во всѣхъ концахъ; часть имущества была сожжена, разметана, уничтожена; другая же и большая часть досталась войскамъ; при этомъ были найдены и нѣкоторыя вещи, принадлежавшія князю Багратіону. Хлѣбъ, находившійся на поляхъ, за исключеніемъ значительнаго запаса для драгунскихъ и прочихъ лошадей, увезеннаго въ лагерь, былъ также сожженъ.

Въ шесть часовъ утра всѣ три колонны соединились на сѣверной сторонѣ аула и черезъ часъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Головинскаго, предприняли обратное движеніе. Непріятель пытался нѣсколько разъ атаковать нашъ аррієргардъ, но всегда былъ отбрасываемъ съ урономъ.

Въ двѣнадцать часовъ дня колонны возвратились въ лагерь. Кромѣ плѣнныхъ, имущества и зерноваго запаса у нихъ оказалось еще 828 штукъ рогатаго скота и четыре лошади. Потеря наша состояла изъ двухъ раненыхъ нижнихъ чиновъ и пяти раненыхъ драгунскихъ лошадей *).

И такъ, сѣверцы, наказавъ мерчанцевъ, почтили память своего бывшаго командира тризною, вполнѣ удовлетворившую кровь, взывавшую о мщеніи.

Въ числѣ взятыхъ нами плѣнныхъ находился и одинъ изъ убійцъ князя Багратіона. За выкупъ его мерчанцы предложили всѣ вещи, отнятыя у князя. Конечно, такого предложенія нельзя было не уважить, и оно было принято безпрекословно. На другой же день вещи были доставлены и отправлены къ брату покойнаго — кромѣ шашки, подаренной шефомъ.

Послѣ этого случая и до конца мѣсяца въ адагумскомъ отрядѣ было тихо.

Во время подобнаго рода затишья сѣверцы никогда не оставались праздными, и командиръ полка употреблялъ все свободное время для строеваго образованія.

Съ 1-го сентября боевая дѣятельность сѣверцевъ, вслѣдствіе новаго распредѣленія, разлагается на два наиболѣе важные и ближайшіе другъ къ другу отряда, а именно: 3-й дивизіонъ остался въ адагумскомъ отрядѣ, 2-й временно переведенъ вмѣсто нижегородцевъ въ средне-шапсугскій, а 1-й дивизіонъ попрежнему долженъ былъ оставаться пока въ штабъ-квартирѣ полка, въ укр. Крымскомъ. Дивизіоны, оставляемые въ штабъ-квартирахъ, назначались для смѣны, по усмотрѣнію полковыхъ командировъ, другихъ дивизіоновъ **).

Во второй половинѣ сентября въ командованіе войсками Кубанской области, вмѣсто генерала Филипсона, вступилъ герой и побѣдитель Веденя, генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ.

---

*) Донесеніе генералъ-лейтенанта Филипсона отъ 27-го августа № 4205.

**) Рапортъ штаба войскъ Кубанской области къ генералъ-квартирмейстеру кавказской арміи отъ 31-го августа 1860-го года № 4292.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ—сентября, октября и ноября, въ адагумскомъ и средне-шапсугскомъ отрядахъ, гдѣ участвовали сѣверцы, ничего важнаго не произошло: все ограничивалось продолженіемъ работъ, нѣкоторыми рекогносцировками, набѣгами и тѣми незначительными схватками съ непріятелемъ, которыя затѣвалъ онъ самъ.

11-го ноября изъ главнаго шапсугскаго отряда были отправлены въ Терскую область, вслѣдствіе зародившагося тамъ волненія, нѣкоторыя части войскъ 20-й пѣхотной дивизіи, а также и переяславскій драгунскій полкъ въ полномъ составѣ. Взамѣнъ ихъ поступили въ отрядъ мѣстныя пѣхотныя и казачьи части, съ четырмя конными орудіями кубанскаго казачьяго войска и 1-й дивизіонъ Сѣверскаго драгунскаго полка. Вмѣстѣ съ тѣмъ 18-го ноября въ командованіе войсками главнаго шапсугскаго отряда, бывшаго до сихъ поръ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Рудановскаго, вступилъ помощникъ графа Евдокимова свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Святополкъ-Мирскій.

Послѣ всего этого войскамъ трехъ отрядовъ—адагумскаго и обоихъ шапсугскихъ, данъ былъ отдыхъ, для того, чтобы оправиться, собраться съ силами и приступить къ одной изъ главнѣйшихъ задачъ 1860-го года—движенію въ землю шапсуговъ.

27-го ноября графъ Евдокимовъ прибылъ въ лагерь главнаго шапсугскаго отряда, расположеннаго при укрѣпленіи Григорьевскомъ. На другой день онъ произвелъ одну рекогносцировку, а потомъ еще черезъ день, 30-го ноября, другую вверхъ по шебшскому ущелью. Въ этой послѣдней рекогносцировкѣ участвовалъ и дивизіонъ сѣверцевъ. Движеніе нашихъ войскъ произвело большую тревогу въ горахъ. При отступленіи произошла сильная перестрѣлка.

Главною цѣлью военныхъ дѣйствій въ землѣ шапсуговъ представлялось продолженіе удобной и безопасной дороги для движенія даже малыхъ колоннъ отъ укр. Григорьевскаго къ укр. Крымскому, по всему сѣверному предгорью ихъ земли. Для осуществленія этой цѣли начальнику адагумскаго отряда генералу Бабичу, которому былъ возвращенъ 2-й дивизіонъ сѣверцевъ, находившійся въ среднешапсугскомъ отрядѣ у полковника Левашева, велѣно выступить изъ

Абинскаго укрѣпленія на р. Бугундырь, а начальнику средне-шапсугскаго отряда полковнику Левашеву—одновременно съ предыдущимъ отрядомъ двинуться изъ укр. Ильскаго и рубить просѣки навстрѣчу одинъ другому по указанному направленію.

Генералъ Бабичъ, съ десятью баталіонами, 2-мъ и 3-мъ дивизіонами сѣверцевъ, бывшими подъ личнымъ начальствомъ командира полка полковника Петрова, четырмя сотнями казаковъ, двѣнадцатью орудіями и шестнадцатью ракетными станками, перваго декабря перешелъ на р. Антхырь; отсюда до 7-го числа пролагалъ просѣку къ Бугундырю, а съ 7-го числа—отъ Антхыря къ р. Хабль. Во всѣхъ движеніяхъ адагумскаго отряда начальникомъ кавалеріи былъ командиръ Сѣверскаго полка.

Главный шапсугскій отрядъ, оставивъ небольшую часть войскъ въ укр. Григорьевскомъ, выступилъ 3-го декабря, подъ начальствомъ графа Евдокимова, по просѣкѣ, проложенной отъ р. Шебша къ укр. Ильскому, и 4-го числа, пройдя отрядъ полковника Левашева, остановился лагеремъ на р. Азипсѣ. Въ составъ выступившаго на Азипсъ главнаго шапсугскаго отряда входили девять баталіоновъ, четыре эскадрона, въ томъ числѣ 1-й и 2-й Сѣверскаго полка, подъ командою маіора Петрова и подполковника князя Львова, четыре сотни, часть милиціи и десять орудій. Кромѣ этихъ отрядовъ, для успѣшнаго проложенія просѣки отъ р. Азипса къ р. Антхырь, гдѣ стоялъ адагумскій отрядъ, графъ Евдокимовъ счелъ нужнымъ образовать на р. Хабль еще временный, четвертый, промежуточный отрядъ, подъ начальствомъ генерала Карцова, и въ составъ этого отряда назначилъ $7^1/_4$ баталіоновъ, два эскадрона нижегородцевъ, четыре сотни, 8-мь ракетныхъ станковъ и 8-мь орудій.

Такимъ образомъ, изъ кавалерійскихъ частей главнымъ дѣятелемъ въ декабрѣ 1860-го года въ непріятельской землѣ является Сѣверскій драгунскій полкъ, такъ какъ онъ вступилъ въ отряды въ полномъ составѣ.

Въ то время, когда всѣ три дивизіона сѣверцевъ дѣйствовали въ отрядахъ, въ Адагумскомъ укрѣпленіи оставалось незначительное число драгунъ, преимущественно одни больные, при унтеръ-офицерѣ. Тамъ же находился и поручикъ Никулищевъ. Вдругъ, произошла тре-

вога. Поручикъ Никулищевъ, долго не задумываясь, посадилъ большую часть больныхъ драгунъ на коней и съ ними выскакалъ въ поле. Небольшая партія горцевъ, предполагавшая, что драгунъ въ укрѣпленіи нѣтъ, была такъ озадачена ихъ внезапнымъ появленіемъ, что, не сдѣлавъ выстрѣла, поспѣшила скрыться.

Между тѣмъ графъ Евдокимовъ выѣхалъ по вызову главнокомандующаго въ Тифлисъ, указавъ, на прощанье, каждому изъ отрядовъ его задачу. Сообразно этимъ указаніямъ, 11-го числа князь Мирскій, съ колонною, въ составъ которой входилъ и 1-й дивизіонъ сѣверцевъ, двинулся внизъ по рѣкѣ Азипсу для изгнанія оттуда туземнаго населенія. Огромные аулы въ низовьяхъ рѣки были оставлены. Крайній изъ нихъ былъ Кіябъ, отдѣленный отъ прочихъ роскошнымъ строевымъ лѣсомъ. Казаки и драгуны удачно и безъ потерь прошли туда черезъ лѣсъ, неожиданно атаковали аулъ, захватили 7-мь лошадей, до 700 штукъ рогатаго скота и болѣе 1600 штукъ барановъ. Во время стремительной атаки на аулъ Кіябъ было застигнуто тамъ врасплохъ и небольшое число горцевъ, которые изрублены сѣверцами. Болѣе 1500 дворовъ, съ запасами сѣна и хлѣба, было уничтожено.

14-го декабря, условившись съ генералами Карцовымъ и Бабичемъ сдѣлать всѣми отрядами движеніе вверхъ по рѣкамъ Азипсу, Хаблю и Антхырю, и проникнуть въ ущелья этихъ рѣкъ, генералъ-маіоръ князь Мирскій выступилъ изъ лагеря въ восемь часовъ утра, съ колонною, въ составѣ четырехъ баталіоновъ, взвода саперъ, четырехъ орудій, 1-го дивизіона сѣверцевъ и четырехъ сотенъ казаковъ.

Огромный завалъ изъ плетневаго бруствера, со рвомъ и банкетами, расположенный у самаго входа въ ущелье Азипса, впереди большаго шапсугскаго аула, и пересѣкавшій ущелье на пространствѣ двухсотъ саженей, былъ занятъ безъ сопротивленія со стороны непріятеля. Отрядъ двинулся далѣе и отошелъ отъ лагеря верстъ на восемь. Тутъ ущелье замѣтно съуживалось, и горцы стали показываться со всѣхъ сторонъ. Князь Мирскій остановилъ колонну, и, въ ожиданіи дѣйствій войскъ генерала Карцова, направилъ драгунъ, казаковъ и тенгинцевъ въ боковой оврагъ—предположивъ,

что шапсуги скрыли тамъ свои семейства, имущество и скотъ. Предположеніе оправдалось. Сѣверцы и казаки, поддержанные тенгинцами, быстро спустились въ оврагъ и тамъ въ разныхъ пунктахъ застигли горцевъ врасплохъ. При появленіи нашей кавалеріи они обратились въ бѣгство, оставивъ въ рукахъ ея до 200 штукъ рогатаго скота, болѣе 600 барановъ, много имущества и разныхъ товаровъ, а также трехъ плѣнныхъ, взятыхъ сѣверцами, и два тѣла.

Къ 15-му декабря генералъ Карцовъ исполнилъ свою задачу, и войска, бывшія въ его распоряженіи, присоединились къ главному шапсугскому отряду. Такимъ образомъ промежуточный отрядъ прекратилъ свое кратковременное существованіе. Въ этотъ же день шапсугскій отрядъ перешелъ на р. Иль. Къ 20-му декабря и средне-шапсугскій отрядъ тоже слился съ главнымъ шапсугскимъ.

Главный же шапсугскій, работая постоянно и истребляя жилища шапсуговъ, къ 23-му декабря подвинулся къ р. Супъ, къ границѣ земли абадзеховъ. Здѣсь заканчивалась и его задача, почему всѣ вообще войска, вошедшія въ составъ этого отряда, были отправлены въ свои штабъ-квартиры—для приведенія въ порядокъ матеріальной части и приготовленія себя къ новой экспедиціи. 1-й дивизіонъ сѣверцевъ выступилъ въ Екатеринодаръ, такъ какъ къ тому времени этотъ городъ былъ назначенъ новою штабъ-квартирою полка.

Что же касается до войскъ адагумскаго отряда, то до 14-го декабря они рубили просѣку навстрѣчу промежуточному отряду. 14-го же числа, когда отряды Мирскаго и Карцова двигались вверхъ по Азипсу и Хаблю (причемъ Карцовъ имѣлъ хорошее дѣло), генералъ Бабичъ сдѣлалъ движеніе вверхъ по Антхырю тремя колоннами. Одна изъ колоннъ была подъ начальствомъ полковника Головинскаго, другая—полковника Шаликова и третья—полковника Петрова. Въ каждой колоннѣ находилось по 2½ баталіона пѣхоты, а по два эскадрона драгунъ были въ колоннахъ полковниковъ Петрова и Головинскаго. Каждая изъ колоннъ истребила на пути все, что встрѣтила. Полковникъ Петровъ прошелъ вверхъ по Антхырю на 20-ть верстъ, полковникъ Шаликовъ захватилъ 14-ть плѣнныхъ

и 350-ть штукъ рогатаго скота. Затѣмъ, всѣ колонны соединились и благополучно возвратились въ лагерь.

17-го декабря отрядъ генерала Бабича отошелъ на р. Абинъ. На этомъ оканчивалась и дѣятельность адагумскаго отряда, ему предназначенная.

Съ 27-го ноября по 24-е декабря сѣверцы понесли потери незначительныя. Изъ офицеровъ раненъ только одинъ прапорщикъ Милошевичъ; изъ нижнихъ чиновъ три человѣка, да убито, ранено и утонуло до шести лошадей.

Результатъ нашихъ декабрскихъ дѣйствій въ землѣ шапсуговъ въ 1860-мъ году былъ слѣдующій: окончательно устроены просѣки на 74 версты, совершенно очищена вся плоскость между рѣками Адагумомъ и Супомъ на протяженіи свыше 2-хъ т. квадратныхъ верстъ; около 2-хъ т. шапсугскихъ семействъ изъявили покорность и пришли съ повинною *).

Военныя дѣйствія 1861-го года были открыты адагумскимъ отрядомъ, сосредоточеннымъ къ 31-му декабря 1860-го года у временнаго Абинскаго укрѣпленія. Командующій войсками, возвратившійся уже изъ Тифлиса и пребывавшій пока въ Ставрополѣ, имѣя въ виду, что горцы, послѣ раззоренія ихъ жилищъ и по уходѣ нашихъ войскъ, весьма часто начинаютъ вновь устроиваться на оставленныхъ ими мѣстахъ, предписалъ генералъ-маіору Бабичу: съ адагумскимъ отрядомъ сдѣлать движеніе по проложенной просѣкѣ отъ Абина до укрѣпленія Ильскаго и потревожить туземцевъ, вышедшихъ опять на плоскость, а вмѣстѣ съ тѣмъ, соображаясь съ мѣстными обстоятельствами, пройти вверхъ по нѣкоторымъ ущельямъ.

На этомъ основаніи адагумскій отрядъ, въ составѣ десяти баталіоновъ, 2-го и 3-го дивизіоновъ сѣверцевъ, четырехъ сотенъ, двѣнадцати орудій и восьми ракетныхъ станковъ, выступилъ 1-го января 1861-го года по просѣкѣ къ р. Иль, 2-го и 3-го числа предпринялъ движеніе по Азипсу и сосѣднимъ ущельямъ, 5-го числа перешелъ къ укрѣпленію Ильскому, 7-го обратно къ Абину

---

*) Донесеніе главнокомандующему отъ 7-го января 1861-го года № 134.

и 10-го сосредоточился у Абинскаго укрѣпленія. Результатомъ этого наступленія было отбитіе нами у непріятеля до двухъ тысячъ головъ разнаго скота, истребленіе значительныхъ запасовъ сѣна и хлѣба, раззореніе непріятельскихъ жилищъ вверхъ по Бугундырю и взятіе въ плѣнъ шести человѣкъ *). Послѣ этого движенія и по случаю сильныхъ снѣжныхъ заносовъ, большая часть кавалеріи была отправлена на кордонные посты или въ ближайшія къ мѣсту расположенія отряда временныя штабъ-квартиры. 3-му дивизіону сѣверцевъ привелось стать у псебедаховской переправы. Несмотря на то, что условія его пребыванія здѣсь были значительно лучшія, чѣмъ въ лагерѣ, все же жестокіе морозы дали себя почувствовать до такой степени, что по донесенію капитана Манштейна отъ 16-го января, нѣкоторые нижніе чины отморозили себѣ то руки, то ноги. Столь суровое время года не осталось безъ послѣдствій и для ближайшихъ къ намъ шапсугскихъ обществъ, преимущественно обитавшихъ на занятомъ уже нами пространствѣ отъ адагумской линіи до рѣки Супъ и отъ горъ до Кубани. Приведенныя въ совершенную крайность жестокими стужами и въ особенности недостаткомъ средствъ къ существованію, которыхъ мы постепенно и настойчиво ихъ лишали, они уже не разъ изъявляли желаніе принести безусловную покорность, но всегда, какъ и въ эти минуты, были останавливаемы жителями горныхъ трущобъ по вершинамъ Шебша и ущельямъ впадающимъ въ эту рѣку. Желая положить предѣлъ этому постороннему подстрекательству и наказать жителей этихъ ущелій, командующій войсками приказалъ придвинуть адагумскій отрядъ къ укрѣпленію Григорьевскому и объявилъ генералу Бабичу, что прибудетъ туда для личнаго предводительствованія войсками и новаго движенія внутрь непріятельской земли. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ распорядился объ усиленіи адагумскаго отряда 6½ баталіонами пѣхоты, двумя дивизіонами нижегородскихъ драгунъ, пятью сотнями казаковъ, двумя орудіями и милиціею. Для встрѣчи и сопровожденія генералъ-адъютанта графа Евдокимова 1-й дивизіонъ сѣверцевъ выступилъ 23-го января изъ ст. Ново-Мышастовской, а 2-й диви-

---

*) Рапортъ графа Евдокимова отъ 21-го января 1861-го года № 501.

зіонъ 27-го января высланъ былъ на Кубань. Прибывъ къ разсвѣту 4-го февраля на постъ Хомутовскій, онъ переправился на лѣвый берегъ рѣки, и встрѣтивъ тамъ графа Евдокимова, сопровождалъ его до укрѣпленія Дмитріевскаго. Послѣ этого, дивизіонъ получилъ 3-го февраля командировку—слѣдовать въ ст. Елисаветинскую и сопровождать принца Вильгельма Баденскаго, который долженъ былъ прибыть въ отрядъ одновременно съ пріѣздомъ командующаго войсками.

Войска адагумскаго отряда выступили изъ лагеря у Абинскаго укрѣпленія 28-го января и прибыли къ укр. Григорьевскому едва только 5-го февраля, такъ какъ встрѣтили бездну препятствій и затрудненій при переправѣ черезъ множество рѣчекъ, выступившихъ изъ своихъ береговъ вслѣдствіе быстрой и неожиданной оттепели; остальныя же войска, назначенныя на усиленіе отряда изъ разныхъ пунктовъ Кубанской области, прибыли туда же на другой день, 6-го февраля.

7-е и 8-е февраля были употреблены на приготовленіе войскъ къ движенію, а 9-го числа они направлены вверхъ по Шебшу тремя колоннами. При этомъ, сѣверцы были распредѣлены подивизіонно —въ главной колоннѣ, при которой находился самъ командующій войсками, и въ лѣвой полковника Левашева. Первая направилась по правому берегу Шебша къ устью р. Психабе, а вторая—безъ дороги, чрезъ гору Ишафъ также на рѣку Психабе, но должна была выйти нѣсколько выше впаденія ея въ Шебшъ. Третья колонна генералъ-маіора князя Шаликова должна была слѣдовать по лѣвому берегу Шебша, до впаденія въ него рѣки Безепсъ. Всѣ три колонны выступили въ семь часовъ утра. Главная колонна была раздѣлена на три эшелона: авангардъ, которымъ командовалъ принцъ Вильгельмъ Баденскій, средній эшелонъ, при которомъ слѣдовали вьюки, и арріергардъ.

Авангардъ въ началѣ движенія встрѣтилъ большія препятствія при переходѣ черезъ балки и овраги; глубокій снѣгъ послѣ оттепелей и дождей также представлялъ большія затрудненія. Въ шести съ половиною верстахъ отъ укр. Григорьевскаго авангарду предстояло пройти чрезъ два крѣпкіе завала, которыми непріятель перерѣ-

залъ дорогу по ущелью и повидимому не хотѣлъ уступить ихъ безъ боя. При приближеніи къ заваламъ головныя части вступили въ перестрѣлку съ защитниками ихъ. Въ это время боковыя колонны стали заходить во флангъ и въ тылъ заваламъ. Это заставило горцевъ очистить ихъ. Авангардъ двинулся далѣе. Вскорѣ къ нему присоединилась новая колонна, и всѣ эти войска къ шести часамъ вечера прибыли на рѣку Психабе, къ непріятельскому аулу того же имени. Здѣсь, въ двѣнадцати верстахъ отъ укр. Григорьевскаго, расположились на ночлегъ. Къ тому же времени третья колонна, правая, стала лагеремъ на противуположной сторонѣ Психабе.

На утро, 10-го февраля, опять были направлены впередъ три колонны: одна для раззоренія ауловъ по р. Психабе, другая, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Линевича, въ составѣ которой находились два дивизіона сѣверцевъ—для фуражировки и раззоренія ауловъ по рѣкѣ Гешингъ, впадающей въ Психабе съ лѣвой стороны, а третья—для проложенія просѣки, расчистки заваловъ и разработки дороги по правому берегу Шебша.

2-й дивизіонъ сѣверцевъ шелъ въ головѣ колонны генерала Линевича по ущелью рѣки Гешингъ. Въ трехъ верстахъ отъ впаденія ея въ Психабе, онъ совершенно неожиданно наткнулся на завалъ, устроенный изъ арбъ, и прежде чѣмъ сѣверцы опомнились —были встрѣчены залпомъ, сразившимъ нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ и въ числѣ ихъ прикомандированнаго къ Сѣверскому полку прапорщика милиціи Наджай-Леркей. Но эта неожиданность нисколько не смутила драгунъ. По командѣ своего полковаго командира они моментально спѣшились и, предводимые полковникомъ Петровымъ, еще быстрѣе ворвались въ завалъ. Прежде чѣмъ подоспѣла пѣхота, посланная генераломъ Линевичемъ, защитники завала были изрублены—и сѣверцы не уступили, такимъ образомъ, никому доставшейся на ихъ долю чести. Пѣхотѣ же оставалось только разобрать завалъ. Затѣмъ, движеніе продолжалось. Колонна прошла вверхъ по ущелью верстъ семь, уничтожая аулы и прикрывая фуражировъ большей части отряда; къ вечеру она возвратилась по той же дорогѣ, съ запасами фуража и всякаго рода добычею.

Въ два дня, 9-го и 10-го февраля, цѣль движенія была достигнута: шапсуги, населявшіе котловину Шебша и Психабе, были совершенно раззорены и моральное вліяніе ихъ на остальныхъ шапсуговъ сильно поколебалось.

11-го февраля началось отступленіе отряда, при энергическомъ преслѣдованіи горцами арріергарда, которымъ начальствовалъ Его Высочество принцъ Вильгельмъ Баденскій. Здѣсь произошла схватка нижегородскихъ драгунъ, уничтожившихъ большую часть непріятельской партіи, состоявшей изъ ста слишкомъ человѣкъ. 13-го февраля войска возвратились въ укрѣпленіе Григорьевское съ четырмя плѣнными и нѣсколькими стами штукъ рогатаго скота. Отсюда командующій войсками въ тотъ же день выѣхалъ съ своимъ штабомъ въ Екатеринодаръ, а адагумскій отрядъ направился для временнаго отдыха, черезъ постъ Хомутовскій, на правый берегъ Кубани, гдѣ дивизіоны сѣверцевъ размѣстились въ станицахъ по своимъ квартирамъ *).

Вскорѣ по отъѣздѣ принца Баденскаго полковникъ Петровъ былъ назначенъ, независимо отъ своей прямой должности, начальникомъ адагумской кордонной линіи. Періодическія отсутствія командира полка не имѣли никакого вліянія на состояніе послѣдняго, такъ какъ порядокъ и исправность поддерживались дивизіонерами и эскадронными командирами.

7-го марта, въ полдень, 2-й и 3-й дивизіоны, согласно приказанію генерала Бабича, прибыли къ Ольгинскому посту и переправились на лѣвый берегъ Кубани. Здѣсь уже была въ сборѣ и часть войскъ адагумскаго отряда. Генералъ Бабичъ на другой же день выступилъ для осмотра мѣстности отъ бывшаго Ольгинскаго укрѣпленія къ лагерю на р. Абинѣ и далѣе къ Геленджику (вельяминовскою дорогою). Осмотръ производился съ цѣлью опредѣленія удобнѣйшаго пути для постояннаго сообщенія Ольгинскаго поста съ геленджикскою бухтою.

По 18-е марта отрядъ имѣлъ слѣдующія перестрѣлки: 8-го

---

*) Донесенія главнокомандующему отъ 14-го февраля и 11-го марта 1861-го года №№ 111 и 1677.

числа при рекогносцировкѣ на р. Аушецъ, 9-го при производствѣ топографическихъ работъ на той же рѣкѣ, а 15-го—съ залогомъ изъ охотниковъ, при чемъ въ нашихъ рукахъ непріятель оставилъ одно тѣло *).

18-го марта адагумскій отрядъ, въ которомъ находились тѣ же 2-й и 3-й дивизіоны Сѣверскаго драгунскаго полка, былъ сосредоточенъ въ укрѣпленномъ лагерѣ на р. Абинѣ; 22-го числа большая часть отряда переведена вверхъ по Абину на четыре съ половиною версты; 25-го марта произведена рекогносцировка абинскаго ущелья до бывшаго укрѣпленія Николаевскаго.

Во все это время шапсуги старались по возможности тревожить наши работы и нѣсколько разъ ночью стрѣляли по нашимъ пикетамъ. Чтобы наказать ближайшія ихъ населенія за хищническія дѣйствія, генералъ-маіоръ Бабичъ 29-го марта произвелъ движеніе въ верховья Бугундыря—для раззоренія гнѣздившихся тамъ ауловъ.

Войска выступили тремя колоннами, изъ которыхъ лѣвая, подъ начальствомъ полковника Виберга, слѣдовала по ущелью большаго Бугундыря, правая—вдоль самаго Бугундыря, а средняя служила между ними связью. Лѣвая выступила прежде другихъ и рано утромъ достигла ауловъ. 4-й эскадронъ сѣверцевъ, подъ командою поручика Мисюрина, охотники и пластуны охватили верхніе аулы въ то время, когда стрѣлки крымскаго полка и часть казаковъ бросились на нижніе, ближайшіе. Быстрота нашего нападенія, котораго горцы вовсе не ожидали съ этой стороны, имѣла полный успѣхъ: въ теченіе получаса съ небольшимъ всѣ аулы ущелья большаго Бугундыря были въ нашихъ рукахъ; жители бѣжали. Драгуны, вмѣстѣ съ казаками, преслѣдовали бѣгущихъ и захватили до двадцати плѣнныхъ.

Овладѣвъ всѣмъ имуществомъ, брошеннымъ въ аулахъ, и уничтоживъ эти послѣдніе, колонна Виберга начала отступать. Горцы, замѣтивъ это, стали быстро стекаться. Только занятіе нашею пѣхотою командующихъ высотъ облегчило нѣсколько наше отступленіе. Изъ числа непріятельскихъ силъ, партія человѣкъ въ двѣсти заняла

---

*) Рапортъ генералъ-маіора Зотова отъ 25-го марта 1861-го года № 2019.

впереди лѣваго фланга нашего арріергарда небольшую поляну и начала налегать на охотниковъ, прикрывавшихъ отступленіе. Тогда полковникъ Виберг приказалъ кавалеріи приготовиться, и какъ только представится случай—атаковать непріятеля. Такого случая долго ждать не пришлось: черезъ нѣсколько минутъ командиръ 2-го дивизіона Сѣверскаго полка, начальствовавшій кавалеріею колонны, маіоръ графъ Чернышев-Кругликовъ, уловилъ его какъ нельзя удачнѣе и понесся съ дивизіономъ въ атаку. Впереди летѣлъ 4-й эскадронъ съ поручикомъ Мисюринымъ во главѣ. Горцы открыли сперва энергическую пальбу, а затѣмъ, увидѣвъ, что не могутъ остановить драгунъ, бросились въ кустарники, отстрѣливаясь. Они видимо хотѣли скорѣе достигнуть Бугундыря, но драгуны не ослабляли преслѣдованія и когда увидѣли, что горцы, приблизясь наконецъ къ рѣкѣ, кинулись въ воду, они бросились за ними и рубили ихъ до тѣхъ поръ, пока партія, кое-какъ вплавь перебравшись на ту сторону, разсыпалась по разнымъ концамъ, оставивъ по пути бѣгства до сорока тѣлъ. Во время этого молодецкаго дѣла былъ раненъ главный виновникъ пораженія горцевъ поручикъ Мисюринъ. Рана была тяжкая и страдальца не успѣли донести до лагеря: онъ умеръ въ пути. Кромѣ него, въ 4-мъ эскадронѣ убито три, ранено пять нижнихъ чиновъ; лошадей убито шесть и ранено пять; всѣ онѣ оставлены на мѣстѣ. Отрядъ возвратился въ лагерь съ тридцатью однимъ плѣннымъ и 1570-ю штуками рогатаго скота *).

Съ 15-го по 20-е апрѣля часть войскъ адагумскаго отряда занималась исправленіемъ дороги и устройствомъ мостовъ между укрѣпленіемъ Крымскимъ и абинскимъ лагеремъ; другая часть устроивала плотины и мосты на пяти притокахъ рѣки Кунипса.

27-го апрѣля отрядъ перешелъ въ ущелье Багаіокъ, гдѣ занимался по 4-е мая исправленіемъ дороги, ведущей къ николаевской полянѣ **).

Въ это время въ лабінскомъ округѣ произошелъ случай, подавшій поводъ къ особому распоряженію, коснувшемуся и дѣятель-

---

*) Рапортъ графа Евдокимова отъ 21-го апрѣля 1861-го года № 2701.
**) Рапортъ его же отъ 13-го мая № 3218.

ности нашей кавалеріи, а именно: въ концѣ апрѣля, при слѣдованіи оказіи съ провіантомъ изъ станицы Преградной къ укр. Исемень, былъ взятъ въ плѣнъ отдѣлившійся отъ колонны подпоручикъ 6-го резервнаго баталіона севастопольскаго полка Тутолминъ. Преслѣдованіе хищниковъ оказалось невозможнымъ, потому что при колоннѣ не было кавалеріи. Когда объ этомъ было донесено командующему арміею, то послѣдовало (26-го мая) распоряженіе, чтобы никакія колонны не отправлять никуда безъ регулярной кавалеріи или казаковъ. Такимъ образомъ, и на долю драгунъ чаще чѣмъ когда нибудь стала выпадать одна лишняя служебная обязанность.

Шапсуги однако не унимались. Съ наступленіемъ весны и съ удаленіемъ нашихъ войскъ они стали вновь селиться на прикубанской плоскости и въ концѣ апрѣля приступили къ посѣвамъ въ обширныхъ размѣрахъ. Въ виду этого генералу Бабичу было приказано—произвести движеніе въ землю шапсуговъ, уничтожить ихъ жилища и вообще дать такое направленіе военнымъ дѣйствіямъ въ краѣ, чтобы шапсуги навсегда отказались отъ претензій на владѣніе богатою прикубанскою плоскостью и стѣснились бы для жительства въ малопроизводительныхъ ущельяхъ своей земли. Въ силу этого приказанія, войска адагумскаго отряда, стоявшія лагеремъ на р. Абинѣ, тотчасъ приготовились къ выступленію. Въ составъ ихъ были вызваны 1-й и 2-й дивизіоны сѣверцевъ; изъ нихъ 1-й къ 6-му мая прибылъ къ Хомутовскому посту, переправился на лѣвый берегъ Кубани и 7-го числа въ укрѣпленіи Дмитріевскомъ вступилъ въ составъ шапсугскаго отряда полковника Левашева, а 2-й дивизіонъ поступилъ въ составъ особой колонны, бывшей подъ непосредственнымъ начальствомъ генералъ-маіора Бабича, собранной 8-го мая у поста Еленскаго (въ четырехъ верстахъ южнѣе станицы Марьинской). Колонна эта 8-го и 9-го мая окружила пространство между рѣками Убиномъ, Илемъ, Кубанью и просѣкою, проложенною отъ бывшаго укр. Ильскаго къ Григорьевскому, и 10-го мая расположилась на ночлегъ у поста Великолагернаго. Шапсугскій же отрядъ полковника Левашева съ 8-го по 10-е мая прошелъ отъ лагеря на р. Супъ, близъ аула Энемъ, чрезъ укр. Григорьевское, внизъ по р. Афипсу, и вышелъ также къ посту Великолагерному.

Во время этихъ движеній (среди которыхъ, между прочимъ, участвовали еще двѣ колонны: генералъ-маіора князя Шаликова и полковника Крыжановскаго) порученіе, возложенное на отрядъ, было окончено съ полнымъ успѣхомъ и безъ сопротивленія со стороны шапсуговъ, захваченныхъ врасплохъ. Аулы и посѣвы были уничтожены, и въ добычу намъ досталось 24 человѣка плѣнныхъ и 1792 штуки рогатаго скота. 11-го мая шапсугскій отрядъ возвратился на рѣку Супъ, оставивъ въ адагумскомъ отрядѣ 1-й дивизіонъ сѣверцевъ.

Послѣ этого, командующій войсками приказалъ генералу Бабичу время отъ времени повторять подобныя движенія въ землю шапсуговъ—все съ тою же цѣлью, а въ особенности предпринять таковое въ пору созрѣванія хлѣба *).

13-го мая, послѣ двухдневнаго отдыха у поста Великолагернаго, адагумскій отрядъ снялся съ позиціи и 16-го числа расположился лагеремъ опять на Абинѣ. На пути слѣдованія были незначительныя перестрѣлки.

Такимъ образомъ, главное наше вниманіе въ теченіе всего описаннаго времени было сосредоточено на шапсугахъ и на заселенной ими богатой плоскости. Борьба съ обѣихъ сторонъ велась нестолько ожесточенно, сколько настойчиво. Наконецъ, шапсуги понемногу начали выбиваться изъ силъ, и жители низовьевъ р. Бугундыря прежде другихъ своихъ соотчичей изъявили безусловную покорность и согласились подчиниться всѣмъ нашимъ распоряженіямъ. Когда съ этой стороны мы были нѣсколько успокоены, а остальныя мѣста были подъ наблюденіемъ нашихъ войскъ и передовыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, то 20-го мая большая часть адагумскаго отряда, съ участіемъ 1-го и 2-го дивизіоновъ сѣверцевъ, двинута вверхъ по абинскому ущелью для прикрытія усиленной рекогносцировки дорогъ къ геленджикской бухтѣ, гдѣ предполагалось утвердиться и проложить постоянное сообщеніе чрезъ главный хребетъ съ дорогою по ущелью р. Абина и далѣе съ постомъ Ольгинскимъ.

---

*) Донесеніе графа Евдокимова отъ 22-го мая № 3474.

Движеніе этой части отряда происходило до 28-го мая и ознаменовалось для сѣверцевъ новымъ подвигомъ: 21-го мая часть войскъ дѣйствующаго отряда ночевала у бывшаго укр. Николаевскаго, а большая часть занималась разработкою дороги на хребетъ Кецегуръ. 22-го мая двинулись далѣе. Тутъ мѣстность была труднодоступная. Пользуясь ею, непріятель старался отстаивать каждый оврагъ, каждый перелѣсокъ. Особенно упорно защищался онъ при переходѣ нашемъ черезъ лѣсистый оврагъ, преграждавшій намъ доступъ къ полянѣ на хребтѣ Кецегуръ, избранной для расположенія войскъ на ночлегъ.

Для овладѣнія этимъ оврагомъ передовыя войска, съ 2-мъ дивизіономъ сѣверцевъ, руководимыя находившимся въ то время въ отрядѣ начальникомъ гренадерской дивизіи генералъ-лейтенантомъ барономъ Николаи, атаковали непріятеля съ фронта по лѣснымъ тропинкамъ и должны были задержать его, пока 4-й эскадронъ сѣверцевъ обскачетъ позицію съ фланга. Драгуны не заставили себя долго ждать: не болѣе какъ черезъ двадцать минутъ они явились на флангѣ и безъ выстрѣла врѣзались въ толпу горцевъ. Ошеломленный этою неожиданностью, непріятель сдѣлалъ попытку къ защитѣ, но она оказалась безсильною, и онъ бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ, оружія и лошадей.

23-го мая войскамъ предстоялъ чрезвычайно трудный спускъ съ перевала въ ущелье р. Адерби. Непріятель готовился къ сопротивленію, а потому, для развлеченія его силъ, отрядъ былъ раздѣленъ на три колонны. Первая изъ нихъ, съ однимъ дивизіономъ драгунъ, подъ начальствомъ подполковника Самойлова, слѣдуя сперва по ущелью р. Адерби, а потомъ по высотамъ праваго ея берега, прикрывала среднюю, при которой находились всѣ вьюки отряда. Лѣвая же колонна, гдѣ находился другой дивизіонъ сѣверцевъ, подъ начальствомъ маіора Гамалея, слѣдовала сначала по хребту Кецегуръ, а затѣмъ вышла въ ущелье р. Адерби, не доходя трехъ верстъ до воротъ, образуемыхъ хребтомъ Мархоткхъ и горой Ханекатль. Колонна подполковника Самойлова, слѣдуя туда же, съ боя овладѣла большимъ ауломъ, служившимъ нѣкогда главнымъ складомъ артилерійскихъ запасовъ партіи флибустьеровъ, возмущав-

шихъ горцевъ въ 1856—1859 годахъ, и только къ вечеру вышла на мѣсто общаго лагеря у рѣки Адерби.

На другой день, 24-го мая, войска продолжали наступленіе по р. Адерби, а особая колонна маіора Гамалея была отправлена влѣво, въ ущелье р. Кокумъ, къ ауламъ Казуко-Хабль. Сѣверцы оставались подивизіонно, какъ и наканунѣ, при главныхъ силахъ отряда и при обходной колоннѣ. Замѣтивъ движеніе главныхъ силъ, непріятель оставилъ аулы Казуко-Хабль и сосредоточился въ ущельи Адерби, которое здѣсь представляло узкую трещину съ крутыми и лѣсистыми боками, сближающимися въ одномъ мѣстѣ до десяти саженей. Въ такомъ пунктѣ бой предстоялъ серьезный, но выручило обходное движеніе: когда горцы его замѣтили, то бросили тѣснину и пустились въ перегонку къ Казуко-Хабль—спасать свое имущество и семейства. Воспользовавшись этимъ главныя силы отряда, съ тяжестями и артилеріею, прошли тѣснину безъ потери. Но за то колонна Гамалея вынесла на себѣ всю тягость этого дня: отражая шапсуговъ въ ущельи р. Кокумъ, она хотя уничтожила аулы Казуко-Хабль и дала главнымъ силамъ возможность благополучно пройти тѣснину, но, составивъ арріергардъ, была жестоко преслѣдуема; шапсуги, занявшіе окрестныя горы, закрывши глаза бросались на штыки охотниковъ и стрѣлковъ этой колонны, хотя вездѣ были отражаемы. Такъ продолжалось до вечера, когда весь отрядъ стянулся наконецъ на ночлегъ у геленджикской бухты. Въ колоннѣ Гамалея убитъ 1-нъ офицеръ, ранено три *) и 27-мь нижнихъ чиновъ. 25-го мая войска имѣли дневку, 26-го передвинулись къ упраздненному укрѣпленію Кабардинскому, 27-го къ николаевской полянѣ, а 28-го благополучно возратились въ укрѣпленный абинскій лагерь **).

Во время описанныхъ движеній въ средѣ сѣверцевъ произошелъ одинъ частный роковой случай, жертвою котораго былъ юнкеръ ихъ полка Колицыи. Онъ показанъ по оффиціальнымъ отчетностямъ въ числѣ убитыхъ пулею въ голову при спускѣ къ Гелен-

*) Одинъ умеръ отъ раны.

**) Донесеніе графа Евдокимова отъ $\frac{9}{16}$ іюня за № 4157.

джику, и въ этомъ тогда никто не сомнѣвался; но впослѣдствіи оказалось, что Колинъи былъ убитъ на дуэли, которая произошла на маршѣ вполнѣ неожиданно и секретно, въ опушкѣ лѣса. Молодой человѣкъ вскорѣ послѣ смерти, именно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, былъ удостоенъ за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ чина прапорщика.

Помня приказаніе командующаго войсками о движеніи въ землю шапсуговъ тогда, когда хлѣбъ начнетъ колоситься, генералъ Бабичъ со всѣмъ своимъ отрядомъ выступилъ 1-го іюня и до 17-го числа дѣйствовалъ между рр. Абиномъ и Убиномъ, по рр. Антхырю, Хаблю и Азипсу. По уничтоженіи тамъ всѣхъ ауловъ, хозяйственныхъ запасовъ и заведеній горцевъ, отрядъ возвратился въ абинскій лагерь.

Въ теченіе всего іюля мѣсяца войска адагумскаго отряда занимались заготовленіемъ на зиму сѣна; отъ сѣверцевъ обязанность эта выпала на долю 2-го дивизіона. Съ первыхъ чиселъ августа начались дорожныя и строительныя работы и продолжались до сентября, когда войска бывъ обрадованы извѣстіемъ о скоромъ прибытіи въ край блаженной памяти Государя Императора, стали готовиться для встрѣчи и пріема Августѣйшаго Гостя. Признаться, сѣверцы въ то время не предвидѣли, что черезъ нѣсколько дней будутъ удостоены того драгоцѣннаго вниманія и высокаго Монаршаго благоволенія, сказанія о которыхъ и до сихъ поръ живутъ въ полковой семьѣ, передаваясь съ благоговѣніемъ изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію.

11-го сентября въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ изволилъ высадиться въ Тамани и 12-го числа посѣтилъ гор. Екатеринодаръ. Здѣсь командиръ Сѣверскаго полка имѣлъ счастіе привѣтствовать Его Величество и былъ удостоенъ приглашенія къ Высочайшему столу. На слѣдующій день, у аула Энемъ, Государь Императоръ былъ встрѣченъ 3-мъ дивизіономъ сѣверцевъ, который сопровождалъ Его Величество до поста Ерковскаго, а тамъ сдалъ вѣнценоснаго Гостя подъ охрану и прикрытіе въ дальнѣйшемъ путешествіи 1-му и 2-му дивизіонамъ, сопровождавшимъ поѣздъ до укрѣпленія Григорьевскаго. Такимъ образомъ,

полкъ въ цѣломъ составѣ удостоился въ эти два дня впервые представиться Государю Императору. По пути въ укрѣпленіе Григорьевское былъ произведенъ смотръ войскамъ шапсугскаго отряда.

Осмотрѣвъ затѣмъ 14-го числа войска нижне-абадзехскаго отряда, расположенныя по дорогѣ къ укрѣпленію Майкопскому, и 15-го числа мѣстность за р. Бѣлою, Его Величество изволилъ прослѣдовать въ верхне-абадзехскій отрядъ—по пути вновь возведенныхъ станицъ; тамъ 16-го числа была сдѣлана дневка и смотръ войскамъ. Тѣмъ временемъ, 18-го сентября, войска адагумскаго отряда, раздѣленныя на нѣсколько эшелоновъ, выступили изъ лагеря и заняли мѣста между псебедаховскою переправою и Константиновскимъ укрѣпленіемъ. Сѣверцы были расположены слѣдующимъ образомъ: 3-й дивизіонъ на псебедаховской переправѣ, 2-й у нижняго Адагума (Новотроицкое укрѣпленіе) и 1-й въ укр. Неберджайскомъ. 19-го числа Его Величество выѣхалъ изъ ст. Лабинской, и слѣдуя внизъ по Лабѣ и далѣе черезъ ст. Усть-Лабинскую по Кубани, прибылъ 20-го сентября на Копыльскую станцію. Послѣ ночлега Государь Императоръ черезъ псебедаховскую переправу, гдѣ вновь былъ принятъ 3-мъ дивизіономъ сѣверцевъ, изволилъ отправиться по адагумской линіи, сопровождаемый поочередно 2-мъ дивизіономъ до укр. Неберджайскаго и оттуда 1-мъ дивизіономъ до укр. Константиновскаго. По дорогѣ Его Величество осмотрѣлъ войска адагумскаго отряда, а также и лагерь на георгіевской полянѣ; наконецъ, того же числа изволилъ сѣсть на Императорскій пароходъ „Тигръ“ въ суджукской бухтѣ и отплыть въ г. Поти.

На всемъ пути отъ псебедаховской переправы до укр. Константиновскаго сѣверцы, имѣя во всѣхъ дивизіонахъ лошадей замундштученными и осѣдланными вальтрапами, конвоировали Его Величество на рысяхъ; мало того, пользуясь случаемъ, что Государю Императору повременамъ благоугодно было совершать путешествіе верхомъ, а равно и остановками во время осмотра войскъ, дивизіоны не отставали одинъ отъ другаго, на что Его Величество сначала не изволилъ обратить вниманія. Командиръ же полка и полковой адъютантъ штабсъ-капитанъ Теръ-Асатуровъ неотлучно находились возлѣ экипажа во всѣ три переѣзда, при чемъ послѣдній ос-

тавался все время на своемъ „шамилѣ“. Это вызвало невольное замѣчаніе Императора относительно бѣлаго коня Теръ-Асатурова, переходъ къ нему котораго былъ доведенъ до свѣдѣнія Государя. Его Величество все время былъ веселъ и чрезвычайно ласковъ съ окружавшими Его особу лицами, а потомъ, когда изволилъ прибыть въ укр. Константиновское, и здѣсь весь Сѣверскій полкъ, выстроившись на карьерѣ развернутымъ фронтомъ, привѣтствовалъ еще разъ Августѣйшаго Гостя, — удивленіе Его Величества выразилось въ видимо невольномъ и быстро сорвавшемся съ устъ вопросѣ:

— *Какъ, неужели весь полкъ?*

— Такъ точно, Ваше Величество! отвѣчалъ полковникъ Петровъ.

Тогда Государь Императоръ, поблагодаривъ полкъ и желая сравнить это молодецкое сопровожденіе съ конвоированіемъ нижегородцевъ, которые сопровождали Его Величество также на рысяхъ, изволилъ замѣтить:

— *Браво, это совсѣмъ понижегородски.*

Командиръ полка почтительно доложилъ:

— Посѣверски, Ваше Императорское Величество!

Государь чрезвычайно благосклонно принялъ это заявленіе и присовокупилъ:

— *Какже, какже, родные братья.*

— Близнецы, Ваше Величество, отозвался вновь полковникъ Петровъ.

— *Да, равны и по духу,* изволилъ заключить Императоръ. Затѣмъ, обратясь уже лично къ полковнику Петрову, Его Императорское Величество сказалъ ему:

— *Я знаю тебя давно, когда ты вскочилъ въ каре. Покойный „Батюшка“ мнѣ говорилъ.*

Послѣ этого Государь Императоръ вызвалъ офицеровъ, тепло благодарилъ ихъ, начальника дивизіи и командира полка и заключилъ Свои милости незабвеннымъ выраженіемъ, которое даетъ полное основаніе сѣверцамъ считать себя счастливыми до послѣднихъ дней существованія полка. Его Величество изволилъ сказать такъ:

— Въ бою слышалъ, по фронту вижу. Лучшаго не только нельзя, но и не слѣдуетъ желать.

Къ Высочайшему столу въ Новороссійскѣ былъ вновь приглашенъ и командиръ Сѣверскаго полка.

Послѣ проѣзда Государя Императора и до конца года, въ Кубанской области было относительно безмятежно и спокойно—словно тихій ангелъ пролетѣлъ, какъ говорили тогда въ войскахъ. Кипѣли повсюду съ удвоенною энергіею одни только работы, лишь изрѣдка то тамъ, то сямъ тревожимыя незначительными схватками съ мелкими партіями. Причина такого затишья лежала въ личныхъ распоряженіяхъ въ Бозѣ почившаго Императора, который однимъ Своимъ словомъ положилъ предѣлъ всякимъ внутреннимъ волненіямъ горцевъ, направленнымъ во вредъ или въ противодѣйствіе нашему управленію, и всякимъ нелѣпымъ и несбыточнымъ ихъ претензіямъ, несогласнымъ съ волею Монарха,—а именно: когда представители абадзехскаго, шапсугскаго и убыхскаго племенъ, явясь въ лагерь при укр. Хамкеты, поднесли Государю Императору прошеніе, отзывавшееся чѣмъ-то въ родѣ условія съ нашимъ правительствомъ, то Его Величество, въ отвѣтъ на него, съ видимо-сдерживаемымъ неудовольствіемъ, приказалъ имъ во всемъ подчиняться распоряженіямъ кавказскаго начальства.

Этого ультиматума было достаточно, чтобы представители горскихъ племенъ убѣдились въ томъ, что разнузданной ихъ свободѣ пора миновала.

V.

Постоянное положеніе сѣверцевъ въ составѣ дѣйствующихъ войскъ Кубанской области. Боевая дѣятельность двухъ эскадроновъ въ шапсугскомъ отрядѣ съ 21-го февраля по 19-е марта 1862-го года. Перемѣна образа дѣйствій закубанскихъ горцевъ. Боевыя схватки сѣверцевъ съ непріятелемъ 8-го и 23-го іюня, 4-го и 19-го іюля. Попытка горцевъ къ нападенію 31-го іюля. Атака сѣверцевъ 20-го августа на ур. Каранашъ. Извѣстіе о переформированіи въ четырехъ-эскадронный составъ. Гибель Георгіевскаго поста. Нападеніе 3-го октября на Нижне-Баканскую станицу и жестокое пораженіе непріятеля преимущественно сѣверцами. Переформированіе въ четырехъ-эскадронный составъ. Дальнѣйшее участіе сѣверцевъ въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ адагумскаго отряда до конца 1862-го года. Поиски. Назначеніе и. д. намѣстника и командующимъ арміею Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Михаила Николаевича.

Съ наступленіемъ 1862-го года прежній періодъ военныхъ дѣйствій—прошлогодній, все еще длился, и войска находились среди того же расположенія, въ которомъ были и въ концѣ истекшаго года. Что касается сѣверцевъ, то единственная въ ихъ быту перемѣна состояла въ томъ, что 9-го января 1-й дивизіонъ былъ выкомандированъ изъ отряда и отправился будто бы на отдыхъ, но не въ станицу или вообще куда либо на квартиры, а въ абинскій укрѣпленный лагерь; на смѣну его прибылъ 3-й дивизіонъ.

Что же касается до 2-го дивизіона, то, будучи еще въ декабрѣ мѣсяцѣ поставленъ близъ укр. Крымскаго, онъ до весны не сходилъ съ этого пункта занимаясь исключительно конвоированіемъ транспортовъ въ отрядъ. Стоянка эта была ужасная: офицеры и солдаты помѣщались въ землянкахъ и палаткахъ и претерпѣвали всевозможныя невзгоды и лишенія. Въ заключеніе всѣхъ бѣдъ, поражавшихъ дивизіонъ въ теченіе цѣлой зимы, съ наступленіемъ весны произошло довольно непріятное, хотя и курьезное приключеніе: однажды, вслѣдствіе сильнаго таянія снѣга, вода съ высотъ неожиданно хлынула въ лагерь и мгновенно произвела наводненіе, даже, пожалуй, цѣлый маленькій потопъ. Драгуны кое-какъ, на скорую руку, осѣдлали своихъ лошадей, подхватили оружіе и едва-едва, по сѣдла въ водѣ, успѣли выскочить изъ объятій разбушевавшейся стихіи, оставивъ ей на жертву свое незатѣйливое походное имущество.

Вообще, Сѣверскій полкъ едва ли не одинъ изъ всѣхъ войскъ за Кубанью былъ въ исключительномъ и сравнительно трудномъ положеніи: въ то время, когда другіе полки и баталіоны имѣли невдали или временныя штабъ-квартиры, или располагались иногда по укрѣпленіямъ и вновь строившимся станицамъ, одни только сѣверцы, не сходя съ боеваго поля, нигдѣ не имѣли пріюта: зиму и лѣто проводили они на открытомъ воздухѣ, бивакомъ или въ палаткахъ, и въ самые суровые холода и снѣга, господствовавшіе въ тѣ годы за Кубанью, отогрѣвали себя или у костровъ, или въ палаткахъ у мангаловъ. На эту участь сѣверцевъ имѣли нѣкоторое вліяніе натянутыя отношенія между командиромъ полка и начальникомъ отряда, но полкъ отъ этого не только не разстроивался, но, напротивъ, укрѣплялся и закалялся, и тогда какъ въ другихъ частяхъ войскъ являлись жестокія лихорадки, цынга, даже тифъ, въ средѣ сѣверцевъ все сравнительно обстояло благополучно.

Вся дѣятельность адагумскаго отряда заключалась въ непрерывныхъ и неустанныхъ строительныхъ и дорожныхъ работахъ. Такъ, къ 24-му марта были окончены станицы Неберджайская, Нижне-Баканская и постъ Средне-Баканскій; затѣмъ окончательно отдѣлана дорога въ баканскомъ ущельи, и только 31-го марта войска адагумскаго отряда расположились на короткое время для отдыха въ новыхъ станицахъ натухайскаго округа *).

Въ теченіе всего этого времени незначительныя боевыя дѣйствія выпали на долю только тѣхъ двухъ эскадроновъ Сѣверскаго полка, которые находились въ шапсугскомъ отрядѣ. Отрядъ этотъ къ 21-му февраля достигъ закубанскихъ ауловъ, и 22-го двинулся вверхъ по Пшишу въ землю нижнихъ абадзеховъ, для отвлеченія вниманія ихъ отъ особаго отряда, сосредоточеннаго у ханскаго брода и имѣвшаго цѣлью положить начало нашимъ военнымъ дѣйствіямъ за рѣкою Бѣлою. При движеніи этомъ шапсугскій отрядъ, бывшій подъ начальствомъ генералъ-маіора Иванова, 23-го февраля имѣлъ незначительную перестрѣлку и потомъ, возвратившись на свое мѣсто

*) Донесенія графа Евдокимова отъ 7-го и 12-го марта за №№ 468, 475 и 481.

къ р. Кубани, до 17-го марта занимался работами. Накапунѣ этого дня генералъ Ивановъ получилъ извѣстіе, что нижніе абадзехи направляются къ аулу Копчуко-Хабль, расположенному на правомъ берегу р. Пшиша, съ намѣреніемъ заставить силою покорныхъ намъ бжедуховъ переселиться въ горы. Чтобы воспрепятствовать ихъ намѣренію, немедленно была направлена часть войскъ отряда, въ которой находился и дивизіонъ сѣверцевъ, къ названному аулу. 18-го числа утромъ драгуны, казаки, милиція и до двухсотъ стрѣлковъ переправились на правый берегъ Пшиша. Завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся впрочемъ недолго: нижне-абадзехи сообразивъ, что борьба неудобна, удалились и оставили бжедуховъ въ покоѣ. 19-го марта эта часть отряда возвратилась обратно въ лагерь *).

Отдыхъ адагумскаго отряда окончился къ 14-му апрѣля, и съ этой минуты вновь начались работы, продолжавшіяся опять непрерывно. Результаты этихъ работъ къ маю мѣсяцу были чрезвычайно важны для нашей колонизаціи въ непріятельской землѣ: было приготовлено два края—одинъ отъ восточнаго берега Чернаго моря до Адагума, другой отъ большой и малой Лабы до рѣки Бѣлой; построено 24-ре станицы. Съ половины апрѣля началось движеніе переселенцевъ, и къ концу мая всѣ они, въ числѣ 4000 семействъ, прибыли на свои мѣста и занялись устройствомъ своихъ жилищъ **).

Между прочимъ нельзя умолчать о томъ чрезвычайно важномъ шагѣ, который мы сдѣлали въ началѣ мая. Это—занятіе нашими войсками даховскаго общества. Оно заключило собою трудное дѣло колонизаціи всего предгорнаго пространства между рѣками Лабою и Бѣлою. Долина Дахо, одна изъ самыхъ роскошныхъ и плодородныхъ мѣстъ предгорій западнаго Кавказа, замкнула прочно съ фланга бѣлорѣченскую линію и отдала въ наши руки всѣ проходы къ большой и малой Лабѣ, через которые постоянно устремлялись къ намъ хищническія партіи.

---

*) Донесенія командующему арміею отъ 14-го и 28-го марта 1862-го года №№ 486 и 587.

**) Журналъ военныхъ дѣйствій войскъ Кубанской области съ 23-го мая по 1-е іюня 1862-го года и донесеніе 31-го мая № 980.

По донесенію генерала графа Евдокимова *), занятіе даховскаго общества составило важную страницу въ исторіи завоеванія западнаго Кавказа.

Съ наступленіемъ лѣтняго періода 1862-го года борьба наша съ горцами на западномъ Кавказѣ получаетъ особенный и отличительный характеръ. Они, разочаровавшись во всѣхъ своихъ надеждахъ, убѣдившись, что съ нашей стороны уступокъ никакихъ не послѣдуетъ, и что болѣе обманывать насъ нельзя, какъ обманывали, по словамъ графа Евдокимова, въ теченіе шестидесяти лѣтъ, собираютъ всѣ свои силы и начинаютъ противъ насъ войну уже не оборонительную, а наступательную. Эта наступательная война выразилась въ отчаянныхъ набѣгахъ обширныхъ партій, иногда доходившихъ до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, на вновь устроенныя нами станицы, которыя были для нихъ, такъ сказать, бѣльмомъ на глазу, были имъ крайне ненавистны, потому что постепенно сжимали ихъ въ кольцо. Въ особенности ожесточенное было ихъ нападеніе на станицу Хамкеты. Всѣ ихъ набѣги доказывали, что война приняла съ ихъ стороны всецѣло характеръ борьбы за существованіе, самой страшной въ моментъ послѣднихъ дней каждой націи.

Независимо крупныхъ нападеній, въ родѣ хамкетинскаго, псеменскаго, баканскаго и другихъ, почти ни одинъ передовой постъ на кордонныхъ линіяхъ не избѣгнулъ нападенія мелкихъ партій. Этому много благопріятствовало и самое устройство нашихъ постовъ, которое начальникъ адагумской кордонной линіи находилъ вполнѣ нераціональнымъ и докладывалъ объ этомъ генералу Бабичу, но послѣдній однако отъ разъ предвзятой системы постройки не отступилъ. Постъ устроивался обыкновенно на открытой мѣстности, если возможно—на возвышенномъ пунктѣ, обносился рвомъ—и то не всегда—и легкою оградою; по серединѣ его на тумбѣ устанавливалось орудіе, которое должно было отстрѣливаться на всѣ стороны. Также многимъ нападеніямъ подвергались и проходившія между пунктами по разнымъ случаямъ колонны. Вообще, это была вполнѣ

*) Письмо къ начальнику главнаго штаба кавказской арміи отъ 1-го мая 1862-го года № 26.

предсмертная для горцевъ борьба, такъ какъ, собственно говоря, окончаніемъ войны на западномъ Кавказѣ можно считать взятіе нами Хадыжей, послѣдовавшее въ 1863-мъ году.

Оставляя въ сторонѣ все это, равно и прочее, что не касается отрядовъ, гдѣ участвовали сѣверцы, остановимся опять преимущественно на дѣятельности адагумскаго отряда, въ составѣ котораго все продолжали находиться два дивизіона Сѣверскаго драгунскаго полка.

По первое іюня войска адагумскаго отряда окончили разработку дорогъ къ устью р. Сукко, въ ущелье р. Дюрсуа, далѣе мимо озера Абрау въ низовья долины р. Озерейки и оттуда на соединеніе съ другою по цемесскому ущелью отъ станицы Раевской въ Новороссійскую. Кромѣ того, поддержаны и исправлены дороги далѣе проведенныя.

Съ 1-го іюня командующій войсками рѣшилъ произвести наступленіе въ землю шапсуговъ, и вслѣдствіе этого, въ станицѣ Крымской сосредоточилъ восемь баталіоновъ, команду охотниковъ въ числѣ 465-ти человѣкъ, 10-ть орудій, три эскадрона Сѣверскаго драгунскаго полка, шесть сотенъ казаковъ и кубанскій конно-иррегулярный эскадронъ. Войска эти предназначались для движенія на р. Хабль, съ цѣлью устроить тамъ основаніе для дальнѣйшихъ дѣйствій въ землѣ шапсуговъ *). 3-го іюня отрядъ прибылъ къ укрѣпленному абинскому лагерю. Въ ночь на 6-е іюня онъ двинулся на р. Антхырь четырмя колоннами: въ первой, ввѣренной свиты Его Величества генералъ-маіору графу Сумарокову-Эльстону, находился одинъ эскадронъ драгунъ; она имѣла аррьергардное дѣло, въ которомъ убитъ одинъ, ранено восемь нижнихъ чиновъ и убито пять лошадей; во второй и въ третьей (полковниковъ Свѣчина и Крыжановскаго) находилось также по одному эскадрону. Вторая и третья колонны во время движенія имѣли незначительныя перестрѣлки съ непріятелемъ. Отрядъ, сосредоточившись на Антхырѣ, пробылъ на этомъ пунктѣ весь слѣдующій день.

---

*) Донесеніе генералъ-адъютанта графа Евдокимова отъ 23-го іюня № 1134.

Восьмого іюня онъ продолжалъ наступательное движеніе пятью колоннами. Драгуны, по одному эскадрону, вошли въ составъ первой колонны графа Сумарокова-Эльстона, третьей, полковника Крыжановскаго и четвертой, полковника Головинскаго. Пятая колонна прикрывала обозъ.

Первая колонна генералъ-маіора графа Сумарокова-Эльстона, выступивъ въ четыре часа пополуночи, безъ особенныхъ затрудненій достигла р. Хабль; но здѣсь была встрѣчена большою партіею горцевъ, уже ожидавшихъ нашего движенія, и имѣла жаркое дѣло какъ во время изслѣдованія верхней части теченія р. Хабль, такъ и при движеніи ущельемъ этой рѣки на сборный пунктъ отряда. При этомъ послѣднемъ движеніи она соединилась со второю колонною полковника Свѣчина. Обѣ колонны приняли на себя послѣдній ударъ непріятеля. Въ этомъ дѣлѣ у насъ раненъ командиръ 3-го дивизіона маіоръ князь Назаровъ, двадцать шесть нижнихъ чиновъ и убито нѣсколько лошадей.

Третья и четвертая колонны также имѣли перестрѣлку, во время которой въ третьей колоннѣ раненъ одинъ рядовой.

Четвертая же колонна захватила въ плѣнъ одного шапсуга и отбила нѣсколько штукъ рогатаго скота.

Объясненное наступленіе адагумскаго отряда на р. Хабль отдѣльными колоннами дало возможность подробно ознакомиться съ топографіей пространства, заключающагося между рр. Абиномъ и Азипсомъ, и уничтожить на этомъ пространствѣ всѣ аулы, возобновленные шапсугами послѣ зимнихъ дѣйствій шапсугскаго и адагумскаго отрядовъ въ $18^{60}/_{61}$ годахъ.

9-го іюня, при слѣдованіи колонны отъ р. Хабль въ укрѣпленный абинскій лагерь за провіантомъ, взято въ плѣнъ нѣсколько горцевъ и отбито пятьдесятъ штукъ барановъ. При этомъ произошла и незначительная перестрѣлка *). 12-го іюня произведена рекогносцировка дороги отъ мѣста лагернаго расположенія на р. Хабль по направленію къ Екатерининскому посту на Кубани. 14-го числа войска приступили къ возведенію ограды предполагаемой къ устройству въ

*) Донесеніе 3-го іюля 1862-го года № 1213.

будущемъ году станицы на р. Хабль. Партіи горцевъ хотя и тревожили наши работы, но вреда отряду не причинили. Только съ 20-го іюня начали получаться свѣдѣнія о томъ, что непріятель намѣренъ напасть на передовыя адагумскія станицы въ большихъ силахъ. По поводу ихъ нужно было опять предпринять какія либо дѣйствія, чтобы помѣшать этимъ намѣреніямъ и прогнать сборища горцевъ, которыя могли для этой надобности образоваться между Абиномъ и адагумскою линіею, взять аманатовъ отъ туземцевъ, населявшихъ это пространство, и тѣмъ удержать ихъ отъ враждебныхъ противъ насъ дѣйствій, возложивъ на нихъ и отвѣтственность за пропускъ хищническихъ партій. Для всего этого нужно было предпринять движеніе въ долину Абина.

Съ такими цѣлями генералъ-маіоръ Бабичъ, оставивъ на Хаблѣ, во вновь устроенномъ станичномъ окопѣ, два баталіона и двѣ сотни, съ остальными войсками двинулся 1-го іюля къ укрѣпленному абинскому лагерю и 2-го числа перешелъ вверхъ по Абину къ бывшему Николаевскому укрѣпленію, гдѣ и расположился на ночлегъ.

Вызванные въ лагерь старшины обществъ, обитающихъ по рѣчкамъ Коафъ, Шебикъ и Шипсъ, изъявили отъ этихъ обществъ желаніе переселиться въ Турцію, для чего и былъ назначенъ имъ срокъ по 1-е октября того же года; въ обезпеченіе же ихъ поведенія до ухода заграницу взято у нихъ восемь аманатовъ.

4-го іюля отрядъ двинулся далѣе вверхъ по Адагоафу (Атакуафъ) и 5-го достигъ верховьевъ ущелья рѣки Богаге, гдѣ соединился съ колонною полковника Крыжановскаго, направленною туда отъ ст. Неберджайской черезъ постъ Георгіевскій; 6-го и 7-го оставался на занятой позиціи у верховьевъ Богаге, гдѣ туземное населеніе также изъявило желаніе переселиться въ Турцію и въ залогъ спокойнаго своего поведенія выдало двухъ аманатовъ; 8-го числа перешелъ къ ст. Крымской, 9-го къ абинскому лагерю и 10-го возвратился на Хабль. Здѣсь послѣ дневки отрядъ раздѣлился надвое: одна часть, подъ начальствомъ полковника Головинскаго, осталась на Хаблѣ для заготовленія сѣна и для окончательной отдѣлки станичной ограды, другая же, подполковника Манятн, выступила 12-го числа на Аушецъ для покосовъ.

При дальнѣйшемъ производствѣ покосныхъ работъ, при постройкѣ постовъ на р. Кубани противъ поста Ново-Екатерининскаго, на р. Аушецъ и на р. Сухомъ-Хаблѣ, а также и при фуражировкахъ непріятель постоянно слѣдилъ за нашими войсками и заводилъ незначительныя перестрѣлки. 31-го же іюля въ числѣ около двухъ тысячъ человѣкъ приблизился къ лагерю на пушечный выстрѣлъ, показывая видъ, что желаетъ напасть на него. По тревогѣ войска тотчасъ выступили въ поле, отбили горцевъ и захватили у нихъ семь лошадей *).

Въ отплату непріятелю за его покушеніе и для наказанія его, полковникъ Головинскій, выступивъ изъ Хабля въ ночь на 20-е августа, совершилъ молодецкій набѣгъ на урочище Каранашъ (между долинами Хабля и Азипса). Такъ какъ мѣсто было ровное, открытое, то въ авангардѣ слѣдовала кавалерія, въ томъ числѣ преимущественно сѣверцы. При войскахъ находились два орудія, металлическія части которыхъ, для устраненія шума при движеніи, были обмотаны паклею—что часто практиковалось во время кавказскихъ походовъ. На половинѣ пути отряду предстояло переправиться черезъ одну изъ многочисленныхъ въ этой странѣ горныхъ рѣченокъ, которыя, разливаясь по низменностямъ, образуютъ топкія болота. Привычные драгунскіе кони безъ труда одолѣли это препятствіе и живо очутились на противуположномъ берегу, пѣхоту же и въ особенности артилерію переправить почти не было возможности. Но выручила находчивость одного изъ драгунскихъ унтеръ-офицеровъ: онъ доложилъ эскадронному командиру, что мимоходомъ замѣтилъ, верстахъ въ двухъ въ сторонѣ отъ дороги, множество не убранныхъ сноповъ хлѣба, и что эти снопы годились бы для устройства гати. Послушали драгуна, послали за снопами—и спустя полчаса устроили черезъ болото такой удобный и прекрасный мостъ, что весь остальной отрядъ въ минуту перешелъ по немъ на другую сторону, не замочивъ даже ноги. Послѣ этого благополучно двинулись далѣе. Не доходя немного до Каранаша, драгуны лихо понеслись въ аулъ и захватили жителей врасплохъ. Изрубивъ нѣсколько человѣкъ,

---

*) Донесеніе 29-го августа № 1530.

сѣверцы готовы были продолжать преслѣдованіе, но вдали собирались уже большія толпы горцевъ—что и заставило выждать приближенія пѣхоты. Послѣдняя не замедлила, и атака возобновилась. Отбросивъ горцевъ къ Азипсу, драгуны отхватили трехъ плѣнныхъ. Непріятель опять оставилъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ и значительное количество оружія и рогатаго скота. У насъ раненъ одинъ драгунъ, одинъ казакъ и пять лошадей. Набравъ большое количество снятаго хлѣба, войска возвратились въ лагерь безпрепятственно *).

Несмотря на всѣ свои неудачи, горцы не унимались и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы выразить свое хищничество или произвести какой нибудь набѣгъ. Они пренебрегали всякими опасностями—лишь бы только залучить добычу или русскаго плѣнника, за котораго могли имѣть выкупъ. Рыская ежеминутно вокругъ нашихъ станицъ и укрѣпленій, они естественно достигали цѣли, потому что безусловная и неограниченная бдительность съ нашей стороны была невозможна. Случаевъ столкновенія съ ними было множество, и одинъ изъ нихъ выпалъ также и на долю сѣверцевъ. Въ концѣ лѣта слѣдовала одна изъ обычныхъ колоннъ въ ст. Крымскую и при ней находился юнкеръ Сѣверскаго полка Али, возвращавшійся изъ Новороссійска. Подъѣзжая къ ст. Крымской, онъ обогналъ колонну не болѣе какъ на полверсты и неожиданно былъ атакованъ двумя горцами, выскочившими изъ засады. Одинъ изъ нихъ былъ конный, а другой пѣшій. Прежде чѣмъ Али сообразилъ возможность ускакать отъ нихъ на своемъ конѣ, конный горецъ приставилъ къ нему дуло пистолета, а пѣшій безцеремонно взялъ его лошадь подъ уздцы. Затѣмъ, плѣнника повели въ горы. Но на пути Али наконецъ пришелъ въ себя и, пользуясь случаемъ, когда его вели по тропѣ, гдѣ пѣшій хищникъ слѣдовалъ впереди, а конный позади, онъ съ ожесточеніемъ далъ шпоры своему коню, сбилъ передняго съ ногъ и, выхвативъ шашку, повернулся назадъ и кинулся на коннаго. Послѣдній выстрѣлилъ изъ пистолета и промахнулся, но вслѣдъ затѣмъ обнажилъ шашку и ударилъ сю

*) Рапортъ генералъ-адъютанта графа Евдокимова 3-го сентября № 1547.

Али. Хотя онъ разрубилъ ему ногу до костей, но это нимало не смутило Али; ему удалось ускакать. Хищники его не преслѣдовали, изъ чего слѣдовало по меньшей мѣрѣ заключить, что Али не остался у нихъ въ долгу.

Непрерывный рядъ подобныхъ случаевъ, а въ особенности набѣги на наши укрѣпленные пункты, побудили генералъ-маіора Бабича приказать маіору крымскаго полка Шеремету сдѣлать изъ укр. Константиновскаго поискъ къ ближайшему непріятельскому населенію и уничтожить все, что представится возможнымъ. Маіоръ Шереметъ, собравъ въ укрѣпленіе Константиновское двѣсти человѣкъ пѣхоты и полуэскадронъ сѣверцевъ, двинулся съ ними къ бывшему Кабардинскому укрѣпленію, и уничтоживъ нѣсколько кошей, расположенныхъ на южной покатости хребта Мархоткхъ, отступилъ обратно безъ препятствій.

Въ это время до сѣверцевъ достигло первое извѣстіе о чрезвычайно важномъ для нихъ преобразованіи, именно—о переформированіи драгунскихъ полковъ кавказской арміи въ четырехъ-эскадронный составъ, съ пятымъ резервнымъ эскадрономъ, о чемъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, объявленное въ приказѣ по военному вѣдомству 31-го іюля за № 196-мъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали объ этомъ приказа по арміи, и болѣе всѣхъ былъ озабоченъ командиръ полка, такъ какъ онъ получилъ уже свѣдѣнія оффиціальнымъ путемъ, что долженъ будетъ расформироваться 3-й дивизіонъ, долгою и доблестною боевою дѣятельностью заслужившій себѣ георгіевскій штандартъ и серебряныя трубы. При расформированіи 5-го и 6-го эскадроновъ полку конечно предстояло лишиться наградъ—и всѣ были крайне опечалены; у всѣхъ, и преимущественно у командира полка, была только одна забота—спасти отъ упраздненія лихіе эскадроны, а съ ними вмѣстѣ и постараться удержать въ полку дорогой штандартъ. Но пока, въ ожиданіи приказа по арміи, все это обдумывали и соображали, военныя дѣйствія шли своимъ чередомъ и въ недалекомъ будущемъ сулили полку еще одну весьма важную боевую доблесть.

1-го сентября представилась надобность послать за провіантомъ въ абинскій укрѣпленный лагерь. Для этого снаряжена была

колонна изъ двухъ баталіоновъ, дивизіона сѣверцевъ, сотни казаковъ и двухъ орудій. Когда войска эти пришли на Абинъ, то тамъ въ полномъ ходу было извѣстіе, что горцы намѣреваются напасть на станицу Неберджайскую. Такъ какъ извѣстіе это было прочное, основательное, то въ ночь съ 3-го на 4-е число на р. Шипсъ* была отправлена колонна, въ составѣ семи ротъ, дивизіона драгунъ и взвода орудій. Часть ея, расположившись вблизи дорогъ, ведущихъ изъ горъ на адагумскую кордонную линію, ожидала въ полной готовности появленія горцевъ, но такъ какъ по розыскамъ ихъ нигдѣ не оказалось, то 4-го числа она возвратилась въ абинскій лагерь, а 6-го вся колонна прибыла на Хабль.

Между тѣмъ, извѣстія были вполнѣ справедливы, и именно въ тотъ день, когда колонна наша не дождалась горцевъ, 4-го сентября они въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ прошли по долинѣ Адагоафа на адагумскую линію и дѣйствительно готовились напасть на станицу Неберджайскую, а затѣмъ проникнуть и въ баканское ущелье. Скопище это вышло на линію противъ Георгіевскаго поста, гарнизонъ котораго состоялъ изъ 35-ти казаковъ 6-го баталіона кубанскаго войска, подъ начальствомъ сотника Горбатко. Изъ единственнаго орудія, бывшаго посрединѣ его на тумбѣ, сдѣлали выстрѣлъ и орудіе слетѣло внизъ. Вся масса горцевъ обрушилась на злополучный постъ. Казаки защищались геройски, но отбиться не могли; постъ палъ и погибло болѣе половины его гарнизона; оставшіеся въ живыхъ, увидѣвъ, что непріятель овладѣлъ наружною оградою, взорвали ящикъ съ боевыми зарядами, и сами заперлись въ строеніе, служившее для гарнизона помѣщеніемъ. Оттуда они продолжали отстрѣливаться. Ожесточенные горцы, не видя возможности принудить защитниковъ къ сдачѣ, обложили строеніе сѣномъ и сожгли его вмѣстѣ съ казаками. Такимъ образомъ погибъ весь гарнизонъ до единаго человѣка, даже и одна женщина (жена Горбатко), случившаяся въ то время проѣздомъ на посту. По тревогѣ, происшедшей вдоль линіи, 1-й дивизіонъ сѣверцевъ, съ командиромъ полка, поскакалъ на помощь посту изъ укрѣпленія Крымскаго, и хотя быстро пролетѣлъ 25-ть верстъ, благодаря выносливости втянувшихся уже въ такую ѣзду лошадей, но прибылъ тогда, когда все

дѣло было кончено. Начальникъ отряда въ это время былъ въ Екатеринодарѣ.

При отчаянной защитѣ гарнизона Георгіевскаго поста, горцы понесли такую потерю, что отказались идти на станицу Неберджайскую. Подобравъ своихъ убитыхъ, они удалились въ горы. Къ 29-му сентября Георгіевскій постъ былъ возобновленъ.

Этотъ случай, въ связи съ разными мелкими покушеніями непріятеля, приводилъ къ убѣжденію, что какой нибудь станицѣ на адагумской линіи не миновать своей несчастной доли, подобно тому какъ испытали ее станицы Хамкетинская, Псеменская и другіе пункты нашего кордона. Такія предположенія получали все большую вѣроятность еще и потому, что, какъ видно было, горцы держали свое скопище въ сборѣ и время отъ времени пробовали свое счастье. Такъ, 17-го сентября часть ихъ спустилась съ верховьевъ Хабля на плоскость и поплатилась за это двумя плѣнными, двадцатью штуками рогатаго скота, приведеннаго для уборки хлѣба, и семью лошадьми; 29-го сентября въ нѣсколько разъ болѣе значительная партія приблизилась съ южной стороны хабльскаго лагеря, но была отбита.

Когда среди всѣхъ этихъ покушеній не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что нужно ожидать нападенія рѣшительнаго и серьезнаго, тогда изъ хабльскаго лагеря было отправлено пять ротъ пѣхоты, подъ начальствомъ подполковника Маняти, для усиленія кордонныхъ войскъ на адагумской линіи. Независимо сего начальникъ адагумской и анапской линій полковникъ Петровъ стянулъ сюда же и полкъ донскихъ казаковъ, бывшій въ его вѣдѣніи на анапской линіи.

Въ концѣ сентября сборы непріятеля усиливались все болѣе и болѣе; наконецъ онъ началъ понемногу стягиваться къ бывшему Николаевскому укрѣпленію. Генералъ-маіоръ Бабичъ, получивъ положительныя свѣдѣнія о намѣреніи горцевъ обрушиться значительною массою на одну изъ четырехъ станицъ адагумскаго полка— Крымскую, Неберджайскую, Верхне или Нижне-Баканскую, велѣлъ собрать и размѣстить по линіи 23 роты пѣхоты, $14^{1}/_{2}$ сотенъ и $2^{1}/_{2}$ эскадрона сѣверцевъ, при 12-ти орудіяхъ, и сверхъ того со-

средоточить у абинскаго укрѣпленнаго лагеря, подъ начальствомъ командира крымскаго полка полковника Фитингофа, войска, какія можно было обратить туда съ р. Хабль, не останавливая однако работъ, производившихся на этой рѣкѣ. Такимъ образомъ, были приготовлены возможныя средства къ отраженію покушеній на наши новыя поселенія.

Начальникъ линіи полковникъ Петровъ, имѣвшій въ это время пребываніе въ штабъ-квартирѣ полка, въ укр. Крымскомъ, съ своей стороны зорко слѣдилъ за покушеніями горцевъ и изо дня въ день былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ по кордону, сопровождаемый всегда сѣверцами. 2-го же октября, когда во время подобной поѣздки въ укрѣпленіи Крымскомъ произошла тревога, то, за недостаткомъ людей, въ ружье къ штандарту стали трубачи, для которыхъ между прочимъ это не было новостью, такъ какъ нѣсколько дней назадъ они, вмѣстѣ съ полковникомъ Петровымъ, по отсутствію эскадрона, занимавшаго укр. Крымское, были въ открытой схваткѣ съ непріятелемъ и принесли съ тревоги даже два тѣла.

Не оставлялъ также безъ вниманія всѣхъ свѣдѣній о непріятелѣ и подполковникъ Маняти, который командовалъ летучимъ отрядомъ, расположеннымъ у Баканскаго форта, и когда лазутчикъ сообщилъ ему 2-го октября о сборахъ горцевъ въ верховьяхъ р. Богаге—хотя пока и не представлявшихъ, по завѣренію его, ничего спѣшнаго и угрожающаго, то Маняти, съ 4-мъ эскадрономъ драгунъ, произвелъ тотчасъ развѣдку къ сторонѣ Неберджайскаго укрѣпленія и повторилъ ее рано утромъ и на слѣдующій день. Но, къ общему успокоенію, ничего тревожнаго не обнаружилось. Возвратясь назадъ къ форту и будучи увѣренъ, что день пройдетъ благополучно, подполковникъ Маняти отправилъ полуэскадронъ въ прикрытіе артилерійскаго парка, слѣдовавшаго изъ ст. Нижне-Баканской въ укр. Крымское,—какъ вдругъ въ одиннадцать часовъ утра непріятель одновременно былъ замѣченъ въ двухъ мѣстахъ: близь поста Георгіевскаго, у „липокъ“, и вблизи станицы Неберджайской. Первая изъ партій, не свыше двухсотъ человѣкъ, появилась между ущельями Богаге и Неберджай, и послѣ трехъ нашихъ орудійныхъ выстрѣловъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и сигнальны-

ми, скрылась въ ущельи; вторая же, отдѣльными массами спускавшаяся съ горъ по перелѣскамъ и кустарникамъ вдоль неберджайскаго ущелья, видимо направлялась къ станицѣ Неберджайской. Оттуда сдѣлано было также три сигнальныхъ выстрѣла. Не обращая на нихъ вниманія, толпы горцевъ все подвигались впередъ. Когда онѣ вошли въ сферу артилерійскаго огня, изъ станицы открытъ былъ орудійный огонь сперва ядрами и гранатами, а потомъ и картечью. Толпы тотчасъ остановились, перемѣнили направленіе и потянулись по дорогѣ къ станицѣ Нижне-Баканской. Въ четырехъ верстахъ отъ Неберджайской станицы непріятель увидѣлъ шедшій на встрѣчу изъ ст. Нижне-Баканской обозъ, подъ прикрытіемъ 30-ти казаковъ донскаго № 19-го полка, и 35-ти человѣкъ 5-го кубанскаго пѣшаго баталіона, кинулся на него, разметалъ это прикрытіе, убилъ двоихъ, остальныхъ разогналъ и обозъ разграбилъ. Восемь казаковъ понеслись назадъ въ станицу Нижне-Баканскую и дали знать о случившемся. На мѣсто происшествія была выслана колонна изъ двухъ ротъ пѣхоты и двухъ сотенъ казаковъ, при одномъ орудіи, которая однако ограничилась тѣмъ, что подобрала разграбленныя повозки и тѣла убитыхъ и поспѣшила отступить обратно. Вступить въ схватку съ непріятелемъ вдесятеро сильнѣйшимъ—хотя при приближеніи ея и разсыпавшимся по лѣсу—она не рѣшилась. Еще восемь спасшихся казаковъ не достигли Нижне-Баканской станицы, какъ въ ограду ея влетѣли, какъ бы вѣстниками, двѣ лошади подъ вьюками. Воинскій начальникъ штабсъ-капитанъ Верига, заключивъ по всѣмъ этимъ обстоятельствамъ и по выстрѣламъ, которые слышалъ изъ станицы Неберджайской, что Нижне-Баканской станицѣ грозитъ опасность, приказалъ ударить тревогу, поставилъ оставившіяся здѣсь двѣ роты въ ружье, а пятую сотню 10-го коннаго полка, подъ командою есаула Ступака, и пластуновъ выслалъ изъ укрѣпленія для развѣдокъ о непріятелѣ. Чуть только сотня выѣхала изъ станичной ограды, какъ изъ ближайшаго лѣса хлынула на нее партія въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Казаки и пластуны бросились обратно и, смѣшавшись, едва успѣли черезъ калитку вбѣжать въ станицу; нѣсколько казаковъ и есаулъ Ступакъ пали на мѣстѣ; до восьмидесяти казачьихъ лошадей остались за оградою въ добычу

непріятелю. Еще калитка не закрылась,—какъ горцы, спѣшившись, всею массою съ ожесточеніемъ кинулись на приступъ. Первый и второй ихъ штурмы были отбиты частью огнемъ, частью штыками; но пока они готовились къ новому штурму—неожиданно, отъ выстрѣловъ, вспыхнулъ стогъ сѣна, сложенный въ юго-западномъ углу укрѣпленія, къ сторонѣ Неберджайской станицы. При сильномъ порывистомъ вѣтрѣ пожаръ распространился моментально, и загорѣлась часть древесной станичной ограды, отчего скоро въ этомъ мѣстѣ образовалась довольно большая брешь. Горцы воспользовались ею; часть изъ нихъ ринулась въ проходъ и наводнила станицу. Однако, главныя ихъ силы остались въ полѣ и продолжали съ внѣшней стороны громить злополучный гарнизонъ, который отступилъ къ батареямъ и оттуда оборонялся на двѣ стороны. Большая часть жителей уже спряталась на заранѣе опредѣленномъ мѣстѣ, подъ мостомъ, но нѣкоторые еще не успѣли скрыться и тотчасъ пали подъ ударами непріятеля. Пожаръ вспыхнулъ уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Положеніе было безвыходное. Хотя гарнизонъ отбивался отчаянно, но патроны истощились и на бастіонахъ не было болѣе зарядовъ; въ самое непродолжительное время отъ слабыхъ нашихъ ротъ должны были остаться одни только трупы, а на мѣстѣ станицы—общее громадное зарево. Но Богъ спасъ!

По первымъ сигнальнымъ выстрѣламъ въ станицѣ Неберджайской, а потомъ и въ станицѣ Нижне-Баканской, быстро поднялись на ноги два подкрѣпленія: въ баканскомъ ущельи, подъ начальствомъ подполковника Маняти, полуэскадронъ 4-го эскадрона сѣверцевъ, съ своимъ командиромъ маіоромъ Авиновымъ, составлявшій резервъ у Баканскаго форта, два конныхъ орудія, двѣ сотни казаковъ полковника Маркова и три роты пѣхоты, а въ укрѣпленіи Крымскомъ, подъ начальствомъ полковника Петрова, 3-й эскадронъ сѣверцевъ, три съ половиною сотни казаковъ и команда всадниковъ кубанскаго эскадрона.

Пока вторая колонна неслась то въ карьеръ, то на полныхъ рысяхъ, захвативъ по дорогѣ тотъ полуэскадронъ 4-го эскадрона, который былъ отправленъ съ артиллерійскимъ паркомъ, подполков-

никъ Манятп почти бѣгомъ слѣдовалъ съ своею пѣхотою. Драгуны же его колонны понеслись къ станицѣ Неберджайской по ущелью. Маіоръ Авиновъ, предположивъ, что горцы непремѣнно должны были занять выходъ изъ этого ущелья—чтобы тѣмъ задержать спѣшившее на помощь къ станицѣ подкрѣпленіе, проѣхавъ нѣкоторое разстояніе, свернулъ изъ ущелья въ сторону и направился напрямикъ по крутой тропѣ, значительно сокращавшей путь и, къ счастью, оставленной горцами безъ вниманія. Драгуны, въ одинъ конь, быстро взобрались по ней на высоту и отсюда увидѣли, что станица уже пылала въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а толпы горцевъ густымъ роемъ окружали ее со всѣхъ сторонъ. Быстро спустившись съ хребта, горсть драгунъ,—всего тридцать шесть человѣкъ, какъ бы закрывши глаза, съ беззавѣтною и давно привычною отвагою, не разсуждая о численности врага, съ мѣста въ карьеръ врѣзывается въ толпу у сѣверныхъ воротъ станицы. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ отчаянный порывъ разрѣшился бы для драгунъ полнѣйшею катастрофою, но выручило одно неожиданно-счастливое обстоятельство: конныя орудія, скакавшія за полуэскадрономъ, въ клубахъ пыли не замѣтили, что онъ свернулъ въ сторону, и продолжали нестись все по ущелью. Препятствій по пути имъ не встрѣтилось, потому что горцы на этотъ разъ оплошали и не заняли выхода изъ ущелья, какъ ожидалъ маіоръ Авиновъ,—такъ что орудія выскочили на поляну передъ станицею въ тотъ именно моментъ, когда драгуны справа понеслись въ атаку. Увидѣвъ это командиръ взвода тотчасъ снялъ съ передковъ и послалъ непріятелю два картечныхъ выстрѣла.

Тутъ подскочили и двѣ сотни казаковъ полковника Маркова. Ошеломленная всею этою неожиданностью, толпа бѣжитъ къ лѣсу. Но на перерѣзъ ей летитъ колонна полковника Петрова, перехватываетъ ее, одновременно ударяетъ съ фронта и фланга, рубитъ, разсѣеваетъ, затѣмъ поворачиваетъ къ станицѣ и поражаетъ тѣхъ, которые выскакиваютъ оттуда ей на встрѣчу. Остальные горцы, безцеремонно распоряжавшіеся въ станицѣ, увидѣвъ такую развязку дѣла, бросаются по направленію къ своему трехтысячному скопищу, стоявшему по дорогѣ къ Средне-Баканскому посту и уже готовившемуся повести контръ-атаку на нашу кавалерію. Усмотрѣвъ это,

а равно видя, что пѣхота Маняти уже налицо, полковникъ Петровъ тотчасъ принялъ на себя общее командованіе обѣими колоннами, выдвинулъ одно орудіе, подъ прикрытіемъ роты, впередъ и картечью огорошилъ угрожавшую массу; другое же орудіе, двѣ роты и спѣшенныхъ казаковъ послалъ въ станицу. Послѣ того онъ быстро выстроилъ оба эскадрона, на скаку напомнилъ имъ Кюрюкъ-Дара и съ словами: „руби, молодцы"! врѣзался въ непріятеля вдесятеро сильнѣйшаго. За драгунами неслись остальные казаки.

Масса заметалась, попятилась и отхлынула; въ то же время станица очистилась, и въ рукахъ у казаковъ остался одинъ значекъ и шестьдесятъ лошадей. Оттѣснивъ такимъ образомъ главныя силы, драгуны и казаки обскакали станицу и добили запоздавшихъ въ своемъ бѣгствѣ.

Несмотря на все это, непріятель не намѣренъ былъ такъ скоро уступить намъ поле битвы и самую побѣду. Пока драгуны и казаки очищали ограду, скопище вновь устроилось, и лишь только наша кавалерія вынеслась изъ за станицы, съ сѣверо-восточной ея стороны, двинулось къ ней на встрѣчу. Но впереди были оба эскадрона сѣверцевъ. Не выждавъ приближенія горцевъ, они сами кинулись на нихъ съ фронта и на этотъ разъ уже окончательно ихъ смяли и отбросили къ лѣсу. Тутъ толпы снова пріостановились, какъ бы желая еще устроиться и въ послѣдній разъ посчитаться съ нашею кавалеріею. Но судьба сжалилась надъ ними и не допустила ихъ до лишняго пораженія: въ минуту своей остановки они увидѣли на той дорогѣ, по которой скакала на выручку станицы кавалерія полковника Петрова, еще густые столбы пыли. Вообразивъ, что это несется новое подкрѣпленіе, они проворно спрятались въ лѣсъ. Воспользовавшись ихъ замѣшательствомъ, полковникъ Петровъ тотчасъ усилилъ атаку, вогналъ ихъ окончательно въ чащу, и, спѣшивъ драгунъ, обратилъ горцевъ въ рѣшительное бѣгство.

Скоро загадка относительно клубовъ пыли разъяснилась: это въ карьеръ летѣлъ къ мѣсту боя опоздавшій на тревогу командиръ черноморскаго полка, съ ординарцемъ и вѣстовымъ.

Поразивъ и разсѣявъ непріятеля, войска наши пріостановились—собственно для того, чтобы возможно было полковнику Петрову

хотя наскоро устроить порядокъ въ станицѣ. Исполнивъ это и оставивъ на мѣстѣ всю пѣхоту, Петровъ подхватилъ кавалерію и понесся вверхъ по р. Бакану, имѣя въ виду воспрепятствовать горцамъ прорваться вглубь натухайскаго округа. Но устрашенные и пораженные они уже не думали о новомъ нападеніи и поспѣшно убрались въ верховья Абипа. Поздно вечеромъ полковникъ Петровъ, оставивъ въ Нижне-Баканской станицѣ подполковника Маняти, съ кавалеріей отправился въ укр. Крымское.

Когда раздались въ сторонѣ Неберджая первые сигнальные выстрѣлы, командиръ крымскаго пѣхотнаго полка полковникъ баронъ Фитингофъ, находившійся съ частью войскъ адагумскаго отряда въ абинскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, еще не вдругъ двинулся на тревогу, предполагая, какъ это было уже не разъ доселѣ, что производится или салютаціонная пальба съ моря, или предупредительная —по случаю могущей явиться, но не выразившейся еще опасности. Но когда пальба участилась, и не могло быть уже сомнѣнія въ какомъ либо серьезномъ покушеніи непріятеля, то онъ тотчасъ снялъ съ мѣста шесть ротъ, эскадронъ сѣверцевъ, сотню казаковъ, два конныхъ орудія и быстро направился съ ними къ верховьямъ р. Шипсъ, расчитывая вполнѣ основательно, въ случаѣ запозданія подать помощь атакованному пункту адагумской линіи, принять на себя по крайней мѣрѣ толпы отступающаго непріятеля и поразить ихъ. Колонна эта достигла верховьевъ р. Шипсъ въ три часа пополудни, когда дѣло было кончено; драгуны, находившіеся въ авангардѣ, наткнулись лишь на обломки непріятельскихъ скопищъ, бѣжавшихъ въ лѣсныя трущобы сѣвернаго склона хребта Мархоткхъ. Разметавъ остатки этихъ партій, драгуны, поддержанные казаками, а затѣмъ пѣхотою, отбили часть добычи, захваченной горцами въ станицѣ во время грабежа, и всетаки значительно усилили при этомъ уронъ непріятеля. Къ вечеру колонна эта возвратилась въ абинскій лагерь.

Потери наши въ дѣлѣ 3-го октября не могли не быть чувствительными и пали преимущественно на резервы, хотя, съ другой стороны, онѣ вполнѣ вознаграждались тѣмъ жестокимъ пораженіемъ, которое нанесено было горцамъ, явившимся съ полными надеждами

на блестящій успѣхъ. У насъ убито: изъ поселянъ пять мужчинъ и двѣ женщины; въ частяхъ войскъ два оберъ-офицера и одиннадцать нижнихъ чиновъ; ранено: изъ поселянъ—одинъ; въ частяхъ войскъ—четыре офицера, въ томъ числѣ два Сѣверскаго полка: маіоръ Авиновъ шашкою въ носъ и поручикъ Бергъ, а также шестьдесятъ два нижнихъ чина. Пропало безъ вѣсти: три донскихъ казака изъ прикрытія транспорта, слѣдовавшаго ущельемъ р. Мезекшихъ, и три мальчика станицы Нижне-Баканской. Лошадей выбыло изъ строя 117; въ томъ числѣ 40 казачьихъ уведено непріятелемъ. Кромѣ того захвачено горцами сорокъ ружей, доставленныхъ на вооруженіе жителей и хранившихся въ складѣ, сгорѣло 38-мь домовъ, убито и угнано 111-ть штукъ рогатаго скота, принадлежавшаго жителямъ. Уронъ, понесенный горцами, былъ сравнительно гораздо болѣе: они потеряли одними убитыми до четырехсотъ человѣкъ, изъ которыхъ до трехсотъ успѣли унести, а сто оставили на полѣ битвы *).

Изъ числа показанныхъ выше двухъ раненыхъ офицеровъ Сѣверскаго полка, поручикъ Бергъ, между прочимъ, едва не попалъ въ руки горцевъ. Обскакавъ съ 3-мъ эскадрономъ станицу, онъ по пятамъ непріятеля бросился въ лѣсъ; но тутъ былъ тяжело раненъ пулею въ ногу выше колѣна и не въ состояніи былъ держаться на конѣ. Кое-какъ онъ сползъ съ него и держа рукою за поводъ прилегъ на землю. А между тѣмъ, въ эти минуты, по всѣмъ направленіямъ бѣжали преслѣдуемые горцы, и Бергъ не могъ остаться ими незамѣченнымъ. И дѣйствительно, едва лишь эта мысль мелькнула у него въ головѣ, какъ онъ увидѣлъ почти въ упоръ передъ собою нѣсколько человѣкъ, готовыхъ порѣшить съ нимъ навсегда. Но въ тоже мгновеніе о бокъ съ ними показались и свои драгуны, съ юнкеромъ Македонскимъ. Послѣдній издали какъ-то случайно замѣтилъ высокаго и лихаго туркменскаго коня Берга и подоспѣлъ въ ту самую минуту, когда злополучный Бергъ уже прощался съ своимъ земнымъ существованіемъ. Разметавъ горцевъ во всѣ стороны, драгуны выручили своего офицера отъ явной

*) Рапортъ генералъ-адъютанта графа Евдокимова командующему арміею отъ 25-го октября 1862-го года № 1872.

гибели, и когда Македонскій перевязалъ ему платкомъ рану, вынесли его на попонѣ изъ лѣса.

Вообще, почти исключительно рукопашный бой нашихъ драгунъ и остальной кавалеріи 3-го октября былъ дѣломъ вполнѣ геройскимъ и поистинѣ славнымъ. Онъ чрезвычайно важенъ по своимъ результатамъ, такъ какъ однимъ взмахомъ освободилъ линію отъ весьма серьезной опасности и отъ большихъ хлопотъ, которыхъ могла надѣлать намъ столь сильная партія (въ десять тысячъ человѣкъ). Къ сожалѣнію, генералъ Бабичъ, прибывшій позже изъ Екатеринодара, не придалъ ему надлежащаго значенія, и самое донесеніе о немъ изложилъ весьма слабо. Понятно, что при этомъ условіи никто изъ отличившихся награды не получилъ, кромѣ, впрочемъ, одного Македонскаго, который былъ посланъ генераломъ Бабичемъ въ Ставрополь съ донесеніемъ къ графу Евдокимову и удостоился получить отъ него знакъ отличія военнаго ордена 4-й степени.

Славное баканское дѣло было послѣднею и лучшею страницею Сѣверскаго полка въ его шести-эскадронномъ составѣ во время прошлой кавказской войны.

Одновременно съ нимъ былъ, наконецъ, полученъ въ дивизіи приказъ по кавказской арміи отъ 6-го сентября 1862-го года за № 387, основанный на Высочайшемъ повелѣніи 31-го іюля, который такъ озабочивалъ сѣверцевъ—слѣдующаго содержанія:

„Въ драгунскихъ полкахъ кавказской арміи 5-е и 6-е дѣйствующіе эскадроны упразднить, а 7-е резервные эскадроны переименовать въ 5-е резервные“.

При приказѣ была приложена и штатная вѣдомость переформировываемымъ драгунскимъ полкамъ. Ею опредѣлялся слѣдующій составъ дѣйствующихъ эскадроновъ полка: полковой командиръ—полковникъ, дивизіонеровъ два—подполковникъ и маіоръ, капитановъ четыре, штабсъ-капитановъ четыре, поручиковъ двѣнадцать и прапорщиковъ восемь; въ инвалидной ротѣ при полку: командиръ ея, штабсъ-капитанъ или капитанъ—одинъ, субалтернъ-офицеръ—одинъ; командиръ нестроевой роты—оберъ-офицеръ одинъ, — всего 34 штабъ и оберъ-офицера; строевыхъ нижнихъ чиновъ, включая и трубачей, во всѣхъ эскадронахъ 673, классныхъ чиновниковъ 6-ть,

нестроевыхъ нижнихъ чиновъ 73, въ инвалидной ротѣ 283, деньщиковъ 34,—всего нижнихъ чиновъ 1073. Въ резервномъ эскадронѣ оберъ-офицеровъ 6-ть; нижнихъ чиновъ: строевыхъ 168-мь, нестроевыхъ 8-мь, деньщиковъ 6-ть. Всѣ нижніе чины резервнаго эскадрона полагались пѣшими и строевыхъ лошадей по штату не опредѣлялось, а для обученія рекрутъ должны были употребляться лошади изъ числа выранжированныхъ, полагая по 32 лошади на эскадронъ. Обоза—по двѣ провіантскія телѣги, съ 4-мя подъемными лошадьми въ каждомъ эскадронѣ.

И такъ, повидимому не могло быть и рѣчи о дальнѣйшемъ существованіи славнаго 3-го дивизіона, сформированнаго въ свое время изъ лучшихъ эскадроновъ нижегородскаго полка, такъ какъ въ приказѣ категорически было указано на расформированіе именно его, но никакъ не другихъ эскадроновъ. Оставалось только одно послѣднее средство: пока приказъ не объявленъ по полку—испросить разрѣшенія начальника дивизіи на перемѣну нумеровъ эскадроновъ. Но и на этотъ разъ нужно было имѣть какое нибудь основаніе, такъ какъ прямое уклоненіе отъ Высочайшаго повелѣнія могло повлечь за собою тяжкія послѣдствія. Къ счастью, полковникъ Петровъ нашелъ исходъ: онъ убѣдился, что примѣняясь къ § 68-му правилъ о знакахъ отличій, жалуемыхъ войскамъ, приложенныхъ къ приказу военнаго министра 1860-го года № 188-й, возможно въ данномъ случаѣ, для задуманной цѣли, переименованіе 1-го дивизіона въ 3-й и обратно. Представивъ о томъ начальнику дивизіи, онъ просилъ его разрѣшенія. Генералъ-маіоръ Тихоцкій, старый нижегородецъ, съ своей стороны призналъ это законнымъ и изъявилъ согласіе. Тогда въ одинъ пріятный день приказомъ по полку первый дивизіонъ сдѣлался третьимъ, а третій первымъ. Когда же вслѣдъ затѣмъ явилось въ полку распоряженіе о расформированіи 5-го и 6-го эскадроновъ, то безъ замедленія и затрудненія послѣдовало упраздненіе бывшихъ 1-го и 2-го эскадроновъ. При этомъ эскадроны 3-го дивизіона приняли №№ 1-го и 2-го эскадроновъ, 2-й же дивизіонъ остался при своихъ нумерахъ. Къ счастью, эта мѣра нашла впослѣдствіи полное оправданіе въ приказѣ военнаго министра (27-го ноября 1862-го года), въ которомъ говорилось, что-

бы при упраздненіи какой либо части полка расформировывать именно ту, которая не имѣетъ знаковъ отличія за военные подвиги—чтобы этимъ сохранить въ полкахъ заслуженныя ими отличія.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ все дѣло переформированія свершилось окончательно въ укрѣпленіи Крымскомъ, и полкъ явился въ четырехъ-эскадронномъ составѣ. Излишніе нижніе чины уволены въ отпускъ, а лошади проданы съ аукціона.

Едва только совершился столь важный переворотъ въ жизни полка, какъ послѣдовалъ новый приказъ по кавказской арміи (31-го октября № 467), которымъ опредѣлялось и самое вооруженіе полка.

Процесъ упраздненія двухъ эскадроновъ не мѣшалъ остальнымъ четыремъ продолжать свою боевую дѣятельность съ прежнею отвагою и удалью, такъ что для уцѣлѣвшихъ четырехъ эскадроновъ переформированіе полка осталось почти незамѣтнымъ.

Къ 10-му октября войска адагумскаго отряда, расположенныя на р. Хабль, окончили всѣ тѣ работы, которыя были срочны и необходимы. Послѣ этого значительная часть войскъ дѣлалась свободною и могла быть обращена для дѣйствій въ полѣ.

Въ виду этого генералъ-маіоръ Бабичъ, пользуясь усиленіемъ войскъ отряда двумя баталіонами кубанскаго казачьяго войска, вызванными на зимній періодъ со льготы, предпринялъ движеніе въ горы для подробнаго изслѣдованія мѣстности, предназначенной къ заселенію казачьими станицами, и уничтоженія тамъ непріятельскихъ ауловъ. Для этого 13-го октября онъ сосредоточилъ у абинскаго укрѣпленнаго лагеря 27-мь ротъ пѣхоты, два эскадрона сѣверцевъ, три сотни казаковъ, кубанскій конно-иррегулярный эскадронъ и двѣнадцать орудій; остальныя же подвижныя силы отряда оставилъ частью на р. Хабль, для охраненія уже тогда устроенной хабльской линіи и продолженія тамъ работъ, а частью обратилъ на подкрѣпленіе адагумскаго кордона.

14-го октября войска двинулись въ верховья Бугундыря тремя колоннами и къ вечеру, уничтоживъ на пути слѣдованія непріятельскіе аулы, расположились общимъ лагеремъ на Бугундырѣ, въ одиннадцати слишкомъ верстахъ вверхъ по рѣчкѣ отъ означенной просѣки.

Въ теченіе 15-го и 16-го чиселъ посылаемы были отдѣльныя колонны, съ участіемъ драгунъ, для истребленія окрестныхъ ауловъ, съ одной стороны до Антхыря, а съ другой до раздѣла водъ Бугундыря и Абина; 17-го же октября весь отрядъ перешелъ на Абинъ двумя колоннами; 18-го октября раззорены непріятельскіе аулы и хутора на разстояніи шести верстъ отъ лагеря вверхъ по Абину и по лѣвымъ его притокамъ; 19-го отрядъ спустился по Абину на шесть верстъ, а 20-го продолжалъ слѣдованіе внизъ по той же рѣкѣ и расположился на ночлегъ въ трехъ верстахъ ниже бывшаго Николаевскаго укрѣпленія. 21-го числа войска отряда раздѣлились на двѣ колонны, изъ коихъ одна передвинулась къ абинскому укрѣпленному лагерю кратчайшимъ путемъ внизъ по Абину, а другая, поднявшись вверхъ по рѣкѣ, перешла въ долину Шипса, и слѣдуя далѣе внизъ по Шипсу, достигла также къ вечеру абинскаго лагеря. Во всѣ послѣдніе три дня войска жгли находившіеся по пути и вблизи непріятельскіе аулы, откуда горцы успѣли заранѣе увезти свои семейства и часть имущества на южный склонъ главнаго хребта. Въ происходившихъ при этомъ перестрѣлкахъ потеря съ нашей стороны заключалась, съ 14-го по 21-е октября, въ двѣнадцати раненыхъ нижнихъ чинахъ и десяти убитыхъ и раненыхъ лошадяхъ, изъ коихъ половина пришлась на долю драгунъ *).

Всѣ изложенныя выше событія въ предѣлахъ натухайскаго округа ясно показали, что тѣ общества, которыя выдали намъ аманатовъ и обязались жить съ нами въ мирѣ до ухода осенью въ Турцію, далеко не исполнили своего обязательства. Въ виду этого означеннымъ обществамъ, тотчасъ послѣ баканскаго дѣла, въ которомъ они принимали участіе во вредъ намъ, велѣно было къ 21-му октября во что бы ни стало оставить занимаемыя ими мѣста и убираться сообразно своему недавнему рѣшенію. Но онѣ и вниманія не обратили на это послѣднее и рѣшительное приказаніе. Тогда генералъ Бабичъ предпринялъ вновь наступательныя дѣйствія въ горы, съ цѣлью очистить отъ враждебнаго намъ населенія простран-

*) Донесеніе командующаго войсками Кубанской области отъ 15-го ноября 1862-го года № 2031.

ство къ востоку отъ адагумскаго кордона по обѣ стороны кавказскаго хребта до Абина и Мезиба.

Подвижныя силы отряда были раздѣлены на двѣ части: 24 роты, три эскадрона сѣверцевъ, три сотни и двѣнадцать орудій собраны въ абинскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, подъ личнымъ начальствомъ генерала Бабича; восемь же ротъ, одинъ эскадронъ сѣверцевъ, шесть сотенъ и три орудія—у станицы Неберджайской, подъ начальствомъ полковника Крыжановскаго. Обѣ колонны выступили 25-го октября изъ сборныхъ пунктовъ, прошли въ разныхъ направленіяхъ нагорную полосу между Абиномъ и адагумскою линіею, уничтожили вездѣ аулы и хутора и 28-го числа перевалились черезъ хребетъ Мархоткхъ. Здѣсь онѣ обошли всѣ ущелья и балки южной покатости горъ и 5-го ноября возвратились въ абинскій лагерь и Неберджайскую станицу. На всемъ пройденномъ пространствѣ войска, двигаясь въ разныхъ направленіяхъ и раздѣляясь при этомъ на отдѣльныя колонны, не оставили ни одной трущобы неосмотрѣнною и кромѣ ауловъ предали огню всѣ разнаго рода запасы.

Сопротивленіе, оказанное отряду во время его движенія непокорными горцами, было весьма незначительное, такъ что общая потеря наша въ эти дни была совершенно ничтожна: убитъ одинъ всадникъ и ранено восемь нижнихъ чиновъ, да одинъ пропалъ безъ вѣсти; лошадей выбыло изъ строя двѣнадцать. Отрядомъ взято въ плѣнъ семнадцать горскихъ семействъ и отбито нѣсколько штукъ разнаго скота и лошадей. Но цѣннѣе для насъ всѣхъ этихъ пріобрѣтеній были два чугунныя орудія, отрытыя нами въ землѣ, по указанію одного изъ жителей, 5-го ноября, при разореніи аула близъ Абина *).

Съ 6-го по 16-е ноября войска адагумскаго отряда, дѣйствуя частями, одною отъ Крымской станицы (одинъ эскадронъ сѣверцевъ), другою отъ предполагаемой станицы Хабльской, очистили отъ туземцевъ всю плоскость между рѣками Адагумомъ, Азипсомъ и лежащую сѣвернѣе просѣки, проложенной между Абиномъ и Хаблемъ, безъ всякихъ потерь **).

*) Рапортъ графа Евдокимова отъ 27-го ноября 1862-го года № 2145.
**) Донесеніе главнокомандующему 9-го декабря № 2229.

Но этимъ не кончилось очищеніе пространства въ раіонѣ дѣйствій адагумскаго отряда: 17-го ноября онъ предпринялъ вновь движеніе по рѣкѣ Хабль тремя колоннами, съ участіемъ трехъ эскадроновъ сѣверцевъ, и переночевавъ у слiянія главныхъ верховьевъ этой рѣки, возвратился на слѣдующій день къ Хабльской станицѣ, уничтоживъ по пути всѣ туземные непокорные аулы.

Съ тою же цѣлью, т. е. для уничтоженія непокорныхъ ауловъ по рѣкамъ Азипсу, Бугаю и Илю, въ ночь съ 20-го на 21-е ноября направлена часть войскъ адагумскаго отряда (24 роты, охотники и пластуны, три эскадрона сѣверцевъ, четыре сотни казаковъ, команда туземной милиціи и четыре орудія), подъ начальствомъ полковника Крыжановскаго.

Войска эти, двигаясь въ составѣ отдѣльныхъ колоннъ и по разнымъ направленіямъ, въ продолженіе 21-го, 22-го и 23-го чиселъ очистили отъ туземцевъ весь край, ограниченный съ сѣвера просѣкою между Хабльскою станицею и бывшимъ Ильскимъ укрѣпленіемъ, съ юга—линіею проходящею по сѣвернымъ отрогамъ главнаго хребта, съ востока—водораздѣльнымъ кряжемъ бассейна рѣкъ Убина и Иля и съ запада—рѣкою Хабль. Вечеромъ 24-го числа отрядъ возвратился въ лагерь.

27-го, 28-го и 29-го ноября произведена была генераломъ Бабичемъ съ войсками адагумскаго отряда рекогносцировка верховьевъ рѣкъ Азипса и Хабля, гдѣ отрядъ былъ встрѣченъ вооруженною рукою. Въ перестрѣлкахъ при этомъ у насъ ранено трое нижнихъ чиновъ и двѣ лошади. Эта рекогносцировка указала на возможность подвинуться впередъ, и 6-го декабря адагумскій отрядъ перешелъ на девять верстъ далѣе отъ станицы Хабльской къ выходу р. Хабль изъ ущелья. Тутъ онъ приступилъ къ рубкѣ лѣса и разработкѣ дороги вверхъ по этому ущелью. Перестрѣлки по обыкновенію происходили каждый день.

Пока главныя силы отряда дѣйствовали въ этомъ направленіи, полковникъ баронъ Фитингофъ, съ частью адагумскаго же отряда, при одномъ эскадронѣ сѣверцевъ, произвелъ движеніе изъ станицы Крымской, чрезъ абинскій лагерь вверхъ по р. Абину, на рѣки: Коафъ, Азипсъ и Адагоафъ и уничтожилъ здѣсь въ глубокихъ тру-

щобахъ всѣ непріятельскія поселенія, запасы и отбилъ нѣсколько штукъ рогатаго скота *).

Главныя силы отряда, окончивъ работы въ хабльскомъ ущельи, 12-го декабря возвратились въ станицу Хабльскую. Тутъ быстро и неожиданно наступила оттепель, началась распутица, разливы горныхъ рѣчекъ—и дѣятельность отряда если и не пріостановилась вполнѣ, то по крайней мѣрѣ значительно сократилась и послѣ нѣкотораго промежутка продолжалась въ той же мѣрѣ до 25-го декабря. Съ того же числа ему былъ данъ рѣшительный отдыхъ, среди котораго онъ встрѣтилъ новый 1863-й годъ.

Не вполнѣ воспользовались этимъ отдыхомъ лишь нѣкоторыя отдѣльныя части Сѣверскаго полка: 27-го декабря полуэскадронъ 5-го эскадрона сопровождалъ колонну изъ абинскаго укрѣпленнаго лагеря въ станицу Крымскую. Черезъ четверть часа по выступленіи колонны, часовые выпустили изъ лагеря еще двѣ повозки съ казаками, расчитывая, что онѣ благополучно присоединятся къ транспорту, который далеко уйти не могъ. Но вышло не такъ: лишь только эти двѣ повозки скрылись съ глазъ часовыхъ, какъ были атакованы 13-ю хищниками, открывшими ружейную пальбу. Услышавъ выстрѣлы позади себя, одинъ взводъ драгунъ тотчасъ отдѣлился отъ колонны, и поскакалъ назадъ. Горцы, увидѣвъ, что на помощь къ казакамъ несется подкрѣпленіе, бросили ихъ и пустились бѣжать; но драгуны нагнали ихъ и четырехъ человѣкъ изрубили. Черезъ день уже весь 5-й эскадронъ, слѣдовавшій въ хабльскій окопъ, повторилъ подобный же пріемъ надъ двумя горцами изъ значительной партіи, вздумавшей вступить съ нимъ въ перестрѣлку, и двоихъ взялъ въ плѣнъ.

28-го же декабря начальникомъ кордоновъ адагумской линіи полковникомъ Петровымъ былъ произведенъ набѣгъ на верховья рѣчекъ Адагоафъ и Богаге. Въ колоннѣ изъ двухъ ротъ и четырехъ съ половиною сотенъ, при одномъ орудіи, участвовалъ и эскадронъ сѣверцевъ, находившійся на линіи. Полковникъ Петровъ двинулся

*) Донесенія генералъ-адъютанта графа Евдокимова отъ 7-го, 9-го и 31-го декабря 1862-го года №№ 2178, 2229 и 2397.

вверхъ по означеннымъ выше рѣкамъ, уничтожилъ вновь устроенные горцами въ тѣхъ мѣстахъ жилые балаганы, взялъ въ плѣнъ восемь человѣкъ и отбилъ двадцать штукъ рогатаго скота. Послѣдній послужилъ весьма не лишнимъ вспоможеніемъ эскадрону сѣверцевъ при встрѣчѣ новаго года, которая здѣсь, какъ и въ главныхъ силахъ отряда, произошла между прочимъ очень скромно.

Отдыхъ отряда продолжался до 7-го января и въ промежуткѣ этого времени, въ видѣ развлеченія, произведенъ былъ 1-го января легкій поискъ въ верховья Азипса, при которомъ мы лишились двухъ лошадей, но взамѣнъ ихъ пріобрѣли болѣе двухъ десятковъ быковъ и коровъ.

Еще одинъ отдѣльный поискъ былъ произведенъ полковникомъ Петровымъ 3-го января въ верховья Бугундыря. У непріятеля взято въ плѣнъ одиннадцать душъ обоего пола и истреблены большіе запасы хлѣба и сѣна. При отступленіи горцы завязали жаркую перестрѣлку, въ которой мы лишились ранеными десяти нижнихъ чиновъ и двухъ лошадей.

Прошлый годъ закончился, а новый начался значительнымъ событіемъ въ краѣ, отозвавшимся на всемъ ходѣ нашей кавказской дѣятельности: 27-го декабря послѣдовалъ приказъ по кавказской арміи (№ 535) о Высочайшемъ назначеніи 6-го декабря, вмѣсто князя Барятинскаго, и. д. намѣстника кавказскаго и командующимъ арміею Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Михаила Николаевича. Съ этой минуты началась для Кавказа во всѣхъ отношеніяхъ новая эпоха.

VI.

Результаты нашихъ военныхъ предпріятій во второй половинѣ 1862-го года. Наступательное движеніе по рѣкамъ Илю и Убину. Вступленіе въ командованіе арміею Государя Великаго Князя Михаила Николаевича и прибытіе Его Императорскаго Высочества въ Кубанскую область. Перестрѣлки 26-го и 27-го февраля и жаркая схватка съ горцами сѣверскихъ драгунъ 28-го февраля (псекупское дѣло). Новый георгіевскій штандартъ. Перемѣщеніе штабъ-квартиры Сѣверскаго полка въ станицу Хабльскую. Новая программа дѣйствій адагумскаго отряда. Поискъ полковника Петрова въ верховья Азипса. Нападеніе 20-го мая на команду драгунъ. Взятіе въ плѣнъ прапорщика барона Фитингофа-Шель. Молодецкая схватка съ горцами 22-го мая полуэскадрона сѣверцевъ, подъ командою поручика Гоппе 1-го. Постройка Сѣверскаго поста. Предварительное распоряженіе о переформированіи Сѣверскаго полка. Новый періодъ дѣйствій адагумскаго отряда. Участіе сѣверцевъ въ войнѣ за Кубанью съ 27-го августа 1863-го года распадается подивизіонно на два отряда—адагумскій и джубгскій. Дѣятельность каждаго изъ этихъ отрядовъ. Выбытіе сѣверцевъ изъ дѣйствующихъ отрядовъ. Переформированіе полка въ шести-эскадронный составъ. Выступленіе изъ Кубанской области и прибытіе въ г. Пятигорскъ. Общій взглядъ на результаты нашихъ дѣйствій въ Кубанской области и оцѣнка ихъ нынѣ въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ, Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ и ближайшимъ виновникомъ славы нашихъ войскъ, генералъ-адъютантомъ графомъ Евдокимовымъ.

Всѣ наши военныя предпріятія въ адагумскомъ отрядѣ въ теченіе второй половины 1862-го года хотя и не сопровождались выдающимися боевыми схватками съ горцами, но все же привели насъ къ результатамъ вполнѣ желаннымъ. Общая связь нашихъ дѣйствій на всемъ пространствѣ непокорнаго западнаго Кавказа, благодаря разумному направленію ихъ графомъ Евдокимовымъ и точному исполненію его предначертаній начальниками отрядовъ, вездѣ поставила горцевъ въ положеніе безвыходное. Не столько поражаемые, сколько тѣснимые повсюду нашими войсками, они, лишенные возможности противодѣйствовать намъ сосредоточенно, приведены были къ необходимости смиряться и массами передавались въ наше распоряженіе. Между прочимъ, этому отчасти содѣйствовала и суровая зима, среди которой, оставшись безъ пріюта и средствъ къ существованію, горцы волей-неволей прибѣгали къ нашей власти—съ единственною цѣлью какъ нибудь прокормиться до весны, а по-

томъ, конечно, и устроиться по нашему указанію, потому что другого исхода не было. Только часть изъ нихъ продолжала упорствовать, лаская себя какими-то несбыточными надеждами, но на сѣверномъ склонѣ главнаго хребта она была для насъ неопасна и безсильна.

Такъ какъ въ описываемую пору года невозможно было и требовать отъ прибѣгавшихъ къ нашему покровительству выходцевъ, чтобы они немедленно размѣщались въ отдѣльные аулы, то имъ приказано было оставаться пока среди мирныхъ обществъ и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Къ пятнадцатому января въ раіонъ дѣйствій одного только адагумскаго отряда выселилось 1232 семейства, вмѣщавшихъ въ себѣ 10375 душъ обоего пола.

Такимъ образомъ, труды и дѣятельность собственно адагумскаго отряда, благодаря особой распорядительности генерала Бабича, настойчиво и неутомимо слѣдовавшаго къ данной цѣли, привели къ результатамъ существеннымъ и вѣскимъ. Можно было тогда уже утвердительно сказать, что, при подобной дѣятельности и при дальнѣйшей такой же энергіи нашихъ войскъ, послѣдній часъ нашей борьбы на западномъ Кавказѣ недалекъ. Такъ оно и случилось, потому что она закончилась цѣлымъ годомъ ранѣе того, какъ была сначала предрѣшена.

Во второй половинѣ января адагумскому отряду предстояло новое наступательное движеніе по рѣкамъ Илю и Убину, къ которому онъ готовился съ 17-го по 20-е число. При этомъ движеніи генералъ Бабичъ долженъ былъ согласоваться съ дѣйствіями шебшскаго отряда, которому предназначено было оперировать между рѣками Шебшемъ и Илемъ.

Въ составъ подвижныхъ силъ отряда вошли 39-ть ротъ пѣхоты, всѣ четыре эскадрона сѣверцевъ, двѣ сотни и восемь орудій. 20-го января войска эти выступили изъ хабльскаго станичнаго окопа тремя колоннами, и двигаясь при перестрѣлкахъ съ непріятелемъ различными дорогами, сосредоточились вечеромъ на урочищѣ Вонецукъ. Отсюда произведена была фуражировка къ рѣкѣ малый Мерзетхъ, во время которой, въ числѣ прочихъ, раненъ и одинъ рядовой Сѣверскаго полка. Затѣмъ происходили неустанныя и непрерывныя движенія по рѣкамъ Консемусъ, Мерзетхъ, большому и

малому Илю, Убину, Афипсу и Азипсу, сопровождавшіяся полнѣйшимъ истребленіемъ горскихъ жилищъ и запасовъ и вытѣсненіемъ изъ этихъ мѣстъ непріятеля—осѣдлаго и пріискавшаго для себя здѣсь временный пріютъ. Къ 29-му числу войска возвратились обратно въ ст. Хабльскую *). Этотъ походъ по трудной мѣстности и въ столь суровое время года оказался до того тяжелымъ, въ особенности для кавалеріи, что войскамъ пришлось дать отдыхъ до 10-го февраля.

Къ этому времени получено было извѣстіе о скоромъ прибытіи въ предѣлы Кубанской области Его Императорскаго Высочества. Дѣйствительно, 14-го февраля Государь Великій Князь Михаилъ Николаевичъ въ приказѣ по арміи **) привѣтствовалъ изъ Ставрополя ввѣренныя Ему войска въ тѣхъ теплыхъ выраженіяхъ, которыя доказывали все душевное къ нимъ влеченіе и расположеніе. Приказъ этотъ былъ принятъ съ восторгомъ.

22-го февраля вечеромъ Его Императорское Высочество изволилъ прибыть въ ст. Варениковскую и оттуда, 23-го числа, проѣхалъ съ кавалерійскимъ милиціоннымъ конвоемъ и двумя сотнями казаковъ вновь сформированнаго адагумскаго полка чрезъ ст. Гастогаевскую въ г. Анапу. Присоединивъ въ Анапѣ къ Своему конвою кубанскій конно-иррегулярный эскадронъ, Его Высочество прослѣдовалъ въ станицу Раевскую. Командующій арміею нашелъ дороги разработанными вполнѣ удовлетворительно и станицы обстроенными весьма хорошо. Въ Раевской Государь Великій Князь былъ встрѣченъ 2-мъ дивизіономъ сѣверцевъ, который отсюда, въ составѣ прочей кавалеріи, сопровождалъ Его Высочество чрезъ укрѣпленіе Константиновское и станицу Неберджайскую въ укрѣпленіе Крымское. Здѣсь, въ штабъ-квартирѣ своего полка, сѣверцы удостоились представиться Великому Князю въ полномъ составѣ обоихъ дивизіоновъ. Въ почетномъ караулѣ былъ 1-й эскадронъ. Его Высочество нашелъ полкъ въ блестящемъ видѣ, выразилъ по этому поводу все Свое удовольствіе и благодарилъ. Отсюда Его Императорское Высочество изволилъ прослѣдовать, въ сопровожденіи обо-

---

*) Донесеніе графа Евдокимова 12-го февраля № 427.

**) № 63.

ихъ дивизіоновъ сѣверцевъ, чрезъ абинскій лагерь въ укрѣпленный лагерь на рѣкѣ Хабль, гдѣ къ этому дню было сосредоточено восемь баталіоновъ пѣхоты и двѣнадцать орудій. На другой день эти войска, вмѣстѣ съ кавалеріею, прибывшею съ Государемъ Великимъ Княземъ, сопровождали Его Высочество до бывшаго укрѣпленія Ильскаго, а 26-го февраля до укрѣпленія Григорьевскаго. Въ теченіе послѣдняго перехода конныя партіи шапсуговъ слѣдили за движеніемъ войскъ и время отъ времени завязывали перестрѣлку съ правою цѣпью. На переправѣ чрезъ рѣку Убинъ отрядъ былъ встрѣченъ эшелономъ, выдвинутымъ изъ укрѣпленія Григорьевскаго, куда всѣ войска прибыли къ вечеру.

27-го февраля Его Высочество предпринялъ движеніе по прямой дорогѣ отъ укрѣпленія Григорьевскаго къ ст. Бжедуховской, вновь заложенной на правомъ берегу р. Пшишъ *). Дорога эта пролегала по границѣ абадзехскихъ земель, по мѣстности еще непройденной нашими войсками и извѣстной намъ только по распросамъ. По дѣйствіямъ предшествующаго дня и по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лазутчиковъ, нужно было ожидать со стороны абадзеховъ значительнаго сопротивленія.

Въ двухъ верстахъ отъ укрѣпленія Григорьевскаго горцы завязали перестрѣлку и потѣснили казаковъ. Полковникъ Крыжановскій, выдвинувъ драгунъ, приказалъ имъ спѣшиться. Подъ прикрытіемъ ихъ огня казаки отступили, а горцы скрылись въ лѣсу. Полковникъ Петровъ, бывшій во всѣ эти дни начальникомъ кавалеріи отряда, узнавъ объ участіи въ дѣлѣ драгунъ, прискакалъ къ мѣсту перестрѣлки. Увидѣвъ ихъ спѣшенными, онъ выразилъ неудовольствіе, такъ какъ вообще не любилъ этого спѣшиванья безъ крайней необходимости и въ особенности въ то время, когда вмѣстѣ съ кавалеріею находилась и пѣхота. Послѣ этой перестрѣлки отрядъ безпрепятственно дошелъ до р. Супъ, составлявшей границу абад-

*) Отрядъ состоялъ изъ 10-ти баталіоновъ пѣхоты, 4-хъ эскадроновъ сѣверскихъ драгунъ, 6-ти сотенъ кубанскаго казачьяго войска, кубанскаго конно-иррегулярнаго эскадрона, 6-ти конныхъ, 2-хъ легкихъ и 4-хъ горныхъ орудій, 4-хъ ракетныхъ станковъ, охотничьихъ командъ, сформированныхъ отъ пѣхотныхъ частей, 3-хъ командъ пластуновъ и конной милиціи бжедухскаго округа.

зехскихъ земель съ шапсугскими. Переправившись на другой берегъ, войска стали располагаться бивакомъ на почлегъ. Въ это время въ правой цѣпи завязалась горячая перестрѣлка. Тогда 1-й дивизіонъ, 4-й эскадронъ и анапскій горскій полуэскадронъ были направлены въ обходъ по лѣсистой дорогѣ. Этотъ маневръ заставилъ горцевъ отступить. Слѣдить за ними было невозможно, такъ какъ они скрылись въ чащѣ лѣса. Кавалерія, тѣмъ временемъ, набрела на богатый аулъ и, въ виду почлега, произвела обильную фуражировку, захвативъ до ста штукъ рогатаго скота. Послѣ этого аулъ былъ зажженъ, и кавалерія двинулась обратно къ биваку, прикрываясь 16-ю человѣками пѣшихъ драгунъ подъ командою прапорщика Пышненко. Лишь только 4-й эскадронъ началъ переправляться черезъ глубокую балку по небольшому мостику, переброшенному черезъ топкій ручей, какъ изъ аула раздались выстрѣлы; вслѣдъ за ними открыта была ружейная пальба и во флангъ нашей кавалеріи, навьюченной фуражемъ. Такъ какъ сбросить этотъ фуражъ было нельзя, чтобы не загородить дорогу тѣмъ, которые слѣдовали позади, то приказано было лошадей привязать одну за другою, а людямъ составить боковую цѣпь. Въ этомъ порядкѣ драгуны, отбиваясь не разъ штыками, достигли наконецъ лагеря, бросивъ, впрочемъ, на дорогѣ, въ облегченіе себя, до сорока штукъ испуганной скотины.

Проводивъ фуражировъ, непріятель, въ числѣ приблизительно 80-ти человѣкъ, насѣлъ на аррьергардъ Пышненко. Послѣдній, отправивъ въ лагерь двухъ драгунъ просить помощи, съ остальными рѣшился отстаивать себя по мѣрѣ возможности. Но путь предстоялъ черезъ балку, откуда отступающіе не могли отстрѣливаться, а непріятелю было легко и доступно съ окраинъ обнаружить эту ничтожную горсть и растоптать ее. Чтобы не допустить до этого, Пышненкѣ оставалось отвлечь вниманіе горцевъ въ сторону и тогда, какъ нибудь, перебѣжать балку. Съ этою цѣлью онъ, съ крикомъ „ура“, бросился къ зажженному аулу. Горцы, дѣйствительно, тотчасъ скрылись въ лѣсу. Воспользовавшись этимъ моментомъ, Пышненко перебросилъ на ту сторону балки 7-мь человѣкъ и открылъ учащенную пальбу, подъ прикрытіемъ которой и остальные семь спусти-

лись въ балку. Горцы опомнились только тогда, когда всѣ 14-ть удальцовъ уже сидѣли на противуположномъ берегу и изъ за пней удерживали ружейнымъ огнемъ въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго непріятеля, не допуская его спуститься въ балку. Наконецъ, черезъ четверть часа послѣ этого подоспѣла пѣхота, и горцы, которыхъ партія увеличилась уже до двухсотъ человѣкъ, должны были прекратить свое преслѣдованіе.

Этотъ эпизодъ могъ бы получить заслуженное и громадное значеніе, но, къ сожалѣнію, онъ былъ опять-таки весьма умаленъ вслѣдствіе тѣхъ отношеній, которыя тогда существовали между начальникомъ отряда и командиромъ Сѣверскаго полка.

У абадзеховъ было убито 18-ть и взято въ плѣнъ четыре человѣка. Мы потеряли ранеными одного штабъ-офицера и шесть нижнихъ чиновъ.

28-го февраля отрядъ, оставивъ часть обоза на позиціи у рѣки Усепубатъ, двинулся къ р. Псекупсу, куда на встрѣчу ему долженъ былъ прибыть пшехскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Офрейна. Въ этотъ день, по какому-то неизвѣстному случаю, командиръ Сѣверскаго полка былъ назначенъ начальникомъ лѣвой пѣхотной цѣпи. Драгуны же были раздѣлены подивизіонно: 1-й и 2-й эскадроны (капитановъ фонъ-Левисъ-офъ-Менара и Лозицкаго) въ авангардѣ, подъ общимъ начальствомъ адъютанта Его Высочества полковника графа Левашева, а 3-й и 4-й, подъ командою своего дивизіонера полковника Бѣлюстина—въ арріергардѣ.

Уже въ самомъ началѣ движенія горцы то тамъ, то сямъ подъѣзжали къ нашей цѣпи и завязывали съ нею перестрѣлку. Это обстоятельство, въ связи съ общею обстановкою, среди которой находился отрядъ, давало поводъ думать о возможности дальнѣйшаго болѣе серьезнаго столкновенія съ непріятелемъ. Въ виду этого были приняты возможныя мѣры предосторожности. Между прочимъ, полковникъ Петровъ, частью по этому случаю, а частью вслѣдствіе выпавшаго въ этотъ день для него служебнаго назначенія, перемѣнилъ своего коня на извѣстнаго уже намъ бѣлаго „шамиля“, а поручикъ Теръ-Асатуровъ пересѣлъ на строевую трубаческую лошадь.

Перестрѣлка не прекращалась, хотя была довольно слабая,

урывчатая. Войска достигли половины перехода. Въ головѣ авангарда шелъ 1-й, а за нимъ 2-й эскадроны сѣверцевъ. Съ каждымъ шагомъ мѣстность становилась пересѣченнѣе, неразработанная дорога труднѣе. Отрядъ приблизился къ довольно глубокой балкѣ, заросшей дубовымъ лѣсомъ. Авангардъ перешелъ эту балку безпрепятственно и на верху ея, среди кустарниковъ, немного пріостановился, чтобы устроиться; главная же колонна и въ особенности обозъ растянулись по дорогѣ, и части потеряли должную связь. Въ это время по правой цѣпи изъ засады неожиданно раздался залпъ, и партія абадзеховъ съ гикомъ кинулась на нее въ шашки. Цѣпь подалась, резервы ея открыли бѣглый огонь и не допустили непріятеля до рукопашной схватки. Три раза горцы переходили въ атаку, тѣснили нашъ арріергардъ и вновь были отбиваемы. Вдругъ, позади 2-го эскадрона, бывшаго ближайшею частью къ правому флангу цѣпи, послышалось приказаніе: „спѣшить драгунъ“! Едва 2-й эскадронъ успѣлъ спѣшиться, а первый только приготовлялся, какъ полковникъ Петровъ, оставивъ свою цѣпь на попеченіе маіора Авинова, былъ уже возлѣ дивизіона. Все это произошло въ три-четыре минуты. Приказавъ еще на скаку 2-му эскадрону сѣсть на лошадей, командиръ полка остановился у 1-го эскадрона, быстро повернулъ его повзводно лѣвымъ плечомъ и скомандовалъ ему „маршъ-маршъ“! Драгуны, обрадованные знакомымъ голосомъ, которому всегда были беззавѣтно послушны въ бояхъ, понеслись въ лѣсъ—во флангъ и частью въ тылъ непріятельской засадѣ. Лѣсъ былъ рѣдкій, преимущественно кустарный. Вслѣдъ за ними, спустя минутъ пять, были посланы: сотня 10-го коннаго полка и учебный дивизіонъ кубанскаго казачьяго войска, а съ другой стороны—стрѣлковыя роты мингрельскаго и охотничьи команды эриванскаго, грузинскаго и крымскаго полковъ.

Направленіе, взятое 1-мъ эскадрономъ, было вѣрное, но опредѣлить съ точностью въ трущобѣ пунктъ засады, въ особенности на скаку, было трудно, и драгуны, легко можетъ быть, оставили бы ее за собою—какъ вдругъ, въ сторонѣ раздался ружейный залпъ—и засада была открыта. Драгуны бросились вправо и въ нѣсколько мгновеній очутились надъ головами многочисленной партіи,

наполнявшей обширную котловину. Большая часть этой партіи была спѣшена, а лошади сбатованы. Началась жестокая бойня. Тутъ горцы разомъ постигли все безусловно рѣшающее значеніе этого удара; отступленіе имъ всею массою было отрѣзано, и они, видя это хорошо, защищались отчаянно. Но отбить драгунъ или хотя бы отбиться отъ нихъ были не въ силахъ: шашки сѣверцевъ поражали со всѣхъ сторонъ, лошади ихъ мяли, топтали, и въ нѣсколько мгновеній кучи непріятельскихъ тѣлъ устлали собою котловину. Съ другой стороны, гдѣ дѣйствовала пѣхота, кипѣла, въ свою очередь, оживленная перестрѣлка. Бой въ котловинѣ продолжался до тѣхъ поръ, пока драгунамъ некого ужъ было поражать, такъ какъ уцѣлѣвшій клочекъ партіи врассыпную исчезъ въ чащѣ лѣса.

Его Высочество все время находился на возвышенномъ пунктѣ и въ бинокль слѣдилъ за ходомъ дѣла.

Виновникомъ случая, который такъ неожиданно открылъ драгунамъ засаду непріятеля, былъ никто иной, какъ поручикъ Теръ-Асатуровъ. Поскакавъ съ мѣста одновременно съ 1-мъ эскадрономъ, онъ, съ трубачемъ позади себя, при въѣздѣ въ лѣсъ нѣсколько отдѣлился отъ эскадрона и принялъ вправо. Замѣтивъ же въ сторонѣ двухъ пѣшихъ горцевъ, которые безъ оглядки летѣли впередъ, и не желая лишиться этой заманчивой добычи, Теръ-Асатуровъ далъ волю своему коню, настигъ бѣгущихъ, одного изрубилъ и погнался за другимъ. Но тутъ произошло нѣчто непредвидѣнное: горецъ быстро юркнулъ въ густыя поросли и исчезъ, а Теръ-Асатуровъ, встрѣченный залпомъ и десяткомъ пуль, пронесшихся надъ его головою, на всемъ скаку влетѣлъ въ какую-то обширную котловину, густо наполненную горцами. Этотъ-то залпъ и былъ, такъ сказать, путеводною звѣздою для 1-го эскадрона. Не успѣлъ Теръ-Асатуровъ опомниться, какъ со всѣхъ сторонъ посыпались на него удары. Онъ сразу получилъ четыре, а лошадь его пять ранъ. Отступленія не было, и оставалось одно—отбиваться на всѣ стороны по мѣрѣ силъ. Однако горцы, среди которыхъ Теръ-Асатуровъ барахтался, сами устроили ему благополучный выходъ изъ безнадежнаго положенія: сообразивъ, конечно, что имѣютъ дѣло съ офицеромъ, и что богатый выкупъ за него будетъ интереснѣе его трупа,

они сейчасъ же оставили оружіе и начали стаскивать его съ сѣдла. Но второпяхъ ли, или въ пылу своей жадности, они тащили злополучнаго Теръ-Асатурова за обѣ ноги въ разныя стороны и такимъ образомъ дали ему возможность противъ воли удержаться въ сѣдлѣ. Въ эту минуту наскочили сѣверцы—и непріятелю ужъ было не до Теръ-Асатурова.

Окровавленные, но торжествующіе драгуны вышли изъ лѣса, подобравъ два тѣла и семнадцать раненыхъ своихъ товарищей. Его Высочество подъѣхалъ къ дивизіону, тепло поблагодарилъ его и командира полка и вызвалъ раненыхъ. Въ числѣ ихъ явился и Теръ-Асатуровъ, раненый въ обѣ руки и въ шею, на раненомъ конѣ, облитомъ кровью. Великій Князь обласкалъ ихъ всѣхъ и особенно былъ милостивъ къ Теръ-Асатурову. При этомъ Августѣйшій командующій арміею замѣтивъ шутя находившемуся здѣсь начальнику штаба генералу Карцову, что драгуны дѣйствуютъ въ разрѣзъ съ его „тактикою"—въ лѣсу на конѣ, и вполнѣ удачно, между прочимъ полюбопытствовалъ о нашихъ и непріятельскихъ потеряхъ. Когда полковникъ Петровъ доложилъ Его Высочеству, что у насъ убито двое, а непріятель оставилъ на мѣстѣ повидимому до 150-ти тѣлъ, то генералъ Карцовъ недовѣрчиво проговорилъ: „у насъ два, а у нихъ сто пятьдесятъ"! Петровъ доложилъ, что тѣла горцевъ еще не убраны и можно ихъ повѣрить. Дѣйствительно, одинъ изъ адъютантовъ былъ тотчасъ отправленъ сосчитать непріятельскіе трупы, и вскорѣ возвратясь, привезъ извѣстіе, что въ лѣсу найдено сто двадцать восемь тѣлъ, всѣ изрубленныя шашками.

Дѣло 28-го февраля 1863-го года весьма справедливо названо въ офиціальномъ донесеніи „поистинѣ молодецкимъ" и было для сѣверцевъ, вмѣстѣ съ баканскимъ, вполнѣ блистательнымъ и выдающимся въ войнѣ на западномъ Кавказѣ.

Вторую половину перехода отрядъ сдѣлалъ безъ выстрѣла и въ пять часовъ пополудни прибылъ на р. Псекупсъ, къ тому мѣсту, противъ котораго на правомъ берегу уже стоялъ отрядъ полковника Офрейна, явившійся сюда со стороны р. Пшехи. Здѣсь, на переправѣ, день заключился общимъ пиромъ, на которомъ Его Высочество провозгласилъ тостъ за здоровье сѣверцевъ, и здѣсь же на

другой день утромъ послѣдовалъ приказъ по арміи (1-го марта за № 86-мъ) о награжденіи достойнѣйшихъ „за отличное мужество и храбрость въ жаркой схваткѣ съ непріятелемъ 28-го февраля". Изъ числа сѣверцевъ удостоены этихъ наградъ три офицера и шесть юнкеровъ; нижнимъ чинамъ было роздано 36-ть знаковъ отличія военнаго ордена; кромѣ того, по особому представленію награждены еще нѣкоторыя лица. Отличіе же Теръ-Асатурова послужило основаніемъ для исходатайствованія ему впослѣдствіи перевода въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.

Почти одновременно съ прибытіемъ въ Кубанскую область Его Высочества, былъ присланъ для 3-го дивизіона изъ нижегородскаго драгунскаго полка новый георгіевскій штандартъ, изготовленный по рисунку, Высочайше утвержденному 17-го августа 1861-го года, образца армейской кавалеріи. Но прибивка и освященіе этого штандарта состояться въ томъ году не могли, такъ какъ ни разу не привелось собрать весь полкъ въ штабъ-квартиру.

Вскорѣ за симъ послѣдовалъ приказъ Его Высочества по арміи (11-го марта № 92-й), въ которомъ, благодаря войска Кубанской области, Государь Великій Князь изволилъ выразиться о нихъ слѣдующимъ образомъ:

„Войска найдены Мною въ превосходномъ состояніи: ихъ бодрый видъ, неутомимость въ походѣ, ихъ мужество, котораго Я былъ личнымъ свидѣтелемъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго". Нѣтъ сомнѣнія, что эти слова были приняты сѣверцами съ тѣмъ чувствомъ, которое внушено было имъ сознаніемъ, что здѣсь дѣло идетъ между прочимъ и о нихъ.

Послѣ проѣзда Государя Великаго Князя, адагумскій отрядъ повернулъ обратно и 4-го марта расположился на р. Афипсъ—для дальнѣйшихъ работъ и новыхъ дѣйствій противъ непріятеля. Къ 22-му марта было очищено отъ враждебнаго намъ населенія все пространство между Афипсомъ и Шебшемъ, къ югу отъ укр. Григорьевскаго, до впаденія въ послѣднюю рѣку Безенса, и по притоку Афипса—Хаве-Юкъ. Во время этихъ движеній, гдѣ участвовалъ и дивизіонъ сѣверцевъ, сорокъ одинъ непріятельскій аулъ покончилъ навсегда свое существованіе. Въ послѣдующіе четыре дня бы-

ли произведены двѣ весьма важныя рекогносцировки—хребта Папай и долины р. Пшады. Здѣсь участвовало 1½ эскадрона. Этими рекогносцировками опредѣлено наиболѣе удобное направленіе предположенной дороги съ Хабля на Пшаду и далѣе въ ущелье Кецегуръ.

Въ концѣ марта штабъ-квартира Сѣверскаго драгунскаго полка была перемѣщена въ станицу Хабльскую, а полковникъ Петровъ назначенъ, сверхъ своей должности, начальникомъ кордонной линіи (хабльско-абинской), вновь устроивавшейся отъ станицы Крымской, черезъ Абинъ, до станицы Хабльской. Эту обязанность онъ исполнялъ до 30-го сентября 1863-го года, когда окончательно водворены были всѣ станицы абинскаго полка *).

30-го апрѣля командующій войсками произвелъ на суднѣ рекогносцировку восточнаго берега Чернаго моря и осмотрѣлъ долину р. Джубги, куда черезъ четыре мѣсяца одинъ дивизіонъ сѣверцевъ, въ составѣ особаго отряда, перенесъ свою боевую дѣятельность. 3-го мая графъ Евдокимовъ прибылъ въ адагумскій отрядъ и вмѣстѣ съ нимъ произвелъ другую рекогносцировку черезъ хребетъ Папай, которая служила дополненіемъ предыдущей. Послѣдствіемъ этихъ двухъ рекогносцировокъ была новая программа дѣйствій адагумскаго отряда, преподавъ которую генералу Бабичу, командующій войсками выѣхалъ въ другіе пункты области. Программа эта состояла въ слѣдующемъ: заселеніе абинской долины, устройство двухъ станицъ (Мингрельской и Ильской), разработка дорогъ отъ бывшаго Николаевскаго укрѣпленія къ устью рѣки Мезеба и движеніе на Пшаду старой вельяминовской дорогой.

Адагумскій отрядъ, по отъѣздѣ графа Евдокимова, тотчасъ приступилъ къ указанному имъ плану дѣйствій. Хотя время отъ времени онъ имѣлъ боевыя стычки съ горцами (какъ напримѣръ, 12-го и 24-го мая), но онѣ не представляли ничего особенно выдающагося **). Со второй половины мая одинъ дивизіонъ сѣверцевъ находился преимущественно на кордонѣ и на покосахъ.

---

*) Донесеніе графа Евдокимова 30-го марта № 777, 8-го апрѣля № 60 и предписаніе его начальнику адагумскаго отряда 24-го апрѣля № 59.

**) За участіе 2-го эскадрона въ перестрѣлкѣ съ горцами 12-го мая ка-

Впрочемъ, это обстоятельство не лишило его столкновеній съ непріятелемъ, который пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ для своихъ нападеній вдоль нашей линіи. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ нихъ были столько же удачны для нашего противника, сколько неблагопріятны для лицъ или отдѣльныхъ командъ Сѣверскаго полка. Ими преимущественно обиловалъ май мѣсяцъ и въ особенности вторая половина его. Однако все же и горцы не оставались безнаказанными.

11-го мая между Пшецизскимъ и Сухохабльскимъ постами партія горцевъ, въ числѣ 50-ти человѣкъ, захватила въ плѣнъ одного рядоваго Сѣверскаго драгунскаго полка, ѣхавшаго на повозкѣ съ женою фельдшера крымскаго военнаго госпиталя, и скрылась въ лѣсу. По тревогѣ начальникъ Пшецизскаго поста бросился преслѣдовать партію, но поиски его оказались безуспѣшны. Тогда начальникъ кордонной линіи полковникъ Петровъ, не любившій оставаться въ долгу у горцевъ, воспользовавшись вслѣдъ за тѣмъ полученнымъ свѣдѣніемъ, что значительная партія находится въ сборѣ въ верховьяхъ Азипса, немедленно предпринялъ туда набѣгъ съ двумя эскадронами своего полка, однимъ баталіономъ кубанскаго казачьяго войска, пѣшими командами отъ частей гарнизона станицы Хабльской и четырмя сотнями, при одномъ конномъ орудіи. Набѣгъ увѣнчался достаточнымъ успѣхомъ: аулъ, находившійся въ верховьяхъ Азипса, сожженъ до тла; захвачено 8-мь человѣкъ плѣнныхъ и 70-тъ штукъ скота. Дѣло, конечно, не обошлось безъ перестрѣлки и безъ потерь съ обѣихъ сторонъ: у насъ раненъ одинъ казачій офицеръ и пять рядовыхъ; убито пять и ранено двѣ лошади.

Послѣдующія затѣмъ происшествія являются уже крупнѣе и важнѣе.

20-го мая съ Аушецкаго поста была выслана команда 1-го эскадрона сѣверцевъ, въ числѣ тридцати человѣкъ, для встрѣчи и пріема, по заведенному порядку, колонны, слѣдовавшей отъ Екатерининскаго поста въ ст. Хабльскую. Едва только команда достигла

питанъ Лозицкій произведенъ въ слѣдующій чинъ (приказъ по арміи 1864-го года № 249), а за перестрѣлку 24-го мая юнкеръ Македонскій произведенъ въ прапорщики.

половины предназначеннаго ей пути, какъ мгновенно выскочила изъ ближайшаго лѣса партія горцевъ человѣкъ въ семьсотъ и быстро окружила драгунъ. Сѣверцы, несмотря на крайнее неравенство силъ, выхвативъ шашки, бросились на нихъ, стараясь пробиться. Но этого удалось достигнуть только пятнадцати человѣкамъ, прискакавшимъ на Аушецкій постъ и сообщившимъ о происшествіи; двѣнадцать же пали на мѣстѣ, а три человѣка взяты въ плѣнъ. 12-го августа плѣнники были возвращены въ обмѣнъ на плѣнныхъ же горцевъ.

Эта самая партія (сколько можно думать) не оставляла кордона и въ послѣдующіе дни, такъ какъ некому болѣе приписать двухъ нападеній, случившихся непосредственно за симъ.

21-го мая, въ 8-мь часовъ утра, Сѣверскаго полка прапорщикъ баронъ Фитингофъ-Шель, съ однимъ унтеръ-офицеромъ и семью рядовыми, выѣхалъ съ Пшецизскаго на Сухохабльскій постъ, сопровождая хорунжаго кубанскаго казачьяго войска Камышина и нарочнаго казака, слѣдовавшаго изъ г. Екатеринодара въ штабъ адагумскаго отряда.

На половинѣ пути былъ оврагъ. Едва только команда спустилась въ него, какъ тотчасъ была атакована партіею горцевъ человѣкъ въ 150-тъ. По первому же залпу хорунжій Камышинъ, унтеръ-офицеръ, три драгуна и три лошади были убиты наповалъ, а баронъ Фитингофъ тяжело раненъ. На помощь къ Фитингофу бросился его деньщикъ, слѣдовавшій въ командѣ, и тутъ же, вмѣстѣ съ нимъ, былъ схваченъ горцами. Та же участь постигла и нарочнаго казака, и только остальнымъ четыремъ драгунамъ, израненымъ пулями и шашками, удалось какимъ-то счастливымъ образомъ избѣгнуть смерти, вывернуться изъ подъ дальнѣйшихъ ударовъ непріятеля и на израненыхъ лошадяхъ ускакать на Сухохабльскій постъ.

Подъ однимъ изъ нихъ, рядовымъ Басовымъ, былъ жеребецъ подъ названіемъ „астрологъ". Эта лошадь была до того тяжела и лѣнива, что на нее сажали только за наказаніе. Но послѣ того, какъ „астрологъ", получивъ нѣсколько ранъ, съ порубленнымъ крупомъ и рѣпицею, вынесъ своего сѣдока изъ клещей смерти, его всѣ очень полюбили, считали счастливымъ, и, по его выздоровленіи, сами просились ему въ сѣдоки.

По тревогѣ, два эскадрона изъ Ппецизскаго поста и одинъ изъ Сухохабльскаго примчались на мѣсто происшествія, но, къ несчастью, все дѣло было уже кончено: Фитингофъ, его деньщикъ и казакъ, вмѣстѣ съ виновниками своего злополучія, уже исчезли; убитые были ограблены; ихъ аммуниція и сѣдла съ убитыхъ лошадей сняты и увезены. Въ это время подоспѣли резервы, и началось преслѣдованіе партіи до укрѣпленія Ильскаго; но поиски опять были безплодны, потому что горцы уже разсѣялись въ разныя стороны. Только три изъ нихъ, отставшіе отъ прочихъ и случайно настигнутые, были изрублены драгунами.

Нѣтъ сомнѣнія, что непосредственно за симъ были приняты мѣры къ возвращенію плѣнныхъ. Они были выручены въ обмѣнъ на непріятельскихъ плѣнниковъ, съ придачею денежнаго выкупа, и доставлены въ полкъ перваго іюля. У Фитингофа оказалось пять ранъ: одна въ шею, одна въ спину и три въ лѣвую руку.

Такія двѣ удачи, какъ видно, обольстили горцевъ, и они рѣшились попытать счастья еще и въ третій разъ. На другой день, 22-го мая, партія ихъ, въ числѣ до пятидесяти человѣкъ, подстерегла на дорогѣ женщину, безпечно слѣдовавшую съ малолѣтнимъ своимъ сыномъ съ Аушецкаго поста къ новоекатерининской переправѣ, убила мальчика и захватила въ плѣнъ его мать. По тревогѣ, съ Аушецкаго поста вынесся полуэскадронъ драгунъ, подъ командою поручика Гоппе 1-го. Прискакавъ на мѣсто происшествія и обнаруживъ отсюда слѣды партіи, Гоппе помчался за нею въ ближайшій лѣсъ. Лишь только драгуны подскакали къ опушкѣ, какъ встрѣчены были внезапно выставившеюся оттуда партіею въ триста человѣкъ пѣшихъ горцевъ. Драгуны, не считая въ эту минуту своихъ враговъ, врѣзались въ толпу, изрубили нѣсколько человѣкъ и потѣснили остальныхъ. Но въ это мгновеніе на флангѣ ихъ показалась партія конныхъ, въ пятьсотъ человѣкъ, быстро охватившая горсть удальцовъ. Не теряя присутствія духа и сообразивъ всю безполезность какъ атаки, такъ и отступленія, поручикъ Гоппе спѣшилъ полуэскадронъ и, по офиціальному донесенію генерала графа Евдокимова, „молодецки“ отстрѣливался на всѣ стороны, отражая горцевъ и этимъ удерживая ихъ отъ понятнаго и естественнаго стремленія разда-

вить его своею числительностью. Однако, какъ ни геройски отстаивали себя драгуны—затруднительное положеніе ихъ съ минуты на минуту быстро ухудшалось, и всѣмъ имъ угрожала одна общая участь—славная и вѣрная гибель. Но выручили свои же товарищи: по дорогѣ отъ Хабля зачернѣла туча пыли, потомъ раздался дружный топотъ копытъ, и вскорѣ показалось полтора эскадрона сѣверцевъ, готовившихся врѣзаться въ скопище. Горцы, увидѣвъ такую рѣшимость драгунъ, летѣвшихъ на выручку, заблагоразсудили лучше не сталкиваться съ ними, хотя были по крайней мѣрѣ впятеро многочисленнѣе ихъ, и прежде, чѣмъ сѣверцы подскакали на близкій ружейный выстрѣлъ—отъ непріятеля уже и слѣдъ простылъ.

Въ полуэскадронѣ Гоппе было убито пять человѣкъ и шесть лошадей, ранено шесть человѣкъ.

Всѣ эти случаи указали на необходимость усилить бдительность на хабльской линіи, почему и приступлено было къ устройству между Пшецизскимъ и Сухохабльскимъ постами еще одного промежуточнаго поста. Обязанность постройки его выпала на долю драгунъ и преимущественно на людей резервнаго эскадрона, вслѣдствіе чего и самый постъ названъ „Сѣверскимъ“. Онъ окончепъ 22-го іюня *).

Генералъ Бабичъ, понудивъ натухайцевъ войсками отряда къ скорѣйшему переселенію на указанныя имъ мѣста между рѣками Псепсъ и Гечепсинъ, 10-го іюня приступилъ къ возведенію станицы Ильской. Когда же къ концу іюля мѣсяца станицы адагумскаго полка были устроены, то укрѣпленія Адагумское, Крымское и Неберджайское были упразднены **).

Теперь всѣ труды отряда были направлены на скорѣйшее заготовленіе запасовъ сѣна. Въ этой дѣятельности приняли участіе три эскадрона, за исключеніемъ одного сборнаго, оставленнаго въ составѣ отряда, строившаго Ильскую станицу. Эскадронъ этотъ вмѣстѣ съ отрядомъ перешелъ на рѣку Убинъ.

Этотъ періодъ времени для хозяйственнаго состоянія полка,

---

*) Донесеніе начальника адагумскаго отряда 9-го іюля № 1135.
**) Приказъ по арміи 22-го іюля № 322.

вслѣдствіе сухихъ отношеній полковника Петрова и генерала Бабича, былъ тяжелый: на драгунскихъ строевыхъ лошадяхъ, по распоряженію начальника отряда, перевозилось сѣно для другихъ частей войскъ, преимущественно для казачьей артилеріи. Хотя на видъ такое стѣсненіе иной разъ казалось бы и не особенно важнымъ, но въ походномъ, да притомъ въ боевомъ быту, гдѣ столь дорога сила каждой лошади, оно являлось для полка весьма чувствительнымъ.

Такъ все длилось до половины августа, когда послѣ окончанія покоса и работъ получено было неожиданное и вмѣстѣ съ тѣмъ лишь *предварительное* распоряженіе *), чтобы 5-е резервные эскадроны драгунскихъ полковъ кавказской арміи посадить на лошадей и сформировать 6-е резервные эскадроны, закупивъ для первыхъ по 137-ми лошадей тотчасъ по полученіи денегъ изъ интендантства. Дѣло являлось повидимому спѣшнымъ и къ исполненію его, не ожидая приказа по арміи, было приступлено немедленно.

Одновременно съ этимъ одинъ изъ эскадроновъ Сѣверскаго полка, бывшій до сихъ поръ на покосѣ, присоединился къ прочимъ войскамъ адагумскаго отряда и на другой день, пройдя вмѣстѣ съ ними по вновь проложенной дорогѣ чрезъ гору Кушарухо на южный склонъ Кецегура, расположился лагеремъ у рѣкъ Гошъ и Куапузъ. Тотчасъ приступлено было къ дорожнымъ работамъ на этомъ склонѣ отъ перевала у Кушарухо въ ущелье Адерби **). Изъ остальныхъ войскъ, освободившихся отъ покоса, и главнаго резерва абинской линіи, была образована въ станицѣ Шапсугской особая колонна (девять ротъ, дивизіонъ сѣверцевъ и четыре конныхъ орудія), которая, одновременно съ главными силами отряда, выступила черезъ бывшее укрѣпленіе Кабардинское къ Геленджику, гдѣ съ 16-го числа начала постройку укрѣпленнаго поста ***).

---

*) Предписаніе командующему войсками Кубанской области отъ 1-го августа 1863-го года № 1513.

**) Среди этихъ работъ, 18-го августа охотничьими командами былъ произведенъ набѣгъ въ аулъ, находившійся при истокахъ Адерби, и захвачено тамъ одно орудіе.

***) Донесеніе 1-го сентября № 1448.

Съ этой минуты нужно считать новый періодъ дѣйствій адагумскаго отряда, и причины этому, вытекавшія изъ тогдашняго положенія края, состояли въ слѣдующемъ:

1) Натухайцы переселились окончательно; абадзехи также изъявили покорность и согласились на переселеніе, срокъ котораго былъ назначенъ къ 1-му февраля 1864-го года. Хотя ихъ покорность была видимая, но командующій войсками, вслѣдствіе прежнихъ опытовъ, недовѣрялъ ей вполнѣ *). 2) Программа, начертанная графомъ Евдокимовымъ адагумскому отряду въ маѣ мѣсяцѣ, къ концу августа была имъ выполнена во всѣхъ подробностяхъ, и общее положеніе нашихъ дѣлъ было такого рода, что мы къ концу августа завладѣли всѣми доступами съ южнаго склона на бѣлорѣченскую линію, упрочили за собою полное владѣніе горною мѣстностью между Кубанью и большою Лабою и имѣли у себя въ рукахъ, за незначительнымъ исключеніемъ, всю сѣверную покатость кавказскаго хребта. Исключеніе это генералъ Евдокимовъ считалъ неважнымъ, а самымъ главнымъ и передовымъ вопросомъ ставилъ занятіе теперь южной покатости хребта.

Съ этою цѣлью всѣ войска Кубанской области въ концѣ августа получили иное назначеніе, причемъ образовано было шесть отрядовъ: адагумскій, джубгскій, даховскій, пшехскій, хамышейскій и малолабинскій.

Въ составъ джубгскаго отряда, ввѣреннаго генералъ-маіору графу Сумарокову-Эльстону, вступила часть войскъ изъ адагумскаго и пшехскаго отрядовъ, съ нижне-лабинской кордонной линіи и войска, прибывшія изъ города Ставрополя. Изъ адагумскаго отряда переведенъ былъ сюда и одинъ дивизіонъ сѣверцевъ.

Въ это время дивизіонами командовали: первымъ маіоръ Петровъ, вторымъ полковникъ Бѣлюстинъ.

Съ этой минуты вся боевая и послѣдняя въ Кубанской области дѣятельность сѣверцевъ распадается на два отряда—адагумскій и джубгскій. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою отдѣльную задачу и поэтому о каждомъ необходимо сказать особо.

---

*) Письмо отъ 16-го сентября 1863-го года графа Евдокимова къ начальнику главнаго штаба кавказской арміи.

Въ теченіе сентября все пространство въ раіонѣ адагумскаго и абинскаго полковъ было очищено отъ туземцевъ, которые частью выселились на указанныя имъ мѣста, а частью отправились въ Турцію. Послѣ этого, всѣ колонны адагумскаго отряда, дѣйствовавшія въ разныхъ направленіяхъ, собрались 27-го сентября у Андрониковскаго поста и перешли на южный склонъ Кецегура. Здѣсь онѣ приступили къ разработкѣ дороги въ ущелье Адерби, вмѣстѣ съ войсками, находившимися уже на этой дорогѣ.

Во время этихъ работъ на долю 2-го дивизіона выпала весьма тяжелая задача: ему пришлось перевозить на вьюкахъ своихъ лошадей массу шанцеваго инструмента, причемъ ломы обыкновенно связывались фуражными арканами въ два пучка и перекидывались черезъ сѣдло, а сѣдоки въ это время шли пѣшкомъ. Однажды случилось такъ, что молодой конь испугался чего-то, вырвался и понесся впередъ, толкая и опрокидывая другихъ лошадей, также навьюченныхъ всякимъ инструментомъ. Хорошо еще, что этотъ конь скоро свалился въ кручу—иначе бы дѣло не обошлось одною только суматохою.

Всѣ движенія и дѣйствія адагумскаго отряда заставили абадзеховъ еще разъ предъявить намъ свои увѣренія въ совершенной покорности. Теперь уже и графъ Евдокимовъ не сомнѣвался въ ней болѣе и въ приказѣ по этому случаю по войскамъ Кубанской области *) выразился такъ: „мы не имѣемъ болѣе непріятеля на сѣверномъ склонѣ главнаго хребта, и слѣдовательно умиротвореніе этого склона западнаго Кавказа можетъ считаться дѣломъ рѣшеннымъ окончательно“.

Пока все это происходило на театрѣ военныхъ дѣйствій, внутренній бытъ сѣверцевъ быстро видоизмѣнялся: 28-го сентября прибылъ на Аушецкій постъ экстренный ремонтъ молодыхъ лошадей для 5-го эскадрона, и съ той минуты началось фактическое переформированіе полка, завершившееся въ декабрѣ мѣсяцѣ прибытіемъ въ полкъ нижнихъ чиновъ на укомплектованіе 6-го эскадрона.

Съ октября мѣсяца всѣ военныя средства Кубанской области

---

*) 8-го октября 1863-го года № 58.

были обращены къ завоеванію южнаго склона хребта. Въ адагумскомъ и джубгскомъ отрядахъ, гдѣ участвовали сѣверцы, это завоеваніе происходило преимущественно посредствомъ разработки дорогъ, вытѣсненія горскаго населенія, устройства нами поселеній и укрѣпленныхъ пунктовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что были почти постоянныя схватки съ непріятелемъ, отстаивавшимъ послѣдніе дни своего существованія на западномъ Кавказѣ, но эти схватки не доходили до широкихъ размѣровъ, потому что горское населеніе не имѣло теперь возможности противодѣйствовать намъ соединенными силами.

Результатъ нашихъ дѣйствій въ октябрѣ мѣсяцѣ былъ слѣдующій: дорожныя работы до р. Адерби и на перевалъ Вардовуй были окончены; уничтожены аулы и вытѣснено все населеніе на р. Пшадѣ и въ ущельяхъ рѣкъ Декоса и Вулана, гдѣ мы имѣли перестрѣлку въ теченіе цѣлаго дня; произведены нѣкоторыя рекогносцировки и наконецъ—что самое важное—24-го октября занята долина Джубги.

Послѣ этого началось очищеніе отъ туземцевъ горнаго пространства между рѣками Джубгою и Пшадою, Вуланомъ и Джубгою.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ войска дѣйствовали отдѣльными колоннами—иногда одновременно, но большею частью послѣдовательно, всегда съ участіемъ драгунъ. Болѣе выдающіяся схватки съ непріятелемъ происходили 28-го и 29-го октября при дѣйствіяхъ нашихъ колоннъ въ верховьяхъ Вулана и по рѣкамъ Бжиду и Телепсу, въ особенности же 30-го числа, при движеніи къ устью рѣки Джубги и оттуда вверхъ по ней. Весь этотъ день прошелъ въ оживленной перестрѣлкѣ, а верстахъ въ двухъ отъ устья р. Джубги горцы заняли на скалистомъ берегу Чернаго моря такую сильную и закрытую отъ нашихъ выстрѣловъ позицію, что пѣхотѣ каждый шагъ приходилось брать съ боя. Чтобы одолѣть непріятеля безъ значительныхъ потерь, оставалось обойти его, но для этого могла служить только единственная тропа между моремъ и скалистымъ берегомъ, постоянно заливаемая волнами. Пришлось воспользоваться ею по необходимости—и въ обходъ былъ направленъ 4-й эскадронъ

маіора Авинова. Слѣдуя перемѣнными аллюрами, сперва съ трудомъ, потому что вода мѣшала движенію лошадей, а потомъ нѣсколько свободнѣе и потерявъ при этомъ раненымъ вахмистра и пять лошадей, эскадронъ однако исполнилъ эту трудную задачу и своимъ появленіемъ въ тылу у горцевъ такъ ихъ озадачилъ, что они тотчасъ бросили позицію, уступили ее пѣхотѣ, и сами пустились бѣжать. Драгуны переправились вплавь черезъ Джубгу, настигли ихъ и разсѣяли—при чемъ непріятель оставилъ на мѣстѣ семь тѣлъ. У сѣверцевъ же, между прочимъ, раненъ прапорщикъ Пышненко *).

Въ теченіе ноября мѣсяца адагумскій отрядъ оперировалъ по рѣкамъ Тхабѣ и Пшадѣ, очистилъ отъ непріятеля все нагорное пространство къ западу отъ послѣдней рѣки, проложилъ и разработалъ дорогу на хребетъ Шемджегатль и уничтожилъ поселенія по Убину, Афипсу и Шебшу. Послѣ этого онъ сталъ 20-го числа лагеремъ у р. Шапсухо и оттуда предпринялъ движеніе вдоль морскаго берега къ р. Туапсе; затѣмъ онъ спустился окольною дорогою въ долину Шапсухо. Въ этотъ день было нѣсколько перестрѣлокъ съ нашими цѣпями, а драгунамъ, находившимся въ колоннѣ подполковника князя Голицына, представился случай произвести двѣ атаки, послѣ которыхъ въ ихъ рукахъ осталось шесть тѣлъ и трое плѣнныхъ. Окончивъ къ концу ноября дорожныя и строительныя работы по Бжиду и между рѣками Джубгою и Шапсухо, отрядъ 30-го ноября передвинулся къ р. Нечепсухо, уничтоживъ гдѣ было возможно всѣ горскія поселенія.

Такія энергическія дѣйствія отряда заставили до тысячи болѣе миролюбивыхъ семействъ выйти къ намъ съ покорностью. Ближайшіе же шапсуги и убыхи, недовольные поведеніемъ этихъ семействъ, начали собираться въ значительныя партіи, разъѣзжали по ауламъ, отнимали у покорявшихся жителей ихъ дѣтей, имущество, скотъ и всѣмъ этимъ хотѣли ихъ возбудить противъ насъ. Чтобы наказать возмутителей и положить предѣлъ ихъ подстрека-

---

*) За эти дѣла поручикъ фонъ-Валь произведенъ въ штабсъ-капитаны, а прапорщикъ Пышненко въ поручики (приказъ по арміи 19-го ноября № 268).

тельствамъ, одною колонною адагумскаго отряда, въ составѣ между прочимъ всего дивизіона сѣверцевъ, было истреблено много ауловъ по рѣкамъ Нечепсухо, Псебе и Ту и въ этомъ числѣ важнѣйшій изъ нихъ—Небухъ.

Послѣднее движеніе адагумскаго отряда было въ началѣ декабря къ устью рѣки Востогако и оттуда въ бассейнъ Нечепсухо. Такъ какъ въ это время онъ вошелъ въ раіонъ дѣйствій джубгскаго отряда, то командующій войсками, въ видахъ единства въ управленіи военными предпріятіями на пространствѣ отъ Шебша и Шапсухо до Псекупса и Туапсе, приказалъ отдѣлить отъ него одну часть войскъ въ джубгскій отрядъ, а другую направить для охраненія края отъ Джубги до Геленджика. Распоряженіе это было приведено въ исполненіе 7-го декабря, и съ этой минуты адагумскій отрядъ прекратилъ свое существованіе. Изъ дивизіона сѣверцевъ одинъ сводный эскадронъ былъ спущенъ въ штабъ-квартиру—какъ по случаю зимняго времени и значительнаго уменьшенія прорыва непріятельскихъ партій, такъ равно и для сбереженія запасовъ экстреннаго сѣна, заготовленнаго на передовыхъ пунктахъ *), а другой, также сводный, подъ командою штабсъ-капитана Липницкаго, былъ расположенъ у Шадскаго поста до смѣны его казаками, ожидавшимися со дня на день съ кубанской линіи. Назначеніе этого эскадрона заключалось въ содѣйствіи войскамъ, охранявшимъ линію отъ Джубги до Геленджика и въ наблюденіи за проходами въ горы. Имѣя въ виду непродолжительность стоянки, эскадронъ выступилъ изъ отряда по назначенію налегкахъ, съ незначительнымъ количествомъ сухарей и съ одною палаткою. Но вмѣсто нѣсколькихъ дней ему пришлось пробыть на посту цѣлый мѣсяцъ, потому что казаки не приходили. Нечего и говорить, что положеніе драгунъ было наихудшее, какое только можно себѣ вообразить, и единственная услада состояла только въ томъ, что топлива было вдоволь, и огонь горѣлъ неугасаемый двадцать четыре часа въ сутки. За то, въ сухаряхъ былъ полный недостатокъ, и если бы въ этомъ случаѣ время отъ времени не выручала рота крымскаго полка, которая стояла

*) Предписаніе начальнику натухайскаго округа 3-го декабря № 303.

на томъ же посту, то хоть умирай отъ голода. Фуража же на посту вовсе не было, а добываніе его было сопряжено съ ужаснымъ трудомъ, потому что вокругъ все было выѣдено отрядами.

На измученныхъ и подбитыхъ лошадяхъ приходилось иногда отправляться на поиски фуража верстъ за 25—30, и нерѣдко возвращаться съ пустыми руками. Въ такіе критическіе дни лошадей довольствовали древесными прутьями. Одинъ разъ добываніе фуража обошлось драгунамъ такъ дорого, какъ рѣдко обходились многія боевыя схватки съ непріятелемъ во время похода. Взводъ, посланный на фуражировку, какъ-то забрался далѣе обыкновеннаго и въ одномъ изъ ущелій наткнулся на маленькій аулъ, какими то невѣдомыми судьбами уцѣлѣвшій отъ общаго разгрома. Возлѣ сакль въ загонѣ, копошилось нѣсколько штукъ рогатой скотины и возвышались копны сѣна. Столь отрадное и давно невиданное зрѣлище заставило драгунъ забыть всѣ предосторожности и они, какъ бы въ полуопьяненіи, бросились на эти сокровища. Но едва только руки ихъ коснулись этого добра, какъ изъ сакли раздался залпъ—и двухъ драгунъ свалило съ лошадей. Тогда остальные спѣшились и бѣгомъ бросились къ саклямъ. Горцы стали уходить, поддерживая однако перестрѣлку, среди которой былъ раненъ еще одинъ драгунъ. Но успѣли уйти не всѣ, и тѣ, которые оставались въ сакляхъ, живо пали подъ штыками фуражировъ. Этимъ заключилось дѣло. Перевязавъ своихъ раненыхъ товарищей и навьючивъ лошадей фуражемъ и однимъ убитымъ, а также захвативъ двухъ лошадей и нѣсколько штукъ скота, драгуны возвратились на постъ.

Аульчикъ, оставленный съ той минуты горцами, снабжалъ драгунъ фуражемъ до послѣднихъ дней ихъ пребыванія въ невольномъ заточеніи.

Наконецъ, послѣ 16-го января прибыла давно жданная сотня. Эскадронъ въ тотъ же день снялся съ поста и почти безъ остановки, на голодныхъ и измученныхъ лошадяхъ, въ двое сутокъ съ небольшимъ, отмахалъ около 250-ти верстъ до мѣста расположенія полка.

Джубгскій отрядъ открылъ свои дѣйствія 28-го августа движеніемъ по шебшскому ущелью и въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ,

до минуты занятія долины р. Джубги, оперировалъ въ раіонѣ рѣкъ Шебша, Псехабе, Безепса и Адыгако.

Горцы большею частью не только не обнаруживали никакого сопротивленія, но нерѣдко съ особенною предупредительностью выражали намъ свою покорность и даже высылали иногда своихъ старшинъ съ объявленіемъ желанія выселиться по нашему указанію.

Къ числу главныхъ работъ отряда принадлежитъ постройка станицы Ставропольской, въ четырнадцати верстахъ отъ укрѣпленія Григорьевскаго. Затѣмъ, все время проходило, какъ и въ раіонѣ адагумскаго отряда, въ устройствѣ постовъ, разработкѣ дорогъ, рекогносцировкахъ и уничтоженіи ауловъ, которые мѣшали нашимъ дѣйствіямъ.

До 12-го октября колонны отряда, съ участіемъ сѣверцевъ, имѣли слѣдующія перестрѣлки съ горцами: 17-го сентября при обратномъ движеніи съ перевала Цоэтхъ къ р. Адыгако, съ 18-го по 26-е число при уничтоженіи ауловъ вокругъ мѣста лагернаго расположенія у сліянія Шебша и Адыгако, и 6-го октября при рекогносцировкѣ вверхъ по Шебшу, куда съ 12-го числа перенесена была рабочая дѣятельность отряда, при чемъ предварительно очищена отъ туземнаго населенія вся долина рѣки Адыгако.

14-го октября въ трехъ верстахъ отъ перевала черезъ главный хребетъ, называемаго Шапсукотхъ, на курганѣ Шабанъ было избрано мѣсто для устройства передоваго поста, который на первое время служилъ бы опорнымъ пунктомъ легкихъ колоннъ для наступательныхъ дѣйствій на южномъ склонѣ. Занявъ новую позицію, начальникъ отряда графъ Сумароковъ-Эльстонъ послалъ команду охотниковъ, эскадронъ драгунъ и сотню казаковъ преслѣдовать отступавшіе отсюда непріятельскіе пикеты. По слѣдамъ ихъ драгуны, охотники и казаки поднялись на главный хребетъ, уничтожили тамъ три значительныхъ аула и возвратились въ лагерь съ потерею одного раненаго и одной убитой лошади. Такъ все длилось до 22-го октября, когда командующій войсками, получивъ извѣстіе объ окончаніи главныхъ работъ въ шебшскомъ ущельи, предписалъ генералъ-маіору графу Сумарокову-Эльстону открыть наступленіе въ долину Джубги, составлявшую главную цѣль, для достиженія кото-

торой отрядъ понесъ столько трудовъ въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ.

Занятіе этого важнаго пункта произошло, сверхъ ожиданія, безъ значительныхъ хлопотъ и потерь слѣдующимъ образомъ: 23-го октября сосредоточены были у передоваго поста на Шебшѣ, подъ начальствомъ командира ставропольскаго пѣхотнаго полка полковника Левашева, 18-ть ротъ пѣхоты, команда пѣшихъ охотниковъ въ 150-тъ человѣкъ, дивизіонъ драгунъ и три сотни казаковъ, при взводѣ горныхъ орудій. Въ четыре часа утра, 24-го октября, эти войска, имѣя при себѣ на 5-ть дней продовольствія, выступили на перевалъ черезъ главный хребетъ тремя эшелонами.

Перевалившись черезъ хребетъ, отрядъ спустился къ устью Шапсухо и слѣдовалъ вверхъ по теченію этой рѣки до плоской возвышенности Псеэтамъ.

Тутъ головныя части авангарда были встрѣчены залпомъ передовыхъ партій, намѣревавшихся преградить отряду дальнѣйшее наступленіе въ долину Джубги; но эти партіи были разсѣяны, и войска, перейдя къ устью рѣки Дефанъ, перевалились черезъ водораздѣлъ этой рѣки съ Джубгою въ долину сей послѣдней.

Пользуясь смятеніемъ, происшедшимъ среди населенія джубгской долины вслѣдствіе неожиданнаго появленія въ ней нашего отряда, полковникъ Левашевъ двинулъ на рысяхъ впередъ двѣ сотни казаковъ, которыя, спустившись на двѣ версты внизъ по Джубгѣ, захватили въ плѣнъ 10-ть душъ обоего пола. Вслѣдъ за этими двумя сотнями прибыли прочія части отряда и расположились для привала.

Послѣ полуторачасоваго отдыха отрядъ двинулся далѣе. Это движеніе уже не было такъ затруднительно, какъ предыдущее, потому что безлѣсная долина Джубги, все болѣе и болѣе расширяющаяся, отняла у непріятеля возможность приближенія къ отряду секретными мѣстами. Невдалекѣ отъ морскаго берега, у устья Джубги, открыты были два большихъ аула, обнесенные палисадомъ. Въ верстѣ отъ нихъ авангардъ, въ которомъ находился эскадронъ драгунъ, былъ остановленъ, выстроенъ въ боевой порядокъ и направленъ на аулы. Несмотря на стойкость горцевъ, аулы были взя-

ты и одновременно съ этимъ частью авангарда занято устье Джубги. При происшедшей по этому случаю перестрѣлкѣ у насъ убито 2 рядовыхъ, проводникъ и 11-ть лошадей; ранены: 1 оберъ-офицеръ, 11-ть рядовыхъ и 4 лошади.

Въ аулахъ джубгской долины и при устьѣ Джубги было найдено пять орудій *), шесть жестяныхъ ящиковъ съ порохомъ, патронами и артилерійскими зарядами, болѣе ста гранатъ и ядеръ **), стрѣлы и копья на длинныхъ шестахъ, три кочермы безъ груза, множество разнаго хлѣба, соли и разные товары, которые были сожжены.

На другой день началось уничтоженіе окрестныхъ непріятельскихъ поселеній. 26-го числа отрядъ снялся съ позиціи и двинулся обратно тою же дорогою, по которой наступалъ. Уничтожая по сторонамъ аулы и разгоняя партіи горцевъ, вступавшія съ нимъ въ перестрѣлку, онъ на другой день сосредоточился у передоваго поста на Шебшѣ и 29-го октября распущенъ по своимъ мѣстамъ для продолженія работъ.

По окончаніи этихъ работъ, 31-го октября, подвижныя силы джубгскаго отряда вновь перенесли дѣйствія на южный склонъ кавказскаго хребта въ бассейнъ Шапсухо. Это движеніе, набѣгъ, произведенный 24-го числа и операціи въ то же время адагумскаго отряда, на пространствѣ между рѣками Пшадою и Джубгою, заставили всю массу туземнаго населенія очистить южный склонъ отъ самаго Геленджика до Шапсухо, и подвинуться оттуда къ востоку, къ истокамъ Шапсухо и Нечепсухо. Чтобы оттѣснить его еще далѣе и очистить повозможности все пространство, прилегавшее къ устроивавшемуся тогда нами сообщенію съ долиною Шебша на южный склонъ, предпринято было 15-го ноября движеніе черезъ главный хребетъ въ верховья Шапсухо тремя колоннами. 18-го ноября оба отряда, адагумскій и джубгскій, вошли наконецъ въ связь на

*) Три чугунныя пушки: одна 18-ти, другая 12-ти и третья 3-хъ-фунтоваго калибра, одна каронада и 1/4 пудовый мѣдный единорогъ; пушки заклепаны и брошены въ море; каронада и единорогъ взяты.

**) Брошены въ море.

р. Дефанѣ, а 23-го числа, соединившись у устья Шапсухо, занялись устройствомъ тамъ складочнаго пункта для дальнѣйшихъ дѣйствій вдоль морскаго берега.

1-го декабря произведены были движенія къ верховьямъ и среднему теченію Нечепсухо, по мѣстности пересѣченной, сперва подъ проливнымъ дождемъ, а потомъ среди сильной мятели. Послѣ этого отрядъ, перевалившись въ бассейнъ Псекупса, очистилъ отъ туземцевъ лѣвый берегъ этой рѣки и приступилъ къ открытію временной кордонной линіи отъ города Екатеринодара черезъ Энемскій постъ къ псекупскимъ минеральнымъ водамъ, оттуда вверхъ по Псекупсу на перевалъ и далѣе внизъ по Шапсухо до устья этой рѣки. 11-го декабря джубгскій отрядъ возвратился въ укр. Григорьевское *).

Здѣсь дивизіонъ сѣверцевъ былъ спущенъ въ свою штабъ-квартиру въ силу того же распоряженія и тѣхъ же причинъ, по которымъ другіе два эскадрона были исключены изъ состава адагумскаго отряда **).

Возвратясь на квартиры, сѣверцы застали здѣсь нижнихъ чиновъ, прибывшихъ 10-го декабря въ станицу Хабльскую для сформированія 6-го резервнаго эскадрона, въ числѣ 163-хъ человѣкъ, изъ числа безсрочно-отпускныхъ отъ десяти до девятнадцатилѣтняго срока службы, выпущенныхъ въ свое время изъ состава армейской кавалеріи. Вмѣстѣ съ ними и только теперь былъ полученъ приказъ по арміи отъ 27-го ноября за № 468, съ приложеніемъ штата, обязывавшій немедленно привести въ исполненіе, на основаніи предварительныхъ распоряженій, переформированіе полка въ шести-эскадронный составъ. Къ концу мѣсяца распоряженіе это осуществилось сполна, и полкъ вернулся къ прежнему своему составу, но безъ подраздѣленія на дивизіоны. По штату въ двухъ резервныхъ эскадронахъ на-

---

*) Донесенія графа Евдокимова отъ 4-го и 23-го ноября №№ 1765 и 1888; 14-го, 16-го и 23-го декабря №№ 1951, 1962 и 2019 и 4-го января 1864-го года № 21.

**) Предписаніе начальнику джубгскаго отряда отъ 3-го декабря 1863-го года № 304.

ходилось 274 конныхъ нижнихъ чина (кромѣ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся), 58-мь человѣкъ пѣшихъ и 44 для ремонтной команды.

Боевая дѣятельность Сѣверскаго драгунскаго полка закончилась. Онъ былъ размѣщенъ поэскадронно въ станицахъ нижнекубанской кордонной линіи, подъ главнымъ начальствомъ наказнаго атамана, и со дня на день ожидалъ распоряженія о выступленіи изъ области, такъ какъ командиръ полка, въ бытность свою въ Ставрополѣ, заблаговременно получилъ о томъ предупрежденіе отъ командующаго войсками.

9-го февраля послѣдовало экстренное предписаніе графа Евдокимова къ наказному атаману кубанскаго казачьяго войска о немедленномъ выступленіи Сѣверскаго полка въ Терскую область, гдѣ требовалось усиленіе войскъ по случаю возникшихъ въ Чечнѣ волненій. Въ промежутокъ времени по 22-е февраля эскадроны стянулись въ штабъ-квартиру полка, въ станицу Хабльскую, быстро устроились къ походу, 26-го числа выступили однимъ эшелономъ и къ 1-му марта были уже въ городѣ Екатеринодарѣ. Въ станицѣ Хабльской временно былъ оставленъ конный лазаретъ и часть имущества, а для присмотра за ними инвалидная рота.

Полкъ выступилъ 1-го марта, въ составѣ четырехъ дѣйствующихъ и двухъ резервныхъ эскадроновъ, на станицу Старо-Корсунскую, 12-го былъ уже въ Прочномъ-Окопѣ, 20-го въ станицѣ Баталпашинской и 26-го марта прибылъ въ раіонъ Терской области, въ городъ Пятигорскъ.

Съ выступленіемъ сѣверцевъ, т. е. къ 1-му марта 1864-го года, слѣдуетъ считать окончательно рѣшенною и вторую главную нашу задачу на западномъ Кавказѣ, именно—покореніе южнаго склона хребта. Если затѣмъ и оставалась еще враждебною намъ земля убыховъ, да нѣкоторыя изъ мелкихъ горныхъ обществъ, въ родѣ Псху, Ахчипсху, Аибги, то все это были такія мелочи, о которыхъ въ то время не приходилось много разговаривать. И дѣйствительно, убыхи покончили свое существованіе черезъ полтора мѣсяца, а прочія мелкія населенія—еще мѣсяцъ спустя, и 21-го мая того же года война на западномъ Кавказѣ завершилась навсегда, можно

смѣло сказать—на вѣки вѣчные. Такой результатъ нашей четырехлѣтней борьбы и вообще безусловная невозможность какой бы то ни было въ будущемъ войны на западномъ Кавказѣ были естественнымъ послѣдствіемъ той системы, которую мы примѣнили къ этой части края, именно—выселенія и заселенія. Изъ враждебныхъ намъ народностей едва шестая часть, по количеству жителей, осталась въ предѣлахъ области, централизованная у насъ на глазахъ и подъ рукою, на видныхъ мѣстахъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ нашихъ войскъ; остальныя же должны были выселиться въ Турцію, гдѣ имъ обѣщано было такъ много радужныхъ условій для существованія, и гдѣ онѣ большею частью нашли голодъ, нужду и деспотизмъ власти. Послѣ этого весьма понятно, что намъ и не съ кѣмъ болѣе воевать. На мѣстахъ, гдѣ были отдѣльные и большею частью зажиточные аулы, хутора и дачи, возникли десятки нашихъ обширныхъ станицъ—и идея заселенія края осуществилась во всемъ широкомъ ея размѣрѣ. По мѣрѣ того, какъ со дня на день исчезали массы непріятельскихъ жилищъ—возникали поселенія *русскія*, и ко дню окончанія войны край вполнѣ измѣнилъ свою физіономію и сдѣлался неузнаваемъ. Исторія представляетъ намъ рѣдкіе примѣры такихъ быстрыхъ и главное—положительныхъ результатовъ покоренія обширнаго края, съ его естественною недоступностью, вмѣщавшаго въ себѣ и громаднѣйшую живую оборону—такъ какъ каждый горецъ былъ никто иной, какъ заповѣдный воинъ, а всѣ они вмѣстѣ—одна обширная, единоплеменная и единомыслящая армія.

Послѣ этого, не нужно долго трудиться надъ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, почему окончаніе войны на западномъ Кавказѣ такъ много порадовало нынѣ въ Бозѣ почившаго Монарха и составило предметъ восторга представителей нашей кавказской арміи, возбудивъ у нихъ въ то же время почти благоговѣйныя чувства къ трудамъ и дѣятельности нашего солдата.

Государь Императоръ, получивъ въ 1864-мъ году къ высокоторжественному дню рожденія донесеніе о подвигахъ нашихъ войскъ по окончательному покоренію шапсуговъ и убыховъ, изволилъ удостоить Великаго Князя командующаго арміею слѣдующими милостивыми словами: „...*лучшаго подарка получить не могъ. Спасибо*

отъ души Тебѣ, графу Евдокимову и славнымъ нашимъ войскамъ" *). Спустя немного времени, Его Императорское Величество удостоилъ Государя Великаго Князя новымъ рескриптомъ, который ясно выразилъ собою не только то особенное удовольствіе Императора, о которомъ замѣчено выше, но охарактеризовалъ вполнѣ, хотя и немногими штрихами, заслуги Августѣйшаго Вождя, дѣятельность ввѣренной Ему арміи и результаты этой дѣятельности. Рескриптъ этотъ имѣетъ еще и особую историческую важность, потому что въ немъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ возведенъ Государемъ въ званіе главнокомандующаго арміею. Когда же затихъ послѣдній выстрѣлъ въ горахъ западнаго Кавказа, то послѣдовавшій въ тотъ же день приказъ Его Императорскаго Высочества еще разъ какъ нельзя рельефнѣе оповѣстилъ Россію обо всѣхъ трудахъ и доблестяхъ, которые стяжали наши войска въ Кубанской области, и этимъ достойно увѣнчалъ навсегда незапамятныя заслуги покорителей западнаго Кавказа.

Послѣднимъ же выраженіемъ и оцѣнкою заслугъ боевыхъ войскъ Кубанской области былъ приказъ графа Евдокимова, отданный по совершенномъ прекращеніи войны, въ которомъ этотъ маститый вождь, ближайшій виновникъ славы нашего современнаго кавказскаго солдата, съ поражающею и достойною великаго дѣятеля скромностью, сложилъ на него съ своей головы даже собственные побѣдные лавры.

---

*) Приказъ по кавказской арміи 1864-го года № 143.

КАРТА
ЧАСТИ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ
I. Натухайцы
II. Шапсуги
III. Бжедухи
IV. Абадзехи
V. Убыхи
ЕКАТЕРИНОДАРЪ
Новороссійскъ
Черное море
Майконъ
Ст. Сѣверская
Укр. Григорьевское
Адагумское
Укр. Крымское
Раевская
Укр. Константиновское
Псефабъ
Масштабъ 10 верстъ въ дюймѣ

VII.

Мирная дѣятельность Сѣверскаго полка съ 1864-го по 1876-й годъ включительно. Перемѣна нумера полка и расположеніе вблизи Пятигорска. Секта „Зикръ" и ея послѣдователи. Абрекъ Вара и смерть его. Лагерь 2-го дивизіона на драгунской полянѣ. Прибытіе во Владикавказъ. Смотръ командующаго войсками. Лагерная стоянка близь Моздока. Пожаръ въ лагерѣ. Переформированіе полка. Назначеніе командующимъ дивизіею генералъ-маіора графа де-Тулузъ-Лотрекъ. Кончина Августѣйшаго шефа. Телеграмма главнокомандующаго. Лагерь на р. Терекѣ въ 1865-мъ году. Прибытіе на Кавказъ командующаго дивизіею. Назначеніе шефомъ полка Его Величества Короля Датскаго Христіана IX. Депутація къ шефу. Рескриптъ Его Величества. Высочайшее пожалованіе полку еще одной награды. Назначеніе командиромъ полка полковника Лорисъ-Меликова. Смотры командующаго дивизіею и главнокомандующаго. Новая штабъ-квартира въ г. Моздокѣ. Упраздненіе инвалидной роты. Два новыхъ распоряженія. Извѣстіе о перемѣнѣ штабъ-квартиры. Новый георгіевскій штандартъ, прибивка его и освященіе. Выступленіе на Царскіе-Колодцы и двухлѣтнее пребываніе. Посѣщенія сѣверцевъ Его Императорскимъ Высочествомъ главнокомандующимъ арміею. Общій лагерный сборъ подъ Тифлисомъ. Штабъ-квартира въ укр. Нальчикѣ. Смотръ Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора кавалеріи и результаты его. Лагерные сборы въ 1870-мъ году. Смотръ главнокомандующаго подъ Владикавказомъ. Прибытіе въ новую штабъ-квартиру—г. Пятигорскъ. Встрѣча нижегородцевъ. Совмѣстная жизнь двухъ полковъ. Общій лагерный сборъ въ 1871-мъ году подъ Владикавказомъ. Смотръ Государя Императора и неожиданная милость Его Величества. Зачисленіе въ полкъ Великаго Князя главнокомандующаго. Возвращеніе полка въ Пятигорскъ. Приказъ генералъ-инспектора кавалеріи 12-го февраля 1872-го года № 2. Поднесеніе депутаціею отъ полка альбома Его Императорскому Величеству. Производство полковника Лорисъ-Меликова въ генералъ-маіоры. Назначеніе командиромъ Сѣверскаго полка полковника Батіевскаго. Пріемъ полка. Періодъ командованія полковника Батіевскаго. Нормальный приказъ о распредѣленіи лагерныхъ занятій и программа отчета о нихъ. Смотръ Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Выступленіе въ Александрополь. Смотръ въ Тифлисѣ главнокомандующаго. Прибытіе въ Александрополь и встрѣча тверскимъ драгунскимъ полкомъ. Смотръ командующаго дѣйствующимъ корпусомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова.

Въ половинѣ апрѣля, по особому росписанію, приложенному къ приказу военнаго министра *), Сѣверскому полку былъ данъ

*) 25-го марта 1864-го года № 89. Приказъ по кавказской арміи 12-го апрѣля № 147.

№ 17-й и Высочайше повелѣно ему именоваться „17-мъ драгунскимъ Сѣверскимъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкомъ“.

Такимъ образомъ, въ теченіе тогдашняго непродолжительнаго своего существованія, полкъ въ третій разъ перемѣнилъ нумеръ.

Послѣ тяжелой четырехлѣтней боевой дѣятельности, эскадроны полка расположились по станицамъ вблизи Пятигорска расчитывая вполнѣ на отдыхъ; но не всѣмъ пришлось воспользоваться послѣднимъ, такъ какъ спустя двѣ недѣли 2-й дивизіонъ, подъ командою полковника Бѣлюстина, былъ вытребованъ въ кр. Грозную, въ составъ отряда, сформированнаго для подавленія волненія въ Чечнѣ, произведеннаго послѣдователями секты „Зикръ“. Когда дивизіонъ прибылъ по назначенію, въ боевыхъ услугахъ его надобность миновала, такъ какъ волненіе было подавлено и зикристы усмирены. Однако, для предупрежденія новаго броженія умовъ, отрядъ не распускали и подвинули его въ центръ Чечни, къ укрѣпленію Воздвиженскому, гдѣ онъ простоялъ все лѣто. Жизнь для 2-го дивизіона началась тихая, лагерная, проходившая преимущественно въ занятіяхъ строевою службою. Этотъ періодъ времени незамѣтно канулъ бы въ вѣчность, и никто изъ сѣверцевъ о немъ бы и не вспомнилъ, если бы въ концѣ лѣта, одинъ частный случай не напомнилъ имъ недавно пережитое время столкновеній съ нашими горскими недругами. Случай этотъ тѣсно связанъ съ тѣми обстоятельствами, вслѣдствіе которыхъ 2-й дивизіонъ былъ вытребованъ въ Чечню.

Ученіе „Зикръ“, зародившееся еще при Шамилѣ, въ началѣ было самое мирное и стало принимать опасный характеръ только съ 1863-го года. Будучи подавлено въ 1864-мъ году, оно также быстро пало, какъ зародилось и развилось. Самымъ дѣятельнымъ и грознымъ изъ зикристовъ, игравшихъ роль въ этой народной драмѣ, былъ абрекъ Вара, принадлежавшій нѣкогда къ шайкѣ Атабая. Когда этотъ послѣдній былъ схваченъ, Вара остался по прежнему абрекомъ, тайно проживая въ аулахъ Чечни. Большая часть преступленій, совершавшихся въ то время въ краѣ, производились или лично самимъ Вара, или при его участіи.

Вступивъ въ секту зикристовъ, Вара, съ своимъ чернымъ значкомъ, участвовалъ въ шалинскомъ дѣлѣ въ качествѣ векиля. Послѣ этого дѣла онъ былъ выбранъ зикристами ихъ наибомъ, и хотя отъ этого званія, по смиренію своему, отказался, тѣмъ не менѣе употреблялъ всѣ усилія, чтобы поднять павшее ученіе и соединить въ одно цѣлое послѣдователей основателя „Зикра"—Кунта-Хаджи. При замѣчательной храбрости своей и энергіи, Вара начиналъ становиться уже народнымъ героемъ и пріобрѣтать въ Чечнѣ громадное вліяніе. Такъ какъ оно день ото дня становилось все сильнѣе, то необходимо было какъ можно скорѣе его прекратить. Начальство наше поручило слѣдить за нимъ чаберлоевскому наибу Гуданату, который имѣлъ къ представителю зикристовъ кровную месть (каплы). Въ одинъ день, въ концѣ лѣта, когда Вара явился въ аулъ Новая Атага, близь укрѣпленія Воздвиженскаго, куда былъ приглашенъ по приказанію Гуданата, послѣдній далъ знать въ лагерь, что абрекъ находится въ ловушкѣ. Тотчасъ дивизіонъ сѣверцевъ, на рысяхъ, былъ двинутъ къ Аргуну; одинъ эскадронъ остался у переправы, а другой перешелъ рѣку вплавь и, подскакавъ къ Новой Атагѣ, оцѣпилъ ее. Часть драгунъ спѣшилась и окружила саклю, гдѣ находился Вара. Послѣ отчаянной трехчасовой защиты, во время которой послѣдній руководитель „Зикра", раненый пулею, не переставалъ пѣть молитвы, дверь отворилась—и на порогѣ, вооруженный съ ногъ до головы, онъ появился съ рѣшимостью человѣка, предопредѣлившаго себѣ вѣрную смерть. Сдѣлавъ послѣдній выстрѣлъ въ ближайшаго драгуна и сваливъ его, Вара отбросилъ винтовку, а затѣмъ, съ шашкою въ одной рукѣ и съ кинжаломъ въ другой, бросился на драгунъ и двоихъ ранилъ, но тутъ же былъ приколотъ штыками. Со смертью Вара окончилось политическое существованіе отживавшей уже секты. Насколько популярна и вліятельна была въ народѣ эта личность, видно изъ того, что въ память ея сложена въ Чечнѣ пѣсня, а въ наказаніе Гуданату за измѣну, и въ укоръ ему за малое сочувствіе къ столь важному народному дѣлу и его послѣднему представителю, были воздвигнуты въ Чечнѣ, по разнымъ дорогамъ, кучи камней, къ которымъ каждый прохожій долженъ былъ

присоединить еще камень, произнося вмѣстѣ съ тѣмъ проклятіе убійцѣ Вара.

Въ іюнѣ 2-му дивизіону была отведена для травянаго довольствія, верстахъ въ 5-ти отъ укр. Воздвиженскаго, огромная поляна, окруженная чинаровымъ лѣсомъ. Дивизіонъ простоялъ здѣсь до осени, а съ наступленіемъ холодовъ присоединился къ полку и расположился на зимнія квартиры въ ст. Слѣпцовской. 1-го февраля дивизіонъ этотъ былъ переведенъ въ ст. Ардонскую.

Вскорѣ по уходѣ 2-го дивизіона и остальнымъ пришлось идти во вновь назначенную штабъ-квартиру—г. Владикавказъ—гдѣ командующій войсками генералъ-лейтенантъ Лорисъ-Меликовъ произвелъ полку, первый послѣ походной жизни, обстоятельный инспекторскій смотръ. Очень хорошо зная, что полкъ, со дня своего сформированія, безпрестанно находился въ походахъ, онъ никакъ не ожидалъ увидѣть его въ томъ хорошемъ видѣ, въ какомъ онъ представился. Въ самомъ городѣ расположился штабъ полка, мастерскія и 3-й резервный дивизіонъ; трубаческая команда и инвалидная рота расположились въ ст. Камбилеевской, а 1-й дивизіонъ отправленъ для травянаго довольствія на р. Терекъ, на участокъ, отведенный Магометъ-юртовской станицей, нѣсколько ниже г. Моздока. Эта лагерная стоянка, подъ палящимъ южнымъ солнцемъ, на открытой безлѣсной равнинѣ, при разныхъ другихъ неудобствахъ, невольно заставляла пожалѣть о горныхъ мѣстностяхъ Кубанской области, гдѣ хотя и было много тягостей, но за то среди нихъ самый незначительный отдыхъ былъ прочнымъ успокоеніемъ.

Впрочемъ, можетъ быть, это только такъ казалось вслѣдствіе свойствъ человѣческой натуры, которая легко примиряется съ тѣмъ, что прошло, и готова всегда излить рѣшительныя жалобы на тѣ неудобства, которыя являются въ данный моментъ. Но такъ или иначе, а лагерная стоянка была дѣйствительно плохая. Къ довершенію же всѣхъ бѣдъ, 8-го іюля на коновязи произошелъ пожаръ. Съ необыкновенною быстротою онъ охватилъ рядъ сухихъ шалашей изъ хвороста и угрожалъ гибелью всѣмъ лошадямъ. Оставивъ на произволъ огня эти шалаши, палатки и фуражъ, всѣ бывшіе въ лагерѣ люди, возбуждаемые и поощряемые примѣромъ офицеровъ, бро-

сились спасать исключительно однихъ лошадей. Отвязывать ихъ отъ коновязи было некогда, да и невозможно, поэтому поводья и самую коновязь рубили чѣмъ попало, угоняя вслѣдъ затѣмъ лошадей въ поле, на просторъ. Несмотря на всѣ энергическія мѣры, нѣсколько лошадей всетаки сдѣлались жертвою пламени. Грустнѣе же всего было то, что довольно серьезно поплатился командиръ 1-го эскадрона маіоръ фонъ-Манштейнъ, опалившій себѣ лицо и руки. Погибло, между прочимъ, достаточное количество казеннаго, а также собственнаго офицерскаго и солдатскаго имущества.

По окончаніи травяного довольствія, 1-й дивизіонъ перешелъ на зиму въ ст. Магометъ-юртовскую.

Мало по малу всѣ неудобства походной лагерной стоянки стали сглаживаться, въ особенности при условіяхъ зимняго городскаго сезона, которыми каждый офицеръ имѣлъ возможность воспользоваться. Полкъ отдыхалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и исправлялъ прорѣхи, которыя не могли не быть въ немъ послѣ постоянныхъ движеній по Дагестану, Чечнѣ и Кубанской области.

Ни одинъ годъ во всей двѣнадцатилѣтней жизни Сѣверскаго полка не былъ такъ обиленъ выдающимися перемѣнами, какъ 1865-й годъ. Съ первыхъ же чиселъ января сѣверцы, въ числѣ прочихъ кавказскихъ драгунскихъ полковъ, узнали о новомъ и весьма важномъ преобразованіи, объявленномъ въ приказѣ военнаго министра 2-го декабря 1864-го года за № 362 *).

Сущность этого преобразованія заключалась въ переформированіи кавказскихъ драгунскихъ полковъ въ составъ четырехъ дѣйствующихъ эскадроновъ, съ образованіемъ постояннаго пятаго резервнаго эскадрона—для военнаго времени по расчету 16-ти рядовъ во взводахъ, а для мирнаго—14-ти рядовъ. Резервные эскадроны повелѣно отдѣлить отъ своихъ полковъ; командирамъ ихъ присвоивались права полковыхъ командировъ; изъ четырехъ кавказскихъ драгунскихъ полковъ образовывалась кавказская кавалерійская дивизія, и начальнику ея подчинялись и резервные эскадроны. Начальникомъ этой дивизіи былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Ти-

---

*) Приказъ по кавказской арміи 26-го января 1865-го года № 7.

хоцкій 2-й, а командиромъ резервнаго эскадрона—Сѣверскаго полка полковникъ Бѣлюстинъ. Дальнѣйшія частности этого приказа касались ремонтированія полковъ и резервныхъ эскадроновъ лошадьми, сорта лошадей, которыхъ слѣдовало покупать въ ремонтъ полковъ, и мѣропріятій по приведенію въ исполненіе всѣхъ означенныхъ выше распоряженій. При приказѣ былъ приложенъ штатъ драгунскаго полка и резервнаго эскадрона. Преобразованное изъ бывшаго штаба кавказской сводной драгунской дивизіи, управленіе кавказской кавалерійской дивизіи открыло свои дѣйствія 15-го февраля, а резервный эскадронъ Сѣверскаго полка окончательно сформированъ 1-го марта *).

Въ дополненіе къ распоряженію о переформированіи полковъ и штаба дивизіи, слѣдовало другое, объявленное въ приказѣ по военному вѣдомству 20-го декабря 1864-го года и составлявшее какъ бы прямое послѣдствіе предыдущаго, а именно: въ полкахъ учреждались отдѣльныя должности дивизіонеровъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначались и помощниками командирамъ полковъ: одинъ по строевой, а другой—по хозяйственной части.

Новый бытъ драгунскихъ полковъ на Кавказѣ вызвалъ и новыхъ дѣятелей: почтенный ветеранъ, старый боевой нижегородецъ и любимый кавказскими драгунами начальникъ генералъ-лейтенантъ Тихоцкій 2-й былъ отчисленъ по кавалеріи и въ запасныя войска, а на его мѣсто, Высочайшимъ приказомъ 17-го февраля 1865-го года, былъ назначенъ командующимъ кавказскою кавалерійскою дивизіею младшій помощникъ начальника 6-й кавалерійской дивизіи генералъ-маіоръ графъ де-Тулузъ-Лотрекъ.

Пока сѣверцы готовились къ пріему новаго начальника дивизіи, до нихъ донеслась глубоко прискорбная вѣсть о кончинѣ ихъ драгоцѣннаго Августѣйшаго шефа, почившаго въ Ниццѣ 12-го апрѣля въ три часа пополуночи. Утрата для полка была незамѣнимая: Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ теченіе своего девятилѣтняго шефства, выразилъ полку столько милостей и благоволенія, сколько

---

*) Приказы по военному вѣдомству 6-го января № 6 и по кавказской арміи 28-го февраля № 13.

могъ бы ихъ оказать своей дорогой семьѣ только одинъ крѣпко любящій отецъ.

15-го апрѣля генераломъ Петровымъ была получена изъ Тифлиса роковая телеграмма. Не ожидая особаго распоряженія, полкъ тотчасъ же облекся въ трауръ и собрался для панихиды у той самой иконы, которою въ Бозѣ почившій шефъ издалека благословилъ его, оставивъ теперь въ ней залогъ вѣчнаго о Немъ воспоминанія. Глубоко чувствуя свою осиротѣлость, полкъ возложилъ трауръ не только на свой боевой и заслуженный мундиръ, но и на всѣ проявленія своего внутренняго быта и жизни,—одѣлъ этимъ трауромъ самую душу свою. Среди исключительной и скорбной мысли о тяжелой и невозвратной потерѣ, никому и въ голову не приходилъ на первое время вопросъ о томъ, кто замѣнитъ и кто можетъ замѣнить полку незабвеннаго шефа. Довольно было этого одного событія, чтобы сдѣлать для сѣверцевъ 1865-й годъ столько же печальнымъ, сколько и наиважнѣйшимъ въ ихъ существованіи.

Непосредственно за кончиною Наслѣдника Цесаревича послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы части войскъ, въ коихъ Его Императорское Высочество состоялъ шефомъ, носили полный трауръ шесть недѣль *). По окончаніи этого времени былъ наложенъ обыкновенный трауръ еще на полтора мѣсяца. Для присутствованія же при погребеніи въ Бозѣ почившаго Наслѣдника Цесаревича были командированы въ Петербургъ 20-го апрѣля, по волѣ Государя Императора и по распоряженію главнокомандующаго, представителями отъ Сѣверскаго полка: генералъ-маіоръ Петровъ, командиръ 1-го эскадрона маіоръ фонъ-Манштейнъ и старшій вахмистръ 1-го же эскадрона Михаилъ Чумачковъ. Въ день погребенія, у гроба Его Императорскаго Высочества стояли дежурными на часахъ командиры тѣхъ полковъ, которыхъ шефомъ состоялъ почившій Цесаревичъ, а во время похоронъ—шли позади колесницы. За ними слѣдовали командиры шефскихъ эскадроновъ. Послѣ похоронъ, командиръ Сѣверскаго полка имѣлъ счастье представиться Государю Императору и удостоился нѣкоторыхъ вопросовъ, касавшихся полка.

*) Приказъ по кавказской арміи 16-го апрѣля № 23.

18-го апрѣля оба дивизіона отправились для травяного довольствія на р. Терекъ, на то самое мѣсто, на которомъ въ прошедшемъ году стоялъ 1-й дивизіонъ. 21-го мая полку пришлось праздновать тамъ первую годовщину окончанія кавказской войны, въ которой сѣверцы, какъ уже извѣстно, принимали такое дѣятельное участіе и имѣли выдающуюся роль.

Между тѣмъ, время шло быстро и не переставало приносить съ собою въ полкъ все новыя извѣстія и распоряженія. Командиръ резервнаго эскадрона Сѣверскаго полка полковникъ Бѣлюстинъ уже сдалъ эскадронъ подполковнику нижегородскаго драгунскаго полка Аджи-Мустафа-Умарову и самъ принялъ переяславскій драгунскій полкъ *). Почти въ одинъ день съ этою перемѣною прибылъ на Кавказъ и вступилъ въ командованіе кавалерійскою дивизіею генералъ-маіоръ графъ де-Тулузъ-Лотрекъ **).

По пріѣздѣ его, послѣдовалъ и Высочайшій приказъ отъ 29-го мая о назначеніи полку новаго шефа въ Августѣйшей особѣ Его Величества Короля Датскаго Христіана IX ***). Тѣмъ же приказомъ полку повелѣно именоваться *17-мъ драгунскимъ Сѣверскимъ Его Величества Короля Датскаго полкомъ.* По обстоятельствамъ тогдашняго времени сѣверцы видѣли въ этомъ назначеніи нѣкоторую преемственность дорогого Имени, а также имѣли право предусматривать въ этомъ Высочайшемъ повелѣніи священную волю Государя связать съ Именемъ новаго шефа постоянное воспоминаніе о почившемъ представителѣ Сѣверскаго полка. Къ новому шефу была отправлена депутація, которая принесла Его Величеству поздравленіе съ столь лестнымъ для полка назначеніемъ и выраженіе всеобщей по этому случаю радости. Депутація удостоилась чрезвычайно милостиваго пріема, имѣла счастье быть приглашенною къ королевскому столу (не исключая и вахмистра Чумачкова, состоявшаго членомъ ея) и отпущена съ изъявленіемъ особаго благоволенія къ полку и удовольствія Его Величества видѣть себя зачисленнымъ въ его боевые ряды. Депутація возвратилась 29-го іюня. Въ это же

---

*) Приказъ по кавказской арміи 26-го мая № 38.

**) Приказъ по кавказской арміи 30-го мая № 40.

***) Приказъ по кавказской арміи 26-го іюня № 60.

время былъ отправленъ къ новому шефу первый мѣсячный рапортъ о состояніи полка. Въ отвѣтъ на это полкъ удостоился получить 10-го августа слѣдующій рескриптъ:

„Получивъ первый мѣсячный рапортъ о состояніи 17-го драгунскаго Сѣверскаго полка, который Его Величеству Государю Императору благоугодно было Намъ ввѣрить, Мы пользуемся случаемъ выразить его командиру, офицерамъ и всѣмъ служащимъ подъ его славнымъ знаменемъ, насколько Мы считаемъ Себя счастливымъ, увидѣвъ Наше имя связаннымъ съ именемъ этого храбраго и прекраснаго полка. Посылая полку Нашъ привѣтъ, присовокупляемъ Наше искреннее желаніе, чтобы онъ навсегда сохранилъ отличающія его военныя доблести“.

„Христіанъ, Король Датскій“.

Копенгагенъ.
10-го іюля 1865-го года.

Изъ приказа по кавказской арміи отъ 25-го іюня за № 59-мъ, при которомъ было объявлено росписаніе о квартирномъ расположеніи войскъ на 1866-й годъ, сѣверцы впервые несомнѣнно извѣстились объ ожидающей ихъ новой штабъ-квартирѣ. Для полка она была назначена въ г. Моздокѣ, а для резервнаго эскадрона—въ ст. Успенской. Какова будетъ штабъ-квартира, какъ въ ней будутъ жить и проводить время—всѣ этимъ пока еще мало интересовались, предоставляя разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ теченію времени; но всѣ были довольны уже тѣмъ, что осѣдлость полка наконецъ опредѣлилась. Однако никто не предвидѣлъ тогда, что она будетъ такою же непрочною и непродолжительною, какъ и предыдущая.

Спустя мѣсяцъ послѣ этой, такъ сказать, маленькой домашней новости, обыденная жизнь полка была пріятно нарушена явленіемъ значительной важности—именно, новою Высочайшею милостью: въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 20-го іюля № 250-й *) было объявлено, что „Государь Императоръ, пріемля во Всемилостивѣйшее вниманіе отличную боевую службу 17-го драгунскаго Сѣверскаго Его Величества Короля Датскаго полка, Высочайше

*) Приказъ по кавказской арміи 11-го августа № 85.

соизволилъ пожаловать нижнимъ чинамъ сего полка тоже наружное отличіе, которое приказомъ 25-го августа прошлаго 1864-го года № 263-й, присвоено нижнимъ чинамъ 16-го драгунскаго нижегородскаго полка, а именно: въ видѣ петлицъ шерстянаго басона на воротникахъ и обшлагахъ мундировъ, по образцу ленты ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія, согласно съ описаніемъ и рисункомъ, приложеннымъ къ означенному приказу № 263.

Указаніе на боевую службу полка относилось къ его недавней дѣятельности за Кубанью. Получивъ уже рядъ отличій, полкъ принялъ эту новую царскую награду за милостивую оцѣнку тѣхъ четырехлѣтнихъ трудовъ и подвиговъ, послѣ которыхъ въ семьѣ кавказскихъ войскъ пріобрѣлъ для себя навсегда почтенное положеніе. Помолясь, по этому случаю, о драгоцѣнномъ здравіи вѣнценоснаго Цѣнителя своей славы и заслугъ, полкъ отпраздновалъ подобающимъ образомъ полученіе этой послѣдней награды, за предѣлами которой другихъ подобныхъ пока болѣе не предвидѣлось. Этимъ закончился періодъ командованія полкомъ генералъ-маіоромъ Петровымъ, такъ долго дѣлившимъ съ своею дружною сѣверскою семьею и радости, и невзгоды: Высочайшимъ приказомъ 25-го іюля онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника кавказской кавалерійской дивизіи; но, въ ожиданіи своего преемника, 15-го драгунскаго тверскаго полка полковника Лорисъ-Меликова, еще нѣкоторое время оставался на своемъ посту.

Какъ ни многозначительны и ни разнообразны были всѣ впечатлѣнія, испытанныя сѣверскою семьею въ столь короткій промежутокъ, она не упускала изъ вида, что новый періодъ времени родитъ и новыя требованія.

Съ той минуты, какъ сѣверцы убѣдились, что бродячая ихъ жизнь перешла уже въ исторію, и что настоящее ихъ положеніе измѣняетъ всѣ доселѣ существовавшія условія, они дѣятельно принялись за самообразованіе, стараясь сколь возможно поспѣшнѣе наверстать тѣ пробѣлы, которые явились у нихъ вслѣдствіе продолжительнаго походнаго быта.

25-го августа полкъ расположился лагеремъ у Карабулакской станицы и, въ ожиданіи смотра вновь назначеннаго начальника

дивизіи, принялся за строевыя занятія. 16-го сентября графъ де-Тулузъ-Лотрекъ началъ свой подробный смотръ, въ продолженіе котораго внушилъ сѣверцамъ о себѣ мнѣніе, какъ о знатокѣ кавалерійскаго дѣла. Впослѣдствіи, дальнѣйшее командованіе имъ дивизіею оправдало какъ нельзя болѣе такое заключеніе. Будучи самъ въ душѣ кавалеристомъ, онъ въ каждомъ искалъ эти качества и въ комъ ихъ находилъ—тѣми увлекался. Кавказскіе драгунскіе полки лишенные, по случаю своей постоянной боевой дѣятельности, новыхъ современныхъ строевыхъ познаній нуждались въ такомъ инструкторѣ и руководителѣ; графъ самъ сознаъ это тотчасъ же, и съ энергіею, свойственною его натурѣ, немедленно принялся за введеніе уставныхъ порядковъ. Рядъ его послѣдовательныхъ приказовъ показалъ все искусство и знаніе, которыя онъ приложилъ къ дѣлу, и все стремленіе его поднять уровень строеваго образованія кавказскихъ драгунскихъ полковъ. Плоды дѣятельности его сказались весьма быстро: полки засвидѣтельствовали о томъ на всѣхъ послѣдующихъ смотрахъ, въ особенности же на Высочайшемъ смотру въ 1871-мъ году.

Послѣ инспекторскаго смотра, полкъ, подъ командою все еще генерала Петрова, выступилъ 20-го сентября въ общій лагерный сборъ къ г. Георгіевску, гдѣ кромѣ него были собраны тверской и нижегородскій драгунскіе полки и одна конная батарея терскаго казачьяго войска. Здѣсь, среди постоянныхъ ученій и маневровъ порознь и вмѣстѣ, части эти ожидали пріѣзда Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго, который былъ назначенъ въ концѣ октября. Предстоявшій новый смотръ былъ для сѣверцевъ первымъ смотромъ Государя Великаго Князя со дня прибытія Его Высочества на Кавказъ, поэтому не удивительно, что съ ихъ стороны было сдѣлано все возможное, чтобы достойно встрѣтить и принять Августѣйшаго вождя, а также и отличиться на мирномъ полѣ такъ, какъ они уже отличались нѣсколько лѣтъ назадъ въ трущобахъ западнаго Кавказа.

Его Высочество пожаловалъ въ Георгіевскъ 26-го октября и на другой день изволилъ смотрѣть всѣ три полка. Они представились блестяще и неоднократно удостоились благодарности. Въ строю

находилось очень много солдатъ, разукрашенныхъ георгіевскими крестами за Башъ-Кадыкляръ, Кюрюкъ-Дара, и за дѣйствія въ Чечнѣ, Дагестанѣ и Кубанской области; кромѣ того, за малымъ исключеніемъ, всѣ имѣли на груди по три медали и кресты за службу на Кавказѣ, такъ что фронтъ вышелъ чрезвычайно наряденъ. Сѣверскій полкъ былъ представленъ генераломъ Петровымъ, и хотя къ этому дню прибылъ и полковникъ Лорисъ-Меликовъ, но онъ находился въ свитѣ Его Высочества.

Главнокомандующій остался вполнѣ доволенъ и строевыми познаніями драгунъ, и искусствомъ ихъ въ маневрированіи, а въ особенности наружнымъ видомъ полковъ. Вообще, Государь Великій Князь изволилъ остаться при впечатлѣніи видимо весьма пріятномъ, и жаль только, что парадное утро было нѣсколько омрачено однимъ частнымъ случаемъ, происшедшимъ въ конной батареѣ полковника Веревкина: во время быстрой пальбы, въ одномъ изъ орудій нумеру съ банникомъ оторвало обѣ руки.

По окончаніи смотра Его Высочество удостоилъ милостиво принять отъ драгунъ приглашеніе на обѣдъ. Угощеніе было приготовлено въ особо устроенныхъ на этотъ случай шатрахъ, драпированныхъ внутри богатыми коврами. Арматурныя украшенія изъ штыковъ, курковъ, стволовъ и прочихъ боевыхъ принадлежностей, произведенныя по вкусу и указанію командира арсенала подполковника Сенаторскаго, представляли верхъ искусства. Они изображали то двуглаваго орла, то царскую корону, то лавровые вѣнки, то какіе нибудь другіе предметы, исполненные изящно и въ совершенствѣ. Орудія были поставлены въ симметрическомъ порядкѣ, дулами кверху, и замѣняли собою горящія лампы. Необыкновенный эфектъ и оживленіе доставили полное удовольствіе Августѣйшему гостю. Послѣ обѣда начальники частей и офицеры провожали главнокомандующаго верхомъ до города Георгіевска. На другой день, ко времени отъѣзда Его Высочества, тѣ же лица собрались у квартиры Государя Великаго Князя и оттуда, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, вновь провожали царственнаго посѣтителя, съ обычною скачкою. Еще разъ поблагодаривъ ихъ и выразивъ все Свое удовольствіе, Государь Великій Князь распрощался съ драгунами.

Тотчасъ послѣ смотра полкъ выступилъ въ новую штабъ-квартиру —г. Моздокъ—гдѣ эскадроны были размѣщены слѣдующимъ образомъ: 1-й—въ магометъ-юртовскихъ хуторахъ (нынѣ станица Новотерская), 2-й—въ станицѣ Магометъ-юртовской, 3-й—въ ст. Голюгаевской и 4-й—въ ст. Луковской. Штабъ оставался пока во Владикавказѣ, какъ по случаю пріема полка новымъ командиромъ, такъ и въ ожиданіи ремонта молодыхъ лошадей, который былъ приведенъ въ послѣдній разъ прямо въ полкъ въ декабрѣ 1865-го года. Окончивъ пріемъ полка 1-го ноября, Лорисъ-Меликовъ, вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ Петровымъ, выѣхалъ изъ Владикавказа въ мѣста расположенія эскадроновъ 14-го ноября, а штабъ полка перешелъ въ Моздокъ едва только 21-го января 1866-го года.

Однимъ изъ первыхъ полезнѣйшихъ распоряженій полковника Лорисъ-Меликова было командированіе, по просьбѣ офицеровъ, маіора Левисъ-офъ-Менара въ г. Харьковъ, на крещенскую ярмарку, для покупки строевыхъ офицерскихъ лошадей, такъ какъ на лихихъ боевыхъ кабардинцахъ, подъ черкесскими сѣдлами, ѣздить во фронтѣ офицерамъ уже не приходилось. Левисъ исполнилъ порученіе какъ нельзя удачнѣе: онъ доставилъ въ полкъ 20-ть прекрасныхъ лошадей, заводовъ Д. Д. Кузнецова, гр. Крейца, Шахматова и другихъ, цѣною отъ 200-тъ до 375-ти рублей. Были, впрочемъ, двѣ лошади, которыя стоили 400 и 500-тъ рублей.

Эскадроны на новыхъ стоянкахъ зажили спокойно, и въ теченіе всей зимы только одна непріятность нѣсколько потревожила ихъ домашній бытъ: въ 3-мъ эскадронѣ, находившемся въ станицѣ Голюгаевской, 16-го декабря крупнѣе обыкновеннаго поссорились два брата, никогда особенно не дружившіе между собою, юнкера Султанъ-Селимъ-Джани-бекъ-Гиреевъ и Султанъ-Бахти-Гирей и первый изъ нихъ убилъ послѣдняго наповалъ изъ охотничьяго ружья. По конфирмаціи, послѣдовавшей въ концѣ 1866-го года, виновный, только по случаю смягчающихъ вину обстоятельствъ, былъ сосланъ въ каторжныя работы на заводахъ на шесть лѣтъ *).

Моздокъ и теперь не представляетъ никакихъ условій удобной

---

*) Приказъ по кавказскому военному округу № 123.

и хорошей штабъ-квартиры, а въ 1866-мъ году и подавно онъ ихъ не имѣлъ: отсутствіе общества, общественныхъ мѣстъ и развлеченій, непроходимая грязь послѣ дождей и снѣга, скука и мертвенность, недостатокъ общежитія, незначительность русскаго населенія, отчужденность и замкнутость туземнаго—вотъ главные недостатки, которые встрѣтилъ полкъ на новой своей стоянкѣ. Естественно, что при этихъ условіяхъ каждый изъ офицеровъ старался какъ можно рѣже навѣдываться въ штабъ полка и находилъ гораздо болѣе удовольствія въ своей станицѣ. Только одна служебная необходимость заставляла изрѣдка являться въ Моздокъ, и какъ неохотно пріѣзжіе офицеры прибывали въ городъ, такъ поспѣшно оттуда старались выбраться обратно въ свои эскадроны.

Въ такомъ положеніи застало сѣверцевъ еще одно преобразованіе, впрочемъ касавшееся всѣхъ кавказскихъ драгунскихъ полковъ и послѣдовавшее въ началѣ весны, именно упраздненіе инвалидной роты *). Мѣра эта мотивировалась состоявшимся распоряженіемъ объ отпускѣ кавказской кавалерійской дивизіи денегъ на заготовленіе сѣна по увеличенной цѣнѣ, доставлявшей возможность пріобрѣтать его покупкою или подряднымъ образомъ. Нельзя не замѣтить, что такое распоряженіе было значительнымъ облегченіемъ полку во многихъ отношеніяхъ. Послѣдствій отъ ослабленія личнаго состава полка также не произошло, такъ какъ при упраздненіи инвалидныхъ ротъ, изъ ихъ наличнаго числа было временно причислено къ нестроевой ротѣ по 2 унтеръ-офицера и 50-ти рядовыхъ въ каждомъ полку. Съ того времени и по настоящій день инвалидныя роты въ кавказскихъ драгунскихъ полкахъ болѣе не возрождались.

Весна 1866-го года вступила во всѣ свои права и чрезвычайно порадовала сѣверцевъ тѣмъ, что, наконецъ, положила предѣлъ скучному зимнему существованію и сулила близкое выступленіе въ лагерь, гдѣ вся семья могла вновь сосредоточиться и въ средѣ себя самой найти то развлеченіе, котораго лишена была въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Всѣ видимо повеселѣли и какъ бы освѣжились

*) Отзывъ военнаго министра 29-го января № 237 и приказъ по кавказскому военному округу 6-го марта 1866-го года № 17.

когда получено было распоряжение о выступлении въ лагерь—хотя, какъ оказалось впослѣдствіи, это удовольствіе было преждевременно.

Не задолго до выступленія послѣдовало Высочайшее повелѣніе о зачисленіи въ списки Сѣверскаго полка генералъ-маіора Петрова *), такъ много содѣйствовавшаго его боевой славѣ и такъ тѣсно сдружившагося съ нимъ въ теченіе разновременно продолжительнаго въ немъ служенія.

Въ лагерь выступили 1-го мая и расположились на правомъ берегу Терека, противъ станицы Павлодольской. Строевыя лошади подивизіонно были спущены въ табунъ. Не смотря на то, что время было мирное, тихое, всетаки для охраненія табуна отъ ингушъ, которые въ этихъ мѣстахъ пріобрѣли себѣ извѣстность разными кражами, въ особенности конокрадствомъ, а иногда и разбоями, было высылаемо каждую ночь по шестнадцати вооруженныхъ нижнихъ чиновъ, находившихся подъ командою дежурнаго по табуну офицера. Благодаря этимъ предупредительнымъ мѣрамъ, полковыя лошади миновали всякихъ случайностей, хотя встрѣтили другое, едва ли не болѣе сильное и непріятное для нихъ неудобство въ образѣ безчисленнаго множества мухъ и разныхъ насѣкомыхъ, которыя, съ быстрымъ наступленіемъ жаровъ, положительно не давали имъ покоя и видимо ихъ изнуряли. Не менѣе несчастныхъ животныхъ страдали и люди: не было нигдѣ пріюта отъ всѣхъ этихъ напастей, ниспосланныхъ въ этотъ годъ Сѣверскому полку въ видѣ одной изъ извѣстныхъ египетскихъ казней; нельзя было ни спокойно пообѣдать, ни отдохнуть, ни выпить стаканъ чаю безъ дѣятельнѣйшаго участія всякаго рода насѣкомыхъ, въ томъ числѣ и фалангъ. Для лошадей успѣли ослабить бѣду тѣмъ, что устроили имъ въ коновязяхъ навѣсы; но людей буквально доѣдали всѣ эти враги человѣчества, въ особенности крупные и злые комары, не допускавшіе иногда всю ночь напролетъ сомкнуть глазъ. Къ довершенію же всего горя появились упорныя лихорадки. Вообще, эта историческая лагерная стоянка возбудила рѣшительное отвращеніе и къ Моздоку, и къ его окрестностямъ.

---

*) Приказъ по кавказскому военному округу 16-го апрѣля 1866-го года № 31.

Всѣ отвели душу только тогда, когда въ концѣ августа получили рѣшительныя официальныя свѣдѣнія опять о перемѣнѣ штабъ-квартиры полка. Какъ ни тяжелы и неудобны для полка вообще и для офицеровъ въ частности эти постоянныя передвиженія съ мѣста на мѣсто, однако на этотъ разъ никто не претендовалъ, такъ какъ новая штабъ-квартира была назначена на урочищѣ Царскихъ-Колодцахъ, считавшемся колыбелью сѣверцевъ. Выступленіе предстояло въ непродолжительномъ времени—и сѣверская семья зашевелилась. А тутъ, въ это же время, былъ полученъ для 2-го дивизіона новый георгіевскій штандартъ.

Наканунѣ полковаго праздника, 7-го сентября, въ г. Моздокѣ, въ квартирѣ командира полка, состоялась прибивка новаго штандарта. Въ этомъ церемоніалѣ участвовали всѣ офицеры полка и отъ каждаго эскадрона—старшій вахмистръ, одинъ унтеръ-офицеръ и два рядовыхъ. Прибивка совершилась установленнымъ въ законѣ порядкомъ. На слѣдующій же день послѣдовало торжественное освященіе штандарта передъ фронтомъ полка, завершившееся молебствіемъ о здравіи Государя Императора. Потомъ всѣ офицеры обѣдали у командира полка и вечеромъ перешли въ городскую рощу, гдѣ провели время до утра въ товарищеской веселой пирушкѣ.

Между тѣмъ, все уже было готово къ походу—и черезъ два дня, 11-го сентября, полкъ выступилъ изъ Моздока, благословляя судьбу, доставившую ему возможность проститься, наконецъ, съ скучною штабъ-квартирою. Хотя съ первой минуты похода всѣмъ было извѣстно распоряженіе о томъ, чтобы, для пріученія драгунскихъ полковъ къ подвижности, ставить ихъ на Царскихъ-Колодцахъ поочередно на два года, но это ни мало не озабочивало сѣверцевъ, потому что они уже давно привыкли къ бродячей жизни. Походъ былъ веселый, тягостей не чувствовалось, и три недѣли марша черезъ Владикавказъ и Тифлисъ прошли почти незамѣтно. Въ Владикавказѣ сѣверцы встрѣтились съ переяславцами, которые проходили изъ Царскихъ-Колодцевъ въ Моздокъ, на ихъ мѣсто.

Полкъ прибылъ на мѣсто 1-го октября. Внѣшность урочища мало измѣнилась послѣ десятилѣтней разлуки съ нимъ сѣверцевъ.

Въ полку были еще офицеры и многіе солдаты, хорошо помнившіе здѣсь его формированіе. Тѣ же казармы, въ которыхъ тотчасъ же размѣстился полкъ, тѣ же конюшни—развѣ только нѣсколько обветшалыя и требовавшія значительнаго ремонта и улучшенія, та же отдаленность отъ воды, представляющая такъ много неудобствъ для кавалерійской части. Но за то, климатическія условія здѣсь были несравненно лучше чѣмъ въ Моздокѣ, а объ общественномъ бытѣ и говорить было нечего, не смотря на то, что новая штабъ-квартира относилась къ старой, какъ деревня къ городу. Конечно, общественную жизнь на Царскихъ-Колодцахъ создалъ самъ же полкъ, имѣя, между прочимъ, въ своемъ составѣ пять семействъ. Прочному же установленію и поддержанію этой жизни, во все время пребыванія сѣверцевъ на урочищѣ, главнымъ образомъ способствовало сосредоточеніе всего общества на одномъ мѣстѣ. Въ подмогу сѣверцамъ тутъ нашлись и другіе семейные офицеры—артиллерійскіе, инженерные, а также и осѣдлые жители. Въ скоромъ времени, въ довольно удобномъ помѣщеніи мѣстной гостинницы устроены были танцовальные вечера, а въ заключеніе и любительскіе спектакли. Словомъ, жизнь въ этой глуши потекла гораздо разнообразнѣе, чѣмъ испытывали ее сѣверцы до сихъ поръ, и если она не была во всѣхъ отношеніяхъ удобною и веселою, то все же не давала повода и къ какимъ либо жалобамъ на нее.

На Царскихъ-Колодцахъ, при казарменномъ размѣщеніи полка, строевая служба получила полное развитіе. Это обстоятельство не только никого не затрудняло, но составляло еще одну причину разнообразій и развлеченій, среди которыхъ постоянно интересовала и своихъ и чужихъ команда лихихъ наѣздниковъ, въ составѣ 25-ти человѣкъ отъ каждаго эскадрона, при трехъ офицерахъ. Ихъ искусство въ ѣздѣ было доведено до такой степени, что они на карьерѣ, справа по одному, въ полномъ вооруженіи, соскакивали съ лошадей, упирались одновременно обѣими ногами въ землю и вновь садились. За это время, рельефнѣе всего прочаго, тѣснится въ памяти сѣверской семьи нѣсколько смотровъ Великаго Князя главнокомандующаго, да два-три другія явленія, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести пожалованіе полку его Августѣйшимъ шефомъ, по случаю

бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича съ принцессою датскою и въ знакъ особаго благоволенія, трехъ крестовъ ордена Данеброга, которые были получены 8-го февраля 1867-го года. Ими награждены: командиръ полка полковникъ Лорисъ-Меликовъ, командиръ 1-го эскадрона маіоръ фонъ-Левисъ-офъ-Менаръ и поручикъ Ивановъ. Послѣднему, впрочемъ, крестъ достался по жребію. Смотры же доставляли истинное удовольствіе полку, такъ какъ онъ каждый разъ удостоивался того высокаго вниманія Его Императорскаго Высочества, которое ясно выражало все искреннее расположеніе къ сѣверцамъ ихъ Августѣйшаго вождя. Эти минуты, пережитыя сѣверцами, должны неизбѣжно перейти въ ихъ исторію уже потому, что подъ впечатлѣніемъ ихъ каждый разъ все болѣе и болѣе укрѣплялся воинскій духъ полка, все шире развивалось стремленіе оправдать тѣ ласки и похвалы, которыя онъ получалъ. Подъ вліяніемъ ихъ все выше поднимался уровень той нравственной бодрости, которая въ тяжелую пору войны не только обращаетъ въ ничто всѣ невзгоды, но нерѣдко возводитъ человѣка до истиннаго героизма. Вообще нельзя не замѣтить, что подобныя отношенія между главнокомандующимъ и ввѣренными ему войсками образуютъ и скрѣпляютъ тотъ союзъ, при которомъ подъ тысячью смертей достаточно одного его слова, одного взмаха руки или сабли, чтобы заставить массу, руководимую имъ, удивить свѣтъ своими подвигами и преданностью долгу. Кавказская армія главнѣйшимъ образомъ являлась всегда непобѣдимою, беззавѣтно отважною и безстрашною именно вслѣдствіе такого тѣснаго союза, съ незапамятныхъ временъ существовавшаго и утвердившагося между нею и ея вождями—ближайшими и высшими. Государь Великій Князь Михаилъ Николаевичъ какъ нельзя лучше постигъ эту тайну и довелъ ввѣренныя Ему войска до такого состоянія, что не только для славы и пользы отечества, но для Его личнаго Имени они готовы были на всѣ жертвы безъ разбора.

Въ первый разъ Великій Князь посѣтилъ сѣверцевъ на Царскихъ-Колодцахъ 22-го марта 1867-го года. На другой день Его Высочество произвелъ смотръ. Нечего говорить, что и встрѣча, и проводы Августѣйшаго посѣтителя были полны одушевленія.

Самый смотръ удался какъ нельзя лучше. Въ этотъ годъ въ общій лагерный сборъ полкъ не выходилъ и ограничился частнымъ лагеремъ у себя дома. Въ 1868-мъ году сѣверцы имѣли счастье три раза привѣтствовать передъ своимъ фронтомъ Августѣйшаго главнокомандующаго. Въ первый и во второй разъ опять на Царскихъ-Колодцахъ, куда Его Высочество пожаловалъ 16-го марта и 11-го мая и изволилъ произвести смотры на другой день по прибытіи, въ третій же разъ въ Тифлисѣ. Помѣщеніе на Царскихъ-Колодцахъ устроивалось для Государя Великаго Князя въ домѣ командира полка Лорисъ-Меликова, причемъ отъ полка выставлялся почетный караулъ. Каждый смотръ заключался благодарностью Его Высочества, и насколько полкъ имѣлъ счастье заслужить расположеніе и благоволеніе своего возлюбленнаго главнокомандующаго, видно изъ слѣдующихъ незабвенныхъ словъ Государя Великаго Князя, произнесенныхъ въ собраніи всѣхъ офицеровъ передъ отъѣздомъ Его Высочества съ Царскихъ-Колодцевъ въ мартѣ 1868-го года:

„Я считаю праздникомъ то время, которое провожу съ славнымъ Сѣверскимъ полкомъ“.

Каждому понятенъ тотъ восторгъ, съ которымъ было принято сѣверцами это замѣчательное выраженіе. Оно могло излиться изъ сердца, только дѣйствительно переполненнаго тою любовью къ кавказской арміи, которая всегда отличала бывшаго Августѣйшаго главнокомандующаго.

Но срокъ пребыванія сѣверцевъ на Царскихъ-Колодцахъ приходилъ къ концу и имъ слѣдовало уступить свое мѣсто нижегородцамъ. Новою штабъ-квартирою для полка было назначено укрѣпленіе Нальчикъ.

23-го сентября сѣверцы выступили въ Тифлисъ, гдѣ предварительно должны были принять участіе въ общемъ лагерномъ сборѣ. Но едва только они прибыли на первый ночлегъ, на станцію Мугапло, какъ получена была здѣсь телеграмма, извѣщавшая, по приказанію главнокомандующаго, чтобы полкъ немедленно слѣдовалъ въ имѣніе генерала-отъ-кавалеріи князя Ивана Малхазовича Андронникова для отданія ему, по случаю кончины, погребальныхъ почестей.

Послѣ нѣкотораго отдыха полкъ двинулся въ ту же ночь и на другой день, исполнивъ указанную ему обязанность, остался до слѣдующаго утра въ имѣніи покойнаго. Не смотря на траурную обстановку дня, сѣверцы, благодаря радушію и прекрасному пріему ихъ наслѣдникомъ почтеннаго ветерана, княземъ Захаріемъ Андрониковымъ, провели время весьма оживленно сперва за обильною тризною по усопшемъ, а потомъ въ своемъ кругу. Гостепріимство было оказано всему полку, не исключая и нижнихъ чиновъ.

27-го сентября сѣверцы были уже въ Тифлисѣ и расположились въ общемъ лагерѣ на предмѣстьи Верѣ, рядомъ съ нижегородцами. Встрѣча „братьевъ“ была въ полномъ смыслѣ слова задушевная.

Въ началѣ октября Его Высочество произвелъ смотръ всѣмъ войскамъ обширнаго тифлисскаго учебнаго лагеря, гдѣ, кромѣ двухъ драгунскихъ полковъ, были въ сборѣ три гренадерскихъ, два пѣхотныхъ полка, стрѣлковый баталіонъ, грузинская пѣшая дружина и четыре пѣшія батареи. Драгунскіе полки были найдены главнокомандующимъ во всѣхъ частяхъ въ отличномъ состояніи, на маневрахъ дѣйствовали, по словамъ Государя Великаго Князя, съ свойственными кавказцамъ неутомимостью и молодечествомъ, хотя, по заключенію Его Высочества, цѣль и значеніе маневровъ не совсѣмъ правильно были усвоены частными начальниками и по поводу этого послѣдовали вскорѣ особыя указанія и поясненія *). Несмотря однако на это, общее впечатлѣніе Государя Великаго Князя было какъ нельзя болѣе въ пользу полковъ и привело Его Высочество къ заключенію, что „усердіе и настойчивость ихъ въ занятіяхъ выше всякой похвалы; самый же смотръ доставилъ главнокомандующему истинное удовольствіе, и удовольствіе тѣмъ большее, что при оцѣнкѣ результатовъ Государь Великій Князь изволилъ принять во вниманіе многія неблагопріятныя въ отношеніи обученія условія“.

Спустя нѣсколько дней послѣ смотра, 7-го октября, на тифлисскомъ ипподромѣ, при многочисленномъ стеченіи публики, со-

*) Приказъ по кавказскому военному округу 7-го декабря 1868-го года № 233.

стоялась на призы манежная ѣзда и скачка офицеровъ и нижнихъ чиновъ нижегородскаго и Сѣверскаго полковъ. На офицерской скачкѣ первыми пришли двѣ лошади Сѣверскаго полка.

Черезъ пять дней, 13-го октября, полки разстались, и каждый изъ нихъ отправился въ свою новую штабъ-квартиру. Сѣверцы прибыли въ Нальчикъ 29-го октября. Эскадроны расположились слѣдующимъ образомъ: 1-й и 2-й—въ станицѣ Прохладной, 3-й—въ станицѣ Приближной и 4-й—въ станицѣ Александровской, а штабъ полка въ Нальчикѣ.

Жизнь въ этомъ укрѣпленіи была нѣсколько оживленнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ Моздокѣ, потому что сѣверцы скоро сошлись съ военнымъ обществомъ тамошняго линейнаго баталіона и окружнаго управленія, даже имѣли возможность изрѣдка устроивать сообща съ ними любительскіе спектакли и танцовальные вечера; но за этими немногими случаями, нальчикская жизнь во все остальное отъ развлеченій время дышала полнѣйшею скукою. Самая стоянка вокругъ Нальчика имѣла два важныхъ неудобства: вопервыхъ, отдаленное расположеніе эскадроновъ, и вовторыхъ, затруднительное сообщеніе ихъ съ штабъ-квартирою, вслѣдствіе множества горныхъ рѣчекъ въ родѣ Баксана, Черека и другихъ, которыя, часто разливаясь, преграждали съ Нальчикомъ всякія сообщенія, такъ что нерѣдко почты запаздывали по недѣлямъ и болѣе.

Въ апрѣлѣ 1869-го года полкъ былъ собранъ у станицы Прохладной вмѣстѣ съ тверскимъ (полковника князя Чавчавадзе), переяславскимъ (полковника Леонова 1-го) драгунскими полками, сводным терскимъ казачьимъ полкомъ (полковника Кулакова) и терскою конною казачьею батарею (подполковника Прозоркевича). Здѣсь, между прочимъ, были проведены дни свѣтлаго Христова Воскресенья.

Счастливое обстоятельство, послужившее причиною лагернаго сбора и кратковременной перемѣны образа жизни сѣверцевъ, заключалось въ ожидаемомъ смотрѣ Государя Великаго Князя и генералъ-инспектора кавалеріи.

Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ Старшій и Михаилъ Николаевичъ изволили прибыть въ

Прохладную 24-го апрѣля. У квартиры, назначенной для пребыванія высокихъ гостей въ домѣ полковника Евсѣева, Ихъ Высочества были встрѣчены почетнымъ карауломъ отъ тверскаго драгунскаго Имени Государя Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго полка и офицерами всего лагеря. На слѣдующій день главнокомандующему угодно было Самому, единолично, произвести предварительный осмотръ всѣхъ войскъ. Полки были выстроены въ пѣшемъ строю въ эскадронныхъ колоннахъ, имѣя на правыхъ флангахъ офицеровъ въ одну шеренгу. Производя осмотръ всѣхъ частей и приблизясь къ Сѣверскому полку, Его Высочество остановился противъ середины шеренги офицеровъ и, пожелавъ сѣверцамъ полнаго успѣха на предстоящемъ смотру, вновь осчастливилъ ихъ словами: „вы знаете хорошо, какъ Я васъ люблю". Сѣверцы уже не разъ были удостоиваемы чрезмѣрно милостиваго выраженія искреннихъ чувствъ со стороны своего Августѣйшаго вождя, но такого высокаго заявленія къ нимъ отеческой любви они никогда не смѣли ожидать.

На слѣдующій день, 26-го апрѣля, Его Высочество генералъ-инспекторъ кавалеріи произвелъ смотръ. Сборною дивизіею командовалъ графъ Лотрекъ. Лихое и горячее ученье закончилось скачкою развернутыхъ эскадроновъ черезъ зеленый барьеръ и на высокій курганъ, а затѣмъ церемоніальнымъ маршемъ.

Послѣ трехчасоваго отдыха, въ пять часовъ вечера, до водопоя, когда каждая лошадь послѣ усиленнаго труда вполнѣ наглядно выказываетъ свои хорошія и дурныя качества, Его Высочество произвелъ выводку. Лошади были найдены свѣжими и въ надлежащемъ видѣ.

Подробности и результатъ этого долго памятнаго, вполнѣ удачнаго смотра, были изложены въ приказѣ по кавалеріи отъ 26-го апрѣля того же года № 11-й, отданномъ въ станицѣ Прохладной. За превосходное состояніе по строевой части и за состояніе строевыхъ лошадей въ приказѣ этомъ объявлена признательность Его Высочества генералъ-маіору графу де-Тулузъ-Лотрекъ и благодарность помощнику его генералъ-маіору Петрову, командирамъ полковъ, дивизіоновъ и эскадроновъ; нижнимъ же чинамъ выражено было „спасибо" Государя Великаго Князя.

28-го апрѣля Ихъ Высочества изволили выѣхать изъ Прохладной, а эскадроны навремя опять разошлись по своимъ станицамъ.

Между прочимъ, Его Высочество генералъ-инспекторъ кавалеріи на смотру приказалъ, чтобы 1-й эскадронъ Сѣверскаго полка, имѣвшій гнѣдую масть лошадей, перемѣнилъ ее на свѣтло-рыжую. Объ этомъ, по отъѣздѣ Государя Великаго Князя, не замедлилъ послѣдовать приказъ по дивизіи отъ 1-го мая. Черезъ двѣ недѣли перемѣна масти совершилась вполнѣ для всѣхъ неожиданно и даже оригинально: 4-му эскадрону (рыжему), находившемуся въ станицѣ Александровской, приказано было прибыть со всѣми лошадьми въ ст. Прохладную, гдѣ стоялъ 1-й эскадронъ (гнѣдой). По прибытіи 4-го эскадрона ему предписано было тотчасъ передать въ 1-й эскадронъ всѣхъ своихъ лошадей, принять отъ него гнѣдыхъ и возвратиться назадъ. Такимъ образомъ, этотъ сюрпризъ освободилъ оба эскадрона отъ всякихъ затрудненій и недоразумѣній, которыя были возможны при обыкновенномъ пріемѣ и сдачѣ лошадей.

Пребываніе эскадроновъ въ станицахъ продолжалось до 15-го іюля. Потомъ, до 15-го августа, сѣверцы имѣли полковой сборъ у станицы Прохладной, а съ 25-го августа по 1-е октября находились тамъ же для учебныхъ лагерныхъ занятій, опять въ общемъ составѣ съ 15-мъ и 18-мъ драгунскими полками. Лагерные сборы завершились съ 21-го сентября смотрами командующаго дивизіею, послѣ которыхъ графъ де-Тулузъ-Лотрекъ распустилъ полки по зимнимъ квартирамъ.

И опять на всю зиму настало повтореніе прошлогодней жизни въ Нальчикѣ и однообразія въ станицахъ. Только съ наступленіемъ лѣта 1870-го года нѣсколько расшевелила всѣхъ радостная вѣсть о предстоящемъ прибытіи на Кавказъ Государя Императора; но, незадолго до учебныхъ лагерныхъ сборовъ, послѣдовалъ приказъ по округу *), изъ котораго всѣ съ сожалѣніемъ узнали, что Его Величеству на этотъ разъ угодно было отложить Свою поѣздку.

Общій учебный лагерь для трехъ драгунскихъ полковъ—Сѣ-

*) 9-го августа № 223.

верскаго, переяславскаго и тверскаго былъ назначенъ въ 1870-мъ году подъ Владикавказомъ. Послѣдній изъ этихъ полковъ долженъ былъ идти на Царскіе-Колодцы, на смѣну нижегородцевъ, а нижегородцы на его мѣсто въ г. Пятигорскъ.

Вслѣдствіе неудобствъ стоянки полка въ Нальчикѣ рѣшено было перемѣнить Сѣверскому полку штабъ-квартиру. Слухи ходили, что она будетъ находиться или въ Пятигорскѣ или же въ Георгіевскѣ. Это, конечно, не могло не радовать сѣверцевъ.

До выступленія во Владикавказъ, сѣверцы, какъ и прежде, заняли полковой лагерь у ст. Прохладной и находились тамъ до 7-го августа. Въ этотъ же день полкъ двинулся и 12-го числа прибылъ во Владикавказъ, гдѣ засталъ уже въ сборѣ три пѣхотныхъ полка, четыре батареи и два саперныхъ баталіона. Одновременно съ этимъ прибыли 15-й и 18-й драгунскіе полки. Начальникомъ лагеря былъ командующій 38-ю пѣхотною дивизіею генералъ-маіоръ Тергукасовъ.

Государь Великій Князь главнокомандующій изволилъ прибыть 22-го августа—и съ послѣдующаго дня начался рядъ смотровъ. Всѣмъ частямъ произведены были: строевое ученье съ примѣненіемъ къ мѣстности, цѣльная стрѣльба и, въ заключеніе, двухсторонній маневръ. Среди смотровъ, именно 24-го августа, состоялась между прочимъ, въ присутствіи главнокомандующаго, опять скачка на призы трехъ драгунскихъ полковъ. Первые два приза достались вновь Сѣверскому полку. 25-го августа окончились смотры, и 27-го сѣверцы выступили во вновь назначенную для нихъ штабъ-квартиру—г. Пятигорскъ. Такимъ образомъ, предварительные слухи о совмѣстномъ пребываніи двухъ полковъ, къ крайнему удовольствію сѣверцевъ, оправдались вполнѣ. Весело двинулся полкъ изъ Владикавказа и 7-го сентября, наканунѣ своего праздника, прибылъ въ новую штабъ-квартиру. Эскадроны размѣстились: 1-й—въ ст. Горячеводской, 2-й—въ Суворовской, 3-й—въ Александрійской и 4-й—въ Незлобной.

Съ нетерпѣніемъ ожидали теперь сѣверцы прибытія своихъ „братьевъ“. Нижегородцы явились почти черезъ мѣсяцъ и были встрѣчены въ станицѣ Старопавловской всѣмъ обществомъ офице-

ровъ Сѣверскаго полка и представителями нижнихъ чиновъ отъ каждаго эскадрона. Товарищескій кутежъ, подъ звуки двухъ хоровъ трубачей и пѣсенниковъ, продолжался съ обѣда до поздней ночи. Нижніе чины были также угощены обѣдомъ и, конечно, водкою. Словомъ, всѣмъ было хорошо...

Послѣ этого послѣдняго передвиженія полковъ, идея о подвижности, на основаніи которой черезъ каждые два года долженъ былъ прибывать на Царскіе-Колодцы другой очередной полкъ, была оставлена. Сѣверцы и нижегородцы, въ теченіе шести лѣтъ, до выступленія въ лагерь на турецкую границу, болѣе не покидали своей новой штабъ-квартиры. Во все это время общество обоихъ полковъ жило какъ одна семья, и только лишь мундиръ давалъ знать о различіи ихъ. Эти братскія отношенія дошли до того, что, не говоря уже о полковыхъ праздникахъ, гдѣ нераздѣльно каждый разъ сливались обѣ семьи, эскадронные праздники не обходились безъ участія ближайшихъ эскадроновъ другого полка. Такое родственное сближеніе двухъ полковъ, породило, между прочимъ, и то благородное служебное соревнованіе, которое, будучи столь необходимо всякому воину, неминуемо приноситъ всегда вѣскія и благія послѣдствія.

За всѣ шесть лѣтъ совмѣстнаго жительства сѣверцевъ и нижегородцевъ, не только не произошло между двумя обществами какихъ либо недоразумѣній, но даже несогласій и размолвокъ. Скорѣе послѣднія случались иногда между членами одной и той же семьи, но не между отдѣльными лицами двухъ полковъ. Изъ этого видно, какъ строго каждая сторона берегла и дорожила дружбою другой стороны. Правда, хотя въ теченіе этого періода и произошли двѣ дуэли, но онѣ имѣли совершенно частный характеръ и, къ сожалѣнію, печальный исходъ. Въ первой былъ убитъ весьма симпатичный и способный молодой человѣкъ поручикъ Вестманъ, а во второй—штабсъ-капитанъ Лилье, человѣкъ серьезный, начитанный, преданный полку и военной службѣ.

Общественная жизнь въ Пятигорскѣ также была полна удовольствій и развлеченій, въ которыхъ постоянно участвовали драгуны. Быстро составились знакомства, танцовальные вечера, любитель-

скіе спектакли, кавалькады, пикники и проч. Все это смѣнялось одно другимъ, не принося ни малѣйшаго ущерба службѣ, которая въ то же время исполнялась строго, безъ уклоненій и отступленій и, правду сказать, охотнѣе чѣмъ тогда, когда приходилось стоять въ скучныхъ штабъ-квартирахъ. Послѣ зимнихъ мѣсяцевъ, полки весною собирались обыкновенно для смотра начальника дивизіи въ общій бригадный лагерь у Пятигорска, противъ самаго города, на правомъ берегу р. Подкумка. Послѣ того они расходились на травяное довольствіе и затѣмъ опять собирались для осенняго смотра. Рядъ этихъ смотровъ и блестящихъ ученій въ присутствіи Высочайшихъ особъ доказалъ, насколько тогдашнее положеніе, бытъ и образъ жизни обоихъ полковъ были выгодны и полезны для нихъ самихъ и для службы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что главными рычагами взаимныхъ отношеній обоихъ полковъ, ихъ служебнаго развитія и общественной дѣятельности были ихъ командиры—полковники Лорисъ-Меликовъ и князь Амилахвари, въ лицѣ которыхъ полки видѣли первый примѣръ вполнѣ дружескихъ отношеній и единодушныхъ стремленій.

Такая жизнь полка, имѣвшая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ рѣшительное вліяніе на всѣ стороны его быта, сама по себѣ составляетъ для него новый періодъ. Если же взять во вниманіе, что одновременно съ нею послѣдовало знаменательное для полка событіе, именно—торжественное вступленіе въ ряды его Государя Императора, то періодъ этотъ пріобрѣтетъ еще и чрезвычайную историческую важность.

Прибытіе Его Императорскаго Величества на Кавказъ, не состоявшееся въ минувшемъ году, совершилось осенью 1871-го года. Въ ожиданіи его, еще въ концѣ іюня начались послѣдовательно въ разныхъ мѣстахъ края лагерные сборы войскъ. Для сѣверцевъ лагерь былъ назначенъ подъ г. Владикавказомъ. Въ составъ войскъ учебнаго владикавказскаго лагеря вошли: тенгинскій, черноморскій и таманскій пѣхотные полки, 2-й и 3-й кавказскіе стрѣлковые баталіоны, четыре батареи 38-й артиллерійской бригады, нижегородскій, Сѣверскій и переяславскій драгунскіе полки, шесть сотенъ кубанскаго казачьяго войска, одна конная батарея терскаго и одна—ку-

банскаго казачьихъ войскъ. Начальникомъ лагеря былъ генералъ-лейтенантъ графъ де-Тулузъ-Лотрекъ.

Въ виду Высочайшаго пріѣзда, долженствовавшаго составить историческую эпоху для Кавказа, характеръ лагерной жизни, по крайней мѣрѣ у сѣверцевъ, былъ совершенно иной, чѣмъ въ предыдущіе годы. Все, кромѣ ожидаемаго событія и подготовки къ нему, являлось дѣломъ второстепеннымъ—даже и полковой праздникъ; многое, что было развлеченіемъ и отдыхомъ въ прежніе лагерные сборы, было вовсе забыто. Исключительное вниманіе было посвящено всѣмъ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя должны были доставить возможность полку представиться вѣнценосному гостю въ наилучшемъ видѣ. Въ сборахъ и приготовленіяхъ къ Царскому смотру проходило все время; мѣры принятыя полкомъ для того, чтобы удостоиться возможнаго вниманія Его Величества, ручались заранѣе въ благополучномъ исходѣ смотра.

Наконецъ, наступилъ столь нетерпѣливо ожидаемый день 17-го сентября. Съ ранняго утра городъ былъ въ движеніи; лагерь также принялъ праздничный видъ. Хотя всѣмъ было хорошо извѣстно, что Государь Императоръ изволитъ прибыть поздно вечеромъ или даже ночью, но массы народа и войска постоянно были въ такомъ состояніи, какъ будто счастливая минута уже вотъ-вотъ наступаетъ. Въ сумерки богатая иллюминація охватила собою всѣ улицы. На площади, передъ недавно отстроеннымъ казеннымъ домомъ командующаго войсками, въ которомъ было приготовлено роскошное помѣщеніе для державнаго гостя, стоялъ почетный караулъ изъ эскадрона нижегородскаго полка, фантастически освѣщенный массою бенгальскихъ огней. На лѣвомъ флангѣ его выстроились всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры, находившіеся въ городѣ и лагерѣ.

Прискакалъ фельдъегерь—вѣстникъ приближавшагося поѣзда, и глубокая тишина воцарилась повсюду. Спустя нѣкоторое время, вдали, по камбилеевской дорогѣ засверкала сотня факеловъ и черезъ нѣсколько минутъ тишина смѣнилась взрывомъ восторженныхъ восклицаній и звуками хора военной музыки. Передъ радостными и ликующими массами народа изволили выйти изъ экипажей: Государь

Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Государи Великие Князья Владимиръ Александровичъ и Михаилъ Николаевичъ. Принявъ почетный караулъ и отпустивъ его, Его Величество удалился въ приготовленные для Него покои. Далеко за полночь тѣснился народъ на улицѣ, жадно улавливая сквозь запертыя окна всякое движеніе, происходившее въ домѣ.

18-го сентября, съ восходомъ солнца, воскресло вчерашнее оживленіе. Толпы большею частью стремились къ лагерному полю, такъ какъ всѣ знали о назначенномъ смотрѣ. Осенній свѣжій день былъ тихій, свѣтлый, прелестный. Нечего и говорить, что съ утренней зари весь лагерь былъ на ногахъ. Собственно готовить было нечего, такъ какъ все уже было готово; но одолѣвало всѣхъ общее нетерпѣніе въ виду ожидаемаго смотра.

Въ десять часовъ войска были выстроены вполнѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ: на правомъ флангѣ пѣхота въ одну линію, въ баталіонныхъ колоннахъ; подъ прямымъ угломъ къ ней кавалерія, въ полковыхъ эскадронныхъ колоннахъ, а позади ея— артилерія. Драгунскіе полки стояли по порядку нумеровъ: на правомъ флангѣ нижегородцы, потомъ Сѣверцы и, наконецъ, переяславцы.

Около десяти съ половиною часовъ изволилъ прибыть Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и, не производя осмотра войскъ, прямо подъѣхалъ къ переяславскому драгунскому Имени Своего полку. Объѣхавъ по фронту всѣ эскадроны и соизволивъ затѣмъ немного бесѣдовать съ командиромъ полка и нѣкоторыми офицерами, Его Высочество занялъ мѣсто на правомъ флангѣ полка. Черезъ полчаса все поле огласилось неумолкаемымъ „ура“ войскъ и народа, торжественно встрѣчавшихъ подъѣзжавшаго Императора. Его Величество, привѣтствуя поочередно войска, шагомъ изволилъ объѣзжать ихъ съ одного фланга до другого, сопровождаемый задушевными кликами. Приблизясь къ нижегородцамъ, Государь Императоръ остановился передъ фронтомъ и, поблагодаривъ ихъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ за боевую службу, объѣхалъ всѣ эскадроны. Восторгу счастливыхъ нижегородцевъ не было предѣла. Поровнявшись затѣмъ съ сѣверцами, Его Величество ограничился только

однимъ милостивымъ привѣтствіемъ и проелѣдовалъ шагомъ по фронту полка къ переяславцамъ.

Казалось, что такого привѣтствія было бы вполнѣ достаточно и для счастья сѣверцевъ, но на дѣлѣ вышло иначе: мгновенная грусть разомъ сковала весь полкъ. Да и было отчего печалиться! Исключительно ласковая встрѣча Государя Императора съ ихъ „братьями-нижегородцами“ и Наслѣдника Цесаревича съ переяславцами невольно перенесла сѣверцевъ къ покойному ихъ шефу. Они чувствовали, что будь Онъ живъ и присутствуй здѣсь, то имъ, среди счастливыхъ своихъ товарищей, не досталась бы роль второстепенная и не пришлось бы понурить головы. Дѣйствительно, въ это время Сѣверскій полкъ представлялъ весьма печальную картину: настроеніе сѣдоковъ какъ бы передалось ихъ конямъ, которые, почувствовавъ распущенные поводья, стояли опустивъ шеи. А торжествующіе и полные гордости сосѣди выглядывали молодцами.

По окончаніи объѣзда, Государь Императоръ, выѣхавъ изъ за лѣваго фланга кавалеріи, направился передъ середину фронта. Проскакавъ не болѣе ста шаговъ, Его Величество вдругъ неожиданно и круто перемѣнилъ направленіе на Сѣверскій полкъ. Сѣверцы ободрились и ожили; всѣ сердца, какъ одно, затрепетали отъ необъяснимаго и невольнаго ожиданія чего то особеннаго. Приблизясь къ фронту, Его Величество остановился. Минута была трепетная, поглотившая всѣ чувства. Не одни сѣверцы, но и лица окружавшія Императора, всѣ войска и народъ—замерли и обратились въ слухъ. Окинувъ полкъ привѣтливымъ взглядомъ, Государь вызвалъ къ Себѣ офицеровъ. Выстроившись мигомъ передъ Его Величествомъ въ видѣ полукруга, офицеры, затаивъ дыханіе, не сводили глазъ съ Монарха. Громко и внятно, но съ видимымъ волненіемъ въ голосѣ, началъ Императоръ рѣчь о заслугахъ полка, всегда и вездѣ достойно оправдывавшаго ту любовь и расположеніе, которое питалъ къ полку покойный шефъ. Рѣчь не была длинна, но въ ней рельефно выразилось все: и чувство Отца, глубоко скорбящаго о невозвратной потерѣ дорогого Сына, и ласка добродѣтельной души, столь присущая почившему Императору. На глазахъ Государя показались слезы.

Но могучая воля Царя одолѣла чувство человѣка, и скорбная тѣнь скоро исчезла съ лица Императора. Еще разъ отблагодаривъ сѣверцевъ за вѣрную и доблестную службу, Его Величество изволилъ въ заключеніе произнести, что, желая почтить боевыя заслуги полка, *„зачисляетъ Себя въ ряды храбраго и молодецкаго полка“*. Восторженное единодушное „ура“ покрыло послѣднія слова Государя, удостоившаго сѣверцевъ столь неожиданнымъ счастьемъ. Торжествующіе офицеры поскакали въ свои мѣста. Полкъ преобразился; на всѣхъ лицахъ выражался нескончаемый восторгъ.

Послѣ этого Государь Императоръ поѣхалъ по фронту всѣхъ эскадроновъ. Поровнявшись съ командиромъ 1-го взвода капитаномъ Гоппе, и увидѣвъ передъ Собою рослаго и представительнаго молодца, Его Величество приказалъ ему прислать свой мундиръ, предположивъ въ этотъ же вечеръ быть на балѣ въ формѣ Сѣверскаго полка. Конечно, послѣ смотра Гоппе не замедлилъ исполнить повелѣніе Его Величества, но, къ сожалѣнію, мундиръ не пришелся вѣнценосному Однополчанину и сѣверцы были лишены радости видѣть въ этотъ день Государя Императора въ мундирѣ ихъ полка.

Объѣхавъ полкъ, Государь поскакалъ на середину. Начался смотръ. Всѣ части показали себя хорошо. Сѣверцы, одушевленные милостями Монарха, старались превзойти самихъ себя. Результатомъ смотра было выраженіе Монаршаго благоволенія всѣмъ начальствующимъ лицамъ, и пожалованіе нижнимъ чинамъ—шевронистамъ по три рубля, а остальнымъ по рублю на человѣка *).

Милости Государя, въ связи съ особеннымъ благоволеніемъ, оказаннымъ сѣверцамъ и нижегородцамъ, дали смѣлость обществу офицеровъ этихъ двухъ полковъ, просить послѣ смотра Августѣйшаго Однополчанина удостоить ихъ посѣщеніемъ въ тотъ же день „на чай“. Государь Императоръ изволилъ благосклонно принять это приглашеніе и вечеромъ пожаловалъ въ лагерь. Радость полковъ не могла сравниться ни съ чѣмъ. Государь Императоръ былъ въ отличномъ настроеніи, ласковъ, милостиво разговаривая съ командирами полковъ и со многими изъ офицеровъ. Съ любо-

---

*) Высочайшій приказъ 18-го сентября 1871-го года.

пытствомъ и вниманіемъ Его Величество выслушалъ старую пѣсню, сложенную при выдѣленіи сѣверцевъ изъ нижегородскаго полка. Уже почти стемнѣло, когда Императоръ изволилъ отбыть въ городъ въ сопровожденіи всѣхъ офицеровъ.

Въ этотъ же день состоялся Высочайшій приказъ, въ коемъ значилось, что „Государь Императоръ, желая почтить заслуги 17-го драгунскаго Сѣверскаго Его Величества Короля Датскаго полка, сформированнаго изъ 16-го драгунскаго нижегородскаго Его Величества Короля Виртембергскаго полка,—за оказанныя онымъ боевыя отличія и славныя дѣла въ продолженіе кавказской войны, Высочайше повелѣлъ числить Его Величество въ этомъ полку“ *).

Вечеромъ Государь Императоръ присутствовалъ на балѣ, данномъ городскимъ обществомъ въ ротондѣ. Балъ былъ роскошный и оживленный. Между прочими приглашенными были и сѣверскіе офицеры.

На слѣдующій день былъ назначенъ отъѣздъ Его Величества въ Тифлисъ. Заблаговременно къ дому, занимаемому Государемъ, собрались всѣ офицеры частей войскъ, находившихся въ лагерѣ подъ Владикавказомъ. Народа была масса. Когда Его Величество изволилъ выйти къ экипажу, восторженное неумолкаемое „ура“ огласило воздухъ. Поѣздъ тронулся. Всѣ, бывшіе тутъ, и между ними офицеры Сѣверскаго полка, сопровождали Государя верхомъ до реданта. По выѣздѣ за городъ началась лихая кавказская джигитовка вокругъ Царскаго экипажа. Ружейная и пистолетная пальба неумолкая гремѣла въ воздухѣ. Его Величество улыбался и нѣсколько разъ хвалилъ особо выдававшихся джигитовъ; одна изъ такихъ милостивыхъ похвалъ досталась и сѣверскому офицеру. Наконецъ у реданта Его Величество простился и отпустилъ конвоировавшихъ обратно.

Рядъ милостей и благоволеній, выраженныхъ Сѣверскому полку во Владикавказѣ, заключился только въ Тифлисѣ: Высочайшимъ приказомъ 21-го сентября Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ былъ зачисленъ въ Сѣверскій полкъ **),

*) Высочайшій приказъ отъ 18-го сентября 1871-го года.

**) Приказъ по кавказскому военному округу 23-го октября № 213.

въ тотъ самый полкъ, съ которымъ Онъ, при вступленіи Своемъ въ командованіе кавказскою арміею, раздѣлилъ боевые подвиги и славу за Кубанью, у Псекупса. Его Высочество не замедлилъ сообщить о Своемъ зачисленіи прежде всего командиру Сѣверскаго полка полковнику Лорисъ-Меликову, находившемуся въ то время уже въ Тифлисѣ, и поручилъ ему передать сѣверцамъ, что „считаетъ за особенную честь числиться въ полку, который такъ любитъ“. Полковникъ Лорисъ-Меликовъ тотчасъ сообщилъ объ этомъ телеграммою въ полкъ, который немедля увѣковѣчилъ эти незабвенныя слова въ особомъ приказѣ, оставшемся навсегда еще однимъ неизгладимымъ доказательствомъ любви и вниманія къ Сѣверскому полку Августѣйшаго главнокомандующаго.

Такимъ образомъ вполнѣ неожиданно и въ самое короткое время два драгоцѣнныхъ Имени украсили собою списки полка, составивъ навсегда его гордость.

Непосредственно за одною радостною вѣстью, изъ Тифлиса послѣдовала и другая—что Государь Императоръ въ первый разъ изволилъ надѣть на Себя мундиръ Сѣверскаго полка 22-го сентября, на балѣ, который давало тифлисское общество въ саду Муштаидъ, въ ознаменованіе прибытія Его Величества въ столицу Грузіи. Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, смѣнявшихся такъ быстро и въ столь короткое время и породившихъ много разнородныхъ и пріятныхъ впечатлѣній, сѣверцы направились изъ Владикавказа обратно въ свою штабъ-квартиру. Матеріала для бесѣдъ и воспоминаній было вдоволь, и послѣдующіе мѣсяцы были проведены, между прочимъ, среди постоянно возобновлявшихся разговоровъ о незабвенныхъ минутахъ, пережитыхъ во Владикавказѣ.

Затѣмъ, все пошло по старому и, какъ обыкновенно бываетъ въ мірѣ, послѣ описанныхъ выдающихся явленій наступило затишье въ быту полка. Если въ теченіе послѣднихъ лѣтъ до открытія кампаніи и встрѣчались какіе либо случаи, близко касавшіеся его служебнаго, а также внутренняго, домашняго положенія, то они были болѣе или менѣе обыденные, не представлявшіе собою ничего выдающагося и не произвели никакого переворота въ жизни сѣверцевъ.

Впрочемъ нельзя не остановиться на приказѣ генералъ-инспектора кавалеріи объ отвѣтственности взводныхъ командировъ за свои части, послѣдовавшемъ 12-го февраля 1872-го года за № 2. Собственно говоря, приказъ этотъ былъ не болѣе, какъ возрожденіемъ или даже напоминаніемъ упущеннаго изъ вида, но не отмѣненнаго и доселѣ закона 1716-го года. Соблюденіе этого закона и возстановленіе силы его имѣютъ дѣйствительно важное практическое значеніе: до этого времени, т. е. до 1872-го года, субалтернъ-офицеры хотя и именовались командирами взводовъ, но не только не принимали никакого участія въ жизни этихъ маленькихъ строевыхъ единицъ, но даже не производили съ ними никакихъ опредѣленныхъ занятій, оставляя заботу и попеченіе о нихъ на эскадронномъ командирѣ. При установившемся, такимъ образомъ, отъ времени порядкѣ, взводные командиры не имѣли никакого значенія въ образовательномъ быту эскадроновъ и вслѣдствіе этого, безъ всякаго ущерба для нихъ, могли быть перемѣщаемы, отчисляемы, замѣняемы одинъ другимъ—что постоянно и практиковалось. Съ возстановленіемъ же закона 1716-го года обстановка и положеніе этихъ лицъ становились совершенно иными: они являются уже не фиктивными, какъ прежде, но дѣйствительными ближайшими помощниками эскадронныхъ командировъ; личное положеніе ихъ также упрочивается, потому что они назначаются приказомъ по полку; будучи отвѣтственны за успѣхъ занятій во взводахъ, они волей-неволей дѣлаются полезными для солдата настолько же, насколько и сами образуются, вырабатываются и пріобрѣтаютъ необходимый опытъ для предстоящаго имъ командованія частями—что въ особенности важно при теперешнихъ короткихъ срокахъ службы солдата.

Среди текущихъ въ 1872-мъ году обиходныхъ явленій жизни, въ особенности озабочивало сѣверцевъ одно, вполнѣ семейное ихъ предпріятіе, получившее начало тотчасъ по прибытіи ихъ изъ владикавказскаго лагеря. Подъ живымъ впечатлѣніемъ счастливаго для нихъ дня 18-го сентября, они задумали, въ память важнаго для нихъ событія, составить и поднести Государю Императору альбомъ, въ которомъ первое мѣсто принадлежало бы картинѣ, совершившейся въ тотъ незабвенный день—именно, зачисленію Себя Его Вели-

чествомъ въ ряды полка. Хотя заказъ этого альбома былъ сдѣланъ въ Петербургѣ, въ извѣстномъ англійскомъ магазинѣ Никольса и Плинке, но все же за исполненіе его и вообще за артистическую сторону заказа нельзя было не тревожиться, уже въ силу одного лишь назначенія, которое долженъ былъ получить альбомъ. Съ нетерпѣніемъ всѣ ожидали изготовленія его и, наконецъ, дождались. Онъ оказался во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненнымъ и изящнымъ. Прежде всего на серебряной оксидированной крышкѣ его, между рельефными украшеніями, останавливала невольное вниманіе гравированная картина того момента, въ который Государь Императоръ, вызвавъ офицеровъ передъ фронтъ, осчастливилъ полкъ зачисленіемъ Себя въ его боевую семью. Тутъ же красовалась рельефная надпись: „Его Величеству Государю Императору Александру Николаевичу въ память зачисленія Его Императорскаго Величества въ полкъ. Всеподданнѣйше подноситъ 17-й драгунскій Сѣверскій Его Величества Короля Датскаго полкъ. 18-го сентября 1871-го года“. По сторонамъ картины были означены годы сформированія нижегородскаго и Сѣверскаго полковъ—1701-й и 1856-й. Потомъ, въ самомъ альбомѣ, на малиновомъ фонѣ, среди арматурныхъ украшеній изъ георгіевскихъ штандартовъ, серебряныхъ трубъ, знаковъ отличія и Высочайшихъ грамотъ, красовались портреты четырехъ Августѣйшихъ особъ: Государя Императора, въ Бозѣ почившаго Наслѣдника Цесаревича, Короля Датскаго, Великаго Князя главнокомандующаго и двѣ группы: бывшихъ полковыхъ командировъ и офицеровъ; далѣе слѣдовали четыре группы поэскадронно и наконецъ—три картины, изображавшія собою наиболѣе выдающіяся военныя событія изъ жизни полка: ачхоевское дѣло (2-го дивизіона), взятіе въ плѣнъ Шамиля на Гунибѣ (3-го дивизіона) и псекупское дѣло (1-го дивизіона). Этотъ роскошный альбомъ былъ поднесенъ Его Императорскому Величеству депутатами отъ полка—полковникомъ Лорисъ-Меликовымъ, подполковникомъ Воробьевымъ и капитанами Гоппе и Ивановымъ. Государь Императоръ съ обычнымъ благоволеніемъ удостоилъ принять подарокъ Своихъ однополчанъ и выразилъ ихъ представителямъ Свою Всемилостивѣйшую благодарность.

Это было послѣднимъ дѣяніемъ полковника Лорисъ-Меликова:

Высочайшимъ приказомъ 24-го марта 1873-го года онъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять при кавказской арміи и по армейской кавалеріи, а вмѣсто него командиромъ Сѣверскаго полка, тѣмъ же приказомъ, назначенъ бывшій нижегородецъ, а потомъ и сѣверецъ, въ то время командиръ резервнаго эскадрона тверскаго драгунскаго полка, полковникъ Батіевскій *), которому полкъ представился 2-го мая; окончательный же пріемъ полка состоялся 1-го іюня.

Періодъ командованія полкомъ полковника Батіевскаго съ 1873-го года и до мобилизаціи арміи былъ тихій и въ историческомъ отношеніи не ознаменованъ никакими явленіями. Хотя въ послѣдніе три года сѣверцы каждый разъ и были удостоиваемы посѣщенія Великаго Князя главнокомандующаго, изволившаго пріѣзжать для осеннихъ смотровъ, но какъ эти посѣщенія, такъ и самые смотры имѣли характеръ болѣе домашній и не сопровождались никакими случайностями, которыя могли бы сколько нибудь освѣтить данную эпоху. Послѣднему условію много способствовало и то, что въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ, съ 1872-го по 1876-й, общій учебный лагерь для полка, вмѣстѣ съ нижегородцами, былъ назначаемъ въ раіонѣ его расположенія подъ Пятигорскомъ, куда къ назначенному времени прибывали полки 38-й пѣхотной дивизіи. По поводу лагерныхъ занятій въ 1874-мъ году и представленныхъ о нихъ за тотъ годъ отчетовъ, послѣдовали нѣкоторыя вѣскія, частью касавшіяся и кавалеріи, указанія Его Императорскаго Высочества, на основаніи которыхъ разъ навсегда установлено было подробное распредѣленіе лагерныхъ занятій и програма отчета объ нихъ **). Распредѣленіе касалось занятій въ полковыхъ и въ общихъ сборахъ. Эти практическія и полезныя указанія, служившія послѣдствіемъ многолѣтнихъ лагерныхъ сборовъ, были тотчасъ приняты къ руководству и въ томъ же году привели къ весьма благопріятнымъ результатамъ—сперва на смотрахъ главнокомандующаго, происходившихъ подъ Пятигорскомъ съ 21-го іюля, а потомъ, 8-го ноября, на по-

---

*) Приказъ по кавказскому военному округу 23-го августа № 93.

**) Приказъ 13-го мая 1875-го года № 82.

вомъ смотру генералъ-инспектора кавалеріи. На этотъ разъ Государь Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, оставшись, какъ и прежде, весьма доволенъ общимъ состояніемъ обоихъ драгунскихъ полковъ, а также ихъ строевыми познаніями, изволилъ ограничиться лишь самыми незначительными замѣчаніями.

Въ такомъ положеніи застаютъ Сѣверскій полкъ уже достаточно сгустившіяся на востокѣ тучи, предвѣщавшія близкую грозу. Предзнаменованія ея являлись вездѣ, не исключая и нашихъ высшихъ правительственныхъ сферъ, откуда время отъ времени слѣдовали распоряженія, подготовлявшія и войска, и народъ ко всякой неожиданной случайности.

Несмотря однако на все это, пунктомъ лагернаго сбора съ 1-го іюля по 1-е августа 1876-го года для Сѣверскаго и нижегородскаго полковъ заблаговременно, именно въ половинѣ февраля *), былъ по прежнему назначенъ г. Пятигорскъ. Начиная съ весны и до выступленія въ лагерь, время было проведено въ обычныхъ строевыхъ занятіяхъ и среди травянаго довольствія. По окончаніи лагернаго сбора эскадроны разошлись по зимнимъ квартирамъ. Такъ какъ никакихъ передвиженій не имѣлось въ виду, то и было приступили къ обычнымъ занятіямъ. Вдругъ, 14-го сентября получена была телеграмма начальника окружнаго штаба о немедленномъ выступленіи обоихъ полковъ, Сѣверскаго и нижегородскаго, въ г. Александрополь. Съ неописаннымъ восторгомъ встрѣтили сѣверцы это приказаніе. Черезъ три дня, 17-го сентября, полкъ двинулся походнымъ порядкомъ до станціи Незлобной, тамъ былъ посаженъ въ вагоны ростово-владикавказской желѣзной дороги, и 19-го сентября явился во Владикавказѣ, гдѣ и соединился съ нижегородцами, прослѣдовавшими впереди его. Во Владикавказѣ были сдѣланы двѣ дневки. 22-го сентября, послѣ прекрасной напутственной рѣчи командующаго войсками Терской области генералъ-адъютанта Свистунова, сѣверцы двинулись по военно-грузинской дорогѣ въ Тифлисъ. Много походовъ совершили они въ теченіе двадцати лѣтъ своего существованія, но ни одинъ, сколько могли запомнить старые офицеры, не былъ

*) Приказъ по округу 14-го февраля 1876-го года № 25.

такъ пріятенъ и не казался столь легкимъ, какъ переходъ черезъ горы въ 1876-мъ году, въ это счастливое время года, при отличныхъ во всѣхъ отношеніяхъ климатическихъ условіяхъ и подъ вліяніемъ радужныхъ надеждъ и впечатлѣній.

1-го октября полкъ прибылъ къ Тифлису. Не входя въ городъ, онъ остановился на давно знакомомъ лагерномъ мѣстѣ, на предмѣстьи Верѣ, и, въ ожиданіи главнокомандующаго, выстроился развернутымъ фронтомъ. Его Императорское Высочество изволилъ прибыть тотчасъ же, и, поздоровавшись съ полкомъ, благодарилъ его за исправность и готовность къ походу, а также и за быстрое выступленіе. Осмотрѣвъ фронтъ полка и распустивъ эскадроны по коновязямъ, Государь Великій Князь изволилъ приступить къ тщательному обзору вооруженія, снаряженія и обмундированія полка. Все было найдено въ отличномъ порядкѣ и въ исправности, за что полкъ еще разъ удостоился похвалы и благодарности. Однѣ только лошади найдены были худоватыми; ихъ дѣйствительно порядкомъ подтянуло послѣ лагернаго сбора и похода черезъ горы.

Въ Тифлисѣ, какъ и во Владикавказѣ, сѣверцы имѣли двѣ дневки. Такъ какъ предчувствіе имъ внушало, что не скоро прійдется вновь встрѣтиться съ этими мѣстами, то они не упустили случая провести два дня съ пользою для предстоявшей впереди продолжительной походной жизни и не безъ удовольствія для себя самихъ.

4-го октября полкъ выступилъ изъ Тифлиса; походъ былъ весьма пріятенъ, такъ какъ дорога, по маршруту, лежала на прохладную и всегда оживленную зеленью въ это время лорійскую степь, а затѣмъ на Мокрыя горы. Черезъ двѣнадцать дней, 16-го октября, весело и бодро приближались сѣверцы къ Александрополю. Не вдали отъ города они встрѣчены были всѣми офицерами тверскаго драгунскаго полка, которые потоварищески угостили въ этотъ день своихъ походныхъ собратовъ. Лагерь заняли въ составѣ прочихъ войскъ, на Арпачаѣ. 18-го октября прибылъ изъ Тифлиса командующій дѣйствующимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, тотчасъ вызвалъ по тревогѣ войска и произвелъ имъ смотръ. Для сѣверцевъ это было началомъ ряда ученій по всѣмъ отраслямъ

строеваго образованія, продолжавшихся въ общемъ александропольскомъ лагерѣ до объявленія мобилизаціи.

VIII.

Расположеніе на зимнихъ квартирахъ въ окрестностяхъ Александрополя. Высочайшее повелѣніе о мобилизаціи. Образованіе сводныхъ кавалерійскихъ дивизій. Смотръ 4-го декабря. Занятія. Выступленіе на лорійскую долину. Устройство обоза. Движеніе въ Александрополь. Смотръ на баяндурскомъ полѣ и пребываніе въ лагерѣ. Распоряженіе о движеніи къ Александрополю. Составъ Сѣверскаго полка. Объявленіе войны. Приказъ по округу за № 79. Переходъ границы. Овладѣніе непріятельскими постами. Приказъ по корпусу объ отношеніяхъ нашихъ къ населенію. Фланговое движеніе къ Карсу. Первая стычка съ частью турецкихъ войскъ. Поиски кавалеріи, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Чавчавадзе, съ 16-го по 19-е апрѣля и первая тяжелая ночь. Кавалерійскій лагерь у Визинкея. Послѣдствія упомянутыхъ движеній. Обезпеченіе кавалеріи фуражемъ. Выступленіе особой колонны къ Ардагану и присоединеніе кавалеріи къ войскамъ заимскаго лагеря. Пожалованіе первыхъ знаковъ отличія военнаго ордена. Жизнь въ заимскомъ лагерѣ. Рекогносцировки 4-го и 8-го мая. Свѣдѣніе о взятіи Ардагана.

Смотры командующаго дѣйствующимъ корпусомъ въ октябрѣ мѣсяцѣ заключили собою занятія учебнаго лагеря подъ Александрополемъ. Въ послѣднихъ числахъ октября войска постепенно стали выступать на зимнія квартиры, располагались въ окрестныхъ деревняхъ и тамъ ожидали повелѣнія о мобилизаціи — приводя себя въ полную боевую готовность на случай объявленія войны. Сѣверцы выступили 2-го ноября и размѣстились въ селеніяхъ Капули, Талибъ-оглы, Имирханлы и маломъ Караклисѣ. Едва только заняли они эти мѣста, какъ послѣдовалъ 5-го ноября приказъ по дѣйствующему корпусу, въ которомъ было объявлено Высочайшее повелѣніе 2-го ноября о приведеніи войскъ кавказской арміи въ военный составъ. Это была первая частная мобилизація. Она, между прочимъ, не коснулась на этотъ разъ драгунскихъ полковъ; но изъ росписанія

главнаго штаба № 6-й о призывѣ на службу нижнихъ чиновъ запаса, объявленному по кавказскому военному округу 20-го октября, усматривалось, что для этихъ полковъ должны будутъ сформироваться маршевые эскадроны, численностью на каждый полкъ въ 544 нижнихъ чина. Для маршевыхъ эскадроновъ Сѣверскаго полка люди эти были предназначены изъ губерній вятской, симбирской и Кубанской области. Непосредственно за этимъ приказомъ, по корпусу послѣдовалъ другой, отъ 6-го ноября за № 7-мъ, въ которомъ указано было образованіе трехъ сводныхъ кавалерійскихъ дивизій и одной сводной бригады. Нижегородскій и Сѣверскій полки, вмѣстѣ съ двумя волгскими и вторымъ кизляро-гребенскимъ конными казачьими полками, составили вторую сводную кавалерійскую дивизію дѣйствующаго корпуса, ввѣренную начальствованію бывшаго командира Сѣверскаго полка, а въ то время командира 1-й бригады кавказской кавалерійской дивизіи, генералъ-маіора Лорисъ-Меликова. Такимъ образомъ, „братья“ и здѣсь оказались неразлучными. Общее командованіе всею кавалеріею отряда было ввѣрено командиру 2-й бригады кавказской кавалерійской дивизіи генералъ-маіору князю Захарію Чавчавадзе, на котораго возлагалась забота о благосостояніи и полной исправности кавалерійскихъ частей. Драгунскіе полки, поступивъ подъ начальство командующихъ сводными дивизіями генераловъ въ строевомъ, командномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, остались въ отношеніи спеціальнаго кавалерійскаго образованія въ прямой зависимости отъ начальника кавказской кавалерійской дивизіи.

Тотчасъ по размѣщеніи на зимнихъ квартирахъ занятія начались во всей полнотѣ, съ примѣненіемъ ихъ преимущественно къ потребностямъ на боевомъ полѣ. Среди нихъ главную роль играли пограничные разъѣзды и развѣдки для изученія мѣстности, аванпостная служба—преимущественно ночная, стрѣльба, маневрированіе малыми и большими частями и проч. На лошадей было обращено особенное вниманіе и хотя ихъ размѣстили по буйлятникамъ повозможности удобно, кормили сытно енжою (родъ клевера), ячменемъ, саманомъ и сѣномъ, но въ то же время не позволяли имъ застаиваться, дѣлая частыя проѣздки и пріучая ихъ на открытомъ воздухѣ,

при разныхъ перемѣнахъ погоды, къ перенесенію всякихъ невзгодъ. Лошади, достаточно изнурившіяся послѣ мѣсячнаго похода, быстро стали поправляться, такъ что, когда командующій корпусомъ вызвалъ въ Александрополь нижегородскій, Сѣверскій, 2-й волгскій полки и терскую конную батарею съ ихъ обозами, и 4-го декабря, въ составѣ нѣкоторыхъ другихъ войскъ, произвелъ имъ смотръ, односторонній маневръ и церемоніальный маршъ, то нашелъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ въ положеніи очень хорошемъ *). Въ свободное отъ служебныхъ занятій время никто изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ не оставался празднымъ, чувствуя всю важность того дѣла, для пользы котораго они трудились: офицеры преимущественно занимались тогда изученіемъ турецкаго языка, съемками, чтеніемъ распространявшихся въ войскахъ черезъ штабъ дѣйствующаго корпуса топографическихъ, географическихъ и прочихъ подобнаго рода описаній той территоріи, на рубежѣ которой стояли въ полномъ всеоружіи, а нижніе чины—обезпеченіемъ себя на продолжительное походное время наиболѣе важнымъ имуществомъ, уходомъ за своимъ оружіемъ и сбруею и т. п. Между прочимъ, среди всѣхъ этихъ занятій, въ эскадронахъ были разновременно отточены шашки и штыки.

Въ такомъ положеніи сѣверцы провели два слишкомъ мѣсяца, и, конечно, никто ни разу не пожаловался ни на скуку и однообразіе, ни на тягость дурной зимней стоянки въ сакляхъ и буйлятникахъ, ни на усиленныя служебныя занятія; всѣ ясно сознавали, что каковы бы ни были встрѣчаемыя неудобства—они вполнѣ необходимы и неизбѣжны.

Во второй половинѣ февраля 1877-го года эта жизнь была слегка нарушена, хотя и не прервана, приказомъ по корпусу отъ 20-го числа того мѣсяца, на основаніи котораго, для изученія артилерійской службы при орудіяхъ, отъ полка были командированы во 2-ю конную батарею кубанскаго казачьяго войска одинъ офицеръ, одинъ унтеръ-офицеръ и 19-ть рядовыхъ съ строевыми лошадьми. Всѣ они обратно прибыли въ полкъ 26-го марта. Затѣмъ,

---

*) Телеграмма къ Его Высочеству 4-го декабря № 138.

одновременно съ этимъ распоряженіемъ и вслѣдствіе особыхъ хозяйственныхъ соображеній, полку приказано было выступить на новыя квартиры въ лорійскую долину. Оставивъ въ Александрополѣ, при находившемся тамъ полковомъ складѣ, команду нижнихъ чиновъ при офицерѣ, а также необходимое число всякаго рода мастеровыхъ, преимущественно портныхъ, полкъ выступилъ по назначенію 25-го февраля и черезъ три дня, 28-го февраля, расположился на новыхъ квартирахъ въ селеніяхъ Воронцовкѣ и Привольномъ. Послѣднее изъ нихъ было штабъ-квартирою полка.

Всѣ занятія, которыя обусловливали бытъ офицеровъ въ окрестностяхъ Александрополя, продолжались и на новой стоянкѣ; къ нимъ прибавлены только постоянныя проѣздки, которыя, согласно приказу по корпусу, производились аккуратно черезъ день, не смотря ни на какую погоду. Вся разница между прежнею и новою стоянками состояла въ томъ, что въ русскихъ и притомъ богатыхъ селеніяхъ жизнь была удобнѣе и для нижнихъ чиновъ значительно веселѣе и оживленнѣе. Тутъ провели большую часть великаго поста, отговѣлись и встрѣтили обычнымъ порядкомъ день Христова Воскресенья.

Между тѣмъ, распоряженія, предвѣщавшія близкій походъ, слѣдовали одно за другимъ; къ числу ихъ главнымъ образомъ принадлежитъ приказъ по корпусу объ офицерскомъ обозѣ. Командиру полка разрѣшалось имѣть въ походѣ одну повозку, чинамъ штаба двѣ и на полкъ семь. Конструкція этихъ повозокъ допускалась вполнѣ произвольная; мало того, каждая повозка могла быть даже замѣнена четырмя вьючными лошадьми; наконецъ, офицерамъ разрѣшено было, кромѣ одной строевой верховой лошади, имѣть еще и другую. Это распоряженіе, обусловливавшее необходимыя потребности полка, было однимъ изъ послѣднихъ, болѣе или менѣе важныхъ, въ періодъ пребыванія полка въ с. Привольномъ. Едва успѣли привести его въ исполненіе, какъ разнесся слухъ о скоромъ прибытіи въ Александрополь Государя Великаго Князя главнокомандующаго. Въ виду тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ и до крайности осложнившихся нашихъ отношеній къ Турціи, многіе подозрѣвали въ этомъ пріѣздѣ Великаго Князя желаніе Его Высочества не

только обозрѣть войска, чтобы убѣдиться лично въ ихъ готовности къ походу, но даже и напутствовать ихъ къ движенію въ непріятельскую землю.

3-го апрѣля полкъ экстренно былъ вызванъ къ границѣ и немедленно выступилъ. На другой день онъ былъ встрѣченъ на маршѣ, въ селеніи Кишлякъ, главнокомандующимъ, слѣдовавшимъ въ Александрополь, гдѣ Его Высочество изволилъ на другой день произвести смотръ правой колоннѣ главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса *). Пропустивъ полкъ мимо себя повзводно, Государь Великій Князь остался вполнѣ доволенъ его совершенною боевою готовностью. Изъ Кишляка полкъ продолжалъ дальнѣйшее движеніе къ границѣ и 7-го апрѣля, прямо съ похода, вступилъ въ общій строй войскъ, собранныхъ для смотра Его Высочества на баяндурскомъ полѣ, между селеніями Дагарли и Баяндуромъ, и составлявшихъ лѣвую колонну главныхъ силъ **). Войска были выстроены въ шесть линій. Сѣверскій полкъ, въ составѣ своей дивизіи, сталъ въ четвертой линіи, въ полковой эскадронной колоннѣ. Парадомъ командовалъ начальникъ кавалеріи генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе.

Въ одиннадцать и три четверти часа главнокомандующій, въ сопровожденіи многочисленной свиты, изволилъ подъѣхать къ первой линіи и оттуда начать объѣздъ войскъ. Привѣтствія, оглушительное и неумолкаемое „ура“, свидѣтельствовавшее объ искреннемъ одушевленіи войскъ при видѣ ихъ царственнаго Вождя, музыка, гремѣвшая непрерывно—все это составило торжественный и потрясающій концертъ. Обозрѣвъ войска, Его Высочество изволилъ послѣдовательно подъѣхать къ дивизіямъ и къ артилерійской бригадѣ, и вызвавъ передъ фронтъ офицеровъ каждаго рода оружія, отдѣльно отнесся къ нимъ съ краткою рѣчью, напоминая о прошлыхъ подвигахъ славныхъ кавказскихъ войскъ и выражая надежду

---

*) Правая колонна состояла изъ 9-ти баталіоновъ, 4-хъ эскадроновъ, 20-ти сотенъ, 3-хъ пѣшихъ и одной конной батарей (32 орудія).

**) Въ составъ лѣвой колонны входила кавказская гренадерская дивизія съ ея артилеріею (16-ть баталіоновъ и 6-ть батарей), 2-я сводная кавалерійская дивизія (8-мь эскадроновъ и 12-ть сотенъ) и 1-я конная батарея терскаго казачьяго войска (всего вообще 56 орудій).

на новыя заслуги. Послѣ этого, Государь Великій Князь приказывалъ каждой группѣ офицеровъ передать сказанное нижнимъ чинамъ. Офицерамъ же драгунской бригады главнокомандующій сказалъ:

— Вы—братья, нижегородцы и сѣверцы. Съ вами Я долго говорить не буду. Я увѣренъ, что если понадобится—вы достойно поддержите вашу боевую славу.

Офицеры этихъ обоихъ полковъ, какъ и всѣ прочіе, прискакавъ обратно къ фронту, передали слова Его Высочества нижнимъ чинамъ. Въ это время и остальныя части войскъ знали уже все, что относилось къ каждой изъ нихъ. Восторгъ былъ полный, общій, и еще разъ продолжительное „ура“ покатилось по обширному полю, напоминавшему всѣмъ одну изъ лучшихъ страницъ нашей исторіи 1853-го года.

Отвѣтный возгласъ войскъ на заявленіе главнокомандующаго не былъ однимъ только условнымъ и установленнымъ воинскимъ кликомъ; въ эту минуту онъ былъ и многозначителенъ, и полонъ великаго содержанія; въ немъ дѣйствовало не только неподдѣльное одушевленіе, но и та преданность своему долгу, предъ неотразимою силою которой рушатся всѣ преграды, встрѣчающіяся на пути къ исполненію его.

Выраженію поистинѣ фанатическихъ чувствъ, казалось, не будетъ предѣла. Великій Князь внималъ ему съ удовольствіемъ, не желая нѣкоторое время нарушить его, давая ему возможность излиться и облегчить сердце каждаго. Этимъ главнокомандующій оказывалъ видимое уваженіе къ высокимъ и задушевнымъ побужденіямъ ввѣреннаго Ему войска. Наконецъ, сердце высказалось, жажда утолена, и, по знаку главнокомандующаго, оглушающіе возгласы и клики смѣнились заповѣдною, баснословною тишиною. Страшна, хотя и торжественна, была только-что гудѣвшая буря; но еще поразительнѣе былъ этотъ мгновенный переходъ къ безусловному затишью. Высокій смыслъ имѣли въ данную минуту эти перипетіи, которыя могъ производить, посредствомъ нѣсколькихъ словъ или взмаха руки, представитель лучшей въ мірѣ арміи. Много ручательствъ и надеждъ сулили онѣ въ будущемъ, и это будущее доказа-

ло, насколько велика была надъ кавказскими войсками сила обаянія ихъ любимаго главнокомандующаго.

Начался церемоніальный маршъ. Сперва прошли повзводно, а потомъ въ сомкнутыхъ колоннахъ; кавалерія же поэскадронно. 1-й эскадронъ сѣверцевъ, между прочимъ, былъ пропущенъ въ карьеръ. Блестящій смотръ закончился теплою благодарностью Великаго Князя. Его Высочество, съ одной стороны, видимо тронутый безпредѣльною преданностью къ Нему войскъ, а съ другой—вполнѣ довольный ихъ внѣшнимъ видомъ и нравственнымъ состояніемъ, изволилъ заключить этотъ достопамятный часъ однимъ изъ тѣхъ незабвенныхъ выраженій, которыхъ такъ много записано уже на страницахъ кавказской исторіи въ періодъ командованія войсками Государемъ Великимъ Княземъ. Поблагодаривъ за состояніе войскъ начальниковъ частей, главнокомандующій сказалъ имъ:

— Если съ такими войсками мы не побѣдимъ, то въ этомъ будемъ сами виноваты.

По окончаніи парада главнокомандующій удостоилъ принять завтракъ, предложенный Его Высочеству главнымъ отряднымъ начальствомъ. Въ концѣ завтрака Государь Великій Князь провозгласилъ тостъ за здоровье солдатъ, и прощаясь съ присутствовавшими, пожелалъ имъ въ непродолжительномъ времени быть далеко за границею.

Послѣ смотра, въ Сѣверскомъ полку было приступлено къ послѣднимъ рѣшительнымъ приготовленіямъ. Къ числу ихъ нужно отнести одно изъ весьма полезныхъ, испытанное полкомъ еще въ минувшую кавказскую войну и оказавшееся очень практичнымъ и цѣлесообразнымъ, а именно—замѣну неудобныхъ сѣдельныхъ чемодановъ мѣшками, въ которые входили всѣ солдатскія мягкія вещи. Мѣшки эти, на манеръ казачьихъ подушекъ, укладывались на ленчикъ и пристегивались къ нему трочнымъ ремнемъ. Къ десятому апрѣля всѣ приготовленія были окончены, и для продолжительнаго, даже самаго тяжелаго похода ни одна мелочь не была упущена. 11-го апрѣля, незадолго до вечера, командиръ полка полковникъ Батіевскій получилъ приказаніе выступить на утро въ Александрополь. Въ полночь же разнесся рѣшительный слухъ объ объявленіи

войны и о переходѣ на другой день границы. Но такъ какъ въ части приказаніе о томъ передано еще не было, и полковникъ Батіевскій, подобно всѣмъ прочимъ командирамъ, его не получилъ, то, слѣдуя первоначальному распоряженію о движеніи въ Александрополь, снялъ лагерь Сѣверскаго полка и въ два часа по полуночи выступилъ среди непроглядной темноты, подъ накрапывавшимъ слегка дождемъ.

Составъ полка былъ слѣдующій: дивизіонами командовали—первымъ подполковникъ Шахаліевъ, вторымъ полковникъ Воробьевъ; эскадронами—первымъ маіоръ Гоппе, вторымъ капитанъ Сакварелидзе-Бежановъ, третьимъ маіоръ Никифоровъ и четвертымъ капитанъ князь Микеладзе; завѣдывающимъ хозяйствомъ былъ маіоръ Никулищевъ. Всѣ эти офицеры, кромѣ князя Микеладзе, недавно переведеннаго въ полкъ и принявшаго четвертый эскадронъ, были старые и испытанные въ кавказскихъ бояхъ. Кромѣ нихъ и командира полка, въ строю находились: пятнадцать оберъ-офицеровъ, одиннадцать вольноопредѣляющихся, 26-ть трубачей съ учениками, 67-мь унтеръ-офицеровъ, 14-ть ефрейторовъ, 572 рядовыхъ и 105 нестроевыхъ; лошадей строевыхъ 595, обозныхъ 63. Въ число сихъ послѣднихъ входили и лошади оберъ-офицерскаго обоза, на каждый эскадронъ по одному четверочному фургону.

Тотчасъ по выступленіи Сѣверскаго полка, въ баяндурскомъ лагерѣ закипѣла самая оживленная дѣятельность. Причины, ее породившія, а равно обстоятельства, имъ предшествовавшія, заключались въ слѣдующемъ:

11-го апрѣля корпусный командиръ получилъ въ Александрополѣ секретную телеграмму главнокомандующаго слѣдующаго содержанія:

„Завтра, 12-го числа, послѣдуетъ объявленіе войны Турціи. Вслѣдствіе этого, по Высочайшему повелѣнію, предлагаю вамъ завтра съ войсками ввѣреннаго вамъ корпуса открыть наступательныя дѣйствія въ предѣлы Турецкой имперіи“.

Приказаніе это было немедленно перетелеграфировано начальникамъ ахалцыхскаго и эриванскаго отрядовъ; начальникамъ же обѣихъ колоннъ главныхъ силъ корпуса оно было сообщено въ

особыхъ письменныхъ приказахъ, одинъ изъ которыхъ былъ полученъ въ лѣвой колоннѣ только въ полночь. Отсюда и явился въ лагерѣ рѣшительный слухъ о войнѣ. Но такъ какъ передача приказа въ части произошла едва только черезъ два часа слишкомъ, когда сѣверцы были уже на маршѣ къ Александрополю, то, естественно, что приказъ ихъ въ лагерѣ уже не засталъ. Въ приказѣ было изложено слѣдующее:

„Кавказской гренадерской дивизіи, съ ея артилеріею и тремя сотнями волгскаго полка, выстроиться въ шесть часовъ утра, 12-го апрѣля, лѣвѣе лагеря пѣхоты, для молебствія, послѣ котораго части эти перейдутъ Арпачай у Баяндура по наведенному мосту. Кавалерія же выступитъ изъ лагеря двумя колоннами: первой, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, въ составѣ Сѣверскаго полка, двухъ сотенъ волгскаго, четырехъ сотенъ кизляро-гребенскаго и сотни конно-иррегулярнаго александропольскаго дивизіона, съ такимъ расчетомъ, чтобы перейти Арпачай въ четыре часа утра, а второй колоннѣ, въ составѣ двухъ эскадроновъ нижегородскаго и двухъ сотенъ втораго волгскаго полковъ, выступить въ семь часовъ утра“. Остальные два эскадрона нижегородцевъ должны были перейти Арпачай въ четыре съ половиною часа утра.

И такъ, рядъ соображеній и всякихъ догадокъ разрѣшился мгновенно и неожиданно, потому что хотя о разрывѣ съ Турціею не могло быть никакого сомнѣнія, но всѣ думали, что ему будетъ предшествовать, по установленному обычаю, Высочайшій манифестъ; а тутъ, вдругъ, прежде чѣмъ войска узнали о манифестѣ, послѣдовалъ одинъ только краткій и вполнѣ удобопонятный приказъ. Впрочемъ, хотя этотъ приказъ какъ-бы съ неба слетѣлъ—онъ не озадачилъ никого, потому что неизбѣжность войны сдѣлалась давно убѣжденіемъ всего русскаго войска и народа, и самый манифестъ на этотъ разъ представлялся въ глазахъ всѣхъ не болѣе, какъ традиціонною формальностью. Каждый русскій зналъ очень хорошо положеніе къ тому времени нашихъ дѣлъ на востокѣ; знали его отлично и въ войскахъ дѣйствующаго корпуса. Поэтому, для послѣднихъ весьма достаточно было категорическаго и сжатаго приказа, а что касается остальныхъ войскъ кавказской арміи и самаго края,

то для нихъ оказался какъ нельзя болѣе удовлетворительнымъ другой приказъ по кавказскому военному округу за № 79-мъ, который былъ разнесенъ 12-го же апрѣля частными и правительственными телеграммами во всѣ углы кавказской окраины. Приказъ этотъ, какъ-бы возмѣщавшій пока въ предѣлахъ Кавказа Высочайшій манифестъ, былъ слѣдующаго содержанія:

„Войска кавказской арміи! Державная воля Государя Императора призываетъ васъ нынѣ къ защитѣ оружіемъ чести и достоинства вашего отечества. За вами—славное прошлое кавказскихъ войскъ, предъ вами—поля и твердыни, обагренныя кровью вашихъ отцевъ и братій.

„Впередъ, съ Богомъ, за родину и великаго Государя!"

Сѣверцамъ было дано знать объ объявленіи войны и переходѣ границы только въ четыре часа утра, когда они находились у берега Арпачая. Здѣсь они получили приказаніе—перейти границу и снять турецкіе пограничные посты, но объявить имъ предварительно о разрывѣ и требовать сдачи, не приступая безъ надобности къ дѣйствію оружіемъ. Этотъ часъ былъ моментомъ наступленія главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса по всей пограничной линіи отъ Шишъ-Тапы до Казаръ-Абата.

Утро стояло сѣрое; мелкій дождикъ не унимался. Арпачай былъ въ разгарѣ своего половодья и шумно, сердито катилъ грязныя въ это время волны, будто негодуя на чужестранныхъ пришельцевъ, готовившихся отнять его навсегда у старыхъ владѣльцевъ, съ которыми онъ давно прижился. Но ни глубина и ширина рѣки, ни быстрое теченіе, упрямо преграждавшее дорогу нашимъ войскамъ, не остановили энергичнаго ихъ наступленія по всей линіи. Сѣверцы двинулись не разбирая брода и скоро перенеслись, частью вплавь, на противуположный берегъ рѣки. Только взводъ втораго эскадрона, подъ командою прапорщика Савченко-Бѣльскаго, перешелъ рѣку нѣсколько раньше въ сторонѣ отъ полка, у селенія Калялю, прямо противъ одного изъ турецкихъ постовъ. Выйдя изъ воды, взводъ моментально подскакалъ къ посту, занятому двадцатью двумя человѣками турецкихъ драгунъ, объявилъ имъ объ открытіи войны и потребовалъ сдачи. Всполошенные и озадаченные турки

сперва бросились къ оружію, но при угрозѣ, что будутъ перебиты, пришли въ себя, выстроились по командѣ своего офицера и, послѣ краткаго раздумья, нерѣшительно сложили оружіе. Такимъ образомъ, первый, хотя и незначительный, успѣхъ въ непріятельской землѣ достался сѣверцамъ безъ кровопролитія.

Противъ мѣста, гдѣ переправился полкъ, и далѣе по пути его слѣдованія, были и другіе непріятельскіе посты, тотчасъ же взятые сѣверцами. Турки, занимавшіе ихъ, не сопротивлялись; они живо очищали пограничные пункты и разбѣгались въ разныя стороны; только часть изъ нихъ была захвачена въ плѣнъ.

Тоже самое произошло и на протяженіи всей линіи, за исключеніемъ поста Джелабъ-Кичутъ, который былъ взятъ съ боя казаками и нижегородцами. Въ общей сложности на всѣхъ постахъ въ этотъ день взято въ плѣнъ 7-мь офицеровъ и 97-мь турецкихъ солдатъ. Кромѣ того, двѣ сотни карапапаховъ, собранныя турецкими властями для перваго противъ насъ сопротивленія, вышли къ намъ во всеоружіи и въ полномъ составѣ, съ начальниками и значками, и изъявили покорность, прося разрѣшенія вступить въ нашу службу.

Этимъ заключился актъ перехода нами границы. Къ вечеру войска главныхъ силъ корпуса остановились на ночлегъ на слѣдующихъ пунктахъ непріятельской территоріи: пѣхота лѣвой колонны у селеній Башъ-Шурагель и Тихнисъ; нижегородцы, двѣ сотни 2-го волгскаго полка и 1-я конная терская батарея у селенія Аргына; сѣверцы, кизляро-гребенской полкъ и одна сотня александропольскаго конно-иррегулярнаго дивизіона у сел. Пирвали; пѣхота правой колонны, съ корпусною квартирою, у селенія Молла-Муса, а кавалерія у селенія Кизилъ-Чахчахъ.

Всѣ обозы остались позади; палатокъ не было; горячую пищу сварить было нельзя, и люди, голодные и иззябшіе, расположились на ночлегъ бивакомъ; къ довершенію всѣхъ бѣдъ пошелъ еще и снѣгъ. Во избѣжаніе на будущее время голоданія нижнихъ чиновъ, по 2-й сводной дивизіи былъ отданъ приказъ, обязывавшій оставлять съ вечерней варки къ слѣдующему дню по полфунта мяса на человѣка. Такая предусмотрительная мѣра оказывалась тѣмъ болѣе возмож-

ною, что съ 15-го апрѣля, приказомъ по дѣйствующему корпусу за № 57, отпускъ мяса производился по полтора фунта въ день на человѣка. Тѣмъ же приказомъ офицерамъ были разрѣшены полевыя порціонныя деньги и усиленное фуражное довольствіе.

13-го апрѣля сѣверцы дневали въ Пирвали; нѣкоторыми же другими частями войскъ были произведены поиски къ селенію Хаджи-Вали, гдѣ, по слухамъ, находилась непріятельская колонна. Оказалось, что она, дѣйствительно, тамъ была, но еще наканунѣ вечеромъ оставила свою позицію и отступила къ Карсу.

На дневкѣ сѣверцамъ былъ прочитанъ приказъ по дѣйствующему корпусу отъ 12-го апрѣля за № 53, извѣстный прочимъ войскамъ еще наканунѣ, во время молебствія ихъ въ лагерѣ передъ выступленіемъ въ походъ, и замѣчательный тѣмъ, что рельефно и гуманно опредѣлялъ нашу дѣятельность и отношенія къ населенію въ непріятельской землѣ. Подлинныя слова этого приказа были слѣдующія:

„По волѣ Государя Императора и распоряженію Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго кавказскою арміею, войска ввѣреннаго мнѣ корпуса вступаютъ въ предѣлы азіятской Турціи.

„Войска дѣйствующаго корпуса! Воля Государя, честь и достоинство Россіи требуютъ, чтобы, съ занятіемъ нами турецкихъ провинцій, спокойствіе среди населенія утверждалось прочно.

„Никто ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ поднимать оружія противъ жителей, покоряющихся нашей власти, безплатно пользоваться имуществомъ жителей, въ чемъ бы таковое ни состояло, и къ какому бы вѣроисповѣданію, и какой бы національности жители не принадлежали.

„Врагами нашими будутъ лишь поднимающіе оружіе на защиту турецкаго правительства вмѣстѣ съ турецкими войсками.

„Участники прежнихъ войнъ, воспитанные въ бояхъ начальники, укажутъ молодымъ путь, по которому вели ихъ въ свое время боевые руководители. Нижніе чины частей войскъ, заслужившихъ въ прежнихъ войнахъ геройскими подвигами безсмертную славу, нынѣ подъ тѣми же знаменами сдѣлаютъ все, чтобы слава эта рос-

ла и крѣпла, и чтобы каждый изъ нихъ терпѣливою, честною, молодецкою службою удостоился милостиваго благоволенія Государя Императора и Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго арміею, благодарной гордости начальства и благословенія всѣхъ русскихъ войскъ“.

Приказъ этотъ былъ подписанъ генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ. Что же касается приказа по округу за № 79, который приведенъ выше, то онъ хотя и былъ полученъ въ корпусномъ штабѣ 12-го апрѣля, по прибытіи войскъ на первый ночлегъ въ непріятельской землѣ, но разошелся по корпусу постепенно лишь въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Наши войска, всегда свято послушныя волѣ начальства, съ первой же минуты точно и строго стали слѣдовать приказу генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова. Въ отвѣтъ на это, и армянское населеніе выражало намъ видимо благорасположеніе: оно встрѣчало и провожало наши войска со всею торжественностью, отовсюду выходило съ духовенствомъ во главѣ, съ хоругвями, присылало депутаціи, подносившія оригинальные и часто безграмотные адресы на русскомъ языкѣ, просило у насъ прокламацій главнокомандующаго въ видѣ охранныхъ листовъ, предлагало намъ всѣ услуги, даже вступленіе въ нашу службу, и въ заключеніе увѣряло въ своей неизмѣнной преданности.

14-го числа, въ полдень, сѣверцы, въ составѣ 2-й кавказской кавалерійской дивизіи, были выдвинуты чрезъ селеніе Огузлы къ селенію Кюльверапу, и въ тоже время генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, съ кавалеріею 1-й дивизіи, произвелъ рекогносцировку для выбора новыхъ мѣстъ лагернаго расположенія, куда остальныя войска перешли на слѣдующій день, переправившись черезъ Карсъ-чай, съ музыкою и пѣснями, по каппелевскому мосту у селенія Джамусли. Обѣ колонны *) расположились общимъ лагеремъ у селеній Кюрюкъ-Дара и Палдырвана, а кавалерія **) у селеній Хаджи-Вали, Суботана и Кюльверана. Сѣверцамъ выпало имѣть ночлегъ у перваго изъ этихъ пунктовъ.

---

*) 25 баталіоновъ, 9 пѣшихъ батарей и 4 сотни.

**) 12 эскадроновъ, 24 сотни и 2 конныхъ батареи.

16-го апрѣля командующій корпусомъ предпринялъ фланговое движеніе по дорогѣ къ Карсу. Войска выступили къ селеніямъ Заиму, Енгикею и Агджа-Кала; путь освѣщала кавалерія, въ томъ числѣ и сѣверцы. Съ приближеніемъ ея къ Каны-кею, изъ Карса вышла турецкая кавалерія и, поддержанная своею пѣхотою, близко подступила къ нашимъ передовымъ разъѣздамъ. Казаки 2-го волгскаго полка и всадники александропольскаго конно-иррегулярнаго дивизіона вынеслись къ ней навстрѣчу и отбросили ее обратно съ потерею четырехъ убитыхъ. Во время этой схватки, изъ орудій конной батареи полковника Прозоркевича были сдѣланы три выстрѣла. Это были первые орудійные выстрѣлы на театрѣ войны главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса. На почлегъ кавалерія наша остановилась у Каны-кея.

Начальнику кавалеріи князю Чавчавадзе предписано было—съ 17-го апрѣля произвести нѣсколько дальнихъ поисковъ по направленію къ эрзерумской дорогѣ. Въ виду усмотрѣнной еще наканунѣ дѣятельности турецкихъ войскъ, князь Чавчавадзе просилъ приблизить пѣхоту хотя бы къ селенію Каны-кей; въ случаѣ же нападенія непріятельской пѣхоты, онъ полагалъ отступить чрезъ селеніе Хаджи-Халиль къ селенію Акрякъ, такъ какъ обратное движеніе съ западной стороны вокругъ Карса признавалъ затруднительнымъ. Корпусный же командиръ, считая движеніе на Хаджи-Халиль и Акрякъ весьма кружнымъ, лишавшимъ пѣхоту на нѣсколько дней почти всей кавалеріи—что было бы опасно въ случаѣ вылазки карсскаго гарнизона—приказалъ князю Чавчавадзе пройти обратно черезъ Магараджикъ и Каланы-кей навстрѣчу нашей пѣхотѣ, которая будетъ для него выдвинута на эту дорогу.

Рано утромъ, 17-го апрѣля, кавалерія двинулась изъ Каны-кея черезъ б. Тикму по направленію къ сѣверо-востоку. Впереди, подъ командою генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, шли Сѣверскій драгунскій и волгскій казачій полки. На привалѣ у Владикарса кавалерія отпраздновала день рожденія Государя Императора. Священника при колоннѣ не было, поэтому все празднованіе ограничилось крестнымъ знаменіемъ, краткою солдатскою молитвою—кто какую умѣлъ сотворить, и провозглашеніемъ многолѣтія обожаемому Мо-

нарху. Кавалерійская колонна двинулась далѣе къ селеніямъ Сойгутли и Бязаргяну; авангардъ же ея, подъ командою генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, доходилъ до Лячигирта и Залиджи, и здѣсь, на протяженіи девяти верстъ, уничтоживъ линію карсско-эрзерумскаго телеграфа, повернулъ обратно. Встрѣтивъ на пути главную колонну, онъ присоединился къ ней и, въ общемъ составѣ, слѣдовалъ уже по направленію къ Соганлугу.

Дѣятельность турокъ, на которую князь Чавчавадзе указывалъ корпусному командиру, прося послѣдняго приблизить на помощь ему пѣхоту, состояла въ томъ, что 16-го числа изъ Карса въ Эрзерумъ дѣйствительно выступили восемь турецкихъ баталіоновъ съ батареею. Впослѣдствіи, по показанію плѣнныхъ и нѣкоторыхъ жителей, стало извѣстно, что съ этою колонною слѣдовалъ въ Эрзерумъ Мухтаръ-паша съ своимъ начальникомъ штаба Фези-пашею. Не смотря на то, что турецкая колонна шла на Соганлугъ со всевозможною поспѣшностью, часть нашей кавалеріи изъ дивизіи генералъ-маіора Шереметева была постоянно у нея на плечахъ, вслѣдствіе чего движеніе турокъ превратилось въ совершенное бѣгство, во время котораго они бросили на пути нѣсколько отсталыхъ вьюковъ и патронныхъ ящиковъ. Сдѣлавъ семьдесятъ верстъ въ теченіе одиннадцати часовъ, турки, наконецъ, остановились у селенія Вериштанъ и спрятались въ лѣсу. Тутъ нагнали ихъ передовыя четыре сотни казаковъ, подъ начальствомъ полковника Маламы. Завидѣвъ приближеніе русскихъ, непріятель открылъ бѣглый огонь, но наши казаки ему не отвѣчали.

Главная кавалерійская колонна ночевала у Сойгутли.

Тѣмъ временемъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, согласно условію съ г. м. княземъ Чавчавадзе, выступилъ налегкахъ, 17-го апрѣля, въ два часа пополудни, изъ заимскаго лагеря, съ двѣнадцатью баталіонами пѣхоты, пятью батареями и пятью сотнями кавалеріи. Отрядъ этотъ ввѣренъ былъ командованію генералъ-лейтенанта Геймана. Подъ сильнымъ неустаннымъ дождемъ войска дошли до селенія Халифъ-оглы и тамъ остановились на ночлегъ. Для поддержанія связи между нашими двумя отрядами и наблюденія за непріятелемъ была выслана сотня карапапаховъ, чрезъ посред-

ство которой корпусный командиръ и князь Чавчавадзе получали всѣ свѣдѣнія о движеніяхъ турокъ изъ Карса.

18-го апрѣля князь Чавчавадзе повернулъ обратно на селеніе Каны-кей. Постепенно усиливавшійся холодъ пронималъ до костей. Отступленіе нашей кавалеріи все время совершалось благополучно, но когда она поровнялась съ Карсомъ, оттуда выступили восемь баталіоновъ, съ орудіями, которыя тотчасъ открыли пальбу. Это были первые артилерійскіе выстрѣлы, которые въ минувшую кампанію окрестили сѣверцевъ. Наша артилерія не замедлила отвѣтомъ, а терская конная батарея даже подбила у турокъ одно орудіе; сѣверцы же лишились одной убитой лошади. Общая потеря въ нашей кавалеріи въ этотъ день была слѣдующая: у драгунъ убитъ одинъ и ранено два нижнихъ чина; еще ранены два казака и одинъ всадникъ.

У селенія Каны-кей кавалерійскій отрядъ князя Чавчавадзе расположился на ночлегъ бивакомъ. Это былъ одинъ изъ тяжелыхъ дней для сѣверцевъ въ минувшую войну. Люди и лошади, изнуренные донельзя форсированнымъ маршемъ, истомленные голодомъ и стужею, оставались всю ночь на высокой горѣ безъ пищи и на открытомъ воздухѣ. Даже среди всѣхъ послѣдующихъ невзгодъ и лишеній эта ночь осталась для кавалеріи памятною. Тѣмъ не менѣе, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, встрѣтившій кавалерію на другой день въ Визинкеѣ, нашелъ ее въ отличномъ видѣ. Въ Визинкеѣ она была остановлена, и съ этой минуты образовалось два лагеря: заимско-енгикейскій, гдѣ была расположена правая колонна генералъ-лейтенанта Геймана, и визинкейскій, занятый лѣвою колонною генералъ-маіора князя Чавчавадзе, въ составъ которой вошла вся 2-я сводная кавалерійская дивизія, дагестанская конно-иррегулярная бригада, дивизіонъ 5-й батареи кубанскаго и 1-я батарея терскаго казачьихъ войскъ. Такимъ образомъ, визинкейскій лагерь сталъ исключительно кавалерійскимъ, но на самое короткое время, потому что съ 22-го по 24-е апрѣля на усиленіе его прибыли: 155-й пѣхотный кубинскій, 16-й гренадерскій мингрельскій полки, а также 2-я и 4-я батареи 39-й артилерійской бригады.

Тотчасъ по устройствѣ визинкейскаго лагеря, корпусный ко-

мандиръ, въ приказѣ за № 58, благодарилъ войска за успѣшныя и молодецкія движенія съ 16-го по 19-е апрѣля. Движенія эти имѣли, дѣйствительно, свою относительную важность, такъ какъ они привели къ нашей покорности большую часть турецкаго населенія карсскаго пашалыка и убѣдили его, что отряды наши во всякую минуту способны явиться даже и въ пунктахъ значительно отдаленныхъ отъ мѣста расположенія нашихъ войскъ. Словомъ, мы болѣе или менѣе прочно заручились спокойствіемъ жителей въ этой части театра войны. Это спокойствіе было тѣмъ важнѣе, что освобождало насъ отъ постоянныхъ тревогъ, сопряженныхъ съ условіями и обстоятельствами такъ называемой малой войны, и давало возможность нераздѣльно обратить наши силы, вниманіе и дѣйствія противъ непріятельскихъ войскъ.

Нѣсколько послѣдующихъ дней сѣверцы отдыхали—если только можно признать отдыхомъ стоянку при самой дурной погодѣ и при постоянномъ ожиданіи столкновеній съ противникомъ. Погода же, въ самомъ дѣлѣ, была донельзя отвратительная: холодъ не прекращался ни на минуту, порывистый вѣтеръ и дождь попеременно смѣняли другъ друга, и только съ 24-го апрѣля произошла перемѣна: проглянуло солнце, всѣхъ пригрѣло, быстро высушило дороги и оживило природу. 26-го апрѣля Сѣверскій полкъ, съ дивизіономъ 1-й терской батареи, былъ выдвинутъ въ Хаджи-Халиль для встрѣчи и пріема колонны генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, отряженной изъ визинкейскаго лагеря нѣсколько дней назадъ для занятія Кагызмана вмѣстѣ съ колонною, направленною туда же изъ эриванскаго отряда со стороны Кульпъ и Парнаута.

Пока происходили эти и нѣкоторыя другія частныя дѣйствія и движенія войскъ, всѣ заботы корпуснаго командира были преимущественно направлены на введеніе гражданскаго управленія въ занятомъ краѣ, устройство тыла и военно-походнаго телеграфа, на перевозку корпусныхъ тяжестей, на обезпеченіе продовольствіемъ войскъ, на собираніе свѣдѣній о непріятелѣ и главное—на приготовленіе для движенія къ Ардагану. Среди всѣхъ этихъ мѣропріятій нельзя не остановиться на одномъ, близко касавшемся кавалеріи, а слѣдовательно и Сѣверскаго полка.

Тотчасъ по переходѣ границы, кавалерія начала ощущать недостатокъ въ сухомъ фуражѣ, въ особенности въ зерновомъ, частью потому, что армянское населеніе не въ состояніи было предложить его въ большомъ количествѣ, а турки скрывали его въ своихъ подземныхъ житницахъ, въ особенности же потому, что подвозъ изъ Александрополя былъ крайне незначительный, такъ какъ во время продолжительной стоянки войскъ въ этомъ городѣ и окрестностяхъ фуражъ истощился. Именно въ эту пору и явились тѣ затрудненія по отношенію къ турецкому населенію карсскаго пашалыка, при которыхъ не дѣйствовали ни гуманныя мѣры корпуснаго командира, ни объявленная имъ достаточно высокая такса на эти предметы довольствія. Въ эти минуты, всегда болѣе или менѣе тяжелыя для кавалеріи, корпусный командиръ получилъ свѣдѣніе, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ находятся запасы зерна, собраннаго турецкимъ правительствомъ взамѣнъ десятинной подати. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ тотчасъ приказалъ произвести розыски—и дѣло увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Изъ найденныхъ такимъ образомъ запасовъ кавалерія стала получать ячмень въ надлежащемъ количествѣ, показывая его къ зачету вмѣсто слѣдуемаго отъ казны; для обезпеченія же ея и на дальнѣйшее время было воспрещено частнымъ лицамъ закупать зерновой фуражъ въ занятомъ краѣ.

28-го апрѣля особая колонна, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Геймана, при которой находился и корпусный командиръ, выступила изъ Заима къ Ардагану. Въ это же время приказано было визинкейскій лагерь упразднить и войска его присоединить къ заимскому лагерю. Вслѣдствіе этого, сѣверцы, 30-го апрѣля, выступили въ Заимъ и тамъ, въ числѣ прочихъ войскъ, вступили подъ начальство генералъ-маіора Комарова, назначеннаго начальникомъ общаго лагеря. Только у Халифъ-оглы былъ оставленъ одинъ казачій полкъ для наблюденія дорогъ, ведущихъ изъ Карса.

Войска заимскаго лагеря *) должны были служить опорою войскамъ, предназначеннымъ для дѣйствій подъ Ардаганомъ; поэтому,

---

*) 14 баталіоновъ, 8 эскадроновъ, 20 сотенъ, 40 пѣшихъ и 16 конныхъ орудій.

главная задача первыхъ состояла въ охраненіи путей, ведущихъ изъ Карса въ Ардаганъ и къ Александрополю чрезъ Кюрюкъ-Дара. Наступательныхъ дѣйствій заимскія войска не должны были производить, ограничиваясь одними рекогносцировками; но еслибы случилось наступленіе турецкихъ войскъ по карсской плоскости отъ Соганлуга или Карса, то генералъ Комаровъ обязывался немедленно атаковать ихъ, сообщивъ о томъ своевременно эриванскому отряду для соотвѣтственныхъ дѣйствій отъ Баязета.

Таковы были роль и назначеніе войскъ, оставленныхъ въ заимскомъ лагерѣ, и отсюда вытекали всѣ тѣ столкновенія съ непріятелемъ, которыя они имѣли въ періодъ операцій подъ Ардаганомъ.

Вскорѣ по прибытіи сѣверцевъ въ заимскій лагерь, именно 2-го мая, на полкъ были пожалованы четыре знака отличія военнаго ордена для возложенія на нижнихъ чиновъ наиболѣе отличившихся въ движеніяхъ съ 16-го по 19-е число *). Это были первыя награды чинамъ полка въ минувшую войну.

По выступленіи особой колонны къ Ардагану, въ лагерѣ жизнь пошла однообразно; производились только немногими отдѣльными частями поиски, развѣдки, рекогносцировки, и болѣе или менѣе выдающимся днемъ въ теченіе всего промежутка времени до 11-го мая, т. е. до прибытія обратно корпуснаго командира, можно считать 4-е число мая, въ которое, между прочимъ, и сѣверцы не остались праздными. Въ этотъ день была произведена усиленная рекогносцировка сѣверной и восточной части карсскихъ укрѣпленій.

На рекогносцировку вышелъ 16-й мингрельскій полкъ, 5-я и 6-я батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады и дагестанская конно-иррегулярная бригада, въ составѣ восьми сотенъ, подъ начальствомъ своего командира генералъ-маіора князя Челокаева, бывшаго сѣверца и командира дивизіона въ Сѣверскомъ полку. Едва части эти вошли въ сферу артилерійскаго огня карс-

*) Наградъ этихъ удостоились: вахмистръ Николай Шевелевъ, Василій Полагинъ, Адріанъ Серебряковъ и Алексѣй Ширинъ.

скихъ верковъ, какъ изъ крѣпости раздалась орудійная пальба; въ тоже время выступила оттуда смѣшанная колонна. По сдѣланному заранѣе распоряженію, на помощь рекогносцировочнымъ войскамъ быстро явились изъ заимскаго лагеря: 14-й гренадерскій грузинскій полкъ, Сѣверскій драгунскій полкъ въ полномъ составѣ, двѣ батареи, карапапахи и двѣ сотни александропольскаго коннаго полка. Послѣднія части, выдвинутыя нѣсколько впереди остальныхъ, составили лѣвый флангъ. Непріятель, замѣтивъ это выдѣленіе, мгновенно атаковалъ карапапаховъ и александропольцевъ тысячью человѣками своихъ драгунъ, поддержанныхъ восемью баталіонами пѣхоты и огнемъ полевой батареи. На помощь къ атакованнымъ понеслись шесть сотенъ дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка и своею молодецкою контръ-атакою остановили натискъ турокъ. Произошло жаркое дѣло. Правда, непріятель былъ отброшенъ, оставилъ на мѣстѣ 64 тѣла, два плѣнныхъ, много оружія и нѣсколько лошадей, но, къ прискорбію всѣхъ вообще и въ особенности сѣверцевъ, сохранившихъ у себя весьма пріятныя воспоминанія о своемъ старомъ сослуживцѣ князѣ Челокаевѣ, послѣдній былъ тяжело раненъ и черезъ нѣсколько дней умеръ.

Еще однимъ выраженіемъ боевой дѣятельности сѣверцевъ до возвращенія ардаганской колонны въ Заимъ и Енгикей было участіе ихъ въ усиленной рекогносцировкѣ, произведенной генералъ-маіоромъ Комаровымъ 8-го мая по обоимъ берегамъ Карсъ-чая, къ Карадагу и Чахмаху, для подробнаго осмотра чахмахскихъ высотъ. Войска были раздѣлены на двѣ колонны. Первая—въ которой находился Сѣверскій полкъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Комарова, выступила изъ Заима въ 8-мь часовъ утра и, слѣдуя лѣвымъ берегомъ Карсъ-чая, чрезъ Заимъ и Шамчаумъ, къ полудню сосредоточилась у Меликъ-кея. Здѣсь были оставлены три баталіона пѣхоты съ восемью орудіями, а остальныя войска перешли рѣку Бердыкъ-су и заняли высоты праваго берега ея, причемъ Сѣверскій полкъ, съ баталіономъ пѣхоты и одною батареею, былъ расположенъ на высотѣ сел. Чалчаутъ. Замѣтивъ наши передвиженія, турки выдвинули изъ укрѣпленія до двухъ баталіоновъ съ артилеріею, но огня не открывали и въ дѣло не вступали.

Вторая колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Чавчавадзе, долженствовавшая отвлечь вниманіе непріятеля отъ колонны генерала Комарова, исполнила свое назначеніе также благополучно. Къ вечеру всѣ войска возвратились въ лагерь и съ восторгомъ встрѣтили рѣшительныя и подробныя свѣдѣнія о взятіи Ардагана. Всѣ сознавали громадное значеніе для нашихъ будущихъ военныхъ дѣйствій этого перваго важнаго шага, такъ быстро и прочно утверждавшаго насъ не вблизи нашей границы, какъ предполагалось до открытія кампаніи, а въ глубинѣ непріятельской территоріи, и поэтому всѣ такъ восторженно отнеслись къ успѣху нашего оружія подъ стѣнами сильной ардаганской крѣпости и къ послѣдовавшему по этому случаю достопамятному приказу.

IX.

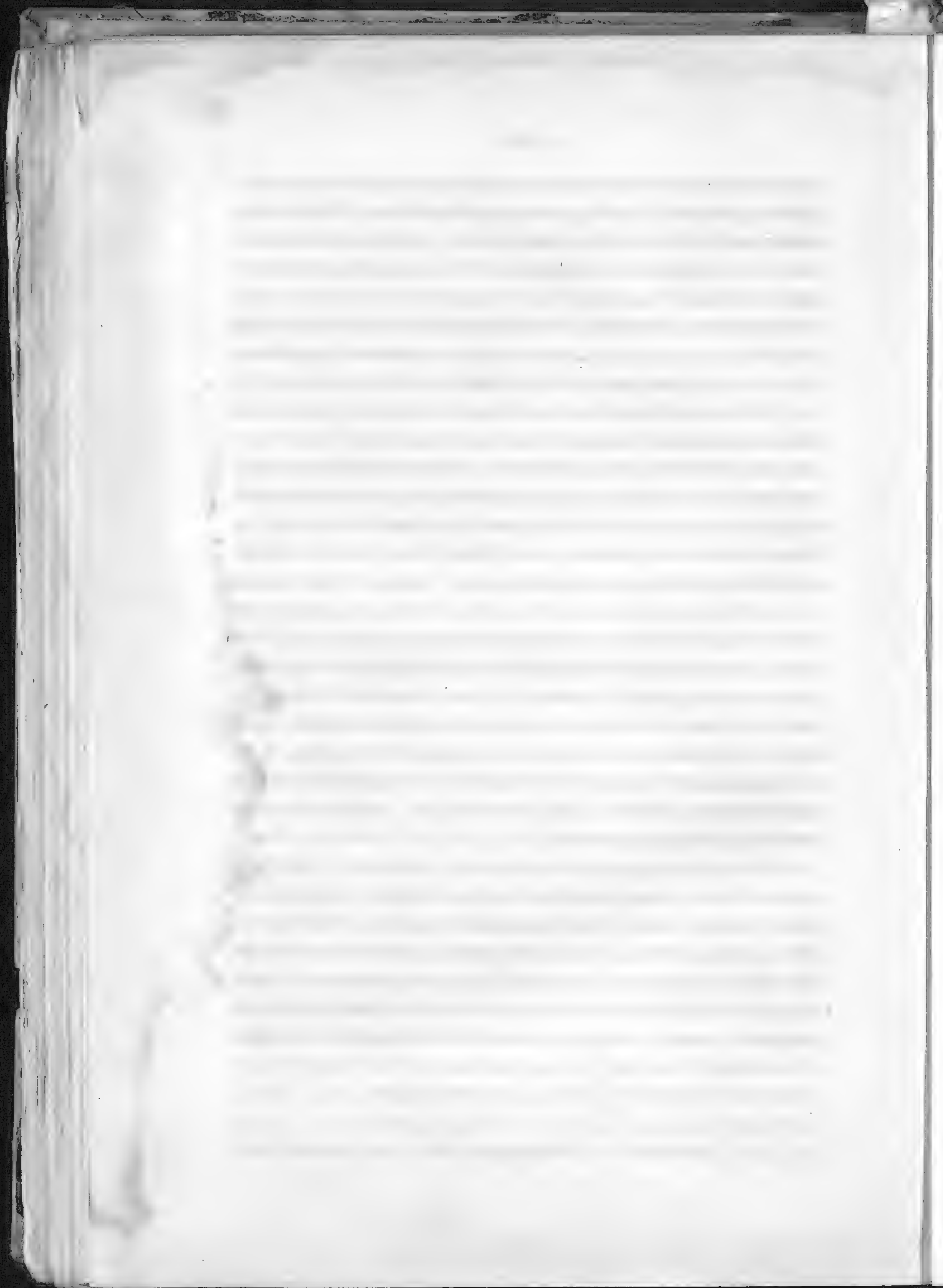
Положеніе дѣлъ противной стороны. Наша задача. Обходное движеніе вокругъ Карса. Бой кавалеріи у Магараджика 13-го мая. Кавалерійское дѣло у Бегли-Ахмета 18-го мая. Раздѣленіе войскъ, входившихъ въ составъ главныхъ силъ, на двѣ колонны—правую и лѣвую, и первый моментъ блокады Карса. Два лагеря правой колонны у Аравартана и у Когалы. Окончательная блокада крѣпости. Пріѣздъ главнокомандующаго. Тревоги. Преднамѣреніе о закладкѣ батарей и бомбардированіи Карса въ ночь съ 31-го мая на 1-е іюня и съ 2-го на 3-е іюня. Аравартанское дѣло 3-го іюня и знаменитая атака сѣверскихъ драгунъ. Уничтоженіе сел. Чифтликъ. Начало бомбардированія Карса. Движеніе на Соганлугъ колонны генерала Геймана. Зивинскій бой. Отступленіе отъ Зивина. Смотръ главнокомандующаго. Снятіе осады Карса. Отступленіе отъ Карса и прибытіе въ Енгикей. Выбытіе изъ Сѣверскаго полка полковника Воробьева и подполковника Шахаліева.

Открытіе нами кампаніи застало непріятеля на анатолійскомъ театрѣ въ положеніи далеко неустроенномъ и невполнѣ готовомъ къ обширной и продолжительной войнѣ, поэтому онъ замкнулся въ своихъ крѣпостяхъ и держался оборонительнаго положенія; но въ

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ
КНЯЗЬ ЗАХАРІЙ ГУЛЬБАТОВИЧЪ
ЧАВЧАВАДЗЕ.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ
ИВАНЪ ЕГОРОВИЧЪ
ТИХОЦКІЙ.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ
ГРАФЪ ВАЛЕРІАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ДЕ ТУЛУЗЪ-ЛОТРЕКЪ.



то же самое время энергичный и дѣятельный Мухтаръ-паша немедленно приступилъ къ сбору войскъ и формированію значительнаго отряда за Соганлугомъ—преимущественно изъ кавалерійскихъ частей, и къ устройству укрѣпленной линіи. Въ назначеніи этого отряда сомнѣваться было нельзя: онъ долженъ былъ частью усилить собою карсскій гарнизонъ и противодѣйствовать намъ на карсской плоскости, а частью—и, пожалуй, преимущественно—оперировать противъ эриванскаго отряда, составлявшаго нашъ лѣвый флангъ.

Все это было намъ извѣстно вскорѣ по переходѣ границы, и этою дѣятельностью мушира опредѣлялась наша собственная задача: намъ слѣдовало взять Ардаганъ, занять карсскій пашалыкъ, разрушить въ зародышѣ всѣ преднамѣренія Мухтаръ-паши за Соганлугомъ и въ то же время оперировать рѣшительнымъ образомъ на Карсъ. Только въ крайнемъ случаѣ можно было сдѣлать уступку послѣднему рѣшенію и ограничиться подъ Карсомъ лишь однимъ наблюдательнымъ отрядомъ, отдавъ на этотъ разъ предпочтеніе нашимъ дѣйствіямъ противъ турецкаго главнокомандующаго за Соганлугомъ. Но въ то время малочисленность нашихъ войскъ не допускала насъ предпринять рѣшительныя наступательныя дѣйствія за Соганлугъ, хотя бы даже съ оставленіемъ подъ Карсомъ лишь одного наблюдательнаго отряда, и мы поневолѣ поставлены были въ печальную необходимость быть безучастными зрителями усиленія мушира по ту сторону хребта и дозволить ему быстро и безнаказанно производить это усиленіе.

Но вотъ, выражаясь словами приказа по корпусу, „Богъ благословилъ насъ первою громкою и важною побѣдою“ подъ Ардаганомъ; съ этимъ вмѣстѣ почти весь карсскій пашалыкъ былъ въ нашихъ рукахъ. Такимъ образомъ два главныя положенія первой задачи были разрѣшены, и осталась лишь невыполненною вторая половина ея. Но, къ сожалѣнію, въ это время и выполнить ее было не такъ легко, какъ прежде, не смотря даже на то, что наши главныя силы увеличились присоединеніемъ къ намъ большей части ахалцыхскаго отряда *), такъ какъ Мухтаръ-паша уже сдѣлалъ

*) $6^3/_4$ баталіоновъ, двухъ батарей, 4-хъ сотенъ и 4-хъ конныхъ орудій.

за Соганлугомъ свое дѣло. Отказаться же вовсе отъ этой части задачи также было невозможно, потому что нужно было во что бы то ни стало облегчить положеніе эриванскаго отряда, противъ котораго, независимо отъ ежеминутно возможнаго движенія Мухтаръ-паши съ Соганлуга въ превосходныхъ силахъ, быстро наступали новыя войска отъ Вана. Только наступленіе части главныхъ силъ нашего корпуса противъ Мухтаръ-паши могло удержать его отъ рѣшительнаго давленія на эриванскій отрядъ и такимъ образомъ вывести послѣдній изъ крайне затруднительнаго положенія.

И такъ, наступленіе на Соганлугъ не потеряло своей важности и становилось теперь даже болѣе прежняго необходимымъ. Главнѣйшимъ условіемъ его представлялось немедленное пораженіе значительнаго непріятельскаго кавалерійскаго отряда, сформированнаго муширомъ и ввѣреннаго пашѣ Мусѣ Кундухову. Но удастся ли какъ нибудь вызвать эту кавалерію на плоскость—вотъ въ чемъ состоялъ наиглавнѣйшій вопросъ.

Вся эта перемѣна нашихъ дѣлъ, въ связи съ новыми предначертаніями, для которыхъ былъ сформированъ 7-го мая, вмѣсто упраздненнаго ахалцыхскаго, такъ называемый ардаганскій отрядъ, равнымъ образомъ возможность въ тоже время приступить къ осадѣ Карса—вслѣдствіе усиленія главныхъ силъ нашего корпуса ахалцыхскимъ отрядомъ генерала Девеля и нравственнаго перевѣса надъ непріятелемъ, по случаю пораженія его подъ Ардаганомъ, положили начало второму періоду нашихъ военныхъ дѣйствій на анатолійскомъ театрѣ.

По всѣмъ соображеніямъ, относительно дѣйствій на Карсъ лучшее расположеніе пѣхоты было признано въ двухъ пунктахъ: одной дивизіи съ сѣвера, другой съ юго-запада, откуда, независимо дѣйствій на укрѣпленія, можно было быстро, въ случаѣ надобности, выдвинуться навстрѣчу полевыхъ войскъ, слѣдующихъ на выручку Карса съ Соганлуга. Надо было обойти Карсъ почти кругомъ, выбрать пунктъ для дальней позиціи и установить сообщеніе съ ближнею. Для этой надобности рѣшено было взять половину всѣхъ войскъ, собранныхъ у Заима, а именно: гренадерскую дивизію съ ея артилеріею и 2-ю сводную кавалерійскую дивизію, и эту послѣд-

пою, почти въ полномъ составѣ, выдвинуть впередъ—что, между прочимъ, могло бы вызвать на плоскость не только кавалерію Мусы Кундухова, но и полевыя войска мушира, и, такимъ образомъ, въ одно и тоже время дать намъ возможность сразу достигнуть двухъ цѣлей.

12-го мая, 2-я сводная кавалерійская дивизія *), подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, направлена по дорогѣ на селенія Халифъ-оглы, Визинкей и Магараджикъ въ Хаджи-Халиль. Туда же выступилъ 14-го мая, въ 4 часа утра, генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе съ 2-мъ хоперскимъ полкомъ и четырмя сотнями кавказскаго казачьяго полка. Остальной же части главныхъ силъ, составлявшихъ лѣвую колонну генералъ-лейтенанта Геймана, велѣно выступить 15-го мая туда же и по той же дорогѣ.

Не смотря на то, что погода измѣнилась, и время отъ времени возобновлялся дождь, движеніе кавалеріи къ Халифъ-оглы произошло безъ затрудненій, такъ какъ дорога пролегала по мѣстности ровной, хотя кое-гдѣ и размытой водою. Ночлегъ въ Халифъ-оглы былъ тягостенъ потому, что оказался недостатокъ въ водѣ и, къ довершенію всѣхъ неблагопріятныхъ условій, пришлось расположиться бивакомъ. Съ нетерпѣніемъ каждый ожидалъ разсвѣта, и съ радостью привѣтствовалъ его, потому что какъ бы ни былъ труденъ дальнѣйшій походъ, все же онъ былъ лучше дурнаго почлега. Лишь разсвѣло—тотчасъ тронулись къ Визинкею. Съ самаго начала движеніе оказалось весьма тяжелымъ, въ особенности для обоза, потому что мѣстность стала пересѣченная, кое гдѣ глинистая и по большей части размытая дождемъ; съ каждымъ шагомъ впередъ и обстановка ухудшалась. Но, не взирая на это, до Магараджика все же достигли благополучно и тутъ остановились на привалѣ передъ глубокимъ, изрытымъ по всѣмъ направленіямъ, оврагомъ, грязнымъ, размытымъ дождями и готовымъ противодѣйствовать при переходѣ всѣмъ человѣческимъ усиліямъ. Не обращая на это внима-

---

*) Сѣверскій полкъ и 2-й дивизіонъ нижегородскаго, 1-й и 2-й волгскіе, 2-й кизляро-гребенской казачьи полки, сотня александропольскаго конно-иррегулярнаго полка, 2-я кубанская батарея и дивизіонъ 1-й терской (6 эскадроновъ, 13 сотенъ, 12 орудій).

нія, начальникъ отряда г. м. Лорисъ-Меликовъ приказалъ сотнѣ конно-иррегулярнаго полка занять противуположную сторону оврага и начать переправу обоза. Къ несчастью, въ это самое время пошелъ проливной дождь, который быстро сталъ наводнять и безъ того почти непроходимый оврагъ. Но дѣлать нечего, переправы останавливать было нельзя. Спустилась первая повозка—и мгновенно застряла въ вязкомъ грунтѣ почти по ступицу; вторую постигла та же участь. По этимъ начальнымъ пріемамъ тотчасъ можно было предвидѣть, сколько труда и усилій поглотитъ у насъ заколдованный оврагъ. Вызвали на помощь десятки людей—и первую повозку кое-какъ вытащили на противуположный берегъ; что же касается до послѣдующихъ, то для нихъ человѣческая помощь оказалась недостаточною и по необходимости прибѣгнули къ пособію лошадей отъ другихъ повозокъ. Такимъ образомъ бились ровно два часа пока переправили только первыя четыре повозки; весь же остальной обозъ въ безпорядкѣ наполнялъ собою скаты и дно оврага.

Между тѣмъ, отъ Карса надвигалась какая-то темная масса. Скоро она обозначилась яснѣе, и легко можно было даже простымъ глазомъ сосчитать отъ шести до восьми баталіоновъ пѣхоты и до тысячи всадниковъ. Въ это время тучи разошлись, и вся мѣстность щедро освѣтилась солнцемъ. Въ интервалахъ непріятельской пѣхоты и кавалеріи показались орудія; еще нѣсколько минутъ—и ярко заблестѣли на ружьяхъ всадниковъ мѣдныя пластинки, доказывавшія, что конница вооружена магазинными ружьями. Было около часа пополудни. Со стороны турокъ раздались ружейные выстрѣлы.

Генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ тотчасъ же отправилъ на противуположный берегъ оврага еще два волгскіе казачьи полка, которые составили тамъ лѣвый флангъ нашей позиціи, а въ центрѣ расположилъ нижегородцевъ и сѣверцевъ вмѣстѣ съ артилеріею, выдвинутою на высоту; на правомъ же флангѣ былъ поставленъ 2-й кизляро-гребенской полкъ.

Перестрѣлка постоянно учащалась, и наконецъ раздались пушечные выстрѣлы. Турецкая кавалерія разсыпнымъ строемъ все ближе подбиралась къ высотѣ, на которой расположены были наши ору-

дія. Тогда сотня 1-го волгскаго полка была спущена спѣшенною цѣпью внизъ и завязала съ нею перестрѣлку; но турки не останавливались. Видя это, сотня подпустила ихъ къ себѣ на возможно близкое разстояніе и ударила въ шашки. Непріятель не принялъ атаки и быстро отступилъ. Подобный маневръ былъ произведенъ три раза, и каждый разъ турецкіе всадники, оказавшіеся давними знакомыми нашихъ казаковъ, кавказскими горцами-переселенцами, такъ же поспѣшно уходили, какъ и нападали. Чтобы завлечь ихъ подъ наши вѣрные выстрѣлы, генералъ Лорисъ-Меликовъ приказалъ сотнѣ волгскаго полка произвести фальшивое отступленіе. Казаки побѣжали назадъ. Увидѣвъ это, наши бывшіе горцы мигомъ одушевились и, поддержанные всею остальною подоспѣвшею массою, бросились за сотнею. Но въ эту минуту раздался огонь нашихъ орудій—и турецкая кавалерія, въ свою очередь, кинулась безъ оглядки назадъ и скрылась за свою пѣхоту, оставивъ на мѣстѣ убитыхъ и раненыхъ.

Послѣ этого турки пытались обойти нашъ правый флангъ, но и здѣсь были отброшены и разсѣяны огнемъ дивизіона кубанской батареи, частью спѣшенныхъ нижегородцевъ и кизляро-гребенцами. Тогда они ограничились артилерійскою и отдаленною ружейною перестрѣлкою, которую и поддерживали до вечера. Въ шесть съ половиною часовъ они удалились въ Карсъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ 50 тѣлъ, не считая увезенныхъ съ собою, а также раненыхъ. Наша потеря заключалась въ одномъ убитомъ, шести раненыхъ и четырехъ контуженыхъ нижнихъ чинахъ. Лошадей убито восемь и ранено девять. Незначительность нашего урона объясняется тѣмъ, что турецкіе снаряды, которыхъ было выпущено отъ 80 до 100, почти всѣ падали навѣсно и частью вовсе не разрывались.

Трудно себѣ представить, съ какими вполнѣ неимовѣрными затрудненіями производилась переправа. Для того, чтобы вытащить фургоны—приходилось припрягать нерѣдко по два лишнихъ выноса. Услуга эта пала преимущественно на лошадей кубанской конной батареи и частью даже на строевыхъ полковыхъ лошадей; многіе фургоны совсѣмъ опорожнивали, и грузъ перевозился на вьюкахъ

или на строевыхъ лошадяхъ, а также переносился и на рукахъ. Всю ночь подъ дождемъ непрерывно длилась эта египетская работа и только къ полудню слѣдующаго дня переправился на ту сторону оврага послѣдній эскадронъ, находившійся въ арріергардѣ. Едва въ половинѣ втораго часа, 11-го числа, измученные и голодные люди и лошади достигли селенія Хаджи-Халиль. Къ счастью, что бивакъ здѣсь представлялъ всѣ выгодныя для стоянки условія и въ особенности допускалъ возможность добывать фуражъ въ значительномъ количествѣ. Люди же имѣли при себѣ провіанта по 24-е мая.

Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ неустаннымъ дождемъ, продолжавшимъ 14-го и 15-го мая какъ бы потѣшаться надъ выносливостью нашихъ войскъ, заставили князя Чавчавадзе, слѣдовавшаго за Лорисъ-Меликовымъ, избрать другой путь для переправы черезъ магараджикскій оврагъ, а пѣхотную колонну генерала Геймана, выступившую изъ лагеря 15-го числа, перемѣнить направленіе изъ Визинкея чрезъ Орлокъ. Оказалось, впрочемъ, что оба эти пути мало уступали предыдущему въ массѣ препятствій и затрудненій, и послѣдній изъ нихъ даже, пожалуй, былъ хуже того, по которому прослѣдовала 2-я сводная кавалерійская дивизія. Князь Чавчавадзе прибылъ въ Хаджи-Халиль только 14-го мая въ 6 ½ часовъ вечера, соединился здѣсь съ отрядомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова и сталъ поджидать пѣхотную колонну генерала Геймана.

Между тѣмъ, 15-го мая, тотчасъ по выступленіи пѣхоты изъ лагеря у Заима, корпусный командиръ получилъ извѣстіе отъ генералъ-маіора князя Чавчавадзе, что разъѣздами нашими, высланными имъ изъ Хаджи-Халиля на разстояніе 10—20 верстъ отъ нашего бивака къ Кагызману, Соганлугу и Карсу, усмотрѣнъ непріятельскій лагерь въ селеніи Кякячъ. Только неизвѣстно было одно—пѣхотный ли это лагерь, или кавалерійскій. Во всякомъ случаѣ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ рѣшилъ атаковать его, лишь только соединятся наши колонны.

17-го мая колонна генерала Геймана отдѣльными эшелонами стала прибывать въ Хаджи-Халиль. Около полудня получены были свѣдѣнія, что, независимо непріятельскихъ войскъ въ Кякячѣ, на

плоскость спустилась съ Согаплуга турецкая кавалерія, подъ начальствомъ паши Мусы Кундухова *). Не ожидая пока прибудутъ остальныя пѣхотныя части, корпусный командиръ приказалъ генералъ-маіору князю Чавчавадзе тотчасъ слѣдовать навстрѣчу Кундухову къ селенію Ардосту и преградить туркамъ дальнѣйшее наступленіе, облегчивъ такимъ образомъ генералу Гейману атаку непріятельскаго лагеря.

Съ наступленіемъ вечера, князь Чавчавадзе поднялъ кавалерію (2-ю дивизію, 3-й дагестанскій и кабардинско-кумыкскій конно-иррегулярные полки, при 16 орудіяхъ) и двинулся съ нею по указанному ему направленію къ Ардосту. Темная непроглядная ночь застигла его у Карсъ-чая; онъ вынужденъ былъ здѣсь остановиться для привала, чтобы стянуть полки и обозъ. Не успѣли еще всѣ оправиться и перевести духъ, какъ невдалекѣ, по ту сторону рѣки, у селенія Бегли-Ахметъ, заблестѣли бивачные огни. Мало по малу они начали разростаться и скоро превратились въ массу обширныхъ костровъ. По этимъ кострамъ можно было вывести совершенно правильное заключеніе о весьма значительной численности войскъ, какъ видно, только-что прибывшихъ на позицію и располагавшихся на ней бивакомъ. Не могло быть сомнѣнія, что это не тѣ войска, которыя были усмотрѣны у Кякяча, такъ какъ послѣднія еще въ тотъ день вечеромъ оставались все на своемъ мѣстѣ и въ такое короткое время совершить перехода къ Бегли-Ахмету не могли. Чтобы разъяснить загадку и опредѣлить приблизительно составъ непріятеля и родъ оружія, князь Чавчавадзе отправилъ на развѣдки штабсъ-капитана Арютинова съ карапапахами. Извѣстій пришлось ждать недолго: менѣе чѣмъ черезъ часъ, Арютиновъ доложилъ, что у Бегли-Ахмета находится непріятельская конница Мусы Кундухова; подробности же о томъ, какимъ образомъ она такъ неожиданно очутилась здѣсь, и что намѣрена предпринять, были добыты уже впослѣдствіи. Онѣ заключались въ слѣдующемъ: конница Мусы Кун-

*) Муса Кундуховъ, родомъ изъ кавказскихъ горцевъ, былъ генераломъ нашей службы и, съ разрѣшенія правительства, переселился въ шестидесятыхъ годахъ въ Турцію.

духова составляла авангардъ турецкаго отряда, сформированнаго муширомъ за Соганлугомъ. Вопреки даннаго ей приказанія, она не только выдвинулась изъ полосы подгорныхъ лѣсовъ, но даже, съ приближеніемъ ночи, двинулась налегкахъ еще далѣе впередъ, разсчитывая присоединиться къ своимъ войскамъ въ Кякчѣ и общими силами произвести на насъ нападеніе. При движеніи своемъ на плоскость, Кундуховъ былъ подкрѣпленъ еще нѣсколькими сотнями конныхъ горцевъ и двумя горными орудіями, высланными къ нему изъ Карса.

Хотя въ то время князь Чавчавадзе всѣхъ этихъ послѣднихъ свѣдѣній не имѣлъ, тѣмъ не менѣе онъ рѣшился наступать и этимъ предупредить возможныя покушенія Мусы Кундухова. Двинувъ тотчасъ всю кавалерію въ бродъ черезъ Карсъ-чай и быстро стянувъ ее на противуположномъ берегу, начальникъ отряда раздѣлилъ ее на три колонны—лѣвую, среднюю и правую. Назначеніемъ первой и третьей было обходное движеніе, а второй—атака непріятеля съ фронта. Сѣверцы вошли въ составъ правой колонны, ввѣренной генералъ-маіору Лорисъ-Меликову. Лѣвая колонна должна была открыть свои дѣйствія только тогда, когда правая достигла бы исходнаго пункта своего движенія; но, къ сожалѣнію, распоряженіе это не осуществилось во всей точности. Войскамъ отдано было приказаніе о соблюденіи глубочайшей тишины и всѣхъ предосторожностей. Не только запрещено было разговаривать, курить, но даже безъ крайней необходимости дѣлать въ частяхъ какія либо распоряженія, хотя бы въ полголоса. Увѣренный, что это приказаніе будетъ исполнено свято, такъ какъ каждый вполнѣ сознавалъ важность предстоявшей минуты, князь Чавчавадзе въ два часа ночи двинулъ колонны.

Съ каждою минутою темнота становилась гуще; облака постепенно закрыли послѣднюю звѣздочку; туманъ спускался все ниже и все плотнѣе окутывалъ окрестности. Среди этого вполнѣ баснословнаго мрака, только одни костры непріятеля, словно огненный столпъ израильтянъ, указывали направленіе нашимъ войскамъ; черезъ нѣкоторое время костры мало по малу стали потухать, рѣдѣть и къ тремъ часамъ пополуночи почти и вовсе погасли. Средняя

колонна, которой было ближе всѣхъ къ непріятелю, подойдя въ это время къ турецкому лагерю версты на двѣ, остановилась, поджидая разсвѣта и прибытія къ мѣсту назначенія другихъ двухъ колоннъ. Послѣднія же оріентировались чуть не наугадъ, по предвзятому разъ направленію, такъ какъ въ десяти шагахъ невозможно было разглядѣть предметовъ. Не мудрено, что при этомъ условіи лѣвая колонна взяла прямѣе, чѣмъ бы слѣдовало, и преждевременно наткнулась на непріятельскій бивакъ. Раздался выстрѣлъ какого-то педремавшаго часоваго—и мигомъ затрещала оживленная перестрѣлка. Тогда князь Чавчавадзе, опасаясь упустить Мусу Кундухова, двинулъ въ пособіе лѣвой колонны 2-й эскадронъ нижегородцевъ и 1-й волгскій полкъ. Они бросились впередъ и погнали турокъ влѣво. Вмѣстѣ съ ними удалилась туда же и перестрѣлка, становясь все отдаленнѣе, слабѣе и глуше. Остальные эскадроны нижегородцевъ продолжали подвигаться. Ночь замѣтно просвѣтлѣла, и недалеко уже было до разсвѣта. Вдругъ, вправо, на возвышенности, показалась какая-то кавалерійская часть. Князь Чавчавадзе, принявъ ее за казаковъ, обратился къ ней съ приказаніями; но всадники не трогались съ мѣста. Удивленный такою безотвѣтственностью, онъ повторилъ приказаніе и тогда только замѣтилъ свою ошибку, которая черезъ полминуты могла бы разрѣшиться роковымъ для него образомъ: въ группѣ оказались не казаки, а горцы изъ отряда Кундухова. Повернувъ коня, князь отъѣхалъ въ сторону, а бывшій при немъ офицеръ кинулся назадъ, въ ложбину, и вызвалъ передовой изъ попавшихся на пути третій эскадронъ нижегородцевъ. Эскадронъ этотъ тотчасъ вынесся впередъ, быстро атаковалъ, сбилъ и въ одну минуту разсѣялъ мнимыхъ казаковъ; остальные же два эскадрона, слѣдуя по прямому направленію, всѣмъ фронтомъ своимъ попали какъ-разъ въ середину непріятельскаго бивака. Раздался давно знакомый кавказцамъ татарскій гикъ, крики „алла", безпорядочная и лихорадочная пальба горцевъ и наше дружное „ура". Все это слилось въ одинъ общій хаосъ. Къ довершенію злополучія непріятеля, какой-то растерявшійся въ его средѣ артиллеристъ выстрѣлилъ изъ орудія, находившагося въ центрѣ ихъ позиціи, и этимъ обнаружилъ мѣстопребываніе своей артилеріи. 4-й

эскадронъ нижегородцевъ воспользовался тотчасъ такимъ счастливымъ указаніемъ, прорвалъ себѣ дорогу къ мѣсту выстрѣла и овладѣлъ двумя орудіями. Пораженный окончательно, непріятель бѣжалъ въ безпорядкѣ частью въ разныя стороны, но преимущественно по дорогѣ на Соганлугъ. Одинъ изъ первыхъ ускакалъ Муса Кундуховъ, предоставивъ на волю судьбы своихъ воиновъ.

Тутъ только подоспѣла наша правая колонна, въ составѣ которой былъ и Сѣверскій полкъ. Утренняя заря фантастическимъ, какъ бы призрачнымъ, полусвѣтомъ, обдала кровавую арену, окраины боеваго поля и бѣжавшаго непріятеля. Сомкнувъ весь отрядъ, князь Чавчавадзе бросился по слѣдамъ его, настигая и поражая ближайшихъ, разгоняя и разметывая остальныхъ. Но вдругъ, вдали, у селенія Орта-Кала, забѣлѣли палатки. Ясно было, что это новый непріятельскій лагерь, въ которомъ, судя по количеству палатокъ, можно было ожидать также значительныхъ силъ. Не зная состава и рода войскъ этого лагеря, и опасаясь тамъ встрѣтить преимущественно пѣхоту, князь Чавчавадзе остановилъ преслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что уже и люди, и лошади были чрезвычайно утомлены. Да, въ сущности, не встрѣчалось болѣе и особенной надобности въ новомъ геройскомъ, и въ тоже время рискованномъ подвигѣ нашей кавалеріи, такъ какъ только-что разыгравшееся дѣло безспорно принадлежало къ числу отважнѣйшихъ и замѣчательныхъ кавалерійскихъ дѣлъ, „лихихъ и имѣющихъ по своей оригинальности историческое значеніе“, какъ справедливо выразился о немъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ въ донесеніи къ главнокомандующему.

Такимъ образомъ, едва лишь сформированная свѣжая и многочисленная непріятельская кавалерія, на которую муширъ возлагалъ столько надеждъ, ввѣренная опытному и храброму генералу, не успѣвъ не только заявить себя хоть малѣйшимъ подвигомъ, но даже показаться противной сторонѣ при дневномъ свѣтѣ, была разбита наголову и разсѣяна; предводитель же ея, съ такою самоувѣренностью еще накапунѣ распрашивавшій лазутчиковъ о наиболѣе удобныхъ путяхъ къ Тифлису, едва отыскалъ безопасный путь для своего обратнаго бѣгства, и сразу подорвалъ у турокъ довольно громкую свою репутацію.

Трофеями нашей побѣды были: два горныхъ орудія съ четырмя зарядными ящиками, два значка и разное оружіе. На полѣ битвы осталось восемьдесятъ три неподобранныхъ непріятельскихъ тѣла. Въ числѣ плѣнныхъ оказался одинъ регулярный штабъ-офицеръ *). У насъ умеръ отъ тяжелой сабельной раны одинъ офицеръ (нижегородецъ, прапорщикъ Форжетъ), убито шесть и ранено 30 нижнихъ чиновъ; убиты и ранены 51 лошадь.

Послѣ пораженія Мусы Кундухова, лагерь у Кякяча исчезъ, а разбитая нами конница, вмѣстѣ съ лагеремъ у Орта-Кала, отступила за Соганлугъ.

Къ вечеру всѣ наши войска (пѣхота и кавалерія) сосредоточились большимъ лагеремъ близъ селенія Ардоста, на берегу Карсъчая. Позиція для кавалеріи досталась удобная, мѣстность была ровная, представлявшая обширную луговину; хорошаго подножнаго корма было вдоволь, и такъ какъ стало извѣстно, что отрядъ простоитъ здѣсь нѣсколько дней, то на поправку изнурившихся лошадей было много надежды; кромѣ того, къ общему удовольствію, дождь, наконецъ, унялся, погода прояснилась, и на душѣ стало легче. На другой же день жители окрестныхъ селеній навезли въ лагерь много разныхъ предметовъ всякаго довольствія—и недавнія невзгоды были забыты; оставалось только одно пріятное впечатлѣніе отъ молодецкаго боя.

19-го мая начальникъ корпуснаго штаба генералъ-маіоръ Духовской былъ посланъ съ кавалерійскою колонною на развѣдки. Между прочимъ, онъ взялъ на пути турецкій лагерь, въ количествѣ 81 палатки, который непріятель не успѣлъ захватить при поспѣшномъ отступленіи изъ Кякяча. Эти палатки были распредѣлены между кавалерійскими частями, участвовавшими въ бегли-ахметскомъ дѣлѣ.

---

*) Повидимому, онъ былъ мадьяръ и еще скорѣе полякъ, человѣкъ громаднаго роста, атлетическаго сложенія, лѣтъ около 60-ти отъ роду. Онъ получилъ свыше двадцати преимущественно сабельныхъ ранъ во всѣ части тѣла, не исключая и головы, пользовался у насъ въ госпиталѣ и, къ общему удивленію, вылечился и остался живъ.

Такимъ образомъ, обходное движеніе вокругъ Карса было совершено, непріятель отброшенъ на Соганлугъ, и теперь предстояло выбрать для отряда генерала Геймана позицію на западъ отъ Карса, съ которой войска могли бы дѣйствовать на крѣпость и, въ случаѣ надобности, выйти въ поле, а въ тоже время быть въ постоянной связи съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Девеля.

Для выбора такой позиціи, корпуснымъ командиромъ, 20-го мая, произведена была рекогносцировка, съ участіемъ двухъ драгунскихъ полковъ, и осмотрѣны шорахскія и чахмахскія укрѣпленія. Позиція избрана для пѣхоты между селеніями Когалы и Хопанлы, а для кавалеріи близь селенія Узунъ-Кула; лѣвая колонна генерала Геймана заняла ее 22-го мая, а 23-го мая правая колонна генерала Девеля, въ свою очередь, передвинулась на позицію между селеніями Кючукъ-кей и Мацра. Со вступленіемъ колоннъ на эти позиціи, между ними открыто сообщеніе черезъ селенія Араварташъ, Самаватъ и Чахмауръ, которое поддерживалось летучимъ отрядомъ полковника Панина. Это былъ первый моментъ тѣсной блокады Карса.

Колонна генерала Геймана должна была дѣйствовать противъ укрѣпленій на чахмахскихъ и шорахскихъ высотахъ, отъ моста на Карсъ-чаѣ у селенія Чифтликъ до селенія Чахмахъ. Въ этой колоннѣ осталась 2-я сводная кавалерійская дивизія въ полномъ ея составѣ, съ ея артилеріею, и съ прикомандированнымъ къ ней 2-мъ дагестанскимъ конно-иррегулярнымъ полкомъ—подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова.

Тѣмъ временемъ, позиція у селенія Когалы, лежащаго по дорогѣ изъ Карса чрезъ Бегли-Ахметъ къ Соганлугу, приводилась въ оборонительное положеніе. Когда все это къ 26-му мая было окончено, и разработана была дорога къ Араварташу, тогда въ устроенномъ на правомъ флангѣ позиціи у Когалы укрѣпленіи и въ траншеяхъ оставили три баталіона тифлисскаго гренадерскаго полка съ батареею, и того же 26-го мая передвинута сюда же и вся 2-я сводная кавалерійская дивизія. Всѣ остальныя войска, стоявшія доселѣ въ Когалы, были передвинуты на разстояніе шести верстъ отъ этого селенія къ селенію Аравартапу и тамъ расположились

лагеремъ *). Начальникомъ когалискаго лагеря былъ сперва назначенъ генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, а вслѣдъ затѣмъ—начальникъ кавалеріи генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе.

Занятіе Араватапа и расположеніе войскъ, произведенное 26-го мая, составляютъ второй и окончательный моментъ тѣсной блокады Карса. Съ этой минуты ежедневно производились рекогносцировки съ цѣлью обзора мѣстности и карсскихъ верковъ, а также выбора пунктовъ для устройства нашихъ осадныхъ батарей, и почти каждую ночь были дѣлаемы тревоги. Первая тревога противъ форта Каплы, въ ночь съ 27-го на 28-е мая, была произведена Сѣверскимъ драгунскимъ полкомъ съ терскою батареею. Сдѣлавъ шестнадцать орудійныхъ выстрѣловъ и поднявъ на ноги весь гарнизонъ укрѣпленія, части эти возвратились въ лагерь. Въ описываемый день, именно 27-го мая, въ главныя силы дѣйствующаго корпуса изволилъ прибыть главнокомандующій арміею, основавъ свое пребываніе у селенія Мацра, въ правой колоннѣ генерала Девеля. На другой день Его Императорское Высочество произвелъ осмотръ араватанскаго и когалискаго лагерей. Для встрѣчи и сопровожденія Государя Великаго Князя кавалерія лѣвой колонны была расположена въ колоннахъ между чахмахскимъ спускомъ и лагеремъ. Главнокомандующій, подъѣхавъ къ сѣверцамъ и бывъ ими восторженно привѣтствуемъ, удостоилъ ихъ благодарности за молодецкія дѣйствія 13-го и 18-го мая. Въ три съ половиною часа пополудни Государь Великій Князь изволилъ отбыть обратно.

Ночью дивизіономъ нижегородцевъ, съ двумя конными орудіями, была опять произведена тревога по восточнымъ фортамъ крѣпости. 30-го мая, въ виду слуховъ о движеніи непріятеля отъ Соганлуга къ Карсу, съ разсвѣтомъ были посланы для развѣдокъ черезъ селенія Хопанлы, Сойгутли, Бязиргянъ—къ Чаплахлы: казачій полкъ, дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ и четыре конныя орудія, подъ командою полковника Крузенштерна. Обозрѣвъ все пройденное пространство, кавалерія не встрѣтила нигдѣ непріятеля.

*) Туда же прибылъ 28-го мая и грузинскій гренадерскій полкъ, для котораго было оставлено мѣсто.

Но почти одновременно съ этимъ благопріятнымъ для насъ извѣстіемъ было получено другое совсѣмъ противуположнаго свойства, а именно, что турки напали на нашъ пикетъ, выставленный для наблюденія за селеніемъ Ардостомъ, окружили его, убили трехъ казаковъ и угнали 23 лошади. Остальные казаки отступили къ чифтликскому мосту, гдѣ стояла наша караульная сотня. Сотня эта тотчасъ поскакала къ мѣсту происшествія; вслѣдъ за нею по тревогѣ вынесся изъ лагеря и Сѣверскій драгунскій полкъ. Но пока обѣ части доскакали до цѣли—турки успѣли скрыться. На другой же день оказалось, что нападеніе было произведено не войсками непріятеля, а 30—40 человѣками шайки извѣстнаго нашего борчалинскаго разбойника Меграли, командовавшаго у турокъ партизанскимъ кавалерійскимъ отрядомъ, и что казаки на посту были застигнуты врасплохъ—иначе, безъ сомнѣнія, они не уступили бы такъ легко.

Цѣль и назначеніе указанныхъ выше тревогъ, въ которыхъ принимали участіе и сѣверцы, тѣсно связаны съ основными и самыми главными соображеніями, которыя руководили въ то время нашими дѣйствіями подъ Карсомъ. Эти соображенія, можетъ быть, даже къ счастью для насъ, измѣнились быстро и совершенно радикально, не приведя насъ ни къ какимъ результатамъ, тѣмъ не менѣе, они, вмѣстѣ съ причинами, ихъ видоизмѣнившими, играютъ чрезвычайно важную роль въ этотъ періодъ войны; обойти ихъ молчаніемъ невозможно вопервыхъ потому, что на нихъ опирались всѣ распоряженія въ началѣ злосчастнаго для насъ іюня мѣсяца, и вовторыхъ потому, что безъ уясненія ихъ наша тогдашняя дѣятельность подъ Карсомъ можетъ явиться лишенною идеи и смысла, тогда какъ это вполнѣ несправедливо. Видимые и всѣмъ извѣстные въ то время факты состояли въ слѣдующемъ:

Мы были упоены нашими быстрыми успѣхами на анатолійскомъ театрѣ и въ особенности ардаганскою побѣдою, подъ обаяніемъ которой рѣшились немедленно повторить всѣ наши ардаганскіе пріемы и подъ Карсомъ. Такой рѣшимости главнымъ образомъ способствовала наша увѣренность въ нравственномъ будто бы упадкѣ духа непріятеля, въ отсутствіи у него энергіи, въ недостаткѣ соли-

дарности между жителями Карса и его гарнизономъ и т. п. Но первыя два обстоятельства, естественно, могли быть только кажущіеся, потому что никакіе факты ихъ не подтверждали, а что касается до послѣдняго, то съ нашей стороны было упущено изъ вида, что въ первые же дни прибытія нашихъ войскъ къ Карсу въ нашихъ лагеряхъ господствовалъ упорный слухъ, что турецкое населеніе Карса даже подстрекало своихъ защитниковъ къ оборонѣ; что оно помогало имъ и требовало у нашей, чтобы, въ случаѣ штурма, гарнизонъ далъ бы намъ отпоръ впереди укрѣпленій; что Мухтаръ-паша, нимало не падая духомъ, дѣятельно работалъ за Соганлугомъ; что уподобленіе Карса Ардагану—идея черезчуръ смѣлая, и однодневное обстрѣливаніе для штурма артилерійскимъ огнемъ первоклассной крѣпости, неимовѣрно сильной еще двадцать лѣтъ назадъ, а теперь усиленной орудіями послѣднихъ системъ, недостаточно; что, наконецъ, у насъ еще не было въ отрядѣ осадной артилеріи, и нельзя было точно опредѣлить дня, въ который мы могли бы располагать ея услугами для дѣйствій по укрѣпленіямъ.

Всѣ эти препятствія были видимы и осязательны, но не взирая на нихъ, мы, съ перваго же дня нашего прибытія къ Карсу, имѣли въ виду бомбардировать его верки, а вслѣдъ затѣмъ и штурмовать ихъ, лишь только будутъ подвезены изъ Александрополя осадныя орудія. Въ ожиданіи ихъ производились ежедневныя рекогносцировки для выбора пунктовъ подъ постройку батарей, знакомство съ мѣстностью и подступами къ крѣпости и зоркое наблюденіе за непріятелемъ, находившимся на Соганлугѣ, наступленіе котораго на карсскую плоскость было для насъ чрезвычайно опаснымъ; наконецъ, всякаго рода развѣдки и ночныя тревоги. Цѣль послѣднихъ состояла въ томъ, чтобы ко времени штурма сколь возможно болѣе утомить защитниковъ укрѣпленій и пріучить ихъ къ мысли, что эти тревоги не имѣютъ ничего рѣшительнаго, и такимъ образомъ, введя ихъ въ безпечность, во время дѣйствительнаго штурма, который предполагался непремѣнно ночью, застигнуть осажденныхъ врасплохъ.

Сообразно времени прибытія осадной артилеріи, сооруженіе батарей рѣшено было произвести въ ночь съ 31-го мая на 1-е ію-

ня, тотчасъ ихъ вооружить и 2-го числа открыть бомбардированіе. Въ этомъ смыслѣ и составлена была диспозиція. Впрочемъ, по этой диспозиціи постройка батарей была назначена только со стороны колонны генерала Девеля; войскамъ же колонны генерала Геймана были указаны общія дѣйствія со стороны укрѣпленій Тохмаса и Тихъ-Тепеси, а кавалерійскій отрядъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, впредь до особаго приказанія, долженъ былъ находиться около селенія Кякячъ, наблюдая дальними разъѣздами всѣ пути къ Соганлугу черезъ Агджа-Кала, Чаплахлы и даже до селенія Сарыкамыша. Относительно постройки батарей въ раіонѣ расположенія колонны генерала Геймана распоряженій не было сдѣлано потому, что въ колонну его еще не прибыла назначенная для нея осадная артиллерія. Частью въ виду этого обстоятельства, не дававшаго возможности одновременно устроить и вооружить всѣ предназначенныя для дѣйствій противъ фортовъ батареи, а частью вслѣдствіе вылазки, произведенной изъ Карса днемъ противъ колонны генерала Девеля, осадныя работы въ ночь съ 31-го мая на 1-е іюня были отложены, и диспозиція осталась безъ послѣдствій. Всѣ обширныя на этотъ разъ предпріятія были замѣнены въ колоннѣ генерала Геймана ночью тревогою, произведенною Сѣверскимъ полкомъ и конною батареею къ Тохмасу. Артиллерія пустила нѣсколько снарядовъ. Турки ударили въ лагерѣ тревогу, но въ поле не выступали и на наши выстрѣлы не отвѣчали.

Маленькая неудача не поколебала нашей рѣшимости, тѣмъ болѣе, что въ теченіе 1-го и 2-го іюня въ колонну генерала Геймана была подвезена большая часть осадныхъ орудій и достаточное количество снарядовъ. Втораго іюня состоялась краткая диспозиція по главнымъ силамъ войскъ о томъ, чтобы въ предстоящую ночь возвести батареи для 150 орудій и вооружить въ колоннѣ генерала Геймана шесть, а въ колоннѣ генерала Девеля семнадцать батарей, и утромъ 3-го числа одновременно открыть бомбардированіе. На вопросъ генерала Геймана о томъ, какая именно роль предназначается кавалеріи, и на высказанное имъ, по этому случаю, личное мнѣніе, послѣдовало приказаніе, чтобы кавалерія производила демонстрацію противъ Сувари и Канлы спѣшенными драгунами, не

форсируя впрочемъ укрѣпленій. Для диверсіи этой начальникъ колонны предназначилъ 3-го числа іюня два полка—нижегородскій и Сѣверскій.

На основаніи общей диспозиціи по главнымъ силамъ, генералъ Гейманъ отдалъ, въ первомъ часу пополудни, частную диспозицію по ввѣренной ему колоннѣ на ночь съ 2-го на 3-е іюня, а также и на 3-е іюня, собралъ къ себѣ всѣхъ командировъ частей, не исключая и баталіонныхъ, объяснилъ имъ подробности и назначеніе ввѣренной каждому части и велѣлъ быть готовыми къ шести часамъ вечера. Едва только начальники частей разошлись по своимъ мѣстамъ, какъ горизонтъ со всѣхъ сторонъ завалило темными тучами, грянули раскаты грома, раздалось вблизи лагеря нѣсколько ударовъ молніи—и вслѣдъ затѣмъ полилъ дождь какъ изъ ведра. Если вѣрить въ таинственныя указанія судьбы, то можно было прійти къ рѣшительному заключенію, что въ эти минуты она намъ покровительствовала и выразила своё необъяснимое ко благу нашему противодѣйствіе нашимъ несвоевременнымъ побужденіямъ въ явленіяхъ природы. Такъ, по крайней мѣрѣ, многіе въ лагерѣ не чужды были думать. Дождь смѣнился градомъ и потомъ продолжалъ свои обильныя изліянія до самыхъ сумерокъ. Но, не обращая на это вниманія, генералъ Гейманъ, ровно въ семь часовъ вечера, двинулъ свою колонну по назначенію. При приближеніи къ с. Бозгала, тучи разошлись, и выглянула слабая луна, которая, впрочемъ, тускло посвѣтила около часа и скрылась совсѣмъ.

Войска шли по размытой, грязной дорогѣ, тамъ и сямъ застрявая въ лужинахъ и промоинахъ, но все подвигаясь къ цѣли. Черезъ часъ и три четверти, когда передовыя пѣхотныя части уже находились въ разстояніи не болѣе полуверсты отъ мѣста закладки батарей, генералъ Гейманъ получилъ записку, въ которой спрашивалось его мнѣніе о томъ, можно ли двигаться съ осадною артилеріею, такъ какъ начальникъ лѣвой колонны, по случаю сильной грязи и темноты, призналъ это неудобоисполнимымъ. Генералъ Гейманъ, прійдя къ заключенію, что лѣвая колонна еще до сихъ поръ не трогалась, а слѣдовательно и не успѣетъ въ свое время заложить батареи, и что, такимъ образомъ, ему одному прійдется вынести

на себѣ всю тягость боя, повернулъ войска назадъ и приказалъ имъ отступать обратно въ лагерь. На пути онъ получилъ извѣстіе о томъ, что корпусный командиръ самъ повелъ лѣвую колонну, но было уже поздно, и генералъ Гейманъ сообщилъ, что предпринять второе движеніе онъ не можетъ, такъ какъ ночь коротка, благопріятное время упущено, и утомленныя войска не въ состояніи будутъ надлежащимъ образомъ выполнить свое назначеніе.

Такимъ образомъ, не осуществилось и второе намѣреніе о штурмѣ Карса—и, нѣтъ сомнѣнія, къ лучшему, потому что вести въ то время съ нашими силами открытую атаку, послѣ кратковременнаго бомбардированія, на чахмахскія и шорахскія высоты и на ихъ недоступные форты: Тохмасъ, Тихъ-Тепеси, Лазъ-Тепеси и Чахмахъ—это значило навѣрное или рисковать большею частью нашихъ силъ, или, что еще хуже, взять верки на нѣсколько минутъ, чтобы быть потомъ выбитыми и отброшенными съ громаднѣйшимъ урономъ. Осмотръ этихъ укрѣпленій уже по окончательномъ взятіи нами Карса убѣдилъ въ этомъ всѣхъ и каждаго. Онъ доказалъ и неспеціально подготовленному человѣку, что подступы наши къ Карсу открытою силою со стороны шорахскихъ высотъ, среди бѣлаго дня, немыслимы; что предпріятіе наше со 2-го на 3-е іюня было въ высшей степени рискованное, и что, наконецъ, открытая атака и была только возможна именно съ южной стороны, съ которой такъ блистательно наши войска повели ее въ ночь съ 5-го на 6-е ноября.

Возвратясь въ лагерь, войска расположились на прежнихъ мѣстахъ, а тифлисскій гренадерскій полкъ въ кавалерійскомъ лагерѣ у селенія Когалы, гдѣ 3-го іюня утромъ собрался опять отрядъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, отозванный обратно изъ селенія Кякячъ; прочія пѣхотныя части колонны генерала Геймана стали къ сѣверу отъ селенія Аравартана, тыломъ къ чолгаурскому хребту и, конечно, фронтомъ къ Карсу. Между этою позиціею и крѣпостью находилось селеніе Чифтликъ, которое, къ слову сказать, въ послѣдніе дни возбудило къ себѣ недовѣріе генерала Геймана, весьма основательно заподозрившаго его въ сношеніяхъ съ осажденнымъ гарнизономъ и имѣвшаго уже въ виду наказать за это его жителей

при первомъ случаѣ. Къ югу отъ Чифтлика находилась высота, командовавшая надъ лагеремъ. На такъ называемой обсерваціонной горѣ, бывшей впереди когалинскаго лагеря, находилась полурота нашей пѣхоты, и наблюденію ея подвергалось все пространство до крѣпостныхъ верковъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ возвратившіяся войска стали на свои мѣста, начальникъ когалинскаго лагеря генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе получилъ съ обсерваціонной горы, въ восемь часовъ утра, первое донесеніе о движеніи въ нашу сторону изъ непріятельскаго лагеря, расположеннаго у южныхъ фортовъ крѣпости, части турецкихъ войскъ *). Онъ вышелъ на переднюю линейку и, вмѣстѣ съ офицерами, сталъ наблюдать за турками. Сперва направленіе ихъ можно было прослѣдить довольно точно, но потомъ, когда они укрылись за неровностями мѣстности, наблюдатели потеряли ихъ изъ вида. На всякій случай князь Чавчавадзе приказалъ полковнику Ридигеру приготовить къ выступленію ввѣренный ему тифлисскій гренадерскій полкъ—хотя онъ самъ, равно какъ и всѣ въ лагерѣ, мало вѣрилъ въ возможность серьезной вылазки турокъ, до тѣхъ поръ не рисковавшихъ выходить въ поле. Въ одиннадцать съ половиною часовъ была получена княземъ новая записка о появленіи непріятельской конной сотни, а около часа пополудни—еще донесеніе о движеніи пѣхоты. Когда всѣ личныя наблюденія генералъ-маіора князя Чавчавадзе и извѣстія съ обсерваціонной горы привели его къ безошибочному заключенію, что непріятель подвигается къ Аравартану, то онъ приказалъ кавалеріи сѣдлать и также быть готовой къ выступленію. Приказаніе это было исполнено въ три минуты, но люди оставались пока на своихъ мѣстахъ, и драгуны не снимались съ коновязей. Къ двумъ часамъ донесенія

*) Послѣдующее изложеніе извѣстнаго аравартанскаго боя заимствовано преимущественно изъ письма генералъ-лейтенанта князя Чавчавадзе къ составителю этой исторіи. Въ началѣ этого письма князь оговариваетъ, что „хотя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ и заключаются въ рапортѣ его отъ 4-го іюня 1877-го года за № 243, но послѣдній писанъ былъ второпяхъ и изложенъ съ недостаточною полнотою“. Тѣмъ не менѣе, рапортъ этотъ, донесеніе генерала Геймана и сказанія участниковъ дѣла не оставлены безъ вниманія.

съ наблюдательныхъ постовъ указывали на замѣтно усилившееся движеніе турокъ.

Появленіе и направленіе непріятеля были замѣчены также и въ аравартанскомъ лагерѣ—хотя значительно позже, чѣмъ въ когалинскомъ. Когда цѣли его окончательно опредѣлились, генералъ Гейманъ тотчасъ сдѣлалъ всѣ распоряженія, клонившіяся къ тому, чтобы задержать его наступленіе, въ тоже время ударить ему въ тылъ и такимъ образомъ отрѣзать отступленіе къ Карсу. Съ этою цѣлью онъ приказалъ охотничьей командѣ и одной ротѣ эриванскаго полка завязать съ нимъ перестрѣлку, а ординарца своего послалъ въ Когалы къ князю Чавчавадзе, съ приказаніемъ—зайти съ пѣхотою и кавалеріею непріятелю въ тылъ. Не успѣлъ онъ еще отдать эти приказанія, какъ съ высоты передъ Чифтликомъ раздались по аравартанскому лагерю орудійные выстрѣлы, направленные преимущественно въ нашъ артилерійскій № 47-го паркъ. Къ счастью, направленіе снарядовъ было неудачное.

По первымъ выстрѣламъ, въ когалинскомъ лагерѣ протрубили тревогу. Не затихъ еще въ воздухѣ этотъ призывъ, какъ три баталіона тифлисскаго полка уже двигались по направленію къ аравартанскому лагерю, а Сѣверскій полкъ, бывшій въ этотъ день дежурнымъ, выскочилъ на линію. Вслѣдъ за нимъ выросли и нижегородцы. Подхвативъ сѣверцевъ, генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе двинулся на Когалы и, обогнавъ тифлисцевъ, за этимъ селеніемъ взялъ правымъ плечомъ. Тутъ пристроилась къ нему первая сотня 1-го волгскаго полка, снявшаяся съ аванпостовъ; 3-й же дагестанскій конно-иррегулярный полкъ, бивакъ котораго былъ внизу, по дорогѣ изъ лагеря кавалеріи въ Аравартанъ, занялъ уже высоту лѣвѣе драгунъ и открылъ по непріятелю ружейный огонь. Вслѣдъ за Сѣверскимъ полкомъ, шедшимъ впереди на рысяхъ въ общей взводной колоннѣ справа, двигались дивизіоны 1-й терской и 2-й кубанской батарей, вмѣстѣ съ 5-ю батареею кавказской гренадерской артилерійской бригады и тифлисскимъ полкомъ, прикрывавшимъ и правый флангъ сѣверцевъ. Нижегородцы остались въ резервѣ—кромѣ 4-го эскадрона (капитана Кусова) прикрывавшаго конныя орудія.

Орудійная пальба у аравартанскаго лагеря усиливалась; ее со-

провождала бѣглая ружейная перестрѣлка; съ чифтликской высоты уже спускалась цѣпь турецкихъ стрѣлковъ, встрѣченная эриванцами; наши батареи, бывшія въ аравартанскомъ лагерѣ, хотя и не получили приказанія, но открыли пальбу, не снимаясь съ мѣста, по цѣпи съ дистанціи 1380 саженей, а по непріятельскимъ орудіямъ съ 1700 саженей. По первымъ нашимъ орудійнымъ выстрѣламъ двинулись на непріятеля два дежурные баталіона грузинскаго гренадерскаго полка, съ 4-й батареей кавказской гренадерской артиллерійской бригады, также не получавшіе никакого предварительнаго приказанія генерала Геймана, который вовсе даже и не предвидѣлъ ихъ наступленія. Грузинцы повели молодецкую атаку съ фронта на высоту и сбили оттуда таборы арабистанцевъ.

Тѣмъ временемъ, сѣверцы скакали по мѣстности неудобной и сильно пересѣченной, которая заставила весь отрядъ генерала князя Чавчавадзе вытянуться въ тонкую линію. При движеніи мимо селенія Бозгала, въ немъ были усмотрѣны непріятельскіе всадники. Противъ нихъ былъ отряженъ 1-й эскадронъ; но пока онъ прискакалъ въ деревню, всадники уже скрылись. Князь Чавчавадзе, оставившій полкъ позади себя, прибылъ на высоту, занятую дагестанцами, и отсюда увидѣлъ, что на холмахъ, впереди аравартанскаго лагеря, густая цѣпь турецкихъ стрѣлковъ и, подъ прикрытіемъ ея, орудія обстрѣливаютъ лагерь гренадерской дивизіи; невдали за ними двигались къ Араварткану сомкнутыя части пѣхоты, въ составѣ отъ 8-ми до 11-ти таборовъ, которые остановились, когда замѣтили движеніе нашей кавалеріи; турецкая же цѣпь, съ орудіями, начала поспѣшно отступать къ своимъ резервамъ. Въ эту минуту, весьма удобную для атаки, показалась голова 1-го эскадрона Сѣверскаго полка. Генералъ-маіоръ кн. Чавчавадзе тотчасъ послалъ состоявшаго при немъ лейбъ-гвардіи коннаго полка поручика Бибикова съ приказаніемъ Сѣверскому полку—развернуться и атаковать непріятеля. Впослѣдствіи, осматривая мѣсто, гдѣ построился Сѣверскій полкъ, князь удостовѣрился, что построеніе не могло быть исполнено скорѣе, чѣмъ оно было произведено 3-го іюня; но тогда князю показалось, что полкъ мѣшкаетъ, поэтому, боясь потерять удобную минуту, онъ послалъ еще бывшаго при немъ адъютанта Сѣверскаго полка поручика барона Франка съ новымъ

приказаніемъ—поспѣшить атакою; наконецъ, вслѣдъ за нимъ отправилъ и третьяго офицера—поручика князя Дадіанъ-Мингрельскаго. Полкъ же въ это время, быстро стягиваясь и выстроиваясь, очутился подъ убійственнымъ артилерійскимъ огнемъ съ шорахскихъ высотъ. Одна изъ гранатъ врѣзалась въ группу, состоявшую изъ командира полка Батіевскаго, дивизіонера подполковника Шахаліева и командира 2-го эскадрона капитана Сакварелидзе-Бежанова, разорвалась, контузивъ послѣдняго изъ нихъ, и всѣхъ вмѣстѣ обдала массою земли. Стянувъ полкъ, въ томъ числѣ и подоспѣвшій 1-й эскадронъ, полковникъ Батіевскій развернулъ его, самъ сталъ во главѣ—и не успѣлъ поручикъ князь Дадіанъ доскакать съ третьимъ приказаніемъ, какъ Сѣверскій полкъ уже несся въ атаку стройными линіями, впереди которыхъ красовался рядъ офицеровъ.

Между тѣмъ, турки успѣли уже перемѣнить фронтъ и были расположены приблизительно слѣдующимъ образомъ: противъ перваго дивизіона подполковника Шахаліева стояли сомкнутыя части, а именно: противъ 1-го эскадрона (маіора Гоппе) у подножія кургана нѣсколько таборовъ въ шахматномъ порядкѣ; противъ 2-го эскадрона (капитана Сакварелидзе-Бежанова)—два табора; третьему же эскадрону (маіора Никифорова), при которомъ находился командиръ 2-го дивизіона полковникъ Воробьевъ, пришлось идти противъ густой цѣпи, отступавшей къ своимъ резервамъ; наконецъ, противъ 4-го эскадрона (капитана князя Микеладзе) были также разсыпныя пѣхотныя части, но онѣ успѣли устраниться отъ направленія, по которому двигался этотъ эскадронъ, и отбѣжали къ своимъ резервамъ.

Когда генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе увидѣлъ, что непріятель перемѣнилъ фронтъ, то принужденъ былъ озаботиться безотлагательнымъ выдѣленіемъ какого нибудь резерва, который бы принялъ на себя атакующихъ въ случаѣ неблагопріятнаго оборота дѣла; и такъ какъ оставленный позади въ лощинѣ нижегородскій полкъ не могъ служить для этой цѣли по недостатку пространства, то начальникъ отряда послалъ и. д. начальника штаба 2-й сводной кавалерійской дивизіи полковника Бутурлина навстрѣчу Сѣверскому полку, съ приказаніемъ—остановить ближайшій лѣвофланго-

вый эскадронъ (4-й) и поставить его уступомъ позади и лѣвѣе атакующихъ. Этотъ эскадронъ остался на занятой имъ позиціи, подъ непріятельскимъ орудійнымъ огнемъ, до окончанія дѣла; остальные продолжали свое движеніе.

Съ этого именно момента начинается та незабвенная и знаменитая аравартанская атака сѣверскихъ драгунъ, которая въ тактическомъ отношеніи пріобрѣла себѣ историческую и научную извѣстность, и о которой князь Чавчавадзе, въ донесеніи своемъ генералу Гейману *), выразился слѣдующимъ образомъ: „ни разрывавшіяся надъ эскадронами картечныя гранаты изъ трехъ укрѣпленій крѣпости, ни убійственный сосредоточенный перекрестный огонь пѣхоты изъ нѣсколькихъ ярусовъ, ни, наконецъ, картечь непріятеля, вырывавшая цѣлые ряды, не могли остановить геройскаго порыва драгунъ. Если кому нибудь принадлежитъ честь носить имя героя, то это всецѣло относится къ Сѣверскому драгунскому полку за отважную атаку, подобную которой я въ своей боевой жизни не имѣлъ случая видѣть“.

Въ письмѣ же своемъ къ составителю настоящей исторіи генералъ князь Чавчавадзе описываетъ атаку слѣдующимъ образомъ:

„Непріятель, какъ сказано, перемѣнившій къ тому времени фронтъ, встрѣтилъ сѣверцевъ ужасающимъ огнемъ; но полкъ, видя ясно указанную цѣль, безъ колебанія, не замѣчая своихъ потерь, летѣлъ неудержимо впередъ. Трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, ревъ и гулъ артилерійской канонады, поддерживаемой огнемъ крѣпостныхъ фортовъ, составляли неслыханный мною доселѣ всезаглушающій концертъ. Массы свинца и чугуна, казалось, готовы были смести полкъ, но ни что не могло остановить его беззавѣтной отваги“.

Картина атаки въ данный моментъ была слѣдующая: впереди летѣлъ командиръ полка полковникъ Батіевскій съ адъютантомъ, штабъ-трубачемъ и ординарцемъ; за ними, на установленной дистанціи, дивизіонеры: полковникъ Воробьевъ и подполковникъ Шахаліевъ, и, наконецъ, впереди эскадроновъ, скакавшихъ съ тою замѣчательною стройностью, какая рѣдко удается даже и на ученьи,

*) 4-го іюня 1877-го года № 422.

эскадронные и взводные командиры. Этому почти небывалому въ бояхъ порядку частью способствовала и измѣнившаяся мѣстность, которая отъ высоты стлалась ровно, не имѣла пока препятствій и была нѣсколько наклонена къ сторонѣ непріятеля. Однако, препятствіе вскорѣ явилось: шагахъ въ пятидесяти отъ первой непріятельской линіи полкъ неожиданно влетѣлъ въ болотистый раскисшій грунтъ, который разомъ сковалъ собою ноги лошадей. На эту преграду турки видимо расчитывали заранѣе, такъ какъ, не смотря на всю близость надвигавшагося на нихъ урагана, они на этомъ флангѣ своей позиціи не переставали все сильнѣе осыпать драгунъ градомъ пуль, смѣло выжидая ихъ приближенія. Но расчеты ихъ не оправдались: тинистое и вязкое болото не остановило сѣверцевъ, также какъ не остановила до сихъ поръ масса огня. Весь полкъ, за исключеніемъ немногихъ всадниковъ, черезчуръ глубоко завязшихъ въ тинѣ, быстро очутился на противуположномъ берегу. Въ письмѣ князя Чавчавадзе объ этомъ препятствіи сказано слѣдующимъ образомъ: „болотистая мочежина, неожиданно встрѣтившаяся на пути, хотя на минуту и замедлила аллюръ, но сильные кони, повинуясь нетерпѣливому стремленію всадниковъ, рванулись впередъ и еще быстрѣе полетѣли далѣе.

„Среди потрясающихъ звуковъ безпорядочной стрѣльбы турокъ, напрягавшихъ всѣ свои усилія, чтобы остановить эту двигавшуюся на нихъ массу, она, въ грозномъ молчаніи, въ стройномъ порядкѣ и безъ крика „ура“, врѣзалась въ ряды непріятеля. Въ минуту столкновенія фронтъ мгновенно сдалъ свою скорость, и всадники, раздѣлившись на группы, въ разныхъ направленіяхъ поражали обезумѣвшаго отъ страха непріятеля“.

Командиръ 2-го дивизіона полковникъ Воробьевъ свалился съ убитой подъ нимъ лошади; сѣверцы же, постепенно подвигаясь въ густой толпѣ смѣшавшихся турокъ, повсюду наносили смерть, рубили шашками, топтали лошадьми и довершали панику и безпорядокъ противника. Очутившись подъ драгунскими шашками, турки пускались на всевозможныя уловки: одни, падая на землю, подставляли ударамъ драгунъ свои ранцы; другіе, опустившись на колѣна и снявъ свои фески, просили пощады; третьи, притворяясь

убитыми и припавъ ницъ къ землѣ, терпѣливо, безъ возгласа, подставляли подъ копыта лошадей свои головы; иные же, въ знакъ покорности, взявъ ружья на плечо, другою рукою подносили драгунамъ непримкнутый штыкъ. Но ни одно выраженіе этой покорности, возбужденной паническимъ страхомъ, не вызвало у сѣверцевъ ни малѣйшаго раздумья, не отвращало и не задерживало ихъ ударовъ. Живыми остались только тѣ, которымъ благопріятствовала сама судьба, или которыхъ шашки сѣверцевъ не коснулись по совершенной невозможности. Разстроенные, разметанные по полю, турки повсюду повернули тылъ и стремглавъ, вразсыпную, бѣжали къ Карсу.

Полковникъ Батіевскій проскакалъ впередъ и, на минуту пріостановившись, разсматривалъ и соображалъ движеніе турецкой кавалеріи, показавшейся вдали совершенно неожиданно *). Въ это мгновеніе одинъ изъ валявшихся на землѣ турокъ, казавшійся безжизненнымъ, видя, что на него не обращаютъ вниманія, чуть-чуть приподнялся и выстрѣлилъ въ командира полка. Къ счастью, пуля измѣнила и не попала по назначенію; жертвою ея сдѣлался находившійся тутъ-же штабъ-трубачъ Баранасъ, котораго она ранила въ ногу. Баранасъ далъ коню шпоры, подскакалъ къ мнимо-умершему турку и однимъ ударомъ шашки въ дѣйствительности и навсегда прекратилъ его земное существованіе.

Этимъ эпизодомъ завершился бой, продолжавшійся въ общей сложности не болѣе десяти-пятнадцати минутъ. Въ помощь бѣжавшимъ и для принятія ихъ, изъ Карса вынеслась полевая батарея и открыла меткій и жестокій огонь преимущественно по драгунамъ. Такъ какъ въ эту минуту задача сѣверцевъ была окончена, и не встрѣчалось надобности возобновлять атаку, то полковникъ Батіевскій остановился и сталъ приводить эскадроны въ порядокъ, чтобы вывести изъ подъ губительнаго огня; на позицію же вылетѣли оба дивизіона конно-казачьихъ батарей (Ризенкампфа и Прозоркевича), преодолѣвшіе по пути движенія изъ лагеря почти непроходимый

*) Это была турецкая конница, направленная противъ нашего летучаго отряда полковника Панина.

оврагъ, въѣхали въ интервалы цѣпей тифлисскаго полка, засыпали гранатами непріятельскую полевую артилерію и вскорѣ заставили ее замолчать. Подъ защитою нашихъ орудій, полковникъ Батіевскій повернулъ полкъ повзводно налѣво, и зайдя правымъ плечомъ впередъ, вышелъ по лощинѣ за гору, внѣ выстрѣловъ турецкой артилеріи. Здѣсь онъ вновь остановился и произвелъ повѣрку людей. Не досчитались многихъ, но всѣ раненые и убитые были розысканы, подняты и взяты съ собою. Когда происходила эта повѣрка, вдали показался начальникъ кавалеріи, быстро приближавшійся къ полку. Не доѣзжая до него на значительное разстояніе, князь Чавчавадзе снялъ фуражку и привѣтствовалъ сѣверцевъ. Потомъ, подъѣхавъ къ фронту, онъ восторженно провозгласилъ:

— Видѣлъ, все видѣлъ. Я восхищался вашею молодецкою атакою.

Поздравивъ полкъ съ побѣдою и новымъ геройскимъ подвигомъ, о которомъ въ первыхъ строкахъ своего донесенія генералъ выразился: „вчера сѣверскіе драгуны прибавили новую славную страницу къ исторіи нашей кавалеріи“, князь Чавчавадзе обнялъ командира полка и расцѣловалъ его.

Канонада прекратилась въ шесть часовъ вечера. При возвращеніи въ лагерь, Сѣверскій полкъ былъ встрѣченъ восторженнымъ выраженіемъ общаго сочувствія всѣхъ частей, а музыка нижегородскаго полка играла сѣверскій маршъ. По показанію плѣнныхъ турокъ, силы ихъ въ день битвы 3-го іюня состояли изъ десяти баталіоновъ пѣхоты, 8—12 полевыхъ пѣшихъ батарей и небольшаго числа кавалеріи. Изъ числа баталіоновъ два были изъ Мухлиса, а восемь изъ нижняго лагеря.

Турки оставили на мѣстѣ до двухсотъ тѣлъ, между которыми было много арабистанцевъ, нѣсколько человѣкъ горожанъ и даже одна женщина, переодѣтая въ мундиръ низама *). Сражавшіеся таборы были настолько разстроены, что нѣкоторые изъ нихъ пришлось вовсе расформировать и уцѣлѣвшими людьми пополнить недочетъ въ другихъ таборахъ.

---

*) Нѣкоторые говорятъ, что было двѣ женщины.

Общая наша потеря состояла изъ одного раненаго офицера, изъ 11-ти убитыхъ и 106-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ. Изъ числа ихъ на долю Сѣверскаго полка пришлась третья часть, а именно: одинъ раненый офицеръ (прапорщикъ Аэтовскій), 6-ть убитыхъ и 33 раненыхъ нижнихъ чиновъ; лошадей въ полку убито: офицерскихъ три и строевыхъ 21; ранено офицерскихъ двѣ и строевыхъ 62. Въ конныхъ артилерійскихъ дивизіонахъ выпущено 80 снарядовъ. Донося объ этомъ дѣлѣ и о молодецкой атакѣ драгунъ командующему корпусомъ, генералъ Гейманъ выразился, между прочимъ, слѣдующими словами: „безъ всякаго сомнѣнія, полковникъ Батіевскій имѣетъ право на георгіевскій крестъ". Письмо же князя Чавчавадзе объ аравартанскомъ дѣлѣ заканчивается такъ:

„Результатъ атаки былъ громаденъ: десять таборовъ пѣхоты, съ артилеріею, покровительствуемые крѣпостнымъ огнемъ, были разметаны и обращены въ бѣгство тремя эскадронами кавалеріи. Хорошо поведенная атака на ясно видимаго непріятеля, отважная рѣшимость командира и офицеровъ, передавшаяся солдатамъ, достигли цѣли, и огонь лучшаго огнестрѣльнаго оружія, доведенный до высшей степени своего напряженія, не составилъ неодолимаго препятствія, а какъ бы былъ парализованъ смѣлостью атаки. Примѣръ такой блистательной атаки есть вмѣстѣ съ тѣмъ лучшій отвѣтъ на теорическія изслѣдованія о возможности дѣйствій кавалеріи при современныхъ условіяхъ боя".

Причины, побудившія непріятеля произвести 3-го іюня вылазку и нападеніе на нашъ лагерь, а также и обстоятельства, тому способствовавшія, быстро разъяснились и состояли въ слѣдующемъ: во время нашего движенія къ Карсу, въ ночь съ 2-го на 3-е іюня, аванпосты наши, находившіеся за селеніемъ Чифтликомъ (Владикарсъ) были сняты, а послѣ отступленія ихъ забыли выставить вновь. Жителямъ Чифтлика это было извѣстно, и они утромъ дали знать въ крѣпость, вслѣдствіе чего непріятельскіе баталіоны безнаказанно подошли къ Чифтлику, отбили 150 штукъ нашего маркитантскаго скота и атаковали аравартанскій лагерь. Потомъ, во время самаго боя, когда дежурная рота 4-го баталіона грузинскаго полка двинулась на высоту лѣвѣе Чифтлика для прикрытія лѣваго

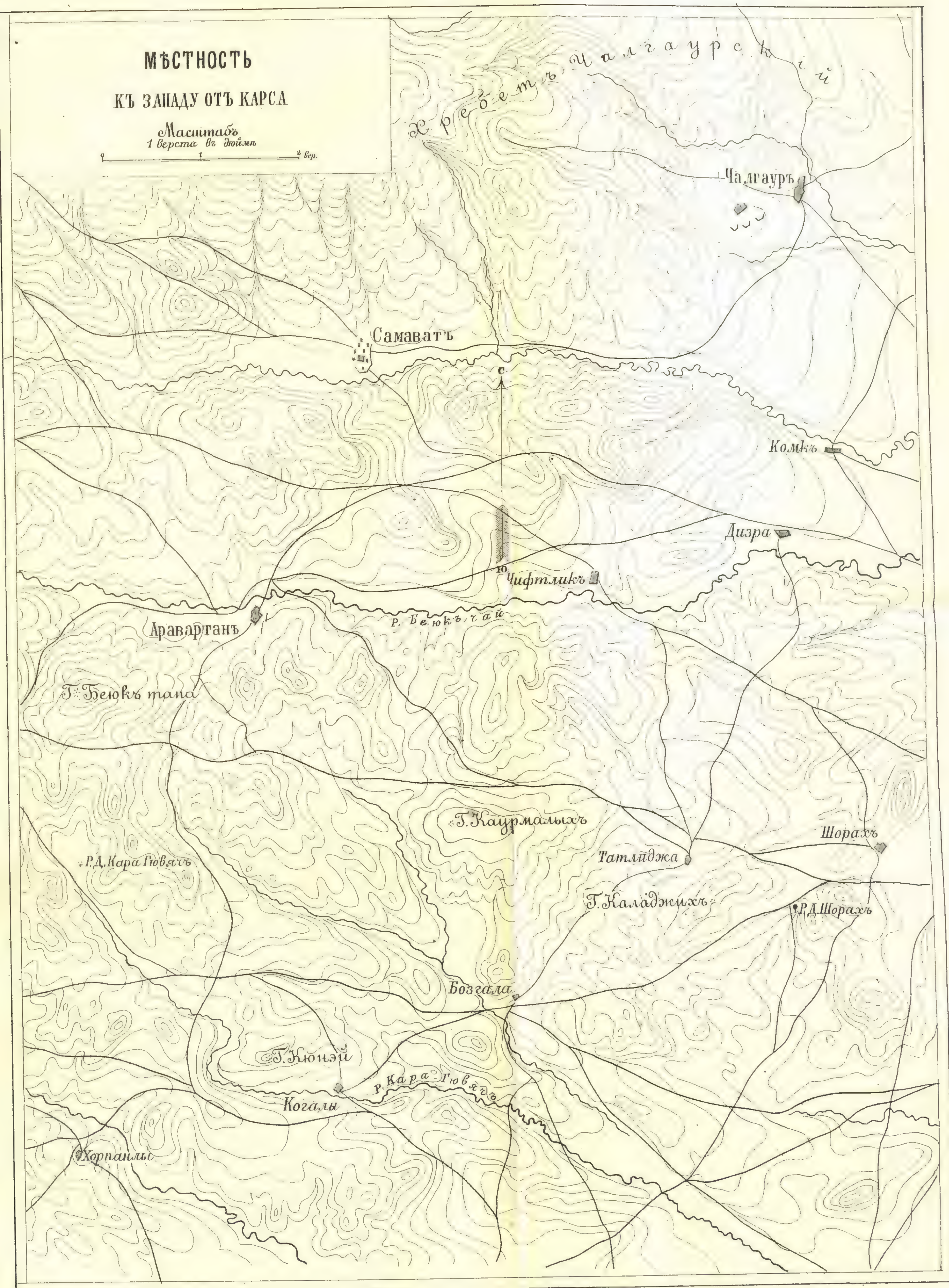
фланга лагеря, тѣже жители встрѣтили ее съ оружіемъ въ рукахъ. Убѣдившись на этотъ разъ окончательно въ вѣроломствѣ чифтликцевъ, бывшихъ уже доселѣ въ подозрѣніи относительно ихъ враждебныхъ для насъ сношеній съ гарнизономъ крѣпости, генералъ Гейманъ, послѣ аравартанскаго дѣла, испрашивалъ разрѣшенія командующаго корпусомъ, по его собственному выраженію, „разнести“ Чифтликъ. Вѣроятно, онъ получилъ это разрѣшеніе, потому что на другой день категорически телеграфировалъ изъ Аравартана генералъ-адъютанту Лорисъ-Меликову что „Чифтлика не существуетъ“. Дѣйствительно, жители, получивъ приказаніе взять съ собою только цѣнныя вещи, были выпровожены въ Карсъ; скотъ у нихъ былъ отобранъ и до 600 головъ его досталось на долю одного только когалинскаго лагеря; всякимъ другимъ имуществомъ распорядились карапапахи по своему усмотрѣнію. Окрестнымъ же деревнямъ было объявлено, что это первый примѣръ нашего наказанія за вѣроломныя противъ насъ дѣйствія, и что такая же участь постигнетъ и всѣхъ другихъ, кто захочетъ въ одно время служить двумъ сторонамъ.

Тотчасъ послѣ аравартанскаго дѣла было рѣшено двинуть на Соганлугъ колонну генерала Геймана, поэтому начались всѣ приготовленія къ обезпеченію для похода войскъ аравартанскаго и когалинскаго лагерей. Кавалеріи же приказано было усилить наблюденіе за путями, идущими къ Соганлугу, такъ какъ нѣкоторыя свѣдѣнія указывали на происходившія будто бы въ той сторонѣ передвиженія непріятельскихъ отрядовъ. Впрочемъ, близкаго присутствія турокъ разъѣздами нашими замѣчено не было.

Въ тотъ же день, въ колоннѣ генерала Девеля было приступлено къ устройству осадныхъ батарей, по мѣрѣ возведенія которыхъ тотчасъ же происходило бомбардированіе верковъ.

5-го числа послѣдовалъ приказъ по главнымъ силамъ корпуса о томъ, чтобы колонна генерала Геймана приготовилась къ движенію. Въ приказѣ по колоннѣ были указаны мѣры къ тому, чтобы обозы насколько возможно облегчить. Въ силу этого, всѣ тяжести и большая часть палатокъ были отправлены въ селеніе Мацра.

Въ составъ войскъ, назначенныхъ для движенія на Соганлугъ,



МѢСТНОСТЬ
КЪ ЗАПАДУ ОТЪ КАРСА
Масштабъ
1 верста въ дюймъ
Хребетъ Чалгаурскій
Чалгауръ
Самаватъ
Комкъ
Дизра
Чифтликъ
Аравартанъ
Р. Беюкъ-чай
Г. Беюкъ тапа
Г. Каурмалыхъ
Р. Д. Кара Гювякъ
Татлиджа
Шорахъ
Г. Каладжихъ
Р. Д. Шорахъ
Бозгала
Г. Кюнэй
Р. Кара Гювякъ
Когалы
Хорпанлы

входилъ 1-й кавказскій саперный баталіонъ, кавказская гренадерская дивизія со всею ея артилеріею, нижегородскій и Сѣверскій драгунскіе полки, 1-й и 2-й волгскіе, кизляро-гребенской казачьи полки, 1-й и 2-й дагестанскій и чеченскій конно-иррегулярные полки, тифлисскій дворянскій и александропольскій конно-иррегулярные дивизіоны, борчалинская конная сотня и двѣ конныя батареи—1-я терская и 5-я кубанская. Хотя войска эти были удовлетворены провіантомъ по 23-е іюня, но этотъ провіантъ былъ роздапъ не на полное число людей; кромѣ того, въ случаѣ надобности, имѣлось въ виду, по старой кавказской системѣ, „растянуть" его елико возможно. Впослѣдствіи такъ оно и случилось.

Изъ донесеній, послѣдовавшихъ къ главнокомандующему послѣ зивинскаго дѣла, видно, что цѣлью предстоявшаго движенія было отнятіе у карскаго гарнизона надежды на прибытіе къ нему въ помощь войскъ съ Соганлуга и отвлеченіе этихъ же войскъ отъ эриванскаго отряда, находившагося въ весьма затруднительномъ положеніи у кара-дербентскаго прохода,—другими словами: войска Мухтаръ-паши предполагалось въ одно и тоже время отвлечь отъ двухъ отрядовъ—эриванскаго и маџринскаго, и привлечь ихъ на слабую сравнительно колонну генерала Геймана. Конечно, еслибы успѣхъ увѣнчалъ такую идею, то результаты были бы для насъ блестящіе; но, въ случаѣ всегда возможной и заранѣе неоспоримой неудачи, мы должны были терять все или почти все, что до сихъ поръ стяжали. Такъ оно и произошло, хотя, подъ впечатлѣніемъ сложившихся до того дня для насъ успѣховъ, мы устраняли отъ себя всякую подобную мысль и были вполнѣ увѣрены, что ардаганское, бегли-ахметское и аравартанское дѣла повторятся для насъ непремѣнно и на Соганлугѣ.

Пятаго іюня генералъ Гейманъ ѣздилъ въ главную квартиру и привезъ оттуда знаки отличія военнаго ордена для Сѣверскаго полка за „блестящее" аравартанское дѣло. Послѣдующіе два дня прошли въ окончательныхъ приготовленіяхъ къ походу и въ тревогахъ—опять по случаю слуховъ о движеніи турецкихъ войскъ съ Соганлуга. Но и эти случаи, какъ всѣ предыдущіе, оказались турецкими вымыслами, которыми непріятель запугивалъ насъ уже не

одинъ разъ, зная хорошо, что соганлугскія войска Мухтаръ-паши служатъ для насъ предметомъ особеннаго безпокойства.

Войска когалинскаго лагеря, сдавъ всѣ тяжести и оставивъ при себѣ ограниченное число палатокъ, провели холодную ночь съ 7-го на 8-е число на бивакѣ. На разсвѣтѣ полилъ дождь и довершилъ всю невзгоду истекшихъ сутокъ. Утромъ большая часть кавалеріи освободилась отъ бездѣйствія и неразлучныхъ съ нимъ неудобствъ дальнѣйшей стоянки подъ открытымъ небомъ и при дурной погодѣ. Съ восьми часовъ утра она выступила съ мѣста двумя колоннами: первая, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова *)—къ Ардосту, а вторая, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Чавчавадзе **)—къ Бегли-Ахмету. Въ пять часовъ вечера князь Чавчавадзе прибылъ къ мѣсту назначенія и выслалъ разъѣзды на 15 верстъ къ сторонѣ Соганлуга. Сѣверцы не выступали изъ своего когалинскаго лагеря и оставались въ немъ до слѣдующаго утра, опять проведя холодную и безсонную ночь.

Въ шесть часовъ утра, 9-го іюня, наскоро пообѣдавъ и запасшись особо кускомъ вареннаго мяса, двинулись и остальныя войска. Они шли двумя колоннами: первая, въ составѣ 2-й бригады гренадеръ, двухъ батарей, борчалинской сотни и всего обоза, направилась черезъ Сусусъ на Яйхяръ; вторая, въ составѣ 1-й гренадерской бригады, саперъ, четырехъ батарей, кизляро-гребенскаго полка и тифлисскаго дворянскаго дивизіона, слѣдовала черезъ Бегли-Ахметъ на верхніе Катанлы; она прикрывала слѣва движеніе первой колонны. Въ арріергардѣ этой второй колонны шли Сѣверцы, четыре сотни дагестанцевъ и четыре конныхъ орудія.

Въ шесть часовъ вечера, послѣ двадцати-трехверстнаго перехода, пѣхота и кизляро-гребенской полкъ расположились на ночлегъ у селенія Яйхяръ, на правомъ берегу Карсъ-чая, а кавалерія, составивъ двѣ колонны—князя Чавчавадзе ***) и генералъ-маіора

---

*) 1-й и 2-й волгскіе казачьи и чеченскій конно-иррегулярный полки.

**) Нижегородскій драгунскій полкъ, восемь сотенъ дагестанской конно-иррегулярной бригады, александропольскій дивизіонъ и конная батарея.

***) Нижегородскій драгунскій, 1-й волгскій казачій, оба дагестанскіе конно-иррегулярные полки, александропольскій дивизіонъ и конная батарея.

Лорисъ-Меликова *), размѣстилась у Энгечлю (Бязиргянъ-Гечутъ) и у селенія Аспуга. Обѣ колонны содержали между собою постоянную связь и высылали сильные разъѣзды не менѣе какъ на пятнадцать верстъ. Такимъ образомъ, впереди всѣхъ была колонна генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, за плечами которой отдыхали въ эту ночь всѣ войска, двигавшіяся къ Соганлугу.

10-го іюня, по неразработаннымъ и частью топкимъ дорогамъ, преодолѣвъ всякія затрудненія, войска прибыли въ восемь часовъ вечера къ селенію Сарыкамышу, до котораго отъ Яйхяра считается 22 версты.

Ночь была прохладная и прелестная. Полная свѣтлая луна, спокойно катившаяся по безоблачному небу, щедро освѣщала всю окрестность, заросшую густымъ ароматнымъ сосновымъ лѣсомъ, котораго войска такъ давно не видѣли. Лучи ея тамъ и сямъ проникали сквозь зеленую чащу, рисуя на землѣ разныя причудливыя фигуры. Въ одно мгновеніе все огромное пространство, занятое войсками, зардѣлось кострами; вокругъ нихъ зашевелились сотни силуэтовъ, зазвенѣла всякаго рода металлическая посуда—и вскорѣ не было человѣка, который бы сознавалъ свою усталость послѣ трудныхъ переходовъ, только-что совершенныхъ. Вездѣ слышались говоръ, шумъ, солдатскія остроты. Оживленіе во многихъ кружкахъ длилось за полночь. На этой позиціи войска воспользовались лучшими и пріятнѣйшими минутами, которыя затѣмъ впослѣдствіи уже долго не повторялись.

На другой день, 11-го іюня, едва выступили—начался трудный подъемъ на заповѣдный соганлугскій хребетъ. Всѣ усилія сдѣлать его возможно удобнымъ и доступнымъ оказались напрасными, и войска, при самыхъ тяжкихъ затрудненіяхъ, пройдя всего лишь 17 верстъ, окончательно стянулись къ верхнему Меджингерту только въ полночь съ 11-го на 12-е число, а обозы прибыли туда лишь на другой день въ четыре часа пополудни. Кавалерія съ 11-го на 12-е число

---

*) Сѣверскій драгунскій, 2-й волгскій казачій, чеченскій конно-иррегулярный полки, тифлисскій дворянскій дивизіонъ, борчалинская сотня и одна конная батарея.

почевала у нижняго Меджингерта, на десять верстъ впереди пѣхоты. 12-го іюня, въ ожиданіи обоза, войска оставались на мѣстѣ, и дѣйствія наши ограничились осмотромъ путей къ Зивину и разработкою части дороги.

Наконецъ, наступилъ роковой для насъ день 13-го іюня 1877-го года—день зивинской катастрофы, повлекшій за собою радикальный переворотъ во всѣхъ нашихъ предположеніяхъ и соображеніяхъ.

Въ три часа пополудни войска выступили съ позиціи у верхняго Меджингерта, а кавалерія, поднявшись отъ нижняго Меджингерта, вышла къ нимъ навстрѣчу. Вся колонна, соединившись такимъ образомъ, повернула къ Зивину. Прошли двѣнадцать верстъ отъ мѣста почлега и остановились на привалъ. Обоза при войскахъ не было; вагенбургъ былъ устроенъ позади, на Мелидюзѣ. День жаркій; жажда одолѣвала; воды не было.

Съ высоты, откуда отчетливо были видны на Зивинѣ ряды черныхъ траншей, командующій корпусомъ осмотрѣлъ грозную непріятельскую позицію и предоставилъ генералу Гейману сдѣлать окончательныя распоряженія для атаки ея. Этимъ ограничилась рекогносцировка. Всѣмъ извѣстны результаты этой атаки: грузинцы и тифлисцы ознаменовали этотъ день и этотъ бой положительно чудесами отваги и стойкости; но позиція непріятеля, сомкнувшагося на обрывистой горѣ, оказалась безусловно недоступною. Невозможность одолѣть ее съ фронта выразилась немедленно послѣ двухъ геройскихъ штурмовъ нашихъ гренадеръ, но корпусный командиръ и генералъ Гейманъ пока оттягивали отступленіе, расчитывая на поддержку и ударъ нашей кавалеріи съ тыла, которая для этой надобности, вмѣстѣ съ конною артиллеріею, подъ начальствомъ генералъ-маіора князя Чавчавадзе, была направлена на минеральный источникъ Чермукъ, въ обходъ праваго фланга турокъ, по карсско-эрзерумской дорогѣ. Въ колоновожатые ей былъ данъ офицеръ генеральнаго штаба, за которымъ предполагалось полное знаніе дорогъ въ азіятской Турціи.

День клонился къ вечеру. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, что кавалерія, наконецъ, развяжетъ руки атакующимъ войскамъ своимъ

смѣлымъ и рѣшительнымъ ударомъ. Но, къ несчастью, кавалерія сама попала въ такое положеніе, изъ котораго почти не было выхода. Обходное движеніе, которое предполагалось совершить въ два-три часа, повидимому, не имѣло конца; вмѣсто дороги оказалась непроходимая тропа, и едва только къ вечеру, послѣ громаднаго усилія, князь Чавчавадзе достигъ до ханы-чайскаго оврага. Прежде всего стали поднимать на высоту артилерію—и попытка оказалась немыслимою: нѣсколько ящиковъ опрокинулось, и одинъ изъ нихъ слетѣлъ въ кручу. Въ это время нашъ бой съ фронта зивинскихъ высотъ окончился; войска отступили; изъ Кеприкея, въ тылъ нашей кавалеріи, быстро подвигались свѣжіе непріятельскіе таборы.

Сообразивъ всю невозможность продолжать наступленіе, тѣмъ болѣе на лошадяхъ окончательно выбившихся изъ силъ, князь Чавчавадзе послалъ обо всемъ подробныя свѣдѣнія къ корпусному командиру и въ отвѣтъ получилъ приказаніе—отступать. Но, конечно, въ ту же ночь кавалеріи невозможно было возвратиться обратно, такъ какъ она совсѣмъ застряла въ обрывистомъ оврагѣ Ханы-чая. На слѣдующій день утромъ было послано отъ 1-й батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады десять выносовъ навыручку казачьей батареи. Кое-какъ послѣднюю вытянули изъ пропасти и вернулись въ лагерь едва только 14-го іюня, въ пять часовъ пополудни.

Этимъ закончилась вся дѣятельность нашей кавалеріи подъ Зивиномъ.

Относительно запаса продовольствія случилось то, что и слѣдовало ожидать: уже на другой день послѣ зивинскаго боя началось сокращеніе и растягиваніе сухарной дачи, такъ какъ заранѣе предвидѣлось, что на всѣ послѣдующіе дни до прибытія въ общій лагерь ея будетъ весьма недостаточно.

Въ шестомъ часу пополудни, 14-го іюня, началось отступленіе нашихъ войскъ къ Меликдюзу. Кавалерія слѣдовала въ хвостѣ колонны. Движеніе было сумрачное, весьма похожее на похоронную процесію, чему много способствовало несеніе сотенъ раненыхъ и умиравшихъ въ пути. 15-го числа войскамъ былъ данъ отдыхъ. На дру-

гой день, въ два часа пополудни, снялись съ позиціи и тронулись; большая часть кавалеріи, преимущественно иррегулярной, прослѣдовала до новаго Сарыкамыша, гдѣ и расположилась на почлегъ, выславъ сильные разъѣзды къ сторонѣ большой дороги изъ Карса черезъ Соганлугъ. Пѣхота же была выдвинута частью на сырбасанское плато, а частью по ту сторону урочища Хана-Дере, гдѣ расположились и сѣверцы. На другой день, 17-го числа, едва только въ семь часовъ пополудни войска собрались у Сарыкамыша, пройдя разстояніе отъ Мелидюза всего въ 14 верстъ. Здѣсь снова дневали, и 19-го числа, въ пять часовъ пополудни, прибыли въ Яйхяръ. На этой позиціи получено было извѣстіе о появленіи турецкой кавалеріи у Бегли-Ахмета; но едва отряженныя изъ колонны части подошли къ этому селенію, какъ непріятель бѣжалъ. 20-го числа былъ сдѣланъ переходъ всего въ 12-ть верстъ, и главныя силы расположились на ночлегъ бивакомъ у Ардоста, а кавалерія, съ тремя баталіонами и одною батареею, ночевала у Бегли-Ахмета. Здѣсь впервые достигли до отступившей колонны достовѣрные слухи о томъ, что Мухтаръ-паша преслѣдуетъ наши войска. Вѣсти эти далеко не порадовали всѣхъ.

21-го іюня, съ разсвѣтомъ, начали отступать на Хаджи-Халиль; кавалерія составляла арріергардъ, и, отходя, занимала фронтъ какъ можно шире. Въ часъ пополудни расположились бивакомъ по обѣ стороны ручья. Послѣ получасовой передышки, одному дивизіону Сѣверцевъ приказано было двинуться далѣе, для прикрытія корпуснаго командира и чиновъ штаба, съ ихъ обозомъ. Кромѣ сѣверцевъ, въ конвоѣ участвовали чеченскій полкъ и три сотни кизляро-гребенцовъ. Эти части проводили корпуснаго командира только до Визинкея и оттуда возвратились обратно на бивакъ.

Недостатокъ сухарей и голодъ заставляли себя чувствовать весьма настойчиво, вслѣдствіе чего изъ Хаджи-Халиля были отправлены пріемщики за полученіемъ провіанта по 1-е іюля. На слѣдующій день войска прошли черезъ Орлокъ къ Визинкею, сдѣлавъ переходъ въ 21 версту, и 23 іюня, снявшись ночью съ бивака, въ семь часовъ утра прибыли въ Халифъ-оглы. Тутъ они были выстроены въ двѣ линіи для встрѣчи Его Высочества главно-

командующаго. Люди пріободрились и подтянулись, тѣмъ болѣе, что, послѣ ряда жаркихъ дней, ихъ въ первый разъ истекшею ночью освѣжилъ обильный дождь. Но все же ихъ внѣшность, начиная съ лица и кончая одеждою, указывала на испытанныя ими тяжелыя лишенія и давала поводъ предполагать, что бодрость ихъ напускная. Лишенія же въ данный день достигли высшей мѣры еще и потому, что въ Халифъ-оглы не только не приготовили заранѣе обѣда, но даже воды не нашли; во всѣхъ частяхъ войскъ едва-ли можно было набрать фунта два-три сухарей. Лошади голодали и страдали отъ жажды еще болѣе, чѣмъ люди.

Въ такомъ видѣ войска встрѣтили Государя Великаго Князя, изволившаго прибыть въ началѣ одиннадцатаго часа утра. Встрѣча, по обыкновенію, была радостная и восторженная. Поблагодаривъ войска за ихъ мужество, терпѣніе и понесенные труды, роздавъ въ части по нѣсколько предварительныхъ наградъ, Его Высочество, послѣ немногихъ минутъ отдыха, изволилъ отбыть по дорогѣ въ Александрополь, а колонна тотчасъ-же снялась и тронулась въ Мацра. Въ четыре съ половиною часа пополудни, наконецъ, она достигла общаго лагеря, который на этотъ разъ показался ей чѣмъ-то въ родѣ рая небеснаго, потому что далъ ей воду и хлѣбъ. Прибывшіе части стали во вторую линію.

Наша зивинская неудача склонила вопросъ успѣха войны на долгое время въ пользу противника. Съ минуты ея, роли обѣихъ сторонъ перемѣняются, и наши дѣйствія быстро принимаютъ характеръ пассивный, выжидательный и оборонительный. Въ теченіе трехъ дней съ минуты соединенія обѣихъ нашихъ колоннъ господствовалъ періодъ раздумья, и хотя мы продолжали бомбардированіе карсскихъ верковъ, но въ тоже самое время, зная, что Мухтаръ-паша спустился съ своими войсками съ Соганлуга и подступаетъ къ Карсу, и убѣдившись въ томъ, что силы наши далеко уступаютъ силамъ противника, мы пришли къ рѣшительному заключенію — снять осаду Карса, отступить поближе къ нашимъ границамъ, чтобы помѣшать вторженію турецкихъ войскъ въ наши предѣлы, и до усиленія нашего корпуса, а также до перваго благопріятнаго случая, держаться оборонительнаго положенія.

Тяжелое, гнетущее впечатлѣніе произвело на всѣхъ это рѣшеніе; но, дѣлать нечего, въ силу необходимости нужно было ему покориться. И вотъ, 27-го іюня затихъ послѣдній нашъ выстрѣлъ по веркамъ Карса—и вся осадная артилерія, постепенно снимаясь съ своихъ позицій, начала уходить въ Александрополь. Вслѣдъ за нею стали послѣдовательно отступать и войска блокаднаго корпуса—сперва колонны генерала Девеля, а потомъ и генерала Геймана.

1-го іюля, около полудня, всѣ главныя силы дѣйствующаго корпуса собрались у селенія Енгикей и расположились на двухъ пунктахъ: большая часть войскъ, въ томъ числѣ и кавалерія—на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, а остальныя войска—на правомъ берегу. 2-го іюля дневали.

По занятіи главными силами корпуса оборонительной позиціи, настали продолжительные сумерки, среди которыхъ поневолѣ пришлось ограничиваться выжиданіемъ. Въ частномъ быту сѣверцевъ это непріятное впечатлѣніе усилилось еще тѣмъ, что полкъ лишился двухъ старыхъ своихъ штабъ-офицеровъ—полковника Воробьева и подполковника Шахаліева, назначенныхъ приказомъ по дѣйствующему корпусу отъ 3-го іюля командирами казачьихъ полковъ. Съ глубокимъ сожалѣніемъ проводили сѣверцы старыхъ своихъ собратовъ, прослужившихъ подъ штандартами полка каждый по два десятка лѣтъ и бывшихъ въ то крутое время болѣе чѣмъ когда нибудь необходимыми и для службы, и для своихъ сотоварищей.

X.

Рекогносцировка 2-го іюля генералъ-маіора кн. Чавчавадзе къ развалинамъ г. Ани. Отступленіе нашихъ войскъ къ Паргету и Кюрюкъ-Дара. Занятіе турками позиціи на аладжинскихъ высотахъ. Занятіе нами 6-го іюля авангардной позиціи у Башъ-Кадыкляра. Аванпостное кавалерійское дѣло у Суботана. Рекогносцировка 14-го іюля. Усиленная рекогносцировка 16-го іюля. Стратегическій обзоръ аладжинской позиціи. Однообразіе нашей стоянки. Рекогносцировка 27-го іюля. Расположеніе и численный составъ турецкихъ и нашихъ войскъ къ 30-му іюля. Начало нашихъ наступательныхъ дѣйствій и сраженіе 6-го августа. Кизилъ-тапинская катастрофа 13-го августа. Прибытіе 16-го августа главнокомандующаго изъ Александрополя и вступленіе въ командованіе войсками. Занятіе нами и приведеніе въ оборонительное положеніе горы Караялъ. Перемѣщеніе Сѣверскаго полка 29-го августа изъ Кюрюкъ-Дара въ Байрахтаръ. Составъ и расположеніе нашихъ войскъ къ 30-му августа. Положеніе дѣлъ противной стороны. Рекогносцировка генералъ-маіора Лорисъ-Меликова 1-го сентября. Перевооруженіе сѣверцевъ ружьями Бердана. Прибытіе къ намъ подкрѣпленія изъ Россіи. Мухтаръ-паша пускается на выдумки. Полковой праздникъ сѣверцевъ. Совѣтъ турецкихъ пашей и телеграмма въ Стамбулъ. Переломъ совершился. Числительность нашихъ и непріятельскихъ силъ къ 20-му сентября. Бой 20-го сентября. Участіе сѣверцевъ въ дѣлѣ 21-го сентября. Расположеніе нашихъ войскъ къ 24-му сентября. Результаты трехдневнаго боя (20-го, 21-го, 22-го сентября). Отступленіе турокъ съ 26-го на 27-е сентября на верхніе отроги Аладжи. Занятіе нами Кизилъ-Тапы. Образованіе отрядовъ паргетскаго и порцухлинскаго. Раздѣленіе всей кавалеріи дѣйствующаго корпуса на четыре сводныя дивизіи. Вступленіе сѣверцевъ въ составъ отряда генералъ-маіора Кузьминскаго. Примѣрное отступленіе 1-го дивизіона сѣверцевъ 30-го сентября. Ночь на 1-е октября. Состояніе турецкой арміи. Попытка къ овладѣнію нами высотою Инахъ-Тепеси. Движеніе 2-го октября Сѣверскаго полка къ г. Ани на поддержку отряда полковника Толстого. Силы обѣихъ сторонъ наканунѣ 3-го октября. Диспозиція на 3-е октября. Краткій обзоръ позиціи турокъ на ихъ правомъ флангѣ. Бой на нашемъ лѣвомъ крылѣ 3-го октября и дѣйствія Сѣверскаго полка. Прибытіе къ генералъ-лейтенанту кн. Чавчавадзе турецкихъ пашей Омера и Гасана и сдача непріятельскихъ войскъ. Любезная встрѣча военачальниковъ двухъ непріязненныхъ сторонъ. Капитуляція. Телеграмма къ Государю Императору объ общемъ ходѣ дѣлъ 2-го и 3-го октября. Наши трофеи и непріятельскія потери. Результаты погрома турецкой арміи на аладжинскихъ высотахъ. Приказъ Государя Великаго Князя главнокомандующаго.

Намъ хорошо было извѣстно, что непріятель слѣдуетъ у насъ за плечами, но еще никто не зналъ ни его настоящей численности,

ни дальнѣйшаго направленія, которое онъ предпринимаетъ. Остановившись въ Енгикеѣ, мы считали себя не столько внѣ всякой опасности отъ покушеній на наши войска турецкаго главнокомандующаго, сколько въ предѣлахъ возможности отступить по любому направленію и стать въ положеніе, противодѣйствующее видамъ и цѣлямъ противника. Чтобы достигнуть всѣхъ необходимыхъ для насъ въ то время условій, а именно: обнаруженія силъ и задачи непріятеля, а также возможности противустать ему съ наименьшею для насъ безопасностью, 2-го іюля былъ произведенъ генералъ-маіоромъ княземъ Чавчавадзе осмотръ дорогъ по направленію къ развалинамъ города Ани. Въ составъ рекогносцировочной колонны вошли два драгунскихъ полка (тверской и Сѣверскій), сотни двухъ казачьихъ полковъ (кубанскаго и 1-го волгскаго) и 5-я конная батарея. Князь Чавчавадзе двинулся на Хаджи-Вали и открылъ непріятельскій лагерь у Визинкея. Рекогносцировка эта заставила турокъ развернуть свои силы, которыя приблизительно можно было опредѣлить въ 60—70 таборовъ.

Хотя обзоръ, произведенный княземъ Чавчавадзе, не привелъ насъ окончательно къ желаемой цѣли, тѣмъ не менѣе онъ не лишалъ насъ основательныхъ догадокъ, что направленіе турецкихъ войскъ лежитъ на наши границы. Поэтому, 3-го іюля всѣ войска главныхъ силъ перешли на позицію у селенія Паргетъ. Кавалерія стала лагеремъ на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, противъ малаго Паргета, гренадерская дивизія съ ея артилеріею на правомъ берегу рѣки, а 39 дивизія съ ея артилеріею у селенія Кюрюкъ-Дара. Главнокомандующій, со штабомъ арміи, выѣхалъ въ Александрополь. Въ этотъ же день обнаружилось, что турецкія войска послѣдовательно начинаютъ занимать лагерь по сѣверному склону хребта Аладжи. Обзоръ, произведенный 5-го іюля начальниками: кавалеріи, 39-й пѣхотной дивизіи и корпуснаго штаба, исключалъ въ этомъ всякое сомнѣніе, убѣдивъ, между прочимъ, что турки располагаются противъ нашей кюрюкъ-даринской позиціи. По поводу этого, 6-го іюля занята была нами авангардная позиція у селенія Башъ-Кадыкляра, и туда немедленно переведены: 1-я сводная кавалерійская дивизія, первая бригада 2-й сводной кавалерій-

ской дивизіи, вся конная артилерія и первая бригада 39-й пѣхотной дивизіи, съ одною девятифунтовою батареею. Пѣхота выдвинута была впередъ, къ возвышенности Кизилъ-Тапа. Начальникомъ авангарднаго лагеря былъ назначенъ генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе. На аванпостахъ у Суботана былъ расположенъ 2-й владикавказскій казачій полкъ полковника Папина.

Въ два часа пополудни, со стороны буланыхскихъ высотъ показались непріятельскія колонны изъ кавалеріи и пѣхоты и начали тѣснить наши аванпосты. Спустя нѣкоторое время, онѣ были отбиты, но новыя массы войскъ, показавшіяся изъ Хаджи-Вали (между Буланыхомъ и Суботаномъ) заставили полковника Папина сняться съ позиціи и начать рѣшительное отступленіе. Тогда, по тревогѣ, изъ передоваго лагеря вынеслись двѣ кавалерійскія колонны: одна, въ составѣ, между прочимъ, и Сѣверскаго полка *), поскакала по направленію къ горѣ большіе Ягны обходнымъ движеніемъ во флангъ и частью въ тылъ турецкимъ колоннамъ, а другая **) взяла влѣво отъ нея, на Суботанъ; пѣхота слѣдовала за ними. Турецкіе посты находились въ это время уже далеко впереди Суботана. Наша вторая колонна атаковала непріятельскую кавалерію и отбросила ее на ея пѣхоту; черезъ нѣсколько минутъ турки должны были отступить окончательно подъ прикрытіе своихъ орудій, стоявшихъ на лѣвомъ флангѣ аладжинскихъ высотъ. Послѣ этого князь Чавчавадзе прекратилъ бой и отозвалъ всю кавалерію обратно въ лагерь.

На слѣдующій день, 7-го іюля, турецкій лагерь сталъ все болѣе распространяться къ развалинамъ города Ани и наконецъ занялъ крайній правофланговый пунктъ на Аладжѣ—гору Инахъ-Тепеси, на половинѣ пути отъ которой къ Башъ-Кадыкляру, по направленію на сѣверъ, находилась отдѣльная высота Кизилъ-Тапа. Такимъ образомъ, съ этой минуты двѣ арміи стали лицомъ другъ къ другу, и противники наши начали быстро укрѣпляться. Нужно было удивляться ихъ ловкости и поспѣшности, съ которыми чуть не по

---

*) А также нижегородскаго, кубанскаго, 2-й кубанской батареи, тифлисскаго дворянскаго дивизіона и тіонетской сотни.

**) Чеченскій конно-ир. полкъ и дагестанская конно-ир. бригада.

часамъ выдвигались цѣлыя линіи траншей и разныхъ другихъ оборонительныхъ сооруженій. Впрочемъ, сказать по справедливости, все это насъ не только не пугало, но отчасти даже радовало, такъ какъ въ этихъ прочныхъ укрѣпленіяхъ мы видѣли доказательство продолжительной стоянки нашего противника и отсутствіе всякихъ намѣреній къ дальнѣйшему наступленію. А это обстоятельство было для насъ крайне выгодно, такъ какъ мы спокойно могли выжидать быстро слѣдовавшія къ намъ изъ Россіи и столь необходимыя для насъ подкрѣпленія. Въ ожиданіи ихъ и вслѣдствіе такого прочнаго расположенія непріятеля на занятой имъ позиціи, намъ нужно было пока не тратить даромъ времени и заняться изученіемъ его самого, его позицій и всего, что могло принести намъ существенную пользу въ будущемъ. Съ этою цѣлью начались возможно частыя рекогносцировки къ сторонѣ непріятельскаго расположенія, и одна изъ важныхъ, въ которой принималъ участіе и Сѣверскій полкъ, была произведена 14-го іюля опять къ развалинамъ города Ани—съ цѣлью разсмотрѣть тыльное пространство аладжинской позиціи. Рекогносцировка эта сопровождалась неизбѣжными перестрѣлками, въ которыхъ мы несли, между прочимъ, потери весьма незначительныя. Оттѣснивъ непріятеля, выступившаго изъ своихъ лагерей, преимущественно нашимъ артилерійскимъ огнемъ и въ значительной степени усиліями пѣхоты и конно-иррегулярныхъ частей, начальникъ отряда генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, съ сѣверцами и прочею кавалеріею, прошелъ на значительное пространство впереди Ани. Убѣдившись затѣмъ, что для осмотра тыла непріятельской позиціи потребуется еще переходъ въ тридцать верстъ, а для обхода турецкой позиціи въ тылъ не менѣе двухъ значительныхъ переходовъ, и выяснивъ, какіе именно пути могутъ быть наиболѣе удобны для достиженія сей послѣдней цѣли, онъ отступилъ въ лагерь.

Всѣ рекогносцировки были частныя и по отношенію къ предпринятой самимъ корпуснымъ командиромъ черезъ день послѣ того —не болѣе какъ подготовительныя. Онѣ не давали полныхъ и точныхъ свѣдѣній объ общемъ расположеніи непріятельскихъ войскъ и рѣшительныхъ данныхъ о ихъ численности—и что главнѣе всего,

касались исключительно обзора праваго фланга непріятельской позиціи. Оставалось еще выяснить многое посредствомъ осмотра лѣваго фланга турецкой позиціи и всѣхъ укрѣпленій. Съ этою цѣлью, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ предпринялъ 16-го іюля усиленную рекогносцировку, съ отрядомъ изъ слѣдующихъ частей войскъ: первой бригады кавказской гренадерской дивизіи съ двумя девятифунтовыми и одною четырехъ-фунтовою батареями, нижегородскаго и Сѣверскаго драгунскихъ, кубанскаго, 1-го волгскаго казачьихъ полковъ, дагестанской конно-иррегулярной бригады и дивизіоновъ отъ кубанской и терской конныхъ батарей.

Отрядъ выступилъ въ четыре часа утра и направился двумя колоннами: кавалерія изъ Башъ-Кадыклара правѣе Суботана и Хаджи-Вали, на перевалъ между горами большими и малыми Ягны, а пѣхота, съ пѣшею артилеріею и 1-мъ волгскимъ казачьимъ полкомъ, изъ Кюрюкъ-Дара на селеніе Халифъ-оглы, съ тѣмъ, чтобы потомъ на перевалѣ соединиться съ кавалеріею.

Уже съ ранняго утра солнце начало жечь безпощадно, но бѣда пока была невелика, такъ какъ въ частяхъ имѣлся еще запасъ воды, взятой съ мѣста. Но мало по малу эта вода истощалась, а жара становилась все сильнѣе и нестерпимѣе. Мѣстность на далекое пространство впереди и въ обѣ стороны оказалась голою, беззащитною, выжженною и безусловно безводною.

Въ десять часовъ утра кавалерія, послѣ двадцати-пятиверстнаго перехода, безпрепятственно заняла перевалъ между большими и малыми Ягны, выставивъ цѣпь впереди къ Визинкею и выславъ туда же охотниковъ. Одна изъ главныхъ и высшихъ точекъ, господствовавшая надъ занятою кавалеріею позиціею, именно вершина большихъ Ягны, была занята лишь однимъ милиціоннымъ пикетомъ отъ 3-го дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка. Вскорѣ упущеніе это дало намъ себя почувствовать вполнѣ.

Прибывъ къ горѣ большие Ягны, корпусный командиръ, подъ прикрытіемъ кавалеріи, объѣхалъ ее съ западной стороны и остановился противъ Визинкея и Авліара, гдѣ отчетливо были видны турецкіе лагери и ихъ земляныя сооруженія. Въ это время изъ Визинкея послышались сигнальные звуки, и вслѣдъ затѣмъ показа-

лись турецкія колонны; разсыпавъ цѣпь, а также выславъ впередъ башибузуковъ, онѣ начали наступать. Дивизіонъ нашей конной батареи открылъ огонь. Непріятель пріостановился и, съ своей стороны, выславъ на позицію три батареи, началъ пальбу по нашимъ орудіямъ и по кавалеріи. Наши снаряды не долетали; турецкіе же частью переносились черезъ нашу колонну на значительное разстояніе, а большею частью ложились въ рядахъ и вокругъ драгунъ и батареи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, части турецкой кавалеріи, приблизясь незамѣтно со стороны Авліара къ вершинѣ большихъ Ягны, открыли частый огонь во флангъ свиты и конвоя корпуснаго командира, и сбивъ нашъ пикетъ, стали тѣснить его книзу. Тогда для отраженія съ этой стороны непріятеля были введены въ дѣло, одинъ за другимъ, два дагестанскіе конно-иррегулярные полка и тіонетская сотня. На скатѣ горы завязался ожесточенный бой. Обѣ стороны сошлись такъ близко, что стрѣляли другъ другу почти въ упоръ. Перебраниваясь въ тоже время на мусульманскомъ языкѣ, онѣ нѣсколько разъ переходили въ рукопашную схватку. Но съ вершины горы надвигались новые турецкіе таборы, которые стали обходить дагестанцевъ и тіонетцевъ. Послѣдніе, видя наступленіе пѣхоты, а съ нею и несоразмѣрность своихъ силъ, шагъ за шагомъ начали отходить назадъ, молодецки отбиваясь отъ непріятеля, насѣдавшаго все рѣшительнѣе и смѣлѣе.

Бой этотъ происходилъ на глазахъ всего отряда. Князь Чавчавадзе, слѣдя за нимъ со вниманіемъ и усмотрѣвъ, что настало, наконецъ, время оказать пособіе отступавшимъ, выдвинулъ Сѣверскій полкъ впередъ уступами слѣва *). Турки, находившіеся на вершинѣ горы, замѣтивъ это движеніе, направили на сѣверцевъ сильный ружейный огонь. Но, не придавая ему никакого значенія, князь приказалъ 4-му эскадрону идти въ атаку на гору, а остальнымъ продолжать прежнее наступленіе уступами. Эскадронъ, взявъ направленіе по косогору во флангъ противнику, выхватилъ шашки

---

*) Въ этотъ день, за отсутствіемъ полковника Батіевскаго, полкомъ командовалъ маіоръ Никулищевъ.

и бросился въ карьеръ. Густая турецкая кавалерійская цѣпь, находившаяся на пути слѣдованія атакующихъ, встрѣтила ихъ бѣглымъ огнемъ изъ магазинокъ и, не принявъ атаки, отхлынула назадъ. Сбивъ ее съ позиціи и изрубивъ при преслѣдованіи нѣсколько человѣкъ, 4-й эскадронъ, парализовавъ такимъ образомъ въ этомъ пунктѣ усилія непріятеля и давъ возможность благополучно отступить дагестанцамъ и тіонетцамъ, остановился, устроился и затѣмъ повзводно повернулъ назадъ. За нимъ, въ прежнемъ порядкѣ, послѣдовали и остальные эскадроны. Потери сѣверцевъ хотя и не были значительны, но отразились на полку весьма чувствительно: онъ лишился одного изъ храбрыхъ своихъ офицеровъ—командира 2-го дивизіона маіора Гоппе 1-го, который, находясь во время атаки впереди 4-го эскадрона, былъ смертельно раненъ пулею. Гоппе скончался на другой же день. Кромѣ него, ранены: 1-го эскадрона штабсъ-капитанъ Куденетовъ, убитъ одинъ рядовой 3-го эскадрона и ранено шесть нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ одинъ вскорѣ умеръ; лошадей убито 10 и ранено 34; изъ числа послѣднихъ пять вскорѣ пали.

Въ полдень подоспѣли, наконецъ, эриванцы и грузинцы съ двумя батареями и заняли промежутокъ между горами большіе и малые Ягны. Ожидая нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, турки развернули всѣ свои силы, но войска ихъ, стоявшія собственно на Аладжѣ, оставались передъ своими лагерями и въ дѣло не вступали. Корпусный командиръ между тѣмъ успѣлъ осмотрѣть укрѣпленія лѣваго фланга турокъ и боевую численность противника и приказалъ кавалеріи отступить за нашу пѣхоту. Отступленіе совершилось благополучно. Но турецкая пѣхота, бывшая впереди своихъ укрѣпленій лѣваго фланга, перешла по направленію къ селенію Буланыхъ, заняла высоты между имъ и большими Ягны и намѣревалась, какъ видно, при нашемъ отступленіи, дѣйствовать намъ во флангъ; турецкая же кавалерія, отступившая передъ атакою сѣверцевъ съ вершины большихъ Ягны, снова усѣяла ее. Противъ нея было сдѣлано два весьма удачныхъ выстрѣла изъ орудій 2-й батареи кавказской гренадерской артиллерійской бригады, и вскорѣ вершина горы была очищена, а противъ пѣхоты, угрожавшей отъ Буланыха

нашему флангу, эриванцы и грузинцы были повернуты во фронтъ и этимъ парализовали покушеніе противника.

Отступили въ лагерь, правда, безпрепятственно, но при такомъ страшномъ зноѣ и при тѣхъ невыносимыхъ мученіяхъ отъ недостатка воды, которыя могутъ быть понятны только тѣмъ, кто ихъ когда либо испыталъ. Въ особенности тяжело отозвались эти невзгоды на нижнихъ чинахъ пѣхоты, которые отъ изнеможенія усѣивали собою дорогу; при приближеніи же къ лагерю десятки изъ нихъ падали безъ чувствъ и, кромѣ того, было нѣсколько случаевъ пораженія солнечнымъ ударомъ. Всѣ фургоны гренадерской дивизіи, съ запасомъ воды, были высланы навстрѣчу отряда для поднятія страдальцевъ.

Послѣ всѣхъ этихъ рекогносцировокъ мы получили полную возможность составить себѣ не только опредѣленное понятіе, но и подробный стратегическій планъ мѣстности, занятой противникомъ. Знанія эти представлялись для насъ чрезвычайно важными вопервыхъ потому, что эта мѣстность видимо и неизбѣжно должна была послужить главнымъ театромъ нашихъ боевыхъ операцій на поляхъ Анатоліи, а вовторыхъ потому, что, сообразно условіямъ, которыми обставилъ себя нашъ противникъ, мы получили возможность распредѣлить и направлять наши боевыя силы и ихъ дѣятельность.

Позиція турокъ представлялась въ слѣдующемъ видѣ *): правый и лѣвый ея фланги были раздѣлены между собою суботанскимъ оврагомъ, начинавшимся на югозападѣ между высотами Орлока и Чифтъ-Тепеси и слѣдовавшимъ на сѣверо-востокъ до нашей позиціи у Башъ-Кадыкляра. По всему протяженію этого оврага протекала рѣчка Суботанъ (Маврякъ-чай). По лѣвой сторонѣ оврага, отъ Башъ-Кадыкляра на югъ, были послѣдовательно расположены селенія: Кюльверанъ, Суботанъ, Хаджи-Вали, Буланыхъ и Налбантъ. Тотчасъ возлѣ Буланыха, югозападнѣе его, высилась гора Авліаръ; на полперехода къ западу отъ Авліара, отдѣленный отъ него отрогами горъ, былъ Визинкей, составлявшій крайній лѣво-фланговый

*) Для описанія непріятельской позиціи послужили данныя, извлеченныя изъ журнала военныхъ дѣйствій, и частью личныя наблюденія.

пунктъ лѣваго фланга турецкаго расположенія; крайнимъ же южнымъ пунктомъ на югозападъ отъ Авліара были орлокскія высоты, на сѣверо-сѣверо-западъ—гора большіе Ягны, обстрѣливаемая дальнобойными орудіями съ Авліара, и западнѣе ея—малые Ягны. Это были всѣ выдающіеся пункты мѣстности, входившей въ раіонъ лѣваго фланга турецкаго расположенія. Изъ нихъ Суботанъ, Хаджи-Вали, Авліаръ, Орлокъ и Визинкей были заняты непріятельскими лагерями, а Буланыхъ, Налбантъ и оба Ягны 16-го іюля оставались пока свободными.

Правый флангъ турецкой позиціи занималъ собою сѣверный склонъ аладжинскихъ высотъ, обращенный къ Суботану и Хаджи-Вали. Здѣсь были расположены главныя силы противника. Позиція эта справа (на востокѣ) и слѣва (на западѣ) упиралась въ двѣ господствующія высоты—Инахъ-Тепеси и Чифтъ-Тепеси. Крайними оконечностями этой позиціи на югозападѣ были исачапрскія высоты и селеніе Базарджикъ, въ которомъ находилось до 2 т. баши-бузуковъ, а на юговостокѣ—хребетъ Нахарчи. Сообщеніе между правымъ и лѣвымъ флангами пролегало около селеній Суботана и Хаджи-Вали. Передовыя укрѣпленія находились на исачапрскихъ высотахъ, на самомъ хребтѣ Нахарчи, почти примыкавшемъ къ селенію Аладжа, на Инахъ-Тепеси, близь Суботана и Хаджи-Вали и, наконецъ, у Визинкея. Онѣ охраняли собою доступъ къ центру расположенія турецкихъ войскъ на обоихъ флангахъ или къ главнымъ ихъ позиціямъ и послѣдовательно связывались рядомъ траншей и ложементовъ. Вся позиція безъ передовыхъ укрѣпленій имѣла протяженіе до 15 верстъ и занята была въ то время приблизительно тридцатью пятью тысячами войскъ. Она была, по природному строенію своему, безспорно, весьма сильная и избрана какъ нельзя болѣе удачно, но имѣла слѣдующіе недостатки: 1) лѣвый флангъ и главная позиція праваго фланга были почти изолированы вслѣдствіе малодоступности скалистаго и обрывистаго суботанскаго оврага; 2) отдѣльныя части позиціи имѣли весьма слабую и недостаточную взаимную связь; 3) лѣвый флангъ, имѣвшій первостепенную важность, былъ сравнительно слабъ; 4) вся позиція вообще была очень растянута.

Въ свободномъ пространствѣ праваго фланга турецкой позиціи, заключавшемся съ сѣвера и запада между суботанскимъ оврагомъ, съ юга и востока между аладжинскими высотами и рѣкою Арпачаемъ, проходила дорога на сію послѣднюю отъ Хаджи-Вали чрезъ селенія Тайналыхъ, Джала, Арасъ-оглы и развалины города Ани. На сѣверъ отъ этой дороги, между ею и нашею башъ-кадыклярскою позиціею, были двѣ отдѣльныя высоты: западнѣе—Кизилъ-Тапа, въ четырехъ верстахъ отъ башъ-кадыклярскаго лагеря, и восточнѣе—Учь-Тапа, болѣе или менѣе въ томъ же разстояніи. Мы ихъ застали незанятыми турками, хотя на правомъ ихъ флангѣ эти пункты имѣли такое же важное значеніе, какъ на лѣвомъ гора большіе Ягны и визинкейскія высоты.

Такова была въ общихъ чертахъ позиція непріятеля, противъ которой намъ предстояло оперировать—но, конечно, не прежде прибытія къ намъ сильныхъ подкрѣпленій, такъ какъ безъ нихъ всякое наше предпріятіе противъ этой позиціи и противъ непріятеля, значительно насъ сильнѣйшаго, было бы по меньшей мѣрѣ неосторожнымъ.

Начались дни скучные, однообразные. Турки все продолжали укрѣпляться, а мы частью передвигали наши войска, сообразно потребностямъ столько же нашимъ, сколько и эриванскаго отряда, частью производили рекогносцировки, почти каждый день фуражировки вблизи лагернаго расположенія, ученья, проѣздки. Жары стояли невыносимые; мухъ и всякихъ насѣкомыхъ было вдоволь, въ особенности первыя изъ нихъ рѣшительно не давали покоя. Боевая служба войскъ состояла преимущественно изъ аванпостной и развѣдочной. Хотя и случались при этомъ нѣкоторыя столкновенія съ непріятелемъ, но всѣ они были частныя, незначительныя, и наиболѣе выдающимся изъ нихъ было лишь небольшое дѣло 27-го іюля, въ которомъ принялъ косвенное участіе и Сѣверскій полкъ. Въ этотъ день полковникъ Рыдзевскій произвелъ рекогносцировку къ селеніямъ Суботану и Хаджи-Вали. Въ Суботанѣ непріятеля не оказалось, поэтому отрядъ нашъ, перейдя безпрепятственно на ту сторону оврага, занялъ въ семь часовъ утра оставленное турками укрѣпленіе. Едва только совершилась эта

переправа, какъ показалось впереди до двухъ полковъ турецкой конницы, которая открыла перестрѣлку и перешла оврагъ у Буланыха, съ цѣлью обойти нашъ правый флангъ и отрѣзать отступленіе. Полковникъ Рыдзевскій въ десять часовъ утра началъ отступать. По тревогѣ, турки стали собираться, хотя весьма медленно, и въ часъ пополудни атаковали наши аванпосты, выставленные отъ башъ-кадыклярскаго лагеря. По перестрѣлкѣ на аванпостахъ, изъ лагеря тотчасъ вынесся Сѣверскій полкъ, съ дивизіономъ 1-й терской батареи и съ тремя полусотнями охотниковъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Батіевскаго. Ко времени прихода этого отряда на мѣсто боя, турецкая регулярная кавалерія была уже отбита всадниками конно-иррегулярнаго дагестанскаго полка и преимущественно 1-ю и 4-ю сотнями 2-го владикавказскаго полка и отступила къ селенію Хаджи-Вали, а черкесы занимали бугры со стороны аладжинскаго лагеря. Полковникъ Батіевскій занялъ позицію между Суботаномъ и высотою Кизилъ-Тапа и отсюда открылъ по черкесамъ артилерійскій огонь. Нѣсколько выстрѣловъ дивизіона терской батареи разбросали черкесовъ въ разныя стороны, а охотники, воспользовавшись этимъ, прогнали ихъ окончательно. Въ шесть часовъ вечера отрядъ возвратился въ лагерь.

Боевыя средства наши постепенно усиливались прибытіемъ ардаганскаго отряда и частей 40-й пѣхотной дивизіи, и къ августу мѣсяцу главныя силы корпуса состояли изъ 46 баталіоновъ, 12 эскадроновъ, 64 сотенъ и 168 орудій *). Съ ними можно было подумать о наступательныхъ дѣйствіяхъ, и генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ считалъ это тѣмъ болѣе своевременнымъ, что слѣ-

*) Изъ этихъ войскъ временно были откомандированы въ эриванскій отрядъ 7 баталіоновъ, 4 эскадрона, 4 сотни и 12 орудій. Въ ардагано-ахалцыхскомъ и эриванскомъ отрядахъ (кромѣ откомандированныхъ въ сей послѣдній) и въ тылу дѣйствующаго корпуса: $31^3/_4$ баталіона, 8 эскадроновъ (въ томъ числѣ 4 запасныхъ), 54 сотни, 72 орудія, 2 баталіона крѣпостной артилеріи и 7 командъ. Силы турокъ были слѣдующія: въ аладжинскомъ лагерѣ 44 баталіона, 3000 кавалеріи и 40 орудій; на другихъ пунктахъ мало-азіятскаго театра—39 баталіоновъ пѣхоты, 2 баталіона волонтеровъ, 1000 лазовъ, 7000 башибузуковъ и 78 орудій.

довало отвлечь мушира отъ содѣйствія Измаилу-пашѣ, противъ котораго генералъ Тергукасовъ готовился открыть свои операціи. Кромѣ того, не мѣшало намъ приблизиться и къ непріятельскимъ позиціямъ, въ особенности на правомъ крайнемъ пунктѣ правофлангового турецкаго расположенія и у суботанскаго ручья. Для достиженія этихъ цѣлей, по диспозиціи на 6-е августа были назначены три пѣхотныя колонны: одна дѣйствующая, генерала Девеля, противъ Инахъ-Тепеси, и двѣ демонстративныя: генерала Геймана—между Суботаномъ и большими Ягны, и полковника Комарова—сѣвернѣе большихъ Ягны. Кавалерія же, въ составѣ нижегородскаго и Сѣверскаго полковъ, 12-ти казачьихъ сотенъ, одного конно-иррегулярнаго полка и двухъ конныхъ батарей, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Чавчавадзе, должна была составить резервъ впереди Караяла и держаться въ совокупности позади колоннъ Геймана и Комарова.

Ближайшая рекогносцировка высоты Инахъ-Тепеси обнаружила, что занятіе ея не принесетъ намъ особенной пользы, поэтому колонна генерала Девеля не предпринимала противъ нея ничего рѣшительнаго; колонна генерала Геймана, согласно предначертанію командующаго корпусомъ, воздержалась отъ всякаго состязанія съ противникомъ, и только полковникъ Комаровъ по необходимости долженъ былъ принять бой, такъ какъ на него была произведена атака большей части силъ лѣваго фланга турокъ. Когда генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе увидѣлъ, что положеніе его затруднительное, то двинулъ къ горѣ большіе Ягны весь кавалерійскій резервъ. Поднявшись на высоту селенія Суботана, онъ однако замѣтилъ, что пѣхота полковника Комарова, занявъ восточный скатъ большихъ Ягны, стала тѣснить турецкую пѣхоту. Тогда, желая облегчить поистинѣ молодецкія дѣйствія нашей колонны, начальникъ кавалеріи приказалъ Сѣверскому полку, съ 2-ю кубанскою батареею и съ 1-ю полусотнею охотниковъ во главѣ, двинуться на рысяхъ. Подойдя на 500—600 саженей къ расположенію непріятельской пѣхоты, кавалерія остановилась на мѣстности достаточно закрытой и пересѣченной, значительно предохранявшей ее и отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и отъ потерь, а батарея открыла огонь сначала по турецкой пѣхотѣ, быстро

очистившей позицію, а затѣмъ и по непріятельской батареѣ, выдвинутой изъ буланыхскаго лагеря. Полковникъ Комаровъ, пользуясь этимъ, началъ отступать. Кавалерія оставалась все на той же позиціи до тѣхъ поръ, пока колонна Комарова оставила, наконецъ, большіе Ягны. Послѣ этого она начала отступать двумя колоннами: правою *) (полковника князя Эристова) и лѣвою **) (генералъ-маіора Лорисъ-Меликова).

Отступленіе начала правая колонна подъ прикрытіемъ своей артилеріи, которая переходила съ позиціи на позицію; непріятельская конница произвела нѣсколько натисковъ, но нашъ ейскій казачій полкъ неутомимо и лихо удерживалъ ея стремленія. Лѣвая же колонна прикрывала отступленіе предыдущей, и съ своей стороны была охраняема дивизіономъ 2-й кубанской батареи, который, занявъ выгодную позицію, дѣйствовалъ по наступавшей непріятельской пѣхотѣ. Лѣвая колонна держалась своей позиціи до тѣхъ поръ, пока пропустила мимо себя всю правую, и только послѣ этого сама стала отступать, вмѣстѣ съ артилеріею, перекатами. Пройдя такимъ образомъ за пѣхоту колонны генерала Геймана, находившейся на высотѣ селенія Суботана, обѣ кавалерійскія колонны соединились и безпрепятственно направились чрезъ Кюльверанъ въ свой башъ-кадыклярскій лагерь.

Услуга, оказанная въ этотъ день кавалеріею колоннѣ полковника Комарова, была, въ его весьма затруднительномъ положеніи, вполнѣ неоцѣненная. У сѣверцевъ лишь убито двѣ и ранено три лошади; во всей же кавалерійской колоннѣ убитъ одинъ нижній чинъ, ранено два оберъ-офицера и 17-ть нижнихъ чиновъ; лошадей убито 24 и ранено 25.

Однимъ изъ полезныхъ для насъ результатовъ общаго боя 6-го августа былъ тотъ, что мы увидѣли все важное значеніе высоты Кизилъ-Тапы, съ которой въ этотъ день корпусный командиръ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Послѣ дѣла, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ приказалъ занять и укрѣпить эту гору.

---

*) Ейскій казачій, два конно-иррегулярныхъ полка и 1-я терская батарея.

**) Нижегородцы, сѣверцы и 2-я кубанская батарея.

День-два прошли спокойно, но вслѣдъ затѣмъ пронесся слухъ о намѣреніи Мухтаръ-паши атаковать нашъ башъ-кадыклярскій лагерь. Естественно, что это повело къ усиленію аванпостной службы и общей бдительности, которая, между прочимъ, отразилась и въ сферѣ дѣятельности Сѣверскаго полка. Обязанности послѣдняго усложнились въ особенности съ 11-го августа, когда изъ башъ-кадыклярскаго лагеря была выдѣлена особая колонна на подкрѣпленіе генерала Тергукасова, и тѣмъ значительно были сокращены на этомъ пунктѣ наши подвижныя силы. Ослабивъ себя этимъ выдѣленіемъ, мы должны были произвести новое перемѣщеніе нашихъ войскъ на занятыхъ нами пунктахъ и до времени опять стать въ положеніе выжидательное. За отсутствіемъ генерала Девеля, начальствованіе башъ-кадыклярскимъ лагеремъ снова перешло къ генералъ-лейтенанту князю Чавчавадзе. Но какъ ни внимательны мы были къ преднамѣреніямъ противника, однако не миновали случая, всегда возможнаго при самомъ строгомъ исполненіи воинскаго долга въ виду непріятеля. Случай этотъ произошелъ 13-го августа, спустя ровно два мѣсяца послѣ зивинскаго злополучнаго дѣла, и можетъ быть названъ, въ параллель ему, кизилъ-тапинскою катастрофою. Она доказала, что намѣренія мушира о наступательномъ движеніи не было однимъ только слухомъ безъ значенія. Главнымъ же толчкомъ, вызвавшимъ ее, были свѣдѣнія, доставленныя изъ нашего лагеря однимъ изъ всадниковъ дагестанскаго полка сыну Шамиля, Кази-Магомѣ, о томъ, что семь нашихъ баталіоновъ ушли изъ Башъ-Кадыкляра за Арпачай. Въ ночь же на 13-е число еще одинъ лезгинъ изъ нашего же лагеря сообщилъ Кази-Магомѣ, что на Кизилъ-Тапѣ расположенъ всего лишь одинъ нашъ баталіонъ. Кази-Магома тотчасъ передалъ объ этомъ Мусѣ Кундухову, который немедленно собралъ свою кавалерію, придвинулъ восемь таборовъ и 9-ть орудій и передъ разсвѣтомъ, въ 3½ часа утра, атаковалъ гору. Съ первыми выстрѣлами на Кизилъ-Тапѣ, колонна генерала Девеля, телеграммою начальника штаба арміи изъ Александрополя, куда тотчасъ было сообщено объ атакѣ Кизилъ-Тапы, была возвращена съ перваго ночлега у селенія Кякячъ, но прибыла уже въ тотъ день къ вечеру, когда бой почти прекратился.

Въ этомъ бою мы потеряли девятьсотъ девяносто два человѣка офицеровъ и нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными и должны были оставить за непріятелемъ столь выгодную для насъ Кизилъ-Тапу. Во время боя Сѣверскій полкъ, съ частью кавалеріи, прикрывалъ дѣйствіе нашей артилеріи и находился все время подъ сильнымъ огнемъ съ занятой турками Кизилъ-Тапы, куда они безъ затрудненія втащили свои орудія и поражали наши войска, пытавшіяся отнять у нихъ гору, занятую турками почти безнаказанно. У сѣверцевъ было ранено два нижнихъ чина въ первомъ эскадронѣ, три во второмъ и убито три лошади. Главный же ущербъ былъ нанесенъ нашей кавалеріи въ лицѣ начальника ея, князя Чавчавадзе, который былъ раненъ пулею въ голову.

Занятіе турками Кизилъ-Тапы заставило насъ въ тотъ же день перевести нашъ лагерь на двѣ версты назадъ отъ Башъ-Кадыкляра —въ селеніе Огузлы. Начальникомъ лагеря былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Шатиловъ. Когда же на другой день, 14-го августа, турки спустились съ Аладжи, сосредоточивъ большую часть своихъ силъ внизу, подъ хребтомъ, между горою Инахъ-Тепеси и с. Хаджи-Вали, то и мы, въ свою очередь, поспѣшили перемѣнить нашъ фронтъ, занявъ 15-го августа авангардную позицію у селенія Байрахтаръ и выдвинувъ особую колонну на высоту Учь-Тапа, откуда прикрывалась единственная наша колесная переправа на Арпачаѣ у Кякяча. Начальникомъ байрахтарской позиціи былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Лазаревъ.

16-го августа главнокомандующій прибылъ въ Кюрюкъ-Дара и лично принялъ командованіе надъ войсками корпуса. Въ тотъ же день послѣдовало распоряженіе о занятіи горы Караялъ. 17-го августа распоряженіе это было приведено въ исполненіе. Сѣверцы пока оставались въ Кюрюкъ-Дара. Всѣ послѣдующіе дни прошли въ неустанномъ сооруженіи нами обороны на пространствѣ между Караяломъ черезъ Огузлы и Байрахтаръ до Учь-Тапы. Въ самое непродолжительное время наша позиція на Караялѣ, стратегическая важность котораго была сознана вполнѣ, покрылась рядомъ укрѣпленій на одну бригаду пѣхоты и на три полевыя батареи. Вообще, въ теченіе всего августа дѣятельно кипѣли наши работы по соору-

женію укрѣпленій, и все время проходило въ развѣдкахъ о непріятелѣ, въ строгой аванпостной службѣ, въ передвиженіяхъ войскъ и сообразномъ тому устройствѣ стоянокъ, и только 26-го августа произведенъ молодецкій набѣгъ нашихъ кавалерійскихъ охотниковъ на турецкій лагерь. Съ своей стороны и турки, прійдя къ заключенію о значеніи для нихъ обоихъ Ягны, приступили къ сооруженію на нихъ сильной обороны, въ особенности на малыхъ Ягны. На большихъ же Ягны они предварительно занялись устройствомъ колесной дороги.

Съ занятіемъ Караяла, ставка главнокомандующаго и корпусной квартиры была утверждена на сѣдловинѣ между горою Кара-Гузы и вершиною Караяла.

29-го августа, по прибытіи наканунѣ въ кюрюкъ-даринскій лагерь тверскаго драгунскаго и двухъ казачьихъ полковъ, Сѣверскій драгунскій полкъ былъ перемѣщенъ въ Байрахтаръ и на другой день, послѣ молебствія и парада по случаю тезоименитства Государя Императора, офицеры его удостоились получить лично отъ Великаго Князя главнокомандующаго награды за дѣло 3-го іюня. Къ 30-му августа расположеніе нашихъ войскъ совершенно измѣнилось: главныя силы корпуса раздѣлились на два отряда: отрядъ на Маврякъчаѣ (у селенія Огузлы, у горы Учь-Тапы и у селенія Пирвали) и кюрюкъ-даринскій отрядъ (между Кюрюкъ-Дара и Караяломъ, а также у западной и у восточной оконечностей Караяла). Сѣверскій полкъ, съ своими неразлучными собратами нижегородцами, вошелъ въ составъ перваго отряда. Кромѣ того, на сообщеніяхъ отъ Пирвали, куда переведенъ былъ изъ Кюрюкъ-Дара нашъ вагенбургъ, къ Александрополю и къ селенію Кизилъ-Килиса были расположены шесть съ половиною баталіоновъ пѣхоты. Начальниками отрядовъ были назначены: перваго—генералъ-лейтенантъ Шатиловъ, а втораго—генералъ-лейтенантъ Гейманъ.

Сверхъ исчисленныхъ войскъ, въ составъ главныхъ силъ ожидались въ теченіе сентября: 1-я гренадерская пѣхотная дивизія съ ея артилерійскою бригадою, пять другихъ батарей, три казачьихъ полка и одна конно-иррегулярная сотня. Съ прибытіемъ ихъ, мы должны были получить рѣшительное и окончательное превосход-

ство надъ противникомъ, и успѣхъ для насъ предвидѣлся заранѣе, тѣмъ болѣе потому, что о состояніи аладжинской арміи и карскаго гарнизона ходили весьма печальные слухи. Хотя, въ параллель имъ, были свѣдѣнія и о томъ, что Мухтаръ-паша намѣревается безотлагательно овладѣть Караяломъ, нами въ то время еще не укрѣпленнымъ, и Учь-Тапою, но, получивъ уже нѣкотораго рода внушеніе на Кизилъ-Тапѣ, мы этого не страшились. Наконецъ, это извѣстіе вѣнчалось новымъ, болѣе основательнымъ, чѣмъ предыдущія, что муширъ рѣшилъ атаковать наши главныя силы только тогда, когда ему удастся атака нашихъ крыльевъ, т. е. эриванскаго и ардаганскаго отрядовъ, и что съ этою послѣднею цѣлью отправилъ часть войскъ въ Кульпы и Ардаганъ. Такъ оно было и на самомъ дѣлѣ.

Въ день выступленія этихъ турецкихъ отрядовъ, именно 1-го сентября, была произведена, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, рекогносцировка отроговъ аладжинскихъ горъ къ югу отъ Инахъ-Тепеси, которая, между прочимъ, имѣла цѣлью и потревожить непріятеля. Войска, участвовавшія въ ней, были раздѣлены на двѣ колонны—пѣхотную и кавалерійскую: первая, изъ трехъ баталіоновъ, дивизіона пѣшей батареи и команды охотниковъ, была ввѣрена подполковнику князю Меликову, а вторая, состоявшая изъ Сѣверскаго драгунскаго и 2-го волгскаго казачьяго полковъ, дивизіона 2-й кубанской батареи и команды конныхъ охотниковъ, находилась въ непосредственномъ распоряженіи г. м. Лорисъ-Меликова. Въ общій резервъ былъ назначенъ кутаисскій пѣхотный полкъ, съ 3-й батареей 40-й артиллерійской бригады.

Хотя сѣверцы еще съ вечера получили приказаніе о томъ, чтобы приготовиться къ движенію, но распоряженіе о выступленіи на сборный пунктъ достигло до нихъ только послѣ полуночи. Черезъ полчаса слишкомъ, полкъ прибылъ къ ставкѣ генерала Лорисъ-Меликова и немедля двинулся къ Учь-Тапѣ, гдѣ засталъ уже пѣхотную колонну князя Меликова. Ночь была тихая, беззвѣздная, чрезвычайно темная, почти непроглядная. Въ три часа двинулись далѣе, съ соблюденіемъ всевозможной тишины. Кавалерія направилась сперва по прямой дорогѣ къ развалинамъ города Ани, а по-

томъ, повернувъ лѣвымъ плечомъ, двинулась на селеніе Козлуджу, въ тылъ Инахъ-Тепеси; пѣхота же пошла къ селенію Арасъ-оглы, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ дѣйствій непріятельской пѣхоты и артиллеріи противъ нашей кавалеріи, прикрыть отступленіе сей послѣдней. Впереди всѣхъ были высланы къ селенію Джала конные и пѣшіе наши охотники, которые захватили врасплохъ бывшій тамъ непріятельскій пикетъ, изрубили его и тѣмъ пресѣкли ему всякую возможность дать знать противнику о нашемъ движеніи.

Къ разсвѣту густой туманъ спустился съ аладжинскихъ высотъ и застлалъ всѣ окрестности. Въ это время кавалерія находилась на пушечный выстрѣлъ отъ Инахъ-Тепеси. Конные охотники тотчасъ были посланы влѣво на склонъ Аладжи, а противъ Инахъ-Тепеси былъ поставленъ дивизіонъ кубанской батареи, подъ прикрытіемъ Сѣверскаго полка. Затѣмъ, сотня 2-го волгскаго полка спѣшилась и заняла другую высоту, лежавшую непосредственно къ югу отъ Инаха, а другая сотня была выдвинута вправо для прикрытія коноводовъ; 3-я же и 4-я сотни волгскаго полка служили связью между флангами нашей кавалерійской колонны. Войска наши отдѣлялись отъ турецкихъ позицій глубокимъ, но удобопроходимымъ оврагомъ, тянувшимся къ развалинамъ города Ани.

Пользуясь густымъ туманомъ, охотники наши подняли на ноги весь непріятельскій лагерь. Турецкая кавалерія разсыпалась по ту сторону оврага, но, подъ навѣсомъ тумана, ничего предпринять не могла. Около шести часовъ утра туманъ поднялся кверху, вскрылъ передъ нами расположеніе непріятеля и въ тоже время обнаружилъ и насъ самихъ. По ту сторону оврага затрещала ружейная пальба, а съ Инахъ-Тепеси открытъ былъ артиллерійскій огонь. Турецкіе же всадники, занявшіе склоны Аладжи, пытались даже охватить нашъ правый флангъ, но увидѣвъ впереди цѣлый полкъ, приготовленный къ атакѣ, и будучи метко поражаемы огнемъ кубанскаго дивизіона, отказались отъ своего предпріятія.

Между тѣмъ, пальба съ Инахъ-Тепеси становилась все оживленнѣе, и орудійные снаряды почти исключительно были направлены во флангъ Сѣверскому полку, стоявшему во взводныхъ колоннахъ поэскадронно и представлявшему лучшую и ближайшую цѣль для

турецкихъ орудій. Снаряды по большей части разрывались въ интервалахъ между эскадронами. Усмотрѣвъ это, полковникъ Батіевскій тотчасъ перестроилъ полкъ фронтомъ къ Инахъ-Тепеси и, передвигая его на небольшія разстоянія то вправо, то влѣво, устранилъ этимъ чувствительный вредъ, который могъ быть причиненъ драгунамъ.

Послѣ часовой жаркой перестрѣлки съ обѣихъ сторонъ, именно въ ту минуту, когда главная цѣль рекогносцировки была достигнута, и генералъ Лорисъ-Меликовъ собирался отступать, отъ Инахъ-Тепеси показались пѣхотныя турецкія колонны, открывшія артилерійскій огонь еще съ дальняго разстоянія. Турецкая кавалерія, ободренная этою поддержкою, приблизилась къ самой окраинѣ оврага и участила пальбу; подходившая же пѣхота стала постепенно и все сильнѣе тѣснить нашъ правый флангъ. Тогда начальникъ отряда приказалъ отступать. Сберегая въ особенности кавалерію, генералъ Лорисъ-Меликовъ велѣлъ ей спуститься въ оврагъ и слѣдовать по дну его, по направленію къ Ани, а для прикрытія ей выдвинулъ пѣхотныя цѣпи къ самому обрыву. 2-й дивизіонъ сѣверскихъ драгунъ и казаки, спустившись въ глубину оврага, двинулись рысью справа по одному, такъ какъ иного строя тропа не допускала. Не доходя трехъ четвертей версты до города Ани, кавалерія свернула на Арасъ-оглы и за этимъ селеніемъ остановилась въ лощинѣ; 2-й же дивизіонъ былъ сперва отряженъ для прикрытія праваго фланга нашей пѣхоты, а потомъ, когда этотъ флангъ былъ въ безопасности, и дивизіонъ двинулся по слѣдамъ предыдущаго, то пѣхота, въ помощь ему, въ свою очередь, выдвинула свой лѣвый флангъ уступомъ впередъ. По отступленіи кавалеріи, начала отходить и пѣхота, прикрываясь огнемъ дивизіона 1-й батареи 40-й артилерійской бригады, дѣйствовавшаго съ высоты у Арасъ-оглы, расположенной возлѣ самой деревни и немного влѣво отъ нея. Дивизіонъ этотъ, чередуясь съ кубанскимъ дивизіономъ, выждалъ, когда пѣхота съ нимъ поровнялась, и тогда отошелъ къ Учь-Тапѣ. Съ минуты движенія нашихъ войскъ отъ Арасъ-оглы, турки вывезли правѣе Инахъ-Тепеси нѣсколько орудій и, при помощи тайналыхскихъ батарей, преслѣдовали наши войска перекрестнымъ огнемъ.

Но эти артиллерійскія дѣйствія для отступавшаго отряда были уже не страшны.

Пока все это происходило въ окрестностяхъ Арасъ-оглы и по пути отступленія, новыя массы турецкой кавалеріи показались между Тайналыхомъ и Кизилъ-Тапою съ очевиднымъ желаніемъ оттѣснить наши аванпосты и, въ свою очередь, потревожить нашъ лагерь; но здѣсь онѣ были отброшены генералъ-лейтенантомъ Лазаревымъ, который, находясь на Учь-Тапѣ, въ свое время угадалъ ихъ намѣреніе.

Въ четыре часа пополудни сѣверцы прибыли въ лагерь. Здѣсь они были встрѣчены съ благодарностью генераломъ Лазаревымъ, и, къ крайнему своему удовольствію, застали транспортъ съ ружьями Бердана, которыми должны были перевооружиться. Съ радостью каждый снялъ съ себя скорѣе ружье Крынка, теперь далеко неудовлетворявшее назначенію при современномъ и дальнобойномъ оружіи турокъ, и возложилъ на себя берданку. Пристрѣлка новаго оружія была произведена немедленно и безъ затрудненій. Ружья же Крынка поступили на вооруженіе конно-иррегулярныхъ частей.

Новое вооруженіе для драгунъ послѣдовало какъ нельзя болѣе своевременно и кстати, а именно въ самый переломъ войны, когда мы подготовлялись къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Нижніе чины имѣли время и возможность съ нимъ освоиться и вслѣдъ затѣмъ съ пользою употребили его въ цѣломъ рядѣ скоро послѣдовавшихъ столкновеній съ непріятелемъ.

Въ этотъ же день, 1-го сентября, началась разработка и устройство переправы черезъ Арпачай между георгіевскимъ постомъ и селеніемъ Узунъ-Кептъ, куда, по прибытіи подкрѣпленій, рѣшено было направить, во время наступательныхъ нашихъ дѣйствій, особую колонну, въ обходъ праваго фланга турецкой позиціи. Съ этой минуты вся наша дальнѣйшая дѣятельность была постоянно и неразлучно связана какъ съ этою идеею, такъ въ особенности съ предстоящей главной атакой непріятельскаго расположенія. Для этой цѣли предписано было и начальнику ардаганскаго отряда генералъ-маіору Комарову присоединиться съ ввѣренными ему войсками къ главнымъ силамъ, а для подходившихъ эшелоновъ 1-й гре-

падерской дивизіи былъ указанъ, для сокращенія времени, кратчайшій путь слѣдованія. По этому случаю, первый эшелонъ явился въ составъ главныхъ силъ 4-го сентября, а съ этой минуты, въ теченіе десяти дней, постоянно подходили и прочіе эшелоны, такъ что къ 14-му сентября собралась, наконецъ, вся 1-я дивизія съ частью ея артилеріи.

Положеніе обѣихъ сторонъ въ этотъ періодъ времени можно справедливо назвать одинаково лихорадочнымъ; разница между обоими противными лагерями заключалась въ томъ, что, по мѣрѣ того, какъ одинъ оживалъ, укрѣплялся духомъ, усиливался и питалъ самыя пріятныя надежды, другой—понемногу терялъ свою бодрость и самоувѣренность. Насколько самъ турецкій главнокомандующій былъ дѣятеленъ и энергиченъ, настолько же онъ являлся постоянно и нерѣшительнымъ, а главнѣе всего—не умѣлъ вселить энергію въ подчиненныя ему войска. Не видя и не имѣя вокругъ себя ничего свѣтлаго и утѣшительнаго, въ особенности какого либо крѣпкаго ручательства за дальнѣйшій успѣхъ своихъ предпріятій, онъ ждалъ счастливыхъ свѣдѣній съ европейскаго театра войны, чтобы хоть ими усилить бодрость своей арміи, поддержать и поднять видимо и быстро падавшій ея нравственный духъ. Видя, что желаемыя свѣдѣнія не подходятъ, онъ не задумался ихъ измыслить, и 8-го сентября объявилъ своимъ войскамъ, что наша дунайская армія разбита наголову, съ потерею 15 т. человѣкъ убитыми, восьми тысячъ плѣнными, и отступила на сто часовъ пути. Какъ нарочно, Мухтаръ-паша выбралъ для этой сказки день рожденія Августѣйшей Супруги нашего главнокомандующаго и день полковаго праздника сѣверскихъ драгунъ. Едва только въ нашемъ лагерѣ окончилось молебствіе, а сѣверцы, удостоенные присутствія среди нихъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова и другихъ высшихъ особъ, сѣли за общій полковой обѣдъ, какъ вдругъ, на Аладжѣ поднялась такая отчаянная пальба, что вся окрестность задрожала. Конечно, обѣдъ былъ на минуту забытъ, и лошади мигомъ осѣдланы. Но тотчасъ же обнаружилось, что Мухтаръ-паша „шалитъ“—и всѣ вернулись обратно. Наши войска, подшучивая надъ муширомъ и не зная еще настоящей причины его веселья, увѣряли, что турки

салютуютъ намъ въ честь высокоторжественнаго дня рожденія нашей Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны, а сѣверцы прибавляли, что турки поздравляютъ ихъ съ полковымъ праздникомъ.

Послѣ этого, день пошелъ своимъ чередомъ, и въ особенности былъ радостенъ для сѣверцевъ, которыхъ два Монарха осчастливили своими поздравленіями. Во время обѣда получена была телеграмма Августѣйшаго Однополчанина, въ которой Его Императорское Величество, съ обычною милостью, привѣтствовалъ сѣверцевъ слѣдующими незабвенными словами:

„*Поздравляю молодцовъ сѣверцевъ съ полковымъ праздникомъ. Увѣренъ, что они будутъ продолжать поддерживать славу полка, въ спискахъ котораго Я горжусь состоять. АЛЕКСАНДРЪ*".

Другая телеграмма отъ Августѣйшаго шефа, въ отвѣтъ на поздравленіе командира полка, заключалась въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Въ отвѣтъ на ваше поздравленіе спѣшу выразить мое желаніе, дабы божіе благословеніе всегда сопровождало мой храбрый полкъ. Христіанъ".

Кромѣ того, въ третьей телеграммѣ отъ Августѣйшаго главнокомандующаго, съ Караяла, на имя полковника Батіевскаго, было выражено:

„Спасибо молодцамъ сѣверцамъ. Поздравляю съ полковымъ праздникомъ и благодарю за прекрасную боевую службу. Сожалѣю, что занятія помѣшали лично это исполнить. Михаилъ".

Всѣ привѣтствія и, по естественному порядку вещей, въ особенности первое изъ нихъ, были встрѣчены съ полнымъ энтузіазмомъ. Драгоцѣнныя Слова Монарха и пожеланіе Августѣйшаго шефа быстро облетѣли всѣ ряды нижнихъ чиновъ, собранныхъ для праздничнаго угощенія—и восторгу сѣверцевъ не было предѣла. Семейная пирушка, въ которой, по обыкновенію, приняли участіе братья-нижегородцы и многія лица другихъ частей войскъ, продолжалась до поздняго вечера; но никто изъ хозяевъ или гостей не позволилъ себѣ малѣйшаго увлеченія, имѣя въ виду свои обязанности, помня, при какихъ условіяхъ происходитъ празднество, и какое предупрежденіе, хотя и неумышленное, было сдѣлано Мухтаръ-пашою за нѣсколько часовъ назадъ.

Не одни сѣверцы, но и нѣкоторыя другія части войскъ проводили въ этотъ день свои полковые или ротные праздники. Во многихъ мѣстахъ нѣсколькихъ обширныхъ нашихъ лагерей можно было услышать заздравные тосты и задушевныя поздравленія. Раздавались они даже и въ шатрахъ нашихъ больныхъ и раненыхъ. Тамъ произносились они нерѣдко едва слышнымъ голосомъ, въ честь главной виновницы торжественнаго дня, Государыни Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны, соизволившей отдать приказаніе объ особомъ угощеніи всѣхъ этихъ страдальцевъ насчетъ собственныхъ суммъ Ея Императорскаго Высочества.

Поздно вечеромъ, къ первоначальному слуху о причинахъ салютаціи въ турецкихъ лагеряхъ присоединился еще и другой, будто Мухтаръ-паша воспроизвелъ свою бѣшеную стрѣльбу по случаю полученія имъ отъ султана бриліантовой сабли и высокаго титула „гази“ (непобѣдимаго). Но легко можетъ быть, что это была благоразумная поправка предыдущихъ извѣстій, распущенная противною намъ стороною или ея приверженцами.

Послѣ пріятныхъ ощущеній, испытанныхъ сѣверцами въ день ихъ полковаго праздника, бивачная жизнь ихъ вступила въ прежнюю колею и опять ежедневно, а въ особенности еженочно, продолжалась подивизіонно аванпостная служба, развѣдки и разъѣзды къ сторонѣ непріятеля.

Насколько нашъ дѣятельный противникъ—муширъ анатолійской арміи, интересовался свѣдѣніями съ Дуная и придавалъ имъ важное значеніе для своей арміи, видно изъ того, что, при дальнѣйшемъ ожиданіи ихъ, онъ въ послѣдующіе дни даже отказался отъ первоначальнаго своего плана наступательныхъ дѣйствій и рѣшилъ не предпринимать ихъ до полученія вѣрныхъ извѣстій объ успѣхѣ турецкаго оружія на балканскомъ полуостровѣ. Это намъ было вполнѣ извѣстно. Въ случаѣ неудачи или неполученія этихъ извѣстій, онъ расчитывалъ отступить или къ Карсу, или къ Соганлугу. Дни проходили, а благопріятныя для мушира извѣстія не являлись. Потерявъ всякую надежду получить ихъ въ скоромъ времени, и видя, что армія его съ каждымъ днемъ деморализуется все болѣе и болѣе, онъ со-

бралъ на совѣтъ всѣхъ пашей и, послѣ обсужденія съ ними общаго ихъ положенія, отправилъ въ Стамбулъ телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Армія моя съ каждымъ днемъ слабѣетъ; къ русскимъ же подходятъ постоянно новыя подкрѣпленія, такъ что теперь на пять русскихъ приходится одинъ османлисъ. Мое мнѣніе—удалиться со всѣми войсками въ Карсъ; но если приказано будетъ оставаться на занимаемой позиціи, то умремъ всѣ, защищая ее".

Однако это послѣднее заявленіе оказалось пустымъ звукомъ, трескучею фразою, такъ какъ самъ муширъ прежде всѣхъ своихъ воиновъ, еще за день до рѣшительной развязки на Аладжѣ, именно 2-го октября, бѣжалъ въ Карсъ, а армія его предпочла лучше сдаться въ плѣнъ, чѣмъ умереть до единаго.

Насколько мы, наконецъ, достигли возможности имѣть достовѣрныя и положительныя свѣдѣнія о нашемъ противникѣ, настолько же и отъ Мухтаръ-паши не ускользала ни одна подробность о нашихъ дѣйствіяхъ. Онъ зналъ уже давно и очень хорошо, что, съ прибытіемъ къ намъ подкрѣпленій, мы предпріймемъ противъ него рѣшительныя наступательныя дѣйствія. Легко можетъ быть, что мысль о телеграммѣ его въ Стамбулъ возникла именно по поводу этихъ свѣдѣній. Муширъ даже зналъ, что мы готовимъ ему обходное движеніе, и именно черезъ камбинскую переправу. Но тутъ-то онъ менѣе всего безпокоился и не придавалъ этому обходу никакого значенія, увѣренный заранѣе, что его аладжинская позиція обезпечена съ тыла отрядами у Инахъ-Тепеси и Кизилъ-Гула, изъ коихъ первый не пропуститъ насъ по правому берегу Арпачая, мимо развалинъ Ани, къ Аладжѣ и Аляму, а второй остановитъ со стороны камбинской переправы; и что, если, въ крайнемъ случаѣ, намъ все-таки удастся быть у него въ тылу, то нашъ обходный отрядъ неизбѣжно долженъ будетъ попасть между двухъ огней со стороны Визинкея и Аладжи. Это было главною причиною, которая заставляла мушира все еще съ нѣкоторою увѣренностью держаться своей позиціи и не отступать съ нея до полученія послѣднихъ инструкцій изъ Константинополя.

Нашъ ардаганскій отрядъ уже подвигался, и навстрѣчу ему

былъ выслапъ 14-го сентября, для пріема, летучій отрядъ подъ начальствомъ полковника Андреева.

Можно вполнѣ сомнѣваться, чтобы Стамбулъ удовлетворилъ мушира по его телеграммѣ, именно разрѣшилъ бы ему отступить. Сомнѣніе это рождается потому, что къ 15-му сентября планы Мухтаръ-паши опять приняли новое направленіе, состоявшее въ томъ, чтобы на первый день байрама атаковать нашъ лѣвый флангъ и затѣмъ идти на Караялъ. Справедливость этихъ свѣдѣній подтверждалась тѣмъ, что муширъ быстро и неожиданно сталъ стягивать войска на свой правый флангъ. Но пока онъ исполнилъ это —мы уже вполнѣ были готовы сдѣлать починъ, такъ какъ къ тому времени всѣ наши подкрѣпленія стянулись, а ардаганскій отрядъ долженъ былъ прибыть къ Паргету 19-го сентября. Съ этого дня мы и рѣшились открыть наступательныя дѣйствія противъ турецкихъ позицій.

Переломъ совершился. Насталъ періодъ отчаянныхъ усилій съ обѣихъ сторонъ.

Изъ достовѣрныхъ англійскихъ источниковъ намъ было извѣстно, что къ этому времени Мухтаръ-паша располагалъ въ аладжинскихъ лагеряхъ 54 баталіонами пѣхоты, десятью тысячами кавалеріи и 16-ю батареями. Въ Карсѣ же, на который базировался его корпусъ, было 29-ть баталіоновъ, 3000 коней, 3 батареи и 184 крѣпостныхъ орудія.

Наши же собственныя силы, которыя мы рѣшили немедля ввести въ бой противъ корпуса мушира, состояли изъ 65¾ баталіоновъ, 78 эскадроновъ и сотенъ, 182 пѣшихъ и 40 конныхъ орудій.

По диспозиціи на 20-е сентября предстояло атаковать части войскъ карсскаго гарнизона, выдвинувшіяся къ горамъ большие и малые Ягны и къ Визинкею для поддержанія лѣваго фланга арміи Мухтаръ-паши. Въ диспозиціи, между прочимъ, было сказано, что исходъ этого предпріятія опредѣлитъ наши дальнѣйшія дѣйствія; а такъ какъ, кромѣ того, въ случаѣ нашей удачи, имѣлось въ виду занять Авліаръ, въ этотъ день и въ началѣ слѣдующаго дня еще турками незанятый, хотя и сильно укрѣпленный, а обходною кам-

бинскою колонною поразить непріятеля съ тыла, то въ результатѣ оказывается, что скрытною нашею цѣлью, о которой диспозиція не договорила, былъ вообще погромъ мушира на его аладжинскихъ позиціяхъ.

Для выполненія задачи, указанной въ диспозиціи, всѣ войска были раздѣлены на три большія массы или отдѣльные отряды: правое крыло, командованіе которымъ принялъ на себя лично корпусный командиръ, лѣвое—подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Лазарева, и главный резервъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шатилова. Камбинскій обходный отрядъ генералъ-маіора Шелковникова, уже выступившій два дня назадъ, долженъ былъ дѣйствовать самостоятельно и ни при какихъ обстоятельствахъ не ждать себѣ поддержки. Затѣмъ, первый изъ вышеозначенныхъ отрядовъ, т. е. правое крыло, дѣлился на четыре колонны: лѣвую (генералъ-маіора фонъ-Шака), среднюю (генералъ-маіора Шереметева), подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Геймана, правую—подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Граббе и резервъ—подъ начальствомъ генералъ-маіора Соловьева. Правая колонна, по соединеніи у Ягны съ ардаганскимъ отрядомъ генералъ-маіора Комарова, должна была поступить подъ общее начальство генералъ-лейтенанта Роопа.

Правое крыло предназначалось для главной атаки на оба Ягны; лѣвое же должно было удерживать правый флангъ турокъ, расположенный между Инахъ-Тепеси и Суботаномъ, отъ вспомоществованія карсскимъ отрядомъ, выдвинувшимся къ лѣвому флангу аладжинской позиціи.

Каждая изъ колоннъ нашего праваго крыла имѣла свое особое назначеніе: лѣвая предназначалась противъ Хаджи-Вали, средняя должна была захватить большіе Ягны и выдвинуться къ Визинкею, правая, въ общемъ составѣ ардаганскаго отряда—дѣйствовать противъ малыхъ Ягны; главному резерву генерала Шатилова указано было стать по дорогѣ изъ Кюрюкъ-Дара къ Суботану.

По диспозиціи, Сѣверскій и нижегородскій драгунскіе полки были назначены въ главный резервъ. Но это назначеніе видоизмѣнилось съ полудня 19-го числа, и такая перемѣна, въ связи съ немногими обстоятельствами, касавшимися и нѣкоторыхъ другихъ

кавалерійскихъ частей, имѣла вліяніе не только на измѣненіе первоначальной программы, но даже и на самый ходъ нашихъ дѣйствій. Программа же состояла въ томъ, чтобы части правой колонны сосредоточились 19-го числа, къ четыремъ часамъ вечера, на пунктахъ, указанныхъ въ диспозиціи, и съ наступленіемъ сумерокъ, предшествуемые кавалерійскимъ авангардомъ, двинулись черезъ бугоръ Кабахъ-Тапа на Яйла-Мешко, по южному склону горы Ташли-Тапа, и къ разсвѣту приблизились бы къ дорогѣ отъ Халифъоглы на Карсъ, отразивъ всякія покушенія непріятеля помѣшать дѣйствіямъ нашихъ войскъ противъ малыхъ Ягны. Здѣсь кавалерія правой колонны должна была вступить въ связь съ колонною генерала Шереметева, имѣвшею цѣлью атаковать большіе Ягны. Отрядъ Комарова долженъ былъ съ разсвѣтомъ повести атаку на малые Ягны съ сѣверо-западной и западной сторонъ, а отрядъ генерала графа Граббе поддерживать эту атаку.

Но случилось немного иначе, и предположенія эти, къ сожалѣнію, не могли быть выполнены съ точностью, такъ какъ кавалерія, долженствовавшая составить авангардъ правой колонны, въ томъ числѣ и первый дивизіонъ сѣверцевъ, своевременно къ сборному пункту не прибыли. Собственно говоря, первый дивизіонъ сѣверцевъ былъ не причемъ, такъ какъ диспозиція по отношенію къ нему была измѣнена, и онъ, вмѣсто общаго резерва, назначенъ былъ въ кавалерійскій авангардъ, но приказаніе объ этомъ получилъ несвоевременно.

Выступивъ безъ кавалерійскаго авангарда, генералъ-лейтенантъ Роопъ не счелъ возможнымъ допустить, передъ разсвѣтомъ 20-го числа, колонну генерала Комарова къ сѣверо-западному склону малыхъ Ягны, а остановилъ ее у восточнаго, и притомъ на разстояніи близкаго артилерійскаго огня отъ турецкихъ укрѣпленій.

Съ сѣверцами же произошло слѣдующее: 2-й дивизіонъ, вмѣстѣ съ командиромъ полка, былъ вытребованъ къ Караялу 19-го числа послѣ обѣда и, по прибытіи на мѣсто, вступилъ въ составъ главнаго резерва, расположеннаго впереди Караяла. Первый же дивизіонъ, получивъ отдѣльное приказаніе, также прибыть къ Караялу, явился на этотъ пунктъ, подъ командою маіора Никулищева,

только въ одиннадцатомъ часу ночи, когда колонна генерала Роопа уже давно выступила по назначенію *). Остановивъ дивизіонъ у Караяла, маіоръ Никулищевъ отправился въ отрядный штабъ за приказаніями. Здѣсь начальникъ штаба велѣлъ ему немедленно тронуться вслѣдъ за колонною генерала Роопа и явиться къ нему тамъ, гдѣ маіоръ Никулищевъ его застанетъ.

Съ этой минуты и въ теченіе всего слѣдующаго дня дивизіоны дѣйствовали вполнѣ независимо, отдѣльно другъ отъ друга, и притомъ на разныхъ позиціяхъ.

Маіоръ Никулищевъ тронулся. Ночь была очень темная, такъ что неизвѣстно, какимъ образомъ дивизіонъ могъ бы отыскать дорогу, еслибы не выручила его телеграфная проволока, проведенная къ бугру Кабахъ-Тапа, который на утро слѣдующаго дня былъ наблюдательнымъ пунктомъ корпуснаго командира. Идя по направленію проволоки, дивизіонъ обогналъ войска, слѣдовавшія на большіе Ягны, и настигъ колонну генерала фонъ-Шака. Сдѣлавъ здѣсь небольшой привалъ и распросивъ о генералѣ Роопѣ, дивизіонъ двинулся далѣе. Уже разсвѣтало, когда онъ приблизился къ горѣ малые Ягны. Тутъ колонна генерала Роопа стояла уже въ боевомъ порядкѣ, а самъ начальникъ колонны былъ на передовой линіи. Дивизіонъ направился къ цѣпи, и когда сталъ подходить туда, то въ эту минуту, именно въ пять съ половиною часовъ утра, раздался первый непріятельскій выстрѣлъ, который поднялъ на ноги турецкій лагерь. Остановивъ дивизіонъ, маіоръ Никулищевъ розыскалъ генерала Роопа и получилъ отъ него приказаніе—слѣдовать на правый флангъ, въ составъ кавалеріи правой колонны **), подъ

---

*) Ейскій полкъ, предназначенный также въ составъ кавалерійскаго авангарда, по какому-то недоразумѣнію былъ снятъ съ аванпостовъ только въ 10-ть часовъ вечера. Летучій же отрядъ, изъ дагестанскаго и чеченскаго конно-иррегулярныхъ полковъ, предназначенный въ колонну генерала Комарова, оказался вовсе не въ Кочкеѣ и Кюрдѣ, куда ему было послано приказаніе, а въ Аладжа-Мечлошъ, и оттуда, слѣдуя на рысяхъ, прибылъ уже прямо въ колонну Комарова, къ малымъ Ягны, въ разбивку: дагестанцы явились въ три часа утра, а чеченцы еще нѣсколькими часами позже.

**) Въ составъ правой колонны собственно генерала графа Граббе по диспозиціи были назначены слѣдующія кавалерійскія части: три сотни ейскаго и

начальство генералъ-маiора князя Щербатова, спустившейся въ это время отъ подножія горы Таши-Тапа на дорогу къ Халифъ-оглы. Кавалерія эта имѣла цѣлью наблюдать и охранять пути отъ малыхъ Ягны къ Карсу, противодѣйствуя всякому движенію непріятельскихъ частей, которыя бы вздумали пройти по карсской дорогѣ на соединеніе съ своими войсками, занимавшими малые Ягны. Въ силу этого, вся послѣдующая дѣятельность перваго дивизіона сѣверцевъ, въ составѣ кавалерійской колонны князя Щербатова, сосредоточилась вблизи и вокругъ горы малыхъ Ягны и была связана исключительно съ дѣятельностью войскъ, атаковавшихъ эту гору.

Маіоръ Никулищевъ, получивъ приказаніе генерала Роопа, двинулся отъ малыхъ Ягны на халифъ-оглинскую дорогу и присоединился къ кавалерійской колоннѣ князя Щербатова. А тѣмъ временемъ, послѣ перваго орудійнаго турецкаго выстрѣла, изъ ближайшихъ къ намъ траншей сильно укрѣпленной горы малыхъ Ягны раздалась ружейная перестрѣлка.

Генералъ-маіоръ Комаровъ, прикрывъ развертываніе войскъ своей колонны тремя баталіонами пятигорцевъ, всѣ остальныя части направилъ къ сѣверу отъ малыхъ Ягны. Кавалерія же генерала князя Щербатова двинулась по дорогѣ на Карсъ, въ обходъ Ягны. Наша пѣхота и артилерія обняли малые Ягны съ сѣверной, сѣверо-восточной и сѣверо-западной сторонъ — и бой начался.

Въ 7½ часовъ утра сдѣлана была попытка къ атакѣ открытою силою передоваго непріятельскаго укрѣпленія, но она не удалась, потому что непріятель былъ прикрытъ блиндажами. Между тѣмъ, наша кавалерія, подвигаясь по карсской дорогѣ, въ пяти верстахъ отъ Халифъ-оглы замѣтила вправо четыре сотни турецкой конницы, которыя повидимому слѣдовали изъ Заима. Князь Щербатовъ, не желая терять времени на перестрѣлку, приказалъ второму эскадрону сѣверцевъ и дагестанскому конно-иррегулярному полку атаковать ихъ. Лишь только эти части вынеслись впередъ, непріятель-

---

одна кубанскаго конныхъ полковъ, 2-й дагестанскій и чеченскій конно-иррегулярные полки, всего 16 сотенъ, ракетная команда и взводъ 2-й конной батареи кубанскаго казачьяго войска. Съ присоединеніемъ же отряда генерала Комарова, составъ означенной кавалеріи увеличивался еще тремя сотнями.

ская конница ускорила движеніе и, не принявъ атаки, въ карьеръ пустилась къ югу, черезъ карсскую дорогу. Но драгуны и дагестанцы нагнали арріергардную часть, нѣсколькихъ человѣкъ изрубили и пятерыхъ взяли въ плѣнъ.

Силы непріятеля у малыхъ Ягны возрастали; свѣжія части постепенно прибывали отъ Визинкея и Карса и подвигались по южной сторонѣ горы. Внѣ укрѣпленій появилось около трехъ непріятельскихъ таборовъ, которые, впрочемъ, тотчасъ же были сбиты съ позиціи баталіонами перновскаго полка. Въ это время непріятельская кавалерія, появившаяся вновь по дорогѣ изъ Карса, попыталась охватить правый флангъ перновцевъ. Противъ нея были выдвинуты изъ резерва два баталіона тифлисскаго полка, а изъ кавалерійской колонны князя Щербатова посланъ первый эскадронъ сѣверцевъ, подъ командою маіора князя Микеладзе. Эскадронъ былъ отдѣленъ отъ наступавшей сомкнутой кавалерійской части мѣстностью волнистою и пересѣченною, за которою она время отъ времени скрывалась весьма удобно, постепенно подвигаясь къ малымъ Ягны. Пройдя нѣкоторое время на рысяхъ, князь Микеладзе замѣтилъ, что разстояніе между эскадрономъ и турками не уменьшается; тогда ему пришло на мысль, что послѣдніе маневрируютъ такимъ образомъ, что когда отъ эскадрона скрываются, то пускаются назадъ въ карьеръ, а когда показываются въ виду его, то ѣдутъ шагомъ. Чтобы перехватить ихъ на дорогѣ, маіоръ князь Микеладзе повернулъ эскадронъ въ полоборота налѣво и повелъ его по лощинѣ. Пройдя такимъ образомъ довольно долго, онъ потомъ повернулъ его круто направо и вышелъ на окраину балки. Едва только эскадронъ сталъ спускаться въ нее, какъ увидѣлъ впереди партію спѣшенныхъ башибузуковъ, повидимому, составлявшихъ пикетъ или, можетъ быть, устроившихъ здѣсь засаду. Драгуны были встрѣчены живымъ огнемъ изъ магазинокъ. Но это не остановило ихъ: выхвативъ шашки, они понеслись на башибузуковъ, которые быстро вскочили на лошадей и обратились въ бѣгство. Сѣверцы нагоняли пѣшихъ, а также не успѣвшихъ сѣсть на коней, рубили и давили ихъ и въ нѣсколько минутъ устлали балку двадцатью трупами.

При условіяхъ этой схватки, соблюденіе строя было невозможно, и эскадронъ, сообразно бѣгству непріятеля, разсыпался до чрезвычайности. Далеко впереди другихъ скакалъ на свѣжемъ лихомъ конѣ молодой нойонъ больше-дербетовскаго улуса Обше-Дарже Гахаевъ, только накапунѣ вступившій въ полкъ волонтеромъ на правахъ вольноопредѣляющагося. Увлекшись преслѣдованіемъ, онъ нагналъ одного башибузука и на скаку нанесъ ему ударъ; но этотъ ударъ еще непривычной руки былъ такъ слабъ, что башибузукъ не свернулся, и когда Гахаевъ проскакалъ мимо него, то онъ моментально вскинулъ магазинку къ плечу и приготовился роковымъ образомъ расчитаться съ нойономъ за свою царапину. Вдругъ, въ это время по башибузуку послѣдовательно раздались два выстрѣла. Первая пуля пролетѣла мимо, но за то вторая свалила его наповалъ. Спасеніемъ своей жизни Гахаевъ былъ обязанъ капитану Ткаченкѣ, который своимъ револьверомъ предупредилъ покушеніе башибузука.

Преслѣдованіе было остановлено огнемъ турецкой батареи, расположенной у Каланы-кея, а вслѣдъ затѣмъ и пѣхотою. Князь Микеладзе, собравъ эскадронъ, началъ отступать. Но тутъ опять появились башибузуки и открыли ружейный огонь. Во время отступленія, Гахаевъ осколкомъ гранаты былъ раненъ въ ногу; кромѣ него, сильно контуженъ въ шею унтеръ-офицеръ Яхневъ, мгновенно лишившійся голоса. Но тотъ и другой, не смотря на эти поврежденія, не оставили строя ни въ тотъ день, ни въ послѣдующіе. Эскадронъ продолжалъ отступленіе во взводной колоннѣ, подъ прикрытіемъ своихъ наѣздниковъ, которые все время держали башибузуковъ въ почтительномъ отдаленіи. Съ Карадага турки попытались сдѣлать по эскадрону одинъ орудійный выстрѣлъ, но снарядъ не долетѣлъ. Еще разъ появившаяся въ отдаленіи турецкая кавалерія намѣревалась какъ бы обойти эскадронъ съ обоихъ фланговъ, но близко не подходила.

Первый эскадронъ, во время погони за башибузуками, удалился на такое большое разстояніе отъ втораго эскадрона, что, при возвращеніи своемъ на соединеніе съ нимъ, былъ принятъ княземъ Щербатовымъ за турецкую кавалерію и встрѣченъ снарядами нашего конно-артиллерійскаго взвода, которые, къ счастью, пере-

несло и разорвало позади его. Тотчасъ послѣ перваго выстрѣла, князь Микеладзе послалъ впередъ двухъ всадниковъ. Князь Щербатовъ, завидѣвъ ихъ еще издалека, остановилъ пальбу.

По соединеніи обоихъ эскадроновъ, движеніе продолжалось. Турецкая конница подходила все ближе и учащала пальбу. Встрѣтивъ на пути возвышенность, князь Щербатовъ приказалъ изъ за нея произвести атаку всему дивизіону, уступами поэскадронно, и ейскому казачьему полку. Турки, завидѣвъ выступившую изъ за высоты нашу кавалерію, не дождались ея удара и быстро стали отступать къ Каланы-кею. За удаленіемъ турецкой кавалеріи, угрожавшей флангу и тылу нашей пѣхоты, генералъ-маіоръ князь Щербатовъ возвратился на прежнее мѣсто. Первый эскадронъ былъ спѣшенъ на возвышенности, а второй отошелъ назадъ.

Спустя нѣкоторое время, по дорогѣ изъ Карса показалась пѣхотная часть, которая двигалась по направленію къ большимъ Ягны. Тогда первый эскадронъ былъ посаженъ на коней и началъ отступать, а второй былъ спѣшенъ и разсыпанъ правѣе большихъ Ягны по оврагу, по которому нужно было проходить приближавшимся туркамъ. Лишь только они приблизились на ружейный выстрѣлъ, эскадронъ открылъ по нимъ оживленную пальбу изъ своихъ берданокъ; непріятель остановился и далѣе слѣдовать не посмѣлъ. Это было послѣднее боевое дѣяніе перваго дивизіона въ сраженіи 20-го сентября. Задержавъ наступленіе турокъ, второй эскадронъ отступилъ за батарею, которая въ это время стояла на позиціи.

Въ 12-ть часовъ дня тифлисцы и владикавказцы были возвращены на западный уступъ малыхъ Ягны. Около двухъ часовъ, въ рядахъ непріятеля былъ ясно замѣтенъ большой уронъ, и произведена нами новая попытка къ овладѣнію малыми Ягны, но и она оказалась безуспѣшною. Тогда колонна наша отступила—и съ трехъ до пяти часовъ бой ограничивался однимъ артилерійскимъ огнемъ. Въ пять съ половиною часовъ части начали выходить изъ боевыхъ линій и направляться къ Кабахъ-Тапѣ, гдѣ назначенъ былъ имъ ночлегъ. Туда же двинулся и первый дивизіонъ сѣверцевъ. Подойдя къ перевязочному пункту и будучи крайне утомленъ дѣятельностью не-

текшихъ сутокъ, въ продолженіе которыхъ всѣ работали безъ сна, безъ отдыха, безъ пищи, а лошади, кромѣ того, и безъ воды, дивизіонъ расположился на привалъ, расчитывая здѣсь по возможности подкрѣпить свои истощенныя силы. Но не тутъ-то было: спустя немного времени, получено было приказаніе генерала Роопа—выдвинуться съ двумя орудіями впередъ и прикрыть отступленіе пѣхоты, на которую сильно насѣдали башибузуки. Тяжело было подниматься съ мѣста въ ту минуту, когда весь организмъ, послѣ краткаго покоя, пришелъ въ совершенное ослабленіе, и всѣ члены видимо отказывались служить, но, конечно, дѣлать было нечего—и дивизіонъ тронулся. Съ появленіемъ его впереди пѣхоты, башибузуки остановили свое преслѣдованіе, а двѣ гранаты изъ конныхъ орудій заставили ихъ и вовсе отступить.

Часовъ въ восемь вечера, когда было уже совершенно темно, и повсюду водворилась полная тишина, дивизіонъ возвратился къ Кабахъ-Тапѣ. Жажда и голодъ мучили всѣхъ невообразимо—а горю нельзя было помочь, потому что подъ рукою ничего не было. Положеніе становилось тѣмъ убійственнѣе, что неизвѣстна была еще дѣятельность завтрашняго дня, который, по всѣмъ соображеніямъ, не обѣщалъ ничего лучшаго. Общее нравственное настроеніе также вполнѣ гармонировало съ внѣшнею обстановкою, потому что хотя всѣ сознавали, что честно исполнили свой долгъ, но тѣмъ не менѣе хорошо видѣли, что результатовъ не достигли никакихъ, что потери наши громадны, и единственный нашъ успѣхъ состоялъ въ томъ, что мы овладѣли горою большіе Ягны; но это пріобрѣтеніе, въ виду нашихъ неудачъ на всѣхъ остальныхъ пунктахъ и въ камбинскомъ отрядѣ, не представляло для насъ пока ничего важнаго и значительнаго.

Кромѣ двухъ раненыхъ, нойона Гахаева и Яхнева, первый дивизіонъ въ этотъ день потерялъ также ранеными девять лошадей. Въ числѣ нѣкоторыхъ частей войскъ, наиболѣе отличившихся, о которыхъ корпусный командиръ представилъ краткій перечень главнокомандующему, былъ поименованъ и первый дивизіонъ Сѣверскаго полка.

Роль и дѣятельность втораго дивизіона сѣверцевъ, оставлен-

наго въ главномъ резервѣ, 20-го сентября были нѣсколько скромнѣе и ограниченнѣе.

Войска главнаго резерва къ 6-ти часамъ утра выстроились въ резервномъ порядкѣ на дорогѣ изъ Кюрюкъ-Дара въ Суботанъ, впереди укрѣпленной позиціи, занятой первою бригадою кавказской гренадерской дивизіи. Кавалерійскія части были выдвинуты на фланги уступомъ назадъ. Когда начальникъ лѣвой колонны праваго крыла генералъ фонъ-Шакъ, атакованный съ двухъ сторонъ турецкою пѣхотою, спустившеюся съ Аладжи, и конницею, началъ отступать отъ суботанскаго оврага, корпусный командиръ немедленно послалъ ему на подкрѣпленіе изъ главнаго резерва нѣсколько баталіоновъ. Одновременно съ этимъ и второй дивизіонъ Сѣверскаго полка двинутъ былъ въ промежутокъ колоннъ генералъ-лейтенанта Лазарева и генералъ-маіора Шереметева. Дивизіонъ приблизился къ горѣ большимъ Ягны уже тогда, когда она вполнѣ была въ нашихъ рукахъ. Генералъ Гейманъ поставилъ его впереди и немного лѣвѣе горы, по дорогѣ къ Авліару. Съ этого пункта дивизіонъ предпринималъ постоянныя движенія по мѣрѣ надобности то въ ту, то въ другую сторону, сообразно появленію турецкой кавалеріи; однако въ схваткахъ съ непріятелемъ ему быть не привелось. Онъ остался на ночлегѣ у большихъ Ягны и въ главный резервъ болѣе не возвращался.

Общая наша потеря въ этотъ день громадная: до 70-ти офицеровъ и до трехъ тысячъ нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя.

Ночь была очень холодная. Среди заповѣдной темноты, въ нашемъ и непріятельскомъ лагеряхъ тамъ и сямъ зардѣлись небольшіе костры, иллюминовавшіе все пространство отъ Караяла до Ягны. Но эта фантастическая картина никого не интересовала. Только кое-гдѣ можно было видѣть уснувшихъ солдатъ; большая же часть войскъ провела всю ночь на ногахъ, потому что среди холода, голода и жажды, въ общемъ ожиданіи непремѣннаго нападенія турокъ—какъ думали тогда—всѣмъ было не до сна. На перевязочномъ пунктѣ у Кабахъ-Тапа всю ночь раздавались раздирающіе душу вопли нашихъ страдальцевъ, и среди этихъ возгласовъ больше всего слышались просьбы и мольбы о „водицѣ“. Но ближайшая

„водица“ была далеко, въ Паргетѣ, да на Караялѣ. Въ полночь неожиданно раздался крикъ „ура“, и послѣдовало нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ; въ три-четыре часа пополуночи „ура“ снова повторилось и всполошило собою окрестные биваки. Впослѣдствіи оказалось, что это были попытки нашихъ охотниковъ добыть воду въ суботанскомъ ручьѣ. Неизвѣстно, увѣнчались ли онѣ какимъ либо успѣхомъ.

21-го сентября съ нашей стороны оказалось невозможнымъ предпринять противъ непріятеля желаемыя дѣйствія, поэтому всѣ войска главныхъ силъ оставались въ положеніи выжидательномъ, и только нѣкоторыя части были отряжены для устройства обороны. Преимущественное вниманіе и главнѣйшія распоряженія наши были направлены къ доставленію войскамъ изъ Паргета воды, которая хотя и привозилась неустанно, но въ такомъ количествѣ, что едва могла удовлетворить первой и самой жгучей потребности. Независимо того, съ ранняго утра отъ разныхъ частей войскъ направились люди въ ближайшія мѣста розыскивать для себя питье— въ чемъ бы оно ни состояло.

Утромъ на правомъ нашемъ флангѣ турки не выражали даже признаковъ существованія, и отрядъ простоялъ на позиціи у Кабахъ-Тапы такъ спокойно, что явилась возможность послать поочередно наши кавалерійскія и артилерійскія части въ Паргетъ на водопой.

Около четырехъ часовъ пополудни корпусный командиръ получилъ отъ генерала Лазарева извѣстіе о появленіи значительныхъ турецкихъ силъ противъ его отряда. Дѣйствительно, между Суботаномъ и Кизилъ-Тапою замѣчено было оживленное передвиженіе войскъ. Въ бинокль можно было разсмотрѣть, что около десяти баталіоновъ непріятельской пѣхоты, прикрытые своею кавалеріею, наступаютъ къ нашимъ батареямъ, устроеннымъ впереди Караяла. Вскорѣ открылась сильная канонада и, спустя немного, непріятель занялъ Кюльверанъ. Нѣкоторые турецкіе снаряды ложились даже на Караялъ.

Лишь только корпусный командиръ получилъ извѣстіе генерала Лазарева, какъ тотчасъ двинулъ на подкрѣпленіе ему перновскій

полкъ, одну батарею, первый дивизіонъ сѣверскихъ драгунъ и три сотни ейскаго казачьяго полка. Вслѣдъ затѣмъ, генералъ Гейманъ, услышавъ канонаду и догадавшись объ атакѣ турками нашего лѣваго фланга, немедленно выслалъ къ Суботану, для демонстраціи и отвлеченія противника отъ генерала Лазарева, екатеринославскій полкъ, 5-ю батарею кавказской гренадерской артилерійской бригады и второй дивизіонъ сѣверцевъ, подъ общимъ начальствомъ полковника Батіевскаго. Кромѣ этихъ частей, въ передовую колонну лѣваго нашего крыла, бывшую подъ начальствомъ полковника князя Амираджиби, были высланы два баталіона эриванскаго полка, которые, укрывшись въ лощинѣ, правѣе нашихъ батарей, ожидали приближенія турокъ. Полковникъ князь Амираджиби, не желая оставлять на ночь въ рукахъ у турокъ занятыя ими позиціи, ввелъ въ дѣло всю свою линію, молодецки опрокинулъ непріятеля съ громаднымъ урономъ и прогналъ его къ верхнимъ батареямъ на Аладжѣ. Эриванцы, елисаветпольцы и стрѣлки гнали турокъ безъ остановки, по пятамъ, поражая ихъ почти въ упоръ. Только ночь прекратила эту битву.

Второму дивизіону сѣверцевъ не пришлось принять участія въ бою. Что касается вообще до колонны полковника Батіевскаго, то она, подойдя къ суботанскому оврагу, была встрѣчена по ту сторону его турецкою пѣхотою и кавалеріею, завязавшими ружейную перестрѣлку. Наша батарея открыла огонь. Турки, удивленные неожиданнымъ присутствіемъ здѣсь нашей артилеріи, поспѣшно отступили на Аладжу. Колонна полковника Батіевскаго ночью вернулась къ подножію большихъ Ягны. Первый же дивизіонъ, вмѣстѣ съ перновскимъ полкомъ, по отступленіи турокъ, былъ поставленъ между Караяломъ и Кизилъ-Тапою и тамъ остался на ночлегъ.

А неотвязчивая жажда все продолжала мучить людей нескончаемо, безпощадно. Лишь только первый дивизіонъ сталъ на бивакъ, какъ большая часть людей отправилась розыскивать воду. Гдѣ-то въ сторонѣ солдаты, наконецъ, набрели на лужу грязи и съ самозабвеніемъ приникли къ ней, высасывая каплю за каплей отвратительной гнилой воды. Но и эти капли достались далеко не всѣмъ. Какъ ни ужасны были страданія отъ недостатка воды на Ка-

бахъ-Тапѣ и вблизи, но положеніе нашего крайняго праваго фланга было еще ужаснѣе, невыносимѣе. Многіе изъ нижнихъ чиновъ, мучаясь жаждою, доходили до умопомѣшательства, а нѣкоторые и совсѣмъ погибали. Лошади въ высшей степени ослабѣли. Это отчаянное положеніе колонны генерала Геймана заставило корпуснаго командира отозвать войска отъ большихъ Ягны. Ночью на 22-е сентября позиція у этой горы была очищена съ полною таинственностью, и до разсвѣта слѣдующаго дня войска стянулись къ Кабахъ-Тапѣ. Турки, не подозрѣвая, конечно, нашего отсутствія, съ восходомъ солнца стали спускаться съ малыхъ Ягны и Авліара и осторожно приближались къ большимъ Ягны. Удовольствію ихъ, какъ видно, не было предѣла, когда они убѣдились, что большіе Ягны свободны. Тотчасъ они ввезли туда свою артилерію, прочно усѣлись на этой горѣ и къ полудню открыли изъ дальнобойныхъ орудій, расположенныхъ ими у Хаджи-Вали и малыхъ Ягны, перекрестный огонь по нашему лагерю у Кабахъ-Тапы. До четырехъ съ половиною часовъ вечера ими было выпущено свыше тысячи пятисотъ снарядовъ. Среди этой канонады, они произвели наступленіе по направленію къ Кабахъ-Тапѣ, но были отбиты преимущественно нашею артилеріею и въ четыре часа пополудни угомонились.

Весь этотъ день сѣверцы провели не только безъ тревогъ, но и значительно удобнѣе, чѣмъ предыдущіе дни, потому что движеній было гораздо менѣе, и они, бывъ посланы къ Карсъ-чаю, имѣли возможность утолить жажду и напоить своихъ лошадей.

23-е число прошло спокойно, и въ этотъ день произведены были лишь передвиженія войскъ: одинъ дивизіонъ сѣверцевъ, съ тремя сотнями казаковъ, подъ командою полковника Батіевскаго, былъ расположенъ у Паргета, но на другой день отозванъ обратно и, вмѣстѣ съ другимъ дивизіономъ, сталъ лагеремъ у Кюрюкъ-Дара, вступивъ, въ числѣ прочихъ войскъ, подъ начальство генералъ-лейтенанта Роопа. Въ ночь съ 24-го на 25-е число полкъ былъ отправленъ къ Учь-Тапѣ, для охраненія нашего лѣваго фланга, такъ какъ получено было свѣдѣніе, что будто бы турки намѣрены отрѣзать нашъ отрядъ отъ Александрополя. Но, конечно, ничего по-

добнаго не случилось, и на утро полкъ возвратился обратно на свое мѣсто.

Расположеніе всѣхъ нашихъ войскъ совершенно измѣнилось: авангардъ, въ составѣ 18-ти баталіоновъ, четырехъ эскадроновъ (тверцовъ) и восьми сотенъ, 48-ми пѣшихъ и 4-хъ конныхъ орудій, занялъ два пункта—на горѣ Кабахъ-Тапа и къ юго-западу отъ Караяла. Два отдѣльные отряда были поставлены у Паргета (три баталіона, 19-ть сотенъ и 12-ть орудій) и у Порцухлю (15-ть конно-иррегулярныхъ сотенъ). У Кюрюкъ-Дара, кромѣ Сѣверскаго драгунскаго полка, были расположены 12-ть баталіоновъ пѣхоты, 4 сотни казаковъ и 44 орудія; у Кюльверапа, Огузлы и частью на Учь-Тапѣ—26-ть баталіоновъ, 4 эскадрона (нижегородцы), 18-ть сотенъ, 102 орудія; въ камбинскомъ отрядѣ два баталіона и 2 сотни.

Весь видимый результатъ нашего трехдневнаго боя съ непріятелемъ (съ 20-го по 23-е сентября) состоялъ лишь въ томъ, что мы прочно заняли фланговую позицію у Кабахъ-Тапы, вблизи крайняго лѣваго фланга турецкаго расположенія, на сообщеніи его съ Карсомъ.

Расположеніе турокъ также нѣсколько измѣнилось: они заняли большіе Ягны 800-ми человѣкъ пѣхоты и двумя горными орудіями; у Буланыха и на Авліарѣ они сосредоточили до трехъ тысячъ человѣкъ; гарнизонъ малыхъ Ягны былъ усиленъ; для наблюденія за вторичнымъ нашимъ обходомъ и противодѣйствія ему они выставили на гребень Аладжи постъ изъ двухъ ротъ пѣхоты, при одномъ орудіи; на ночь постъ этотъ увеличивался до одного баталіона, при четырехъ орудіяхъ.

Какъ видно, тотчасъ послѣ трехдневнаго боя, Мухтаръ-паша, дѣйствительно, предположилъ что-то предпринять, но, по зрѣломъ обсужденіи своего положенія, совершенно измѣнилъ свои планы. Онъ выдвинулъ свои войска противъ насъ на пушечный выстрѣлъ —и вслѣдствіе этого имѣлъ возможность убѣдиться, что въ настоящее время всѣ расчеты на успѣхъ, при неравенствѣ силъ, перешли на нашу сторону; онъ видѣлъ, что слишкомъ тридцативерстное расположеніе его, излишнее и не въ мѣру растянутое, теперь представляется не только неудобнымъ, но даже опаснымъ; наконецъ,

онъ не могъ не видѣть, что послѣ трехдневной битвы силы его сократились на нѣсколько тысячъ человѣкъ, и нравственное состояніе его арміи весьма неутѣшительное.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, а, можетъ быть, еще и нѣкоторыхъ другихъ, турецкій главнокомандующій одолжилъ насъ совершенно неожиданнымъ сюрпризомъ: въ ночь съ 26-го на 27-е число онъ очистилъ Кизилъ-Тапу, Суботанъ, Хаджи-Вали и большіе Ягны, отступилъ наверхъ и занялъ ту самую позицію, которую занималъ до 13-го августа. Если въ число причинъ, побудившихъ Мухтаръ-пашу поступить такимъ образомъ, дѣйствительно, слѣдуетъ включить и нашъ бой съ 20-го по 23-е сентября, то все же окажется, что мы дрались не безъ выгоды для себя, хотя эта выгода не совсѣмъ выкупала понесенныя нами потери.

Какъ только, 27-го сентября, было усмотрѣно съ караяльскаго наблюдательнаго поста, что Кизилъ-Тапа очищена—главныя наши силы тотчасъ перешли въ наступленіе. Отъ Караяла немедленно были двинуты на Кизилъ-Тапу три эскадрона сѣверцевъ, казачій полкъ и четыре конныхъ орудія, а отъ Кабахъ-Тапы — одинъ казачій полкъ. Кавалерія эта была ввѣрена генералъ-маіору князю Щербатову. Одинъ эскадронъ сѣверцевъ, именно второй, былъ оставленъ при ставкѣ генерала Роопа, и спустя немного времени, выступилъ, вмѣстѣ съ нимъ, на позицію между Кизилъ-Тапою и Суботаномъ, гдѣ и остался ночевать.

Пѣхота и артилерія также выступили туда же изъ Паргета, съ Караяла и Кабахъ-Тапы; часть кавалеріи князя Щербатова направилась къ Хаджи-Вали и заняла его, а другая часть, именно сѣверцы, взошла на Кизилъ-Тапу, гдѣ отъ поспѣшнаго отступленія турокъ еще оставалось нѣсколько палатокъ и нѣкоторые пожитки. Вслѣдъ затѣмъ, приказано было ввезти на Кизилъ-Тапу наши орудія и даже перевезти туда съ Учь-Тапы осадныя пушки для дѣйствія по Инахъ-Тепеси и вообще по правому флангу турецкаго расположенія.

Какъ только наша пѣхота выдвинулась за суботанскій оврагъ, турки стали стягиваться противъ нашего лѣваго фланга, а со склоновъ и обрывовъ Аладжи открыли многоярусную ружейную стрѣль-

бу. Но наши войска встрѣтили ихъ такимъ сильнымъ огнемъ, что они бѣжали назадъ, и хотя потомъ поддерживали перестрѣлку до восьми часовъ вечера, но въ наступленіе не переходили.

На ночь аванпосты наши были протянуты отъ Кизилъ-Тапы мимо Хаджи-Вали до большихъ Ягны. Первая гренадерская дивизія, съ ея артилеріею, три эскадрона Сѣверскаго драгунскаго полка, второй астраханскій и кубанскій казачьи полки, съ донскою № 14-го батареею, составлявшіе колонну генералъ-лейтенанта Роопа, стали у Кюльверана. Прочія войска расположились колоннами: у большихъ Ягны—генерала фонъ-Шака; на Кизилъ-Тапѣ, у Арасъ-оглы и для дѣйствія на лѣвомъ берегу Карсъ-чая составлены два отряда, генерала Алхазова—паргетскій и порцухлинскій; часть кавалеріи была направлена съ генераломъ Комаровымъ въ Ардаганъ, а особый отрядъ, куда вошелъ и нижегородскій драгунскій полкъ, подъ начальствомъ генерала Лазарева, выступилъ за Арпачай къ камбинскому посту, гдѣ снова долженъ былъ переправиться и выйти въ тылъ арміи Мухтара-паши.

Въ виду этого распредѣленія и дальнѣйшихъ соображеній, приказомъ по корпусу отъ 26-го сентября, вся кавалерія была раздѣлена на четыре дивизіи. Сѣверскій полкъ вошелъ въ составъ 3-й сводной кавалерійской дивизіи, начальникомъ которой былъ назначенъ генералъ-маіоръ кн. Щербатовъ. Другимъ приказомъ, непосредственно засимъ послѣдовавшимъ, велѣно было, въ устраненіе труда при розыскѣ на бивакахъ въ темныя ночи начальниковъ частей, завести цвѣтные фонари, которые и выставлять на шестахъ. Мѣра эта оказалась очень практичною.

28-го числа, второй эскадронъ сѣверцевъ присоединился къ своему полку, а затѣмъ весь полкъ перемѣщенъ къ Кизилъ-Тапѣ, которая была усилена также пѣхотою и артилеріею. Съ этой минуты, въ кизилъ-тапинскомъ отрядѣ находилось 8-мь баталіоновъ, 4 эскадрона, 4 сотни и 32 орудія. Войска эти, ввѣренныя генералъ-маіору Кузьминскому, составили лѣвофланговую колонну, долженствовавшую стать между Кизилъ-Тапою и деревнею Керъ-Хана. Начальникомъ кавалеріи отряда генерала Кузьминскаго былъ назначенъ полковникъ Батіевскій. Сѣверцы были направлены

къ Учь-Тапѣ, куда взяли съ собою нѣсколько палатокъ и часть обоза.

Весь слѣдующій день полкъ простоялъ на томъ же мѣстѣ, подъ выстрѣлами турецкихъ орудій, снаряды которыхъ разрывались у самой коновязи.

Послѣ очищенія турками Кизилъ-Тапы, высота Инахъ-Тепеси пріобрѣтала для насъ еще большее значеніе—какъ крайній опорный пунктъ праваго фланга турецкой позиціи, на которомъ покоились теперь всѣ надежды непріятеля. Въ виду этого, у насъ рѣшено было—атаковать Инахъ-Тепеси и отнять эту гору у турокъ. Въ случаѣ нашего успѣха, мы могли устроить прямое сообщеніе черезъ ближайшіе отроги Аладжи между главными силами и обходною колонною генерала Лазарева. Мухтаръ-паша быстро свѣдалъ объ этой колоннѣ, вслѣдствіе чего, перевелъ на нижній склонъ Аладжи два баталіона и выставилъ на самомъ гребнѣ 6 орудій. Для наблюденія же за этою колонною генерала Лазарева, онъ выслалъ къ Нахичевани шесть баталіоновъ.

30-го числа дали знать генералу Кузьминскому, что турки производятъ фуражировку въ селеніяхъ, лежащихъ у подножія Инахъ-Тепеси. Для воспрепятствованія имъ и уничтоженія заготовленнаго ими фуража, тотчасъ отправлена была туда команда пѣшихъ охотниковъ, подъ прикрытіемъ перваго дивизіона Сѣверскаго полка (маіора Никулищева). Завидя движеніе кавалеріи, турки открыли по ней сильный артилерійскій огонь съ батарей праваго фланга. Гранаты ихъ разрывались весьма удачно и наносили сильный вредъ, въ особенности охотникамъ. Пришлось сдаться необходимости, и, не достигнувъ цѣли, повернуть назадъ. Дивизіонъ, во взводной колоннѣ поэскадронно, на большихъ интервалахъ, сталъ отступать шагомъ, прикрывая охотниковъ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на учащенный турками орудійный огонь. Отступленіе совершилось благополучно. Къ подходившему дивизіону выѣхалъ навстрѣчу генералъ Кузьминскій, и поблагодаривъ его, выразился такъ:

— Я никогда не видѣлъ, чтобы кто либо, подобно вамъ, отступалъ такъ хладнокровно подъ такимъ сильнымъ огнемъ.

У Кизилъ-Тапы дивизіонъ удостоился встрѣтить Государя Великаго Князя главнокомандующаго, который, поздоровавшись съ нимъ и поблагодаривъ за молодецкія дѣйствія 20-го сентября, изволилъ вслѣдъ затѣмъ осматривать позицію войскъ.

Ночью второй эскадронъ, подъ командою капитана Ткаченко, былъ посланъ къ Учь-Тапѣ для охраненія лѣваго фланга позиціи отряда и для поддержанія связи съ сотнею казаковъ, которая поставлена была у подножія Кизилъ-Тапы. Ночь была до такой степени темная, что невозможно было розыскать ни одного поста дежурной сотни, почему и пришлось по необходимости ограничиться высылкою разъѣздовъ къ сторонѣ непріятеля и къ Кизилъ-Тапѣ и выставкою нѣсколькихъ постовъ впереди эскадрона. Было уже за полночь, когда, среди глубокаго мрака, одинъ изъ постовъ услышалъ впереди себя приближающихся всадниковъ и, принявъ ихъ за непріятеля, сообщилъ командиру эскадрона. Весь эскадронъ мгновенно былъ посаженъ на коней и чуть было не бросился въ шашки. Къ счастью, недоумѣніе тотчасъ же разъяснилось, такъ какъ приближавшіеся всадники оказались разъѣздомъ оренбургскаго казачьяго полка.

Въ эту же ночь у подножія большихъ Ягны былъ нами выстроенъ редутъ. На разсвѣтѣ онъ былъ атакованъ десятью таборами непріятеля, настойчиво стремившимися овладѣть имъ и самою горою. Видно было, что муширъ, оставивъ большіе Ягны въ нашемъ распоряженіи, спохватился и старался вновь овладѣть ими. Но онъ опоздалъ. Два штурма, предпринятые турками, были молодецки отбиты двумя баталіонами тифлисцевъ и отчасти баталіономъ мингрельцевъ, при содѣйствіи дивизіона 5-й батареи кавказской гренадерской артилерійской бригады, находившагося въ редутѣ. У Хаджи-Вали были также возведены три ложемента на три дальнобойныхъ орудія, назначенныя дѣйствовать по Авліару.

Пока мы готовились, такимъ образомъ, нанести рѣшительный ударъ арміи мушира, въ его станѣ не все было благополучно. Будто предчувствуя близкую развязку, турецкія войска, послѣ оставленія Кизилъ-Тапы, еще болѣе упали духомъ; дурному настроенію непріятельской арміи много способствовало и затрудненіе въ продо-

вольствіи ея, вслѣдствіе котораго солдаты получали уже уменьшенную дачу провіанта—и не вдругъ на нѣсколько дней, какъ было прежде, а каждый разъ всего только на одинъ день. По поводу этого являлись у турокъ разныя упущенія и недоразумѣнія. Къ довершенію всего, не было теплой одежды, и войска на высотахъ Аладжи проводили весьма холодныя ночи почти безъ сна. Самъ турецкій главнокомандующій былъ постоянно въ состояніи высшей напряженности и нескрываемаго раздраженія, а тутъ, на бѣду, все его дурное расположеніе духа усилила еще депутація, присланная изъ Карса, которая предъявила просьбу жителей, чтобы, въ случаѣ отступленія арміи мушира, она бы не входила въ Карсъ и не подвергала бы жителей всѣмъ неудобствамъ блокады. Муширъ, конечно, мало того, что не принялъ этого адреса, но даже велѣлъ арестовать зачинщиковъ.

1-го октября была сдѣлана нами желанная и заранѣе задуманная попытка къ овладѣнію Инахъ-Тепеси, но, по неприступности этой конусообразной высоты, мы должны были отказаться отъ нашего намѣренія. Между прочимъ, не было и особенной надобности приводить его въ исполненіе, такъ какъ съ ударомъ непріятелю въ тылъ обходной колонны генерала Лазарева, участь Инахъ-Тепеси разрѣшалась сама собою. Для обезпеченія же обходнаго движенія генерала Лазарева были приняты двѣ мѣры: одинъ кавалерійскій отрядъ направленъ отъ большихъ Ягны къ Карсу, чтобы отвлечь сюда вниманіе турокъ, а другой, подъ начальствомъ полковника Толстого—отъ Кизилъ-Тапы, мимо Инахъ-Тепеси и Козлуджи, на усиленіе войскъ генерала Лазарева. Какъ только этотъ послѣдній отрядъ вошелъ въ сферу дѣйствія орудій Инахъ-Тепеси, по немъ былъ открытъ сильный огонь, которымъ турки провожали его до города Ани. Когда отрядъ спустился въ анинскій оврагъ, онъ былъ атакованъ 2—3 эскадронами турецкихъ драгунъ, выскочившихъ изъ за деревень Козлуджи и Аладжи, и затѣмъ преслѣдуемъ турецкою конницею до деревни Алямъ. Но небольшой нашъ отрядъ выбился изъ всѣхъ затрудненій и продолжалъ движеніе до камбинскаго поста. На другой день ему было послано приказаніе возвратиться обратно въ составъ колонны генерала Кузьминскаго, и для прикрытія его

движенія выслапъ былъ на дорогу къ Ани Сѣверскій драгунскій полкъ. Обратное движеніе совершилось благополучно. По возвращеніи, сѣверцы были расположены между Кизилъ-Тапою и Учь-Тапою, гдѣ и остались бивакомъ на ночлегъ.

Наконецъ, сближался знаменательный для насъ день 3-го октября. Къ этому дню силы обѣихъ сторонъ на разныхъ пунктахъ ихъ обширныхъ позицій были слѣдующія:

У насъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Роопа: 1) въ отрядѣ генерала Кузьминскаго 8 баталіоновъ, 12-ть эскадроновъ и сотенъ, 28 орудій; 2) въ резервѣ генералъ-маіора Дена—пять баталіоновъ, четыре сотни и 30 орудій; 3) въ отрядѣ генералъ-маіора графа Граббе, у Кабахъ-Тапы—три баталіона, три сотни, восемь орудій; 4) въ отрядѣ генералъ-маіора Чермоева 14 сотенъ; 5) на Караялѣ одинъ баталіонъ и 6) у Аляма двѣ сотни. Подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Геймана (отъ Хаджи-Вали до большихъ Ягны) 24 баталіона, 22 эскадрона и сотни, 20 орудій; въ главныхъ силахъ—отрядъ изъ 17½ баталіоновъ, 10 сотенъ, 52 орудій. При корпусной квартирѣ и на сообщеніяхъ: у Караяла ¾ баталіона, 4 сотни; у Пирвали ½ баталіона и 4 орудія; на сообщеніяхъ съ Александрополемъ двѣ сотни. Въ распоряженіи завѣдывающаго военно-народнымъ управленіемъ 4 сотни.

Боевыя средства непріятеля заключались въ слѣдующемъ: на Аладжѣ 26 баталіоновъ, 4 сотни, 18 орудій (12 т. чел.); на Инахъ-Тепеси одинъ баталіонъ и четыре орудія (500 чел.); на Авліарѣ четыре баталіона и четыре орудія (1500 чел.); на визинкейскихъ высотахъ 11 баталіоновъ, 12 сотенъ, 11 орудій (7 т. чел.); на южномъ склонѣ Аладжи 15 баталіоновъ (7 т. чел.); на малыхъ Ягны 8 баталіоновъ и 14 орудій (4 т. чел.); въ Карсѣ 8 баталіоновъ,—всего 51 орудіе и 36 т. человѣкъ. Баталіоны, расположенные на Аладжѣ, сильно пострадали и считали въ рядахъ своихъ отъ 80—100 человѣкъ; остальные же состояли изъ 300—350 человѣкъ.

Главнѣйшая часть задачи въ предположенной нами общей атакѣ аладжинскихъ высотъ легла на генерала Лазарева. Въ случаѣ благополучныхъ результатовъ въ его обходной колоннѣ, рѣшено было немедленно перейти въ общее наступленіе. Всѣ, начиная отъ

главнокомандующаго и кончая послѣднимъ рядовымъ, съ тревожнымъ нетерпѣніемъ въ теченіе всего втораго октября ожидали извѣстій съ той стороны Аладжи.

Въ два съ половиною часа ночи, со 2-го на 3-е октября, главнокомандующій, наконецъ, получилъ это извѣстіе, и оно молніей облетѣло наши войска: генералъ Лазаревъ, послѣ сильнаго боя, овладѣлъ укрѣпленными тыльными позиціями турецкой арміи и твердо сталъ на орлокскихъ высотахъ надъ головою непріятеля.

Спустя нѣсколько минутъ, диспозиція была у насъ готова и къ пяти часамъ утра разослана начальникамъ колоннъ и отрядовъ. По краткости, сжатости и въ тоже время опредѣленности дѣйствій каждаго отдѣльнаго отряда, она заслуживаетъ полнаго вниманія. Текстъ ея состоялъ въ слѣдующемъ:

„1. Отряду генералъ-маіора Шака, удерживая большіе Ягны, и охраняя ихъ отъ возможныхъ атакъ со стороны малыхъ Ягны и Карса, дѣйствовать артилерійскимъ огнемъ по визинкейской дорогѣ. 2. Прочимъ войскамъ генералъ-маіора Геймана наступать съ должною осмотрительностью на Авліаръ или въ обходъ его съ праваго или лѣваго фланга. 3. Войскамъ генералъ-маіора Кузьминскаго, съ тѣхъ мѣстъ, на коихъ они окажутся утромъ, держаться при наступленіи направленія на Керъ-Хана и далѣе по верхней аладжинской дорогѣ. 4. Прочимъ войскамъ генералъ-лейтенанта Роопа (именно резерву генерала Дена, вмѣстѣ со вторымъ баталіономъ перновскаго полка), выдвинувъ небольшую часть войскъ для связи между войсками генералъ-лейтенанта Геймана и генералъ-маіора Кузьминскаго, слѣдовать въ резервномъ порядкѣ по дорогѣ изъ Суботана на Чифтъ-Тапу. 5. Кавалеріи генералъ-маіора Геймана дѣйствовать на Визинкей; кавалеріи генералъ-лейтенанта Роопа, за удержаніемъ полка драгунъ въ резервѣ, дѣйствовать въ обхватъ праваго фланга непріятеля. 6. Отряду полковника Бѣлинскаго, притянувъ кавалерію изъ Паргета, выдвинуть ее по дорогѣ на Карсъ и къ сторонѣ малыхъ Ягны для наблюденія за непріятелемъ“.

На этомъ и закончились всѣ распоряженія.

3-го октября, рано утромъ, генералъ Роопъ, вѣроятно не получившій еще въ то время диспозиціи, послалъ записку полковнику

Батіевскому, чтобы онъ отправилъ одинъ дивизіонъ къ Ани. Батіевскій тотчасъ двинулъ туда 1-й дивизіонъ. Спустя самое короткое время, получена была отъ генерала Роопа частная диспозиція, по которой вся кавалерія лѣваго крыла, въ томъ числѣ и Сѣверскій полкъ въ полномъ составѣ, обязывалась проникнуть отъ верховья анииского оврага по возможности до гребня аладжинскаго хребта, въ тылъ праваго фланга непріятеля, и поддерживая связь съ крайнею лѣвою колонною нашей пѣхоты, содѣйствовать ея фланговымъ атакамъ.

Полковникъ Батіевскій, бывшій и въ этотъ день начальникомъ кавалеріи колонны генерала Кузьминскаго *), распорядился тотчасъ о возвращеніи 1-го дивизіона обратно. Оставшись его поджидать, онъ двинулъ 2-й дивизіонъ, въ восемь часовъ утра, на высоты Аладжи, вслѣдъ за выступившими туда пѣхотными частями.

Мѣстность, на которой пришлось дѣйствовать колоннѣ генерала Кузьминскаго вообще и кавалеріи въ частности, представлялась въ слѣдующемъ видѣ: отъ вершины Аладжи, вѣнчанной сомкнутымъ укрѣпленіемъ, съ завалами для стрѣлковъ, по всему сѣверному склону шелъ рядъ непрерывныхъ укрѣпленій, возвышавшихся въ пять и болѣе ярусовъ и охватывавшихся линіею траншей. На пунктахъ наиболѣе выдающихся возведены были батареи весьма сильной профили. Позиція всего праваго крыла турокъ, отъ деревни Тайналыхъ и до самой вершины Аладжи, прорѣзывалась оврагомъ въ видѣ глубокой трещины. Однако, какъ ни сильна была она, но мѣстность впереди ея представляла повсюду множество закрытій—что и давало право надѣяться на возможность приближенія къ непріятелю безъ особенныхъ потерь.

Передовыя развѣдки нашихъ охотниковъ и взятый ими въ плѣнъ одинъ турецкій солдатъ обнаружили, что вся непріятельская пѣхота скрыта за передовыми траншеями, и что войскамъ нашего лѣваго крыла прійдется имѣть дѣло съ четырнадцатью таборами непріятеля, прикрытыми шестнадцатью орудіями.

---

*) Кавалерія этой колонны состояла изъ Сѣверскаго полка, 24-хъ сотенъ и 8-ми конныхъ орудій.

Въ десять часовъ утра наши стрѣлковыя цѣпи поднялись уже на высоту праваго фланга непріятельской позиціи. Хотя для насъ и представлялась возможность фронтальной атаки, но нужно было нѣсколько повременить ею, чтобы сообразоваться съ дѣйствіями войскъ, начавшихъ въ то время атаку Авліара.

Около полудня, отрядъ генерала Кузьминскаго занялъ весьма крѣпкую позицію шаговъ на шестьсотъ отъ первой турецкой траншеи. По всей передовой линіи открылся непрерывный огонь. Наши батареи усердно и энергично отвѣчали непріятелю. Въ двѣнадцать съ половиною часовъ пополудни войсками нашего праваго крыла былъ взятъ Авліаръ. Не смотря на это, противъ отряда генерала Роопа турки продолжали держаться упорно и стойко. Тогда приказано было открыть атаку. При первыхъ звукахъ нашего боя, несмолкаемый и убійственный огонь охватилъ всѣ многоярусныя траншеи непріятеля. Чтобы пошатнуть его энергію, атака была пріостановлена, и двинуты впередъ наши 32 орудія. Поднявшись съ замѣчательною быстротою по крутымъ подъемамъ, они заняли на высотахъ ближайшія къ туркамъ позиціи и стали громить ихъ сосредоточеннымъ огнемъ; вмѣстѣ съ ними наши пѣхотные резервы примкнули къ правому флангу елисаветпольскаго пѣхотнаго полка. Спустя не болѣе десяти минутъ, передовыя траншеи стали очищаться. Лишь только это было замѣчено, вся наша пѣхота быстро двинулась въ атаку на центръ и оба фланга турокъ. 2-й дивизіонъ Сѣверскаго полка, съ четырмя орудіями второй конной кубанской батареи, былъ направленъ на крайній правый флангъ екатеринославскаго полка, съ тѣмъ, чтобы, опередивъ его и угрожая съ этой стороны тылу непріятеля, содѣйствовать успѣху екатеринославцевъ. Первый же дивизіонъ и горско-моздокскій полкъ, подоспѣвшіе къ мѣсту боя съ полковникомъ Батіевскимъ и генералъ-лейтенантомъ княземъ Чавчавадзе, руководившимъ дѣйствіями кавалеріи, были направлены въ обхватъ праваго фланга турокъ, атакованнаго владикавказцами. При приближеніи къ траншеѣ, изъ которой пѣхота силилась выбить непріятеля, 1-й дивизіонъ былъ остановленъ; но, спустя минуту, 2-й эскадронъ былъ направленъ влѣво и впередъ. Зайдя во флангъ атакованной траншеѣ, онъ спѣшился и открылъ учащенную пальбу.

Поставленные между двухъ огней, турки не замедлили очистить траншею. На всѣхъ другихъ пунктахъ, благодаря нашему дружному и молодецкому наступленію, они также заколебались, почти одновременно и повсюду бросили первые два яруса своихъ траншей, обратились въ безпорядочное бѣгство и устроились только за третьимъ ярусомъ; но и здѣсь они были выбиты очень скоро, и послѣ этого побѣжали уже безостановочно. Пѣхота двинулась за непріятелемъ на вершину Аладжи; кавалерія, въ томъ числѣ и 1-й дивизіонъ сѣверцевъ, послѣдовала за лѣвымъ флангомъ пѣхоты, обезпечивая ея наступленіе. Былъ шестой часъ пополудни.

Устроивъ войска на вершинѣ Аладжи, генералъ Роопъ направилъ ихъ къ лощинѣ у подошвы Узунъ-Сырта, въ обхватъ обоихъ фланговъ этой позиціи. Кавалерія, подъ начальствомъ князя Чавчавадзе, должна была зайти съ юга. Сопровождаемый 1-мъ дивизіономъ сѣверцевъ, князь Чавчавадзе прежде всѣхъ достигъ указаннаго мѣста и здѣсь соединился со 2-мъ дивизіономъ. Остановясь на краю котловины, онъ увидѣлъ вдали, въ глубинѣ ея, массу непріятеля. Затрудняясь атаковать его сравнительно небольшимъ числомъ находившейся при немъ кавалеріи, онъ приказалъ орудіямъ 2-й кубанской батареи открыть огонь.

Тогда на всемъ протяженіи Аладжи были послѣдніе моменты боя. Разрозненныя части непріятеля, выбитыя повсюду изъ своихъ крѣпкихъ позицій, частью отступали, а частью просто спасались бѣгствомъ. Пользуясь прощальными лучами дневнаго свѣта, наши войска повсемѣстно доканчивали ихъ пораженіе.

Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по котловинѣ и не видя со стороны турокъ никакого сопротивленія, генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе прекратилъ пальбу; но для того, чтобы не выпустить непріятеля изъ рукъ, онъ спустился съ Сѣверскимъ и горско-моздокскимъ полками внизъ и сталъ у него съ лѣвой стороны. Черезъ нѣсколько минутъ изъ среды турокъ выдѣлились двое—Омеръ-паша, командовавшій въ этотъ день непріятельскими войсками, и его начальникъ штаба Гасанъ-паша. Подъѣхавъ къ князю, они заявили, что войска слагаютъ оружіе. На южныхъ склонахъ Аладжи и на базарджикскихъ высотахъ произошло тоже самое, и наше

перекатное „ура“ гремѣло и разносилось оттуда по всему обширному пространству только-что затихшаго сраженія.

Омеръ-паша просилъ разрѣшенія представиться Его Высочеству для испрошенія нѣкоторыхъ облегчительныхъ условій. Генералъ Роопъ послалъ объ этомъ доложить Государю Великому Князю. Главнокомандующему угодно было, черезъ адъютанта полковника Петерса, веденіе переговоровъ поручить генералу Роопу; корпусный же командиръ былъ уполномоченъ безотлагательно утвердить капитуляцію.

Вскорѣ прибылъ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, любезно протянулъ руку еще столь недавнему своему противнику и, за стаканомъ чаю, предложеннымъ полковникомъ Батіевскимъ, вступилъ съ нимъ въ пріятную для себя и столь тягостную для него бесѣду. На разостланной буркѣ, при зажженной свѣчѣ, была составлена капитуляція, тотчасъ же подписанная обѣими сторонами. Тѣмъ временемъ, для обоихъ командующихъ войсками въ лазаретномъ фургонѣ Сѣверскаго полка приготовлены были походныя постели. Окончивъ свои занятія, оба вождя, наконецъ, успокоились послѣ столь долгихъ тревогъ—каждый, конечно, тѣмъ сномъ, который соотвѣтствовалъ его душевному настроенію.

Капитуляція, между прочимъ, была слѣдующаго содержанія:

„Условія, на которыхъ остатки трехъ дивизій турецкой арміи сдаются военно-плѣнными войскамъ арміи Его Величества Императора всея Россіи:

§ 1. Принимая въ соображеніе мужество, выказанное турецкими войсками въ сегодняшнемъ бою, офицеры всѣхъ чиновъ сохраняютъ ихъ оружіе и все ихъ частное имущество, въ томъ числѣ и лошадей.

§ 2. Всѣ лица, непринадлежащія къ частямъ войскъ, подводчики и пр., также слуги и офицерскіе деньщики, по обезоруженіи, могутъ возвратиться восвояси.

§ 3. Всѣ тѣ, которые не упомянуты въ § 2, сдаются какъ военно-плѣнные, и должны сдать весь военный матеріалъ, въ томъ числѣ знамена, вооруженіе, орудія, заряды и патроны, артиллерійскіе и пѣхотные парки, госпитали и вообще все военное имущество.

§ 4. Сдача всего, что поименовано въ упомянутомъ 3 параграфѣ, должна быть сдѣлана въ слѣдующемъ порядкѣ: всѣ войска, которыя сдаются какъ военно-плѣнныя, въ порядкѣ нумеровъ частей кладутъ оружіе; артилерія сдаетъ орудія въ указанномъ мѣстѣ. Затѣмъ, всѣ эти войска въ полномъ составѣ спускаются съ горы въ указанное мѣсто.

§ 5. Сдача военно-плѣнныхъ и военнаго имущества должна начаться въ два часа утра 4-го октября 1877-го года.

§ 6. Къ числу лицъ, которыя получаютъ право возвратиться восвояси, принадлежатъ три врача, состоящіе при арміи".

Капитуляція эта была подписана генералъ-лейтенантомъ Роопомъ, генералъ-лейтенантомъ оттоманской арміи Омеромъ, адъютантомъ главнокомандующаго полковникомъ Петерсомъ и утверждена корпуснымъ командиромъ генералъ-адъютантомъ Лорисъ-Меликовымъ.

Общій ходъ нашихъ дѣйствій 3-го октября усматривается изъ слѣдующей телеграммы главнокомандующаго къ Государю Императору:

„Обходная колонна генерала Лазарева, занявъ 2-го октября орлокскія высоты, сбила турецкія войска и отбросила ихъ къ Карсу и Визинкею. Такъ какъ движеніемъ этимъ часть непріятельской арміи была уже обойдена, то на 3-е число была назначена общая атака расположенія Мухтаръ-паши. Ключъ его съ фронта составляла гора Авліаръ. Въ шесть часовъ утра войска наши начали общее наступленіе. Подготовивъ атаку Авліара замѣчательно меткимъ огнемъ артилеріи, генералъ Гейманъ, съ эриванскимъ, грузинскимъ и пятигорскимъ полками и стрѣлковымъ баталіономъ, къ полудню блистательно штурмовалъ Авліаръ и овладѣлъ имъ. Съ занятіемъ этого пункта, армія Мухтаръ-паши была разрѣзана; часть ея, обратившаяся къ Карсу, встрѣченная во флангъ войсками генерала Лазарева и преслѣдуемая войсками генерала Геймана, была къ пяти часамъ совершенно разбита и разсѣяна, потерявъ множество убитыхъ, нѣсколько тысячъ плѣнныхъ и четыре орудія. Одновременно съ этимъ, оставшіяся на правомъ флангѣ турецкія войска, въ составѣ трехъ дивизій, были отброшены съ своихъ аладжинскихъ по-

зицій; окруженныя со всѣхъ сторонъ и понеся громадныя потери, къ восьми часамъ вечера вынуждены были сдаться. Много плѣнныхъ, съ семью пашами, 32-мя орудіями и огромнымъ количествомъ военнаго имущества. Мухтаръ-паша бѣжалъ въ Карсъ. Потери сравнительно невелики".

Наиболѣе точное исчисленіе потерь возможно было произвести только спустя нѣсколько дней. Онѣ заключались: у турокъ взято въ плѣнъ 7 пашей, 26 штабъ-офицеровъ, около 224 оберъ-офицеровъ и до семи тысячъ нижнихъ чиновъ; взято 2 знамени, 35 орудій, до восьми тысячъ ружей, большая часть лагеря и неисчислимое количество боевыхъ припасовъ, разбросанныхъ по всему полю сраженія. У насъ 2-го и 3-го октября убито 7 офицеровъ и 223 нижнихъ чина; ранено 41 и контужено 8 офицеровъ; ранено и контужено 1162 нижнихъ чина.

Темнота ночи и пересѣченная мѣстность дозволили части турецкихъ войскъ спастись отъ плѣна и избіенія.

Результатами боя 3-го числа, кромѣ бѣгства Мухтара за Соганлугъ, были: поспѣшное отступленіе отъ нашихъ границъ Измаила-паши, паника и окончательная деморализація турокъ, полный переворотъ въ отношеніяхъ къ намъ мѣстнаго населенія, въ особенности курдовъ; смиреніе и покорность кавказскихъ горцевъ.

Главнокомандующій привѣтствовалъ свои войска съ побѣдою слѣдующими восторженными словами:

„Войска дѣйствующаго корпуса! Сегодня вы одержали побѣду васъ достойную: разбитая армія, тысячи плѣнныхъ, десятки орудій! Сегодня вы сослужили новую славную службу Царю и Россіи. Благодарю всѣхъ начальниковъ и офицеровъ, свято исполнившихъ свой долгъ. Вамъ же, солдаты, гордость русскаго имени! вамъ царское „ура" прогремитъ отъ одного конца родины до другаго".

XI.

Затрудненія, при которыхъ мы не могли надлежащимъ образомъ воспользоваться результатами аладжинскаго погрома. Раздѣленіе нашихъ войскъ на три отряда и Сѣверскаго полка на два сборные дивизіона. Выступленіе отряда генералъ-лейтенанта Геймана, съ первымъ сборнымъ дивизіономъ сѣверцевъ, за Соганлугъ. Преслѣдованіе нашимъ кавалерійскимъ отрядомъ отступавшихъ войскъ Мухтаръ-паши. Дѣло у сел. Зивина. Взятіе кр. Гасанъ-Кала. Стоянка у сел. Куруджуха. Состояніе турецкой арміи и нашего отряда. Стремленія и соображенія генерала Геймана. Турецкая позиція у Деве-Бойну. Диспозиція нашихъ войскъ. Сраженіе при Деве-Бойну. Высочайшая телеграмма. Возвращеніе сборнаго дивизіона сѣверцевъ изъ за Соганлуга. Участіе втораго сборнаго дивизіона Сѣверцевъ въ дѣйствіяхъ подъ Карсомъ. Переговоры. Тѣсная блокада крѣпости. Отбитіе третьимъ эскадрономъ турецкаго скота. Начало бомбардированія карсскихъ укрѣпленій. Штурмъ Карса съ 5-го на 6-е ноября. Бѣгство турецкаго гарнизона, преслѣдованіе его и взятіе въ плѣнъ, при непосредственномъ участіи сѣверцевъ. Образованіе отряда для дѣйствій за Соганлугомъ. Выступленіе его. Новая невзгода для сѣверцевъ. Прибытіе полка въ г. Ольты. Блокада Эрзерума. Размѣщеніе сѣверцевъ по деревнямъ вокругъ г. Ольты. Положеніе турокъ. Рекогносцировка 1-го эскадрона. Перемиріе. Занятіе Эрзерума нашими войсками. Прибытіе Сѣверскаго полка въ Эрзерумъ. Состояніе полка. Инспекторскій смотръ. Выступленіе въ лагерь. Обратное движеніе за Арпачай. Штабъ-квартира въ Джелалъ-оглы.

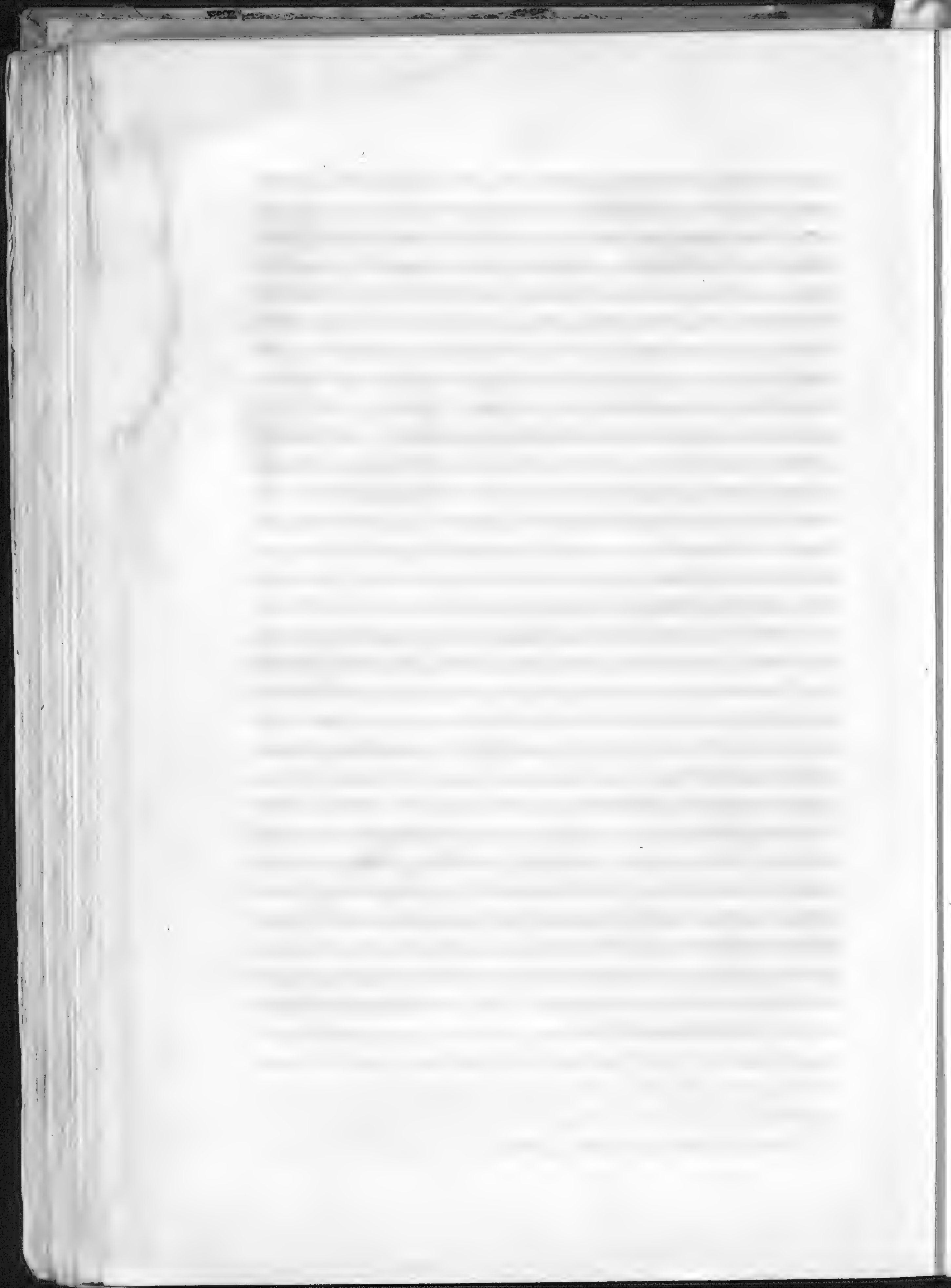
Впечатлѣніе, произведенное аладжинскимъ погромомъ на всемъ пространствѣ непріятельскаго расположенія отъ Баязета до Ольты и Батума, а также среди населенія карсскаго и эриванскаго санджаковъ, было настолько для насъ благопріятное, что, казалось, успѣхъ немедленнаго и энергичнаго наступленія нашихъ войскъ до крайнихъ точекъ непріятельской защиты былъ для насъ заранѣе обезпеченъ. При этомъ можно было смѣло надѣяться, что деморализованные остатки арміи Мухтаръ-паши или поспѣшатъ укрыться въ веркахъ Карса, или быстрымъ отступленіемъ за Соганлугъ и къ Эрзеруму станутъ искать возможности усилиться и организоваться, притянувъ къ себѣ бездѣйствовавшія до сего времени войска Измаила-паши. Помѣшать имъ въ первомъ случаѣ мы, конечно, не могли; но разрушить ихъ надежды во второмъ случаѣ и воспрепятствовать соединенію двухъ армій за Соганлугомъ—было не трудно и необходимо. Для этого нужно было только сейчасъ же послать ди-

ПОЛКОВНИКЪ КНЯЗЬ ИВАНЪ РОМАНОВИЧЪ
БОГРАТІОНЪ.

ПОЛКОВНИКЪ ИВАНЪ ЕГОРОВИЧЪ
ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ.

ПОЛКОВНИКЪ НИКОЛАЙ ЮЛІАНОВИЧЪ
МЕДВѢДОВСКІЙ.

ПОЛКОВНИКЪ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ
СИТНИКОВЪ.



визію пѣхоты, съ сильною кавалеріею, за Соганлугъ, а всему эриванскому отряду преслѣдовать войска Измаила-паши.

Но, къ крайнему сожалѣнію, самаго важнаго условія, именно быстроты и энергіи, мы на этотъ разъ, по особымъ обстоятельствамъ, ввести въ дѣло не могли. Главное къ тому затрудненіе заключалось въ недостаткѣ у насъ продовольственныхъ запасовъ, которые были истощены недавно прибывшими къ намъ двумя дивизіями пѣхоты съ соотвѣтственною артилеріею и значительною частью кавалеріи. Чтобы освѣжить эти запасы и обезпечить ими войска по крайней мѣрѣ хотя на необходимое, если не на значительное, время, нужно было много труда, и въ особенности нужна была новая организація продовольственной части и громадное усиленіе перевозочныхъ средствъ, котораго изъ подъ руки произвести было нельзя. Однако, изъ всего этого не слѣдовало, чтобы столь важныя мѣры предоставлять общему теченію дѣлъ, и корпусный командиръ, всегда въ высшей степени энергичный, тотчасъ же приступилъ къ выполненію ихъ. Но въ теченіе нѣсколькихъ дней оказалось возможнымъ осуществить только тѣ, которыя не были сопряжены съ значительнымъ отдаленіемъ нашихъ войскъ отъ главной арены ихъ дѣйствій. Такимъ образомъ, первая и самая удобная минута для того, чтобы воспользоваться результатами аладжинскаго погрома, была утеряна.

4-го октября войска нашего праваго крыла направились къ Карсу, и 5-го числа, въ 6 часовъ утра, расположились у селенія большой Тикмы, занявъ обѣ эрзерумскія дороги; главныя же силы, въ составѣ которыхъ находился и Сѣверскій полкъ, стали у Визинкея, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Хотя послѣднія не замедлили выразиться въ диспозиціи на 6-е октября, но до приведенія ихъ въ окончательное исполненіе прошло опять нѣсколько дней, которыми, конечно, съ выгодою для себя воспользовались оба турецкіе главнокомандующіе.

По этой диспозиціи, положившей начало вполнѣ новому порядку нашихъ дѣйствій, войска главныхъ силъ корпуса были раздѣлены на три отряда: соганлугскій (генералъ-лейтенанта Геймана), резервъ его (генералъ-маіора Соловьева) и карсскій (генералъ-лей-

тенанта Лазарева). Первому изъ нихъ *) предстояло очистить непріятельскую страну между Карсомъ и Соганлугомъ и, совмѣстно съ отрядомъ генерала Тергукасова, дѣйствовать противъ арміи Измаила-паши, преимущественно угрожая пути отступленія ея къ Эрзеруму; резервъ **) долженъ былъ выдвинуться къ сел. верхніе Катанлы; карсскій же отрядъ ***) получилъ назначеніе блокировать Карсъ, а предварительно общей блокады—наблюдать за крѣпостью и прекращать прибытіе къ ней подкрѣпленій и подвозовъ. Сѣверскій полкъ, въ полномъ составѣ, былъ зачисленъ въ карсскій отрядъ, а нижегородскій—въ соганлугскій; но, до вступленія каждаго изъ нихъ по назначенію, оба они, вмѣстѣ со 2-ю батареею кубанскаго казачьяго войска, должны были проконвоировать главнокомандующаго отъ Визинкея до большой Тикмы.

6-го октября всѣ войска, а также главная квартира, снялись съ своихъ позицій и выступили въ слѣдующемъ порядкѣ: карсскій отрядъ, въ шесть часовъ утра, къ Чифтликею; соганлугскій, въ девять часовъ утра, черезъ Орлокъ на Хаджи-Халиль, а главная и корпусная квартиры, около десяти часовъ, въ большую Тикму. По ошибкѣ проводниковъ, обѣ квартиры должны были остановиться въ сел. Магараджикѣ, и только 9-го октября онѣ прибыли, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ, въ Тикму.

Кавалерійскія лошади были сильно изнурены, и Великій Князь имѣлъ возможность лично убѣдиться въ этомъ на сопровождавшихъ Его Высочество драгунскихъ полкахъ. Поэтому, вечеромъ 9-го октября послѣдовало въ Тикмѣ приказаніе, чтобы отъ обоихъ полковъ—нижегородскаго и Сѣверскаго—отобрать наиболѣе надежныхъ лошадей и здоровыхъ людей и составить изъ нихъ сводные дивизіоны для движенія за Соганлугъ; остальныхъ же, соединивъ вмѣстѣ, включить въ составъ карсскаго отряда. Вслѣдствіе этого, оба полка выдѣлили изъ себя по одному сводному дивизіону, которые и составили сборные полки. Командиромъ того, который вошелъ въ со-

---

*) 20 баталіоновъ, 19½ эскадроновъ и сотенъ, 66 орудій.
**) 8 баталіоновъ, 6 сотенъ, 32 орудія.
***) 34 баталіона, 34 эскадрона и сотни, 126 орудій.

ставъ соганлугскаго отряда, былъ назначенъ полковникъ Кельнеръ (командиръ нижегородцевъ), а командиромъ полка, остававшагося въ карсскомъ отрядѣ—полковникъ Батіевскій; вся же кавалерія соганлугскаго отряда была подчинена генералъ-маіору Лорисъ-Меликову.

Изъ каждаго полка велѣно было назначить въ сводные дивизіоны за Соганлугъ только по восьми офицеровъ, а между тѣмъ въ Сѣверскомъ полку всѣ они выразили единодушное желаніе участвовать въ походѣ. Чтобы поступить въ этомъ случаѣ безобидно, полковникъ Батіевскій произвелъ назначеніе по жребію, который палъ на слѣдующихъ лицъ: маіора Никифорова—для командованія дивизіономъ, капитана князя Микеладзе—1-мъ эскадрономъ, капитана Батіевскаго—2-мъ эскадрономъ, капитана Беридзе, поручиковъ Устинова и фонъ-Ваха и прапорщика Богословскаго—субалтернъ-офицерами въ 1-й эскадронъ, поручика принца персидскаго Самедъ-Мирза и прапорщиковъ Бирюкова и Асіера—во 2-й.

По полученіи отъ командира полка необходимыхъ распоряженій, начались приготовленія, которыя заняли всю ночь до разсвѣта, такъ что никому не пришлось сомкнуть глазъ. Въ особенности много затрудненій представила сортировка людей и лошадей. Однако, къ девяти часамъ утра сводный дивизіонъ былъ вполнѣ готовъ, тотчасъ же выступилъ и соединился съ дивизіономъ нижегородскаго полка у ставки главнокомандующаго.

Пока соганлугскій отрядъ ожидалъ въ сборѣ приказаній о выступленіи, всѣхъ неожиданно облетѣла вѣсть, что, по полученной только-что телеграммѣ, Великій Князь главнокомандующій Высочайше удостоенъ, за пораженіе арміи Мухтаръ-паши на аладжинскихъ высотахъ, ордена св. Георгія 1-го класса. Это привело войска въ сильное одушевленіе, и когда Его Высочество, по выходѣ изъ шатра, изволилъ пропускать ихъ мимо себя, напутствуя въ далекій и тяжелый походъ—восторженное „ура“ заглушало всѣ его милостивыя привѣтствія и пожеланія. Наконецъ, въ полдень всѣ вытянулись на дорогу—и боевой возгласъ стихъ; черезъ нѣсколько времени едва лишь бѣлѣли палатки оставшихся позади войскъ.

Переходъ въ этотъ день, достаточно длинный самъ по себѣ,

сдѣлался еще труднѣе отъ выпавшаго наканунѣ дождя, который сильно разгрязнилъ топкую и глинистую почву. Поздно вечеромъ пѣхота и артилерія стали на ночлегъ у деревни Джамулахъ, а кавалерія у сел. Аспуга. Первымъ дѣломъ было, конечно, развести костры и отогрѣться, такъ какъ октябрьская горная природа дала себя почувствовать весьма осязательно. Съ разсвѣтомъ, 11-го октября, двинулись далѣе. Дорога отъ Сарыкамыша оказалась еще грязнѣе и разрыхленнѣе той, по которой проходили вчера; она до такой степени утомила войска, что они едва въ полночь прибыли къ сел. Хана-Дере; что же касается обозовъ и арріергарда, то они явились на бивакъ только на другой день, 12-го числа, въ девять часовъ утра.

Позиція у Хана-Дере была покрыта легкимъ слоемъ снѣга. Морозъ былъ довольно порядочный, но костры выручили: благодаря обилію лѣса, они всю ночь горѣли широкимъ пламенемъ. О подножномъ кормѣ въ это время и думать было нечего, и такъ какъ обозъ не появлялся, а лошади голодали, то въ окрестныя мѣста были отправлены фуражиры, чтобы какъ нибудь раздобыть сѣна. Несмотря на то, что они давно уже выучились розыскивать турецкіе запасы, но на этотъ разъ имъ едва удалось найти самое незначительное количество сухаго фуража. Недостатокъ услужливости жителей объяснялся столько же неудовольствіемъ къ намъ, сколько, въ особенности, намѣреніемъ ихъ выселиться въ другія мѣста. Дѣйствуя въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ и внушеніемъ своего мушира, который, убѣгая за Соганлугъ, не преминулъ мимоходомъ сдѣлать эти распоряженія, всѣ жители уже собрали свой скарбъ и снарядились окончательно; но генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ убѣдилъ ихъ, что они внѣ всякой опасности отъ какихъ бы то ни было нашихъ покушеній—и тѣмъ заставилъ отказаться отъ принятаго ими рѣшенія.

Тотчасъ по прибытіи къ Хана-Дере, генералъ Гейманъ, не имѣя свѣдѣній о непріятелѣ, послалъ письмо къ генералу Тергукасову, прося извѣстій объ Измаилъ-пашѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ развѣдчиковъ узнать, что дѣлается въ Зивинѣ и Кеприкеѣ. Вскорѣ ему сообщили, что Зивинъ не занятъ, и Мухтаръ-паша еще

накапунѣ прошелъ съ войсками на Кеприкей. Эти извѣстія вызывали на рѣшительную необходимость преслѣдовать непріятеля сколь можно поспѣшнѣе, не смотря на утомленіе войскъ и на потребность для нихъ отдыха, которую вполнѣ сознавалъ генералъ Гейманъ. Съ разсвѣтомъ, 12-го октября, начальникъ отряда отправилъ къ Зивину кавалерійскую колонну, подъ начальствомъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, съ тѣмъ, чтобы авангардомъ ея занять селеніе Занзакъ и потомъ оттуда двинуться по пятамъ Мухтаръ-паши. Что же касается до остальныхъ войскъ, то, оставивъ половину ихъ дневать у Хана-Дере и поджидать обозы и арріергардъ, генералъ Гейманъ двинулъ другую половину *), подъ начальствомъ генералъ-маіора Авинова, на Мелидюзъ. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы еще и въ виду тѣхъ цѣлей, которыми въ тотъ день исключительно руководился генералъ Гейманъ **), а именно: соединиться съ генераломъ Тергукасовымъ, занять Кеприкей и Гасанъ-Кала, т. е. главные пути сплетенія дорогъ изъ Вана, Баязета, Ольты и Карса, и тутъ основать свои зимнія квартиры, а войска расположить по богатымъ деревнямъ долины Аракса. Но обстоятельства и особыя приказанія главнокомандующаго скоро измѣнили эти цѣли.

Кавалерійская колонна слѣдовала безостановочно почти до полудня; въ трехъ верстахъ отъ Зивина она остановилась для привала въ ущельи, у небольшой рѣки. Отсюда генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, съ небольшимъ конвоемъ, выѣхалъ на передовую высоту и усмотрѣлъ, что Зивинъ, дѣйствительно, не занятъ, но гдѣ именно находился непріятель—трудно было рѣшить. Изъ этого недоразумѣнія вывелъ его одинъ изъ мѣстныхъ жителей, захваченный въ передовой цѣпи. Сперва онъ давалъ отвѣты несвязные и сбивчивые, но потомъ объяснилъ, что турецкія войска расположились съ правой стороны дороги, за лѣсомъ. Хотя довѣрять ему было трудно, но тоже самое подтвердилъ и другой турокъ, котораго вслѣдъ затѣмъ доставили къ начальнику колонны. Рѣшивъ съ возможною осторожностью повѣрить эти сказанія, генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ

*) Первую бригаду гренадеръ и одинъ баталіонъ тифлисскаго гренадерскаго полка, саперный баталіонъ, четыре батареи и двѣ сотни казаковъ.

**) Дневникъ генерала Геймана.

поднялъ кавалерію и двинулъ ее впередъ. При приближеніи къ высотамъ, изъ лѣса послышались ружейные выстрѣлы — и сомнѣнія разсѣялись. Два орудія донской батареи, подъ прикрытіемъ двухъ спѣшенныхъ эскадроновъ Сѣверскаго полка, немедля открыли огонь. Перестрѣлка быстро и сильно оживилась, и турецкая цѣпь, выдвинувшись изъ лѣса, бойко наступала противъ нашего авангарда. Тогда взводъ донскихъ орудій прекратилъ стрѣльбу и началъ отступать вмѣстѣ съ первымъ эскадрономъ; второй же эскадронъ, занявъ высоты и поддерживая перестрѣлку, прикрывалъ это отступленіе. Оба эскадрона нижегородцевъ были во второй линіи; часть изъ нихъ также была спѣшена и заняла заднія возвышенности на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Хотя турки пока еще рѣшительной атаки не предпринимали, но во 2-мъ эскадронѣ уже была потеря. Въ пять часовъ пополудни непріятель началъ обходить насъ съ праваго фланга.

Генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, главною цѣлью котораго было заставить турокъ развернуть свои силы, счелъ излишнимъ, да и невозможнымъ, вести дальнѣйшій бой, и началъ общее отступленіе, имѣя въ виду занять позади себя, за ущельемъ, весьма выгодную позицію, которая была имъ намѣчена заранѣе. Турки продолжали насѣдать, но когда отрядъ втянулся въ ущелье—они остановились и, въ свою очередь, начали понемногу удаляться, выславъ партію башибузуковъ, разсыпавшихся по гребню крутыхъ горъ и открывшихъ усердный огонь. Тутъ сѣверцы потеряли ранеными нѣсколько лошадей и, въ заключеніе, когда перестрѣлка понемногу стала затихать—лишились своего дивизіонера маіора Никифорова. Этотъ храбрый офицеръ, служившій въ полку со дня его сформированія, былъ такъ тяжело раненъ, что его едва живаго довезли до лагеря, гдѣ онъ тотчасъ же скончался. Общая наша потеря въ этомъ дѣлѣ заключалась еще въ одномъ убитомъ и 18-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ, изъ которыхъ четверо не подавали никакой надежды къ жизни. Изъ числа ихъ, у сѣверцевъ убитъ одинъ нижній чинъ и ранено восемь. Турецкія войска, встрѣтившія нашу кавалерійскую колонну, были высланы изъ Карса для прикрытія перевозки въ Эрзерумъ продовольственныхъ запасовъ, заготовленныхъ

по пути жителями. Въ составъ ихъ входило до четырехъ тысячъ пѣхоты и человѣкъ полтораста плохой кавалеріи, съ четырмя орудіями. Два дня они отдыхали на верхней дорогѣ между Зивиномъ и Кеприкеемъ, а накапунѣ битвы выступили оттуда и очутились въ зивинскомъ лѣсу. Такимъ образомъ, они составили для соганлугскаго отряда препятствіе совершенно случайное, которое, какъ видно было по всему, повториться болѣе не могло, а слѣдовательно не должно было измѣнить первоначальнаго рѣшенія генерала Геймапа— слѣдовать къ Гасанъ-Кала.

13-го октября войска дневали у Мелидюза, и здѣсь погребли тѣла своихъ убитыхъ товарищей. Раненые же были отправлены въ главныя силы, а тѣло маіора Никифорова отослано въ Александрополь. Въ отрядѣ сталъ впервые ощущаться недостатокъ въ продовольствіи, но помочь этому горю было трудно, потому что жители окрестныхъ деревень—верхняго Меджингерта, Зивина, Караургана и другихъ, оставили свои жилища и скрылись внутрь страны. Такъ какъ хлѣба не было даже у офицеровъ, то генералъ Гейманъ приказалъ имъ выдать сухари изъ солдатскаго запаса. А между тѣмъ, впереди предстоялъ еще трудный походъ, и всѣ поневолѣ подумывали о томъ, что же будетъ далѣе. Впрочемъ, такое ничтожное затрудненіе не подрывало бодрости и не омрачало твердаго духа нашего солдата.

Вечеромъ, 13-го октября, всѣ свѣдѣнія о непріятелѣ сводились къ тому, что Мухтаръ-паша былъ въ Зивинѣ съ двѣнадцатью баталіонами, при пяти орудіяхъ, и ожидалъ подкрѣпленій отъ Измаилъ-паши, съ тѣмъ, что если не получитъ ихъ до наступленія нашихъ войскъ, то самъ, не принявъ боя, будетъ отступать. На этомъ основаніи генералъ Гейманъ рѣшилъ двинуться немедленно, чтобы не допустить соединенія Мухтаръ-паши съ войсками Измаила-паши. Съ разсвѣтомъ, 14-го октября, онъ послалъ передовой кавалерійскій отрядъ Лорисъ-Меликова къ Чермуку прямо черезъ нижній Меджингертъ. Вслѣдъ за кавалеріею выступили въ послѣдовательномъ порядкѣ: эриванскій полкъ съ батареею, двѣ роты саперъ, три баталіона елисаветпольцевъ, съ батареею и парками, и грузинскій полкъ съ батареею. Вторая же бригада гренадеръ, четыре батареи и одна

сотня казаковъ, составившія боевой авангардъ, двинулись, подъ личнымъ начальствомъ генерала Геймана, также къ Чермуку, по мимо Зивина. На Мелидюзѣ же, для охраненія этого опорнаго пункта, былъ оставленъ баталіонъ елисаветпольцевъ, съ двумя орудіями и сотнею казаковъ. Когда войска наши поровнялись съ Зивиномъ, то видно было, какъ турецкіе баталіоны поспѣшно снимались съ позиціи и отступали къ Эрзеруму.

Послѣ полуночи кавалерійскій отрядъ генералъ-маіора Лорисъ-Меликова выступилъ на Хорасанъ и въ четыре часа утра занялъ это селеніе. Хотя было заранѣе извѣстно, что въ Хорасанѣ есть нѣсколько лавокъ, и вслѣдствіе этого офицеры расчитывали возобновить свои запасы, но въ послѣднемъ сильно ошиблись: лавки были заперты, и хозяева ихъ, опасаясь грабежа, отказались ихъ открыть, ссылаясь на то, что эти лавки принадлежатъ отсутствующимъ. Такимъ образомъ, положеніе отряда часъ отъ часу становилось затруднительнѣе. Утомленіе его было видимое и явное, и оно послужило одною изъ главныхъ причинъ, что самая важная цѣль соганлугскаго похода, именно—не допустить соединенія двухъ турецкихъ армій, къ сожалѣнію, не была достигнута: 15-го октября войска Мухтаръ-паши и Измаилъ-паши сошлись въ Кеприкеѣ. Но въ этотъ же день, къ полудню, на высотахъ Хорасана показался и кавалерійскій авангардъ эриванскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-маіора Келбали-хана Нахичеванскаго. Кавалерія генералъ-маіора Лорисъ-Меликова расположилась въ Хорумѣ; главныя силы генерала Тергукасова ожидались 17-го числа.

16-го октября, въ девять часовъ утра, генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ былъ посланъ изъ Хорума на рекогносцировку къ Кеприкею. Подъ начальствомъ у него былъ 1-й эскадронъ сѣверцевъ, сводный дивизіонъ нижегородцевъ, четыре сотни казаковъ и ракетная сотня. Съ приближеніемъ этихъ частей, непріятель снялся съ позиціи и сталъ быстро отступать, сожигая свои запасы. Двинувшись для преслѣдованія его, генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ сообщилъ объ этомъ въ пятомъ часу пополудни генералу Гейману. Тогда немедля были посланы и остальныя войска. Келбали-ханъ Нахичеванскій, съ 16-ю сотнями казаковъ, двумя эскадронами дра-

гунъ и ракетною батареею, двинулся на рысяхъ; за нимъ послѣдовалъ, 2-й эскадронъ сѣверцевъ, четыре орудія и двѣ сотни казаковъ, съ начальникомъ отряда; потомъ—2-я бригада гренадеръ, съ тремя батареями, а верстахъ въ 16-ти позади—эриванскій полкъ и остальная пѣхота, съ обозомъ и парками. За Кеприкеемъ, при переправѣ черезъ крутой оврагъ, 2-й эскадронъ сѣверцевъ, съ орудіями, присоединился къ кавалеріи, и пройдя съ нею немного на рысяхъ, въ восемь часовъ вечера былъ остановленъ впереди и вправо отъ Кеприкея. Отдохнувъ здѣсь до одиннадцати часовъ ночи, кавалерія Келбали-хана Нахичеванскаго двинулась далѣе.

Темнота была невѣроятная и, къ довершенію бѣды, ее усиливалъ дождь, который въ тоже время замедлялъ и движеніе. Дороги почти невозможно было разсмотрѣть, и кавалерія поневолѣ слѣдовала какъ бы ощупью. Вскорѣ обогналъ ее генералъ Гейманъ и приказалъ идти по направленію телеграфныхъ столбовъ. Это нѣсколько облегчило движеніе, но не уничтожило вполнѣ затрудненія, потому что столбы во многихъ мѣстахъ были повалены, и приходилось нѣсколько разъ останавливаться, чтобы розыскать ближайшій столбъ и дорогу, залитую водою. Послѣ пяти-шести верстъ отъ мѣста выступленія, отрядъ Келбали-хана увидѣлъ впереди себя костры и направился прямо на нихъ, увѣренный, что найдетъ тамъ бивакъ нашего кавалерійскаго авангарда. По мѣрѣ приближенія къ кострамъ, они становились явственнѣе, многочисленнѣе, и, наконецъ, раздѣлились надвое: одни остались вправо, другіе влѣво отъ дороги. Келбали-ханъ двинулся къ лѣвой группѣ костровъ, но чуть только сталъ подходить къ ней, какъ былъ встрѣченъ ружейными выстрѣлами. Въ недоумѣніи, онъ остановилъ свою колонну и выслалъ впередъ разъѣзды. Скоро обнаружилось, что кавалерія его наткнулась на турецкій арріергардъ, а генералъ Лорисъ-Меликовъ стоялъ вправо отъ дороги. Тогда Келбали-ханъ перемѣнилъ направленіе и черезъ нѣсколько минутъ присоединился къ нашему кавалерійскому авангарду.

Но отдыхъ тутъ былъ непродолжителенъ: черезъ полчаса генералъ Лорисъ-Меликовъ поднялъ на ноги отрядъ и, слѣдуя по большей части рысью, въ два часа ночи приблизился къ крѣпости

Гасанъ-Кала. Въ это время главныя силы турокъ были уже на значительномъ разстояніи впереди, и у Гасанъ-Кала нашей кавалеріи удалось нагнать только ихъ хвостъ, который прикрывался находившимися за крѣпостью на бивакѣ башибузуками. Казаки подполковника Алтадукова бросились на башибузуковъ и сбили ихъ съ позиціи. Войска турецкаго арріергарда по необходимости, должны были ввязаться въ дѣло, и съ кладбища, которое было впереди крѣпости, открыли огонь. Противъ нихъ былъ пущенъ эскадронъ нижегородцевъ, а дивизіонъ сѣверцевъ былъ направленъ правѣе кладбища. Сѣверцы спѣшились, тотчасъ же вступили въ перестрѣлку и быстро заставили непріятеля замолчать; онъ прекратилъ пальбу и бѣжалъ въ крѣпость. Тогда дивизіонъ, сѣвъ поспѣшно на коней, обогнулъ съ лѣвой стороны высоту, прикрывавшую городъ въ видѣ вала, и вмѣстѣ съ остальными, ворвался въ крѣпость безъ всякаго сопротивленія. Проѣхавъ Гасанъ-Кала, сѣверцы вытянулись на эрзерумскую дорогу, увѣренные, что преслѣдуютъ всѣ силы бѣжавшаго впереди турецкаго арріергарда; но когда прошли отъ Гасанъ-Кала версты три—неожиданно были встрѣчены ружейною пальбою съ правой стороны. Долго не думая, они повернули, въ походной колоннѣ, направо и кинулись въ шашки, не разбирая, какія тутъ войска и сколько ихъ, тѣмъ болѣе, что и разсмотрѣть этого было невозможно. Когда же обѣ стороны столкнулись, то оказалось, что сѣверцы налетѣли на нѣсколько таборовъ, которымъ, можетъ быть, въ темнотѣ ночи и удалось бы спастись отъ пораженія, еслибы они сами себя не выдали, но теперь уже было поздно: большинство или пало подъ ударами драгунъ, или взято въ плѣнъ; только немногіе, благодаря темной ночи и пересѣченной мѣстности, спаслись бѣгствомъ. Плѣнные тотчасъ же отправлены были въ Гасанъ-Кала. Послѣ этой схватки, дивизіонъ двинулся далѣе. Всѣ эти обстоятельства оторвали сѣверцевъ отъ общаго кавалерійскаго отряда, который былъ ими настигнутъ только къ разсвѣту.

Несмотря на быстрое движеніе нашихъ войскъ, туркамъ удалось убѣжать отъ нихъ и достигнуть сильной позиціи на деве-бойнскихъ высотахъ. Тамъ они стали стягиваться и немедленно укрѣп-

ляться. Такимъ образомъ, для насъ все ограничилось лишь стычками съ непріятельскими арріергардными частями, хотя и усилившими разстройство среди деморализованнаго противника, но недостаточными для того, чтобы разрушить его планы. Теперь оставалось одно—во что бы ни стало лишить обѣ арміи возможности спокойно устроиться въ Эрзерумѣ.

18-го октября отрядъ генерала Геймана расположился у селенія Куруджуха, въ восьми верстахъ отъ занятой непріятелемъ позиціи на Деве-Бойну. Дѣятельность отряда, равно всѣ перенесенныя имъ невзгоды и особенныя заслуги нѣкоторыхъ частей войскъ, въ томъ числѣ и сѣверцевъ, лучше всего выясняются слѣдующимъ приказомъ, отданнымъ 19-го октября:

„Войска соганлугскаго отряда! Въ теченіе семи дней, не смотря на непогоды и горныя дороги, вы прошли не только пространство въ 180 верстъ, но успѣли настигнуть непріятеля, который въ страхѣ бѣжалъ отъ васъ. Всѣ отъ старшаго до младшаго перенесли громадные труды, возможные только для войскъ испытанныхъ въ бояхъ. Искренно благодарю всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ за ихъ неутомимое содѣйствіе такому важному дѣлу, какъ занятіе всей непріятельской страны. Въ особенности выражаю мою душевную признательность начальнику кавалеріи генералъ-маіору Лорисъ-Меликову и генералъ-маіору Келбали-хану Нахичеванскому за неутомимое преслѣдованіе непріятеля въ ночь съ 16-го на 17-е октября. Душевное спасибо молодцамъ нижнимъ чинамъ за ихъ баснословные труды, въ особенности нижегородцевъ, сѣверцевъ и 2-го горско-моздокскаго полка, которые, несмотря на усталость, лихо разбивали турокъ. Вы, боевые товарищи, теперь поистинѣ завоевали себѣ спокойныя зимнія квартиры въ сердцѣ Анатоліи. Смѣю надѣяться, что запертый нами въ крѣпости непріятель не посмѣетъ насъ потревожить“.

Приказъ этотъ, прочитанный немедля въ частяхъ, произвелъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе: духъ возвысился, прошлыя невзгоды забыты, всѣ ободрились и съ нетерпѣніемъ ожидали приказанія снова поразить врага.

Но пока и самъ генералъ Гейманъ не зналъ еще, прійдется

ли поразить. Въ тѣ минуты, когда онъ подписывалъ приказъ, то предполагалъ (по его сообщенію къ корпусному командиру) простоять дня три передъ Деве-Бойну, потомъ стянуть войска обратно къ Гасанъ-Кала и заняться устройствомъ продовольствія и обезпеченіемъ тыла. Взятіе Эрзерума хотя и было у него на умѣ, но планы были такъ слабы, желанія такъ нерѣшительны, что самая идея, вполнѣ свойственная каждому военачальнику въ его положеніи, не облеклась еще ни въ какой опредѣленный образъ. Все это, конечно, являлось послѣдствіемъ той осторожности, которая, не смотря на храбрость и боевую опытность генерала Геймана, руководила имъ при сознаніи отвѣтственности за исходъ самостоятельнаго веденія войны въ этомъ чрезвычайно важномъ раіонѣ. Впрочемъ, на него много вліяли и сбивчивыя свѣдѣнія о средствахъ и положеніи противника. Въ день прибытія отряда къ Куруджуху, на лѣвомъ флангѣ турецкаго расположенія, передъ вечеромъ, произошла какая-то суета, а затѣмъ позади лагеря довольно сильная перестрѣлка. Всѣ полагали тогда, что часть турецкихъ войскъ взбунтовалась —что весьма было возможно при тогдашней деморализаціи ихъ, при побѣгахъ и при томъ страхѣ, который ихъ сковалъ.

У Куруджуха отрядъ простоялъ до 23-го октября и, правду сказать, далеко не усладился онъ этимъ отдыхомъ: погода была холодная, по большей части дождливая, и нигдѣ нельзя было укрыться надежно, въ особенности безъ полушубковъ и въ дырявыхъ ветхихъ палаткахъ; солнце проглядывало изрѣдка, и едва лишь оно показывалось, какъ весь лагерь обращался мгновенно въ какую-то обширную сушильню. Труднѣе всего и здѣсь, какъ во время движенія, было для кавалеріи. Драгуны, независимо заботъ, наравнѣ съ прочими, о себѣ самихъ, должны были—и едва ли не болѣе—радѣть о своихъ лошадяхъ, которыя наполовину голодали. Каждый день съ ранняго утра высылались команды за пріисканіемъ фуража, бродили по окрестности верстъ за 12—15, и возвращались только къ вечеру, усталыя и измученныя, раздобывъ лишь кое-что и притомъ за непомѣрную цѣну. Голодали не только лошади, но и люди, въ особенности офицеры, потому что сухарь, по большей части смоченный въ водѣ и весьма рѣдко сопровождавшійся жиденькою

и безцвѣтною похлебкою, былъ пищею далеко неудовлетворительною.

19-го числа прибылъ, наконецъ, авангардъ генерала Тергукасова, въ числѣ пяти баталіоновъ, совсѣмъ безъ сухарей. Къ счастью, генералъ Гейманъ успѣлъ выпечь въ эти дни тысячу пудовъ хлѣба, но сильно затруднялся, какъ ихъ подѣлить на всѣхъ, тѣмъ болѣе, что на другой день ожидалъ остальныя войска эриванскаго отряда, еще болѣе голодныя, чѣмъ ихъ авангардъ.

Только въ этотъ день планы Геймана получили новый оборотъ, и рѣшимость въ немъ воскресла съ прежнею старою силою. Причиною тому были, съ одной стороны, свѣжія достовѣрныя свѣдѣнія о нашемъ противникѣ, которыя состояли въ томъ, что соединенная армія на Деве-Бойну вполнѣ деморализована, а въ Эрзерумѣ нѣтъ войскъ, и жители не хотятъ намъ противодѣйствовать; а съ другой стороны—наглядное и довольно печальное положеніе нашего отряда, которое взывало къ какой бы то ни было развязкѣ. Оно выражалось прежде всего въ чрезвычайно чувствительномъ недостаткѣ продовольствія; въ невозможности устроить печи и приготовлять хлѣбъ на всѣ тридцать тысячъ человѣкъ; въ недостаткѣ у солдатъ обуви и одежды, которая вполнѣ истерлась такъ, что многіе ходили уже въ поршняхъ и въ неприглядныхъ обрывкахъ, только смутно напоминавшихъ собою шаровары; въ борьбѣ съ наступившимъ суровымъ временемъ года, въ особенности съ постояннымъ ненастьемъ, выносить которое уже не было силъ. Одни эти послѣднія невзгоды, независимо отъ всѣхъ другихъ, могли, наконецъ, заставить насъ отступить обратно къ Гасанъ-Кала; но тогда ужъ и не было бы надежды возобновить движеніе къ Эрзеруму, вслѣдствіе чего вся соганлугская экспедиція осталась бы безъ всякаго значенія. Вотъ причины и соображенія, которыя заставляли генерала Геймана приступить къ чему нибудь окончательному, и это окончательное, конечно, могло быть ничѣмъ инымъ, какъ атака непріятеля на его деве-бойнской позиціи. Но предварительно нужно было знать, есть ли хоть малая надежда на успѣхъ. Такъ какъ лучшимъ отвѣтомъ на это могъ служить только наружный видъ и духъ нашего солдата—въ чемъ генералъ Гейманъ, по своей опытности, не могъ ошибиться—то на 20-е октября назначенъ былъ осмотръ всѣхъ войскъ.

Объѣзжая ихъ въ этотъ день, начальникъ отряда даже удивился той молодцеватости, которою были запечатлѣны лица всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Онъ не замѣтилъ въ нихъ и слѣда недавней усталости; они глядѣли бойко, высматривали бодро и невольно давали чувствовать всю силу таившейся въ нихъ энергіи. Это не только порадовало и успокоило, но одушевило самого генерала Геймана. Подъѣхавъ къ сводному драгунскому полку и поблагодаривъ его за лихость и удаль, съ которыми онъ рубилъ турокъ, генералъ добавилъ:

— Идя съ отрядомъ позади, я видѣлъ жертвы вашихъ шашекъ.

Послѣ осмотра войскъ, жребій былъ брошенъ—и атака турецкой позиціи рѣшена была сперва въ ночь съ 21-го на 22-е октября. Имѣя у себя, безъ главныхъ силъ эриванскаго отряда, но съ частью войскъ, прибывшихъ 20-го октября съ генераломъ княземъ Амилахвари, 25 баталіоновъ, 40 сотенъ и эскадроновъ и 72 орудія, генералъ Гейманъ считалъ ихъ достаточными для своего предпріятія. Однако, послѣ нѣкотораго размышленія, онъ пришелъ къ заключенію, что лишній день большаго расчета не составитъ, а прибытіе всего эриванскаго отряда дастъ болѣе шансовъ на успѣхъ, поэтому днемъ атаки назначилъ 23-е число, а 21-го числа, со склоновъ горы Карга-Базаръ, произвелъ, съ главными начальниками частей, рекогносцировку турецкой позиціи.

Эта позиція раздѣлялась большою эрзерумскою дорогою на двѣ части—правый и лѣвый фланги. Въ центрѣ, между ними, находился незначительный лагерь, густо сгруппированный и прикрытый траншеями и одною батареею; онъ прикрывалъ большую дорогу. Правый флангъ представлялъ собою три большихъ холма, усиленныхъ батареями и траншеями; холмы были связаны между собою котловинами, за которыми въ лощинѣ находился главный лагерь. Позиція эта была почти недоступна, но ее можно было обойти справа, у подножія горы Палантекена, хотя путь былъ укрѣпленъ и преграждался большимъ, глубокимъ, съ крутыми боками, ущельемъ, идущимъ почти отъ снѣговой вершины Палантекена къ деревнямъ Гюлли и Тополахъ (Тападжикъ). Лѣвый флангъ представлялъ со-

бою ровную возвышенность Узунъ-Ахметъ, трудно доступную съ фронта, но возможную къ атакѣ съ лѣваго фланга, со стороны оврага, проходившаго черезъ Деве-Бойну. Сѣверозападнѣе этого оврага высилась гора Чобанъ-дагъ, имѣвшая скалистый гребень по фронту позиціи, впереди которой выдавался небольшой холмъ, спускавшійся террасою къ сторонѣ деревни нижній Туй. Съ послѣднихъ скатовъ этой горы, а равно съ гребня высоты Узунъ-Ахметъ, оврагъ, идущій черезъ Деве-Бойну, обстрѣливался поперечнымъ огнемъ. Гора Чобанъ-дагъ не давала возможности туркамъ перейти въ наступленіе, но находившійся у подошвы ея холмъ доставлялъ имъ къ этому всѣ выгоды. Позиція эта была занята 60 баталіонами пѣхоты, около двухъ полковъ кавалеріи и до 50 орудій. На основаніи подробнаго осмотра составлена была диспозиція на 23-е число.

Въ 6 часовъ утра всѣ войска выступили изъ лагеря и заняли опредѣленныя имъ по диспозиціи мѣста въ слѣдующемъ порядкѣ:

Колонна полковника князя Амираджиби—впереди селенія Чифтликъ, составляла правый флангъ нашей боевой линіи; впереди ея и влѣво находилась артилерія—въ числѣ 30 орудій; за ними, колонна генералъ-маіора Броневскаго; позади ея, внѣ пушечнаго выстрѣла—кавалерія генералъ-маіора Келбали-хана Нахичеванскаго; между селеніями Ханджугасъ и Гюлли—колонна генералъ-маіора фонъ-Шака; вправо отъ нея до эрзерумской дороги—48 орудій изъ колонны генералъ-маіора Авинова, пѣхота котораго перестроилась въ боевой порядокъ позади своей артилеріи. Близь эрзерумской дороги, внѣ пушечнаго выстрѣла, была расположена кавалерія генералъ-маіора князя Амилахвари, въ составъ которой вошли: сводный драгунскій полкъ, кавказскій казачій полкъ, 2-й горско-моздокскій полкъ, волгская ракетная батарея и четыре орудія 1-й терской конно-казачьей батареи.

Около десяти часовъ утра турки привѣтствовали построеніе нашихъ войскъ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ; за нимъ открыла огонь вся турецкая артилерія. Наши орудія, подъѣхавъ на разстояніе 1200—1600 саженей, отвѣчали имъ бойкою, безостановочною пальбою, причемъ огонь ихъ праваго фланга былъ сосредоточенъ

противъ лѣвой оконечности плато Узунъ-Ахмета, предназначенной для атаки колонною князя Амираджиби. Но это атака была немыслима прежде всесторонней ея подготовки, главная цѣль которой состояла въ томъ, чтобы очистить холмъ, находившійся у подошвы Чобанъ-дага и ослабить огонь турецкой артилеріи, поставленной у верховья оврага, проходящаго черезъ Деве-Бойну. Когда все это было сдѣлано двумя баталіонами крымскаго полка, и оставалось только усиленно обстрѣлять предназначенную для атаки часть возвышенности Узунъ-Ахмета, то кавалерія Келбали-хана была придвинута къ боевой линіи и поставлена близь сел. Чифтликъ.

Въ продолженіе этого времени на лѣвомъ нашемъ флангѣ генералъ фонъ-Шакъ началъ наступленіе на сел. Гюлли и скоро занялъ его. Одновременно съ этимъ, баталіонъ тифлисскаго гренадерскаго полка былъ направленъ лѣвѣе Гюлли для занятія высотъ надъ этимъ селеніемъ и лежавшаго впереди ихъ ущелья. Когда направленіе колонны фонъ-Шака выяснилось, турки стали стягивать противъ его лѣваго фланга свои войска, и въ два часа пополудни перешли въ наступленіе. Но они были отброшены повсюду, и къ пяти часамъ вечера войска фонъ-Шака занимали селеніе Гюлли и влѣво отъ него гребень до начала крутыхъ скатовъ Палантекена. Въ такомъ положеніи они продолжали перестрѣлку до наступленія сумерокъ, ожидая развязки дѣла на нашемъ правомъ флангѣ.

На правомъ же флангѣ наша артилерія уже въ теченіе девяти часовъ очень удачно громила лѣвую часть Узунъ-Ахмета, и съ четырехъ часовъ пополудни, когда предгорья Чобанъ-дага были очищены, и непріятельскій лагерь снятъ, открыла огонь по траншеямъ и по вершинѣ лѣвой оконечности Узунъ-Ахмета.

Увидѣвъ все это, князь Амираджиби началъ наступленіе и скоро занялъ холмъ у подножія Узунъ-Ахмета. Съ этой минуты начался жаркій бой, среди котораго терраса за террасою и холмъ за холмомъ постепенно переходили въ наши руки. Войска наши неотразимо взбирались на крутизны. Наконецъ, они скрылись въ дыму, и только громкое „ура“ дало знать, что нижняя траншея очищена. Скоро въ нашихъ рукахъ оказалась сперва окраина верхняго плато Узунъ-

Ахмета, а потомъ и вся эта высота. Турецкіе баталіоны отступили въ безпорядкѣ.

Съ занятіемъ верхняго плато Узунъ-Ахмета, кавалерія Келбали-хана была направлена по дну оврага, проходящаго черезъ Деве-Бойну. Пройдя полною рысью подъ ружейнымъ огнемъ скалистаго края Чобанъ-дага, она должна была подняться па Деве-Бойну и отрѣзать отступленіе туркамъ, бѣжавшимъ въ Эрзерумъ. Но у верховьевъ оврага ей преградила дорогу непріятельская пѣхота, и она была поставлена въ необходимость укрыться за гребнемъ покатости Узунъ-Ахмета.

Вслѣдъ за кавалеріей Келбали-хана Нахичеванскаго, былъ отправленъ по прямой эрзерумской дорогѣ лейбъ-гренадерскій эриванскій полкъ. Дойдя до широкаго ущелья рѣчки, протекавшей передъ деревнями Тополахъ и Небикей, полкъ принялъ направленіе вверхъ по теченію ея, съ цѣлью совершенно отрѣзать путь отступленія правому флангу турокъ и близь селенія Тополаха соединиться съ колонною генерала фонъ-Шака, которая должна была перейти въ наступленіе. Но вслѣдствіе совершенной темноты, перестрѣлка въ этой колоннѣ прекратилась, и дальнѣйшее движеніе сдѣлалось невозможнымъ.

Сводный драгунскій полкъ, въ составѣ кавалерійской колонны генералъ-маіора князя Амилахвари, при которой находился и начальникъ кавалеріи генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, стоялъ все время въ резервѣ, за центромъ нашей позиціи, внѣ выстрѣла. Въ пятомъ часу пополудни князь Амилахвари, оставивъ на позиціи дивизіонъ терской батареи, двинулъ колонну впередъ, по эрзерумской дорогѣ, и когда приблизился къ пункту, гдѣ находился начальникъ отряда, то испросилъ у него разрѣшеніе слѣдовать далѣе. Согласіе не замедлило—и кавалерія пошла къ центру непріятельской позиціи на рысяхъ. Когда она проходила мимо генерала Геймана, онъ крикнулъ драгунамъ: „съ Богомъ, молодцы!“ и напутствовалъ ихъ движеніемъ руки. Горско-моздокскій полкъ Алтадукова отдѣлился отъ колонны, понесся впередъ, перелетѣлъ глубокую балку съ крутыми боками, нагналъ отступавшихъ турокъ и отбилъ у нихъ шесть орудій; сѣверцы же и нижегородцы, продолжая движеніе безъ выстрѣла,

остановились только передъ оставленною ставкою Мухтаръ-паши. Темнота обняла собою всѣ окрестности.

Было холодно; въ одиннадцатомъ часу пошелъ дождь, который скоро смѣнился снѣгомъ. Единственною заботою драгунъ было укрыть усталыхъ лошадей, силы которыхъ были нужны для всякаго непредвидѣннаго случая. На этотъ разъ весьма бы годились непріятельскія палатки, но, къ сожалѣнію, входить въ нихъ было воспрещено, потому что турки, отступивъ на своемъ правомъ флангѣ и не предполагая, что лагерь уже въ нашихъ рукахъ, среди темной ночи возвращались въ свои палатки и устроивали тамъ роковыя встрѣчи для неосторожныхъ нашихъ солдатъ. Впрочемъ, скоро имъ пришлось прекратить свои продѣлки, потому что солдаты, поплатившись нѣсколькими своими товарищами, зондировали палатки своими штыками извнѣ, рубили ихъ шашками наудачу, топтали лошадьми и этимъ путемъ, наконецъ, очистили ихъ отъ недавнихъ хозяевъ.

Нескончаемая ночь смѣнилась сумрачнымъ и туманнымъ разсвѣтомъ, который далъ возможность людямъ разобраться и привести себя въ порядокъ—какой былъ въ тѣ минуты доступенъ. Генералъ Гейманъ занималъ палатку Мухтаръ-паши. Едва только разсвѣло, какъ къ нему прискакалъ ординарецъ съ докладомъ, что нѣсколько таборовъ турецкой пѣхоты, усмотрѣнные по дорогѣ къ Эрзеруму, отказываются сложить оружіе. Тотчасъ сводно-драгунскій полкъ былъ посаженъ на коней и отправленъ къ несговорчивымъ туркамъ —для внушенія. Но они не дождались его и разбѣжались. Тутъ въ первый разъ драгуны увидѣли сильные верки Эрзерума, самый городъ и его обширныя и толстыя стѣны, которыми онъ былъ обнесенъ, а также и тѣ казармы сувари, которыя пришлось имъ занять спустя три слишкомъ мѣсяца. Когда полкъ возвратился на прежнее мѣсто, то бивака уже тамъ не было: всѣ войска спустились обратно къ подножію Чобанъ-дага.

Соединенная турецкая армія была разсѣяна. Измаилъ-паша два дня скитался по Палантекену, покрытому снѣгомъ, и только на третій день попалъ въ Эрзерумъ, а болѣе подвижной и энергичный Мухтаръ-паша поторопился бѣжать туда съ первыми отступившими своими баталіонами.

Деве-бойнская побѣда осчастливила войска слѣдующею Высочайшею телеграммою на имя главнокомандующаго, изъ Порадима, отъ 26-го октября:

„Благодарю Бога за вновь дарованную побѣду 23-го числа. Честь и слава нашимъ молодецкимъ войскамъ и достойнымъ ихъ начальникамъ! Ты поймешь Мою и общую радость. Буду ждать съ нетерпѣніемъ подробностей и дальнѣйшихъ извѣстій. Сегодня 27-мь лѣтъ, какъ Я удостоился получить георгіевскій крестъ въ рядахъ славной кавказской арміи. Передай мое сердечное спасибо всѣмъ. Сейчасъ иду къ молебну“.

Деве-бойнскимъ погромомъ завершилась на этотъ разъ боевая дѣятельность сборнаго дивизіона сѣверцевъ за Соганлугомъ. Хотя всѣ знали хорошо, что непосредственно за пораженіемъ, нанесеннымъ туркамъ 23-го октября, предстоитъ движеніе къ Эрзеруму, какъ прямое логичное послѣдствіе деве-бойнской побѣды, однако прошло цѣлыхъ томительныхъ три дня, и о наступленіи не было никакого распоряженія. Сѣверцы такъ и не дождались его, потому что 24-го октября получили приказаніе—слѣдовать немедленно въ составъ главныхъ силъ, конвоируя туда и пятьсотъ плѣнныхъ турокъ. Въ описываемыя минуты такое приказаніе, исключавшее участіе сборнаго дивизіона, быть можетъ, въ новой славной побѣдѣ, конечно, не могло быть ему по душѣ.

Труды и тягости при обратномъ движеніи, по дорогамъ, большею частью уже занесеннымъ снѣгомъ, въ особенности на соганлугскомъ перевалѣ, были для драгунъ не новые. Преодолѣвъ ихъ еще разъ, сборный дивизіонъ явился на старое знакомое мѣсто въ селеніе Бозгала 1-го ноября, именно въ ту минуту, когда предрѣшена была развязка въ сущности непродолжительной, но сложной и многоактной кровавой драмы на анатолійскомъ театрѣ.

Пока первый сборный дивизіонъ сѣверцевъ переходилъ черезъ нѣсколько новыхъ мытарствъ за Соганлугомъ, второй, вошедшій въ составъ отряда генералъ-лейтенанта Лазарева, вмѣстѣ съ сборнымъ дивизіономъ нижегородцевъ, 10-го октября, сталъ у селенія большой Тикмы и былъ включенъ въ частный отрядъ генералъ-лейте-

нанта Роопа *). Начальникомъ кавалеріи этого отряда былъ назначенъ генералъ-маіоръ князь Щербатовъ. Этотъ частный отрядъ составилъ блокадную линію къ югу и западу отъ Карса, начиная отъ Магараджика черезъ Чифтликъ и Когалы до Чахмаура. Во всѣхъ пунктахъ, по распоряженію командующаго корпусомъ, приказано возвести укрѣпленія, а селенія между блокадною линіею и крѣпостью очистить, чтобы блокада была безусловно строгою и тѣсною, и непріятель былъ бы поставленъ внѣ всякой возможности сноситься съ окрестнымъ населеніемъ и получать какія либо свѣдѣнія о нашихъ силахъ и намѣреніяхъ.

Съ минуты тѣсной блокады крѣпости, началась и для кавалеріи строгая аванпостная служба, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что положеніе осажденнаго гарнизона было значительно покойнѣе, чѣмъ положеніе его противника.

По разстановкѣ блокадныхъ войскъ на назначенныхъ имъ мѣстахъ, первые дни были посвящены переговорамъ съ карсскимъ комендантомъ Ферикъ-Гусейнъ-Гами-пашею. 12-го октября къ нему былъ отправленъ нашъ парламентеръ подполковникъ князь Тархановъ, съ предложеніемъ—вступить въ переговоры касательно мѣръ, которыя могли бы ослабить или вовсе устранить для населенія и гарнизона всѣ бѣдствія блокады и бомбардированія. На другой день въ полдень, едва только у насъ въ войскахъ былъ отслуженъ молебенъ, при 101 выстрѣлѣ, по случаю побѣды 23-го октября, прибыли въ нашъ лагерь турецкіе парламентеры: полковникъ Гусейнъ-бей и капитанъ Фехимъ-эфенди. Въ письмѣ, ими доставленномъ, комендантъ просилъ разъясненій относительно мѣръ, на которыя ему было указано, и получилъ въ отвѣтъ предложеніе—сдать городъ на почетныхъ для гарнизона условіяхъ. Предложеніе это турецкимъ военнымъ совѣтомъ было на другой день отвергнуто. Тогда у насъ приступлено было ко всѣмъ возможнымъ мѣрамъ для наибольшаго стѣсненія осады: кавалерійскимъ начальникамъ приказано обратить вниманіе на развитіе въ кавалеріи партизанскихъ дѣйствій и вообще духа предпріимчивости, чтобы этимъ еще болѣе стѣснить

---

*) $13^1/_2$ баталіоновъ, 4 эскадрона и 10 сотенъ, 64 орудія.

блокаду и прекратить выпускъ изъ Карса ежедневно большихъ стадъ скота на пастьбу; кромѣ того, приказано было во время разъѣздовъ забирать всѣхъ, которые выходили изъ Карса или направлялись туда, и доставлять ихъ къ начальникамъ частныхъ отрядовъ. Охотничьимъ командамъ предписано было производить сколь возможно частыя тревоги и, кромѣ того, для этихъ же тревогъ высылать ежедневно и части 1-го и 4-го стрѣлковыхъ баталіоновъ. Кавалерійскія и пѣхотныя охотничьи команды, производя постоянныя рекогносцировки и поиски, выяснили намъ расположеніе турецкихъ передовыхъ постовъ, свойства отбываемой ими охранительной службы, разслѣдовали подступы къ фортамъ крѣпости и держали въ постоянномъ безпокойствѣ и тревогѣ непріятельскія войска, которыя невольно поддавались обману и впослѣдствіи каждую ночную попытку партіи изъ нѣсколькихъ всадниковъ или небольшой охотничьей команды готовы были считать дѣломъ серьезнымъ, напрасно утомляя себя въ безполезныхъ ожиданіяхъ чего-то рѣшительнаго. Это имѣло значительное вліяніе на успѣхъ нашего послѣдующаго штурма.

Такъ все продолжалось изо дня въ день, не знаменуясь пока никакимъ выдающимся событіемъ.

23-го октября, вслѣдствіе зачисленія въ составъ отряда генерала Роопа части прибывшаго ардаганскаго отряда и предположеннаго возведенія осадныхъ батарей съ юговосточной стороны Карса, видоизмѣнены были составъ, расположеніе и цѣли войскъ отряда генералъ-лейтенанта Лазарева, причемъ частному отряду генерала Роопа, усилившемуся до 17-ти баталіоновъ, 22-хъ эскадроновъ и сотенъ, съ тѣми же 64-мя орудіями, назначена позиція у Самавата, Бозгала, Дюзъ-Верана, Чифтлика, Мусаша и б. Тикмы. Второй сборный дивизіонъ сѣверцевъ былъ расположенъ у Бозгала, отдѣленнаго отъ шорахскихъ высотъ небольшимъ гребнемъ. Для установленія же въ полномъ смыслѣ слова тѣсной блокады Карса, велѣно оцѣпить его сплошною линіею кавалерійскихъ аванпостовъ. Въ этомъ случаѣ на долю кавалеріи отряда генерала Роопа досталось пространство отъ Чахмаура до Комацура. Линія постовъ, занятыхъ сѣверцами, находилась такъ близко отъ непріятельской линіи, что

иногда даже днемъ происходили перестрѣлки. По ночамъ посылались отъ дивизіона разъѣзды къ сторонѣ Карса, которые, къ счастью, обходились безъ особыхъ приключеній.

Постройка батарей началась въ ночь съ 23-го на 24-е октября. Въ этотъ день непріятель сдѣлалъ большую вылазку, съ цѣлью разрушить наши сооруженія, но блистательно отраженъ и преслѣдуемъ до самыхъ стѣнъ карсскихъ укрѣпленій; въ промежуткѣ же времени до 28-го октября, третьимъ эскадрономъ былъ отбитъ впереди линіи постовъ пасшійся у самой крѣпости турецкій скотъ, въ числѣ трехъ тысячъ головъ. Предпріятіе это удалось совершить благополучно благодаря быстротѣ и туману, но такъ какъ впослѣдствіи оказалось, что скотъ принадлежалъ жителямъ промежуточныхъ селеній, то его возвратили по принадлежности. Когда же эскадронъ вернулся изъ набѣга въ свой лагерь, онъ засталъ тамъ прибывшій въ этотъ день изъ запаснаго эскадрона годовой ремонтъ изъ 71-й строевой лошади и вмѣстѣ съ ними 30 нижнихъ чиновъ. Обстоятельство это во всякое другое время было неважнымъ, но въ тѣ минуты оно имѣло большой интересъ для полка, потому что значительно освѣжало его силы и давало ему болѣе возможности выносить всѣ тягости аванпостной службы. Впрочемъ, ей скоро предстояло значительно сократиться, такъ какъ осадныя батареи были уже готовы, и 30 числа открыто бомбардированіе по укрѣпленіямъ Чимъ, Сувари, Каплы, Хафисъ-паша, Зіаретъ и Карадагъ. Самый же штурмъ былъ предположенъ въ ночь съ 1-го на 2-е ноября. Цѣлью главнѣйшихъ дѣйствій какъ по удобствамъ мѣстности, такъ и по относительному расположенію укрѣпленій и значенію ихъ въ общей оборонѣ подступовъ къ крѣпости и городу, была избрана линія юговосточныхъ фортовъ—Хафисъ-Каплы-Сувари, а затѣмъ и самый городъ. Но въ ночь съ 1-го на 2-е ноября, когда второй сборный дивизіонъ сѣверцевъ, для предстоящаго штурма, прибылъ въ с. Тикму, въ колонну генералъ-маіора Дена, выпавшій снѣгъ, а потомъ дождь, до того размягчили верхній черноземный слой почвы, что штурмъ приказано отложить до перваго мороза. Дивизіонъ былъ возвращенъ въ свое мѣсто. Въ этомъ случаѣ счастье послужило въ особенности сѣверцамъ, такъ какъ полкъ, отправивъ 29-го

октября въ запасный эскадронъ для отдыха и поправки 157 строевыхъ лошадей и при нихъ 89 нижнихъ чиновъ изъ наиболѣе слабыхъ, и продавъ съ аукціона 21 лошадь, пришедшую въ негодность, значительно порѣдѣлъ; но въ тоже самое время, 1-го ноября, получилъ обратно свой первый сборный дивизіонъ, который прибылъ изъ за Соганлуга и присоединился къ своимъ товарищамъ въ с. Бозгала.

Спустя нѣсколько дней, почва отъ мороза постепенно окрѣпла, и штурмъ Карса былъ рѣшенъ съ 5-го на 6-е ноября. Въ основаніе диспозиціи, отданной по этому случаю, были приняты особыя указанія главнокомандующаго, сущность которыхъ состояла въ томъ, чтобы овладѣть рѣшительно и внезапно, посредствомъ нападенія, только тремя фортами: Сувари, Канлы и Хафисомъ; демонстрировать противъ другихъ пунктовъ и перейти въ окончательное наступленіе только при благопріятныхъ обстоятельствахъ. По диспозиціи назначалось пять отдѣльныхъ пѣхотныхъ колоннъ, которыя должны были атаковать всѣ непріятельскія укрѣпленія между склонами карадагскихъ высотъ и фортомъ Тохмасъ, направляя главныя усилія на означенныя выше три укрѣпленія, да еще и на фортъ Чимъ; остальныя войска должны были демонстрировать противъ Лазъ-Тепеси, Тохмаса и Тихъ-Тепеси, а также противъ фортовъ карадагскихъ высотъ—Араба и Карадага. Артилеріи при колоннахъ не полагалось; до разсвѣта ее оставили при частныхъ резервахъ. Кавалерія же должна была, сохранивъ, гдѣ окажется нужнымъ, мѣсто аванпостовъ, сосредоточиться на главныхъ пунктахъ, ведущихъ изъ крѣпости къ горнымъ переваламъ соганлугскаго хребта. При этомъ, одному дивизіону сѣверцевъ, въ составѣ прочихъ частей кавалерійской колонны генералъ-маіора князя Щербатова, назначено было стать у развалинъ селенія Кюмбетъ для прикрытія большой эрзерумской дороги. Отъ этой колонны выставлялись части къ Чифтлику и Бозгала. Другой дивизіонъ былъ назначенъ въ главный резервъ у селенія Комацуръ, бывшій подъ начальствомъ генералъ-маіора Дена. Общее начальствованіе войсками на лѣвомъ берегу Карсъ-чая возложено было на генералъ-лейтенанта Роопа, а на правомъ—на генералъ-лейтенанта Лазарева.

Пятаго ноября, къ пяти часамъ вечера, всѣ войска собрались на сборные пункты и въ восемь съ половиною часовъ выступили по назначенію; только колонна генералъ маіора Комарова, болѣе другихъ удаленная отъ цѣли дѣйствій, выступила въ семь часовъ.

Небо было совершенно чистое; полная луна уже всплыла на горизонтъ; ночь была безвѣтренная; морозъ крѣпчалъ; все было тихо, и, казалось, самое напряженное вниманіе не замѣтило бы надвигавшейся грозы. А между тѣмъ, рѣдкія цѣпи нашихъ охотниковъ осторожно, шагъ за шагомъ, наступали впередъ, и за ними двигались штурмовыя колонны, переходившія, по мѣрѣ приближенія къ линіи атаки, въ разомкнутый строй ротныхъ колоннъ.

Около девяти часовъ, на горѣ стали раздаваться отдѣльные выстрѣлы передовыхъ турецкихъ пикетовъ и замолкали, не встрѣчая отвѣта. Только батареи наши у сел. Джавра, какъ бы по сигналу, открыли канонаду противъ чахмахскихъ высотъ, привлекая туда вниманіе и силы противника. Черезъ полчаса вновь засверкали огни непріятельскихъ выстрѣловъ, но уже по всей линіи атаки, и черезъ нѣсколько минутъ слились въ сплошную огненную полосу, обозначавшую направленіе фасовъ укрѣпленій и траншей атакованныхъ фортовъ. Еще нѣсколько мгновеній—и первое „ура“ раздалось на нашемъ лѣвомъ флангѣ. То была колонна подполковника князя Меликова, ворвавшаяся въ фортъ Суварп.

Къ двѣнадцати часамъ ночи всѣ демонстративныя наши дѣйствія обратились въ рѣшительный бой, и подъ ударами нашего штыка фортъ падалъ за фортомъ. Съ разсвѣтомъ, укрѣпленія праваго берега были въ нашихъ рукахъ, и войска наши занимали главнѣйшіе пункты города. Горсть гарнизона, запершись въ цитадели, уже не оборонялась и отворила ворота прибывшимъ баталіонамъ владикавказцевъ. Только изрѣдка съ нагорныхъ фортовъ: Мухлиса, Вели-паши и Тохмаса раздавались еще орудійные выстрѣлы по занятымъ нами Арабу и Карадагу и по городу, подъ прикрытіемъ которыхъ остатки турокъ уходили за Карсъ-чай.

Въ штурмѣ крѣпости кавалерія участія не принимала и оставалась въ выжидательномъ положеніи въ резервѣ генерала Дена до полуночи все на одномъ мѣстѣ; послѣ полуночи же и до утра она,

въ составѣ всего резерва, подвинута была впередъ. Когда же Карсъ открылъ намъ свои ворота, то во всѣ колонны послано было приказаніе—приготовиться къ наступленію. Части устроивались, отводили къ резервамъ плѣнныхъ и выносили своихъ раненыхъ.

Съ разсвѣтомъ на всемъ пространствѣ высотъ лѣваго берега Карсъ-чая стало замѣчаться движеніе значительныхъ непріятельскихъ массъ и сосредоточеніе ихъ передъ наружными линіями укрѣпленій, а черезъ нѣсколько времени ясно обнаружилось намѣреніе турокъ прорваться сквозь наши войска и уйти изъ крѣпости къ Эрзеруму. Густыми колоннами они стали спускаться съ высотъ между фортами Тохмасомъ, Тихъ-Тепеси и Лазъ-Тепеси, направляясь на Бозгала и разворенный Чифтликъ. Часть ихъ двинулась еще и отъ чахмахскихъ высотъ на Айналы; нѣсколько сотъ кавалеристовъ, отдѣльными группами, опережая пѣхоту, разсыпались въ разныхъ направленіяхъ.

Генералъ Роопъ, большинство войскъ котораго находилось въ окрестностяхъ, ближайшихъ къ принятому турками направленію, тотчасъ стянулъ свои силы для прегражденія дальнѣйшаго бѣгства непріятеля, а всю находившуюся на лѣвомъ берегу Карсъ-чая кавалерію двинулъ на рысяхъ въ обходъ и въ тылъ отступавшимъ.

Полковникъ Батіевскій, съ двумя эскадронами сѣверцевъ и двумя сотнями кизляро-гребенцовъ, поскакалъ на ту часть непріятельской кавалеріи, которая успѣла уже прорвать цѣпь нашихъ аванпостовъ и уходила къ Чифтлику и Самавату. Для удержанія же турецкой пѣхоты генералъ Роопъ расположилъ ростовцевъ, съ 12-ю орудіями, передъ селеніемъ Бозгала. Въ тоже время во флангъ отступавшимъ выдвигалась колонна генерала Комарова, а несвижцы шли на нихъ съ тыла, поражая огнемъ батарей, расположенныхъ южнѣе сел. Джавра. Кавалерія генералъ-маіора князя Щербатова, въ составѣ которой находился и второй дивизіонъ сѣверцевъ, послана была преградить пути на Араввартанъ. Одновременно съ этимъ, двинуты были двѣ сотни 2-го волгскаго, двѣ 6-го оренбургскаго полковъ и 3-й дагестанскій конно-иррегулярный полкъ, съ которыми отправился и начальникъ кавалеріи корпуса генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе, принявшій на себя общее руководительство дѣйствіями

кавалерійскихъ частей, пущенныхъ для преслѣдованія и задержанія непріятеля.

Полковникъ Батіевскій, тѣмъ временемъ, съ дивизіономъ сѣверцевъ и 2-ю кубанскою конною батареею, скакалъ черезъ Бозгала къ Араварташу. Съ приближеніемъ къ этому пункту, драгуны живо и невольно вспомнили о третьемъ числѣ іюня, которое, по странной случайности, приходилось имъ здѣсь воскресить и повторить черезъ пять мѣсяцевъ. Подъ вліяніемъ понятнаго чувства гордости и нѣкотораго волненія, одушевленіе сѣверцевъ возрастало по мѣрѣ того, какъ они приближались къ давно знакомымъ и изученымъ мѣстамъ. Дружнѣе же и полнѣе стала ихъ скачка, когда у Араварташа увидѣли они длинною вереницею тянувшихся турокъ; часть ихъ кавалеріи уже пробиралась къ Самавату. Полковникъ Батіевскій, оставивъ всякое состраданіе къ утомленнымъ и большею частью слабымъ лошадямъ, въ карьеръ настигъ турецкую кавалерію. По старому заповѣдному порядку, драгуны врубились въ ряды отступавшихъ, въ нѣсколько мгновеній разсѣяли ихъ и, нимало не медля, повернули противъ турецкой пѣхотной колонны. Для преслѣдованія другой кавалерійской партіи, отходившей въ томъ же направленіи, были посланы двѣ съ половиною сотни полтавскаго, сотня ахалцыхскаго и сотня кубанскаго полковъ, которыя также разсѣяли бѣгущихъ. Въ это время главная колонна пѣхоты, двигавшаяся на Бозгала, увидя себя обойденною, сложила оружіе; но та, которая подходила къ Араварташу, и на которую понесся Батіевскій, продолжала свое движеніе. Одновременно съ сѣверцами, на нее же летѣли—дивизіонъ нижегородцевъ и оренбургскіе казаки 6-го коннаго полка. Стремительный охватъ всѣхъ этихъ частей во флангъ и въ тылъ турецкой пѣхоты остановилъ ея отступленіе. Турки смирились и покорно сложили оружіе. Въ скоромъ времени все пространство отъ Самавата и Бозгала до шорахскихъ верковъ было окружено нашими войсками; повсюду цѣлые баталіоны турокъ бросали оружіе и сдавались.

Здѣсь выяснилось, что нѣкоторые изъ высшихъ начальниковъ крѣпости, съ конвоемъ не болѣе 150 человѣкъ, успѣли бѣжать къ селенію Бозгушъ. Князь Щербатовъ тотчасъ подхватилъ сѣверцевъ,

при которыхъ, конечно, находился неотлучно и Батіевскій, нижегородцевъ и полтавцевъ, и бросился на Бозгушъ. Передъ самымъ селеніемъ нашу кавалерію встрѣтили частые ружейные залпы. Драгуны, уже вполнѣ равнодушные къ подобнымъ встрѣчамъ, безъ выстрѣла кинулись впередъ, сбили непріятеля съ занятой позиціи, и положивъ часть его на мѣстѣ, остальныхъ погнали далѣе. Турки скакали безъ оглядки. Не смотря на глубокій снѣгъ, драгуны и полтавцы не отставали, черезъ нѣсколько верстъ вновь ихъ нагнали и тутъ уже рубили безпощадно. Только 30—40 человѣкъ спаслись отъ пораженія, да и тѣ разсыпались по горнымъ трущобамъ. Уже двадцать слишкомъ верстъ сѣверцы неслись то на полныхъ рысяхъ, то въ карьеръ—и здѣсь, вмѣстѣ съ нижегородцами и полтавцами, поневолѣ должны были остановиться.

Дѣло было кончено блестяще, если взять во вниманіе всѣ тѣ затрудненія, какія могли бы явиться для насъ впослѣдствіи, еслибы мы выпустили изъ своихъ рукъ массу непріятеля, составлявшаго карсскій гарнизонъ. Въ этомъ случаѣ главнѣйшая заслуга всѣхъ нашихъ войскъ состояла въ той бдительности и отвагѣ, съ которыми они, не щадя остатковъ силъ своихъ, предупредили всѣ послѣднія покушенія турокъ—спастись отъ плѣна и, конечно, вмѣстѣ съ собою перенести еще болѣе грозную войну на другой театръ, за Соганлугъ. Значеніе же нашей кавалеріи, на долю которой достался эпилогъ всей драмы, стало выше чѣмъ когда либо, и этимъ легко объясняется та Высочайшая милость, которой вновь удостоились сѣверцы—именно, пожалованіе полку надписей на георгіевскихъ лентахъ штандартовъ.

Наши войска вступили во всѣ укрѣпленія; городская депутація вышла на встрѣчу корпусному командиру; Карсъ былъ въ нашей власти. Болѣе 2500 тѣлъ было уложено въ укрѣпленіяхъ; массы раненыхъ запрудили собою госпитали и частные дома города. Трофеями нашими было одно знамя, 303 орудія, 17000 плѣнныхъ (въ томъ числѣ пять пашей и до 800 штабъ и оберъ-офицеровъ) и громадные склады всякихъ запасовъ.

Наша потеря заключалась убитыми: въ одномъ генералѣ (графъ Граббе), 18 штабъ и оберъ-офицерахъ и 453 нижнихъ чинахъ;

ранеными и контужеными: въ 58 штабъ и оберъ-офицерахъ и 1655 нижнихъ чинахъ; безъ вѣсти пропало 88 нижнихъ чиновъ.

7-го ноября былъ торжественный въѣздъ главнокомандующаго, подъ охраною Сѣверскаго полка, въ покоренную крѣпость. Впереди траншей, у форта Сувари, Государя Великаго Князя встрѣтило армянское, греческое и мусульманское духовенства, съ депутацiею отъ города. На слѣдующiй день былъ отслуженъ благодарственный молебенъ при пушечномъ салютѣ. Въ парадѣ находился и одинъ эскадронъ сѣверцевъ. Послѣ молебна Его Высочество передалъ войскамъ царское „спасибо" за молодецкую службу, затѣмъ скомандовалъ имъ „на караулъ" и, вынувъ саблю, отсалютовалъ генералъ-адъютанту Лорисъ-Меликову. Громкое и продолжительное „ура" охватило всѣ окрестности.

Собственно говоря, съ паденiемъ Карса кончилась и боевая дѣятельность сѣверцовъ. Для всей нашей армiи, дѣйствовавшей въ азiятской Турцiи, обстоятельства измѣнились. Теперь главною нашею задачею стало изолированiе Эрзерума и подчиненiе нашей власти большой и населенной мѣстности, къ нему прилегающей. Такимъ образомъ, центръ тяжести, послѣ покоренiя Карса, перемѣстился на соганлугскiй отрядъ—и къ несчастью, весьма чувствительнымъ, по послѣдствiямъ своимъ, образомъ.

Для достиженiя упомянутой цѣли составъ соганлугскаго отряда оказывался недостаточнымъ. Чтобы усилить его, было сдѣлано распоряженiе объ образованiи особаго отряда, подъ командою начальника 40-й пѣхотной дивизiи генералъ-лейтенанта Шатилова. Назначенiемъ ему было поставлено: а) обезпеченiе праваго фланга войскъ генерала Геймана, расположенныхъ между Деве-Бойну и Хорасаномъ, б) дѣйствiе на сообщенiе Эрзерума съ Трапизонтомъ. Въ составъ отряда генерала Шатилова вошли 13½ баталiоновъ пѣхоты, 36 орудiй, 12 сотенъ и весь Сѣверскiй драгунскiй полкъ. Кавалерiя отряда, съ конною артилерiею, была подчинена командующему 3-ю сводною кавалерiйскою дивизiею генералъ-маiору князю

Щербатову. Остальныя же войска, блокировавшія Карсъ, были размѣщены по зимнимъ квартирамъ.

Предварительное изслѣдованіе путей къ Бардусу и далѣе къ Нариману, Пеняку и Ольтамъ, куда долженъ былъ направиться отрядъ генерала Шатилова, а также ближайшее ознакомленіе со средствами края въ отношеніи довольствія войскъ, было возложено на князя Щербатова. Вслѣдствіе этого, впереди всѣхъ частей отряда, 13-го ноября, были посланы, по этому маршруту, подъ его начальствомъ, сѣверцы, 3-й дагестанскій конно-иррегулярный полкъ и 2-я кубанская батарея. 15-го ноября выступилъ вслѣдъ за ними 2-й кизляро-гребенской полкъ и, наконецъ, послѣдовательно до 25-го ноября—остальныя войска отряда.

Въ это время всѣ дороги покрылись глубокимъ снѣгомъ, и на долю сѣверцевъ еще разъ выпали тяжелыя испытанія, сопряженныя главнымъ образомъ съ недостаткомъ продовольствія для лошадей— что гораздо болѣе озабочивало каждаго офицера и солдата, чѣмъ ихъ собственное продовольствіе. Но, съ божьею помощью, и эти затрудненія были побѣждены терпѣливо, стойко и покорно.

Пройдя въ теченіе десяти дней всевозможныя трущобы и едва доступные пути, князь Щербатовъ, съ своимъ кавалерійскимъ отрядомъ, 23-го ноября прибылъ въ сел. Кирякъ, въ шести верстахъ отъ Сопамера. Установивъ пока свой штабъ въ Кирякѣ, а остальныя части въ ближайшихъ селеніяхъ, онъ оставилъ при себѣ Сѣверскій полкъ. Послѣ этого, первымъ дѣломъ было приступить къ устройству продовольственныхъ складовъ. Исполнивъ это, князь Щербатовъ двинулся въ Ольты и прибылъ туда 1-го декабря, опять оставивъ при своемъ штабѣ, въ самомъ городѣ, весь Сѣверскій полкъ. При приближеніи нашего кавалерійскаго отряда къ городу Ольты, турецкія власти изъ него бѣжали.

Остальныя войска отряда генерала Шатилова, слѣдуя черезъ Соганлугъ, въ концѣ ноября вошли въ составъ отряда генералъ-лейтенанта Геймана. Такимъ образомъ, въ это время у генерала Геймана было три дивизіи пѣхоты, двѣ бригады пѣшей артиллеріи, саперный и стрѣлковый баталіоны, двѣ дивизіи кавалеріи и двѣ съ половиною конныя батареи. Съ такимъ количествомъ войскъ яви-

лась возможность блокировать Эрзерумъ, и для этого признано необходимымъ—прочнымъ водвореніемъ въ ольтинскомъ санджакѣ угрожать крѣпости со стороны главныхъ ея сообщеній.

Блокада, впрочемъ, была начата съ сѣверо-западной стороны, и къ 10-му декабря отрѣзана была отъ нея эта сторона на разстояніи 15—20 верстъ. Этотъ шагъ произвелъ большой переполохъ въ Эрзерумѣ: непріятель каждую ночь долженъ былъ располагаться на позиціи и подъ ружьемъ ожидать разсвѣта. Мухтаръ-паша, боясь быть окруженнымъ, съ нѣсколькими отборными баталіонами оставилъ крѣпость и удалился въ Байбуртъ. Въ послѣдующіе дни блокада стала постепенно обнимать западную и южную стороны Эрзерума—первую по правой сторонѣ рѣки Кара-су, а вторую до мушской равнины включительно. 23-го декабря, съ занятіемъ нами Илиджи, Эрзерумъ оказался совершенно разобщеннымъ съ Трапизонтомъ, и 30-го декабря было закончено тѣсное обложеніе его со всѣхъ сторонъ.

Послѣ всѣхъ невзгодъ, испытанныхъ сѣверцами, городъ Ольты показался имъ такою стоянкою, которой они уже давно не видѣли. Они здѣсь пользовались полнымъ спокойствіемъ, и, не смотря на неудобства, связанныя съ суровымъ временемъ года, люди въ теченіе перваго же мѣсяца отдохнули и оправились. Въ то время, когда тифозная эпидемія свирѣпствовала въ окрестностяхъ Эрзерума, безжалостно вырывая изъ нашихъ рядовъ тысячи жертвъ, сѣверцы пользовались относительно прекраснымъ санитарнымъ состояніемъ и были внѣ пораженій этого злаго бича. Провіанта, порціонной скотины и корма для лошадей было вдоволь; послѣдніе, при полномъ отдыхѣ, также быстро стали поправляться; къ тому же, 24-го декабря, изъ запаснаго эскадрона прибыли еще 32 отдохнувшія лошади, при десяти нижнихъ чинахъ. Вообще, положеніе полка къ 1-му января 1878-го года было достаточно удовлетворительное.

Встрѣтивъ и по походному отпраздновавъ новый годъ, полкъ 4-го января размѣстился на широкихъ квартирахъ слѣдующимъ порядкомъ: штабъ и 2-й эскадронъ въ г. Ольты, 1-й эскадронъ въ сел. Ардостѣ, 3-й въ Хавдасѣ и 4-й въ Кадыкѣ. Расположеніе это,

по мѣрѣ надобности, измѣнялось, и тогда эскадроны занимали другія ближайшія къ городу деревни.

Съ установленіемъ тѣсной блокады Эрзерума и по водвореніи нашихъ войскъ въ округахъ ольтинскомъ, тортумскомъ и хныскомъ, вся цѣль дѣйствій соганлугскаго отряда заключалась въ поддержаніи бдительности въ этой блокадѣ и въ упроченіи нашего вліянія въ занятыхъ частяхъ края.

Между тѣмъ, отчаянное положеніе эрзерумскаго гарнизона и жителей, среди которыхъ ежедневно до трехсотъ человѣкъ валилось отъ тифозной эпидеміи, переполнило мѣру ихъ терпѣнія. Въ половинѣ января явился къ генералу Гейману первый парламентеръ, полковникъ Гусейнъ-али, для переговоровъ о томъ, какъ выйти изъ несчастья. Но переговоры не привели ни къ какому результату. Тогда, въ сознаніи своего безсилія, турецкій главнокомандующій задумалъ образовать внѣшнюю армію и направилъ въ Эрзингіанъ, по лѣтней дорогѣ черезъ хребетъ Палантекенъ, до 1000 человѣкъ отборныхъ солдатъ, при лучшихъ офицерахъ, которые должны были послужить инструкторами для новобранцевъ. Но и это не удалось, потому что большая часть посланныхъ замерзла на Палантекенѣ, а меньшинство вернулось, едва держась на ногахъ. Однако муширу удалось кое-какъ призвать къ оружію часть населенія въ Мушѣ, Эрзингіанѣ и Тортумѣ. Свѣдѣнія, тогда получавшіяся, гласили, что эти войска предназначались дѣйствовать на наши фланги и оттѣснить ихъ къ главнымъ силамъ. Вслѣдствіе этого, у насъ произошло нѣкоторое передвиженіе войскъ, и въ г. Ольты былъ направленъ 8-го января одинъ баталіонъ пѣхоты. Когда же пронеслись послѣдующіе затѣмъ слухи, что муширъ уже собралъ свои новыя войска, то изъ г. Ольты былъ посланъ на дальнюю рекогносцировку 1-й эскадронъ сѣверцевъ. Послѣ тщательныхъ поисковъ онъ вернулся назадъ съ извѣстіемъ, что непріятеля нигдѣ нѣтъ, и что въ одно изъ селеній приходилъ только баталіонъ турецкой пѣхоты за продуктами.

Хотя и положеніе нашихъ войскъ было чрезвычайно печальное, въ особенности когда эпидемія стала распространяться не по днямъ, а по часамъ съ ужасною силою, однако солдаты были

терпѣливы, и бодрый духъ отъ недавнихъ побѣдъ не оставлялъ ихъ.

При такихъ условіяхъ наступило 22-е число января, а съ нимъ и первая вѣсть о перемиріи. Съ 23-го января военныя дѣйствія были прекращены, но блокада Эрзерума оставлена въ томъ же видѣ. 27-го января была образована коммисія для веденія переговоровъ съ турецкими властями объ очищеніи города и проведеніи демаркаціонной линіи.

3-го февраля, въ девять часовъ утра, турецкій уполномоченный Гусейнъ-Авни-паша, находившійся, по случаю переговоровъ, у насъ въ Гасанъ-Кала, получилъ телеграмму мушира, въ которой Измаилъ-паша извѣщалъ его о приказаніи сераскира очистить въ семидневный срокъ эрзерумскую крѣпость и сдать ее русскимъ. Какъ ни прискорбно было такое приказаніе для турокъ и для Гусейнъ-Авни-паши въ частности, увѣрявшаго, что Эрзерумъ никогда сданъ не будетъ, тѣмъ не менѣе на практикѣ пришлось его исполнить, и 9-го февраля утромъ послѣднія войска очистили городъ и крѣпость. Того же числа, въ три часа пополудни, на главнѣйшихъ фортахъ эрзерумской крѣпости—Меджидіе и Азизіе, рѣяли знамена эриванскаго и грузинскаго гренадерскихъ полковъ. Съ слѣдующаго утра началось снятіе блокады.

По окончаніи блокады послано было Сѣверскому полку приказаніе—прибыть въ Эрзерумъ. Вслѣдствіе этого, 17-го февраля онъ выступилъ туда, оставивъ въ лазаретѣ кутаисскаго пѣхотнаго полка 120 человѣкъ своихъ больныхъ. 22-го февраля полкъ вступилъ въ столицу Анатоліи въ слѣдующемъ составѣ: штабъ и оберъ-офицеровъ 27, строевыхъ нижнихъ чиновъ 523, строевыхъ лошадей 468. Весь полкъ расположился въ городѣ, въ казармахъ турецкихъ сувари.

Эрзерумскіе старожилы говорили, что не запомнятъ такой зимы, какая была съ 1877-го на 1878-й годъ. И дѣйствительно, эта суровая зима была черезчуръ чувствительна даже для нашего простаго русскаго человѣка, далеко неизбалованнаго теплымъ климатомъ. Вліяніе ея ухудшалось совершеннымъ недостаткомъ топлива, на которое прежде всего были обращены деревья, произроставшія

въ городѣ, а потомъ, когда ихъ не стало, то частью кизяки и хворостъ, добываемые далеко за городомъ, при неимовѣрныхъ усиліяхъ. Но главнѣе всего, что полкъ, по прибытіи въ городъ, разомъ окунулся во всѣ ужасы эпидеміи. Рѣдкій изъ офицеровъ или солдатъ не выстрадалъ отъ нея; многіе, уцѣлѣвшіе отъ тысячи смертей въ непрерывныхъ прошлыхъ бояхъ, сложили тамъ свои кости. Скоро сѣверцы представляли изъ себя уже не ту могучую и грозную силу, которую всѣ видѣли подъ Аравартаномъ. Хотя въ мартѣ мѣсяцѣ прибыли изъ Ольты выздоровѣвшіе сто человѣкъ, но и при этомъ условіи во взводахъ насчитывалось не болѣе 15—20 здоровыхъ людей. Духъ всегда храбраго и боеваго полка невольно сократился подъ этимъ гнетомъ, и онъ заразился общимъ уныніемъ, которое господствовало тогда въ войскахъ.

Нѣсколько отрезвляющее и успокоивающее впечатлѣніе на душу страдавшихъ и выстрадавшихъ сѣверцевъ произвело только говѣніе, которое каждый совершилъ съ должнымъ благоговѣніемъ и набожностью. Это было лучшее лекарство для нравственнаго состоянія нашего солдата. Хотя въ концѣ великаго поста и распространился слухъ, что турецкіе жители города намѣрены произвести въ страстную субботу варѳоломеевскую рѣзню русскихъ головъ, но этому вѣрили немногіе, потому что положеніе самихъ турокъ было не таково, чтобы рѣшиться, въ виду нашихъ войскъ, на подобное рискованное дѣло.

Съ наступленіемъ весны и съ дезинфекціею города, эпидемія стала быстро и замѣтно ослабѣвать, и лица всѣхъ, оставшихся въ живыхъ, мало по малу просвѣтлѣли.

Въ это время были, между прочимъ, составлены двѣ подписки, въ которыхъ участіе приняли и сѣверцы: одна на пріобрѣтеніе образа св. Георгія и на заказъ для него Овчинникову богатой ризы, другая—на постройку памятниковъ по убитымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, въ мѣстахъ, гдѣ происходили болѣе выдающіяся дѣла съ непріятелемъ. Образъ предположено было поставить въ греческой церкви въ Эрзерумѣ. Привели ли эти подписки къ цѣли —осталось неизвѣстнымъ.

5-го апрѣля генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе произвелъ

полку инспекторскій смотръ, а 29-го числа сѣверцы были выведены въ лагерь. Съ восторгомъ встрѣтили они это перемѣщеніе, и съ той минуты окончательно ожили. Не смотря на то, что къ этому времени многіе больные, оправившись отъ болѣзней, снова вступили въ строй, наличный составъ полка къ 1-му мая былъ все-таки очень жидкій: при 450 строевыхъ лошадяхъ, въ немъ было годныхъ къ службѣ всего лишь 299 человѣкъ. По исключеніи изъ этого числа неизбѣжнаго расхода по эскадрону, офицерскихъ конюховъ и т. п., остающееся количество людей далеко не соотвѣтствовало тѣмъ требованіямъ и условіямъ службы, которая обыкновенно существуетъ въ полку, въ особенности въ лагерное время.

Май мѣсяцъ былъ проведенъ сѣверцами тихо, вполнѣ подомашнему. Нѣкоторыя войска, преимущественно артилерія, были возвращены частью въ карсскую область, частью же совсѣмъ въ наши предѣлы. Дошла очередь и до сѣверцевъ: 28-го мая полкъ снялся съ лагеря и выступилъ въ Карсъ. Въ Эрзерумъ же вмѣсто него былъ направленъ изъ Александрополя тверской драгунскій полкъ.

Іюнь мѣсяцъ, а съ нимъ и годовщина знаменитаго аравартанскаго дѣла, застали полкъ на походѣ. Сѣверцы, конечно, помнили этотъ день очень хорошо; но ихъ привело въ восторгъ, что, кромѣ нихъ, онъ же остался неизгладимымъ и въ памяти ихъ возлюбленнаго главнокомандующаго: 4-го числа была получена телеграмма Государя Великаго Князя слѣдующаго содержанія:

„Привѣтствую васъ, дорогіе мои сѣверцы, со вчерашнею годовщиною славной атаки вашей около Аравартана. Ура! храброму полку. Улучшается ли здоровье людей? Много ли больныхъ? Михаилъ“.

Восторженное единодушное „ура“ было также и отвѣтомъ сѣверцевъ на призывъ и возгласъ Августѣйшаго вождя. На другой день, 4-го іюня, во время движенія, къ полку примкнули 98 лошадей, бывшихъ на поправкѣ, а съ ними и 81 нижній чинъ. Походъ на этотъ разъ не имѣлъ ничего общаго съ прежними тяжелыми движеніями: полкъ слѣдовалъ какъ бы по своей собственной землѣ, добытой имъ, въ рядахъ прочихъ войскъ, своею кровью; боевыхъ

тревогъ болѣе не было. Всѣ были бодры и веселы отъ глубокаго сознанія, что честно выполнили свой долгъ и въ прежнюю славную свою исторію, почти за два года тяжкой боевой дѣятельности, внесли новыя свѣтлыя страницы.

По прибытіи въ Карсъ, сѣверцы получили приказаніе выступить въ Александрополь. 20-го іюня они остановились въ этомъ городѣ для короткаго отдыха. Здѣсь полкъ вошелъ въ составъ 3-й сводной кавалерійской дивизіи, подъ начальство свиты Его Величества генералъ-маіора свѣтлѣйшаго князя Зейнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ, и оттуда немедля двинулся въ урочище Джелалъ-оглы, которое было назначено для него штабъ-квартирою. По прибытіи полка, всѣ строевыя лошади, для освѣженія, были спущены на три недѣли на пастьбу, вслѣдствіе чего и нижніе чины имѣли возможность уже окончательно оправиться, тѣмъ болѣе, что имъ оставлена была ежедневная порція мяса въ полтора фунта, и каждый день было отпускаемо по чаркѣ водки.

Въ началѣ іюля полкъ опять освѣжился людьми и лошадьми: 4-го числа изъ запаснаго эскадрона прибылъ 2-й маршевой эскадронъ въ числѣ 189 человѣкъ и 114 лошадей. Эти лошади всѣ безъ исключенія были молодыя, рослыя, хорошо сохранившіяся и сбереженныя; онѣ составили въ полномъ смыслѣ слова украшеніе полка. По окончаніи подножнаго корма, полкъ расположился лагеремъ у селенія Джелалъ-оглы и по мѣрѣ того, какъ постепенно приходилъ въ прежній видъ, возстановлялъ и строевое свое образованіе.

XII.

Новая эпоха въ быту Сѣверскаго полка. Вступленіе въ командованіе полкомъ полковника Медвѣдовскаго. Встрѣча съ нижегородцами. Высочайшая награда. Телеграммы. Поѣздка депутаціи отъ полка въ Копенгагенъ. Освѣженіе полка. Преобразованія въ кавказской арміи. Смотръ корпуснаго командира. Награды шефа полка. Горестный случай въ полку. Кончина Государыни Императрицы. Лагерный сборъ подъ г. Ахалкалаки. Торжество навѣшиванія георгіевскихъ лентъ. Смотръ главнокомандующаго. Пріемъ приглашенія на чай отъ общества офицеровъ двухъ драгунскихъ полковъ. Отъѣздъ Великаго Князя. Выступленіе полка обратно въ штабъ-квартиру. Походъ на персидскую границу. Роковой ударъ 1-го марта 1881-го года. Присяга на подданство Государю Императору Александру III. Депутація отъ полка ко дню похоронъ въ Бозѣ почившаго Императора. Полученіе въ полку мундира въ Бозѣ почившаго Императора, Лагерный сборъ подъ городомъ Ахалкалаки. Конецъ двадцатипятилѣтія Сѣверскаго драгунскаго полка. Выступленіе изъ лагеря обратно въ Джелалъ-оглы. Походное движеніе въ новую штабъ-квартиру. Обѣдъ, данный генераломъ Батіевскимъ въ честь полка. Поднесеніе шашки генералу Батіевскому. Прибытіе въ Моздокъ. Назначеніе 1-го января 1882 г. командующимъ войсками кавказскаго военнаго округа князя Дондукова-Корсакова. Отчисленіе полковника Медвѣдовскаго отъ командованія полкомъ. Новая штабъ-квартира во Владикавказѣ. Перемѣна нумера полка. Предстоящее переформированіе въ 6-ти-эскадронный составъ. Встрѣча командующаго войсками князя Дондукова-Корсакова. Назначеніе и прибытіе новаго командира полка полковника Ситникова. Жизнь во Владикавказѣ. Преобразованія. Лагерь 1883-го года. День священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Посѣщеніе лагеря корпуснымъ командиромъ. Полковой праздникъ. Пріѣздъ и смотръ Государя Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Инспекторскій смотръ Зима. Совершеннолѣтіе, 6-го мая 1884-го года, Государя Наслѣдника Цесаревича. Приводъ къ присягѣ молодыхъ солдатъ. Эскадронные праздники. Годовщина аравартанской битвы.

Полковой праздникъ въ 1878-мъ году открылъ собою новую эпоху въ жизни полка: вопервыхъ, мирную дѣятельность, напоминавшую промежутокъ между 1864-мъ и 1876-мъ годами, а вовторыхъ— новое командованіе полкомъ, на началахъ и при условіяхъ, весьма отличныхъ отъ предыдущаго времени.

Высочайшимъ приказомъ 6-го августа 1878-го года, командиромъ Сѣверскаго полка былъ назначенъ полковникъ Медвѣдовскій, вступившій въ командованіе 8-го сентября, т. е. въ день

ВАХМИСТРА

МИХАИЛЪ ЧУМАЧКОВЪ. ПАВЕЛЪ ОПОШНЯНСКІЙ. НИКОЛАЙ ШЕВЕЛЕВЪ. ДМИТРІЙ ГАТѢНСКІЙ.

полковаго праздника, на которомъ онъ и присутствовалъ. Батіевскій же, награжденный чиномъ генералъ-маіора, Высочайшимъ приказомъ 27-го іюля 1878-го года, былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 1-й кавказской кавалерійской дивизіи.

День полковаго праздника ознаменовался слѣдующею телеграммою Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго:

„Государь Императоръ изволилъ приказать мнѣ передать Сѣверскимъ драгунамъ Свое Монаршее поздравленіе съ полковымъ праздникомъ и спасибо за славную службу. Счастливъ исполнить царское порученіе. Пріймите и мое поздравленіе и сердечную благодарность за всѣ ваши подвиги и труды. Пью за здоровье молодцевъ сѣверцовъ. Ура! Михаилъ".

Новый командиръ, Николай Юліановичъ Медвѣдовскій, изъ дворянъ полтавской губерніи, воспитывался въ павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, а съ 25-го августа 1863-го года въ павловскомъ военномъ училищѣ, гдѣ былъ произведенъ, 23-го мая 1864-го года, въ корнеты, въ лейбъ-гвардіи кирасирскій (гатчинскій) Ея Величества полкъ. 29-го сентября 1865-го года онъ былъ назначенъ адъютантомъ штаба 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи и 30-го августа 1870-го года вступилъ въ академію генеральнаго штаба. По окончаніи въ ней курса наукъ, онъ былъ зачисленъ въ кавалергардскій полкъ. Для практическаго ознакомленія съ техническою строевою кавалерійскою службою, Медвѣдовскій былъ прикомандированъ, съ 1-го сентября 1873-го года по 15-е апрѣля 1874-го года, къ учебному кавалерійскому эскадрону, а затѣмъ возвратился въ полкъ. Въ 1876-мъ году Медвѣдовскій вступилъ въ сербскую службу, и вслѣдствіе этого, Высочайшимъ приказомъ 3-го іюля того же года, уволенъ изъ нашей службы; но 20-го января 1877-го года онъ вновь опредѣленъ на службу, съ зачисленіемъ въ генеральный штабъ, и 30-го марта того же года назначенъ начальникомъ штаба 3-й сводной кавказской кавалерійской дивизіи. Прямо съ этой должности онъ принялъ Сѣверскій полкъ. Полковникъ Медвѣдовскій, въ продолженіе короткой службы своей, удостоенъ былъ орденовъ св. Георгія 4-го класса, св. Владиміра 3-й ст. съ мечами, св. Анны 2-й ст. съ мечами и

3-й ст., св. Станислава 2-й и 3-й степеней, золотой сабли за храбрость, персидскаго Льва и Солнца 2-й степени, сербскаго Такова и датскаго Данеброга.

Спустя нѣсколько дней, новый командиръ полка принялъ участіе въ радушной товарищеской встрѣчѣ сѣверцевъ съ ихъ старыми друзьями нижегородцами, прибывшими въ Джелалъ-оглы 22-го сентября. На другой день эскадроны разошлись на зимнія квартиры: 1-й, 2-й и 3-й въ сел. Воронцовку, а 4-й въ с. Привольное. Жизнь пошла хотя и не такъ, какъ бывало на зимнихъ стоянкахъ до войны, но все же удобно и покойно—что было въ данный моментъ едва ли не важнѣе прежнихъ развлеченій и увеселеній, такъ какъ, послѣ долгихъ тревогъ и напряженнаго состоянія, спокойствіе ни для кого не было лишнимъ. Среди своего деревенскаго затишья, полкъ имѣлъ случай воспользоваться однимъ изъ торжественныхъ праздниковъ—которые, впрочемъ, были для него давно уже не новы: 13-го октября 1878-го года послѣдовалъ Высочайшій приказъ о пожалованіи сѣверцамъ еще одной награды, и въ приказѣ по полку объ этомъ было выражено слѣдующее:

„Въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволенія, въ награду за подвиги мужества и храбрости, оказанные въ продолженіе войны 1877—1878-го годовъ войсками, дѣйствовавшими въ азіятской Турціи, Государь Императоръ Всемилостивѣйше пожаловалъ ввѣренному мнѣ полку широкія георгіевскія ленты на штандарты, съ надписями 1-му и 2-му дивизіонамъ: *за дѣло 3-го іюня подъ Карсомъ и штурмъ этой крѣпости 6-го ноября 1877-го года*“.

Первымъ привѣтствователемъ этой Высочайшей милости не преминулъ быть ближайшій цѣнитель и виновникъ заслугъ Сѣверскаго полка, Государь Великій Князь главнокомандующій, выразившій тотчасъ столь драгоцѣнное для полка сочувствіе. Въ томъ же приказѣ объ этомъ было сказано такъ:

„Его Императорскому Высочеству главнокомандующему угодно было осчастливить меня порученіемъ передать сѣверцамъ Его сердечное поздравленіе съ Высочайшею Монаршею милостью, которую полкъ, по милостивому выраженію Его Высочества, вполнѣ заслужилъ своею кровью и многими жизнями славныхъ товарищей.

„Съ восторгомъ сообщая о столь лестномъ отзывѣ обожаемаго главнокомандующаго, увѣренъ, что каждый сѣверецъ глубоко начерталъ въ сердцѣ своемъ всегда вѣчную истину: за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаютъ“.

Столь важная Высочайшая награда, естественно, не могла не быть лестною и для Августѣйшаго шефа полка, поэтому, зная насколько она порадуетъ Его Величество, командиръ полка телеграфировалъ Королю Датскому въ Копенгагенъ нижеслѣдующее:

„Только что получилъ Высочайшій приказъ, которымъ пожалованы штандартамъ полка имени Вашего Величества широкія георгіевскія ленты за славную атаку 3-го іюня подъ стѣнами Карса и за штурмъ этой крѣпости 6-го ноября 1877-го года. Преисполненные восторженною радостью по поводу этой награды, исключительной во всей русской арміи, сѣверскіе драгуны имѣютъ счастье повергнуть къ стопамъ своего Августѣйшаго шефа самыя искреннія и всепреданнѣйшія поздравленія. Сѣверцы гордятся, что съумѣли къ своей прежней славной исторіи прибавить новую блестящую Монаршую милость и честь носить имя Вашего Величества“.

На эту депешу послѣдовалъ отвѣтъ такого содержанія:

„Искренно благодарю васъ за сообщеніе о славной наградѣ, Всемилостивѣйше пожалованной полку за блистательное участіе при взятіи крѣпости Карса. Сердечно поздравляю васъ; прошу принять увѣреніе, что горжусь честью быть шефомъ этого храбраго и славнаго полка. Христіанъ“.

Такой милостивый отзывъ, въ связи съ важностью событія, его породившаго, вызвалъ въ сѣверской семьѣ единодушное желаніе— отправить къ шефу депутацію и поднести Его Величеству форменную полковую шашку въ воспоминаніе заслугъ полка, оказанныхъ въ минувшую войну. Объ этомъ, конечно, было доложено главнокомандующему, и Государь Великій Князь не только одобрилъ такое преднамѣреніе, но и обѣщалъ исходатайствовать на осуществленіе его Высочайшее соизволеніе по прибытіи въ Петербургъ на георгіевскій праздникъ.

Въ этомъ году торжество 26-го ноября ожидалось въ столицѣ весьма блестящее, такъ какъ геройскіе подвиги войскъ украсили

армію громаднымъ числомъ кавалеровъ. Всѣмъ частямъ было предписано отправить къ празднику своихъ представителей. Отъ Сѣверскаго полка были командированы: полковникъ Медвѣдовскій, командиръ 1-го эскадрона маіоръ князь Микеладзе и молодой, но заслуженный вахмистръ того же эскадрона Николай Шевелевъ.

Государь Императоръ изволилъ принимать кавалеровъ, 26-го ноября, въ зимнемъ дворцѣ. Офицеры и нижніе чины, прибывшіе отъ войскъ кавказской арміи, были собраны въ особомъ залѣ. Во главѣ ихъ находился генералъ-фельдмаршалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

Въ ожидаемый часъ Монархъ вступилъ въ этотъ залъ и подошелъ прямо къ Его Высочеству. Привѣтствовавъ кавказскаго главнокомандующаго братскимъ объятіемъ и поцѣлуемъ, Его Величество обратился къ всѣмъ остальнымъ и, съ неизмѣнною всегда ласкою, свѣтившеюся во взорѣ, произнесъ:

— *Отъ души благодарю васъ за ваши подвиги.*

Послѣ этого, взявъ рукою за георгіевскій крестъ 4-й степени, висѣвшій на груди, Государь съ особеннымъ чувствомъ продолжалъ:

— *Я горжусь этимъ крестомъ, который заслужилъ въ рядахъ молодецкой кавказской арміи.*

Когда Императоръ заключилъ этимъ Свое милостивое привѣтствіе, Великій Князь приступилъ къ представленію Его Величеству всѣхъ кавалеровъ. Никто изъ офицеровъ не остался обойденнымъ, и каждый изъ нихъ удостоился нѣсколькихъ царскихъ словъ.

На другой день, въ зимнемъ дворцѣ былъ кавалерскій обѣдъ. Тутъ главнокомандующій не упустилъ доложить Государю о желаніи сѣверцевъ. Его Величество изволилъ отнестись къ предначѣренію полка весьма благосклонно и осчастливилъ Своихъ однополчанъ Высочайшимъ соизволеніемъ. Въ то же время Государю благоугодно было сообщить о томъ Цесаревнѣ, которая, въ свою очередь, не замедлила о предстоящей поѣздкѣ сѣверской депутаціи въ Копенгагенъ довести до свѣдѣнія Своего Августѣйшаго Родителя.

Послѣ этого полковникомъ Медвѣдовскимъ немедленно была заказана извѣстному петербургскому мастеру шашка форменнаго офи-

церскаго образца, въ золотыхъ ножнахъ—для поднесенія Королю. При всей спѣшности работы шашка была изготовлена едва лишь къ 23-му декабря, и 26-го числа, когда депутація откланивалась главнокомандующему, была представлена къ осмотру Его Императорскаго Высочества.

Тѣмъ временемъ, со стороны главнаго штаба были сдѣланы всѣ распоряженія къ отправленію депутаціи и въ день ея выѣзда, 27-го декабря, сообщено нашему послу въ Копенгагенъ о назначенномъ ей, по маршруту, времени прибытія, но къ указанному дню депутаты не поспѣли по случаю запозданія поѣзда въ г. Килѣ и явились въ столицу Даніи только 31-го числа. Между тѣмъ Король, пребывавшій все еще въ Своей лѣтней резиденціи, 30-го декабря изволилъ пріѣхать въ Копенгагенъ. Не заставъ Своихъ гостей, Его Величество изволилъ отбыть обратно, поручивъ пріемъ ихъ капитану генеральнаго штаба Дальбергу. По прибытіи депутатовъ, Дальбергъ встрѣтилъ ихъ съ изысканною предупредительностью и въ королевскихъ экипажахъ отвезъ въ заранѣе приготовленное помѣщеніе. Оттуда сѣверцы немедленно отправились къ нашему послу, были имъ приняты очень любезно и приглашены къ обѣду.

На утро Его Величество удостоилъ Своихъ сѣверскихъ гостей слѣдующею телеграммою:

„Поздравляю съ новымъ годомъ. Радъ вашему пріѣзду; завтра увижусь".

2-го января, въ два часа пополудни, депутація по назначенію Короля явилась во дворецъ, привезя съ собою и шашку. Спустя самое короткое время, Его Величество изволилъ выйдти въ залъ въ мундирѣ Сѣверскаго полка и, подавъ руку пріѣзжимъ, не исключая и вахмистра Шевелева, изволилъ привѣтствовать ихъ на французскомъ языкѣ слѣдующими словами:

— Очень радъ видѣть представителей храбраго полка, во главѣ котораго Я горжусь стоять.

Затѣмъ, вынувъ шашку изъ лежавшаго на столѣ открытаго футляра, шефъ растроганнымъ голосомъ поблагодарилъ сѣверцевъ и, снявъ съ плеча Свое оружіе, замѣнилъ его поднесеннымъ подаркомъ. Этимъ однако не ограничилось все высокое вниманіе, ко-

торымъ Король осчастливилъ Своихъ гостей: Его Величество въ высшей степени благосклонно расспрашивалъ прибывшихъ о поѣздкѣ ихъ; о томъ, не устали ли они въ дорогѣ, о здоровьи Государя Императора и нашего Царствующаго Дома и, въ заключеніе, прощаясь съ Своими однополчанами, опять пожалъ имъ всѣмъ руки.

На слѣдующій день депутаты были приглашены въ шесть часовъ пополудни на королевскій обѣдъ. За столомъ они были посажены противъ шефа. Кромѣ Королевы и наслѣднаго Принца съ супругою, за обѣдомъ присутствовали министры, русскій посолъ и секретарь нашего посольства. Первый тостъ былъ предложенъ Королемъ за здравіе Государя Императора, а второй—за Сѣверскій полкъ. Въ отвѣтъ на это нашъ посолъ провозгласилъ тостъ за здравіе Его Величества. Вставъ отъ стола, всѣ послѣдовали за Августѣйшими хозяевами въ залъ, и здѣсь Ихъ Величества расспрашивали сѣверцевъ о подробностяхъ минувшей войны. Изъ зала Король направился въ Свой кабинетъ. Спустя нѣкоторое время, шефъ потребовалъ къ Себѣ, черезъ посредство военнаго министра, поочередно каждаго изъ членовъ депутаціи и возложилъ на нихъ ордена Данеброга—на Медвѣдовскаго 1-й степени, на князя Микеладзе 2-й степени, а на вахмистра Шевелева серебряный крестъ.

Изъ дворца депутація была приглашена въ театръ. Полковникъ Медвѣдовскій и князь Микеладзе, вмѣстѣ съ капитаномъ Дальбергомъ, заняли мѣста въ королевской ложѣ, а вахмистръ Шевелевъ—во второмъ ряду креселъ. Черезъ четверть часа пожаловали Ихъ Величества и заняли ложу рядомъ съ сѣверцами. Нѣтъ сомнѣнія, что въ теченіе всего времени общее вниманіе сосредоточивалось на депутатахъ, бывшихъ какъ въ этотъ разъ, такъ и въ теченіе всего своего пребыванія въ Копенгагенѣ, въ своихъ военныхъ мундирахъ.

Дальнѣйшее время, проведенное сѣверцами въ столицѣ Даніи, было полно для нихъ всякаго разнообразія. Если оставались у нихъ минуты, свободныя отъ увеселеній и развлеченій, то ихъ посвящали интереснымъ осмотрамъ замѣчательныхъ или заслуживающихъ вниманія предметовъ, возили ихъ, между прочимъ, въ учебный эскадронъ, показывали кузницу и т. п. Четвертаго января они

вторично обѣдали у нашего посла, а вечеръ провели у секретаря.

Пятое число назначено было для отъѣзда. Въ этотъ день, въ десять часовъ утра, депутаты имѣли честь откланиваться Королю. Поблагодаривъ ихъ еще разъ за подарокъ, Его Величество пожелалъ имъ счастливаго пути и, на прощанье, снова пожалъ каждому изъ нихъ руку.

Восхищенные вообще необыкновенною привѣтливостью Августѣйшаго шефа, депутаты были окончательно обворожены любезностью наслѣднаго Принца, и въ особенности Его супруги, которые ихъ приняли у себя во дворцѣ послѣ королевскаго напутствія. Кронпринцесса изволила, между прочимъ, выразить сожалѣніе, что пріѣзжіе гости оставляютъ такъ скоро столицу, а затѣмъ, послѣ нѣкотораго разговора, пожелала имъ всякаго благополучія и протянула каждому изъ нихъ руку, которую всѣ трое почтительно облобызали. Вахмистру же Шевелеву Ея Высочество изволила при этомъ сказать:

— Передай отъ меня поклонъ Наслѣдницѣ.

Въ два часа пополудни депутація выѣхала. По пріѣздѣ въ Петербургъ она немедленно явилась къ Великому Князю главнокомандующему и получила отъ Его Высочества заявленіе, что Цесаревна желала видѣть сѣверцевъ по возвращеніи ихъ изъ Даніи. По полученному затѣмъ черезъ три дня приглашенію они явились въ аничковскій дворецъ и тотчасъ же удостоились быть принятыми Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Его Императорское Высочество, удостоивъ прибывшихъ пожатіемъ руки, милостиво освѣдомился объ ихъ поѣздкѣ и изволилъ, между прочимъ, замѣтить, что получилъ отъ Короля письмо, въ которомъ Его Величество изъявлялъ, по случаю посѣщенія депутаціи, совершенное Свое удовольствіе. Изъ покоевъ Наслѣдника депутаты отправились въ кабинетъ Цесаревны и тутъ имѣли счастіе воспользоваться тѣмъ же привѣтливымъ пріемомъ, который недавно встрѣтили со стороны Кронпринцессы Даніи. Ея Императорское Высочество соизволила привѣтствовать депутатовъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Очень вамъ благодарна, что обрадовали папа. Онъ такъ доволенъ.

Когда звуки этихъ ласковыхъ и дорогихъ словъ замерли въ воздухѣ, бравый вахмистръ Шевелевъ чуть приподнялъ свой подбородокъ, вытянулся пуще прежняго во весь свой молодецкій ростъ и не безъ нѣкотораго волненія въ голосѣ, сопровождавшагося легкимъ движеніемъ регалій, застилавшихъ его грудь, ясно, ровно и неторопливо отчеканилъ:

— Ваше Императорское Высочество! Ея Высочество Кронпринцесса приказала передать свой поклонъ.

Цесаревна улыбнулась и благосклонно поблагодарила кавказскаго героя, никогда въ жизни не предполагавшаго, что ему прійдется быть посредникомъ въ обмѣнѣ привѣтствій между двумя Августѣйшими Особами. Самое порученіе Шевелева не обезпокоивало: онъ привыкъ къ выходамъ и выѣздамъ на ординарцы къ высшему начальству; но смущало его ужасно слово „кронпринцесса“,—и этимъ объясняется все волненіе, имъ испытанное. Когда же этотъ подводный камень удалось ему обойти также свободно и безпрепятственно, какъ обыкновенное „ваше высокоблагородіе“, то онъ просіялъ свѣжимъ макомъ, а начальство его убѣдилось, что усиленные труды его на обученіе вахмистра столь неудобопроизносимому слову даромъ не пропали.

Разставаясь съ депутатами, Государыня Цесаревна изволила подать имъ руку. Съ благоговѣніемъ коснулись ея губами счастливые посѣтители аничковскаго дворца и подъ неописанно благодатнымъ впечатлѣніемъ оставили его ступени.

Но для Шевелева рядъ испытаній еще не кончился.

Черезъ два дня сѣверцамъ дано было знать, что они должны явиться къ Государю Императору. Въ назначенный часъ они прибыли во дворецъ и на этотъ разъ заняли мѣста врозь: полковникъ Медвѣдовскій и маіоръ князь Микеладзе въ пріемномъ залѣ, а вахмистръ Шевелевъ—въ смежной комнатѣ. Вскорѣ Его Величество изволилъ выйдти изъ внутреннихъ покоевъ въ формѣ Сѣверскаго полка и, поздоровавшись съ офицерами, ласково проговорилъ:

— *Васъ, говорятъ, Король баловалъ.*

Затѣмъ, порасспросивъ ихъ о поѣздкѣ, Императоръ подалъ имъ руку и приказалъ *„передать полку поклонъ“*.

Генералъ-адъютантъ Клодтъ доложилъ Его Величеству о вахмистрѣ. Позвали Шевелева. Послѣ привѣтствія, Государь спросилъ у него, хорошо ли его принимали въ Даніи, и когда получилъ короткій и утвердительный отвѣтъ, прибавилъ смѣясь:

— *Пріѣдешь въ полкъ—разскажи. Да смотри, не зазнавайся.*

Шевелевъ въ точности исполнилъ царское повелѣніе: разсказовъ его не наслушались товарищи, и въ теченіе долгаго времени не разъ возобновляли разговоръ о незапамятной поѣздкѣ. Шевелевъ, помня слова Государя, охотно удовлетворялъ просьбамъ и требованіямъ своихъ сослуживцевъ, но при этомъ всегда заканчивалъ съ ними бесѣду однимъ и тѣмъ же выводомъ—что для драгуна лучше всѣ боевыя тревоги вмѣстѣ, чѣмъ одна партикулярная.

Пока свершались въ сторонѣ отъ полка всѣ эти радостныя событія, во внутреннемъ быту его тихо догоралъ 1878-й годъ, унося въ вѣчность тѣ тревоги, которыя были послѣдними вздохами славной и незапамятной нашей войны. Въ служебной жизни полка этотъ годъ завершился совершеннымъ освѣженіемъ и, такъ сказать, обновленіемъ его. Оно состояло въ томъ, что 21-го ноября изъ запаснаго эскадрона прибылъ годовой ремонтъ. Съ этой минуты весьма мало осталось лошадей старыхъ сроковъ и почти весь полкъ сѣлъ на такихъ хорошихъ лошадей, которыхъ не было даже и передъ войною. Одни только офицеры терпѣли въ нихъ недостатокъ, потому что многіе во время кампаніи ихъ лишились, а у другихъ онѣ не удовлетворяли желаемому назначенію. Такъ какъ пріобрѣтеніе хорошихъ лошадей на Кавказѣ сопряжено съ большими затрудненіями и даже почти невозможно, то для покупки ихъ былъ командированъ во внутреннія губерніи подполковникъ Коргановъ. Въ началѣ ноября онъ привелъ изъ Воронежа 21 молодую строевую офицерскую лошадь. Всѣ лошади были трехъ и четырехъ лѣтъ, заводовъ Станкевича, Болховскаго и другихъ. Осталось только надлежащимъ образомъ выѣздить и втянуть молодыхъ лошадей, и на эту важную сторону строеваго дѣла въ полку было употреблено все дальнѣйшее время и обращено особенное вниманіе, тѣмъ болѣе потому, что, по разнымъ причинамъ, слѣдовало ожидать скорыхъ смотровъ.

1879-й годъ начался преобразованіемъ, объявленнымъ въ Высочайшемъ приказѣ 17-го декабря 1878-го года: кавказская кавалерійская и сводная кавказская казачья дивизіи, въ составъ первой изъ которыхъ входилъ до того времени Сѣверскій полкъ, были упразднены и взамѣнъ ихъ образованы три кавказскія кавалерійскія дивизіи. Въ 1-ю бригаду первой изъ этихъ дивизій вошли 16-й нижегородскій и 17-й Сѣверскій драгунскіе полки. Тѣмъ же приказомъ, изъ войскъ кавказской арміи были сформированы 1-й и 2-й кавказскіе армейскіе корпуса и 1-я кавказская кавалерійская дивизія включена въ составъ 1-го корпуса. Командиромъ 1-й бригады былъ назначенъ генералъ-маіоръ Батіевскій. Изъ четырехъ запасныхъ эскадроновъ драгунскихъ кавказскихъ полковъ была образована особая кавказская запасная кавалерійская бригада. Къ переформированіямъ же согласно приказу по кавказской арміи отъ 11-го января 1879-го года, приступлено съ 1-го февраля 1879-го года. 16-го же февраля былъ розданъ офицерамъ ремонтъ, приведенный подполковникомъ Коргановымъ, и полкъ явился въ такомъ видѣ, что могъ щегольски представиться самому взыскательному инспектору.

Въ дополненіе ко всѣмъ этимъ явленіямъ послѣдовало, наконецъ, полученіе въ полку давно жданной Высочайшей грамоты на пожалованныя ему георгіевскія ленты. Грамота эта была препровождена при приказѣ начальника кавказской кавалерійской дивизіи отъ 13-го февраля 1879-го года за № 30 слѣдующаго содержанія:

„Нижегородскіе и сѣверскіе драгуны! Боевая служба въ минувшую грозную годину, неотразимые удары ваши, сломившіе врага на поляхъ Бегли-Ахмета, Аравартана, на крутостяхъ аладжинскихъ высотъ и у твердынь Карса, обратили на себя милостивое вниманіе обожаемаго Царя-Отца, осчастливившаго васъ новою высокою наградою. Вручая вамъ Монаршія грамоты о пожалованіи широкихъ георгіевскихъ лентъ на покрытые вѣковою славою штандарты ваши, я счастливъ, что довелось исполнить это мнѣ, служившему болѣе 20-ти лѣтъ въ рядахъ нижегородскаго полка, и очевидцу тѣхъ подвиговъ, за которые вы получили всѣ предшествующія награды“.

„Богатыри-драгуны! Да поможетъ вамъ Господь эти четыре первые въ Россіи штандарта освятить въ новыхъ главныхъ бояхъ, оправдавъ тѣмъ высокую милость Державнаго Вождя, и въ глазахъ всей многомиліонной родины нашей показать себя достойными ея сынами".

Когда, по веснѣ 1879-го года, всѣ преобразованія улеглись, то послѣдовали нѣкоторыя частныя распоряженія по округу и по вновь сформированнымъ частямъ, которыя заняли собою почти все время до сентября. Тутъ опять наступилъ полковой праздникъ. Отпраздновавъ его, полкъ сталъ готовиться къ смотру корпуснаго командира генералъ-отъ-инфантеріи Своева. 26-го сентября смотръ былъ произведенъ близъ Джелалъ-оглы, у селенія Александровки, гдѣ въ осеннемъ лагерѣ находились оба полка—Сѣверскій и нижегородскій. Не взирая на всѣ строгія требованія инспектировавшаго, полкъ найденъ былъ въ томъ отличномъ видѣ, въ какомъ онъ уже не разъ представлялся начальствующимъ лицамъ до кампаніи.

Вскорѣ по отъѣздѣ инспектирующаго полкъ удостоенъ былъ особаго благоволенія своего Августѣйшаго шефа, который изволилъ выслать ему за военныя заслуги въ минувшую войну—для офицеровъ знаки датскаго ордена Данеброга и для нижнихъ чиновъ медали. 11-го ноября командиромъ полка были розданы: ордена тремъ штабъ-офицерамъ и 8-ми оберъ-офицерамъ, а медали—десяти нижнимъ чинамъ золотыя и сорока человѣкамъ серебряныя.

Не успѣло еще остыть впечатлѣніе этого пріятнаго случая, какъ новое событіе доказало, что Верховный Однополчанинъ сѣверцевъ не упускаетъ ни одной удобной минуты для напоминанія имъ о Своемъ высокомъ и постоянномъ благоволеніи. Новая царская милость неожиданно явилась для двухъ полковъ-„братьевъ" въ слѣдующей депешѣ, полученной 26-го ноября, въ день кавалерскаго праздника св. Георгія:

„*Поздравляю оба полка съ высшею военною наградою, ими заслуженною, а нижегородцевъ, кромѣ того, съ завтрашнимъ полковымъ праздникомъ. Увѣренъ, что оба полка всегда будутъ достойны ихъ славы и всѣхъ отличій, заслуженныхъ какъ въ прежнія времена, такъ и въ послѣднюю войну. Горжусь числиться въ обоихъ полкахъ. Александръ*".

Неожиданность такого драгоцѣннаго Монаршаго благоволенія глубоко потрясла оба полка. Единодушныя и всеподданнѣйше-искреннія ихъ чувства выразились въ отвѣтной телеграммѣ ихъ командировъ такого содержанія:

„Милостивыя слова депеши Вашего Императорскаго Величества вызвали единодушный взрывъ восторга. Нижегородцы и сѣверцы клянутся оправдать надежды своего обожаемаго Монарха и быть достойными своей славы".

Зима была проведена обоими полками вмѣстѣ. Все, что можно было придумать для пріятнаго и полезнаго времяпрепровожденія, не исключая и бесѣдъ, имѣвшихъ предметомъ военно-научное образованіе офицеровъ, было введено въ дѣло. Но, къ сожалѣнію, общественныя развлеченія страдали недостаткомъ чужого, посторонняго, и въ особенности дамскаго общества—что дѣлало ихъ сколько вполнѣ семейными, столько же, однако, и однообразными.

Болѣе или менѣе эта тихая и безтревожная жизнь была нарушена въ февралѣ 1880-го года однимъ весьма печальнымъ происшествіемъ, крѣпко огорчившимъ цѣлый полкъ—хотя самый случай былъ роковымъ для одного только изъ его бравыхъ служакъ: 26-го числа, въ 8-мь часовъ вечера, вахмистръ эскадрона Его Величества, недавній депутатъ полка, Николай Шевелевъ, ужиная у себя въ квартирѣ вмѣстѣ съ эскадроннымъ каптенармусомъ Комисаровымъ, былъ неожиданно убитъ наповалъ пулею въ спину, со двора, въ окно комнаты. Хотя къ дознанію было приступлено по горячимъ слѣдамъ, но, къ несчастью, ни самъ убійца, ни причины, побудившія его къ такому злодѣянію, открыты и выяснены не были. Такъ и канулъ безслѣдно въ вѣчность этотъ печальный случай. Одно только утвердительно можно было сказать, что злополучнаго вахмистра поразила рука кого либо изъ молоканъ—что прежде всего доказывала пуля, которою онъ былъ сраженъ. Впрочемъ, не нужно было и этого признака, чтобы преступника выключить изъ ряда сослуживцевъ Шевелева, такъ какъ покойный вахмистръ былъ уважаемъ не только всѣми солдатами, но и офицерами—чему много способствовало сверхсрочное служеніе его въ полку и его испытанная храбрость, доставившая ему всѣ четыре знака отличія воен-

наго ордена, золотую датскую медаль и серебряный датскій крестъ. 28-го февраля сѣверцы предали землѣ тѣло одного изъ своихъ храбрѣйшихъ сотоварищей. Надъ могилою его въ Джелалъ-оглы воздвигнутъ скромный памятникъ.

Не остыло еще вполнѣ впечатлѣніе этого горестнаго случая, какъ другому, болѣе важному событію суждено было облечь въ трауръ сердца сѣверцевъ: 22-го мая по всей Россіи пронеслось тяжкое извѣстіе о кончинѣ въ этотъ день Государыни Императрицы. На другой же день всѣ эскадроны были собраны въ Джелалъ-оглы и 24-го числа, при панихидѣ, принесли Творцу теплую молитву за душу въ Бозѣ почившей Матери русскаго народа. Послѣ этого, эскадроны разошлись въ свои мѣста.

Черезъ два мѣсяца, именно 25-го іюля, полкъ выступилъ въ лагерный сборъ къ городу Ахалкалаки, куда и прибылъ 31-го іюля. Въ составъ лагеря, подъ начальствомъ начальника 38-й пѣхотной дивизіи, вошли слѣдующія войска: 38-я пѣхотная дивизія, 1-я бригада 1-й кавказской кавалерійской дивизіи, 38-я артилерійская бригада и 5-я батарея конно-артилерійской бригады кубанскаго казачьяго войска.

Этотъ 1880-й годъ, а равнымъ образомъ и лагерный сборъ у гор. Ахалкалаки, остался памятенъ и знаменателенъ для сѣверцевъ не рядомъ удавшихся смотровъ, а новымъ выраженіемъ благоволенія къ нимъ Августѣйшаго главнокомандующаго и торжествомъ навѣшиванія георгіевскихъ лентъ, которыя были Высочайше пожалованы полку 13-го октября 1878-го года.

Его Высочество изволилъ прибыть въ Ахалкалаки 10-го сентября, въ четвертомъ часу пополудни. Принявъ почетный караулъ и сѣвъ тотчасъ на коня, Государь Великій Князь изволилъ приступить къ объѣзду и осмотру лагеря, начавъ его съ драгунской бригады. Войска быстро стали на линію, привѣтствуя, какъ и всегда, отъ всего искренняго сердца своего дорогого Вождя. Во время осмотра пошелъ довольно крупный дождь, который однако не помѣшалъ главнокомандующему довершить объѣздъ. Дождь этотъ собственно для предстоящихъ смотровъ ничего не значилъ, но онъ и его послѣдствія могли бы помѣшать тому торжеству, кото-

рое на слѣдующій день предстояло для сѣверцевъ. Къ счастью, опасенія оказались напрасны, потому что на утро грязь была уже небольшая, а благодатное солнце не щадило своихъ лучей, чтобы въ скоромъ времени высушить ее окончательно.

Въ восемь съ половиною часовъ утра, 11-го сентября, всѣ войска лагеря стояли въ полѣ, готовыя встрѣтить главнокомандующаго. Они были выстроены въ каре слѣдующимъ порядкомъ: одинъ фасъ составляли четыре пѣхотныхъ полка 38-й дивизіи въ сомкнутыхъ баталіонныхъ колоннахъ, другой—38-я артилерійская бригада, третій—нижегородцы и сѣверцы развернутымъ фронтомъ, четвертый, короткій фасъ—конная батарея. Въ серединѣ каре, шаговъ на двѣсти отъ фронта кавалерійской бригады, былъ поставленъ аналой, на которомъ красовалась дорогая и завѣтная икона сѣверцевъ; тутъ же находился и полковой образъ нижегородцевъ. На аналоѣ были разложены четыре широкія георгіевскія ленты 1-й степени. Вокругъ стояло духовенство, на блестящихъ парадныхъ ризахъ котораго солнце переливалось безконечнымъ множествомъ радужныхъ искръ. Тишина была заповѣдная.

Ровно въ девять часовъ подъѣхалъ къ войскамъ главнокомандующій въ формѣ нижегородскаго полка, имѣя ленту св. Георгія 1-й степени поверхъ мундира. При приближеніи Его грянули хоры музыки и задушевные отвѣты на милостивыя привѣтствія Его Высочества. Вскорѣ опять все затихло, и среди этого молчанія передъ фронтомъ драгунской бригады раздалась громкая, отчетливая команда главнокомандующаго:

— Штандарты передъ первые взводы!

Боевыя хоругви заколыхались и чрезъ минуту—стояли на указанныхъ мѣстахъ. Послѣ этого Великій Князь приказалъ подвести ихъ къ аналою. Сопровождаемыя адъютантами, онѣ придвинулись къ иконамъ. Адъютанты и штандартные унтеръ-офицеры слѣзли съ коней, которыхъ тотчасъ увели ассистенты, и затѣмъ подошли къ аналою, гдѣ выстроились въ одну шеренгу; къ флангу ея примкнули и командиры обоихъ полковъ. Среди всеобщаго безмолвія, главнокомандующій, взявъ со стола ленту за лентою, навѣсилъ ихъ поочередно на всѣ четыре штандарта обоихъ полковъ. Послѣ этого,

командиры полковъ полковники Медвѣдовскій и Корсаковъ сѣли на коней и стали каждый предъ фронтомъ своего полка. По полю пронеслась команда „слушай, на краулъ!“ Блеснули тысячи ружей и шашекъ—и мгновенно замерли въ рукахъ. Послѣдовало чтеніе обоими командирами Высочайшихъ грамотъ на пожалованныя награды. По окончаніи чтенія войска взяли „на плечо“, а трубачи сыграли „на молитву“. Этотъ сигналъ быстро смѣнился проникающими въ душу мотивами стиха „Коль славенъ нашъ Господь“, за которымъ послѣдовало краткое молитвословіе духовенства и окропленіе штандартовъ святою водою.

Обрядъ освященія былъ конченъ; началось молебствіе. По провозглашеніи многолѣтія Государю Императору, Августѣйшему Дому и, въ заключеніе,—обоимъ полкамъ—нижегородскому и Сѣверскому, полки эти были также окроплены святою водою. Церковная церемонія завершилась молитвеннымъ отбоемъ.

Сѣвъ вновь на коня, главнокомандующій сталъ передъ серединою бригады и приказалъ заѣхать на четверть круга 1-му дивизіону нижегородцевъ налѣво, а 2-му дивизіону сѣверцевъ направо. Когда заѣзды были исполнены, Его Высочество изволилъ произнести слѣдующее:

„Нижегородцы и сѣверцы! поздравляю васъ съ новою Монаршею милостью. Передавая вамъ ваши штандарты съ навѣшенными на нихъ георгіевскими лентами 1-й степени, Я долженъ сказать вамъ, что ни одна часть въ русской арміи, въ россійской имперіи, не имѣетъ награды подобно вашей. Помните же, нижегородцы и сѣверцы, что ни одна часть не удостоивалась знаковъ столь высокаго Монаршаго благоволенія, какъ вы. Я увѣренъ, что тотъ духъ, которымъ гордитесь вы, оба полка, будетъ вѣчно съ вами и поведетъ васъ и въ будущемъ къ славѣ, которая и теперь такъ справедливо и заслуженно живетъ за вами и записана въ исторіи вашихъ полковъ. Вы—участники послѣдней кампаніи, должны вселить молодымъ тотъ духъ молодечества и любовь къ полку, которые привели васъ къ такимъ подвигамъ и къ громкой славѣ. Вы должны не только на службѣ, но и дома поддерживать вашъ духъ и сообщить его старымъ и молодымъ. Еще разъ поздравляю васъ съ небывалою наградою“.

Дружное, восторженное „ура“ покрыло собою послѣднія слова Царственнаго Вождя.

Когда штандарты были отведены къ полкамъ, а дивизіоны стали на свои мѣста, Великій Князь вызвалъ къ себѣ офицеровъ всей бригады и обратился къ нимъ съ особою рѣчью болѣе или менѣе въ томъ же родѣ, въ какомъ высказался только что передъ фронтомъ обоихъ полковъ. Его Высочество заключилъ ее сердечною благодарностью за существующій въ полкахъ воинскій духъ и указалъ на всю важность поддержанія его и въ будущемъ, такъ какъ при такомъ духѣ „можно дѣлать чудеса“. Еще разъ поблагодаривъ офицеровъ и выразивъ увѣренность, что они и впредь достойно поддержатъ славу своихъ полковъ, главнокомандующій удостоилъ поцѣлуемъ обоихъ командировъ, начальника дивизіи князя Чавчавадзе, командира бригады генералъ-маіора Кельнера и находившагося при этомъ бывшаго командира нижегородскаго полка свиты Его Величества генералъ-маіора князя Амилахвари. Не забытъ былъ также и отсутствовавшій бывшій командиръ Сѣверскаго полка, и потомъ недавній командиръ бригады, генералъ-маіоръ Батіевскій. Благосклонно освѣдомясь о его здоровьи, Государь Великій Князь высказалъ Свое сожалѣніе, что его нѣтъ на торжествѣ полка, который онъ достойно водилъ къ побѣдѣ и славѣ въ теченіе всей послѣдней турецкой войны.

Парадъ заключился церемоніальнымъ маршемъ всѣхъ войскъ, бывшихъ въ строю. Всѣ офицеры драгунской бригады, классные чиновники и священники были приглашены Его Высочествомъ къ тремъ часамъ на обѣдъ, сервированный въ домѣ, приготовленномъ въ городѣ къ пріему главнокомандующаго. Изъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу бригады, за обѣдомъ присутствовали только двое: корпусный командиръ генералъ-отъ-инфантеріи Своевъ и начальникъ лагеря генералъ-лейтенантъ Мерхилевичъ. Первый тостъ былъ провозглашенъ за здравіе Государя Императора и встрѣченъ единодушнымъ „ура“ и залпомъ всѣхъ батарей лагеря. Его Величеству была отправлена поздравительная депеша. Поднявъ вскорѣ затѣмъ еще бокалъ и вставъ съ мѣста, Великій Князь, послѣ нѣсколькихъ лестныхъ словъ въ пользу обоихъ полковъ, провозгласилъ

второй тостъ за ихъ здоровье. На это новое высокое благоволеніе Августѣйшаго хозяина, начальникъ дивизіи князь Чавчавадзе отвѣчалъ прочувствованною, живою и прекрасною рѣчью, которая была закончена провозглашеніемъ тоста за здравіе Его Императорскаго Высочества. Задушевное „ура“ огласило собою зданіе; оно повторялось и перекатывалось до тѣхъ поръ, пока Августѣйшій главнокомандующій изволилъ вновь занять Свое мѣсто.

12-го октября былъ смотръ драгунской бригады въ конномъ строю; короткое, но лихое ученье закончилось церемоніальнымъ маршемъ. На другой день произведена повѣрка стрѣльбы. Главнокомандующій всѣмъ вообще остался вполнѣ доволенъ. Вновь удостоивъ бригаду Своею благодарностью, Его Высочество благосклонно принялъ приглашеніе общества офицеровъ пожаловать вечеромъ на чай.

Вечеромъ, по тревогѣ, были вызваны пѣхота и артиллерія, которымъ Великій Князь произвелъ маневры; драгунамъ же велѣно было не выходить. Въ сумерки Его Высочество подъѣхалъ къ линейкѣ драгунъ, сплошь залитой свѣтомъ огней, и былъ встрѣченъ всѣми офицерами, музыкою и пѣснями. Путь къ большому шатру, въ которомъ сервировали чай, также былъ освѣщенъ кострами, плошками и факелами. По обѣ стороны пути были разставлены нижніе чины, и эта живая шпалера освѣщалась бенгальскими огнями. Шатеръ былъ украшенъ георгіевскими лентами и флагами, а внутри, на видномъ мѣстѣ, красовался портретъ Короля Датскаго, только что присланный Имъ съ курьеромъ въ подарокъ Сѣверскому полку. По этому случаю всѣ офицеры, имѣвшіе датскій орденъ Данеброга, надѣли его на свои сюртуки.

При входѣ въ шатеръ Его Высочество былъ встрѣченъ маршемъ, который исполнилъ офицерскій оркестръ. Послѣдній продолжалъ играть все время, пока главнокомандующій принималъ угощеніе. Великій Князь весьма заинтересовался этимъ оркестромъ и время отъ времени подходилъ къ любителямъ, благосклонно распрашивая о разныхъ подробностяхъ этой офицерской затѣи.

Около полуночи Его Высочество изволилъ отбыть обратно въ городъ, сопровождаемый всѣми офицерами верхомъ.

Утромъ 14-го сентября, послѣ парада, представлялись главнокомандующему конные ординарцы отъ драгунскихъ полковъ. Вечеромъ же, послѣ сильнаго ливня, въ присутствіи Его Высочества была произведена нижнимъ чинамъ манежная ѣзда, а офицерамъ каждаго полка отдѣльно—скачка съ препятствіями на призы. Побѣдители имѣли честь получить эти призы непосредственно изъ рукъ Государя Великаго Князя.

15-го сентября, въ послѣдній день лагернаго сбора, главнокомандующій выѣхалъ въ Боржомъ. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ драгуны, по обыкновенію, провожали своего Царственнаго гостя. 17-го числа полки выступили обратно въ Джелалъ-оглы.

Во второй половинѣ октября была получена телеграмма начальника окружнаго штаба, чтобы Сѣверскій полкъ приготовился къ выступленію на персидскую границу, и въ Нахичевани вступилъ бы въ составъ отряда, формировавшагося тамъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Алхазова, для содѣйствія Персіи въ отраженіи курдовъ, вторгнувшихся подъ начальствомъ шейха Обейдъ-Уллы. Экстренные сборы, въ особенности послѣ недавней кампаніи, не были для полка рѣдкостью, и въ нѣсколько дней онъ вполнѣ снарядился и приготовился. Скоро послѣдовала вторая телеграмма о выступленіи. 6-го ноября, въ незапамятный день годовщины взятія Карса, сѣверцы двинулись. Хотя невполнѣ еще остыли воспоминанія о трудахъ, невзгодахъ и лишеніяхъ послѣдней тяжелой кампаніи, но, не взирая на это, всѣ съ какимъ то особеннымъ удовольствіемъ стремились туда, гдѣ предстоялъ новый случай доказать искреннюю готовность къ исполненію священныхъ велѣній Государя. Персія, ея курды и Курдистанъ не были еще извѣданы сѣверцами, и ихъ манило туда, съ одной стороны, тревожное любопытство, а съ другой—стяжаніе новыхъ подвиговъ чести и славы.

Прибывъ 23-го ноября къ селенію Башъ-Нарашену, находящемуся на почтовомъ нахичеванскомъ трактѣ, полкъ повернулъ отсюда къ границѣ Персіи и здѣсь расположился въ татарскихъ деревняхъ по рѣкѣ Араксу. Настроеніе полка было прекрасное, и тотъ духъ, на который съ такимъ сердечнымъ чувствомъ указывалъ главнокомандующій, горѣлъ теперь всею силою своего жара. Но,

къ сожалѣнію, ожиданіямъ и боевымъ стремленіямъ сѣверскихъ драгунъ на этотъ разъ не суждено было осуществиться: 7-го декабря пріѣхалъ генералъ Алхазовъ, 8-го произвелъ полку смотръ и ученье, которыми остался очень доволенъ, а 10-го уже было получено приказаніе—распустить эриванскій отрядъ. Подъ давленіемъ самаго непріятнаго изъ всѣхъ чувствъ—разочарованія, сѣверцы 14-го числа выступили обратно и прибыли въ штабъ-квартиру 28-го декабря, проведя праздники Рождества Христова, такъ сказать, подъ стѣнами своего дома, но только не въ самомъ домѣ.

Ужаснымъ ударомъ отозвался въ быту Сѣверскаго полка роковой для Россіи день 1-го марта 1881-го года. И нужно же было такъ случиться, чтобы первымъ явленіемъ въ жизни полка, послѣ двухъ тихихъ мѣсяцевъ, было событіе, передъ которымъ дрогнуло не только наше отечество, но и весь міръ. Много и очень много было пережито сѣверцами при полученіи 3-го числа телеграммы о мученической кончинѣ ихъ обожаемаго Державнаго Однополчанина! Если не было ни у кого словъ выразить тѣ чувства, которыя испытало все наше отечество по случаю драгоцѣнной утраты, то какъ можетъ быть выражено впечатлѣніе этой утраты на сѣверцевъ, лишившихся, въ лицѣ Монарха, своего личнаго Благодѣтеля, а болѣе всего Сослуживца, котораго въ рядахъ полка еще не бывало.

3-го марта, спустя нѣсколько минутъ по полученіи телеграммы, сѣверцы съ растерзаннымъ сердцемъ спѣшили къ мѣсту, назначенному для совершенія панихиды. Здѣсь, у аналоя, съ котораго возносился онміамъ объ упокоеніи души Благодѣтеля Россіи, сѣверцы невольно вспомнили тотъ моментъ, когда много лѣтъ назадъ они въ такомъ же положеніи молились за другую душу, которой такъ же много были преданы. Но настроеніе прошлое и теперешнее составляло двѣ ощутительныя разницы: тогда они лишились своего возлюбленнаго шефа, сошедшаго въ могилу въ силу общаго міроваго закона, съ которымъ нельзя не примириться; теперь они утратили своего обожаемаго Царя-Однополчанина вслѣдствіе насилія и злодѣянія, съ которыми ничто не примиряетъ и никто, конечно, никогда не примирялся. Во время панихиды трудно было встрѣтить хоть одинъ глазъ, который бы не былъ смоченъ

горячею слезою; выраженіе лицъ молящихся, глубокая тишина, изрѣдка прерываемая громкими вздохами, наконецъ, вся окружающая обстановка—между прочимъ скромная и траурная, при которой совершалось моленіе, составляли такую картину, которую не всегда въ жизни своей увидишь два раза. Молча, съ понурыми головами, разошлись сѣверцы послѣ панихиды по своимъ мѣстамъ. Не только этотъ первый день, но и долгій рядъ послѣдующихъ носилъ отпечатокъ того глубокаго, задушевнаго траура, который можно себѣ создать самому только въ силу личнаго убѣжденія, но нельзя ни предписать какими бы то ни было законами, ни установить обычаемъ.

Къ утру изъ селенія Привольнаго прибылъ въ Воронцовку 3-й эскадронъ, и 4-го марта, послѣ новой панихиды, весь полкъ былъ приведенъ къ присягѣ на вѣрноподданство Преемнику Царя-Мученика и Наслѣднику Его Престола Императору Александру III. Въ тотъ же день была получена телеграмма начальника дивизіи, чтобы ко дню похоронъ почившаго Императора была выслана депутація. Для этого печальнаго торжества отправились въ столицу: командиръ полка, маіоръ князь Микеладзе, командиръ шефскаго эскадрона капитанъ князь Чхейдзе и вахмистръ 2-го эскадрона Яковъ Янковскій.

По возвращеніи въ полкъ, депутація привезла съ собою мундиръ въ Бозѣ почившаго Императора. Этотъ драгоцѣнный залогъ вѣчной памяти объ Августѣйшемъ Сослуживцѣ былъ показанъ полку, выстроенному въ пѣшемъ строю, развернутымъ фронтомъ, съ оружіемъ и распущенными штандартами. Командиръ полка, возложивъ мундиръ на бархатную подушку, обнесъ его по фронту при звукахъ гимна „Коль славенъ“. Положивъ затѣмъ подушку на аналой полковникъ Медвѣдовскій произнесъ краткую рѣчь, напомнивъ при этомъ о днѣ зачисленія покойнаго Императора въ среду сѣверской семьи, о томъ, при какихъ условіяхъ Царь-Однополчанинъ надѣлъ въ первый разъ этотъ мундиръ, и т. д. Этимъ заключился парадъ.

Послѣ крупнаго міроваго событія 1-го марта, предъ которымъ блѣднѣли всѣ великія явленія—какъ бы многознаменательны они

въ Россіи ни были, ничто не могло быть важно, и печально протянулись первые четыре мѣсяца глубокаго траура.

9-го іюля полкъ выступилъ въ лагерный сборъ подъ Ахалкалаки. Здѣсь, какъ самое времяпрепровожденіе офицеровъ, такъ равно и смотры, не исключая и смотра корпуснаго командира, бывшаго 12-го августа, далеко не имѣли прежняго характера. Смотра же главнокомандующаго и вовсе не было, такъ какъ Его Высочество уже оставилъ край и излюбленную Имъ армію, завершивъ этимъ важнымъ для Кавказа событіемъ первое двадцатипятилѣтіе фактическаго существованія Сѣверскаго драгунскаго полка и оставивъ въ немъ навѣки тѣ драгоцѣнныя воспоминанія о Своей ласкѣ, любви и благосклонности къ нему, которыя долго, очень долго будутъ одушевлять сѣверцевъ на пути къ новымъ подвигамъ и славѣ.

2-го сентября полкъ снялъ свой лагерь и выступилъ обратно въ Джелалъ-оглы. Полковой праздникъ на этотъ разъ прошелъ малозамѣтнымъ. Только по возвращеніи къ себѣ домой, послѣ того какъ истекло достаточно времени со дня катастрофы, и два походныя движенія, вмѣстѣ съ житьемъ-бытьемъ подъ Ахалкалаками, нѣсколько ослабили и разсѣяли тяжелое впечатлѣніе, сѣверцы, 14-го ноября, устроили, вмѣстѣ съ нижегородцами, пикникъ въ честь тверцовъ и переяславцевъ, которые были въ лагерѣ у Джелалъ-оглы. Пикникъ этотъ, впрочемъ, произошелъ не вслѣдствіе желанія повеселиться, а въ силу обычая и необходимости гостепріимно принять у себя собратовъ по оружію, съ которыми хозяева штабъ-квартиры не видѣлись со дня окончанія войны.

Черезъ три дня былъ послѣдній музыкальный вечеръ бригаднаго офицерскаго оркестра, а черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ сѣверцы оставили свою штабъ-квартиру. 23-го октября они выступили на сѣверный Кавказъ; 30-го числа, въ часъ пополудни, прибыли въ Тифлисъ и на окраинѣ города, возлѣ тюремнаго замка, были встрѣчены сперва начальникомъ дивизіи генералъ-лейтенантомъ княземъ Чавчавадзе, а немного далѣе—бывшимъ командиромъ полка и потомъ бригады, генералъ-маіоромъ Батіевскимъ, который, вслѣдствіе своей тяжелой болѣзни, привѣтствовалъ старыхъ друзей и сослуживцевъ изъ экипажа. Въ центрѣ города, на Головинскомъ

проспектѣ, къ полку выѣхалъ корпусный командиръ генералъ Своевъ, осмотрѣлъ его на маршѣ и остался весьма доволенъ наружнымъ видомъ полка, порядкомъ и чистотою его.

Полкъ прошелъ черезъ весь городъ на предмѣстье Веру, гдѣ ему предстояло стать лагеремъ для двухъ дневокъ. Генералъ Батіевскій, опередивъ сѣверцевъ, опять встрѣтилъ ихъ на Верѣ, угостилъ здѣсь солдатъ, а офицеровъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ. Онъ доказалъ, что старое кавказское гостепріимство еще не угасло, и что тѣсную дружбу его съ сѣверцами не ослабили ни время, ни разлука. Обѣдъ прошелъ потоварищески и очень оживленно, въ сообществѣ старыхъ кавказскихъ драгунъ: генераловъ Джемарджидзе, князей Чавчавадзе, Амилахвари и генерала Теръ-Асатурова. На другой день всѣ офицеры явились къ Батіевскому, отблагодарили его за радушную встрѣчу и гостепріимство и, въ знакъ памяти о прежнемъ боевомъ сослуженіи, а также любви и тѣснаго союза, который онъ съумѣлъ установить между собою и обществомъ, поднесли ему серебряную, подъ чернью, вызолоченую полковую форменную шашку. На одной сторонѣ ея дамаскаго клинка было вырѣзано двустишіе: *прими даръ сѣверцевъ прощальный, нашъ воевода боевой!* а на другой—*Аравартанъ, 3-го іюня, и штурмъ Карса 6-го ноября 1877-го года*. На верхней серебряной гайкѣ, съ внутренней стороны, были записаны имена офицеровъ полка. Сцена была трогательная: генералъ Батіевскій, съ дружескимъ умиленіемъ принялъ этотъ завѣтный даръ, и выражая свою признательность, не могъ не прослезиться. Оттуда все общество, вмѣстѣ съ своимъ бывшимъ командиромъ полка, отправилось въ фотографію и снялось въ общей группѣ. Въ четыре часа пополудни однимъ изъ штабъ-офицеровъ полка былъ данъ обѣдъ, на которомъ присутствовало все вчерашнее общество. Генералъ Батіевскій прибылъ въ новой шашкѣ, возбудившей особенное вниманіе и поздравленія тѣхъ лицъ, которыя ее еще не видѣли.

1-го ноября помощникъ главнокомандующаго генералъ-адъютантъ князь Меликовъ произвелъ на Верѣ Сѣверскому полку смотръ въ пѣшемъ строю, и поздравивъ съ переходомъ на сѣверный Кавказъ, обошелъ коновязи. Всѣмъ осмотрѣннымъ князь остался впол-

нѣ доволенъ. 2-го ноября полкъ двинулся по военно-грузинской дорогѣ.

Въ этотъ годъ холода были ранніе; въ горахъ же царствовала уже такая суровая зима, что сѣверцы, не взирая на то, что привыкли ко всѣмъ невзгодамъ, едва въ состояніи были вынести эту сильную стужу. Она преслѣдовала ихъ отъ Душета до самаго Владикавказа. Тягости этого похода удвоивались еще недостаткомъ топлива, неисправностью обывательскихъ перевозочныхъ средствъ и бивачными длинными ночлегами въ изорванныхъ и истрепанныхъ отъ вѣтра палаткахъ. Хорошо еще, что люди были одѣты исправно, а лошади въ хорошихъ тѣлахъ; не будь этихъ двухъ важныхъ условій, то горе было бы въ полномъ смыслѣ слова невыносимое. Поэтому, понятно, съ какимъ удовольствіемъ полкъ 10-го ноября вступилъ во Владикавказъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ возможность воспользоваться удобствами городской жизни. Но это удовольствіе было очень кратковременное, потому что, послѣ дневки, онъ двинулся далѣе, въ Моздокъ, гдѣ ему опять была назначена штабъ-квартира. На третій день, 14-го ноября, онъ прибылъ на свое старое пепелище. Здѣсь его радушно встрѣтили хлѣбомъ-солью давно знакомые обыватели и потомъ, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, угостили завтракомъ. Чрезвычайно пріятное впечатлѣніе произвела на всѣхъ эта любезная встрѣча, доказывавшая, между прочимъ, что сѣверцы оставили здѣсь по себѣ на долгое время лучшія воспоминанія.

Эскадроны, передневавъ въ Моздокѣ, разошлись по назначеннымъ имъ станицамъ: 1-й—въ Екатериноградскую, 2-й—въ Павлодольскую, 3-й—въ Ново-терскую и 4-й—въ Стодеревскую. Штабъ полка остался въ городѣ, гдѣ расположился разбросанно и тѣсно. Размѣщенію же въ станицахъ были рады не только солдаты, у которыхъ всегда, конечно, гораздо болѣе общаго съ казаками, чѣмъ съ воронцовскими молоканами, но даже и офицеры, потому что жизнь и бытъ на сѣверномъ Кавказѣ имѣютъ всѣ преимущества предъ закавказскими стоянками.

Догоравшій 1881-й годъ еще разъ напомнилъ сѣверцамъ объ ихъ сиротствѣ и объ утратѣ той драгоцѣнной связи съ ихъ неза-

бвеннымъ Однополчаниномъ, которою они такъ крѣпко гордились: 30-го декабря былъ полученъ въ полку послѣдній, какъ бы загробный даръ въ Бозѣ почившаго Императора. Это были изящно отдѣланныя ризы для священника и діакона, препровожденныя при слѣдующемъ отзывѣ придворной Его Величества конторы:

„Съ соизволенія Государя Императора и Государыни Императрицы и съ разрѣшенія г. министра Двора графа Илларіона Ивановича Воронцова-Дашкова, имѣю честь препроводить ризницу изъ пунсоваго бархата *), съ вышитыми золотомъ оплечьями и иконою св. Александра Невскаго, сдѣланную изъ траурныхъ убранствъ послѣ погребенія тѣла въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, для церкви ввѣреннаго вамъ полка. О полученіи таковой прошу покорнѣйше донести г. министру Императорскаго Двора“.

Правда, подарокъ печальный, траурный, но, по бывшему его назначенію, сдѣлавшійся, съ минуты полученія въ полку, такою же святынею для него, какъ и самое Имя Того, чьи останки онъ прикрывалъ собою.

1882-й годъ принесъ съ собою для Кавказа ту перемѣну, которая сразу освѣтила край жизнью новою и во многомъ не имѣющею ничего общаго съ недавнимъ прошлымъ: Высочайшимъ приказомъ 1-го января командующимъ войсками кавказскаго военнаго округа и главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ назначенъ князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ, бывшій командиръ нижегородцевъ. Такимъ образомъ, ровно черезъ четверть вѣка со дня существованія Сѣверскаго полка, судьба возвратила ему, въ званіи ближайшаго главнаго начальника, то лицо, изъ подъ руки котораго нѣкогда выдѣлился полкъ, и которое было, такъ сказать, рычагомъ его организаціи. Много переворотовъ произошло въ этотъ періодъ времени и въ жизни полка, и въ жизни князя, съ именемъ котораго связано начало самостоятельной исторіи сѣверцевъ; но какъ тотъ, такъ и другой не измѣнили сво-

*) На самомъ дѣлѣ, ризница сдѣлана изъ бархата малиноваго, а не пунсоваго.

ему стремленію, и въ результатѣ, черезъ двадцать пять лѣтъ, выразили между собою нѣчто общее: полкъ постарѣлъ и достигъ заслугъ и наградъ исключительныхъ въ средѣ русской арміи; бывшій родоначальникъ его, въ свою очередь, сталъ на ту ступень, которая не для каждаго смертнаго возможна и досягаема. Полкъ помнилъ хорошо, чѣмъ былъ обязанъ князю, когда вносилъ, при выдѣленіи, въ свои ряды георгіевскіе штандарты за Кюрюкъ-Дара. Онъ не могъ забыть того, что однимъ изъ главныхъ устроителей его быта, духа и направленія, доставившихъ ему громкую, завидную славу, былъ князь Александръ Михайловичъ—и имѣлъ право надѣяться и расчитывать на то вниманіе и благоволеніе, которыми его всегда удостоивалъ Августѣйшій предмѣстникъ князя. Послѣдствія доказали, что никто въ этомъ не ошибся: первыя же минуты свиданія князя съ полкомъ убѣдили всѣхъ, что старое родство, старая дружба, если позволено такъ выразиться, между сѣверцами и княземъ далеко не остыли; что они такъ же сильны и крѣпки, какъ и въ былое время; этого было весьма достаточно, чтобы подобная духовная связь была залогомъ дальнѣйшаго преуспѣянія полка.

Къ сожалѣнію, сѣверцамъ не привелось встрѣтить князя Александра Михайловича тотчасъ по прибытіи и при объѣздѣ имъ края съ 17-го февраля по 12-е марта. Хотя, отъ имени полка, начальникъ дивизіи просилъ командующаго войсками принять обѣдъ въ ст. Прохладной, но князь не могъ удовлетворить этому желанію, потому что проѣздъ его черезъ Прохладную былъ назначенъ ночью, а измѣнить маршрутъ было во многихъ отношеніяхъ неудобно. Нечего дѣлать, пришлось покориться необходимости и ожидать другого случая. Этотъ случай представился только черезъ семь мѣсяцевъ, которые совершенно неожиданно внесли въ бытъ сѣверцевъ еще двѣ новыя выдающіяся перемѣны: вопервыхъ, отчисленіе отъ командованія полкомъ полковника Медвѣдовскаго *), и во вторыхъ—перемѣщеніе штабъ-квартиры опять во Владикавказъ. Полкъ выступилъ туда 5-го и прибылъ 9-го августа. За чертою города онъ былъ встрѣченъ депута-

*) Приказъ по округу отъ 14-го іюня 1882-го года за № 122.

ціею, съ городскимъ головою, преподнесшею своимъ старымъ квартирантамъ хлѣбъ-соль; на соборной же площади онъ былъ привѣтствованъ командующимъ войсками Терской области генералъ-адъютантомъ Свистуновымъ, напутствовавшимъ его когда-то въ дальній походъ. По отслуженіи молебствія, отъ города тутъ-же была предложена нижнимъ чинамъ закуска. Подойдя къ столу, генералъ-адъютантъ Свистуновъ провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора, который съ восторгомъ былъ подхваченъ сѣверцами; затѣмъ послѣдовало нѣсколько другихъ тостовъ. Въ четыре часа офицеры были приглашены на обѣдъ. 10-го августа, въ лагерѣ, полкъ принялъ другой обѣдъ отъ своихъ кунаковъ, чиновъ 1-го кавказскаго саперннаго баталіона, бывшихъ живыми свидѣтелями его славнаго аравартанскаго дѣла.

Занятіе сѣверцами новой штабъ-квартиры совпало съ однимъ изъ важныхъ преобразованій во всей русской кавалеріи: Высочайшимъ приказомъ 13-го іюля, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 18-го августа 1882-го года за № 260, армейскіе уланскіе и гусарскіе полки обращены въ драгунскіе и въ общемъ ряду сихъ послѣднихъ Сѣверскому полку повелѣно именоваться—„45-мъ драгунскимъ Сѣверскимъ Его Величества Короля Датскаго полкомъ“; чинъ маіора упраздненъ, а лицамъ, которыхъ преобразованіе застигло въ этомъ чинѣ, онъ сохраненъ до производства въ подполковники; капитановъ, штабсъ-капитановъ и прапорщиковъ повелѣно именовать ротмистрами, штабсъ-ротмистрами и корнетами; срокъ службы казенныхъ офицерскихъ и строевыхъ лошадей увеличенъ съ 9-ти до 10-ти лѣтъ. Одновременно съ этимъ распоряженіемъ, именно 13-го іюля, Высочайше утвержденъ и докладъ по реорганизаціи кавалеріи, на основаніи котораго полки должны быть постепенно доведены до шести-эскадроннаго состава, а запасные эскадроны преобразованы въ запасные кавалерійскіе кадры. Хотя это послѣднее распоряженіе объявлено не было въ теченіе цѣлаго года, но подготовка началась вскорѣ засимъ.

Въ лагерѣ у Владикавказа пошли обычныя занятія, прерванныя, такъ сказать, на минуту полковымъ праздникомъ, который прошелъ оживленнѣе и разнообразнѣе прошлогодняго. На обѣдъ были при-

глашены старые офицеры, вышедшіе уже изъ полка, саперы и посторонніе гости. Было получено нѣсколько поздравительныхъ телеграммъ: отъ шефа, отъ Его Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, отъ командующаго войсками и другихъ начальствующихъ лицъ, а также сослуживцевъ.

Наконецъ-то сѣверцы не только встрѣтились лицомъ къ лицу съ дорогимъ, давно-жданнымъ гостемъ, но даже приняли его у себя хлѣбомъ-солью. Князь Александръ Михайловичъ прибылъ во Владикавказъ 12-го сентября и черезъ день, 14-го числа, посѣтилъ лагерь. Полкъ встрѣтилъ его сіятельство въ пѣшемъ строю, безъ оружія, имѣя на правомъ флангѣ корпуснаго командира, генералъ-лейтенанта Девеля, начальника дивизіи и всѣхъ офицеровъ. По представленіи князю каждаго изъ офицеровъ поочередно, командующій войсками обошелъ фронтъ и здоровался поэскадронно словами: „здорово, родные сѣверцы"! Послѣ этого онъ былъ приглашенъ въ шатеръ офицерскаго табль-дота, гдѣ сервированъ былъ столъ на семьдесятъ персонъ. Завтракъ, или лучше сказать, обѣдъ, сразу пошелъ бойко, оживленно. Присутствующіе этимъ были обязаны въ особенности самому князю, который всѣхъ одушевилъ воспоминаніемъ о времени командованія имъ нижегородскимъ полкомъ и выдѣленіи изъ него Сѣверскаго полка, а также и о знаменитомъ кюрюкъ-даринскомъ дѣлѣ, гдѣ командующій войсками былъ раненъ передъ фронтомъ 4-го дивизіона, составившаго вслѣдъ затѣмъ первый дивизіонъ Сѣверскаго полка. Эти воспоминанія дали поводъ временно командовавшему полкомъ подполковнику К. произнести краткую рѣчь, въ которой онъ очертилъ жизнь и дѣятельность полка со дня его выдѣленія, а затѣмъ и во время стоянки въ Чиръ-Юртѣ, въ бытность тамъ князя. Конечно, не было упущено изъ вида и того, чѣмъ полкъ, во время сформированія, былъ обязанъ князю Александру Михайловичу. Это видимо одушевило дорогого гостя, и онъ провозгласилъ нѣсколько тостовъ за здоровье полка, выходя, время отъ времени, привѣтствовать и нижнихъ чиновъ, находившихся внѣ шатра. Безъ сомнѣнія, тѣ не упустили случая, по старому кавказскому обычаю, подхватить князя на руки и, не давъ ему опомниться, безцеремонно подбросить въ воздухѣ. Хотя дождь лилъ съ

самаго утра, но это нимало не мѣшало общему удовольствію, а тѣмъ болѣе хору музыки, гремѣвшему неумолкаемо на открытомъ воздухѣ, и пѣсенникамъ, заливавшимся на всѣ манеры.

Экипажъ командующаго войсками уже давно ожидалъ его у шатра. Выразивъ свое удовольствіе и поблагодаривъ „родныхъ сѣверцевъ", князь покатилъ въ Тифлисъ. Офицерскія лошади были тутъ же, и общество понеслось за нимъ верстъ на семь, не забывъ захватить съ собою вина. Не доѣзжая редапта, князь остановился, и еще разъ поблагодаривъ сѣверцевъ, не отказалъ выпить послѣдній заздравный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прощальный стаканъ вина, поднесенный ему сюрпризомъ. Черезъ двѣ минуты экипажъ скрылся въ ущельи за поворотомъ дороги.

По отъѣздѣ командующаго войсками начался рядъ смотровъ; сперва 17-го сентября былъ смотръ стрѣльбы генерала Эллиса; потомъ, 19-го числа, корпуснаго командира генерала Девеля въ конномъ строю, и наконецъ, 20-го числа, начальника дивизіи. Всѣ остались вполнѣ довольны и много разъ благодарили.

Вскорѣ пріѣхалъ новый командиръ полка полковникъ Ситниковъ, назначенный Высочайшимъ приказомъ 25-го іюля 1882-го года изъ лейбъ-гвардіи уланскаго (варшавскаго) полка. Окончивъ курсъ наукъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, полковникъ Ситниковъ далеко не запоздалъ въ своей карьерѣ и въ описываемую минуту явился среди сѣверцевъ въ среднемъ возрастѣ своей жизни, обстрѣленный въ минувшую войну на Дунаѣ и увѣшанный орденами, начиная съ Владиміра 3-й степени.

Съ окончаніемъ лагернаго сбора подъ Владикавказомъ, штабъ полка перешелъ въ городъ и помѣстился въ бывшихъ казармахъ 3-го стрѣлковаго баталіона, а эскадроны разошлись по станицамъ: 1-й въ Слѣпцовскую, 2-й въ Троицкую, 3-й въ Архонскую и 4-й въ Карабулахскую. Стоянка во Владикавказѣ была и прежде лучше, чѣмъ гдѣ либо, а въ описываемый годъ, къ которому онъ быстро отстроился и развилъ свою общественную жизнь, она оказалась во всѣхъ отношеніяхъ превосходною. Большинство офицеровъ вскорѣ было принято, по своему желанію, въ число членовъ клуба, а нѣкоторые изъ нихъ, сообразно своей дав-

ней наклонности къ музыкѣ, сдѣлались членами кружка любителей этого искусства, только-что въ томъ году организованнаго во Владикавказѣ. Казарменные вопросы, толки и пересуды, которые по необходимости имѣютъ мѣсто въ обществѣ офицеровъ среди захолустныхъ стоянокъ, замѣнились стремленіями и побужденіями болѣе соотвѣтственными и подходящими къ быту и складу офицера настоящаго времени.

1883-й годъ принесъ съ собою еще нѣкоторыя преобразованія, непосредственно касавшіяся Сѣверцевъ:

1) Высочайшимъ приказомъ, состоявшимся 11-го февраля, переформированы 1-й и 2-й кавказскіе армейскіе корпуса и 1-я, 2-я и 3-я кавказскія кавалерійскія дивизіи, а именно: въ 1-й корпусъ, кромѣ пѣхоты и артилеріи, вошли 1-я и 2-я кавказскія казачьи дивизіи, всѣ же четыре драгунскіе полка: 43-й тверской, 44-й нижегородскій, 45-й Сѣверскій и 46-й переяславскій составили опять одну особую „кавказскую кавалерійскую дивизію“ и вошли въ составъ 2-го корпуса. Изъ первыхъ двухъ драгунскихъ полковъ была образована 1-я бригада, а изъ послѣднихъ двухъ—2-я.

2) Высочайшимъ приказомъ 10-го марта назначены: начальникомъ дивизіи—г. л. кн. Чавчавадзе; командиромъ 2-й бригады, въ которой числился Сѣверскій полкъ—генералъ-маіоръ Коваленскій. Съ минуты этого преобразованія драгунскіе полки получили корпуснаго командира въ особѣ стараго нижегородца генералъ-лейтенанта Джемарджидзе, получившаго извѣстность среди кавказскихъ ветерановъ еще съ 1846-го года, когда онъ отличился въ знаменитомъ кутешинскомъ дѣлѣ, а затѣмъ долго не сходилъ съ боеваго поля и командовалъ переяславскимъ драгунскимъ полкомъ.

30-го апрѣля полкъ собрался въ лагерь подъ Владикавказомъ. Общество офицеровъ, проведя слѣдующій день 1-го мая, по установившемуся обычаю, въ доброй товарищеской пирушкѣ, принялось за очередныя служебныя занятія. Почти на каждомъ ученьи неизбѣжно присутствовалъ командиръ бригады, и домашнія занятія, получая смотровой характеръ, теряли то существенное значеніе, для котораго они предназначались эскадронными командирами. 12-го мая эскадроны выступили на травяное довольствіе и вслѣдствіе это-

го полку не удалось надлежащимъ образомъ отпраздновать день священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Пробывъ затѣмъ до конца іюня въ своихъ станицахъ, эскадроны 29-го іюня прибыли снова въ лагерь. 11-го іюля полкъ въ первый разъ увидѣлъ своего новаго корпуснаго командира, который посѣтилъ лагерь. Генералъ-лейтенантъ Джемарджидзе, съ свойственною старымъ кавказцамъ простотою и привѣтливостью, самъ, въ свою очередь, ознакомился и съ личнымъ составомъ полка и съ его внѣшнимъ состояніемъ. По отъѣздѣ его, нижнимъ чинамъ были преподаны тѣ свѣдѣнія о прошлой почтенной службѣ и дѣятельности генерала, которыя дали имъ точныя понятія объ ихъ главномъ ближайшемъ начальникѣ.

Вскорѣ пронесся рѣшительный слухъ о пріѣздѣ въ край Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора кавалеріи, а въ августѣ мѣсяцѣ былъ полученъ и маршрутъ слѣдованія высокаго посѣтителя, изъ котораго усматривалось, что Государь Великій Князь произведетъ смотръ Сѣверскому полку 12-го сентября. По этому случаю рѣшено было заранѣе отложить на этотъ день и полковой праздникъ, а командующаго войсками, при проѣздѣ его сіятельства навстрѣчу фельдмаршалу, просить о томъ, чтобы Его Высочество удостоилъ этотъ праздникъ Своимъ присутствіемъ. Такъ все и было исполнено. 8-го же сентября ограничились только молебствіемъ и завтракомъ у командира полка.

Между тѣмъ, въ ожиданіи смотра, сѣверцы дѣятельно занялись всѣми соотвѣтственными приготовленіями. Они употребили всѣ старанія, чтобы въ наилучшемъ, вполнѣ щегольскомъ видѣ представиться такому знатоку кавалерійскаго дѣла, какимъ прославленъ въ русской арміи Государь Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Усилія ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Стокрылая молва, предшествуя пріѣзду во Владикавказъ фельдмаршала, принесла слухъ, что Его Высочество, осмотрѣвъ въ Ставрополѣ, въ числѣ прочихъ войскъ, нижегородскій полкъ, остался имъ совершенно доволенъ. Это вызвало у сѣверцевъ самое напряженное и весьма извинительное даже среди „братьевъ“ побужденіе къ тому, чтобы на предстоящемъ новомъ смотрѣ генералъ-

инспектора кавалеріи доставить Его Высочеству, если возможно, еще большее удовольствіе.

11-го сентября, въ восемь часовъ утра, экстренный поѣздъ благополучно доставилъ во Владикавказъ Августѣйшаго посѣтителя. Вмѣстѣ съ Его Высочествомъ изволилъ прибыть и Великій Князь Петръ Николаевичъ. Царственные гости были сопровождаемы начальникомъ края княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, корпуснымъ командиромъ, начальникомъ дивизіи княземъ Чавчавадзе и нѣкоторыми другими высокопоставленными лицами. Принявъ почетный караулъ отъ куринскаго полка, при хорѣ сѣверской музыки, у дома начальника области, гдѣ было приготовлено Ихъ Высочествамъ прекрасное помѣщеніе, Великій Князь фельдмаршалъ, послѣ короткаго завтрака, изволилъ пѣшкомъ осматривать часть города и городской садъ. Народъ повсюду восторженно привѣтствовалъ Августѣйшаго гостя, толпясь вслѣдъ за Нимъ и опережая Его на разныхъ пунктахъ. Вечеромъ Великіе Князья удостоили Своимъ посѣщеніемъ ротонду городскаго собранія, гдѣ былъ танцовальный вечеръ, и, пребывая въ отличномъ настроеніи, изволили тамъ провести время до полуночи.

12-го сентября, съ восходомъ солнца, весь городъ былъ на ногахъ. Жители толпами валили къ мѣсту лагеря. Сѣверскій полкъ, принявъ въ семь часовъ утра, согласно новому приказу, одинъ распущенный штандартъ, поэскадронно, разомкнутыми рядами по три, двинулся на рысяхъ на учебное поле, обгоняя массы любопытныхъ. Прійдя на мѣсто, онъ выстроился развернутымъ фронтомъ, спѣшился и въ этомъ построеніи встрѣтилъ корпуснаго командира; въ восемь часовъ онъ былъ посаженъ и выровненъ какъ по шнуру.

Его Высочество, съ Августѣйшимъ сыномъ, и вмѣстѣ съ ними командующій войсками, прочія особы и свита, прибыли въ экипажахъ въ половинѣ восьмаго и пересѣли на коней. Великому Князю Петру Николаевичу былъ предложенъ собственный конь командира полка, буланой масти, текинской породы. Фельдмаршалъ, подъѣхавъ къ фронту и привѣтствовавъ корпуснаго командира, шагомъ направился по эскадронамъ, которые, на заздравный привѣтъ, отвѣ-

чали обычнымъ „здравія желаемъ“ и крикомъ „ура“. Заѣхавъ за лѣвый флангъ полка и осмотрѣвъ его безукоризненное равненіе, Великій Князь повернулъ назадъ, остановился передъ 2-мъ эскадрономъ и вызвалъ офицеровъ. Они вынеслись впередъ и моментально выстроились въ шеренгу. Произведя имъ смѣнную ѣзду, Его Высочество возвратилъ ихъ обратно въ строй и затѣмъ пропустилъ полкъ справа по три разомкнутыми рядами перемѣнными аллюрами. Было видимо, что фельдмаршалъ былъ вполнѣ доволенъ полкомъ; Онъ дѣлалъ весьма благосклонныя замѣчанія, которыя тутъ же и записывались Великимъ Княземъ Петромъ Николаевичемъ и адъютантами. Когда 4-й взводъ 4-го эскадрона поровнялся съ Его Высочествомъ, то былъ неожиданно остановленъ и получилъ приказаніе разсѣдлать. Пользуясь этимъ промежуткомъ, командиръ полка представилъ пять офицерскихъ лошадей, не бывшихъ во фронтѣ по разнымъ причинамъ, и удостоился услышать за нихъ совершенную похвалу. Осмотрѣвъ спины разсѣдланныхъ лошадей, а также ленчики и потники, Государь Великій Князь произвелъ полковое ученье, а затѣмъ сомкнулъ полкъ въ эскадронную полковую колонну справа и спѣшилъ его для отдыха. Спустя нѣкоторое время, полкъ былъ опять посаженъ и прошелъ церемоніальнымъ маршемъ поэскадронно шагомъ, рысью и галопомъ.

Затѣмъ, подъѣхавъ къ фронту, Его Высочество передалъ полку привѣтъ Государя Императора. Потрясающее „ура“ охватило собою все поле. Вызвавъ вновь офицеровъ, Великій Князь поблагодарилъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, и ихъ, и весь полкъ, похвалилъ офицерскую ѣзду и сдѣлалъ лишь незначительныя замѣчанія. Въ заключеніе, Великій Князь приказалъ полковнику Ситникову разбить полкъ на шесть эскадроновъ, и когда они были составлены — осмотрѣлъ ихъ на мѣстѣ и пропустилъ церемоніальнымъ маршемъ.

Смотръ былъ конченъ. Приказъ по кавалеріи, послѣдовавшій 19-го декабря того же года за № 17, свидѣтельствуетъ о томъ прекрасномъ состояніи, въ которомъ Сѣверскій полкъ былъ найденъ 12-го сентября.

Прямо съ учебнаго поля Великіе Князья изволили проѣхать въ экипажахъ въ городскую ротонду, гдѣ было приготовлено угощеніе

по случаю полковаго праздника. Среди завтрака Его Высочество фельдмаршалъ провозгласилъ послѣдовательно три тоста—за здравіе Государя Императора, Короля Датскаго и Сѣверскаго полка, сопровождавшіеся задушевнымъ „ура“; командующій же войсками предложилъ тостъ за здравіе Великаго Князя, встрѣченный со стороны офицеровъ грузинскою застольною пѣснею „мравалъ жаміеръ“. Далѣе, среди этого оживленнаго празднества, на которомъ всѣ были одушевлены благоволеніемъ и привѣтливостью Августѣйшаго гостя, послѣдовали тосты за Его Высочество Петра Николаевича, князя Дондукова-Корсакова, праздновавшаго, между прочимъ, въ этотъ день шестьдесятъ четвертую годовщину своего рожденія, за корпуснаго командира и другихъ лицъ. Оживленный и памятный завтракъ кончился около полудня, послѣ чего Его Высочество, въ одномъ экипажѣ съ командующимъ войсками, выѣхалъ въ Воздвиженскую, сопровождаемый всѣми офицерами Сѣверскаго полка. Выѣхавъ за городъ, Великій Князь остановилъ тамъ экипажъ, еще разъ выразилъ Свою благодарность и, отпустивъ офицеровъ, быстро покатилъ по назрановской дорогѣ.

14-го сентября, уже поздно вечеромъ, фельдмаршалъ возвратился изъ Воздвиженской и, послѣ нѣкотораго отдыха въ домѣ начальника области, къ полуночи прибылъ на вокзалъ желѣзной дороги. Здѣсь Его Высочество былъ встрѣченъ офицерами Сѣверскаго полка и, среди благосклонной прощальной бесѣды, выразилъ желаніе пріобрѣсти у подполковника князя Микеладзе сѣраго текинскаго жеребца, который на смотру обратилъ особенное вниманіе Великаго Князя. Жеребецъ этотъ, шести лѣтъ, былъ дѣйствительно чрезвычайно эфектенъ подъ сѣдломъ; не смотря на свои молодые годы, онъ уже имѣлъ призы за манежную ѣзду и за скачку. Нѣтъ сомнѣнія, что князь Микеладзе съ глубочайшею признательностью и удовольствіемъ отнесся къ столь неожиданно оказанной ему чести, а командиръ полка, въ свою очередь, попросилъ Великаго Князя Петра Николаевича принять, въ воспоминаніе о полкѣ, того самаго коня, на которомъ Его Высочество былъ во время смотра. Обѣ лошади вскорѣ были отосланы въ Петербургъ.

По отъѣздѣ Ихъ Высочествъ, полковникъ Ситниковъ присту-

пилъ къ разбивкѣ полка на шесть эскадроновъ и сформировалъ ихъ въ самое непродолжительное время. Старые эскадроны остались при своихъ нумерахъ; для устройства хозяйства двухъ новыхъ было отпущено отъ казны по 600 рублей. Минута этого преобразованія имѣетъ значеніе въ быту полка не только потому, что онъ видоизмѣнился, такъ сказать, по формѣ, но еще и потому, что долженъ былъ перемѣнить и свой внѣшній видъ. Съ приведеніемъ въ шести-эскадронный составъ, драгунскимъ полкамъ въ дивизіяхъ указаны цѣльныя и притомъ отдѣльныя масти. Сѣверскому полку предлежитъ имѣть караковую масть—хотя удобоисполнимость этого весьма сомнительна, потому что въ степныхъ породахъ, и въ особенности въ донской, которою онъ ремонтируется преимущественно, эта масть чрезвычайно рѣдкая. Вѣроятнѣе всего, что прійдется ее имѣть не болѣе какъ въ двухъ эскадронахъ, а остальные четыре по необходимости ремонтировать мастью гнѣдою и бурою.

На первый ближайшій смотръ начальника дивизіи, послѣдовавшій 21-го сентября, полкъ явился въ шести-эскадронномъ составѣ. Рядъ этихъ смотровъ до 26-го сентября заключился скачкою на призы; манежная же ѣзда, назначенная на это число, по случаю дождя и грязи, была отложена до будущаго года. 27-го сентября лагерь былъ распущенъ.

На зимнія квартиры полкъ размѣстился слѣдующимъ образомъ: 1-й эскадронъ въ станицѣ Слѣпцовской, 2-й—въ Троицкой, 3-й—въ Карабулахской, 4-й и 5-й—при штабѣ полка во Владикавказѣ, а 6-й—въ станицѣ Ассинской. 4-й эскадронъ занялъ помѣщенія, принадлежавшія дотолѣ батареѣ и переданныя ему артиллерійскимъ вѣдомствомъ, а 5-й—казарму полка и только-что отстроенныя прекрасныя свѣжія конюшни. Такъ какъ 6-й эскадронъ еще не успѣлъ обзавестись своимъ хозяйствомъ, то все оно, не исключая артельныхъ лошадей и фургоновъ, было передано ему отъ 4-го эскадрона; 4-й же эскадронъ получилъ на новое обзаведеніе деньги отъ казны, ассигнованныя 6-му.

Вслѣдствіе особаго приказа по корпусу, зимнія занятія съ 1883-го на 1884-й годъ усложнились еженедѣльными эскадронными проѣздками и по этому случаю получили нѣсколько иной харак-

теръ, чѣмъ прежде. Кромѣ недѣльныхъ проѣздокъ, предписано было одинъ разъ въ мѣсяцъ производить и дальнія, съ тактическими предположеніями сперва на одну сторону, а потомъ и на двѣ. Одна изъ такихъ проѣздокъ была произведена въ январѣ 1884-го года подъ руководствомъ самого начальника дивизіи. Онъ выступилъ изъ Владикавказа, съ 4-мъ и 5-мъ эскадронами, 7-го января и, дойдя съ ними до Базоркина аула, отпустилъ ихъ домой; отъ Базоркина аула онъ взялъ 3-й эскадронъ и доѣхалъ съ нимъ до станицы Троицкой; отсюда, на другой день, съ 1-мъ и 2-мъ эскадронами прибылъ въ станицу Ассинскую и, наконецъ, съ 6-мъ эскадрономъ изъ Ассинской доѣхалъ до Самашкинской. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ расположеннаго въ Самашкахъ эскадрона переяславскаго драгунскаго полка. Во время всѣхъ этихъ проѣздокъ эскадроны слѣдовали походнымъ порядкомъ, соблюдая всѣ предосторожности, какъ бы на непріятельской землѣ, и маневрируя согласно приказаніямъ, которыя имъ были преподаваемы начальникомъ дивизіи.

Зима пролетѣла незамѣтно, и 30-го апрѣля полкъ, по старому порядку, выступилъ въ лагерь. Тутъ онъ праздновалъ, 6-го мая, торжество совершеннолѣтія Государя Наслѣдника Цесаревича, ознаменованное разными милостями, Высочайше предоставленными войскамъ за ихъ вѣрную службу Царю и отечеству, и въ томъ числѣ, въ особенности, сравненіемъ чиновъ арміи съ спеціальными родами оружія. Въ быту собственно сѣверцевъ этотъ день замѣчателенъ еще и тѣмъ, что къ молодымъ солдатамъ, послѣ ихъ четырехмѣсячной службы и ряда испытаній, былъ впервые примѣненъ новый приказъ 1884-го года № 62 о приводѣ къ присягѣ.

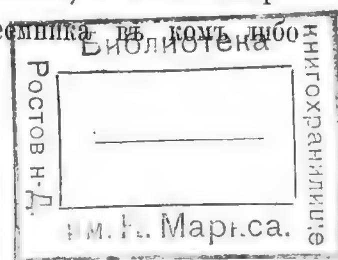
Къ 11-ти часамъ утра, въ прекрасную погоду, на лагерномъ полѣ, полкъ былъ выстроенъ въ пѣшемъ строю; молодые солдаты занимали передній фасъ каре. Впереди ихъ, возлѣ аналоя, на которомъ лежали евангеліе и крестъ, тихо рѣялъ распущенный штандартъ. Священникъ былъ облаченъ въ ризу, присланную изъ придворной конторы послѣ кончины Императора Александра II. Командиръ полка, привѣтствовавъ солдатъ, сказалъ имъ краткую рѣчь о высокомъ значеніи присяги, напомнилъ имъ главнѣйшія обязанности воина, и, въ заключеніе, указалъ на нравственную силу и святость

знамени, съ которымъ неразлучно связаны честь и достоинство каждой части. Затѣмъ послѣдовало молебствіе, окропленіе нижнихъ чиновъ святою водою и, наконецъ, приводъ къ присягѣ. Тутъ наглядно можно было убѣдиться, насколько важенъ, полезенъ и раціоналенъ новый приказъ. Молодые солдаты видимо присягали съ полнымъ сознаніемъ сущности этого обряда, своихъ обязанностей и послѣдствій за неисполненіе ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, при установленныхъ теперь въ арміи на этотъ предметъ условіяхъ, напоминаніе солдату, въ крайнихъ случаяхъ, о данной имъ въ свое время присягѣ будетъ имѣть на него совсѣмъ иное вліяніе.

По окончаніи торжества, полковой командиръ поздравилъ присягнувшихъ съ званіемъ солдата.

Черезъ четыре дня, для новыхъ эскадроновъ послѣдовало назначеніе церковныхъ праздниковъ: для 5-го—третье іюня (день мученика царевича Димитрія), а для 6-го—двадцать третье апрѣля (день св. побѣдоносца Георгія). Прочія единицы полка остались при прежнихъ своихъ праздникахъ, которые имѣли нѣкогда и въ нижегородскомъ полку, а именно: 1-й эскадронъ—день Николая чудотворца (6-го декабря), 2-й—Александра невскаго (30-го августа), 3-й—Преображенія Господня (6-го августа), 4-й—царей Константина и Елены (21-го мая), мастеровая команда—св. Николая чудотворца (9-го мая) и трубаческая команда—св. Архистратига Михаила (8-го ноября).

Такимъ образомъ, третье число іюня—день наиболѣе выдающагося подвига въ жизни Сѣверскаго полка, вдвойнѣ увѣковѣчено въ быту его. Оно невольно должно будетъ сохраняться въ самыхъ отдаленныхъ поколѣніяхъ сѣверской семьи, такъ какъ постояннымъ напоминаніемъ о немъ будетъ отнынѣ не только самое дѣяніе и наградные знаки на штандартѣ, но также домашній храмовой праздникъ полка и его настоящая исторія. Дай Богъ, чтобы завѣтная идея составителя ея—сохранить въ потомствѣ дѣянія, заслуги и традиціи полка, достигла бы своей цѣли вполнѣ, и чтобы впереди онъ имѣлъ себѣ въ данномъ случаѣ преемника въ комъ либо изъ будущихъ своихъ однополчанъ.



ПРИЛОЖЕНІЯ.

КЪ ГЛАВѢ ПЕРВОЙ.

А.

Списокъ офицерамъ, вступившимъ въ 1856-мъ году на сформированіе драгунскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича (Сѣверскаго) полка изъ драгунскихъ наслѣднаго принца Виртембергскаго (нижегородскаго) и Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича (новороссійскаго) полковъ.

Нижегородскаго полка.

Подполковники.

Петровъ II-й—Викторъ Александровичъ.
Бѣлюстинъ—Вячеславъ Никитичъ.

Маіоръ.

Шанъ-Гирей—Алексѣй Павловичъ.

Капитаны.

Мосѣевъ—Хасметъ-Улла.
Ковако—Александръ Николаевичъ.
Загряжскій І-й—Андрей Ивановичъ.

Штабсъ-капитаны.

Авалдовъ—Василій Соломоновичъ.
Батіевскій—Яковъ Яковлевичъ.
Мусинъ-Пушкинъ—Александръ Илларіоновичъ.
Копце—Адольфъ Адольфовичъ.

Лозицкій—Янъ Флоріановичъ.

Терновскій—Алексѣй Трофимовичъ.

Поручики.

Петровъ—Ипполитъ Александровичъ.

Авeтовъ—Иванъ Яковлевичъ.

Рейтеръ I-й—Александръ Николаевичъ.

Рейтеръ II-й—Егоръ Николаевичъ.

Григоровичъ—Николай Степановичъ.

Драгилевъ—Филимонъ Васильевичъ.

Попаригопуло—Николай Ивановичъ.

Шелиховъ—Аполлонъ Дмитріевичъ.

Эристовъ—князь Константинъ Дмитріевичъ.

Шрейдеръ-Возницкій—Антонъ Михайловичъ.

Прапорщики.

Мисюринъ—Николай Владиміровичъ.

Эгадзе—Иванъ Александровичъ.

Аствацатуровъ—Михаилъ Моисеевичъ.

Султановъ—Юсуфъ-Али.

Лохвицкій—Петръ Давидовичъ.

Теръ-Асатуровъ—Дмитрій Богдановичъ.

Шемаевъ—Павелъ Ивановичъ.

Ивашкинъ I-й—Ѳеодоръ Николаевичъ.

Бартеньевъ—Александръ Арсентьевичъ.

Алдадановъ—Григорій Богдановичъ.

Пѣтуховъ—Эммануилъ Семеновичъ.

Красовскій—Иванъ Афанасьевичъ.

Меркандинъ—графъ Фредерикъ Осиповичъ.

Маркозовъ—Василій Ивановичъ.

Сумбатовъ—князь Давидъ Александровичъ.

Мухановъ—Юрій Николаевичъ.

Новороссійскаго полка.

Штабсъ-капитанъ.

Бѣльченковъ—Іовъ Леонтьевичъ.

Поручики.

Назаровъ—Михаилъ Николаевичъ.
Никифоровъ—Василій Ивановичъ.

Прапорщики.

Терентьевъ—Владиміръ Θеодоровичъ.
Вощининъ—Николай Сергѣевичъ.
Липпицкій—Зенонъ Ивановичъ.
Никулищевъ—Михаилъ Михайловичъ.
Леонтовичъ—Иванъ Петровичъ.

Б.

Пѣсня драгунъ Сѣверскаго и нижегородскаго полковъ, сложенная при выдѣленіи перваго полка изъ состава втораго.

Старый полкъ себя прославилъ
Слишкомъ двѣсти лѣтъ;
Два полка теперь составилъ
Для двойныхъ побѣдъ.

Расходясь, мы подѣлили,
Словно съ братомъ братъ,
Все, что вмѣстѣ заслужили,
Въ чемъ вся честь солдатъ:

Знакъ отличья надъ гербами,
Трубы за походъ,
И штандарты съ ихъ крестами,
И шитье господъ.

Славно полкъ нашъ сформированъ—
Удальцы вполнѣ;
Всякъ отвагою прокованъ,
Закаленъ въ войнѣ.

Мы драгуны боевые
Боевой семьи:
Нижгородцы удалые—
Сѣверцамъ свои.

Бой скрѣпляетъ нашу дружбу,
Врагъ насъ вмѣстѣ зналъ,
И Наслѣдника за службу
Царь намъ шефомъ далъ.

Выше нѣтъ для насъ награды,
Сверхъ заслугъ почетъ....
И за то намъ нѣтъ преграды—
Все нашъ полкъ сомнетъ.

КЪ ГЛАВѢ ШЕСТОЙ.

B.

Приказъ по кавказской арміи апрѣля 29-го дня 1864-го года № 158.

Государь Императоръ, въ 19-й день сего апрѣля, соизволилъ удостоить Меня слѣдующимъ рескриптомъ:

„Ваше Императорское Высочество. Назначивъ Васъ намѣстникомъ Моимъ на Кавказѣ и командующимъ кавказскою арміею, Я возложилъ на Васъ многотрудную обязанность довершить великое дѣло умиротворенія сего края, а вмѣстѣ съ тѣмъ вести всѣ отрасли мѣстной администраціи и народнаго благосостоянія къ желаемому

развитію. Едва прошелъ годъ со времени Вашего назначенія—и, къ сердечной Моей радости, уже достигнуты Вами замѣчательные успѣхи. Разнообразныя части гражданскаго управленія, съ прибытіемъ Вашимъ въ край, восприняли новую жизнь; многія важныя дѣла получили движеніе; но въ особенности Мнѣ пріятно было слѣдить за блестящими успѣхами военныхъ мѣръ, принятыхъ для окончательнаго водворенія русской власти въ тѣхъ частяхъ Кавказа, въ которыхъ оставалось еще непокорное горское населеніе. Послѣ достопамятнаго покоренія всей восточной половины Кавказа предмѣстникомъ Вашимъ фельдмаршаломъ княземъ Барятинскимъ, Вамъ предстояло привести къ концу начатое имъ завоеваніе другой, западной, половины. Неутомимые труды храбрыхъ войскъ кавказскихъ, подъ предводительствомъ генералъ-адъютанта графа Евдокимова, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и, съ божьею помощью, занятіе всего кавказскаго берега Черпаго моря совершилось нынѣ ранѣе, чѣмъ можно было предвидѣть. Остатки непокорныхъ племенъ окончательно отказались отъ дальнѣйшаго сопротивленія. Богатый закубанскій и прибрежный край быстро заселяется казаками, и такимъ образомъ настаетъ столь желанный конецъ кровопролитной вѣковой борьбы. Изъявляя Вашему Императорскому Высочеству душевную Мою признательность за Ваше ревностное и полезное служеніе отечеству, Я возлагаю на Васъ званіе главнокомандующаго кавказскою арміею и поручаю Вамъ, отъ Моего Имени, благодарить доблестныя войска, подъ начальствомъ Вашимъ состоящія, за ихъ постоянные, неутомимые труды, за мужество и храбрость въ бояхъ и за неизмѣнную преданность ихъ Престолу, отечеству и долгу службы“.

Глубоко осчастливленъ Я высокимъ назначеніемъ, которымъ Меня Государь удостоилъ, и милостивыми словами Монаршими, чрезъ Меня къ вамъ обращенными.

Вамъ, войска кавказскія, обязанъ Я этимъ счастьемъ и съ вами спѣшу раздѣлить его.

Г.

Приказъ по кавказской арміи мая 21-го дня 1864-го года № 200.

„Съ чувствомъ искренней радости и уваженія къ доблести вашей, поздравляю васъ, войска кавказской арміи, съ покореніемъ западнаго Кавказа и съ окончаніемъ кавказской войны“.

„Своимъ мужествомъ въ бояхъ, своей безпримѣрной твердостью въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ и лишеній, сослужили вы Государю и отечеству великую службу: ни ужасы дикихъ недоступныхъ горныхъ убѣжищъ, ни отчаянное сопротивленіе обитателей ихъ, ни суровая стужа, ни палящій зной—ничто не остановило васъ; все преодолѣли вы въ теченіе многихъ лѣтъ не слабѣя духомъ, запечатлѣвая потомъ и кровью каждый шагъ,—и достигли цѣли!“

„Слава Всевышнему, увѣнчавшему ваши усилія! Слава и признательность отечества вамъ—покорители Кавказа! Вѣчная память павшимъ товарищамъ вашимъ, недождавшимся настоящей радостной и великой минуты“.

Д.

Извлеченіе изъ приказа генералъ-адъютанта графа Евдокимова по войскамъ Кубанской области 28-го іюня 1864-го года.

„Разставаясь съ такими боевыми войсками, цвѣтомъ кавказской арміи, мнѣ бы пришлось говорить весьма много, если бы я сталъ распространяться объ ихъ доблестной службѣ, о трудахъ, ими перенесенныхъ, объ ихъ мужествѣ и о прочихъ блестящихъ качествахъ. Здѣсь, по моему мнѣнію, дѣло само за себя говоритъ, и всякое краснорѣчіе излишне“.

„Кому неизвѣстна на Кавказѣ военная репутація этихъ войскъ! Они начали и кончили кавказскую войну, являясь тамъ, гдѣ была боевая жизнь, трудъ и лишенія“.

„Я обязанъ вамъ, храбрые сподвижники, успѣхомъ въ дѣлѣ покоренія западнаго Кавказа“ и т. д.

КЪ ГЛАВѢ СЕДЬМОЙ.

Е.

Приказъ по кавказской арміи января 26-го дня 1865-го года № 7, въ городѣ Тифлисѣ.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Драгунскимъ полкамъ, находящимся на Кавказѣ, оставляя ихъ при четырехъ дѣйствующихъ эскадронахъ, присвоить, одинаково со всѣми вообще кавалерійскими полками, два состава: для военнаго времени—полный, по расчету 16-ти конныхъ рядовъ во взводахъ, и для мирнаго времени—сокращенный, по расчету 14-ти конныхъ рядовъ во взводахъ, въ томъ числѣ чиновъ и лошадей по каждому изъ сихъ составовъ, какое опредѣлено прилагаемымъ штатомъ № 1-й, причемъ въ настоящее время привести ихъ въ составъ мирнаго времени, т. е. при 14-ти конныхъ рядахъ во взводахъ.

2) Въ резервѣ каждаго изъ означенныхъ полковъ имѣть впредь постоянно одинъ резервный эскадронъ, въ составѣ, опредѣленномъ прилагаемымъ при семъ штатомъ № 2-й, подъ наименованіемъ: „резервный эскадронъ такого-то полка“, безъ нумера, и съ исключительнымъ назначеніемъ формировать рекрутъ для своего полка, принимать и выѣзжать для него ремонтныхъ лошадей и, вообще, приготовлять укомплектованіе людьми и лошадьми.

Резервные эскадроны эти содержать постоянно въ отдѣльномъ устройствѣ и управленіи отъ своихъ полковъ, имѣя ихъ на положеніи частей мѣстныхъ, безъ обоза, за исключеніемъ двухъ телѣгъ, съ лошадьми, на каждый эскадронъ.

Командирамъ сихъ резервныхъ эскадроновъ командовать оными на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ вообще управляются

полки и другія отдѣльныя части, съ правами и властью полковымъ командирамъ присвоенными.

3) Вмѣсто временнаго соединенія драгунскихъ полковъ кавказской арміи въ составѣ сводно-драгунской дивизіи, образовать изъ этихъ полковъ постоянную дивизію, которую именовать: „кавказскою кавалерійскою дивизіею“ и присвоить ей дивизіонное управленіе, по прилагаемому штату № 3-й.

Начальнику сей дивизіи подчинить одинаково съ полками и резервные эскадроны ихъ.

4) Ремонтированіе лошадьми полковъ кавказской кавалерійской дивизіи и ихъ резервныхъ эскадроновъ, установить на томъ же основаніи, какъ опредѣлено 11-мъ пунктомъ приказа 29-го декабря 1863-го года за № 448, для всѣхъ вообще армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, т. е. полагая одного ремонтира съ помощникомъ и, слѣдовательно, одно ремонтное депо на каждые два резервные эскадрона. Приведеніе въ исполненіе этой мѣры предоставить Моему усмотрѣнію, по соглашенію съ генералъ-инспекторомъ кавалеріи, а до того, пока ремонтированіе будетъ оставаться по полкамъ, производить полковымъ ремонтирамъ нынѣ присвоенные имъ оклады столовыхъ и путевыхъ денегъ, вмѣсто опредѣленныхъ штатомъ резервныхъ эскадроновъ № 2-й.

5) Въ отношеніи сорта лошадей, которыя должны быть покупаемы въ ремонтъ полковъ кавказской кавалерійской дивизіи и ихъ резервныхъ эскадроновъ, оставить въ своей силѣ нынѣ дѣйствующій порядокъ, опредѣленный въ примѣчаніи къ 479 ст. кн. IV. части IV свода военныхъ постановленій и въ 6-мъ пунктѣ приказа по военному вѣдомству 1856-го года № 60, т. е. покупать донскихъ степныхъ лошадей по преимуществу, а не безусловно, и

6) Настоящія мѣры привести въ исполненіе слѣдующимъ порядкомъ: а) резервные эскадроны новаго состава для кавказскихъ драгунскихъ полковъ составить изъ нынѣшнихъ 5-го и 6-го резервныхъ эскадроновъ сихъ полковъ, упразднивъ затѣмъ сіи послѣдніе и отдѣливъ отъ полковъ вновь составленные резервные эскадроны; б) управленіе кавказскою кавалерійскою дивизіею образовать по ближайшему Моему распоряженію; в) строевыхъ лошадей, убавляемыхъ

вслѣдствіе приведенія въ 14-ти-рядный составъ дѣйствующихъ эскадроновъ кавказскихъ драгунскихъ полковъ, передать въ резервные эскадроны сихъ полковъ въ добавокъ къ лошадямъ состоящимъ теперь въ 5-хъ резервныхъ эскадронахъ. А какъ за этимъ въ каждомъ изъ резервныхъ эскадроновъ будетъ недоставать еще 23 лошади, а всего 92, то это число недостающихъ лошадей купить и привести вмѣстѣ съ ремонтомъ текущаго 1865-го года, и на покупку ихъ, равно на проводъ и содержаніе въ депо, отпустить теперь же ремонтирамъ деньги по распоряженію главнаго интендантскаго управленія, и г) подъемныхъ лошадей, число коихъ убавляется по новымъ штатамъ въ кавказскихъ драгунскихъ полкахъ и ихъ резервныхъ эскадронахъ, продать съ аукціоннаго торга и вырученныя деньги обратить въ ближайшія уѣздныя казначейства, съ обязанностью увѣдомить главное интендантское управленіе о количествѣ вырученныхъ денегъ.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ въ приказѣ военнаго министра 2-го минувшаго декабря № 362, дѣлая извѣстнымъ по войскамъ кавказской арміи, для надлежащаго до кого относится исполненія, предписываю немедленно отдѣлить въ каждомъ изъ кавказскихъ драгунскихъ полковъ потребное число нижнихъ чиновъ и означенное здѣсь количество лошадей въ составъ новыхъ резервныхъ эскадроновъ, которымъ, впредь до особаго распоряженія, оставаться въ мѣстахъ настоящаго своего расположенія.

Ж.

Списокъ офицерамъ 45-го драгунскаго Сѣверскаго Его Величества Короля Датскаго полка, выдѣленнымъ въ 1865-мъ году въ составъ вновь сформированнаго 5-го резервнаго эскадрона.

Полковникъ Бѣлюстинъ—командиръ эскадрона; капитаны: Авалдовъ, Троицкій, Попаригопуло; штабсъ-капитаны: Липницкій, Гоппе, Ларіоновъ; поручики: Никифоровъ, Исааковъ, Нышпенко; прапорщики: Петровъ и князь Церетели.

КЪ ГЛАВАМЪ ВОСЬМОЙ, ДЕВЯТОЙ, ДЕСЯТОЙ И ОДИННАДЦАТОЙ.

3.

Списокъ офицерамъ 45-го драгунскаго Сѣверскаго Его Величества Короля Датскаго полка, раненымъ и контуженымъ въ войну съ турками въ 1877—1878 гг.

Мѣсяцъ и число.	Мѣсто боя.	Чинъ и фамилія.	Отмѣтка.
Іюня 3-го.	Подъ Аравартаномъ.	Капитанъ Саквараладзе-Бежановъ, командиръ 2-го эскадрона.	Контуженъ.
—	—	Прапорщикъ Аэтовскій.	
Іюля 16-го.	У горы большой Ягны.	Маіоръ Гоппе I-й, командовавшій 2-мъ дивизіономъ. Штабсъ-капитанъ Кудинетовъ.	Умеръ на разсвѣтѣ 17-го іюля.
Октября 12-го.	Подъ Зивиномъ.	Маіоръ Никифоровъ, командовавшій 2-мъ дивизіономъ.	Умеръ къ вечеру того-же дня.

И.

Списокъ нижнимъ чинамъ 45-го драгунскаго Сѣверскаго Его Величества Короля Датскаго полка, убитымъ и умершимъ отъ ранъ въ перестрѣлкахъ и сраженіяхъ въ войну съ турками 1877—1878 годовъ.

Мѣсяцъ и число.	Мѣсто боя.	Какого эскадрона.	Имена и фамиліи.
			Убитые:
Іюня 3-го.	Въ дѣлѣ подъ Аравартаномъ.	1	Самуилъ Хромыхъ.
		2	Григорій Олейниковъ.
		2	Викентій Подзюнасъ.
		3	Михаилъ Крицкій.
		3	Андрей Авраменко.
		3	Тимофей Муригинъ.
Іюля 16-го.	Въ стычкѣ съ непріятелемъ у горы большой Ягны.	3	Викентій Сидоровичъ.
Октября 3-го.	Въ дѣлѣ съ непріятелемъ на аладжинскихъ высотахъ.	4	Иванъ Горловъ.
Октября 12-го.	Въ дѣлѣ съ непріятелемъ подъ Зивиномъ.	3	Михаилъ Пшеничный.
		4	Степанъ Хорольскій.
		4	Кузьма Цвыревъ.

			Умершіе отъ ранъ:
Іюня 3-го.	Въ дѣлѣ подъ Арa-вартаномъ.	1	Тимофей Конеухъ.
		2	Андрей Дводненко.
		2	Матвѣй Лясковскій.
Съ 16-го на 17-е августа.	Во время ночнаго разъѣзда.	4	Степанъ Никоновъ.
Октября 12-го.	Въ дѣлѣ подъ Зивиномъ.	3	Андрей Кроковякъ.
		4	Анисимъ Касьяновъ.
		4	Петръ Ульяновъ.

I.

Списокъ нижнимъ чинамъ 45-го драгунскаго Сѣверскаго Его Величества Короля Датскаго полка, раненымъ въ перестрѣлкахъ и сраженіяхъ въ войну съ турками 1877—1878 годовъ.

Мѣсяцъ и число.	Мѣсто боя.	Какого эскадрона.	Имена и фамиліи.
Мая 13-го.	При сел. Магараджикѣ.	4	Зосима Худокормовъ.

Іюня 3-го.	Въ дѣлѣ подъ Аравартаномъ.	1	Викентій Баранасъ.
		1	Никифоръ Колесниковъ.
		1	Антонъ Дружининъ.
		2	Яковъ Притыкинъ.
		1	Устинъ Свѣтличный.
		1	Осипъ Ластовскій.
		1	Матвѣй Зуюсъ.
		1	Кириллъ Кузнецовъ.
		3	Иванъ Горшинъ.
		1	Семенъ Спѣваковъ.
		1	Макѣй Уваровъ.
		1	Емельянъ Горюшкинъ.
		1	Тихонъ Съѣдинъ.
		1	Петръ Герасименко.
		1	Даніилъ Сульдинъ.
		3	Павелъ Кошелевъ.
		2	Андрей Мышинскій.
		2	Максимъ Карасевъ.
		2	Тимофей Журавлевъ.
		2	Иванъ Голиковъ.
		2	Евдокимъ Кауповъ.
		2	Фома Плужковъ.
		2	Иванъ Вшивцовъ.
		2	Камальдинъ Фахардиновъ.
		2	Назимундъ Фаткулинъ.
		2	Иванъ Кулишенко.
		3	Иванъ Щербининъ.
		4	Фома Ващенко.
		4	Лаврентій Кончикъ.
Іюля 14-го.	Въ стычкѣ съ непріятелемъ при сел. Джала.	2	Іосифъ Кавальскій.
Іюля 16-го.	Въ стычкахъ съ непрія- телемъ у горы большой Ягны.	3	Лавръ Сабуровъ.
		3	Василій Потапенко.
		3	Иванъ Трегисъ.
		4	Максимъ Гура.
		4	Евдокимъ Игонинъ.
		4	Михаилъ Сырицынъ.
		4	Павелъ Щекинъ.
		4	Антонъ Чернобрововъ.
		4	Афанасій Чаликовъ.
		4	Кузьма Пелиховъ.

Августа 13-го.	Въ дѣлѣ съ непріятелемъ у горы Кизилъ-Тапа.	1	Василій Степаненко.
		1	Павелъ Мартыновъ.
		2	Филиппъ Якуцевичъ.
		2	Михаилъ Васильковъ.
		2	Александръ Хомутовъ.
		2	Тихонъ Мелентьевъ.
Сентября 1-го.	Въ дѣлѣ съ непріятелемъ у горы Инахъ-Тапа.	2	Степанъ Деденко.
Сентября 20-го.	Въ дѣлѣ съ непріятелемъ у горы малой Ягны.	1	Михаилъ Шіепенко.
		1	Фаддей Яхневъ.
		1	Найонъ Дордже-Обше-Гахаевъ.
		1	Прокофій Ивановъ.
		1	Василій Ворона.
		2	Тарасъ Скуридинъ.
		2	Анисимъ Калашниковъ.
		2	Андрей Лысовъ.
Сентября 30-го.	Въ дѣлѣ съ непріятелемъ на аладжинскихъ высотахъ.	2	Осипъ Рогалевъ.
Октября 12-го.	Въ дѣлѣ съ непріятелемъ подъ Зивиномъ.	2	Иванъ Волковъ.
		3	Мартынъ Брензюсъ.

Кромѣ указанныхъ раненыхъ нижнихъ чиновъ, 21 человѣкъ получилъ механическія поврежденія (во фронтѣ).

К.

Списокъ нижнимъ чинамъ 45-го драгунскаго Сѣверскаго Его Величества короля Датскаго полка, умершимъ отъ болѣзни въ 1877—1878 годахъ.

Какого эскадрона.	Имена и фамиліи.	Умеръ.		
		Названіе болѣзни.	Годъ мѣсяцъ и число.	Мѣсто смерти.
			Въ 1877 г.	
4	Егоръ Мурзабековъ.		Мая 26-го.	Въ тифлисскомъ воен. госпиталѣ.
Лаз. служ.	Родіонъ Травовъ.		Мая 27-го.	Въ александропольскомъ воен. госпит.
3	Ефимъ Войтенко.		Іюня 8-го.	Въ военно-временномъ № 10-го госп.
2	Яковъ Сорокинъ.		Іюня 16-го.	Въ александропольскомъ воен. госпит.
1	Кириллъ Гавриловъ.		Іюля 13-го.	При штабѣ полка, въ г. Пятигорскѣ, скоропостижно.
4	Ефимъ Рябининъ.	Тифъ	Іюля 23-го.	Въ военно-временномъ госпиталѣ.
1	Василій Аданцовъ.		Іюля 25-го.	Въ неизвѣстномъ госпиталѣ.
1	Михаилъ Шиховъ.		Сентября 21-го.	Въ тифлисскомъ воен. госпиталѣ.
2	Тимофей Шилинъ.		Сентября 25-го.	Въ военно-временномъ № 36-го госп.
1	Михаилъ Шіененко.		Сентября 21-го.	Въ тифлисскомъ воен. госпиталѣ.
4	Францъ Новакъ.		Октября 25-го.	Въ военно-временномъ № 8-го госп.
4	Иванъ Ивановъ.		Ноября	Въ военно-времен-
1	Прокофій Ивановъ.		23-го.	номъ № 3-го госп.
Обоз. ряд.	Яковъ Пироженко.		Ноября 26-го.	Въ караклисскомъ воен. госпиталѣ.
Лаз. служ.	Афанасій Кузнечкинъ.		Декабря 1-го.	Тамъ-же.
Лаз. служ.	Павелъ Удодовъ.		Декабря 10-го.	Въ военно-временномъ № 3-го госп.

2	Федоръ Жучковъ.	Тифъ	Декабря 13-го.	Въ военно-временномъ № 5-го госпит.
4	Николай Воробьевъ.		Декабря 13-го.	Въ селеніи Спасскомъ.
4	Василій Дмитріевъ.	Тифъ	Декабря 15-го.	Въ дивизіонномъ лазаретѣ.
4	Василій Паранцовъ.		Декабря 15-го.	Въ тифлисскомъ воен. госпиталѣ.
4	Иванъ Кузьменко.		Декабря 17-го.	Въ военно-временномъ № 25-го госп.
1	Нифонтъ Колесниковъ.	Неиз.	Декабря 21-го.	Въ военно-временномъ № 5-го госп.
4	Семенъ Любченко.		Декабря 26-го.	Въ дивизіонномъ лазаретѣ.
			Въ 1878 г.	
1	Федоръ Гладкихъ.		Января 1-го.	Въ дивизіонномъ лазаретѣ.
1	Никифоръ Терещенко.		Января 7-го.	Въ военно-временномъ № 30-го госп.
3	Давидъ Андреевъ.	Тифъ	Января 10-го.	Въ военно-временномъ № 36-го госп.
4	Федоръ Батовъ.	тоже	Января 13-го.	Въ дивизіонномъ лазаретѣ.
4	Анистратъ Бережной.	тоже	Января 16-го.	Въ александропольскомъ воен. госпит.
4	Семенъ Вишняковъ	тоже	Января 17-го.	Въ полковомъ пріемномъ покоѣ.
4	Антонъ Ревейкисъ.		Января 19-го.	Тамъ-же.
3	Степанъ Бубукинъ.		Января 20-го.	Тамъ-же.
Обоз. ряд.	Иванъ Карасевъ.		Января 23-го.	Тамъ-же.
4	Іосифъ Красильниковъ.		Января 26-го.	Тамъ-же.
2	Петръ Семенихинъ.		Января 27-го.	Тамъ-же.
4	Семенъ Кондратенко.		Января 30-го.	Тамъ-же.
4	Иванъ Павлухинъ.			
Эск. фел.	Константинъ Ивакинъ.		Февраля 2-го.	Тамъ-же.
2	Макаръ Гмызинъ.			

Лаз. служ.	Федоръ Быковскій.		Февраля 3-го.	Въ полковомъ лазаретѣ.
3	Филиппъ Соплинъ.		Февраля	
4	Михаилъ Столяровъ.		4-го.	Тамъ-же.
4	Филиппъ Чичинъ.		5-го.	
Труб.	Осипъ Кавальскій.		Февраля	Тамъ-же.
4	Филипъ Мишинъ.		7-го.	
Ден.	Янъ Свѣидъ.		Февраля 7-го.	Тамъ-же.
3	Иванъ Козловъ.		Февраля 10-го.	Въ военно-времени. № 25-го госп.
1	Антонъ Туболевъ.	Тифъ	Февраля 11-го.	Въ полковомъ лаз.
4	Андрей Герасименко.		Февраля	Тамъ-же.
Кол.	Антонъ Грушка.		13-го.	
Труб.	Иванъ Піорекъ.	Тифъ	Февраля 15-го.	Тамъ-же.
Труб. учен.	Василій Калистратовъ.		Февраля 15-го.	Въ военно-временномъ № 51-го госп.
Обоз. ряд.	Гавріилъ Кривокрисенко	Тифъ	Февраля 17-го.	Въ полковомъ лаз.
Труб.	Михаилъ Василевскій.		Февраля 20-го.	Тамъ-же.
1	Семенъ Жильцовъ.	Тифъ	Февраля 22-го.	Тамъ-же.
Стар. пис.	Иванъ Віалентовъ.	тоже	Февраля 25-го.	Въ военно-временномъ № 36-го госп.
2	Иванъ Поповъ.	тоже	Февраля 26-го.	Въ полковомъ лаз.
Обоз. ряд.	Сарапіонъ Малковъ.	тоже	Февраля 26-го.	Въ подвижномъ лаз. 20-й пѣхот. дивизіи.
4	Евдокимъ Игонинъ.		Февраля 27-го.	Въ полковомъ лаз.
1	Степанъ Золотовъ.	Тифъ	Февраля 28-го.	Тамъ-же.
Обоз. ряд.	Илья Колокольцовъ.		Февраля 28-го.	Тамъ-же.
1	Кузьма Битюковъ.	Тифъ	Марта 1-го.	Тамъ-же.
Труб.	Северинъ Соколинскій.		Марта 2-го.	Тамъ-же.
3	Назаръ Паксенкинъ.	Тифъ	Марта	Тамъ-же.
2	Григорій Маликъ.		4-го.	

4	Степанъ Алтынниковъ.	Тифъ	Марта 11-го.	Въ полковомъ лаз.
4	Яковъ Ярцовъ.	тоже		
4	Анисимъ Васильченко.	тоже	Марта 13-го.	Тамъ-же.
Порт.	Пантелеймонъ Телятниковъ.		Марта 13-го.	Въ военно-временномъ № 33-го госп.
Кузн.	Иванъ Поповъ.	Тифъ	Марта 14-го.	Въ полковомъ околодкѣ.
3	Матвѣй Крахмалевъ.	тоже	Марта 18-го.	Тамъ-же.
3	Степанъ Безсмертный.	тоже	Марта 16-го.	Въ александропольскомъ воен. госп.
Мед. фел.	Георгій Мазаревичъ.	тоже	Марта 20-го.	Въ ольтинскомъ лазаретѣ.
Сап.	Егоръ Переверзовъ.	тоже		
1	Егоръ Токаревъ.		Марта 23-го.	Въ полковомъ лазаретѣ.
2	Павелъ Щюрюта.			
3	Дмитрій Гридневъ.			
3	Осипъ Бара.		Марта 24-го.	Въ полковомъ околодкѣ.
3	Иванъ Еремѣенко.			
1	Василій Макаровъ.	Тифъ	Марта 25-го.	Тамъ-же.
3	Петръ Володинъ.	тоже		
4	Иванъ Тарановъ.	тоже		
2	Григорій Юрцовъ.	тоже		
4	Павелъ Поповъ.	тоже	Марта 27-го.	Въ лазаретѣ 27-го резервнаго батал.
3	Константинъ Ильинъ.	тоже	Апрѣля 1-го.	Въ военно-временномъ № 53-го госп.
1	Василій Соченко.	тоже	Апрѣля 2-го.	
2	Дмитрій Огурцовъ.	тоже	Апрѣля 5-го.	Въ полковомъ околодкѣ.
2	Степанъ Березинъ.	тоже	Апрѣля 6-го.	Въ военно-временномъ № 53-го госп.
3	Яковъ Якушкинъ.	тоже	Апрѣля 7-го.	Въ полковомъ околодкѣ.
2	Петръ Щебетунъ.	тоже	Апрѣля 8-го.	Въ лазаретѣ 27-го пѣх. резерв. бат.
1	Антонъ Величко.	тоже	Апрѣля 10-го.	Въ военно-временномъ № 53-го госп.
2	Ефимъ Прокофьевъ.	тоже	Апрѣля 14-го.	Въ полковомъ околодкѣ.
3	Иванъ Печенко.	тоже		
Вет. фел.	Петръ Костинъ.	тоже		
1	Максимъ Дубовикъ.	тоже	Апрѣля 15-го.	Въ военно-временномъ № 53-го госп.
3	Казиміръ Масюпаевъ.	тоже		

2	Иванъ Гриневъ.	Неиз.	Апрѣля 16-го.	Въ военно-времен. № 53-го госп.
3	Андріанъ Серебряковъ.		Апрѣля 17-го.	Въ полковомъ околодкѣ.
1	Трофимъ Косопоговъ.	Тифъ	Апрѣля 18-го.	Въ александропольскомъ воен. госпит.
1	Назаръ Горбаневъ.	тоже	Апрѣля 19-го.	Въ полковомъ околодкѣ.
4	Власъ Жирковъ.	тоже	Апрѣля 20-го.	Въ дивизіон. подв. лаз. 20-й пѣх. див.
Кузн.	Трофимъ Кузнецовъ.		Апрѣля 21-го.	Въ полковомъ околодкѣ.
3	Семенъ Ермаковъ.	Неиз.	Апрѣля 27-го.	Въ военно-временномъ № 35-го госп.
3	Казиміръ Матыга.	Тифъ	Апрѣля 23-го.	Въ ольтинск. лазар.
4	Евтей Кириченко.	тоже		
4	Алексѣй Внучкинъ.	тоже		
2	Николай Маевскій.	тоже	Мая 3-го.	Въ военно-времен. № 53-го госп.
4	Пантелеймонъ Чупруновъ.	тоже	Мая 4-го.	
3	Максимъ Шимуровъ.	тоже	Мая 7-го.	
1	Арифула Яхина.	тоже	Мая 9-го.	
1	Иванъ Пискуновъ.	тоже	Мая 9-го.	
1	Филиппъ Макряковъ.	тоже	Мая 10-го.	
2	Степанъ Жуковъ.		Мая 11-го.	Въ 1-мъ саракамышскомъ военн.-врем. подвижн. №№ 8, 20 и 54-го гос.
2	Алексѣй Черниковъ.		Мая 13-го.	
3	Степанъ Бѣлоцерковникъ.	тоже	Мая 13-го.	Въ военно-времен. № 53-го госп.
4	Федоръ Ульченко.	тоже	Мая 13-го.	
4	Сергѣй Осиповъ.	тоже	Мая 13-го.	
2	Петръ Малышевъ.	тоже	Мая 14-го.	
2	Егоръ Зайцовъ.	Неиз.	Мая 15-го.	
2	Нефедъ Федюшкинъ.	Тифъ	Мая 21-го.	Въ подвижномъ дивизіонномъ лазаретѣ 39-й пѣх. див.
4	Александръ Черпецкій.	тоже		
4	Иванъ Русскихъ.	тоже		

4	Станиславъ Тумасанисъ.		Мая 24-го.	Въ военно - временномъ № 53-го госп.
4	Алексѣй Глазовъ.	Неиз.	Мая 25-го.	Въ подв. лазар. 39-й пѣх. дивизіи.
1	Финогенъ Шипулинъ.		Мая 26-го.	Въ подв. лаз. 21-й пѣх. дивизіи.
1	Петръ Дмитріевъ.		Мая 27-го.	Въ военно - временномъ № 56-го госп.
3	Несторъ Боковъ.	Тифъ	Мая 29-го.	Въ военно - временномъ № 54-го госп.
2	Давидъ Капустинъ.	Неиз.	Мая 30-го.	Въ подв. див. лаз. 39-й пѣх. дивизіи.
1	Арефій Завалихинъ.		Мая 31-го.	Въ дивизіон. подв. лаз. 39-й пѣх. див.
2	Иванъ Карпиненко.	Неиз.	Іюня 7-го.	Въ военно - временномъ № 20-го госп.
1	Павелъ Мартыновъ.		Іюня 8-го.	Въ дивиз. подвиж. лаз. 20-й пѣх. див.
1	Николай Мазыкинъ.		Іюня 11-го.	Въ александропол. воен.-времен. соед. №№ 3, 35 и 36-го г.
2	Власъ Передерей.	Неиз.	Іюня 12-го.	Въ военно - временномъ № 45-го госп.
1	Никифоръ Ляшенко.		Іюня 17-го.	Въ караклисскомъ военно-временномъ № 56-го госпиталѣ.
1	Дмитрій Нижегольцевъ.		Іюня 19-го.	
4	Иванъ Масловъ.	Неиз.	Іюня 20-го.	Въ военно - временномъ № 7-го госп.
4	Николай Шевцовъ.	тоже	Іюня 26-го.	Въ военно - временномъ № 20-го госп.
1	Леонъ Ивановъ.		Іюня 26-го.	Въ 1-мъ сорокамыш. воен.-времен. соед. №№ 8, 20 и 54-го г.
2	Тимофей Закорецкій.		Іюня 30-го.	Въ александропол. воен.-времен. соед. №№ 3, 35 и 36-го г.
4	Гавріилъ Парусовъ.	Тифъ	Іюля 7-го.	Въ военно - временномъ соедин. №№ 3, 35 и 35-го госпит.
4	Макаръ Куликовъ.		Іюля 8-го.	Въ джелалъ - оглин. воен. госпиталѣ.
4	Михаилъ Суслинъ.		Іюля 12-го.	Въ александропольскомъ военно - временномъ соед. №№ 3, 35 и 36-го госп.

4	Анисимъ Лютенко.		Іюля 15-го.	Въ военно-времен. больш. караклисск. соедин. №№ 4, 49 и 50-го госп.
4	Василій Хорольскій.		Іюля 23-го.	Въ военно-временномъ 2-мъ саракамышскомъ соед. №№ 45, 46 и 43-го госп.
4	Григорій Корнѣевъ.		Іюля 23-го.	
Кузн.	Василій Лиханскій.	Неиз.	Іюля 26-го.	Въ военно-временномъ соедин. №№ 8, 20 и 54-го госпит.
3	Велиитъ Абдулинъ.		Августа 3-го.	Въ военно-временномъ джуджурскомъ № 2-го госпиталѣ.
1	Григорій Скорнинъ.		Сентября 16-го.	Въ 1-мъ саракамышскомъ военно-временномъ соединенномъ №№ 20, 8 и 54-го госпиталѣ.
1	Николай Шишкинъ.			
1	Трофимъ Свистуновъ.			
2	Макаръ Деньщиковъ.			
2	Лука Карпенко.			
2	Иванъ Токаревъ.			
2	Никита Шенинъ.			
3	Иванъ Корнѣевъ.			
3	Федоръ Черкасовъ.			
4	Акимъ Зенковскій.			
4	Алексѣй Черниковъ.			
4	Александръ Аленевъ.			
Лож.	Николай Ярунцовъ.			

КЪ ГЛАВѢ ДВѢНАДЦАТОЙ.

Л.

Приказъ по кавалеріи отъ 19-го декабря 1883-го года, за № 17-мъ.

12-го сентября, во Владикавказѣ.

Смотръ 45-му драгунскому Сѣверскому полку.

Находилось въ строю:

Штабъ и оберъ офицеровъ............ 24.

Нижнихъ чиновъ.................... 586.

Во взводахъ—по 16-ти рядовъ кругомъ.

На мѣстѣ полкъ стоялъ отлично.

Офицерская ѣзда въ этомъ полку отличная. Посадка, держаніе рукъ и дистанціи, веденіе лошадей, въ особенности при переходахъ изъ одного аллюра въ другой, все исполняется правильно, и видно, что на все обращено вниманіе. При этомъ офицерскія лошади очень хороши и между ними даже много отличныхъ.

Справа по три полкъ прошелъ очень хорошо: люди молодцами сидятъ и щегольски одѣты.

Оружіе держатъ правильно.

Лошади въ отличномъ содержаніи, осѣдланы и мундштучены; хотя полкъ въ должномъ поводу, но, кромѣ перваго эскадрона, въ остальныхъ—люди держатъ слишкомъ высоко лѣвыя руки, отчего у лошадей головы поставлены не совсѣмъ правильно.

Сѣдельный уборъ во всемъ полку очень хорошъ и въ отличномъ видѣ.

Вообще, полкъ вышелъ на смотръ въ образцовомъ порядкѣ.

Ученье исполнили съ необыкновенною чистотою, отчетливостью и замѣчательнымъ спокойствіемъ — такъ, какъ лучше требовать нельзя. Эскадроны отлично съѣзжены, всѣ повороты и заѣзды производили какъ по циркулю. Офицеры ѣздятъ передъ фронтомъ споровисто и отлично равняются.

Хотя на ученьи можно было замѣтить, что полкъ въ хоро-

шемъ поводу, но необходимо обратить вниманіе на болѣе правильную постановку головъ у лошадей, такъ какъ это имѣетъ большое значеніе для сбереженія спинъ.

Церемоніальнымъ маршемъ прошли на всѣхъ аллюрахъ отлично.

ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Списокъ офицерамъ служившимъ въ 45-мъ драгунскомъ Сѣверскомъ Его Величества Короля Датскаго полку, съ основанія его въ 1856-мъ году.

А.

Абаносимовъ—Иванъ Михайловичъ.
Абаносимовъ—Сергѣй Ивановичъ.
Абашидзе—князь Самсонъ Ивановичъ.
Абашидзе—князь Дмитрій Ростомовичъ.
Абдрахмановъ.
Абдулъ-Самедъ-Мирза, персидскій принцъ.
Авакимовъ—Василій Богдановичъ.
Аваловъ—Василій Соломоновичъ.
Автовъ—Иванъ Яковлевичъ.
Авиновъ—Митрофанъ Александровичъ.
Агаларовъ—Идрисъ-бекъ.
Акимовъ—Владиміръ Николаевичъ.
Аксентьевъ—Владиміръ Николаевичъ.
Алдадановъ—Григорій Богдановичъ.
Али-Магома-оглы.
Али-Кули-Мирза, персидскій принцъ.
Аліевъ—Али-Муртузъ-Али.

Алымовъ—Анатолій Александровичъ.
Аргеландеръ—Константинъ Андреевичъ.
Арешевъ—Петръ Егоровичъ.
Арсеньевъ—Петръ Сергѣевичъ.
Арсеньевъ—Митрофанъ Сергѣевичъ.
Арсеньевъ—Иванъ Сергѣевичъ.
Аствацатуровъ—Михаилъ Моисеевичъ.
Асьеръ—Александръ Александровичъ.
Афанасьевъ—Николай Ивановичъ.
Аэтовскій I-й—Павелъ Александровичъ.
Аэтовскій II-й—Валеріанъ Александровичъ.

Б.

Багратіонъ—князь Иванъ Романовичъ.
Багратіонъ-Мухранскій—князь Александръ Михайловичъ.
Батіевскій—Яковъ Яковлевичъ.
Батіевскій—Николай Яковлевичъ.
Батіевскій—Петръ Яковлевичъ.
Бартеньевъ—Александръ Арсентьевичъ.
Башмаковъ—Аркадій Дмитріевичъ.
фонъ-Бахъ—Николай Андреевичъ.
Безсмѣнный—Сергѣй Николаевичъ.
Бергъ—Александръ Александровичъ.
Беридзе—Іосифъ Бежановичъ.
Берингъ—Эдуардъ Оттомаровичъ.
Бирюковъ—Левъ Львовичъ.
Блюмеръ—Сергѣй Марсильевичъ.
Богословскій—Николай Андреевичъ.
Бочковскій—Кондратій Станиславовичъ.
Брянчаниновъ—Николай Николаевичъ.
Булыгинъ—Дмитрій Николаевичъ.
Бутеньевъ—Иванъ Васильевичъ.
Бегуловъ—Вартанъ Матвѣевичъ.
Бѣлюстинъ—Вячеславъ Никитичъ.
Бѣльченковъ—Іовъ Леонтьевичъ.

В.

фонъ-Валь I-й—Алексѣй Алексѣевичъ.
фонъ-Валь II-й—Оскаръ Алексѣевичъ.
фонъ-Вахъ—Адольфъ Эдуардовичъ.
Вонцининъ—Николай Сергѣевичъ.
Векиловъ—Аввакумъ Карапетовичъ.
Векиловъ II-й—Александръ Николаевичъ.
Вестманъ—Александръ Андреевичъ.
Вестманъ—Владиміръ Андреевичъ.
Вестманъ—Сергѣй Андреевичъ.
Воробьевъ—Яковъ Яковлевичъ.
Воронинъ—Михаилъ Ивановичъ.
Вырубовъ—Дмитрій Алексѣевичъ.

Г.

Гатовскій—Евгеній Николаевичъ.
Гахаевъ-Найонъ-Дордже-Обше.
Гидульяновъ—Василій Игнатьевичъ.
фонъ-Глейнъ—Оскаръ Павловичъ.
Голембіовскій—Казиміръ Лукьяновичъ.
Гоппе—Феодоръ Ивановичъ.
Гоппе—Константинъ Феодоровичъ.
Гоппе—Платонъ Феодоровичъ.
Граббе—графъ Александръ Павловичъ.
Грахольскій—Дмитрій Филипповичъ.
Григоровичъ—Николай Степановичъ.
Губченко—Алексѣй Андреевичъ.

Д

Дадіанъ—князь Александръ Елизбаровичъ.
фонъ-Демеличъ-Паніовъ—Владиміръ Ивановичъ.
Джамбакуріанъ-Орбеліани—князь Николай Макаровичъ.
Драгилевъ—Филимонъ Васильевичъ.

Дыдымовъ—Сергѣй Еліазаровичъ.
Дюмбте—Альбертъ Альбертовичъ.

Е.

Елецъ—Эдуардъ Александровичъ.
Ермаковъ—Валеріанъ Борисовичъ.

Ж.

Жуковскій—Иванъ Ивановичъ.

З.

Загряжскій—Андрей Ивановичъ.
Закорковъ—Евгеній Яковлевичъ.
Зарембо-Годзіяскій—Феофанъ Юліевичъ.
Зисерманъ—Юліанъ Львовичъ.
Зіатхановъ І-й—Исаакъ.
Золотаревъ—Михаилъ Григорьевичъ.

И.

Ивановъ—Владиміръ Петровичъ.
Ивковъ—Василій Васильевичъ.
Иконниковъ—Митрофанъ Александровичъ.
Исааковъ—Іустинъ Захарьевичъ.
Ивашкинъ І-й—Феодоръ Николаевичъ.

К.

Кануковъ—Пшемахо.
Корсаковъ—Николай Сергѣевичъ.
Касаевъ—Мирза-бекъ.
Квицинскій—Михаилъ Онуфріевичъ.
Кикинъ—Василій Алексѣевичъ.
Ковако—Александръ Николаевичъ.
Ковалько—Ипполитъ Алексѣевичъ.
Козинъ—Алексѣй Ильичъ.

Коргановъ—Адамъ Соломоновичъ.
Колинъи—Николай.
Конце—Адольфъ Адольфовичъ.
Колчинъ—Василій Константиновичъ.
Колчинъ—Семенъ Константиновичъ.
Коробъ—Андрей Ивановичъ.
Кудинетовъ—Карашай Комбатовичъ.
Куцеваловъ—Марій Васильевичъ.
Красовскій—Иванъ Афанасьевичъ.
Кельчевскій.

Л.

Лабенскій—Александръ Степановичъ.
Лабенскій—Константинъ Степановичъ.
Лозицкій—Янъ Флоріановичъ.
Ларіоновъ—Александръ Павловичъ.
фонъ-Левисъ-Офъ-Менаръ—Оскаръ Александровичъ.
Леонтовичъ—Иванъ Петровичъ.
Лилье—Петръ Карловичъ.
Липицкій—Зенонъ Ивановичъ.
Лорисъ-Меликовъ—Иванъ Егоровичъ.
Лосьевъ—Алексѣй Андреевичъ.
Лохвицкій—Петръ Давидовичъ.
Лохвицкій—Аркадій Давидовичъ.
Лохвицкій—Николай Давидовичъ.
Львовъ I-й—князь Евгеній Александровичъ.

М.

Македонскій—Иванъ Николаевичъ.
фонъ-Манштейнъ—Николай Васильевичъ.
Манучаровъ—Павелъ Давидовичъ.
Манучаровъ—Артемій Варламовичъ.
Маркозовъ—Василій Ивановичъ.
Масѣевъ—Хасметъ-Улла.

Махатадзе—Александръ Григорьевичъ.
Медвѣдовскій—Николай Іуліяновичъ.
фонъ-Мензенкампфъ—Эдуардъ.
Меркандинъ—графъ Фредерикъ Іосифовичъ.
Мжедловъ—Иванъ Захарьевичъ.
Микеладзе—князь Константинъ Георгіевичъ.
Микеладзе—князь Вартанъ Таріеловичъ.
Милошевичъ—Леонидъ Степановичъ.
Мисюринъ—Николай Владиміровичъ.
Михелисъ.
Мусинъ-Пушкинъ—Александръ Илларіоновичъ.
Мухановъ—Юрій Николаевичъ.

Н.

Навроцкій—Михаилъ Александровичъ.
Назаровъ—Михаилъ Николаевичъ.
Назаровъ—князь Николай Николаевичъ.
Назыровъ—Захарій-бекъ.
Неклюдовъ—Петръ Владиміровичъ.
Никорица—Михаилъ Егоровичъ.
Некора—Дмитрій Яковлевичъ.
Нестеровскій—Степанъ Васильевичъ.
Николаевъ—Владиміръ Тимофеевичъ.
Никифоровъ—Василій Ивановичъ.
Никулищевъ—Михаилъ Михайловичъ.

О.

О'Бріенъ-де-Ласси—Карлъ Патрикіевичъ.
Оболенскій—князь Владиміръ Дмитріевичъ.
Отсолигъ.

П.

Попаригопуло—Николай Ивановичъ.
Паулучи—маркизъ Николай Филипповичъ.

Петерсенъ—Владиміръ Яковлевичъ.
Петровъ—Викторъ Александровичъ.
Петровъ—Ипполитъ Александровичъ.
Петровъ—Иванъ Александровичъ.
Петровъ—Константинъ Александровичъ.
Першинъ—Владиміръ Николаевичъ.
Полежаевъ—Александръ Феодоровичъ.
фонъ-Пфейлитцеръ-Франкъ—баронъ Владиміръ Владиміровичъ.
Пышненко—Александръ Петровичъ.
Пѣтуховъ—Эммануилъ Семеновичъ.
Першинъ—Михаилъ Николаевичъ.

Р.

Рейтеръ I-й—Александръ Николаевичъ.
Рейтеръ II-й—Егоръ Николаевичъ.
Росляковъ.

С.

Савченко-Бѣльскій—Александръ Кириллович.
Савченко-Бѣльскій—Сергѣй Максимовичъ.
Сакварелидзе-Бежановъ—Гавріилъ Егоровичъ.
Сердаковскій—Викторъ Діонисьевичъ.
Соболевъ—Петръ Александровичъ.
Стахѣевъ—Александръ Савельевичъ.
Степановъ—Гаспаръ Артемьевичъ.
Степаносянцъ—Бедросъ Богосовичъ.
Сухачевъ—Григорій Григорьевичъ.
Сущевскій-Ракусса—Иванъ Константиновичъ.
Сумбатовъ—князь Давидъ Александровичъ.
Султановъ—Юсуфъ-Али.

Т.

Тапкочевъ—Хасанъ-Мирза.
Терентьевъ—Владиміръ Феодоровичъ.

Терновскій—Алексѣй Трофимовичъ.
Теръ-Асатуровъ—Дмитрій Богдановичъ.
Теръ-Асатуровъ—Никита Богдановичъ.
Тизенгаузенъ—баронъ Петръ Львовичъ.
Тизенгаузенъ—баронъ Орестъ Львовичъ.
Тимофеевъ—Петръ Яковлевичъ.
Ткаченко—Григорій Григорьевичъ.
Ткаченко—Константинъ Григорьевичъ.
Троицкій—Дмитрій Лукьяновичъ.
Туганъ-Барановскій—Иванъ Яковлевичъ.

У.

Убиновъ—Михаилъ Михайловичъ.
фонъ-Унгернъ-Штернбергъ I-й—баронъ Адольфъ Леонардовичъ.
фонъ-Унгернъ-Штернбергъ II-й—баронъ Альфредъ Карловичъ.
фонъ-Унгернъ-Штернбергъ III-й—баронъ Эммануилъ Фридриховичъ.
фонъ-Унгернъ-Штернбергъ IV-й—баронъ.
Устиновъ—Владиміръ Семеновичъ.

Ф.

Федоренко—Борисъ Ивановичъ.
фонъ-Фитингофъ-Шель—баронъ Карлъ Александровичъ.
Фокъ—Алексѣй Викторовичъ.

Х.

Хаментовскій—Азарій Степановичъ.
Хамзаевъ—Забитъ.

Ц.

Церетели—князь Ясонъ Ростомовичъ.
Церетели—князь Платонъ Алановичъ.

Ч.

Чавчавадзе—князь Александръ Александровичъ.

Чавчавадзе—князь Александръ Спиридоновичъ.

Челокаевъ—князь Илья Заaлoвичъ.

Чернышевъ-Кругликовъ—графъ Ипполитъ Ивановичъ.

Чхейдзе—князь Иванъ Семеновичъ.

Чхейдзе—князь Александръ Семеновичъ.

Чхейдзе—князь Петръ Игнатьевичъ.

Ш.

Шанъ-Гирей—Алексѣй Павловичъ.

Шахматульскій—Иванъ Ивановичъ.

Шемаевъ—Павелъ Ивановичъ.

Шепелевъ—Евгеній Феодоровичъ.

Шихаліевъ—Махмутъ.

Шихаліевъ—Али.

Шумаковъ—Дмитрій Львовичъ.

Шелиховъ—Аполлонъ Дмитріевичъ.

Шрейдеръ-Возницкій—Антонъ Михайловичъ.

Э.

Эгадзе—Иванъ Александровичъ.

Энквистъ—Евгеній Вильгельмовичъ.

Эристовъ—князь Константинъ Дмитріевичъ.

II.

Списокъ нижнимъ чинамъ 45-го драгунскаго Сѣверскаго Его Величества Короля Датскаго полка, награжденнымъ знаками отличія военнаго ордена со дня сформированія полка *).

За отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ въ Дагестанѣ въ 1857-мъ г.

Унтеръ-офицеру Василію Иванову . . . . 4-й ст.

*) Кромѣ поименованныхъ въ семъ спискѣ нижнихъ чиновъ, въ полку было много кавалеровъ, прибывшихъ при сформированіи полка.

Унтеръ-офицеру	Гордѣю Познякову.	4-й ст.
—	Князю Дмитрію Церетели.	
Рядовому	Кириллу Войтику	
—	Ларіону Науменко.	
—	Григорію Бѣлоусову	
—	Роману Жилякову.	

Кромѣ того, полку пожалованы восемь крестовъ для раздачи наиболѣе отличившимся нижнимъ чинамъ (имена неизвѣстны).

За отличіе въ дѣлѣ съ горцами 9-го іюня 1858 года, при пораженіи скопищъ Шамиля близъ Ачхоя.

Ст. вахмистру	Степану Лочанинову	3-й ст.
—	Филиппу Шаповалову.	
Юнкеру	Владиміру Иванову.	4-й ст.
Унтеръ-офицеру	Тихону Касьянову	
—	Осипу Чемпилову.	
—	Ивану Дуроченко.	
Рядовому	Афанасію Курилову	
—	Ивану Масленикову.	
—	Якову Никитенко.	
—	Петру Вовнякову.	
—	Адаму Потоцкому.	
—	Василію Бурцеву.	

За отличіе въ дѣлѣ съ горцами 30-го іюня 1858-го года, при пораженіи Шамиля въ акіюртовскомъ ущельи.

Унтеръ-офицеру	Ефиму Короткому.	4-й ст.
—	Пантелеймону Згодѣ.	
Рядовому	Никитѣ Лочинову.	
—	Ефиму Логвинову.	
—	Лазарю Рубанову.	
—	Василію Тюрину.	
—	Семену Игнатьеву.	
—	Фролу Нефедову.	
—	Игнатію Апикѣеву.	

Рядовому	Григорію Соколову	4-й ст.

За отличіе въ дѣлахъ съ горцами въ 1859-мъ году въ Ичкеріи и Аухѣ.

Ст. вахмистру	Егору Кусочкину	
Мл. вахмистру	Гаврілу Тритишину.	4-й ст.
—	Петру Дерлядко.	
—	Василію Курилко	
Унтеръ-офицеру	Филиппу Мордаріеву	3-й ст.
—	Игнатію Леонтовичу	
Рядовому	Ефиму Косыхъ	
—	Ефиму Козлову	
—	Ѳедору Калабухову	4 ст.
—	Андрею Дапшину.	
—	Григорію Модлинскому.	
—	Андрею Чепилѣ.	

За отличіе оказанное при занятіи Согрытлохской переправы въ 1859-мъ году.

Унтеръ-офицеру	Михаилу Чумачкову	3 ст.
—	Филиппу Бѣлокурову.	4 ст.

За отличіе въ разновременныхъ дѣлахъ съ горцами, при покореніи восточнаго Кавказа.

Ст. вахмистру	Степану Лучанинову	2 ст.
—	Ивану Кирютину	
—	Степану Кроловецкому	3 ст.
—	Тарасу Зайченко	
—	Мартыну Сошину	
Квартермистру	Никифору Алексѣеву	1 ст.
—	Ивану Тиханову	
—	Трофиму Куряденко	
—	Трофиму Ананьеву	4-й ст.
Мл. вахмистру	Григорію Гугнину	
—	Семену Дорохову	
—	Ивану Дуроченко	3 ст.

Мл. вахмистру	Василію Гацуцѣ	4 ст.
Унтеръ-офицеру	Алексѣю Кулешу	
—	Александру Глаголеву	
—	Никитѣ Ѳоменко	
—	Евгенію Муракову	
—	Матвѣю Хаминову	
—	Барону Альфреду фонъ-Унгернъ-Штернбергу.	
Трубачу	Афанасію Гоманову.	
Рядовому	Ѳедору Колабухову	3 ст.
—	Афанасію Агафонову.	4-й ст.
—	Сергѣю Кочурѣ	
—	Ефиму Костюку	
—	Пантелеймону Булаху	
—	Тихону Резанову	
—	Вильгельму Штенскому	
—	Матвѣю Симахину	
—	Трофиму Василенко	
—	Лукѣ Мѣшковичу.	
—	Григорію Прокопенко.	
—	Сафулѣ Ягудину	
—	Алексѣю Филатову.	
—	Андрею Фильдшакову.	
—	Григорію Потапову	
—	Антону Чурилову.	
—	Логгину Осадчеву	
—	Ларіону Головину.	
—	Силиверсту Усачеву	
—	Ефиму Чернову.	
—	Ивану Максимову.	
—	Степану Короткому	
—	Григорію Мирошникову	
—	Ѳедоту Томашенко	
—	Григорію Короткихъ	
—	Максиму Гулашкѣ.	

Рядовому	Ефиму Максимову	4-й ст.
—	Капитону Подмареву	
—	Андрею Стрѣкалову	
—	Ивану Скрыльникову	

За отличіе въ дѣлахъ съ горцами адагумскаго отряда въ 1860-мъ и 1861-мъ годахъ, въ Кубанской области.

Ст. вахмистру	Павлу Фанчикову	3-й ст.
—	Филиппу Москаленко	4-й ст.
Юнкеру	Константину Петрову	
Мл. вахмистру	Пантелеймону Згодѣ	3-й ст.
Унтеръ-офицеру	князю Платону Церетели	4-й ст.
—	Николаю Лохвицкому	
—	Михаилу Воронину	
Рядовому	Тарасу Гробовому	
—	Павлу Черкесову	
—	Маркелу Уськову	
—	Михаилу Губенко	
—	Дмитрію Лысаку	
—	Парфену Сыроватскому	
—	Евдокиму Петрухину	
—	Алексѣю Спаскову	
—	Семену Шаломонову	
—	Лукьяну Кальяновскому	
—	Власу Остроушкову	

За отличіе въ дѣлахъ съ горцами въ 1862-мъ и 1863-мъ годахъ, въ Кубанской области.

Ст. вахмистру	Михаилу Чумачкову	2-й ст.
—	Тимофею Иваненко	4-й ст.
Мл. вахмистру	Кузьмѣ Савченко	
—	Ивану Литвинову	
—	Семену Апикину	
—	Халиту Батаршинову	
—	Варфоломею Архипову	

Мл. вахмистру	Артемію Коржевину	4-й ст.
—	Евдокиму Петрухину	3-й ст.
—	Павлу Опошнянскому	
—	Петру Бѣлозерову	
—	Назару Лиморенко.	4-й ст.
Юнкеру	Николаю Колиньи	
—	Владиміру Петерсону	
Унтеръ-офицеру	Семену Дорохову	3-й ст.
—	Семену Бондареву	
—	Ивану Македонскому	
—	Якову Зайцеву.	
—	Ѳедосѣю Ершакову.	
—	Филиппу Молявко..	
—	Александру Абидору..	
—	Ѳедору Пивню	
—	Василію Шиповалову..	
—	Бар. Максимиліану Унгернъ-Штернбергу.	4-й ст.
—	Михѣю Прилѣпо.	
—	Никитѣ Яруцкому	
—	Григорію Котовому	
—	Семену Морозову	
—	Іонѣ Коршунову.	
—	Петру Сушкову	
—	Павлу Одинцову.	
Квартермистру	Трофиму Куряденко	3-й ст.
—	Дмитрію Гусеву	
Штабъ-трубачу	Александру Осиленкеру	
Рядовому	Базилю Ключановскому	
—	Марку Щепотькѣ	
—	Алферу Ломаченко.	4-й ст.
—	Ивану Спаскому	
—	Филиппу Чувалову	
—	Василію Кравцеву	
—	Якову Давичу	
—	Михаилу Проватору	

Рядовому	Венедикту Стрѣльченко	4-й ст.
—	Феофану Торговицкому	4-й ст.
—	Игнату Нежинцову	4-й ст.
—	Кузьмѣ Помареву	4-й ст.
—	Данiилу Солопу	4-й ст.
—	Никитѣ Яценко	4-й ст.
—	Афанасiю Алексѣеву	4-й ст.
—	Касьяну Зашулову	4-й ст.
—	Ефиму Казанову	4-й ст.
—	Роману Зашуйленко	4-й ст.
—	Николаю Иванову	4-й ст.
—	Ивану Давыдову	4-й ст.
—	Федору Михайлову	4-й ст.
—	Кириллу Тихонову	4-й ст.
—	Петру Филоненко	4-й ст.
—	Ивану Воробьеву	4-й ст.
—	Федору Бабкову	4-й ст.
—	Ильѣ Олейничу	4-й ст.
—	Ивану Кривошличенкову	4-й ст.
—	Григорiю Кiянову	4-й ст.
—	Василiю Кунаеву	4-й ст.
—	Якову Кравченко	4-й ст.
—	Антону Коршунову	4-й ст.
—	Ивану Коршѣ	4-й ст.
—	Андрею Безфамильному	4-й ст.
—	Емельяну Ширикову	4-й ст.
—	Дмитрiю Телепову	4-й ст.
—	Максиму Ѳомичеву	4-й ст.
—	Ивану Кузьмину	4-й ст.
—	Тарасу Дмитрiеву	4-й ст.
—	Савелiю Бородину	4-й ст.
—	Петру Дубцову	4-й ст.
—	Елистрату Слабуну	4-й ст.
—	Андрею Пугачу	4-й ст.
—	Тимофею Хлыстову	4-й ст.

Рядовому	Степану Ларину	4-й ст.
—	Семену Вычерѣ	

За отличіе въ дѣлахъ съ горцами при окончательномъ покореніи западнаго Кавказа.

Ст. вахмистру	Тимофею Иваненко	3-й ст.
—	Артемію Коржавину	
Мл. вахмистру	Петру Дерлядко	
Унтеръ-офицеру	Ивану Македонскому	
—	Тимофею Лучкѣ	4-й ст.
—	Леонтію Чупилко	
—	Андрею Корнѣеву	
Рядовому	Тимофею Лысову	
—	Мартыну Бабохину	
—	Алексѣю Александрову	
—	Ивану Рогулину	
—	Гавріилу Щетинину	
—	Ѳедору Сѣрову	
—	Давиду Багаеву	
—	Василію Гаврилову	
—	Нестору Скребецу	
—	Ивану Бѣльченко	
—	Ильѣ Фомину	
—	Ильѣ Подольскому	
—	Петру Матяшу	
—	Гавріилу Калиниченко	
Трубачу	Антонію Тынянскому	

За отличіе въ дѣлахъ противъ турокъ въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1877-го года.

Ст. вахмистру	Николаю Шевелеву	4-й ст.
—	Василію Палагину	
—	Андрею Серебрякову	
—	Алексѣю Ширину	

За отличіе въ разновременныхъ дѣлахъ противъ турокъ и за дѣло у сел. Каныкей 18-го мая 1877-го года.

Мл. вахмистру	Антону Карпенко	4-й ст.
—	Мартыну Бриндзюсу	
—	Арсенію Покладу.	
Унтеръ-офицеру	Василію Асламазову.	
—	Станиславу Тумасанису	
—	Петру Сыромятникову	
—	Павлу Манучарову	
Ефрейтору	Силай Сигареву	
Рядовымъ	Ивану Трейгису	
—	Михаилу Сырицыну	
—	Якову Янковскому	
—	Петру Лишину	
—	Тимофею Клишину	

За отличіе въ дѣлѣ съ турками подъ сел. Araвартаномъ 3-го іюня 1877-го года.

Штабъ-трубачу	Викентію Баранасу	4-й ст.
Унтеръ-офицеру	Пантелеймону Чупринѣ	
—	Нефеду Колесникову.	
—	Ивану Мжедлову	
—	Федосѣю Солдаткову	
—	Феофану Зарембо-Годзіяскому. . . .	
—	Григорію Гамзаеву	
Рядовому	Феликсу Якуцевичу	
—	Павлу Ткаченко	
—	Алексѣю Самсонову	
—	Ивану Печенко	
—	Борису Федоренко	
—	Люціану Розману.	
—	Ѳомѣ Ващенко	
—	Антону Бушману	
—	Измаилу Абдулину	

За отличіе въ разновременныхъ дѣлахъ съ турками и въ дѣлѣ подъ Аравартаномъ 3-го іюня 1877-го года.

Ст. вахмистру	Григорію Новаку	4-й ст.
Мл. вахмистру	Никифору Пустынникову	4-й ст.
—	Власу Обоняеву	4-й ст.
—	Станиславу Горбашевскому	4-й ст.
—	Ивану Дембовскому	4-й ст.
—	Михаилу Цыбуля	4-й ст.
Унтеръ-офицеру	Осипу Рогалеву	4-й ст.
—	Андрею Чекалину	4-й ст.
—	Степану Яковлеву	4-й ст.
—	Никитѣ Федюшеву	4-й ст.
—	Михаилу Джемарджидзе	4-й ст.
—	Устину Свѣтличному	4-й ст.
Рядовому	Алексѣю Дегтярову	4-й ст.
—	Андрею Марцынкевичу	4-й ст.
—	Викентію Подзюнасу	4-й ст.
—	Василію Воронину	4-й ст.
—	Андрею Ткачеву	4-й ст.
—	Ивану Кулишенко	4-й ст.
—	Василію Степаненко	4-й ст.
—	Тихону Съѣдину	4-й ст.
—	Кириллу Кузнецову	4-й ст.
—	Ивану Щербинину	4-й ст.
—	Ивану Горынину	4-й ст.
—	Даніилу Сулдину	4-й ст.
—	Прокофію Сапрейкину	4-й ст.
—	Назимутдину Фаткулину	4-й ст.
Трубачу	Игнату Шибко	4-й ст.
—	Петру Рудницкому	4-й ст.

За отличіе въ дѣлѣ съ турками 13-го августа 1877-го года.

Унтеръ-офицеру	Якову Тимченко	4-й ст.
—	Ивану Шакину	4-й ст.

Унтеръ-офицеру	Тарасу Скурыдину	4-й ст.
—	Митрофану Сергѣеву	
—	Іонѣ Самойлову	
—	Григорію Зенину	
—	Семену Чумакову	
Рядовому	Клименту Хаустову	

За отличіе въ дѣлахъ съ турками въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1877-го г.

Ст. вахмистру	Антону Тубалеву	4-й ст.
Квартермистру	Ивану Данченко	
Унтеръ-офицеру	Степану Сальтевскому	
—	Василію Серьга	
—	Максиму Гура	
—	Фаддѣю Яхневу	
—	Семену Бильбасову	
—	Савелію Глотину	
—	Андрею Контамирову	
—	Дмитрію Андріанову	
—	Ильѣ Павлову	
—	Никитѣ Будкову	
Рядовому	Афонасію Некрасову	
—	Дмитрію Огаркову	
—	Андрею Лысову	
—	Андрею Мишину	
—	Алексѣю Шевченко	
—	Матвѣю Федотову	
—	Ивану Верховыхъ	
Охотнику	Найонъ Дордже-Обше-Гахаеву	

За отличіе въ дѣлахъ съ турками съ 19-го сентября по 4-е октября 1877-го года.

Унтеръ-офицеру	Григорію Кривошей	4-й ст.
—	Ивану Буцевичу	
—	Августину Галинайтису	
—	Якову Щедригину	
—	Осипу Исаакову	

Вольноопредѣл.	Александру Цыклаурову	. . . . . .	4-й ст.
Ефрейтору	Михаилу Малышину	. . . .	
—	Андрею Сѣдыхъ	. . . .	
Трубачу	Юліяну Буржановскому	. . . . . .	
—	Михаилу Василевскому	. . . . . .	
—	Ивану Піореку	. . . .	
—	Тимофею Подоляку	. . . .	
Рядовому	Михаилу Бондаренко	. . . .	
—	Прокофію Вороновскому	. . . . .	
—	Петру Малышеву	. . . .	
—	Даніилу Симакову	. . . .	
—	Нестору Грищенко	. . . .	
—	Лаврентію Войтину	. . . .	
—	Никифору Свирину	. . . .	
—	Григорію Родину	. . . .	

За отличіе въ дѣлѣ съ турками 3-го октября 1877-го года.

Вахмистру	Николаю Шевелеву	. . . .	3-й ст.
—	Василію Палагину	. . . .	
—	Матвѣю Горбачевскому	. . . . . .	
Штабъ-трубачу	Викентію Баранасу	. . . .	
Унтеръ-офицеру	Алексѣю Ширину	. . . .	

За отличіе въ дѣлахъ съ турками съ 17-го по 23-е октября 1877 г.

Унтеръ-офицеру	Кириллу Махницкому	. . . .	4-й ст.
Ефрейтору	Николаю Шишкину	. . . .	
—	Павлу Чепуркину	. . . .	
—	Сидору Козлову	. . . .	
Рядовому	Петру Дроздову	. . . .	
—	Сергѣю Николаеву	. . . .	
—	Филиппу Сопрунову	. . . .	
—	Ѳедору Неговора	. . . .	
—	Федосѣю Еремину	. . . .	
—	Алексѣю Данилову	. . . .	
—	Андрею Масунову	. . . .	

Рядовому	Якову Чернышеву	4-й ст.
—	Василію Тарабарову	
—	Константину Бородину	

За штурмъ крѣпости Карса въ ночь съ 5-го на 6-е ноября 1877 г.

Вахмистру	Николаю Шевелеву	2-й ст.
—	Василію Палагину	
—	Григорію Новаку	3-й ст.
Унтеръ-офицеру	Федосѣю Солдаткину	
—	Ивану Дембовскому	
—	Павлу Яковенко	4-й ст.
—	Андрею Шендрикову	
—	Онуфрію Камисарову	
Ефрейтору	Алексѣю Маршинскому	
Рядовому	Митрофану Тараканову	
—	Прохору Коваленко	
—	Ѳедору Гридневу	
—	Ѳедору Гетманову	
—	Евгенію Корчинскому	
—	Василію Циглевко	
—	Петру Ульянову	
—	Гавріилу Гайдину	

За отличіе оказанное въ разновременныхъ дѣлахъ и перестрѣлкахъ съ турками въ 1877-мъ и 1878-мъ годахъ.

Вахмистру	Николаю Шевелеву	1-й ст.
Трубачу	Игнату Шибко	2-й ст.
—	Осипу Фальтинскому	4-й ст.
Унтеръ-офицеру	Никитѣ Федюшеву	3-й ст.
—	Ивану Борцову	4-й ст.
Ефрейтору	Архипу Колесникову	
Рядовому	Трофиму Амельченко	

III.

Списокъ штабъ и оберъ-офицеровъ 45-го драгунскаго Сѣверскаго Его Величества Короля Датскаго полка къ 10-му мая 1884-го года.

Чины, имена, отчества и фамиліи.	Отмѣтка.
Полковникъ.	
Александръ Ивановичъ Ситниковъ.	Командиръ полка съ 25-го іюля 1882 г.
Подполковники:	
Адамъ Соломоновичъ Коргановъ.	Помощникъ командира полка.
Князь Вартанъ Таріеловичъ Микеладзе.	Тоже.
Маіоры.	
Петръ Сергѣевичъ Арсеньевъ.	Командиръ 5-го эскадрона.
Платонъ Феодоровичъ Гоппе.	Завѣдываетъ въ полку хозяйствомъ.
Петръ Яковлевичъ Батіевскій.	Командиръ 2-го эскадрона.
Ротмистры.	
Василій Васильевичъ Ивковъ.	
Григорій Григорьевичъ Ткаченко.	Командиръ 6-го эскадрона.
Владиміръ Николаевичъ Аксентьевъ.	Командиръ 3-го эскадрона.
Князь Иванъ Семеновичъ Чхейдзе.	Командиръ 1-го эскадрона.
Кн. Константинъ Георгіевичъ Микеладзе.	Командиръ 4-го эскадрона.
Штабсъ-ротмистры.	
Артемій Варламовичъ Манучаровъ.	
Викторъ Діонисьевичъ Сердаковскій.	Ком. въ С.-Петер., въ офиц. кавал. школу.

Василій Константиновичъ Колчинъ.	Тоже въ С.-Петербургѣ.
Персидскій принцъ Абдулъ-Самедъ-Мирза.	Полковой казначей.
Сергѣй Еліазаровичъ Дыдымовъ.	Начальникъ полковой учебной команды.
Баронъ Орестъ Львовичъ Тизенгаузенъ.	
Поручики.	
Владиміръ Семеновичъ Устиновъ.	Полковой адъютантъ.
Кн. Дмитрій Ростомовичъ Абашидзе.	Завѣдываетъ въ полку оружіемъ.
Петръ Егоровичъ Арешевъ.	
Персидскій принцъ Али-Кули-Мирза.	
Владиміръ Николаевичъ Акимовъ.	Орд. при ком. войск. кавк. воен. округа.
Корнеты.	
Альбертъ Альбертовичъ Дюмбте.	Въ С.-Петер. въ инстр. отдѣлѣ.
Николай Андреевичъ Богословскій.	Завѣдываетъ мастерскими.
Павелъ Давидовичъ Манучаровъ.	
Семенъ Константиновичъ Колчинъ.	Дѣлопроизводитель полковаго суда.
Вартанъ Матвѣевичъ Бегуловъ.	
Алексѣй Ильичъ Козинъ.	
Петръ Яковлевичъ Тимофеевъ.	
Эдуаръ Оттомаровичъ Берингъ.	
Петръ Игнатьевичъ кн. Чхейдзе.	
Сергѣй Ивановичъ Абаносимовъ.	
Петръ Александровичъ Соболевъ.	
Александръ Өеодоровичъ Полежаевъ.	
Михаилъ Николаевичъ Першинъ.	

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка. Сверху.	Строка. Снизу.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
9	9		7-го, 8-го и 9-го	7-го и 8-го
64		15	въ 1850-мъ году	съ 1850-го года
133	18		от-	
362	16		кабинетъ,	кабинетъ.